Мир приключений

Мир приключений

Детгиз · 1962

АЛЬМАНАХ

Мир приключений

КНИГА СЕДЬМАЯ

Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам!

В. Шекспир, Гамлет

Государственное Издательство Д
Министерства Просвещения
Москва 1962

Редакционная коллегия:

К. К. Андреев, И. А. Ефремов,
А. П. Казанцев, М. М. Калакуцкая,
И. М. Кассель, Л. Д. Платов,
Н. В. Томан.

Александр
Казанцев

Внуки Марса

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН

Книга первая
ПЛАНЕТА БУРЬ

Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам!

В. Шекспир, Гамлет

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЕСТРА ЗЕМЛИ

Глава первая

ТАЙНА ЖИЗНИ

Откуда взялся у человека мозг?

Откуда и почему появился вдруг у сравнительно слабого голого, двуногого существа этот изумительный орган, давший ему всепобеждающую способность мыслить, чего лишены все остальные обитатели Земли?

Почему столь чудесным свойством обладает самое молодое на Земле существо, которому нет и миллиона лет, которое рождает самых неприспособленных к жизни детенышей и все-таки неизмеримо возвысилось над животным миром?

Конечно, человека создал труд, но почему ископаемый череп первобытного охотника почти не отличается от черепа современного рабочего, мозг ученого — от мозга дикаря?

Странно, что именно эти вопросы привели профессора Илью Юрьевича Богатырева на межпланетный корабль «Знание», сделали его звездолетчиком и командиром международной космической экспедиции.

Летя в Космос, ученый думал о Человеке, о тайне его рождения, о вершине земной эволюции, которую до сих пор рассматривали лишь в масштабе одной планеты. А сколько их, таких планет, где эволюция может идти своими путями! В одной нашей Галактике насчитывают полтораста миллиардов солнц! Пусть, как считают, лишь у одного из миллиона светил есть планета, движущаяся не по вытянутой траектории, не слишком убегая в глубины вечного холода, не слишком приближаясь к испепеляющему солнцу, пусть на миллион

планетных систем приходится лишь одна планета с условиями, близкими к земным, — все равно в одной только нашей Галактике таких миров будет сто пятьдесят тысяч, не говоря уж о сестре Земли — Венере...

И полуседой исполин с тяжеловатыми, но правильными чертами лица, запустив руку в густую темную, словно оправленную в серебро бороду, часами в «кромешной тишине», как любил он говорить, всматривался в колючую россыпь немигающих разноцветных светил, этих бесконечно далеких очагов атомного неистовства материи, дарящих окружающим мирам лучистое тепло, первое из начал Жизни...

Жизнь возникает всюду, где условия ей благоприятствуют, где вода не всегда камень или газ, но и жидкость, где в атмосфере есть кислород для созидательных процессов горения, где налицо простейшие химические материалы для удачных комбинаций молекул, перешагивающих грань между мертвым и действующим, где среди мириадов канувших в небытие попыток осталось, запечатлелось, продолжило существование только такое содружество клеток, которое уже стало первым организмом, знающим обмен веществ и постоянную смену зим и весен, дня и ночи, смерти и жизни.

У этого содружества клеток было столько же шансов появиться, сколько у любого другого, но все прочие не оставили следа во времени, и только этот один, первый организм мог жить, существовать и, что самое главное, давать жизнь. И как среди миллионов ответов на вопрос есть только один верный, так и этот первый организм был выбран не слепым случаем, а безошибочной логикой развития, *потому что остался в потомстве.* А оставшись, он лег в фундамент тысячеглавого Храма Жизни, лестницы которого ведут в несчетные башни развития. Их ступени высечены смертельной борьбой за право жить в поколениях, все более совершенных, более приспособленных. От формы к форме, от вида к виду ведут эти ступени, разветвляясь, поворачивая то вбок, то вверх, поднимаясь и в башни рыб и пресмыкающихся, и в башни птиц и насекомых. Но особенно широкие, великолепные ступени приводят в самую величественную надстройку, увенчанную высочайшей и неприступной башней с куполом, под которым разместился чудесный человеческий мозг.

Одиноким стволом среди трав и кустарников вознеслась эта гордая башня до самого неба, до мерцающих звезд. Но нет на ее лестнице целого марша ступеней. Лишь где-то внизу соединена она с неизмеримо более низкой башенкой обезьян, которые оспаривают сходство своего скелета с человеческим у... лягушек.

Великий Дарвин, разгадавший в тумане поиска строгую архитектуру грандиозного здания Естественного Отбора, мысленно заполнял недостающие ступени в «башне Человека», иной раз не высеченные в камне истории, а хитро отлитые из гипса современности, как это было со знаменитым пилтдаунским черепом доисторического человека, ловко сфабрикованного безвестным и бессовестным знатоком. На эти же более низкие ступени биологического развития ошибочно ставил Дарвин и современных нам дикарей, не подозревая в то время, что взятый из каннибальской деревни чернокожий ребенок, получив европейское образование, закончив Кембриджский или Оксфордский университет, становится ученым, ибо мозг его обладает теми же возможностями, что и мозг юного английского лорда.

Современник Дарвина, одновременно с ним пришедший к теории естественного отбора, Альфред Рассел Уоллес, статью которого о принципах эволюции всего живого Дарвин получил, уже двадцать пять лет работая над все еще не опубликованной им теорией видов, первый обратил внимание на необъяснимую пропасть, отделяющую человека от остального животного мира. Это Уоллес задал вопрос: «Откуда взялся у человека мозг?», имея в виду скачкообразное количественное и качественное отличие мозга человека от мозга остальных животных. Во всем согласный с Дарвином в отношении эволюции живых существ, Уоллес склонен был сделать для человека исключение, объяснив непостижимо быстрое его развитие божественными силами.

Дарвин темпераментно отвечал Уоллесу: «Нет, нет и нет!» — но располагал в ту пору недостаточными доказательствами.

Доказательств и в наше время мало, однако наука ищет их, они должны быть!

Палеонтолог и антрополог профессор Богатырев, конечно, был законченным и убежденным материалистом, он не только отвергал божественное вмешательство в формирование прямостоящего двуногого

Земле — это целая симфония незаметных звуков, шорохов, скрипа, далекого лая собаки или шум поезда, стрекотание кузнечиков в траве, потрескивание мебели...

Из Космоса в кабину не долетало и не могло долететь никаких звуков.

Илья Юрьевич, непривычно хмурый, отяжелевший, слышал только тиканье часов. Оно разрывало ему сердце. Никогда он не думал, что тиканье может быть столь громким, кричащим, горестным...

Наконец он поднял голову, оглядел товарищей.

— Тяжкое горе, друзья, тяжкое... — сказал он, яростно закручивая на руке привязанный ремень. — Удар метеорита... и нет больше товарищей наших...

Алеша отвернулся, не хотел, чтобы видели его глаза.

Добров перебирал перфорированные карточки для математической машины. На виске его билась жилка.

— По-человечески не представить ничего горше, — продолжал низким басом Илья Юрьевич, — а все же не только в этом беда.

Добров поднял голову, положил на пульт карточки, аккуратно пристегнув их пружинкой.

— Расчет прост, — скрипуче сказал он. — Теперь только два корабля... — Голос его сорвался.

Илья Юрьевич пристально посмотрел на него:

— В том и горесть.

Добров заговорил сухо, отчужденно:

— «Программа, пункт второй. Инструкция, пункт седьмой. В случае невозможности оставить на орбите спутника два корабля с запасами топлива на обратный путь для всех трех от спуска на планету воздержаться». Ни нам, ни американцам теперь на Венеру не спуститься. — И, отстегнув ремни, он решительно встал с кресла; его магнитные подошвы щелкнули.

Алеша обернулся.

— Это что же! — гневно сказал он. — Товарищей наших потеряли... за сто миллионов километров до самой Венеры добрались... И теперь повернуть назад? Нет! Не бывать тому!

Илья Юрьевич грустно посмотрел на Алешу. Добров поморщился.

— Осторожность — сестра расчета, — продолжал он. — Ограничимся проверкой выводов автоматических станций. На Венере есть что разведать и через облачный покров.

— Что верно, то верно, — задумчиво подтвердил Богатырев.

— Уточним период вращения — раз, изучим атмосферу и влияние на нее Солнца — два, составим радиолокационный глобус Венеры — три... Исследуем магнитное поле — четыре, выверим полюса — пять...

— Не будьте арифмометром, Роман Васильевич! — прервал Алеша. — Все это уже делали и могут делать автоматы. Их выводы вы уточните, и только. Лететь в Космос нужно было во имя Земли... во имя тайн ее развития, а чтобы открывать — надо видеть!..

Добров пожал плечами.

Алеша резко повернулся к Илье Юрьевичу, тело его напряглось, вытянулось, голос прозвучал глухо:

— Илья Юрьевич... прошу вас... По инструкции в случае невозможности посадки разрешается использовать планер.

— Для спуска универсального автомата, — напомнил Добров.

— К черту автомат! Пустите вместо него меня! — выпалил Алеша.

Богатырев нахмурился.

— Планер не возвращается, Алеша, — внушительно сказал он.

— Я знаю, — проговорил Алеша и глотнул воздух. — Мне вовсе не просто решиться... Но ведь врачи во имя науки прививали себе чуму. Пусть я останусь на Венере, но я сообщу по радио все, что увижу. Опишу формы жизни. Может быть, выживу до новой экспедиции. Я очень прошу. Мне нужен только планер...

Илья Юрьевич встал. В соседней радиорубке звучал зуммер.

— Земля! — сказал Добров.

Алеша бросился к пульту и включил репродуктор.

Сквозь шум и треск космических помех раздался далекий голос. И, потому что для всех троих в этом голосе зазвучало все родное, оставленное, бесконечно далекое и бесконечно желанное, звездолетчики замерли, боясь пошевельнуться.

— Внимание! В Космосе! Сектор Венеры! Сектор Венеры! Слушай, «Знание»! «Просперити»! Говорит Земля. Передает Луна. Скорбим вместе с вами. Верим в вас. Выходите по плану на орбиты спутников. Сообщите характер повреждения метеоритной пылью защитных слоев кораблей.

Сможете ли без ущерба для здоровья дождаться «Искателя-семь», который в случае необходимости вылетит к вам через две недели?

Голос выжидающе замолк.

На Земле ждали ответа. Более трехсот секунд пробудет в пути радиолуч.

— «Искатель-семь», — прошептал Алеша. — Он прилетит через пять месяцев...

В репродукторе зловеще шуршало, словно ворочался кто-то невидимый, притаившийся, обвившийся вокруг корабля.

Добров кивнул в сторону репродуктора:

— Вот он, Космос, выдает себя. Все вокруг пронизано излучениями...

— Да, — подтвердил Богатырев, — в Космосе бойся невидимых бурь, не только летящих скал. Когда-нибудь метеориты фотонным лучом будут уничтожать, а пока...

— А пока смертоносные лучи за пять месяцев сквозь пощипанную защиту уничтожат здесь все живое, — договорил Роман Васильевич.

Алеша оживился, почти обрадовался:

— Илья Юрьевич, так позвольте, я сообщу сейчас об этом Земле! И то, что вы... позволяете мне... — добавил он, умоляюще смотря на Богатырева.

Илья Юрьевич подошел к Алеше, провел рукой по мягким его волосам и сказал:

— Эх, Алеша, Алеша!.. Буйная ты голова!..

Глава вторая

ШЕДЕВРЫ ЛОГИКИ

В грузовом отсеке космического корабля «Просперити» стоял планер. Со сложенными крыльями, с выступающей застекленной кабиной он напоминал фюзеляж маленького скоростного самолета.

На свободном месте между планером и картонными ящиками с консервами стоял командир «Просперити» инженер Аллан Керн, сухой, жилистый человек с длинным лицом, холодными голубыми глазами и коротко остриженными усами. Он уже знал о несчастье, но, не меняя распорядка дня, занимался гимнастикой: натягивал резиновые тяжи, приседал, глубоко дышал, откидывая назад руки, поднимая грудь.

В грузовой отсек вошла Мэри Стрем, радистка корабля и астронавигатор, девушка спортивного склада, с решительными движениями, с гордо посаженной головой и острыми, но приятными чертами лица.

— Мистер Керн, — звонко сказала она, — мистер Богатырев запрашивает ваше мнение.

— Прошу извинить. Еще два упражнения, — ответил Керн, вытягивая в сторону ногу.

Мэри Стрем нахмурилась, неодобрительно глядя на шефа, и горько сказала:

— Не все теперь могут придерживаться расписания... В последний раз в час радиосвязи я говорила с ними... шутила...

— Шутить в Космосе не место, — сухо отрезал Керн, свертывая резиновые тяжи. — В их положении вполне могли оказаться и мы.

Мэри Стрем пожала плечами и пропустила начальника вперед.

Рубка управления «Просперити» была похожа на кабину советского корабля, но спланирована по-иному. Пульт стоял не впереди, перед креслами, а, разделенный на две части, занимал боковые стены, передняя стена была сплошным окном, в котором виднелась звездная россыпь в непросветной темноте. Отчетливо ощущалось, какие звезды ближе, какие дальше. Знакомые созвездия как-то не воспринимались из-за того, что составлявшие их звезды казались словно в разных плоскостях.

При появлении Аллана Керна с кресла, отстегнув ремни, поднялся второй пилот корабля, известный американский астроботаник Гарри Вуд. Он выглядел бы атлетом, если бы не был так угловат и нескладен. Большие руки фермера и грубоватое загорелое лицо не вязались с «учеными» очками.

— Сэр, прошу вас... Если есть хоть малейшая возможность... Побывать на Венере — цель моей жизни.

— Вы думаете, что главная наша цель — это подтвердить вашу славу астроботаника? Нащупал с Земли радиолокатором на Венере какую-то растущую дрянь и получил национальную премию!..

— Только здесь и можно доказать, что я не зря получил.

— Мелко берете, Гарри! Я предпочел бы заглянуть в недра планеты! Добраться до них мне важнее, чем повидать никчемные папоротники.

— Значит, сэр, не все еще потеряно?

— Я сам хочу задать этот вопрос, —

сказал Аллан Керн, усаживаясь в кресло и поворачиваясь лицом в угол.

— Будить это страшилище! — гневно воскликнула Мэри. — В такую минуту?

— В такую минуту нам нужна безупречная электронная логика, — невозмутимо ответил Керн и, пристально глядя в одну точку, стал четко и размеренно произносить: — Семь... двенадцать... девять... Хэлло! Джон! Проснитесь!..

В углу кабины в позе египетского фараона, положив руки на колени, сидел железный человек. Его металлический панцирь напоминал латы рыцаря-гиганта. Он повернул шлемовидную голову и уставился на Керна двумя выпуклыми, как у рака, глазами-объективами.

Где-то в глубине окошечка на груди мягко разгорелся красноватый свет. Мигнул и засветился зеленый сигнал. Из отверстия в голове, прикрытого железной решеткой, раздалось шипение, треск, потом послышался неприятный металлический голос:

— Да, сэр!..

Возмущенная Мэри Стрем отвернулась.

Керн в упор смотрел на робота. С ним он связывал все свои личные расчеты освоения планеты Венеры. Робот был сделан гениальным, как привык говорить Аллан Керн, Томасом Керном, родным его братом, знаменитым кибернетиком, истратившим все состояние на это детище своего ума. Разочарованный, он умер в нищете, завещав брату, астронавту, своего Железного Джона. Именно на иных мирах могли проявиться все необычайные способности робота, безразличного к окружающим условиям. Колония роботов могла разрабатывать бесценные богатства планет при любой силе тяжести, при любой температуре, в любой атмосфере или без нее. Им, по мысли и Томаса и Аллана Керн, принадлежало будущее в освоении Космоса.

— Прошу вас, уважаемый Джон, — почтительно произнес мистер Керн. (Чудаковатый Томас спрограммировал кибернетическое устройство робота так, чтобы он реагировал лишь на вежливое обращение.) — Прошу вас решить уравнение: два корабля с известными вам запасами топлива... Требуется спустить на поверхность шестерых и поднять хотя бы пятерых для возвращения на Землю.

— То есть как это — пятерых? — порывисто обернулась Мэри, пронзительно смотря на Керна.

Керн поднял руку:

— Пять мужчин со средним весом по сто восемьдесят фунтов, — уточнил он.

— Мужчин! — воскликнула Мэри. — А я?

— Вы останетесь в Космосе, — небрежно бросил через плечо Керн.

— Шестым спустится Джон, — шепнул Гарри Вуд.

Мэри была вне себя от негодования. Она заговорила вполголоса, угрожающе:

— Превосходно! Свою чертову куклу вы собираетесь взять, а меня оставить сторожить вам топливо на обратный путь!.. К дьяволу, сэр! — Она тряхнула головой. — Не для того мой отец субсидировал экспедицию, — напомнила она, вскинув подбородок.

Керн раздраженно повернулся к ней.

— Вы уже достаточно использовали его доллары, — зло сказал он, — включив в экспедицию и своего жениха и себя.

— Это бессовестно, шеф! Гарри заслужил полет на Венеру исследованиями ее растительности, а я... я, кажется, тоже доказала свою пригодность для космического полета.

Керн усмехнулся. Мэри вызывающе смотрела на него. Она всегда была уверена в своей правоте, в себе, считала, что не знает страха. Она бывала в прериях и носилась там на необъезженных лошадях, она специально ездила в Мексику, где смуглые юноши прыгали за деньги с непостижимой высоты в бурное море... Ей захотелось заставить себя тоже прыгнуть. И она прыгнула... О ней писали газеты, а она лежала в больнице. Но она все-таки прыгнула. А потом встретился Гарри, повстречался на горной дороге, по которой она неслась в автомобиле. Она чуть не сшибла его, держащего пучок трав, собранных для гербария. Она великолепно затормозила, милостиво оставив его существовать. Так, по крайней мере, сказал он ей тогда, шутливо преподнося свой нелепый букет. Но она оценила букет не за редкие травы, а за то, что это был букет от него... Взбалмошная, она заставила его ехать вместе с собой. Правда, править на горной дороге он предпочел сам, слишком уж она демонстрировала свое бесстрашие. А когда они добрались до города, она уже считала, что не сможет жить без этого насмешливого увальня, который был прелестно «себе на уме». И тут выяснилось, что он рассу-

ждает о своем участии в экспедиции на Венеру, как о новом походе за травами на горный перевал... Потерять Гарри, который так счастливо нашелся на крутом повороте, Мэри не собиралась. Она готова была быть с ним всюду и... принялась за радиотехнику и астронавигацию. Она блестяще сдала экзамены, она умела добиваться своего. Конечно, на третье место в американской части экспедиции было сорок тысяч претендентов, два места были давно обеспечены за летавшим уже на спутниках и на Луну Алланом Керном и за американским последователем советского ученого Гавриила Тихова, лауреатом Национальной премии по астроботанике Гарри Вудом, предположившим существование на Венере гигантских форм растительности типа флоры каменноугольного периода Земли... Остальное действительно сделали деньги мистера Стрема, не умевшего ни в чем отказывать дочери, правда оговорившего права своей компании на новой планете.

— Конечно, — саркастически сказал мистер Керн, — экзамен на астронавигатора вы выдержали, но предстоит вам экзамен более серьезный.

— Остаться в этой космической одиночке? Не выйдет! Собираетесь взять с собой робота? Так он останется здесь, я сама задам ему программу. А я спущусь вместе с вами, вместе с Гарри! — вызывающе добавила она.

— Что ж, — усмехнулся Керн, — если вы во всем согласны поменяться судьбой с Джоном...

— Мистер Керн имеет в виду, что... шестому, то есть Джону, придется остаться там... внизу... — шепнул Вуд.

Мэри вздрогнула.

— Я с бóльшим удовольствием оставил бы там мисс Стрем, чем это несравненное чудо техники, с которым нам сейчас надо советоваться.

— У вас электронный мозг, шеф! — чувствуя свое поражение, крикнула Мэри.

— Польщен. Электронное мышление украсило бы любого министра, оно безошибочно. В связи с этим разрешите мне продолжать. Итак, почтенный Джон, прошу вас... без ошибки.

Человекообразная машина Железный Джон была и на самом деле чудом современной техники. Ее электронный мозг с пятью миллионами запоминающих ячеек вмещал несметное количество понятий, составляющих людские знания в важных для космического обихода областях. Робот Джон не только переводил с русского языка на английский и говорил на обоих языках, вполне грамотно и литературно отделывая фразы, но и мог безупречно логически мыслить, ставить перед собой задачи и решать их, выбирая наивыгоднейшие решения. Конечно, он делал это, находя ответ в сотне тысяч вариантов, которые с тупой педантичностью машины бездумно перебирал. Но скорость этого механического мышления электронных схем была столь молниеносной, что он успевал сделать до миллиона попыток в секунду и выбрать самое острое и самое верное решение. Железный Джон обладал и завидными электрическими мышцами, и емким энергетическим источником, работающим на ядерных превращениях.

Машина думала... Электрические процессы, грубо подобные биотокам человеческого мозга, совершали невидимую титаническую работу. У машины не было интуиции, вдохновения, светлого прозрения, но она отыскивала затерянный на морском берегу бриллиант, перебирая весь песок до последней песчинки.

Наконец робот щелкнул, повернул глаза-объективы к мистеру Керну и безучастным голосом доложил:

— «Знание» спустит на Венеру: мужчин — трех. Планер спустит: мужчин — двух, роботов — одного. «Знание» поднимает: мужчин — пять, роботов — ноль.

— О'кэй! — сказал мистер Керн.

— «Знание» получит все горючее «Просперити», — продолжал робот. — «Просперити» останется спутником Венеры и сгорит на девятьсот семьдесят четвертом обороте.

Мэри с ужасом посмотрела на бесстрастную машину, словно произносившую приговор, но не перебила ее.

— «Знание» доставит к Земле, — звучал металлический голос: — мужчин — пять, женщин — одну, роботов — ноль. Для посадки на Землю получит горючее на орбите спутника Земли.

— Великолепно! — воскликнул мистер Керн. — Я полагаю, что командор оценит это блестящее решение и согласится на некоторую тесноту на своем корабле. Готовы ли вы, мистер Вуд, спуститься со мной и Железным Джоном на планере?

— Я полагаю, мистер Керн, что риск в Космосе — это норма поведения, но... — Гарри посмотрел на Мэри.

Она стояла, опустив голову. Он подошел к ней, положил ей на плечо свою огромную руку.

— Уверен, — сказал он: — чтобы остаться здесь одной, нужна бóльшая решимость, чем... для того, чтобы спуститься всем вместе...

Мэри подняла глаза.

— Я не знаю, — сказала она, — от кого потребуется больше. Я была готова ко всему, кроме этого... Если я не сойду с ума...

— Член экипажа, — прервал ее Керн, — нужен на «Просперити» в здравом уме, чтобы с орбиты спутника поддерживать с русскими связь, пока мы не сядем на планере вблизи них.

— Не беспокойтесь, выдержу! — почти гневно заверила Мэри.

— Мэри... Спасибо! — Гарри Вуд сжал ее руку выше локтя.

Мэри прильнула к стеклу, за которым сверкало солнце. Ей казалось, что она решилась сейчас спрыгнуть с небоскреба.

Но нужно было идти в радиорубку передать мнение «Просперити» командору.

Глава третья

ПЛАНЕТА ТАЙН

Край исполинского оранжевого шара заслонил в окне радиорубки почти все звездное небо.

Как завороженный, смотрел на него Алеша.

Чуть расплывчатые, золотились на солнце неземные горные хребты. Они напоминали гребни штормовых волн, взметнувшихся и застывших.

Гребни наплывали, становились резче, передвигались, заметно меняясь, превращаясь то в клубы взрывов, то в башни замков; закрученные смерчами, вздымались колонками, между которыми просвечивали красные пропасти, иногда ослепительно вспыхивающие светом вольтовой дуги.

Вечные облака Венеры! Когда-то и Земля была окутана таким же ватным одеялом облаков...

Вот они, непроницаемые, ядовитые облака, казалось, исключающие возможность существования жизни на планете. Впрочем, так ли это? Аммиачные или метановые, они плывут на огромной высоте. Внизу могут быть совсем иные условия. Что это за красные сверкающие вспышками пропасти?

Астрономы по ничтожным косвенным данным старались решить вопрос о жизни на планете.

Высказывались самые различные предположения. Некоторым казалось, что Венера во всем подобна Земле, находится в зоне Жизни. Однако радиоастрономы одно время высказали очень пессимистические взгляды. Температура на поверхности Венеры оказалась по их измерениям около 300° С!.. При такой температуре на планете не могло быть не только жизни, но даже воды. Объяснить такую высокую температуру на поверхности Венеры было очень трудно, она казалась крайне странной. Ведь почти такая температура существует лишь на обращенной всегда к Солнцу поверхности Меркурия (400° С), а Венера много дальше, к тому же защищена облаками...

Советский астроном Н. А. Козырев еще в 1961 году высказал предположение, что радиоастрономы измеряют температуру не на поверхности Венеры, поскольку ионизированный слой венерианской атмосферы в шесть раз активнее земного и не пропускает радиоизлучений. Температура 300° С относится именно к этому ионизированному слою. Как известно, в земной атмосфере есть слои, где температура в ее условном понимании, как характеристика теплового движения молекул газа, достигает 700° С. Правда, такая «земная» температура отнюдь не вяжется с представлением о «жаре», поскольку плотность газа с такой температурой ничтожна. Что же касается поверхности Венеры, то Козырев, как и другие астрономы (в частности, Барабашов), считал, что там температура в пределах 30—50° С.

Расходились мнения и о воде. В противовес мнению радиоастрономов другие астрономы склонны были полагать, что поверхность Венеры залита сплошным водным океаном.

А жизнь? Ведь именно в морях появились на Земле первые живые клетки, они превращались потом в организмы, а те цепко приспосабливались, совершенствовались и размножались...

Однако возможно, что покрывающий Венеру океан состоит вовсе не из воды, а из углеводородов.

Океан нефти!..

Но ведь на Венере, близкой к Солнцу, атмосфера, конечно, перенасыщена электричеством. Страшные, не прекращающиеся грозы с чудовищными молниями, удары которых видны даже сквозь непроницаемый слой туч, сразу же зажгли бы океан нефти...

Зажгли?.. Если бы там был кислород!.. Кислорода в атмосфере Венеры долгое время не находили. Лишь в 1960 году там был обнаружен (в верхних слоях атмосферы) атомарный кислород, что позволяло подозревать существование кислорода в большем количестве и у поверхности планеты. Углекислота же обнаруживалась, и даже в количестве большем, чем на Земле. Столько на нашей планете было лишь в каменноугольный период, когда выброшенные вулканами газы позволяли бурно развиться гигантской растительности. Сотни миллионов лет пополняла живая зелень земную атмосферу кислородом, способствуя появлению новых жизненных форм.

Но есть ли подобная растительность на Венере?

Подлетая к Венере, исследователи убедились, что температура на поверхности Венеры скорее допускала существование жизни, чем исключала ее. 300° С действительно нужно было отнести к ионизированному слою атмосферы, но о том, что происходило на скрытой всегда слоем туч поверхности, судить все еще было трудно.

Еще изучая Венеру с Земли, пытливые умы пытались проникнуть мысленным взором сквозь загадочную пелену.

Основоположник астроботаники Г. А. Тихов считал пробивающиеся сквозь пелену туч Венеры красноватые лучи не чем иным, как отражением света растительностью. На Венере очень тепло, и растительность ее не нуждается в тепловой части солнечного спектра, она должна отражать красные и инфракрасные лучи.

После Тихова астроном Н. А. Козырев изучал весь спектр отраженного Венерой света и обнаружил «провал» в фиолетовой и ультрафиолетовой его части. Венера поглощала огромное количество энергии, возможно, благодаря фотосинтезу растений.

К такому выводу пришли и американские ученые, строя баланс энергии Венеры. Ничем иным, кроме существования на ней растительности, нельзя было объяснить «захват» солнечной энергии, обнаруженной при составлении баланса.

Два космических корабля, американский и советский, летели теперь над самой Венерой. Звездолетчики видели колеблющиеся хребты ее взлохмаченных туч, но были пока не ближе к разгадке тайны жизни на ней, чем далекие астрономы.

Проблема жизни на планетах солнечной системы была темой кандидатской диссертации Алеши. Его руководитель профессор Богатырев содействовал включению своего ученика в экспедицию на Венеру.

У Алеши Попова было достаточно к тому оснований. Вместе с Богатыревым он участвовал в лунной экспедиции, его исследование лунной плесени показало ее чудовищную способность развития в земных условиях, сделав лунные плантации на Земле вполне реальными.

Подсказал ему тему все тот же Илья Юрьевич. Он вообще незаметно во всем руководил Алешей, человеком необычайно и опасно разносторонним. Четыре года назад окончив университет, Попов, обладая сильным драматическим тенором, решил стать оперным певцом. Но, занявшись музыкой, вдруг обнаружил, что может писать прелестные вальсы и песни, чем и занялся с упоением, сразу добившись известности не меньшей, чем имел до этого в живописи, которую не бросал. Он писал и пастелью и маслом, любил и портреты и пейзажи. Однако пейзажи так захватывали его, что он бросал кисть и отдавался природе, которую чувствовал и знал.

Он способен был с самого рассвета под проливным дождем бродить по лесам, собирая грибы — в этом искусстве Алеша не имел себе равных... Или плавать на лодке по речушкам и тихим озерам...

У него были еще и золотые руки, он занимался радиолюбительством с мальчишеских лет, в студенческие годы работал техником по телевизорам, и сам своими руками сделал для личной «библиотеки» «машину памяти» с миллионом запоминающих ячеек, превратив ее в портативный справочник по нужным ему отраслям знаний.

Еще раньше он сделал себе карманную «машину памяти» и применил «электронную шпаргалку» во время экзаменов в университет, предварительно записав в ее

устройство все ответы на экзаменационные билеты.

После экзаменов он честно признался в этом и поставил приемную комиссию в щекотливое положение. Однако ее члены сочли, что студент, способный создать такой аппарат, не менее ценен, чем тот, кто ответил на экзамене. Некоторые профессора утверждали, что высшее образование, кроме общей культуры специалиста, прежде всего дает уменье пользоваться справочниками, и даже позволяли студентам заглядывать в книги на экзаменах, как в жизни, утверждая, что воспользоваться этим смогут лишь знающие.

Но Алеша поступил не на технический, а на биологический факультет. Окончательный выбор между музыкой и биологией помогла сделать романтика Космоса, раскрытая перед Алешей Богатыревым. Илья Юрьевич видел беду в опасной, как он говорил, разносторонности Алеши, не редкой среди русских людей, — иные столь щедры во всем, что порой не становятся никем.

Благодаря Илье Юрьевичу Алеша стал звездолетчиком, биологом и радистом корабля «Знание», способным в случае нужды заменить других членов экипажа. За долгое время пути он часто пел в своей радиорубке перед микрофоном. Его слушали не только Илья Юрьевич и Роман Васильевич, но и американцы на «Просперити», и звездолетчики «Мечты»...

«Мечта»...

До мельчайших подробностей помнил Алеша все, что было потом.

Запросив по радио мнение американцев, Илья Юрьевич вызвал Романа Васильевича и Алешу, чтобы посоветоваться с ними.

Он сидел тогда в магнитном кресле, притягивавшем костюм, ссутулившись, словно на корабле была не невесомость, а тройная тяжесть взлета. Широко расставив массивные колени и упершись в них руками, он невидящим взором смотрел в угол кабины.

Роман Васильевич, пощелкивая магнитными подошвами, расхаживал по кабине и ругал американское предложение:

— Авантюра! Не предусмотрено никакими инструкциями! Пожертвовать еще одним кораблем!.. Пойти на риск двойной перегрузки «Знания»! Выбросить даже запасы кислорода и приборы...

Алеша запальчиво перебил его:

— Наши глаза на Венере заменят многие приборы!

Добров продолжал:

— И мыслимое ли дело спускаться на планере, предназначенном для одного лишь робота! Что это? Безумие?

— Скорее отвага, — ответил Алеша.

Роман Васильевич остановился перед Богатыревым:

— Как же ты сам думаешь, Илья?

— Думаю — не зная броду, не суйся в воду.

— Верно думаешь! — обрадовался Добров.

— Значит? — тревожно спросил Алеша.

— Значит, мнения таковы, — подвел итог Илья Юрьевич. — По Алешиному — надо немедленно, очертя голову, бросаться на американском планере в пучину туч. По Роману же получается — поворачивай вспять, покружив у планеты...

— И как же? — повысил голос Алеша.

— И не эдак, и не так. В воду сунемся, но... прежде брод узнаем. Это значит сперва, как предлагал Роман, станем спутниками Венеры и хорошенько изучим ее: не сплошной ли на ней океан или пустынный материк, покрытый пеплом вулканов, где и жизни еще нет?

— Этого не может быть! — не выдержал Алеша.

— Все возможно, — ответил Илья Юрьевич. — Так вот. Когда с помощью радиолокации получим первый глобус Венеры, наметим, где моря, где суша, когда выберем место для посадки, тогда выбрасывай кресла и койки пилотов, все, кроме нашего зверинца, и готовься к посадке на «Знании». Именно знание, одно знание доставим мы на Землю.

Роман Васильевич пожал плечами:

— И зачем ты только мнение людей спрашиваешь, Илья?..

— А разве в мое решение не вошло мнение каждого?

— Это замечательно, Илья Юрьевич, что вы так решили! — бросился к Богатыреву Алеша. — Позвольте мне вас обнять!

— Что я тебе, девица, что ли? — с притворной суровостью отстранился Богатырев. — Поищи ее на новой планете.

— И найду! — смеялся Алеша. — Разумную жизнь обязательно на Венере обнаружим. Только бы спуститься!..

Ракета настолько снизилась, что касалась вихревых языков тумана. Окна на мгновение становились розовыми, потом снова раскаленными остриями в них заглядывали звезды и огромное косматое Солнце.

Корабль пронизывал облачные горы, вставшие на его пути, оказывался над глубокими ущельями, снова врезался в розовую толщу, свет мерк и вспыхивал опять, когда в бездну проваливались красные долины облаков.

В кабине становилось все жарче. Алеша обливался пóтом. Очевидно, стенки ракеты раскалились от трения о воздух. Добров экономил горючее, стремился затормозить сопротивлением атмосферы.

Корабль вошел в сплошную массу облаков.

Алешу вдавило в кресло. Это Роман Васильевич включил все-таки дюзы, притормозил. И вовремя, иначе изжарились бы!..

В кабине зажглось электричество, за окном стояла красная ночь.

В радиорубку вошел Богатырев и погасил лампочки.

Нет! За окном была не красная ночь, а красный день!..

Внизу расстелились снежные поля с ватными холмами, отливавшими румянцем.

Вверху сквозь дымку облаков просвечивало немыслимо огромное багровое Солнце, как во время заката на Земле, только еще более красное, совсем медное... На него можно было смотреть.

Внизу виднелась не поверхность планеты, а новый слой облаков.

Алеша чувствовал появившуюся тяжесть, она приятным чувством бытия разливалась по всем членам, заставляла радостно ощущать их. Он невольно напрягал мышцы, совсем отвыкшие от настоящей ходьбы за месяцы полета... Недаром мистер Керн так упорно настаивал на непрестанной гимнастике. И зря Алеша, занимаясь с резиновыми тяжами, всегда ворчал...

За окнами понеслись белоструйные потоки. В кабине стало не так жарко. Алеша вытер пот с лица и улыбнулся.

Илья Юрьевич возился с анализаторами. Показания станций-разведчиков подтверждались. Слой ядовитых облаков пройден. Белые облака, как и ожидалось, насыщены водяными парами! Водные океаны, а не нефть, не море углеводородов внизу. Не мертвая планета, а жизнь в негаданных формах встретит там исследователей!..

В атмосфере, кроме углекислоты, оказалось много азота, кислорода же обнаружилось мало. Но внизу станции-разведчики показали его больше! Радуйся, Гарри! Есть там растительность, есть!

Корабль вынырнул из белых облаков.

И сразу же обрушился урагач. Исполинскую ракету тряхнуло так, словно вдруг заработали боковые дюзы. Богатырев ударился о спинку кресла, Алеша вылетел на пол, — не послушался, не привязал себя ремнями! Один только Добров прочно сидел на месте, как влитый, вцепившись руками в рычаги управления. Лицо его окаменело, на голом черепе выступили капли пота.

Алеша подумал об американцах, которым предстоит пройти бешеную атмосферу на планере!.. Какие же они все-таки смельчаки!.. Вставая, встретился взглядом с Ильей Юрьевичем. Он, конечно, думал о том же.

Алеша ухватился обеими руками за раму иллюминатора.

Внизу алел новый слой облаков... красных и серебристых.

Так это не облака! Это поверхность планеты! Суша!.. Красная суша... материк, покрытый красноватой растительностью!..

— Эй, Гарри Вуд! Слышишь нас? — бросился Алеша к радиоаппаратуре.

Лица Вуда и Керна еще виднелись на телевизионном экране сквозь темные полосы помех.

Алеша включил «телевизионный глаз», чтобы на «Просперити» тоже увидели поверхность планеты.

Вуд закивал головой, заулыбался.

— Она красная, твоя растительность! — кричал Алеша. — Именно такой представлял ее твой учитель Гавриил Андрианович Тихов! Но что это серебристое?

— Это море, — гулко отозвался Илья Юрьевич. — Вода серебристая... или такой кажется сверху... Игра света.

Телевизионный экран совсем закрылся темными полосами.

— Полная «непроходимость» радиоволн, — угрюмо заметил Добров.

— Как же они радиопеленг услышат? — забеспокоился Алеша.

— Пойдут к квадрату «семьдесят», где мы сядем. Снизятся, услышат, — невозмутимо заверил Илья Юрьевич.

Алеша успокоился.

Он упивался невиданным ландшафтом.

Добров вел ракету к берегу морского пролива. На горизонте дымились вулканы. Остроконечные конусы выбрасывали фонтаны дыма, расплывавшегося зонтами.

— Эх, Мэри, Мэри!.. А мы с тобой надеялись, что тепловое пятно — это «их город»...

Багровое пятно солнца падало на горную цепь. Исследователи «влетали» в вечер.

Илья Юрьевич решил приземлиться на границе дня и ночи, где должно быть меньше бурь...

Ракета прошла низко над вулканом. Пепел окутал ее тьмой, потом внизу сверкнуло раскаленное жерло и огненные реки по склонам. Потом снова серебрящаяся, отливающая медью вода.

И лес! Отчетливо различимый сейчас лес, кровавые его заросли на берегу!

Алеша вскочил и, подняв руку вверх, торжественно крикнул:

— Слава Жизни, вечной и вездесущей! Она есть здесь, есть! К посрамлению чванливых невежд, считающих себя единственными избранниками Природы, а Землю — центром Вселенной! — Он бросился к микрофону и закричал: — Гарри! Гарри! Черт бы побрал эту непроходимость волн! Это папоротники! Честное же слово, папоротники! Походят на пальмы, листья тюльпанами...

Алешу било, как в лихорадке. Он, всю жизнь убежденный в том, что на других планетах есть жизнь, сейчас боялся, что его разбудят...

Добров не стал садиться на морском берегу. Кто знает, какие здесь штормы или вызванные ураганом приливы. Лучше укрыться на лесной поляне.

Илья Юрьевич указал ему рукой вниз.

Оба они совершенно не думали о величии открытого ими мира, а буднично выбирали место для посадки.

Скалистые выходы на болоте. Пожалуй, можно рискнуть. В крайнем случае тотчас взлететь.

Реактивные двигатели ревели... Это был могучий рев земной техники!

Ракета вертикально опускалась.

Толчок. Ракета накренилась в сторону. Добров готов был дать «газ», но ракета еще раз качнулась на выставленных лапах и замерла.

Дым, поднятая пыль и пар окутывали корабль.

— Приехали, ребята! — сказал Богатырев, притопывая ногой. — Венера!

— Венера... — почти шепотом повторил Алеша, чувствуя, что все тело его словно налилось свинцом.

Тяжесть составляла здесь 0,85 земной, но Алешу после долгой невесомости она не угнетала, а радовала, вливала энергию, жажду деятельности, силу.

Добров вытирал платком влажный череп. Илья Юрьевич улыбнулся ему, молча поблагодарил.

В отсеке «космического зверинца» лаяла Пуля.

Дым и пар рассеялись. Исследователи прильнули к окнам.

Стелился туман, надвигалась темнота. Чужая природа словно пряталась от пытливых глаз.

Гигантские красноватые стволы, голые и гладкие, без ветвей, колоннами тянулись вверх. Там они распускались темными шатрами. Травы под ними не было. Вместо нее узлами переплетались змеевидные корни. А между стволами протянулись... сети?

Алеша так и замер. Сети! Искусно сплетенные сети!

Но ученый подавил в нем мечтателя. Это были лианы, цепкие, обвивавшиеся вокруг стволов, сплетенные замысловатой вязью. Чаща казалась непроходимой.

До боли в глазах всматривался Алеша, стараясь увидеть хоть какое-нибудь движение.

Но надвигалась тьма. Скоро все исчезло... Засветились огоньки и в лесу и на болоте. Если бы не они, тьма была бы полной. Обитатели Венеры никогда не видят ни звезд, ни солнца...

Алеша выжидательно взглянул на Илью Юрьевича.

— Подожди, — сразу понял его Богатырев. — Роман, включи наружные микрофоны.

Алеша замер. В ушах его стучала кровь.

И вдруг сразу, без перехода, в кабину ворвалась волна звуков, жуткой симфонией грубо захватила, подавила...

Удаляющийся, скачущий грохот громыхающей колесницы или сорвавшейся ла-

вины камней сменился близким воем. Потом прозвучал пронзительный писк и крик боли, надрывный, хриплый. И вдруг захлопали крылья...

Пулька отчаянно визжала и царапала переборку.

Добров хотел включить прожектор, но Илья Юрьевич остановил его.

Теперь слышалось уханье, ровное, размеренное.

Алеша ухватился за спинку кресла. Неужели машина?

Послышался треск словно раздираемой на части ткани и сразу — нарастающий свист, замерший на предельной высоте.

Потом мелодичная нота, другая, третья... Пение? Алеша посмотрел на Илью Юрьевича расширенными глазами.

Тот отрицательно покачал головой.

Добров зажег прожектор.

И сразу замолкло все, словно выключили микрофон, замерло, притаилось.

Только собака жалобно повизгивала в своем отсеке.

Ослепительный свет вырвал из тьмы ближние стволы исполинских папоротников и почему-то ставшую теперь белой сеть лиан. Змеи корней словно застыли в борьбе, оцепенели.

В чаще отраженными огоньками засверкали злобные звездочки... И никакого движения.

Алеша не смог справиться с дрожью, а Добров деловито докладывал Богатыреву, что температура снаружи резко упала с 57° С до 31° С.

«Вот это чудесно! — мысленно воскликнул Алеша. — Чего лучшего желать для развития жизни? Кислород у поверхности есть, как и ждали. Правда, его втрое меньше, чем на Земле, но он есть. И, быть может... Дышат же альпинисты на горных вершинах!.. Но разве позволит Илья Юрьевич выйти из ракеты без шлемов!.. Слово будет за вараном, голубем и Пулей...»

Богатырев пристально посмотрел на Алешу, на Доброва и объявил:

— Утро вечера мудренее... и на Венере.

«Спать? — ужаснулся Алеша. — Разве можно спать на чужой планете в первую ночь? Конечно, нельзя!»

Алеша слышал, как ворочался в своем откинутом «зубоврачебном кресле» Илья Юрьевич. Снаружи доносились приглушенные звуки. Должно быть, выл ветер. Животные беспокойно возились в своем отсеке... Алеше казалось, что ракета вздрагивает от ураганных порывов, но скорее всего она лишь пружинила на посадочных лапах и стояла прочно... стояла на венерианских скалах.

Осознать все это было попросту невозможно.

И не только Алеше...

Илья Юрьевич все думал, думал о Венере, все пытался уверить себя, что он уже на ее поверхности, и вдруг поймал себя на том, что думает о Земле... Не венерианские гигантские папоротники вставали перед ним, а тихий сосновый бор. И даже смолистым запахом словно пахнуло откуда-то, и не чужой резкий ветер, а свой, земной ветерок распушил бороду, — и где-то в деревне, совсем как Пулька, лаяла собака...

Тропинка спускалась к пойме реки Истры, про которую Илья Юрьевич пел своему внучонку: «Наша речка течет колечком, несется быстро, зовется Истра...» А двухлетний Никитенок с размаху влетал в воду, визжал и колотил по воде ручонками, вздымая брызги. Противоположный берег реки был крутой, заросший лесом, всегда в тени...

На Венере же... то есть тут... тени не жди. Никогда здесь не выглянет солнце. Хоть бы уж скорее взошло...

И Илья Юрьевич, кряхтя, перевернулся на другой бок, потом внезапно сел и засмеялся.

Алеша и Роман Васильевич тотчас поднялись. Они не спали.

— Что, братцы, не спится на чужой планете?

Алеша встал и прижался лбом к совсем теперь холодному стеклу. И сразу отпрянул.

За окном шел дождь. Обыкновенный земной дождь...

Дождевые капли были совсем обычные, частые-частые... Они собирались в ручейки и стекали по стеклу, скрывая лесные огоньки... Совсем как на лобовом стекле автомобиля. Эх! Стеклоочистителей не предусмотрели конструкторы!

Алеша обернулся:

— Илья Юрьевич, можно спеть?..

— Пой, — засмеялся Богатырев. — Как же не петь, ежели на Венеру сели.

Глава пятая

БЕШЕНАЯ АТМОСФЕРА

Мэри не могла оторвать от пола магнитные подошвы. Надо было передать шефу приказ командора... В репродукторе, разрывая сердце, звучал радиопеленг, призывная советская песня, служившая сейчас для Мэри сигналом разлуки.

Проход в грузовой отсек, где Керн и Вуд возились с планером, загородил Железный Джон. Мэри относилась к нему со смешанным чувством удивления, неприязни и протеста.

— Попрошу вас, Джон, посторонитесь, пожалуйста, — вежливо попросила она.

Робот, включенный на внешние реакции, тотчас отодвинулся, скользнул по лицу Мэри холодным взглядом рачьих глаз, щелкнул и проскрежетал:

— Прошу вас, леди.

Аллан Керн нервно обернулся на голос робота.

Мэри протянула ему бланк с радиограммой командора.

— Помолимся господу богу, — сказал Керн, вынимая молитвенник, и выключил робот. — Это его не касается...

Пока Керн бубнил молитвы, робот стоял безучастный, с потухшими глазами.

Мэри придвинулась к окну. Она отыскала во мраке Космоса голубенькую звездочку, самую теплую, самую яркую, самую красивую, и язычески молилась ей, молилась о Гарри и о себе, об их счастье, которое найдут они, вернувшись на эту милую звезду, чтобы никогда уже не покидать ее...

Аллан Керн захлопнул молитвенник и несколько секунд простоял молча. Он мысленно говорил со своим покойным братом, пуритански воспитавшим его без родителей, привившим ему аскетическую сдержанность, философию выгоды и сдержанность дельца. Он вспоминал мальчишеское увлечение свирепой игрой регби, презрение к танцам, ярким галстукам и автомобильным поездкам с модно растрепанными девицами, уважительную ненависть к богатым удачникам и исступленную учебу — в колледже, в университете, на космодроме... И всегда твердую, направляющую руку Томаса, учившего жить среди волков. Аллан Керн говорил сейчас обо всем этом с братом и был уверен, что тот слышит его...

Мэри отвернулась от окна и тоже молча говорила... с Гарри. Они прекрасно «слышали» друг друга.

Гарри неуклюже притянул к себе Мэри и поцеловал ее между бровей. Всю силу воли собрала Мэри, чтобы не разрыдаться.

Керн отвернулся.

— Джон, прошу вас занять место в планере. И вас, Гарри, также, — торопливо пригласил он.

Мэри должна была выйти из отсека, пол которого сейчас раскроется.

Сколько девушек провожало милых на войну! Сколько жен бежало за стременем или за подножкой вагона! Сколько рыбачек, стоя на скалах, смотрели в штормовую даль! Но Мэри казалось, что никогда ни у кого не было такого всепоглощающего горя, как у нее. Чтобы горе это, острое и неумолимое, подобно ножу гильотины, упало на нее, от Мэри требовалось повернуть красный рычаг...

Мэри вышла из грузового отсека, кусая губы, закрыла герметическую дверь. Окаменев, смотрела через круглое оконце, как Керн, а потом Гарри и, наконец, робот забрались в кабину планера, как прозрачной пластмассовой полусферой закрыли кабину сверху. Они еле разместились там в страшной тесноте.

Планер походил на стрелу. Отогнутые назад маленькие крылья сверкали, как оперение.

Гарри старался рассмешить Мэри, строил ей забавные рожи, показывал пальцами, как они будут шагать там, внизу...

Все внутри Мэри застыло, онемело, а она... улыбалась Гарри.

Мистер Керн посмотрел на нее и вдруг тоже улыбнулся. Это было так непривычно, что у Мэри словно оборвалось что-то...

Она поняла его улыбку, как последний приказ, и рванула на себя красный рычаг.

Пол тотчас разделился на две створки, и планер с людьми и человекообразной машиной провалился, исчез.

Мэри показалось, что она своей рукой уничтожила их, но она поборола себя и бросилась в радиорубку.

В репродукторе уже звучал голос Гарри:

— Хелло, Мэй, — так только наедине звал он ее. — Я вижу наш корабль со стороны. До чего же он красив в полете! Вам должно быть очень приятно летать на таком скакуне.

На пульте радиорубки среди циферблатов специально для Мэри было вмонтировано овальное зеркало. Мэри видела свое скованное лицо, холодные глаза, побледневшие щеки и... катящиеся по ним слезы.

— Хэллоу, Гарри! — весело крикнула она в микрофон. — Вам должно быть тоже приятно лететь на нашем кондоре!

Планер пронизывал розовые облака. Гигантское солнце затуманилось красноватой дымкой.

Керн и Вуд надели колпаки скафандров и стали похожи на невозмутимого робота.

Гарри злился на себя за то, что раскис, прощаясь с Мэри, словно испугался того, что ждет внизу. Недоставало только, чтобы шеф заметил это! «Когда находишься в кабине вместе с двумя человекоподобными роботами...» — непочтительно подумал Гарри и улыбнулся.

— Кажется, вы держитесь молодцом? — прозвучал голос Керна в шлемофоне.

— Я подумал, как трудно в шлеме протирать очки, — отозвался Вуд.

Спустя некоторое время, понадобившееся электронной машине для «осознания» услышанного и выбора из миллиона ответов наиболее правильного, робот сказал:

— Очки лучше всего протирать замшевой тряпочкой, в условиях нормальной температуры, со снятым шлемом.

Гарри наградил электронного мыслителя таким взглядом, что можно было порадоваться за машину, реагирующую только на слова...

Планер вынырнул из красного тумана.

Гарри портативной кинокамерой снимал чужой мир и вспомнил знакомый сказочный мир закатных облаков, на которые мечтательно глядел еще в детстве, удравши с фермы в поле, мир воображаемых замков, оранжевых великанов, летящих драконов с кровавыми крыльями, бездонных колодцев с запрятанными в них солнечными кладами.

Керн искусно вел планер. Робот бездействовал, поблескивая равнодушными стеклами объективов.

— Температура крыльев повысилась до красного каления, — бесстрастно сообщил он. — Необходимо охлаждение. Если нет — крылья разрушатся, планер встретится с твердой поверхностью при скорости 3,69 мили в секунду. Это не обеспечит: сохранности моих механизмов, существования пассажиров и выполнения заданной программы.

Робот был всегда включен на самосохранение, и его логические построения были безошибочны. Впрочем, Керн и сам уже сделал нужные выводы и пустил в крылья жидкий гелий, чтобы охладить их.

Планер мчался как будто в кипящем молоке. Мимо проносились вытянутые пузыри и дымчатые шарфы.

Аппарат тормозился только сопротивлением воздуха, и кабина сильно нагрелась, несмотря на охлаждение жидким гелием. Однако Керн и Вуд, одетые в скафандры, не страдали от перегрева, а робот был равнодушен к жаре.

Облака Венеры находились на огромной высоте, спираль торможения, которую вычислял еще удивительный русский ученый, провидец Циолковский, проходила в их толще. Гарри Вуд никак не мог дождаться, когда же планер вырвется из мутного тумана и они увидят наконец поверхность планеты, ее необычайные красноватые леса...

Планер, обойдя несколько раз вокруг планеты и постепенно снижаясь, должен был уже выйти на заданный квадрат «70» материка. Но суша не показывалась. Туман темнел, из молочного превратился в серый, потом в бурый, наконец в черный.

Впереди сверкнула молния. Робот дернулся. Керн с тревогой посмотрел на него. Новая молния полыхнула совсем близко. Робот затрепетал, но не произнес ни слова.

Планер трясло, колотило, кидало, как гоночный автомобиль, сорвавшийся с бетонного шоссе.

От непрестанных молний кабина залита была словно огнем электросварки.

Невесомость уже давно исчезла, но Гарри внезапно почувствовал, что снова теряет вес, как в падающем лифте. В следующее мгновение он ощутил двойную, даже тройную тяжесть. Такой качки не бывает и в океане в любой шторм. Проклятье! Гарри не знавал морской болезни, но даже ему стало не по себе. Он едва успел протянуть вперед руки и упереться в железную спину дрожавшего от электрических разрядов робота.

Планер падал в бездну носом вниз.

— Радость дьяволам! — воскликнул Керн, с трудом выводя машину из штопора. — Я слишком возгордился, понадеяв-

шись на себя. Попрошу вас, Джон, занять мое место. Переключаю вас на автопилотирование в оптимальном режиме.

Гарри заметил, что лицо у шефа покрыто мелкими каплями пота.

Робот, продолжая вздрагивать при каждой вспышке молний, послушно перебрался на место пилота.

Математическая машина учла скорость ветра, его направление, шквальность, перепады давлений и температур, восходящие и нисходящие потоки, закономерное расположение воздушных ям и пропастей, она прокладывала капризно-извилистую и наилучшую трассу полета среди беснующихся атмосферных волн, обходя их невидимые гребни, минуя бездонные провалы. И все же...

Стремительные потоки терзали планер, подбрасывали его, низвергали с воздушных обрывов, разламывали его о почти твердые вихри тумана, крутили в дьявольском Мальстриме венерианской бешеной атмосферы... Никакой пилот не спас бы летательный аппарат. Только изумительная электронная машина, с субсветовой скоростью нечеловеческого мышления высчитывавшая каждое движение, могла управлять им.

Гарри не знал, где низ, где верх, где свет, где тьма... И вдруг он увидел над головой крутящиеся красные круги. Он закрыл глаза — круги исчезли. Снова открыл — появились.

Заросли Венеры! Он летел над ними вниз головой!..

Робот искусно вывел планер из мертвой петли, с помощью которой он избежал удара о поверхность планеты.

Обманутый ураган разъяренным быком в хмельной ярости нес разодранный в клочья плащ вулканической пыли. А внизу трепетала пестрая, опасно близкая лента зарослей...

Над нею летели не то животные, не то растения... с раскоряченными корнями — щупальцами, цепляясь за вершины еще не вырванных деревьев. Неужели это уродливые чужепланетные перекати-поле? И они приспособились в борьбе за существование, перелетая с места на место в сумасшедшем краю немыслимых бурь?

Внизу, в прогалине, вороненой сталью сверкнула русская ракета.

Железный Джон безучастно доложил:

— Скорость ветра — сто двадцать три мили в час. Плотность атмосферы по отношению к земной — три и две десятые. При посадке могут быть повреждены мои механизмы. Ищу другое место.

— Свалите на автомобильное кладбище вашу чертову куклу! — крикнул Гарри.

— Бог послал нам ее за наши молитвы, — ответил Керн.

Ракета «Знание» исчезла.

Вместе с тучами песка и пепла буря прижимала планер к зарослям, грозя разнести в щепы.

Деревья сменились волнами. Их пенные гребни словно хватались за планер. Ртутно тяжелыми ударами били они в утесы и, казалось, раскачивали их.

Планер пролетел над морским проливом, порой пронизывая сорванную с гребней пену.

Промелькнул склон вулкана. Планер бреющим полетом мчался над ним.

Робот докладывал железным голосом:

— В воздухе можно пробыть пятьдесят семь секунд. Возможна посадка: на воду, на деревья, на болото. Шансы на гибель: сто процентов, восемьдесят шесть процентов, шестьдесят два процента. Выбрано болото.

Гарри не успел ничего сообразить. Внизу мелькнули исполинские веера листьев, острые скалы, кочки, лужи... Одно крыло задело за камень и отлетело. Фюзеляж покоробился и встал почти вертикально. Аппарат зарылся носом в тень и стал медленно погружаться.

Керн откинул пластмассовую полусферу:

— Скорее! Во имя бога, черта или бизнеса! Планер тонет!

Астронавты выскочили из машины, увязнув по колено в грязи. Это была грязь чужой планеты, они ступили на Венеру, но никто из них даже не подумал об этом.

— Радость дьяволам! Погибло все! Джон не покинет планера, пока включен на автопилотирование! — исступленно кричал Керн.

Гарри флегматично полез в утопающую кабину, но выпрыгнул обратно проворнее. За ним следом, скрежеща об алюминиевую обшивку, неуклюже выбирался робот. Он сразу завяз в топкой почве.

Нечеловеческим напряжением вытащили его астронавты на кочку. Он смирно стоял на ней. Керн, опустившись на колени, счищал с его ног липкую грязь, а Гарри мрачно наблюдал, как засасывает болото изуве-

ченного серебристого кондора. Осталось только хвостовое оперение с полосами американского флага. Вот и оно исчезло.

В луже долго вздувались и лопались пузыри.

Глава шестая

МИНУВШАЯ ЭРА

Флагманский корабль экспедиции стоял на Венере.

Люди впервые за историю человечества достигли другой планеты. Они ощущали ее непривычную тяжесть, слышали ее непонятные звуки, дождались ее несветлого утра, но не увидели иного мира. Венера словно спохватилась и, по-прежнему загадочная, закуталась мглой густого тумана.

— Прямо как в Лондоне! — покачал головой Илья Юрьевич.

Алеша вспомнил Лондон, куда приезжал с докладом о лунной плесени. Лондон запомнился ему как город «частных крепостей», зонтиков и желтых огней. В «частных крепостях» — в собственных домах, которыми пышно именовались уныло-однообразные трех- четырехэтажные секции кирпичных строений, — лондонцы жили не «по горизонтали», как все люди, а «по вертикали». Из комнаты в комнату не переходили, а поднимались по лестницам, как в башне маяка. Зато у каждой крепости был свой подъезд, совершенно одинаковый с соседним, с теми же неизменными ступеньками, но самодовольно выкрашенный в свой особенный цвет, отчего разделяющая подъезды колонна порой получалась двухцветной, а несколько квадратных ярдов стриженной «под машинку» травы у тротуара считались собственным садом. Зонтики, как шутил Алеша, отличали лондонцев от амфибий, позволяя «разумным млекопитающим» существовать в воде, которая окружала их остров морями, низвергалась на их остров дождями и поднималась с их острова туманом. Желтые огни на улицах, желтые фары автомобилей, подобные желтым кошачьим глазам, позволяли лондонцам видеть в тумане, как в темноте...

А еще лучше желтых лучей пронизывают туман лучи инфракрасные, невидимые. Об этом подумал сейчас Алеша, но не успел сказать Илье Юрьевичу, потому что ход мысли у обоих, очевидно, был одним и тем же.

Илья Юрьевич уже сидел за инфракрасным перископом.

Жестом он подозвал Алешу и уступил ему место у окуляров:

— Садись-ка в «машину времени».

Алеша, взволнованный и нетерпеливый, прильнул глазами к мягкому эластичному козырьку, коснувшемуся его бровей, тотчас отпрянул, словно обжегся, и опять жадно приник.

В дымке тумана, как в толще воды, виднелась исполинская расплывчатая тень с напоминающим горный кряж хребтом, с длинной вытянутой шеей и волочащимся могучим хвостом...

Живое существо! Типичный ящер минувших земных эр!..

Добров, экономя энергию, выключил инфракрасный прожектор, и «допотопное видение» исчезло.

Алеша вскочил, бросился к Илье Юрьевичу:

— Вы видели? Видели? Это же диплодок!

Богатырев, запустив руку в густую бороду, задумчиво кивнул:

— Иначе и не могло быть. Венера — сестра Земли... младшая.

Алеша и Добров прекрасно поняли, что он имел в виду. В тройке планет солнечной «зоны жизни» — Венера, Земля, Марс — Венера была «младшей» не потому, что появилась позже, а потому, что остывала дольше своих собратьев. Первым охлаждался и терял атмосферу наиболее удаленный от Солнца Марс. Обладая наименьшей из трех планет массой, он не имел силы удержать стремящиеся улететь от него частицы атмосферы и водяных паров. Он первым из трех планет потерял «ватное одеяло» сплошных облаков, сохранявшее собственное тепло планеты, его первородные океаны начали остывать, и в них неизбежно должна была зародиться Жизнь, когда Земля и Венера были для этого еще слишком горячи. И появившаяся в марсианских океанах Жизнь должна была из-за их высыхания выйти на сушу задолго до того, как это случилось на Земле. Живые организмы на Марсе вынуждены были приспосабливаться к условиям, меняющимся быстрее по сравнению с земными, и потому лестница эволюции на Марсе могла оказаться длиннее, чем на Земле, там можно было бы ожидать...

Впрочем, Богатырев всегда хранил молчание о том, чего можно было ожидать на Марсе. Алеша подозревал, что у Ильи Юрьевича по этому поводу есть невысказанная гипотеза, но какая, он не знал.

Венера по сравнению не только с Марсом, но и с Землей отставала в развитии: до сих пор не потеряла сплошного облачного слоя, находилась ближе к Солнцу, остывала много медленнее, и на ней вполне можно было встретить древнюю земную эру. Вот почему не удивился Богатырев ни папоротникам, ни даже ящеру. Не удивился, но, конечно, был взволнован, хотя и старался это скрыть, говоря Алеше:

— «Машина времени»... Мы перенеслись в далекое прошлое Земли, хотя...

Алеша вопросительно посмотрел на Илью Юрьевича.

— Сходные пути развития естественны, — продолжал тот, — но... они могут быть не единственными.

— Значит, на Венере, чего доброго, увидим то, чего никогда не было на Земле? — воскликнул Алеша.

Богатырев кивнул.

— Илья Юрьевич! Дорогой! Ну позвольте же выбраться...

— Не терпится взглянуть? Давай спросим Романа, закончил ли он стерилизацию.

— Стерилизация! Это покажется странным многим... Бояться чужих миров — это еще туда-сюда, а беречь Венеру от «земной опасности» — это...

— Это наш долг, — договорил за Алешу Илья Юрьевич. — Вспомним о первой ракете, принесшей советские вымпелы на Луну. Ее заботливо дезинфицировали даже перед стартом в казавшийся мертвый мир. А здесь... Кто знает, какой вред венерианскому миру принесли бы мы, не приняв мер против микробов, которые можем неосторожно занести с собой. Представь, как размножатся они и набросятся вдруг на чужую, незащищенную от них природу!

Алеша остановился у окна, силясь невооруженным глазом разглядеть в тумане «доисторическую тень», но рассмотрел лишь влажные камни внизу.

— Поднимается туман! Поднимается! — обрадованно крикнул он.

Добров, пятясь из соседнего отсека, принес в охапке скафандры, которые облучил гамма-лучами и промыл антисептическим раствором.

— Ну, братцы, — сказал Богатырев, — сядем, по древнему русскому обычаю, поразмыслим...

Алеша сел, проникшись торжественностью минуты.

Выпущенная из зверинца Пулька ласково терлась о его колени.

Кошка Мурка осталась в зверинце и не отходила от своих пригвожденных к полу котят. Рожденные в космическом полете, они не могли теперь даже ползать.

— Роман, оружие! — скомандовал Богатырев. — Алеша, готовь автоматическую метеостанцию. С ее монтажа начнем. Пулька! За мной! Пойдем за населением ковчега.

Туман приподнялся, окутывая ракету чуть выше посадочных лап.

Богатырев, Алеша и Добров вышли в радиорубку, которая временно превращалась в воздушный шлюз.

С ними вместе было и население зверинца, все, кроме кошек. Собака боязливо повизгивала.

Белых мышей Илья Юрьевич держал на ладони. Ящерица забилась под пульт. Голубь сидел у Алеши на плече.

Дверь в кабину плотно закрыли. Добров деловито отвинчивал барашки люка, ведущего на Венеру.

Исследователи, одетые в скафандры со шлемами, походили на водолазов.

Воздух Венеры, более плотный, чем в кабине, со свистом врывался снаружи в щель приоткрытого люка.

Собака первая услышала свист и навострила уши.

Алеша и Илья Юрьевич переглянулись.

Добров наблюдал за вараном. Ящерица тяжело дышала, как после быстрого бега.

На лайке шерсть встала дыбом, и собака жалась к Алешиным ногам. Голубь замахал крыльями, но остался на Алешином плече.

Мыши вытянули лапки и недвижно лежали на огромной ладони Ильи Юрьевича. Люк еще полностью не открылся, а они уже издохли.

Пулька легла на пол. Бока ее провалились.

Люк открылся. Внизу виднелись черные камни, острые и мокрые.

Алеша взял собаку на руки. Добров захватил два гранатных ружья и автомат. У Ильи Юрьевича был другой груз...

Он стал спускаться первым, отыскивая ногой ступеньки алюминиевой лестницы.

Было видно, как он коснулся камней, стал на влажную почву и тяжело опустился на колени.

Алеша и Добров понимающе переглянулись.

Русский ученый Богатырев стал на колени на чужой космической земле, словно хотел выразить уважение к неведомой природе и взволнованность ступившего на нее человека.

Но Богатырев не просто стал на колени, он еще и нагнулся, словно в земном поклоне... Но он не касался лбом земли, а заботливо рыхлил ее совком, разгребал руками.

Спустившийся за ним следом Добров стоял, как на часах, с одним гранатным ружьем в руках, с другим ружьем за плечами и с автоматом на шее. Он охранял Богатырева.

Илья Юрьевич сажал на другой планете растения Земли.

Спрыгнувший с последних ступенек лестницы Алеша спустил тяжело дышавшую собаку и стал выкапывать лопатой ямки.

Первые посланники Земли посадили на Венере четыре растения: тополь, кипарис, кактус и бамбук, и четыре зернышка: пшеницы, кукурузы, винограда и риса...

Илья Юрьевич поднялся с колен, выпрямился во весь свой огромный рост, одной рукой обнял за плечи Алешу, другой — Доброва.

— Ну вот!.. Здравствуй, Земля-вторая! Принимай искателей! — сказал он.

Собака встала, обнюхивая почву, сделала несколько шагов и ткнулась носом в ногу Богатырева.

— А ведь дышит, дышит! Жива наша Пулька! — сказал Богатырев, потрепал собаку по загривку и посмотрел вверх.

Туман улетал лохматым облаком, обнажив островерхую ракету и вершины папоротников.

Почти невидимые в летящей дымке, над лесом проносились крылатые существа.

Добров сменил гранатное ружье на автомат и настороженно поглядывал на опасные облака:

— А ну, Алеша, пусти-ка в полет голубка нашего. Что он у тебя на плече отсиживается?

Алеша взял в руку голубя. Казалось, он дышал совсем нормально. Черные бусинки глаз у него поблескивали. Это был самый обыкновенный сизый голубок.

— Ну, лети, вестник мира! — сказал Алеша и подбросил голубя.

Голубь сначала затрепетал и поднялся по вертикали почти к облакам. Потом стал махать крыльями медленно, совсем не по-земному, не по-голубиному, скорее как летящая над волнами чайка. Плотная атмосфера позволяла ему парить. Он стал кружить вокруг ракеты.

Исследователи с интересом следили за ним.

И вдруг черной молнией вырвался из низкой тучи крылатый зверь с оскаленной зубастой пастью и на миг закрыл голубя перепончатым крылом. Потом почти упал на камни, взмыл над ними и скрылся в туманных вершинах.

Голубь исчез.

Собака рычала. Шерсть у нее на загривке встала дыбом.

— Это птеродактиль, — сказал Богатырев. — Жаль сизого...

— Что ж вы не стреляли в эту гадину! — накинулся на Доброва Алеша.

— Стрелять только в крайнем случае, обороняясь, — строго сказал Богатырев. — Роман прав. Выдержка у него есть. Жаль голубка. А дело свое он сделал...

Добров выпустил на камни варана. Ящерица оживилась, забегала, забралась на камень, соскользнула с него, притаилась, высунула голову и стала оглядываться, словно высматривая добычу.

— Чует, что мир гадов тут, — заметил Добров.

Пуля зарычала, смотря в чащу.

Туман исчез. Высоко в красноватом небе неслись белые облака.

Илья Юрьевич приказал дать планеру радиопеленг.

Добров принялся за монтаж спущенной Алешей через люк автоматической станции.

Птеродактили исчезли вместе с туманом.

Илья Юрьевич расхаживал теперь с ружьем и автоматом, пытливо всматриваясь в чащу, молчаливую и угрожающую.

Пулька тревожно нюхала камни.

Добров, работая, что-то мурлыкал себе под нос. Отвертка два раза срывалась и падала на камни. В перчатках все-таки неловко было работать.

Но вот он включил станцию, снабженную световой батареей, заряжавшейся от дневного света. Теперь что бы ни случилось с исследователями, защищенные яйцевидной броней приборы будут триста дней записывать венерианскую погоду, фотографировать небо и окружающую местность, а в случае приближения какого-нибудь существа снимут его на кинопленку. Ровно через триста дней могучий радиоимпульс, пробив ионизированный слой венерианской атмосферы, пошлет на Землю в сотню тысяч раз убыстренную запись отчета, который расшифруют, замедлят и воспроизведут приборы на Земле.

Первыми существами, запечатленными на ленте, изображение которых почти через год увидят люди на экранах Земли, были три советских звездолетчика, обнявшихся перед объективом станции.

Алеша схватил Илью Юрьевича за руку, показал на небо.

Над их головами, почти задевая вершины папоротников, пронесся планер.

Алеша замахал руками, перескакивая с камня на камень. Планер исчез...

За ним, словно в погоню, неслись по ветру растения с раскоряченными корнями.

— Плохо, — сказал Илья Юрьевич.

Пулька завыла.

Глава седьмая

МЕСТНОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

Аллан Керн и Гарри Вуд стояли на дымящейся кочке посреди туманного болота и смотрели друг на друга.

Все было понятно без слов. Погиб не только планер с аппаратами дальней радиосвязи — погибли запасы продовольствия, а главное, запасы кислорода...

Железный Джон медленно поворачивал шлемовидную голову и «запасался впечатлениями».

Берег болота представлял собой узкую полосу более сухой почвы, за которой мрачной стеной вставали заросли папоротников, вершины которых скрывались в клочковатом тумане.

— Этой картиной я грезил на Земле, — чуть насмешливо сказал Гарри Вуд. — Мне всегда казалось, что я уже видел это...

— ...в каменноугольных шахтах, — мрачно отозвался Керн. — Там встречаются отпечатки этих чертовых растений, иногда даже окаменевшие стволы... Надеюсь, в венерианской каменноугольной шахте через сто миллионов лет наткнутся на наши окаменевшие тела и мы попадем в музей.

— Признаться, шеф, я предпочел бы иным путем способствовать процветанию науки.

— К сожалению, у нас не осталось шансов сообщить в газеты, что мы видим.

— Вы хотите сказать, что русские не будут искать нас?

— Не будьте бэби в очках, с национальной премией в кармане, — усмехнулся Керн. — Русские заправятся топливом у вашей безутешной вдовы Мэри, доставят на Землю сенсационные экспонаты и получат все причитающиеся вам премии.

— Во-первых, я еще не женат...

— Боюсь, вы так и останетесь холостяком.

— Во-вторых, как же мы?

— Нас стали бы искать, если бы на «Знании» были не люди, а роботы... И лишь в том случае, если бы у этих роботов было выключено «самосохранение». Кто разумный решится идти на погибель, пробиваясь пятьдесят миль через эти чертовы джунгли, болота, морской пролив? И только для того, чтобы убедиться, что мы уже задохнулись без кислорода.

— Все ясно, сэр. Начнем с этого, — сказал Гарри и стал решительно снимать с себя шлем.

— Безумец! — крикнул было Керн, но махнул рукой. — Впрочем... Это право каждого из нас.

Гарри снял шлем. Лоб его покрылся пóтом, грудь судорожно вздымалась, рот широко открылся.

— Носом... дышите носом, Гарри, — посоветовал внимательно наблюдавший за ним Керн. — Получите кислорода на двадцать пять процентов больше.

— О'кэй, шеф! — отозвался Гарри; голос его звучал глухо. — Дышу... и, кажется, жив...

— Это в самом деле любопытно, Гарри.

— Это шанс, шеф.

— Протянуть подольше? Что ж... Тогда придется разведать берег.

Гарри опустился на кочку. Он дышал с трудом. Воздух был жаркий и влажный, насыщен какими-то странными запахами. Голова кружилась, и от этого казалось, что воздух опьяняет, хотя его все время не

хватало. Перед глазами плыли круги и клочья тумана. Сквозь них Гарри едва различал, как его сухопарый шеф перепрыгивает с кочки на кочку, приближаясь к гигантским папоротникам. Папоротники, папоротники...

В сознании Гарри всплывали латинские названия. Непроизвольно он занимался систематикой венерианской флоры. Это означало, что дышать все-таки было возможно.

Гарри отметил, что в этом мире нет травы. Любое, казалось бы, травянистое растение имело здесь древообразную форму, и к земному латинскому названию требовалось прибавлять дополнительное слово. Особенно много было тянущихся даже по болоту с кочки на кочку змеевидных корней. Они переплетались, чуть погруженные в топь, там и тут выпирая из нее. Они походили на отвратительных пресмыкающихся.

По ним и перебирался к берегу Керн.

Кочки были покрыты шаровидными бесцветными грибами. Когда Керн наступал на них, они взрывались черным облаком.

Солнца, конечно, не было видно. Все вокруг было красноватым: багровое низкое небо, медные лужицы воды между кочками и растительность.

Да! И карминовая растительность!

«Так и должно было быть, — подумал Гарри, надевая шлем, чтобы отдышаться; теперь он снова мог соображать. — Здесь слишком жарко, растения излучают излишнее тепло, отражают лучи теплоносной части спектра... Потому и красные...»

Гарри Вуд встал на ноги рядом с бесчувственным роботом. Оба они наблюдали, как Керн ступил на берег.

И тотчас берег ожил. Со всех сторон к Керну устремились вереницы маленьких существ.

— Жизнь! Вот она, жизнь, шеф! — радостно воскликнул Гарри.

— Из всех видов жизни на Венере предпочитаю лишь собственную, — отозвался через шлемофон Керн.

— Эгей, шеф! Осторожнее! Боюсь, вашей точки зрения не разделяет местная живность.

— Кажется, это ящерицы, — отозвался Керн, отступая. — Притом очень почтительные. Они встали передо мной на задние лапки.

— Берегитесь, шеф! Динозавры и тиранозавры ходили тоже на задних лапах!

Все произошло мгновенно. Небольшие ящерицы, опираясь на задние лапы и длинный хвост, похожие на сусликов или маленьких кенгуру, настигли Керна и вцепились ему в сапоги. Другие перелезли по спинам передних и стали взбираться по ногам Керна. Американец резким движением стряхнул их, но новые ящерки осаждали его со всех сторон.

Керн отступил на несколько шагов и оказался среди лужи.

Ящерки, по-видимому, избегали воды. Они заполнили берег и жадно раскрывали маленькие зубастые пасти.

— Проклятые твари! — ругался Керн, перебираясь в безопасное место. — Подозреваю, что это называется у них местным гостеприимством. Мы едва не потеряли шанс попасть в будущий музей. Надеюсь, они уберутся отсюда когда-нибудь?

— Вряд ли, — усомнился Гарри, снова усаживаясь поудобнее у ног робота. — Я помню, на Земле был подобный случай.

Керн добрался до Гарри. «Любопытный парень, — подумал Керн. — Он в самом деле таков или не хочет ударить лицом в грязь?»

— Что же случилось за сто миллионов километров отсюда? — бодро поинтересовался Керн.

— Однажды войско, не помню каких завоевателей, встало лагерем в пустыне, — спокойно начал рассказывать Гарри.

— Завоевателей? — деловито переспросил Керн.

— Сторожевые слишком поздно заметили, что на войско движется море мышей... Их легко было уничтожить ударом сапога, но... их было, шеф, невероятное множество. Люди защищались щитами, рубили мышей мечами, но новые массы грызунов лезли по горам трупов. Воины валились обессиленные... Лошади ржали, обрывая поводья, унося на крупах вгрызшихся в них мышей... Они падали, и на месте их падения оставались начисто обглоданные кости... От целого войска завоевателей не осталось ничего... Были съедены даже ремешки от конской сбруи и от богато украшенных шлемов военачальников... Лавина мышей прошла дальше...

— Не пойму, парень, хотите ободрить или разозлить?

— Может быть, и то и другое, — усмехнулся Гарри.

— О'кэй! — в ярости крикнул Керн. — Не будем равнять с собой съеденных мышами варваров. Мы располагаем кое-чем более совершенным, чем мечи и стрелы. Не задать ли этим гадинам железного перцу?

— Если вы под перечницей имеете в виду Железного Джона...

— Вот именно! Попрошу вас, Джон, перебраться на берег и познакомиться с местным гостеприимством.

Робот послушно тронулся в путь.

— Прошу вас, Джон, осторожно выбирать дорогу. Здесь легко провалиться.

Железный Джон замер с занесенной ногой.

— Да, сэр, — бесстрастно произнес он. — Неизвестно допустимое давление на кочку, корни и топь. Недостаток цифрового материала.

— Делайте осторожные экспериментальные шаги, Джон. Накапливайте новые сведения, прошу вас.

— Да, сэр, — ответил робот и стал топтаться на месте.

Наконец он тронулся в путь. Гарри и Керн с разных кочек с тревогой наблюдали за ним.

Провалившись два раза по колено, робот научился выбирать правильный путь и вышел на берег почти посуху.

Жадные ящерицы с яростью набросились на него. Их накопилось теперь так много, что, разноцветные — синие и желтые, — они покрыли берег движущейся пестрой массой.

Не обращая на ящериц внимания, закованный в доспехи робот вышел на берег и остановился. Зверьки буквально облепили его, стали цепляться за железо, очевидно, липкими лапками, вскарабкивались по его ногам, по туловищу, на плечи и на голову. Серебристый робот преобразился, покрылся вдруг безобразной пестрой шкурой.

Робот размышлял. Его математическая машина перебирала сотни тысяч поступков, которые он мог бы совершить, и никак не могла на чем-нибудь остановиться.

— Информируйте, Джон, прошу вас, — радировал Керн, с трудом оставаясь вежливым. (Напомним, что его брат создал такую машину, которая реагировала только на вежливое обращение.) — Информируйте меня, пожалуйста.

Робот невозмутимым голосом сообщил, что он подсчитал количество ящериц на квадратном футе, определил общую площадь, занятую ими, и, наконец, общее их число: двести семь тысяч триста сорок восемь штук, с точностью до двух-трех ящериц. Если давить ящериц ногами, то, для того чтобы вытоптать фут за футом всю упомянутую площадь, понадобится при оптимальной скорости передвижения восемнадцать часов тридцать две минуты шестнадцать секунд.

— Черт возьми, шеф! — закричал Гарри. — Этот подсчет больше годится для натирки паркетных полов! Здесь нужно действовать быстро.

— К сожалению, огнестрельное оружие тут бесполезно, а огнеметов мы не предусмотрели. Лучше всего подошел бы тяжелый механический каток, которым укатывают асфальт на дорогах.

— Прекрасная идея, шеф! Нельзя ли внушить ее Джону?

— К сожалению, асфальтовые дороги не затронуты в его запоминающем устройстве.

— Тогда переключите робота на меня, чтобы он повторял мои движения. Ведь он рассчитан на телеуправление.

— О'кэй, Гарри! Вы начинаете мне нравиться. Внимание, Джон, прошу вас. Я переключаю вас на телеуправление. Не теряйте времени, Гарри. Передвиньте рычажок своего радиоаппарата на цифру «девять».

Теперь робот должен был действовать не размышляя, а лишь точно повторяя движения Гарри Вуда.

Гарри, стоя на дальней кочке, занес ногу. Занес ногу и робот на берегу. Гарри топнул ногой. Опустил свою тяжелую ступню и робот. Раздался отчаянный визг. Ящерицы отбежали, оставив несколько трупов.

Но снова они ринулись на Железного Джона.

Гарри неистовствовал на своей кочке. Он подпрыгивал, топтался, ударяя по кочке кулаками, кажется, готов был лечь и кататься по болоту, давя тяжелым телом, как катком, несчетных врагов. Робот точно копировал все его движения. На берегу скопилась гора уничтоженных ящериц. Она мешала роботу двигаться, но он не мог перейти на новое место, потому что его повелитель был прикован к кочке.

Ящерицы учли малую подвижность противника. Собираясь для новой атаки, они не переходили невидимую запретную черту. Робот бросился на них, но вдруг неуклюже оступился и упал, растянувшись во весь

рост. И тотчас, повергнутый, он был покрыт толстым слоем прожорливых победителей. Их зубы скрежетали о металл.

Робот беспомощно взмахивал руками, под ударами которых гибли исступленные ящерицы. Их место занимали новые свирепые собратья.

Движения робота становились все беспорядочнее. Он трепыхался в массе налипших на него хищников...

Но робот лишь воспроизводил движения Гарри Вуда, который в пылу борьбы с невидимыми врагами оступился и угодил в топь. Он завяз в ней по самые плечи и судорожно цеплялся за ближние кочки... Потому и были так беспомощны движения Железного Джона.

Аллан Керн, перепрыгивая с кочек на узлы корней, спешил Вуду на помощь.

Еще немного — и она была бы уже не нужна. Вместе с Вудом замер бы и робот, которого не удалось бы уже переключить...

Вымазанного по самое горло, облепленного грязью, вытащил Керн Вуда на кочку. Раздавленные грибы дымились...

— Топчите, топчите их, подлых! — кричал Керн. — Переходите за мной, держитесь за руку! Наступайте на них!

Робот, воспроизводя движения Гарри, снова поднялся. Он стряхивал с себя ящериц, как стряхивал с себя тину Гарри. Он делал прыжки на берегу, как Гарри на болоте. Ящерицы в страхе рассыпались из-под его ног, а у Гарри под ногами клубился дым от раздавленных грибов. Ящерицы, почуя наступательный дух бросавшегося на них железного чудовища, отбежали на почтительное расстояние, оставив на поле боя огромное количество павших. Трупы покрывали дорожку, ведшую в чащу зарослей.

Керн заметил, что ящерицы свободно движутся лишь по открытой полосе между джунглями и болотом. Он решил этим воспользоваться и скрыться от ящериц в чаще.

— Переключайте Джона на самостоятельные действия! — скомандовал Керн. — Он уже накопил теперь опыт. Сами — за мной!

Гарри переключил аппарат. Робот словно и не почувствовал этого. Он продолжал выплясывать на берегу, наступая на ящериц, будто его хозяин продолжал задавать ему эти движения.

Ящерицы бежали, уступая металлу.

Керн и Вуд одним духом пересекли открытую полосу и остановились только в лесу, стараясь отдышаться.

Робот двигался к ним, пятясь, устрашая ящериц тяжелыми ногами.

— Уничтожено девять тысяч триста сорок одна штука, — равнодушно докладывал он. — Для полного уничтожения оставшихся потребуется...

— Разве это не чудо техники! — воскликнул Керн. — О, мой покойный брат! Его дух был с нами!

— Во всяком случае, машина поработала с душой, — заметил Гарри. — Но какие здесь растения! Вы только посмотрите, шеф! Докторские диссертации, профессорские звания, даже Нобелевская премия — все здесь находится на расстоянии вытянутой руки!

— К сожалению, ракета, нужная для возвращения, находится несколько дальше, — буркнул Керн.

Глава восьмая

МНИМАЯ ВЕЛИЧИНА

Два человека в скафандрах без шлемов брели по венерианскому лесу. Они казались пигмеями рядом с исполинскими папоротниками. Веерообразные кроны в клочья рвали низкие, гонимые ветром тучи.

Почва чмокала при каждом шаге, готовая засосать, поглотить.

Стоять можно было только на узловатых корнях.

Сети лиан проволочными заграждениями вставали на пути, угрожая острыми шипами на гибких стеблях.

Дорогу пробивал робот.

Во влажных блестящих латах, он крушил топором заросли, как мечом.

Керн был мрачен и что-то шептал, может быть молитвы.

Гарри Вуд принуждал себя смотреть по сторонам, вспоминать джунгли Амазонки, которые он когда-то мечтал сравнить с лесами Венеры.

Теперь он мог сравнивать.

Заросли Венеры похожи и чудовищно не похожи на земные. Если джунгли Амазонки прозвали «зеленым адом», если под сводами сросшихся вверху деревьев там всегда зеленая ночь, сменяющаяся черной ночью, полной злых огоньков и пугающих звуков, то в венерианском лесу был

«красный ад». Багровые туманные сумерки, низкое мчащееся небо, голые стволы, без коры и сучьев, поднимающиеся прямо из болота, ни трав, ни цветов...

Вверху что-то пролетало со свистом и хлопаньем. Впереди слышалось рычание или рокот. Сзади, то приближаясь, то удаляясь, что-то клокотало, словно задыхаясь.

Гарри заставлял себя оставаться ученым, все видеть, замечать, относить к тому или иному земному виду или неизвестной форме... Но сознание было подавлено безысходностью. Леденящее равнодушие парализовало мозг. Он оставался равнодушным к ящерицам с недоразвитыми крыльями, которыми они пользовались, как рулями, зигзагообразно и неуловимо скользя над водой, или к крылатому ящеру с зубастой пастью, запутавшемуся в колючей сети лиан... Когда Гарри жил на Земле, он готов был отдать полжизни за то, чтобы лишь взглянуть на такой мир... Теперь он мог видеть, ощутить, познать его, но... платил за это жизнью...

. Он понимал, что на спасение надежды не было, и все же искал эту надежду. Он представлял себе русских, командора Богатырева, расчетливого инженера Доброва, пылкого Алешу... Как поступят они? Пожмут плечами, улетая? Вздохнут притворно? Неужели прав шеф и всем на свете движет выгода?

В довершение всего пошел дождь. Он бил сверху толстыми редкими струями. Скоро он перешел в ливень, и в какой ливень! Воздух превратился в водяной поток, сбивавший с ног. Болото бурлило, стало озером, поднялось до колен.

Гигантские папоротники сгибались дугой от тяжести струй.

Путники, экономившие кислород, не успели надеть шлемы. Их мокрые волосы липкими прядями сбились на лоб. К счастью, за герметические воротники вода не затекала.

Но дышать стало легче!

Ливень принес с собой кислород.

Поразительно свойство человеческого организма приспосабливаться к различным условиям! Человек живет даже в Антарктиде, где температура падает почти до —90° С, когда погибает все живое. Он переносит жару, вызывающую ожоги. Он в состоянии дышать на горных вершинах, задерживает дыхание на несколько минут под водой, испытывает давление в несколько атмосфер в кессонах, выдерживает удар электрического тока, убивающий слона!..

Когда Гарри впервые снял шлем на болоте, он едва мог дышать венерианским воздухом. А потом... потом и он и Керн приспособились, научились дышать... Помогло учение йогов о дыхании, которое они оба знали. Если дышать реже, глубже и через нос, организм лучше усваивает кислород. И, если альпинисты довольствовались на большой высоте малой долей кислорода, Вуд и Керн в венерианском лесу обходились еще меньшей. А когда пошел дождь, дышать стало совсем легко. Нужно было лишь защищать рот и нос от воды, потому что по сравнению с дождем на Венере земной тропический ливень показался бы накрапывающим дождиком.

А вокруг грохотало, как во время землетрясения, когда рушатся здания и обваливаются горные склоны, сметая каменной лавиной все на пути.

Над головой сверкали молнии. Красный ад на мгновение становился мертво-голубым. И резкие тени стволов ложились то вправо, то влево, первые тени, которые видели люди на Венере.

Вздрогнув при очередном ударе молнии, робот сказал:

— Мои механизмы в опасности. Слишком много воды течет сверху.

— О'кэй! — с горькой иронией отозвался Керн. — Правильный вывод не только в отношении механизмов.

Гарри лишь по движению губ Керна понял, что́ он сказал.

Робот же автоматически увеличил усиление и проревел, перекрывая венерианский гром:

— Нужна крыша.

— Какая тут, к черту, крыша, — заорал Керн, — когда мы не в лучшем положении, чем люди каменного века в дни всемирного потопа!

— Каменный век... каменный дом... каменный свод... грот, пещера, — последовательно отразил робот фазы своего мышления.

— Браво! — отозвался Керн. — Отдал бы часть будущих прибылей за самую гнусную пещеру на свете.

— Ищу пещеру, — доложил робот. — Включил радиолокатор. По азимуту семнадцать обнаружил скалы с выемкой.

— Идите, почтенный Джон, уступаю вам руководство! — прокричал Керн.

Каменный обвал в небесах.

В отсвете молний сверкнула серебристая спина робота, который, взмахивая топором, пробивал путь в намеченном направлении.

Вуд едва вытаскивал ноги из липкой грязи, с трудом взбирался на корни, соскальзывал с них в пузырящуюся воду.

Керн властно взял Вуда под локоть:

— Не будьте прочитанной газетой на панели, парень! Нам остается полагаться только на бога да на робота.

Вуд не ответил. Он сосредоточил все свое внимание на том, чтобы держаться на ногах.

Робот точно вывел астронавтов к скалам, с которых каскадами, пенясь и вздымаясь фонтанами, сбегала вода.

Обнаруженное радиолокатором углубление оказалось гротом.

Люди уже не могли идти. Повинуясь указанию, робот втащил их по скользким камням в пещеру.

Вуд и Керн свалились на каменный пол.

Вуд видел, как приподнялся на локте Керн, как подполз к роботу и стал протирать его тряпкой.

Робот равнодушно стоял, поворачивая голову вправо и влево. Он, выполняя заложенную в нем программу, запасался впечатлениями, запоминал их, обрабатывал, подготавливал выводы. Он был лишен человеческих слабостей.

Гарри подумал об этом и усмехнулся. Что сказала бы Мэри!

Дождь стихал, воздух был влажен, а во рту пересохло.

— Хотелось бы проверить, — заметил Керн, отжимая тряпку, — сколько удалось нам пройти по этой чужепланетной грязи.

Робот реагировал:

— Пройдено две и три десятых мили со скоростью шестьдесят две сотых мили в час. Падающая сверху вода задержала нас на сорок семь минут.

— И задержит еще, — добавил Керн, пряча тряпку в спину робота и захлопывая железную дверцу.

Робот принялся высчитывать возможные потери времени в пути.

Гарри Вуд устало слушал его, поражаясь и его методичности, и в то же время убогости его фантазии. Машина использовала запас полученных впечатлений, но на большее она не была способна. Однако и возможных, с ее точки зрения, препятствий было достаточно, чтобы вероятность не опоздать к отлету ракеты, подсчитанная электронным мозгом, составила всего 1,74 шанса из ста.

Гарри Вуда тошнило. Но, когда он узнал о выводах машины, ему стало еще хуже. Давая выход внутреннему протесту, он сказал:

— Ваш робот туп! Он не учитывает, что русские пойдут к нам навстречу.

Керн расхохотался:

— О наивный варвар! Он не знает элементарных законов отношения друг к другу волков или людей, что, впрочем, одно и то же. Однако, чтобы ответ был убедительным, мы зададим вопрос воплощению железной логики и бесстрастного разума.

— Спрашивайте хоть у птеродактиля, — устало отмахнулся Вуд.

Он сидел теперь на каменном полу, уткнувшись мокрой головой в колени. Его знобило.

— Уважаемый Джон, — обратился Керн к роботу, — прошу вас, подсчитайте, сколько шансов, что русские в соответствии с нормами поведения людей, зафиксированными в вашей электронной памяти, покинут свою ракету и, рискуя всем, отправятся через пролив и джунгли нам на помощь.

— О'кэй, — равнодушно отозвался робот и стал вычислять.

Внутри машины что-то разгоралось и гасло, искрилось и пощелкивало. Электронная мысль металась в поисках безошибочного вывода.

Ливень почти стих. Мимо пещеры неслись мутные ручьи, по воде плыли сорванные ветви и не то рыбы, не то ящерицы.

Было жарко и душно, парило. Лужи, из которых выпирали корни деревьев, словно дымились, от них поднимался туман.

Робот щелкнул и размеренным голосом произнес:

— Вероятность того, что русские коммунисты решатся оказать помощь, рискуя не вернуться на Землю, равна семи и трем десятым, помноженным на корень квадратный из минус единицы.

— Корень квадратный из минус единицы. О безошибочность математической

логики! Она показывает в итоге вычисления мнимую величину! Логический вывод — шансы на возможную помощь мнимы!.. Это математика, Вуд, а не хиромантия...

Гарри Вуд покачал головой.

— Здесь все мнимо, — хрипло сказал он. — Мнима дружба, мнима надежда... Даже жара мнима. Вода испаряется, как на раскаленной плите, а мне холодно. — Вуд стучал зубами.

— Перестаньте, Вуд! — прикрикнул на него Керн. — Никто еще не хотел так жить, как я! Мы должны жить, черт возьми! Должны, хотя бы всю Землю разнесло на миллион кусков в термоядерном взрыве океанов... и нам некуда было бы вернуться!

Вуд поднял на Керна воспаленные глаза:

— Выжить? Выжить на этой планете? Одним?

— Да! Одним! Раз дышать здесь можно, должно и выжить... хотя бы нас навеки забыли в этих чертовых джунглях и не искали сто лет!..

— Вы бредите, шеф, — сказал Вуд, видя неестественный блеск у Керна в глазах.

— Вот наш первый дом! — указал Керн на каменный свод. — Пещера! Великолепная первобытная пещера, ничем не хуже, чем у наших предков на Земле. Разве у нас с вами мозги устроены хуже, чем у людей каменного века?

— Мозги у нас устроены, кажется, так же... и объем мозга такой же...

— Но знаний у нас побольше, чем у первобытных охотников!

— Зачем нам эти знания, если мы сами станем здесь первобытными охотниками?

— Я не уверен, что мы смогли бы передать знания нашим потомкам. Но охотниками своих внуков сделали бы не худшими, чем были неандертальцы, кроманьонцы или австралийские аборигены. Недостатка в мясе гадов, которые напали на нас у болота, не будет, даже когда разрядятся через год аккумуляторы несравненного Джона и его разберут на ножи и топоры.

— Вы рассуждаете, шеф, о потомках, словно моя Мэри с нами.

Керн криво усмехнулся:

— Вы уличили меня. Я действительно начинаю бредить.

— На этот раз вы бредили, как ясновидец.

— Что вы имеете в виду?

— Запасной планер, сэр.

— Ага! Значит, бредите все-таки вы...

— Ничуть. Не думайте, что Мэри отдаст русским топливо на обратный рейс и полетит с ними.

— Ах, вот зачем вам запасной планер!

— Не планер, а Мэри, которая им воспользуется. На «Просперити» ее удерживал только долг, сэр. Если планер занес нас сюда, то почему другой планер не даст ей возможности найти нас?

— Этого я не знаю, — мрачно сказал Керн. — У меня иные взгляды на людей и их чувства. Мы выживем с вами, если не передеремся. А передраться нам нельзя потому, что в одиночку не выжить. О'кэй! Считайте меня вождем нового племени венерианских дикарей! Обещаю вам полнейшую западную демократию. Мы будем выбирать меня каждые четыре года.

— Шеф, я ценю, что вы пытаетесь подбодрить меня. Вы лучше, чем я о вас думал.

— Наплевать мне на то, что вы обо мне думали! Не подбадриваю я вас, а убеждаю: надо выжить, черт возьми! Целый год с нами будет Железный Джон! А пещеру мы найдем и поуютнее этой.

Робот глубокомысленно прореагировал на последние слова:

— Уют пропорционален пещере, помноженной на корень квадратный из минус единицы.

— И здесь мнимая величина! — мрачно констатировал Вуд. — Впрочем, здесь ваша чертова машина права.

— Она всегда права! И она не сказала, что жизнь на Венере — мнимая величина, — торжествующе сказал Керн. — Черт с ним, с уютом, комфортом и цивилизацией! Лучше стать пещерным человеком, чем подохнуть... И мы приспособимся, пусть без университетских знаний, но приспособимся, Вуд. Отныне вы будете называться не Вуд, что означает на последнем земном и первом венерианском языке «дерево», вы будете называться Дубина. А я уже не Керн, что означало «инструмент, оставляющий при ударе отметину», а Удар. Итак: Дубина и Удар! Неплохо для первых старейшин племени. Черт возьми, даже неплохо

было бы, если бы спустилась ваша Мэри. Мэри Стрем... Мы назвали бы ее Стремя! Вождю племени будут нужны охотники и воины.

Глаза Керна лихорадочно блестели. Он вскочил и стал хлопать Железного Джона по плечу:

— Клянусь памятью Томаса, ты неплохой парень, Джон! Целый год ты будешь равноправным членом нашего племени, последним остатком ненужной здесь цивилизации... пока не разрядишься. А потом... потом цивилизацией здесь будут Дубинка и Удар!

Керн нервно захохотал и повалился на каменный пол.

Вуд лежал без движения, он с тоской смотрел на Керна, словно хотел что-то сказать ему.

Обоих било в лихорадке.

А они... хотели выжить! Хотели, не веря в людей...

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗАКОН КОСМОСА

Глава первая

УДАР ДУБИНОЙ

В багровых зарослях шел дождь.

Косые струи гнули деревья, отламывали ветви. Болото бурлило и вздувалось.

Сверкали звездоподобные молнии. Гром прокатывался волнами, как косо набегающий на берег морской прибой, усиленный в сотню раз.

Не обращая внимания на ливень, по лесу, крадучись, пробирались двое. Их мокрые косматые плечи переходили в могучую шею, слипшиеся волосы скрывали крутой лоб с выпуклыми надбровными дугами. Маленькие и острые глазки настороженно смотрели из-под лохматых бровей с густо заросшего лица. Длинные бугристые руки раздвигали колючие лианы, не боясь шипов.

С волосатых плеч спускались чешуйчатые шкуры, скорее напоминающие панцири, чем одежду.

У каждого было по огромной узловатой дубине.

Ящерицы с недоразвитыми крыльями бросались врассыпную при их появлении. Но мелкие твари не интересовали охотников, уже видевших желанную добычу.

Большой ящер на выгнутых суставами наружу лапах, с пилообразным хребтом, переходящим в хвост с бивнем на конце, нежился в дождевых струях, довольно пофыркивал и прикрывал глаза пленками.

Перед ним лежала мокрая груда объедков, среди которых еще трепыхалась пара раненых ящериц.

Сытый ящер равнодушно наблюдал, как один из них, опираясь на хвост, заковылял по луже на задних лапах и скрылся за сетью лиан. Он не преследовал его...

Охотники набросились на ящера с разных сторон. Две дубины, рассекая дождевые струи, почти одновременно опустились на оба глаза чудовища.

Взметнув фонтан воды, ослепший ящер повернулся. Его хвост наугад ударил острым бивнем невидимого врага. Бивень с размаху вонзился в топкую почву.

Охотники ждали этого и бросились к завязшему концу хвоста, накинули на него петлю из лиан.

Взбешенный ящер неистовствовал. Он не мог вырвать хвост и не видел врагов.

Один из них бросил в развернутую зубастую пасть моток колючих лиан. Зверь в ярости проглотил моток и стал бросаться из стороны в сторону. От боли, страха и бешенства ящер взвивался на привязанном хвосте, огромное его тело отделялось от болота, и все четыре когтистые лапы рассекали воздух.

Все тот же охотник, с ловкостью тореадора увертываясь от ударов, стоял прямо перед щелкающей зловонной пастью, выбирая момент.

Другой спокойно наблюдал в стороне, готовый заменить товарища при неудаче.

Ящер плюхнулся брюхом в воду. Голова его с бугром на темени оказалась как раз

напротив охотника. Тот взмахнул дубиной и, крякнув, опустил ее на бугор.

Ящер повалился на бок, как падает на бойне оглушенный бык.

Ящер был еще жив, шея его то вздувалась, то опадала, но охотники, подойдя к нему вплотную, засунули дубины в щели между пластинами, прикрывавшими шею, и отодрали их.

Под пластиной дрожала нежная мякоть. Охотники хорошо знали, где проходит важная артерия.

Через минуту огромный ящер был мертв.

— Мы могли бы убивать даже летающих, — гордо сказал один из охотников.

— Ты опять о топорах из звонкой шкуры Чуда?

— Для этого надо опустить дубины на головы стариков.

— Они скоро умрут сами.

— Умирают только охотники. Старики не охотятся и все время живут.

— Они мудрые.

— Мы сильнее их. Я опущу дубину на их головы и получу звонкую шкуру Чуда.

Нагруженные добычей охотники добрались до скал.

Из пещеры шел дым.

Отблески огня играли на каменном своде.

Косматые охотники отнесли добычу в глубь пещеры.

Иссохшая старуха подбрасывала корни в костер и монотонно говорила.

Несколько грязных волосатых детей, сидя на корточках, слушали ее.

Охотники, грубо отпихнув детей, подсели к огню.

— Старые прилетели из-за туч, — рассказывала старуха. — Они видели небо.

Один из мальчишек толкнул другого в бок, тот захихикал.

Охотник наградил обоих тумаками, дети притихли.

— Они видели, — продолжала старуха, — рассыпанные по небу горящие угли и Великий Костер, который разгорается по утрам, даря нам день, и гаснет к ночи.

Охотник усмехнулся.

— Старые, живя на небе, знали великую мудрость, — рассказывала старуха. — У них был ящер со звонкой шкурой, который изрыгал огонь костра и летел сам, как выброшенная из костра искра.

— Чего ж старые не летают, — спросил охотник, — а только жрут мясо?..

— Для этого нужно много звонкой шкуры, которой нет в наших лесах, — возразила старуха.

— Зато она есть там, — зловеще кивнул головой охотник в глубину пещеры.

— Я знаю, о чем ты говоришь, Хам, — прошамкала старуха. — Почему ты не захотел учиться мудрости, когда я еще только начинала подбрасывать сучья в Вечный Костер племени?

— Зачем слушать про выдуманный мир? Разве охотники устраивают из камней пещеры одну над другой? Разве увидишь вверху рассыпанные угли? Они упали бы вниз. Надо добывать мясо. В этом мудрость. А старые глупы.

Старуха уничтожающе посмотрела на Хама и отвернулась к детям:

— Старые прилетели на двух крылатых. Сначала мужчины, потом женщина, от которой пошло все наше племя.

— Лучше скажи, старуха, про Чудо в звонкой шкуре. Из нее можно сделать много топоров и ножей получше каменных.

— Молчи, презренный! Чудо в звонкой шкуре может заговорить. Один только раз. Последний. В нем сосредоточена мудрость другого мира. Только старейшины могут заставить его говорить.

— Мне не нужен голос Чуда, мне нужна его звонкая шкура, — сказал Хам вставая.

— Может быть, подождем? — спросил его младший спутник.

Но Хам пнул его ногой, и тот вскочил.

Взяв в руки дубины, они пошли в глубь пещеры.

Им встречались женщины, почти не покрытые шерстью, с перевязанными лианами волосами. Они испуганно уступали дорогу, волоча за руку маленьких детей.

У пещеры было много переходов, они привели в конце концов к полутемному гроту, из которого был второй выход в лес.

— Кто тут тревожит старейшин? — спросил дребезжащий старческий голос.

— Это я, Хам. И мой брат со мной. Мы принесли мясо, — нерешительно сказал охотник.

— Мясо отдай сидящим у Вечного Костра племени. Что тебе нужно здесь?

— Мне нужна звонкая шкура Чуда. Мы сделаем из нее топоры и ножи для всего племени.

— Вы слышите, Вуд, что говорит ваш отпрыск? Стоило для них хранить аккуму-

ляторы электронного мозга!.. — закричал старик другому.

Второй из старейшин застонал в углу.

— Я не понимаю, что ты говоришь, старый, которого звали Ударом, — сказал Хам наступая. — Мне нужна звонкая шкура Чуда. В прошлый раз ты отдал нам его руку, теперь мне нужна вся шкура.

— Удались, пещерный! — закричал старейшина.

Но охотники топтались на месте. Потом Хам взмахнул дубиной.

— Я решил опустить дубину на ваши головы. Вы только жрете мясо и бормочете про пустую мудрость. Мы возьмем звонкую шкуру.

Два худых седобородых человека, почти голых, в каких-то невероятных отрепьях, вскочили на ноги и стали отступать в темноту грота.

Но охотники прекрасно видели в темноте, их глаза никогда не знали солнечного света. Они наступали, размахивая дубинами.

— Отойди, дикий! Да включайте же наконец, Вуд!.. Включайте! Или вы тоже одичали! — кричал старик другому.

— Я не могу, шеф... Меня лихорадит, как в тот первый день.

— Да включайте, включайте, черт вас возьми! Видите, они размахивают дубинами, ваши дикие потомки!.. Включили? Уважаемый Джон, прошу вас...

В углу что-то щелкнуло, там замерцал красноватый свет.

Охотники отступили на шаг.

— Ты разжигаешь костер внутри Чуда. Я не боюсь костров.

— Ты великий охотник, Хам, — заговорил старик. — Ты услышишь голос, который молчал больше времени, чем ты живешь. Кроме нас, старейшин, только он, Чудо, может сказать о Великой Мудрости.

— Ты лжешь, старик, которого звали Ударом! Ты заслужил удар. Я опущу дубину на твою голову и послушаю, как ты будешь болтать.

— Отойди!.. Дай Чуду разогреться... Уважаемый Джон, прошу вас... Неужели он совсем разрядился?

В углу снова щелкнуло, и оттуда раздался безучастный скрипучий голос:

— Да, сэр.

— Уважаемый Джон, прошу вас, скажите... скажите что-нибудь!

Железный голос произнес:

— Можно осушить заболоченное пространство. Для этой цели понадобится прорыть траншеи с общим объемом земляных работ в шестьдесят семь миллионов кубических футов.

— Ты не испугаешь Хама голосом. Ящер тоже бормочет, прежде чем я убиваю его. Ты заслужил свое, старик.

Хам взмахнул дубиной и, крякнув, опустил ее на голову старейшины.

Худой, изможденный старик повалился на каменный пол пещеры.

Другой старик спрятался за одноруким железным изваянием, чуть уступавшим по размерам размахивавшему дубиной охотнику.

— Джон, прошу вас!.. Спасите меня, спасите!..

— Аккумуляторы почти полностью разряжены, — безучастно сообщил робот. — Работает только электронная память. Спасение было в достижении русской ракеты, которую отделяло от пещеры шестьдесят девять миль.

Два охотника подскочили к роботу с двух сторон и с привычной сноровкой обрушили на его светящиеся глаза дубины.

В роботе что-то звякнуло, свет в нем погас, он покачнулся и, громыхая, покатился по каменному полу.

Уцелевший старик бросился к выходу, но путь ему преградил Хам. Он толкнул мохнатой рукой старейшину в грудь, и тот упал.

Старик видел занесенную над ним окровавленную дубину и зажмурился.

Слышалось, как со свода пещеры падали капли в лужу на ее полу. Невнятно бормотал, очевидно лежа на камнях, робот:

— До русской ракеты можно доехать в автомобиле за тридцать семь и две десятых минуты, если воспользоваться бетонным шоссе.

Дубина не опускалась.

Гарри Вуд открыл глаза.

Он увидел каменный свод пещеры, стволы гигантских папоротников, лужу на полу, недвижно лежащего Керна в скафандре.

Керн убит... убит ударом дубины дикого потомка, дикаря из выжившего на Венере племени людей...

Сзади слышался размеренный голос робота:

— Для постройки бетонной дороги понадобится пятьдесят семь миллионов долларов, считая по объявленной фирмой Смит стоимости. Превосходно, выгодно, прославлено.

Вуд сел.

Никакой дубины над ним не было.

Робот не лежал, а стоял у входа в пещеру и бубнил.

Керн перевернулся на другой бок, застонал и произнес сквозь зубы:

— Мы должны выжить, должны... Хотя бы пришлось ждать сто лет.

Вуд потер виски.

Голова пылала.

— Бред! — прошептал он. — Бред... Но действительность не лучше.

Вуд опустился сначала на локоть, потом упал на пол. Щека его ощутила мокрый камень.

«Русские, — подумал Вуд, — если бы они знали... Неужели?..»

Мысль ускользала, проваливалась во мрак.

Венерианские микробы сделали свое дело.

Глава вторая

СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из зарослей гигантских папоротников доносился звенящий визг.

Внезапно он оборвался, и из чащи на болото выплыла странная машина. Она напоминала лодку или автомобиль-амфибию, но лишена была колес.

Диски циркульных пил, которыми разрезались лианы, еще вертелись.

Когда машина появилась над кочками болота, из-под ее корпуса взвились фонтаны воды.

Могучие воздушные струи, бившие вниз, выгоняли воду из луж, создавая под корпу-

сом машины воздушную подушку, которая и удерживала ее над поверхностью.

Небольшой реактивный двигатель обеспечивал вездеходу значительную скорость по любой дороге, вернее без дороги, в лесу, по болоту, даже над водой.

В вездеходе сидели три человека в скафандрах. Но только один был в шлеме, остальные, приноравливая свое дыхание к новым условиям, были без шлемов.

За рулем сидел инженер Добров. На его бритом черепе выступили капельки пота. Он смотрел вперед острым взглядом.

Лицо Алеши было мокро от пота, дышал он тяжело, но глаза его были веселы. Он жадно впитывал в себя все, что видел: башнеподобные деревья с распадающимися вершинами, похожими на струи фонтана, густой, душный, всегда туманный воздух, неясные тени разбегающихся живых существ, отпугнутых воем дисковых пил.

Алеша никак не мог освоиться с тем, что он на Венере, минута за минутой проходили в его памяти часы, проведенные на чужой планете.

Планер американцев пронесся над ракетой «Знание» и исчез.

Каждые полтора часа, когда «Проспери-ти» пролетал над районом посадки «Знания», Мэри Стрем все тревожнее сообщала, что не может нащупать радиолокатором планер.

В последний раз она вызвала к микрофону командора и умоляла не считать Вуда и Керна погибшими...

Илья Юрьевич хорошо понимал ее состояние, говорил с ней тепло, подбадривал, но после разговора с ней становился суров и молчалив, строго потребовал от помощников ускоренного выполнения всей программы исследований, не позволял в то же время отходить далеко от ракеты. Сам он собрал интереснейшую коллекцию минералов и попутно передал Алеше для гербария несколько любопытных образцов растений. Гербарий Алеши выглядел странным. Слишком крупным было все найденное им в мире без трав и цветов.

Добров спустил из ракеты вездеход, который предназначался для коротких путешествий. Рассчитанный на двух наблюдателей, он представлял собой передвижную исследовательскую станцию, был снабжен разнообразной аппаратурой и даже вооружен скорострельной пушкой.

Между собой исследователи говорили о силе магнитного поля, много превосходившей земную, об обнаруженной здесь древней геологической эре, о воздушных потоках, которые, очевидно, позволяют летать даже очень крупным животным, об обнаруженном в лесу сильном радиоактивном фоне, а думали... об американцах.

Надежда была только на Мэри Стрем.

Всякий раз, устанавливая связь с «Проспери-ти», Алеша подключал к радиоприемнику свой шлемофон, чтобы голос Мэри был слышен во всех скафандрах.

На этот раз сквозь треск атмосферных разрядов прозвучал тонкий, радостный голос Мэри. Счастливая, она повторяла без конца, что обнаружила движущуюся металлическую точку. Это мог быть только робот!

— Вот здорово, Машенька! — крикнул Алеша и побежал к люку, чтобы спуститься к Богатыреву и Доброву.

— Сколько по прямой до робота? — спросил Богатырев. — Она сказала — семьдесят километров?

— Только семьдесят... Совсем пустяки... Мы мигом домчимся на вездеходе! — говорил Алеша, спрыгивая с лестницы на камни.

Богатырев шел к вездеходу, около которого возился Добров.

— Шоссейных дорог здесь нет, — напомнил Добров. — Путь через джунгли, через морской пролив, по склону вулкана.

— Вот именно! — подхватил Алеша. — Пешком им не дойти.

— Вездеход рассчитан на двоих, — напомнил Добров.

— Я поеду на нем один. Вернемся втроем. Снимем кое-какую аппаратуру.

— Один? — с иронией спросил Илья Юрьевич, кладя Алеше на плечо руку. — Ты, Алеша, умнее всех местных ящеров.

— Разлучаться нельзя, — подтвердил Добров.

— А поэтому нужно соединиться, — твердо сказал Илья Юрьевич. — Вездеход разгрузить, взять только самое необходимое, снять пушку.

Добров молча покачал головой.

— Много места занимает кислород, — оживился Алеша. — Мы сбережем его, если по крайней мере половину времени проведем без шлемов.

Тщательно изучив состав атмосферы и поведение собаки Пульки, они уже пробовали дышать венерианским воздухом.

Вездеход разгрузили, взяли только самое необходимое. Когда снимали скорострельную пушку, Добров был особенно мрачен.

Взяли два гранатных ружья и автомат. Алеша вооружился... кинокамерой.

Приподнявшись на воздушной подушке, вездеход двинулся в чащу.

Алеша в последний раз посмотрел на ракету. Она показалась ему такой земной и родной, что у него защемило сердце. Он представил, как воет сейчас оставленная в ракете Пулька...

В зарослях было так темно, что Добров включил прожекторы. В их лучах поблескивали мокрые корни.

Дисковые пилы резали колючие заграждения. Лианы мертвыми змеями падали на влажную почву.

И вот вездеход вырвался на простор болота. Здесь можно было двигаться быстрее.

Сквозь туманную дымку виднелись конические горы вулканов. Их вершины были скрыты тучами, и нельзя было решить, действуют ли они.

Вездеход мерно скользил над болотом. Богатырев, сидя на носу, держал в руках ружье. Алеша то и дело брал кинокамеру и жадно снимал все, что видел на пути.

Вдруг сзади, откуда-то из пройденной чащи, раздался пронизывающий звук, свистящий, скребущий по коже, взвивающийся на самые высокие ноты и не исчезающий, а словно продолжающий звучать, непонятным образом действуя не только на органы слуха, но и на нервные центры.

Алеша почувствовал, что у него мутится сознание. Он посмотрел на Илью Юрьевича, увидел за стеклом шлема его спокойное лицо, и ему стало стыдно за себя. Оглянулся на Доброва, встретился с ним глазами и понял, что ему тоже не по себе.

Алеша вспомнил, что он уже слышал этот звук в первую проведенную в ракете ночь, но он звучал тогда через микрофон, который, очевидно, не мог воспроизвести все его совершенно невероятные обертоны.

Ветер дул порывами, пронося над вездеходом клочья тумана и сорванные ветви.

Невероятный звук усилился. Вездеход вильнул, накренился и осел.

Богатырев удивленно оглянулся.

Добров сник, опустив голову на грудь.

Алеша выронил из рук кинокамеру и скатился на дно вездехода.

Богатырев бросился поднимать его и почувствовал, что нарастающий звук разрывает ему голову, туманит сознание. Руки и ноги цепенели. Усилием воли сжав челюсти, он пересилил себя и поднял обмякшего Алешу, привалил его спиной к борту.

Алеша запрокинул голову, и вдруг глаза его стали совсем круглыми.

Илья Юрьевич взглянул наверх. В воздухе летел дракон... каким рисуют его китайские художники, с телом змеи, с перепончатыми крыльями...

Богатырев поднял ружье. Он не думал, Змей Горыныч ли перед ним или своеобразной формы птеродактиль. Он защищался.

Но в дракона не требовалось стрелять. Он камнем упал в болото, взвиваясь гибким телом, трепеща прикрывшими кочки крыльями.

Богатырев все понял.

По кочкам от леса к дракону быстро двигалось какое-то существо, гигантская ящерица с отвратительным роговым гребнем и отталкивающей злобной мордой.

Это страшилище не могло летать, но обладало способностью сбивать летающие жертвы парализующим свистом.

Богатырев взял на мушку нового врага.

Тот сделал последний прыжок и обрушился на превосходившего его по размерам змеевидного дракона. Затрепетал гибкий хвост жертвы, попытались двинуться крылья. Свистящий ящер рвал лапами чешую на горле дракона, спешил впиться в него пилообразными челюстями.

Богатырев выпустил гранату в «Соловья-разбойника», как мысленно назвал он ящера.

Граната взорвалась на панцире ящера и не причинила ему никакого вреда, только разъярила его. Очевидно, его шкура была подобна броне.

Увидев противника, ящер изогнулся дугой, готовясь к прыжку. Богатырев видел, как стали раздуваться его бока. Над болотом забился, как в конвульсиях, ужасающий звук. Если бы миллионом ножей одновременно провести по миллиону тарелок, если бы отвратительно скрипнули миллион резиновых мячей, если бы визг пилы смешался с визгом поросенка, если бы все эти звуки слились воедино и перешли за пределы слышимого в область ультразвука, лишь тогда можно было бы получить представление о том, что услышал Богатырев.

Встрепенувшиеся было во время паузы Алеша и Добров вновь свалились, парализованные. Богатырев, защищенный шлемом, борясь с помутнением сознания, выстрелил в диковинного зверя второй гранатой, но также безрезультатно. Тот уже прыгнул к вездеходу, уверенный, что новая жертва от него не уйдет.

«Пуля не берет Соловья-разбойника, значит, как и в сказании, надо бить его в глаз», — подумал Богатырев и сменил ружье на автомат.

У ящера глаза были в виде двух узких, ядовито-желтого цвета вертикальных щелей.

Богатырев подождал, пока ящер приготовился к последнему прыжку, и выпустил точную очередь.

Раздался истошный, визжащий крик, перешедший в клокотание. Ящер катался по болотным кочкам, извиваясь и содрогаясь в последней агонии. Раздутое тело постепенно опадало. Скрежещущий визг замирал.

Богатырев потрогал рукой спасший его шлем, словно боясь, что он таки раскололся.

Вдали над озером парили на распростертых крыльях неведомые существа. Буря усиливалась. Она несла через болото гигантские растения с раскоряченными корнями. Богатырев принял было их за хищников и снова готов был стрелять в них, но эти растения упали на болото, зацепились корнями за кочки и застряли.

Лишь два из них, подхваченные ветром, вновь поднялись на воздух и унеслись.

Богатырев сидел, тяжело дыша. Алеша и Добров медленно приходили в себя. Богатырев дал им понюхать остро пахнущей жидкости из пузырька.

Поверженный дракон пришел в себя без посторонней помощи. Он зашевелил крыльями, заметался между кочками, стараясь отползти подальше от страшного, лежащего сейчас недвижно врага. Потом, поставив крылья под углом к шквальному ветру, дракон подпрыгнул и поднялся над болотом. Он летел, набирая высоту, и его змееви́дное тело волнообразно извивалось.

Алеша смотрел на него и протирал глаза:

— Что это? Народные сказки?

— Пожалуй, — усмехнулся Богатырев. — И дракон летит... и от соловьиного свиста все мертвы лежат.

— Как же могли эти образы перекочевать на другую планету, жить в народных сказаниях? — поражался Алеша.

Богатырев многозначительно улыбнулся.

— Наденьте для надежности шлемы, — сказал он.

— Без специального оружия ехать дальше нельзя, — решительно заявил Добров, выбираясь из вездехода.

— Что надумал? — нахмурился Илья Юрьевич.

— Это был ультразвук, — сказал Добров. — У них на планете он действует лучше пу́шек. В дьявольском аккорде были неслышные, но парализующие обертоны.

— Ах, вот ты о чем, Роман! Аппарат ультразвуковой разведки мы не сняли?

— Не поедем дальше, пока не приспособим его для кругового обстрела.

— Вот это правильно, Роман! — сказал Илья Юрьевич.

Глава третья

ХИЩНАЯ КРАСОТА

Вездеход спрятался среди исполинских папоротников. Илья Юрьевич не позволил оставаться на открытом болоте.

Роман Васильевич и Алеша разобрали прибор.

Илья Юрьевич стоял около них с гранатным ружьем в руках и остро поглядывал в чащу.

С болота полз туман. С почвы под деревьями струйками поднимался пар.

Туманные колеблющиеся струи из-за цвета папоротников казались красноватыми. Они тоже походили на стволы, только какой-то неведомой, сказочной растительности, живой, движущейся.

И вдруг из тумана донесся крик.

Алеша, держа отвертку в руках, выпрямился, посмотрел на Илью Юрьевича. Тот встретился с ним взглядом.

Добров с укоризной взглянул на Алешу, потом показал на разобранный аппарат.

Крик повторился снова, переливающийся, призывный.

Алеша решительно положил отвертку.

— Что? — сердито спросил Добров. — Теперь уже не Соловей-разбойник, а сирена?

— Я боюсь подумать о том... как она выглядит, — взволнованно сказал Алеша.

Добров презрительно хмыкнул:

— «Она»!.. Ящерица или женщина?

— Тише! — поднял руку Алеша. — Слышите? Она зовет...

— Ящерица, вонючая, отвратительная гадина, вот кто зовет. Неужели еще непонятно, что здесь нет и не может быть никого, кроме гадов, пресмыкающихся с холодной кровью, венерозавров, ползающих или летающих...

— Это почему же? — вызывающе спросил Алеша.

Добров укоризненно посмотрел на него:

— Какую эру мы застали на Венере?

— Очевидно, каменноугольный период, — нерешительно ответил Алеша.

Добров демонстративно сложил инструменты, объявляя перерыв. Он стал говорить скрипучим голосом:

— Да. Более раннюю, чем на Земле, эру развития. И животный мир здесь более ранний — типичные представители ящеров. А человек? Разумное существо? Это высшее млекопитающее! Его организм должен быть построен на высшей энергетике млекопитающего, он должен обладать теплой, горячей кровью! Слышишь? И у него должны быть свободные от ходьбы конечности, способные к труду, который и делает существо разумным. Оно должно ходить вертикально, имея наибольший обзор местности, иметь стереоскопические органы зрения и слуха в непосредственной близости от мощного мозгового образования, оно должно обладать, короче говоря, человеческой головой, а не головой диплодока!.. Уважайте Дарвина! Вы же биолог! — Добров перешел с понуро слушавшим его Алешей на «вы». — Представьте себе лестницу эволюции на Венере. Она не будет отличаться от земной... Здесь не хватает бесчисленных ступенек от ящера до человека...

— Кстати, — вставил Богатырев, — вы никогда не задумывались, друзья, над тем, что на Земле тоже нет одной очень важной ступеньки? Нет промежуточного звена между человеком и животным миром Земли.

— Да, эта ступенька пока не найдена, — согласился Добров. — Она затерялась... но она была.

— Вы уверены? — лукаво спросил Илья Юрьевич.

Добров удивленно посмотрел на него и пожал плечами:

— Надеюсь, вы не сомневаетесь, что человек произошел от обезьяны?

— Вопрос лишь в том: от какой? — ответил Богатырев.

— Во всяком случае, на Венере даже подобия таких обезьян еще не было. Человеческий род в процессе эволюции животного мира мог бы появиться здесь спустя сотню миллионов лет.

— Это верно, — согласился Богатырев.

— На Венере пока что не хватает не одной какой-нибудь ступеньки, а целого марша лестницы эволюции. Станете ли вы, биолог, — обратился Добров к Алеше, — утверждать, что разумные существа могут появиться в эру ящеров?

Алеша, смущенный, прижатый к стене, вынужден был ответить:

— Не стану, конечно...

Добров торжествовал.

— Биолога я победил! — удовлетворенно возвестил он.

— Но остался еще поэт, — рассмеялся Илья Юрьевич.

Алеша прислушался. Где-то совсем близко прозвучал все тот же таинственный голос. Казалось, стоит сделать лишь несколько шагов — и столкнешься с обладательницей этого голоса лицом к лицу.

— Иди, иди! — усмехнулся Добров. — Ищи местный венец творенья. Аппарат я сейчас закончу.

Алеша с бьющимся сердцем шагнул в туман.

— Не отходи далеко! — крикнул ему вслед Илья Юрьевич. — И не снимай шлема!

Алеша помахал ему рукой.

Туман доходил ему до пояса. Поднимаясь в гору, Алеша выходил из тумана, как из молочной реки. Лес был окутан полупрозрачной дымкой.

Алеша увидел незнакомые растения. Он сначала принял их за разновидность лиан, но на них были цветы, огромные, поразительной красоты цветы, напоминающие земные орхидеи, увеличенные в сотню раз. Первый цветок на чужой планете! Вот он какой, необычный, удивительный!..

Неужели мелодичный голос исходил от цветка? Поющий цветок, зовущий к себе? Как неповторима природа! Земные цветы привлекают насекомых дурманящим запахом, сладчайшим нектаром, лишь бы

разнесли они их пыльцу, а здесь... Здесь цветок зовет, как сирена.

Алеша почувствовал дуновение ветра, туман заколебался прозрачными языками перед ним.

Так вот какова прекрасная обитательница планеты, красавица, призывавшая его мелодичным голосом!.. Она раскрыла объятия нежных лепестков, быть может дурманя ароматом, который не чувствуешь из-за шлема...

Ну что ж, можно помочь диковинному растению перенести его животворящую пыльцу...

Алеша подошел вплотную к цветку и не заметил, как запутался в лианах. Досадливо освобождаясь, он заметил, что мягкие наконечники стеблей, похожие на резиновые подушечки, прилипли к его костюму. Он стал раздраженно отрывать эти отвратительные щупальца, но понял, что ему скорее удастся порвать крепчайшую ткань скафандра, чем избавиться от проклятых присосков.

Он не считал положение безвыходным и не хотел звать на помощь. Впрочем, вездеход был в двух шагах. Слышно, как Добров орудует отверткой.

Вынув из-за пояса большой нож, Алеша стал отрубать присосавшиеся щупальца. Да, именно щупальца! Он уже не считал их стеблями лиан... Слишком они походили на расчетливо движущиеся пальцы хищника...

Ему удалось перерубить несколько сочащихся стеблей, но другие стебли опутали ему руку, затрудняя ее движение. Он тяжело дышал, силясь вырваться.

Над головой скользнули крылья и совсем рядом опустился кто-то крылатый...

Алеша вздрогнул от омерзения. Перед ним, всего лишь в нескольких метрах, вращал выпуклыми яйцеобразными глазами птеродактиль, маленький летающий ящер. «Местный стервятник, — подумал Алеша. — Уже прилетел!..»

Однако крылатому ящеру было не до добычи. Лианы уже опутали его, как и Алешу.

В ужасе видел Алеша, как бился ящер и как растительные щупальца неуклонно подтягивали его к раскрывшемуся во всей красоте великолепному цветку.

Мгновение — и ящер оказался на огромном пульсирующем венчике. Мясистые влажные лепестки захлопнулись, как жадные губы. Извивающийся хвост ящера остался снаружи.

Алеша похолодел. Он вспомнил земные хищные растения, которые точно так же ловят насекомых, чтобы высосать их кровь.

Алеша понял, как работал механизм цветка. Решение пришло мгновенно. Но, увы, Алеша был самим собой. Ложное самолюбие удерживало его от крика о помощи. Он хотел выкрутиться сам, считал, что сможет это сделать. С трудом дотянулся он руками до шлема и снял его.

Всей грудью вдохнул он влажный воздух. От страшного цветка шел нежный дурманящий запах.

— Подожди, росянка-венерянка, сейчас я тебя перехитрю! — пробормотал Алеша, размахнулся и бросил тяжелый шлем на венчик...

«Живой механизм» хищника должен сработать. Как только он почувствует на венчике тяжесть жертвы, лепестки закроются, а присосавшиеся щупальца ослабнут.

И действительно, едва коснулся шлем венчика, тяжелые влажные лепестки, словно причмокнув, закрылись, скрыв шлем звездолетчика.

Расчет Алеши оправдался, но... только наполовину. Присосавшиеся лианы не ослабли, продолжая цепко держать его. Более того: присоски потянулись к его обнаженной шее и впились в нее, а щупальца обвились вокруг шеи.

Алеша попытался крикнуть, но из сдавленного щупальцами горла вырвался лишь хриплый звук.

И вдруг совсем не со стороны цветка, а из тумана, почти от вездехода, скрытого туманом, прозвучал знакомый Алеше переливчатый голос.

Алеша задыхался, щупальца душили его, к тому же он вдыхал пьянящие ядовитые испарения. Он терял сознание.

Голос, в котором звучали и призыв и ужас, услышали и Богатырев с Добровым. Это так напомнило им крик человека, что они, не проронив ни слова, бросились в туман, куда скрылся Алеша.

Они сразу же наткнулись на изнемогавшего в борьбе Алешу.

Поняв все, Богатырев и Добров стали рубить большими ножами обвившие Алешу лианы.

Добров хотел было оторвать присосавшиеся к шее Алеши щупальца, но безрезультатно.

Алеша слабо и благодарно улыбался.

— Зачем снял шлем? — с горечью спросил Илья Юрьевич.

Алеша смог только глазами показать на закрывшийся цветок. Могучими ударами Богатырев разрубил хищного красавца. Нож стукнул о металлическую часть шлемофона.

Вот почему Алеша не мог вызвать помощь по радио! Наконец шлем был освобожден.

Богатырев взял Алешу на руки и легко понес, как ребенка.

— Соли! — скомандовал он Доброву. — Втирай ему поваренную соль в шею... Щупальца осьминогов только так можно оторвать.

Соль помогла. Щупальца отваливались одно за другим, оставляя после себя багровые синяки.

— Кто же кричал, Илья? Кто? — тихо спросил Добров.

Богатырев пожал плечами.

Алеша медленно приходил в себя.

Глава четвертая

ВЕНЕРЯНКА

Алеша лежал на сиденье вездехода. Его знобило. Ему казалось: если сбросить шлем, сразу станет хорошо, согреешься, дышать будет легче.

Туман давил.

Сквозь дымку показалась безобразная голова чудовища. Алеше хотелось закричать, но он рассмотрел знакомую бороду и глаза, смотревшие на него с тревогой и участием.

Потом туман еще больше сгустился и заполнил собой все.

Алеше казалось даже, что сырая мгла проникает ему в сознание.

И он метался на подушках сиденья.

...Потом Богатырев и Добров исчезли совсем...

Или Алеше так показалось... Он перестал их слышать.

Временами он ощущал, что теряет вес, иногда становилось тяжело в груди. Голова гудела.

Их нет... значит, можно снять давящий шлем... Все пройдет, станет хорошо...

Дрожащими пальцами Алеша нажал на груди кнопку. Шлем отделился от магнитного воротника.

Алеша приподнялся на локтях, тряхнул волосами. Шлема не было.

Алеша жадно вдыхал пьянящий воздух, напоенный острыми ароматами. Кружилась голова, становилось радостно, хотелось петь.

И Алеша, подчиняясь непосредственному чувству, запел, взял высокую, сильную, озорную ноту и даже сам заслушался. Так бывало, когда он кончал под аплодисменты любимую арию.

И вдруг из тумана прозвучала ответная нота, светлая, звенящая, переливчатая...

Алеша сел, всматриваясь в туман. Он различал стволы папоротников, между ними гигантские распустившиеся цветы, яркие, багровые, золотистые и эмалево-синие...

Алеша словно обрел дар видеть в тумане. Что это? Болезнь или воздух планеты так обострили органы его чувств?

Он отчетливо различал прогалину возле вездехода. Но нигде не было ни Доброва, ни Богатырева.

А что это движется меж исполинских цветов? Фигура, словно одетая в туман, легкая, почти прозрачная, могущая взлететь при первом порыве ветра...

Ветер дует здесь всегда. Алеша чувствовал, как ерошит он его волосы.

И туманная фигура приподнялась над цветами, взлетела, расправив руки-крылья...

Легко и неслышно опустилась она около Алеши.

И Алеша услышал знакомый голос, тихий, обращенный сейчас только к нему.

Он понял, что это была она!..

Он видел лес и цветы за ее спиной, но не мог разобрать лица.

У нее не было крыльев. Плащ цвета тумана ниспадал широкими складками. Его полы становились крыльями, когда она разбрасывала руки.

Руки... тонкие, нежные... Алеша не только видел, он ощущал их прикосновение.

И еще он увидел глаза... глаза венерянки, глубокие, искрящиеся... Они волновали его, звали, что-то говорили, объясняли...

А потом снова прозвучал ее голос. Она заговорила. Он не понимал ее слов, но глаза словно переводили, проникая Алеше и в ум и в душу. Он слышал незнакомые звуки, но знал, что она говорит.

— Откуда ты? — спросила она.

Алеша посмотрел наверх.

Она поняла.

Он сказал:

— Тебя не может здесь быть. Здесь ящеры. Разумные существа не успели еще появиться...

Она улыбнулась:

— Ты же ведь появился.

Она сказала это так просто, так понятно! Она не могла и не должна была сказать ничего другого.

И Алеша снова понял ее.

— Я другое дело, — возразил он. — Мы прилетели... Прилетели с другой дочери Солнца, которого ты никогда не видишь.

Она закинула руки за голову, плащ сполз на плечи. Обнаженные руки были золотистыми.

— Я слышала о нем, — сказала она. — Оно ярче всех молний. Оно светит без грома, оно летает без крыльев, оно греет без дыма.

— Откуда ты знаешь? Ты поднималась выше туч?

Она отрицательно покачала головой, пристально смотря на Алешу:

— Его видели те, кто дал жизнь всему моему племени.

— Как зовут твое племя? Как зовут тебя?

— Эоэлла, — сказала она.

Алеше хотелось сказать, что она прекрасна, как и ее имя, но голос перестал повиноваться ему.

Она протянула к нему руку и сказала:

— Ты болен. Я исцелю тебя.

На ней были браслеты из колючих лиан.

Она коснулась обнаженной шеи Алеши, и он, почувствовав укол, дернулся.

— Ничего, ничего, — прозвучал над самым ухом гулкий бас Ильи Юрьевича.

Алеша хотел вскочить, чтобы видеть ее.

— Прости, пришлось снять твой шлем, чтобы сделать укол, — говорил Илья Юрьевич. — Хиноциллин... должен подействовать.

Алеша упал на подушки, зажмурился. Он не хотел ничего слышать, он боялся открыть глаза, боялся, что не увидит ее.

Какое же у нее лицо? Неясные черты ускользали... Она улыбалась, а руки ее были ласковыми...

Алеша открыл глаза.

Илья Юрьевич надевал на него шлем. Добров в скафандре стоял на том месте, где только что была она...

— Туман густой, но все же поедем, — предложил Добров. — Включим инфракрасный прожектор. В ночные очки дорогу разгляжу.

— Где она? — спросил Алеша.

— Кто? — обернулся Добров.

— Эоэлла.

— Как? — переспросил Илья Юрьевич.

— Венерянка.

— Ах, венерянка? — повторил Богатырев. — Надеюсь, теперь она пройдет.

Алеша заметался на подушках.

— Не надо! Не надо! — твердил он.

Богатырев склонился над ним.

— Не надо, чтобы она уходила, — просил Алексей.

— Ну, знаешь ли, — услышал через шлемофон Алеша. — Лучше прогоним эту «венерянку». Ты придумал этой местной лихорадке удачное название. Хиноциллин — прекрасное средство. Я закатил тебе двойную дозу.

Алеше стало так горько, что он готов был зарыдать.

Ее не было! Это был всего лишь лихорадочный бред!..

Эоэлла!

Где он мог это слышать?

И вдруг он вспомнил.

Так звучал странный крик из тумана.

Обессиленный Алеша упал на сиденье.

Богатырев посмотрел на него через стекло шлема.

— Испарина, — сказал он. — Это хорошо.

Алеша спал и сквозь сон чувствовал, как колеблется вездеход, как круто меняет направление, проваливается, кренится на подъемах.

Пришел в себя Алеша сразу. Голова была светлой, ясной.

Вездеход шел по ручью, вернее над его водой, повторяя все причудливые его изгибы.

— Ну как, добрый молодец? Справился с венерянкой? — сказал Илья Юрьевич, заметив его пробуждение.

Алеша почему-то покраснел.

— Как американцы? — вместо ответа спросил он.

Илья Юрьевич сразу помрачнел:

— Плохо, Алеша. Худые известия от Маши с «Просперити». Сообщила в последний раз... голос у бедняжки перехватило... Потеряли радиолокаторы робота... Исчез он...

— Исчез? — поразился Алеша.

— Кто знает, что с ними случилось. Ведь без шлемов они, наверное, как и ты был у цветка... А туман здесь зловредный, с миазмами...

— А мы много проехали?

— Порядочно. Ты ведь долго спал. Вот Роман твое место у радиоприемника занял, а я — у руля. Может быть, передачу их шлемофонов засечем.

Алеша вспыхнул. Пока он спал и слушал Эоэллу, его место у радиоприемника занял другой.

Добров, отчужденный, сосредоточенный, ловил что-то, лишь ему одному слышное.

Вдруг выражение лица его изменилось, он поднял руку.

Алеша болезненно поморщился.

— А ну-ка, попробуй отстроиться получше, — предложил Алеше Добров, заметив его состояние.

Алеша радостно придвинулся к радиоприемнику, подключил шлемофоны.

— Слышишь? — поднял палец Добров.

Привычными движениями Алеша стал вращать верньер.

Хуже, лучше... чуть хуже... еще... Поймал!..

Алеша передернул плечами, как при ознобе, посмотрел прямо в глаза Доброву.

Они слышали человеческую речь, но голос был неприятный, скрипучий. Теперь можно было разобрать слова:

— ...на случай повторного дождя можно было бы сделать крытый переход до места стоянки русской ракеты. Здешние деревья могли бы послужить сырьем для лесопильного предприятия с примерным объемом производства в шесть миллионов долларов годовых...

— Робот! — объявил Добров. — Илья! Мы слышим робота! Он несет какую-то чушь.

— Худо, — отозвался Богатырев, делая крутой поворот по петле ручья. — Видимо, машина не контролируется людьми.

— Я сейчас попробую связаться с ним по радио, — предложил Роман Васильевич. — Алеша, давай передачу на его волне. Эй вы, Железный Джон или как тебя там... Слышишь меня? Черт бы побрал эту стервозную атмосферу! Треск, шум, шабаш на Лысой горе. Дьявольщина!

Робот, вероятно, принял радиограмму с вездехода, но... его создатель инженер Томас Керн рассчитал свою удивительную машину лишь на вежливое обращение. Может быть, услышав слова раздраженного Доброва, робот просто замолчал.

— Хэлло! — надрывался Добров, перенеся свою злость на замолчавшую машину. — Чертова железная кукла! Проклятый автомат! Требую ответа! Перехожу на прием.

Робот молчал.

— Слушай, Роман, — сказал Богатырев, снова поворачивая вездеход, — а ты поспокойнее, повежливее...

— Что ты, смеешься? Атмосфера или машина способны обидеться?

— Ну, не машина... а тот же Аллан Керн, который тоже может тебя слышать.

— Ну хорошо. Хэлло! Хэлло, уважаемый Железный Джон, вы слышите меня? Прошу вас ответить.

Алеша услышал в шлемофоне:

— Слышимость сорок шесть и пять десятых процента. Мешают грозовые разряды, — безучастно ответил робот.

— Где американцы? Где Керн и Вуд? Где ваши хозяева?

— Хозяева неизвестны. Рабовладение запрещено американской конституцией. Я свободная мыслящая машина, — проскрежетал в ответ робот.

— Черт возьми! — вскипел Добров. — Ответите мне или нет?

Робот молчал.

— Хэлло, Джон, — взял себя в руки Добров. — Очень прошу вас, информируйте, пожалуйста, о положении ваших спутников.

— Положение горизонтальное, — ответил робот.

— Где вы находитесь?

— Под каменным сводом.

— Все ясно! — воскликнул Добров. — Они в пещере. Вот почему локатор Маши потерял робота. Хэлло, уважаемый Джон, что говорят ваши спутники?

— О диких потомках, которые выживут на Венере.

— На американцах есть шлемы?

— Нет.

— Венерянка! Илья! Они так же бредят, как и Алеша.

— Плохо, — нахмурился Богатырев. — Сумеет ли робот сделать укол? Дай-ка я сяду на связь.

Добров и Алеша уступили место Илье Юрьевичу у радиоприемника. Добров сел за руль.

— Слушайте, Джон, приятель, — сказал Богатырев, — у ваших спутников лихорадка.

— Лихорадка, малярия, инфлуэнца, грипп, — произнес робот.

— Нужен укол хиноциллина.

— Укол, шприц, продезинфицировать кожу...

— Верно, верно, Джон, старина! Молодчина! Прошу вас, возьмите в вашей походной аптечке хиноциллин.

Слова Богатырева прозвучали в устройстве электронной машины, бездеятельно стоявшей под каменным сводом, и робот ожил. Он получил программу действия. Теперь уже все выводы электронного устройства становились безукоризненными, задания исполнительным механизмам — четкими, движения электромагнитных мускулов — уверенными.

Робот нашел и открыл походную аптечку, которую носил за плечами, отыскал по номеру хиноциллин и шприц, склонился над Алланом Керном, продезинфицировал ему шею — единственное открытое и доступное место — и артистически сделал укол.

Затем он перешел к Гарри Вуду.

Молодой человек метался, перекатываясь по камням пещеры. Робот гонялся за ним с нацеленным шприцем, но Вуд словно нарочно увертывался. Кончилось тем, что Робот сделал укол в пятку Гарри, защищенную толстой подошвой и каблуком, и едва не сломал шприц.

Действие хиноциллина оказалось мгновенным. Аллан Керн пришел в себя и сразу оценил положение:

— Лихорадка... испарения... хиноциллин! О Томас! Любимый брат мой! Вы создали чудо! Ваш Джон поставил диагноз, он лечит... Клянусь, это даже больше, чем нужно для управления государствами...

Аллан Керн для надежности отобрал у робота шприц и сделал Вуду укол сам.

Потом он надел на себя и на Гарри шлемы и снова упал на камни.

Но теперь это был освежающий, живительный сон.

Керн и Вуд спали так крепко, что не слышали тщетных радиовызовов Доброва.

Глава пятая

ТРИНАДЦАТЬ БАЛЛОВ

Вездеход плавно скользил по спокойной речке, в которую, раздвинув берега, превратился ручей.

Заросли кончились сразу, и исследователи оказались на морском берегу.

До самого горизонта простиралось ревущее море поразительного цвета — серебро с чернью.

Перед путниками словно клокотал расплавленный металл. Гигантские валы обрушивались на прибрежные утесы, сотрясая их ударами титанических молотов.

Добров подвел вездеход к берегу, машина легко выбралась на камни и остановилась. Трое молча вскарабкались на утес.

Бушующий океан был разлинован белой пеной и темными полосами. Бешеный ветер загибал гребни волн, вытягивал вперед их белые гривы. Они кружевными карнизами перекрывали на огромной высоте провалы между волнами.

Илья Юрьевич поднес к глазам бинокль. Ветер трепал его седеющие волосы, завладел оправленной в серебро бородой. На берегу путники стояли без шлемов, радостно захлебываясь плотным бодрящим воздухом, совсем иным, чем в болотной чаще.

— Сколько же баллов шторм, Илья Юрьевич? — спросил Алеша.

— Баллов одиннадцать.

— По двенадцатибалльной земной шкале, — усмехнулся Добров. — На нашей скорлупе такое море не переплыть.

— Назад предлагаешь повернуть? — нахмурился Богатырев.

— А что здесь можно предложить? — резко повернулся к нему Добров.

— Что предложить? — вспыхнул Алеша. — Я не предлагать буду, а просить... Я прошу, Илья Юрьевич, разрешить мне одному переплыть пролив и вернуться с американцами. Если через два дня нас не будет, добирайтесь пешком до ракеты и стартуйте на Землю без нас.

Богатырев спрятал бинокль в футляр, положил руку на плечо Алеше и повернулся к Доброву:

— Боишься, значит, что утонем?

— Я страха не знаю, Илья, — нахмурился Добров. — Но уверен, что утонем.

— Страха не знаешь — чужой боли не поймешь. Страх ведь, как и боль, человеку не зря природой дан. Боль сигнализирует о болезни, а страх предостерегает и бережет. Бояться нужно. Я, например, и не скрою, что боюсь такой бури. Но ведь храбрость не заменяет страха, а побеждает его. Проявляется она людьми ради людей...

— Я тоже забочусь о людях, об удачном исходе великого научного опыта, — упрямо сказал Добров.

— Наука, Роман, не злобное божество, жаждущее жертв. Наука гуманна. Ради нее нельзя оставить на гибель людей.

— Если бы я верил в удачу, в то, что мы им поможем! — с горечью воскликнул Добров.

— Люди в древности переплывали Тихий океан на плотах, а у нас амфибия... — вмешался Алеша.

— Значит... — поднял вверх брови Добров, выжидательно смотря на Богатырева.

— Плывем, друг Роман, плывем... — примирительно сказал Илья Юрьевич.

— По-моему, двенадцать баллов, — как ни в чем не бывало заметил Добров, оценивающе глядя на море.

— Пожалуй, — согласился Богатырев и взял за плечи обоих помощников.

Крепко притянув их к себе, он сказал им одну только фразу...

Добров хлопнул себя по лбу.

Алеша заглянул ему в лицо:

— А инструкция? — ехидно спросил он.

Добров отмахнулся от него.

Алеша был восхищен Ильей Юрьевичем. Как просто находил он всегда нужное решение! Как хотел бы он, Алеша, походить на Илью Юрьевича!..

Илья Юрьевич еще в детстве, в войну, потерял родителей и стал сыном полка: воспитанником воинской части. После детдома, где он бережно хранил полученную им боевую медаль, он попал в экспедицию под начальство известного профессора-палеонтолога и знаменитого писателя-фантаста, который сумел привить ему любовь к знаниям и романтике. Он повидал в каменной пустыне Гоби величайшее кладбище динозавров и мечтал о звездах. Оставшись на Дальнем Востоке, он учился в мореходном училище, ходил матросом под парусами и на каботажных судах в Тихом океане, влюбившись в море, всегда изменчивое и прекрасное.

Учился Илья, по настоянию своего шефа, в Московском университете, еще студентом отправился в двухгодичную палеонтологическую экспедицию и по возвращении вдруг поступил в Горный институт, который и закончил, мечтая о том, как будут прорывать глубочайшие шахты, открывающие сокровенные тайны Земли.

Впоследствии горный инженер Богатырев был удостоен за палеонтологические открытия степени доктора биологических наук. Однако всеобщее признание он получил совершенно неожиданно, как геолог, заложив основы новой науки, возникшей на грани познания мертвой и живой природы. Он нашел новейшие методы открытия каменного угля, газа, нефти, торфа...

Но поворотным в исследовательском пути профессора Богатырева был 1960 год, когда в Одесских катакомбах были обнаружены кости древних животных, ископаемых страусов, верблюдов и гиен, относящихся к эпохе верхнего плиоцена. Им насчитывалось миллион лет. Кости привлекли внимание ученых тем, что были... искусно обработаны в сыром состоянии!..

Илья Юрьевич вылетел в Одессу и принимал участие в изучении древних костей. На них были обнаружены точно вырубленные окошечки, пазы, желобки, абсолютно правильные круглые отверстия... Экспертиза показала, что кости обработаны металлическим инструментом!..

Потом профессор Богатырев отправился в Сахару и изучал там наскальные изображения существ в скафандрах, созданных древними художниками шесть тысяч лет назад в скалах Сефара.

Он изучал в Британском музее череп из Брокен-Хила и установил по маленькому идеально круглому отверстию на левой теменной кости, что неандерталоидный человек был убит в Африке сорок тысяч лет назад пулей!

Он изучал отпечаток подошвы с характерным геометрическим рисунком, оставленный миллион лет назад на песчанике пустыни Гоби и обнаруженный совместной

советско-китайской палеонтологической экспедицией под руководством Чжоу Мин-чена в 1959 году.

Особое его внимание привлекла знаменитая Баальбекская веранда в горах Антиливана. Чтобы изучить ее, он отправился в Ирак и там поражен был видом сооружения, сложенного много тысяч лет назад из плит весом более тысячи тонн каждая. Одна из таких исполинских плит и ныне лежит в древней каменоломне, откуда плиты поднимались неведомым способом на холм и там — на семиметровую высоту сооружения. Современным техническим средствам это было бы не под силу. Кто мог сделать это в древности?

В Перу его привлекли загадочные знаки, выложенные во времена древних инков, в виде правильных геометрических фигур, тянущихся на километры. Они были обнаружены в пустынной местности в Андах во время аэрофотосъемки. Лишь с воздуха можно было окинуть их взглядом, они словно предназначались для того, чтобы ориентироваться по ним с большой высоты...

Профессор Богатырев связывал все это воедино. Он стремился воссоздать историю Человека, историю возникновения и развития самого молодого на Земле существа, которому всего лишь около миллиона лет и которое, несмотря на свою сравнительную слабость и неприспособленность, неизмеримо возвысилось над всем животным миром.

И больше всего интересовало профессора Богатырева то обстоятельство, что изумительным органом, давшим человеку всепобеждающую способность мыслить, — развитым мозгом, — человек обладал уже на самой заре своего появления.

Найти человека или получеловека с недоразвитым мозгом науке не удалось.

И палеонтолог Богатырев почему-то устремился в Космос.

И он участвовал вместе со своим учеником Алешей Поповым в одной из лунных экспедиций и вот теперь возглавил экспедицию на Венеру, имея на это особые основания.

Именно на Венере рассчитывал профессор Богатырев проверить некоторые из своих пока еще никому не известных выводов.

Но даст ли природа Венеры нужный ему ответ?

...Профессор Богатырев занял место на носу вездехода. Добров уселся за руль на приподнятой корме. Алеша не расставался с кинокамерой.

Его восхищал невиданный прибой.

Добров включил воздушные насосы. Вездеход, подняв под собой облако песка с отмели, приподнялся и двинулся на воду.

Уровень реки колебался при каждом ударе морских волн. Кратковременные приливы и отливы чередовались один за другим.

Маленький вездеход дерзко ринулся навстречу бегущим из открытого моря водяным хребтам.

Первая же волна, накрыв его пеной и обдав путников потоками воды, подбросила суденышко на гребень.

Взлет был так стремителен, что люди ощутили свинец в голове, боль в висках. Но в следующее мгновение они уже проваливались в бездну, теряя, как в Космосе, вес... Высоко над их головами протянулся кружевной полог пены.

Вода стекала по прозрачным колпакам. Алеша бодро крикнул про автомобильные стеклоочистители, которые здесь пригодились бы...

Добров, закусив губу, вел вездеход.

Берег с черными утесами, о которые мог разбиться вездеход, отодвигался назад. Но валы стали страшнее, ветер свирепее. Он срывал вездеход с гребней волн, силился сбросить его назад. Доброву стоило огромных усилий удерживать машину на курсе.

— Тринадцать баллов, ребята! Тринадцать! — весело сказал Илья Юрьевич. — Двенадцать баллов — это только на Земле предел...

Алеша уже не видел набегающих волн. Ему казалось, что сам океан, весь мир вместе с небом и тучами, с валами и горами то проваливается, то взлетает... Колебалась сама планета, более того — вся Вселенная...

Сила шторма нарастала. Теперь, когда суденышко взлетало на гребень волны, нужно было изо всех сил держаться за борта, чтобы не вылететь...

Алеша дрожал от радостного напряжения, от ощущения безотказности подчиненной им техники. Он верил, что они переплывут «Берингов пролив», как называл он мысленно это море, доберутся до другого континента, где оказались американцы.

Стараясь увидеть «их берег», Алеша заметил странную быстро летящую тучу. В очертаниях облаков легче всего вообразить фантастические фигуры... Он не поверил себе:

— Илья Юрьевич, что это там летит?

Богатырев приложил к шлему ладонь, словно защищаясь от никогда не видимого здесь Солнца.

— Худо! — сказал он и потянулся за ружьем.

В небе летело чудовище.

Его изогнутые дугой крылья с острыми шипами с задней их стороны накрыли бы океанский корабль от носа до кормы. Скользившее над пенными гребнями белое брюхо было под стать исполинским валам. Зубчатый гребень на спине переходил в вытянутый чешуйчатый хвост размером больше крыла. В вытянутой зубастой пасти мог поместиться вездеход.

Только на Венере с ее плотным воздухом, пользуясь ураганом, мог лететь гигантский ящер...

Он выискивал в волнах добычу, способный поднять из воды в когтистых лапах даже земного кита, унести его в облака...

Богатырев вскинул гранатное ружье. Но пробьют ли чешую гранаты? А в глаз при такой качке разве попадешь!

Исполинский птеродактиль приближался. Богатырев выстрелил. Сменив ружье, он сумел выпустить две гранаты в брюхо чудовища.

Но живот хищника, очевидно, был защищен едва ли не лучше всего. Ведь ему приходилось иметь дело с острыми шипами на хребтах жертв... Гранаты только разъярили зверя.

Бреющим полетом, срезая концами перепончатых крыльев пену гребней, ящер полетел на вездеход.

Алеша дивился, смотря на чудище. Настоящий дракон из старых сказок. Дракон! Такого же «драконьего птенчика» сбивал своим свистом Соловей-разбойник.

Алеша расширенными глазами посмотрел на Илью Юрьевича. Тот понял его без слов.

А Добров уже возился с аппаратом ультразвуковой разведки, который они с Алешей перемонтировали...

— Нет! Врешь! Знаем, чем тебя взять! Знаем! — крикнул Алеша, бросаясь к прибору.

Чудовище, поставив одно крыло выше другого, делало мастерский вираж, снова выходя на жертву.

Угрожающе приближались развернутая зубастая пасть, чешуйчатая грудь и бороздящий по пенным гребням хвост, оставляющий буруны.

Добров включил прибор.

Невидимый ультразвуковой луч пронзил плотный венерианский воздух и уперся в бронированное тело исполинского ящера.

Никто из людей, одетых в скафандры, не почувствовал сейчас ультразвука. Ультразвук бил по чудовищу направленным лучом, поражая его нервные центры. Люди не были даже уверены, работает ли прибор...

Чудовище продолжало лететь, круто снижаясь. Его хвост задел за гребни волн, ушел в воду.

Птеродактиль был уже мертв, но исполинская его туша по инерции летела на прежнюю цель, и всей многотонной тяжестью обрушилась она на утлое суденышко, накрыв его собой.

Все было кончено в одно мгновение. И вездеход и труп зверя исчезли в кипящей пене.

Бешеный ветер срывал ее с острых гребней. Исполинские валы катились к берегу, чтобы разбиться об утесы.

Даже следов суденышка и дерзких храбрецов, пытавшихся помочь собратьям, не осталось на поверхности яростного венерианского моря.

Глава шестая

ОДНА В КОСМОСЕ

Мэри Стрем была одна в кабине, одна на корабле, одна во всем Космосе.

Любая женщина на ее месте могла бы сойти с ума. Мэри не сошла с ума, но она потеряла способность что-либо ощущать... Не только за стенками корабля была пустота. Пустота была в ней самой.

Гарри больше не было.

Неестественно жестким голосом сообщила она об этом командору экспедиции. Она должна была сделать такое сообщение и передала его, не веря себе, не желая поверить...

Она ждала, что русские повернут обратно — ведь им некого было больше спасать.

Радиоволны из-за магнитных бурь не проходили, и Мэри на протяжении нескольких кругов, которые сделал «Просперити» вокруг планеты, не имела связи с вездеходом. Она ждала радиограммы с корабля «Знание», и вдруг радиолокатор обнаружил вездеход не около ракеты, а в открытом море.

Мэри с бьющимся сердцем отрегулировала экран локатора на предельное увеличение. Она четко различила качающийся, очевидно, на волнах силуэт амфибии.

Но на радиовызовы русские не отвечали. Мэри не могла понять почему — ведь она

не представляла себе, что творилось в бушующем проливе, через который рискнули плыть русские...

И вдруг борт-инженер Добров передал в эфир несколько отрывочных фраз. Приборы записали их на ленту, и Мэри потом без конца с ужасом прослушивала:

— ...Шторм тринадцать баллов... Видим тот берег... Нападает летающее чудовище размером с океанский корабль... Передайте на Землю, что...

И больше ни слова.

Остальное рассказал экран локатора. Самое страшное Мэри увидела сама...

Неведомое чудовище не отражалось на экране тенью, Мэри лишь мысленно представила себе, как тень дважды прошла по силуэту вездехода. Но то, что силуэт вездехода исчез, она увидела на экране. У нее перехватило дыхание. Очевидно, чудище нырнуло с добычей на дно.

Мэри в бешенстве стучала по пульту кулаками. «Просперити» улетал от места, где разыгралась драма, уходил в другое полушарие, и она не могла его остановить, как не могла и сдержать себя. Она рыдала...

Это были рыдания сильного человека, не только потрясенного горем, но и ощутившего полное свое бессилие.

Она не человек, способный мыслить, действовать, бороться, — она лишь часть аппаратуры корабля, приговоренного кружиться над пустой теперь планетой!..

Сначала американцы, потом русские... На Земле мы часто противостояли друг другу, искали дорогу, на которой можно стоять рядом, соревновались в богатстве, влиянии на умы, высоте идеалов и справедливости, в победах науки, завоевании Космоса, а теперь вот построили почти равные по совершенству космолеты, на которых плечом к плечу вошли в чужой мир, и вот погибли в этом чужом мире...

Русские, всегда чуть загадочные, непонятные, которыми пугают и которых не постигают из-за чуждости их души, мышления, подхода ко всему.

Почему, несмотря на ее сообщение об исчезновении американской экспедиции, они все-таки рискнули плыть через пролив? Что за люди эти русские? Когда узнают о них в Америке всю правду?

Мэри смотрела на себя в специально для нее вделанное в пульт овальное зеркало и сама себе казалась чужой. Провалившиеся глаза, дрожащие губы, сбившиеся волосы...

До сих пор Мэри Стрем не умела плакать, не знала страха, не знала бессилия...

Слабая надежда всегда будет теплиться, пока жив человек.

Может быть, отказал прибор?

И Мэри пыталась нащупать радиолокатором хоть что-нибудь на поверхности страшной планеты.

Но корабль пролетал преимущественно над океаном. Водные просторы занимали большую часть планеты.

Еще и еще раз оказывалась Мэри над местом высадки людей и снова убеждалась, что нет на экране локатора ни черточки вездехода.

Как горько, как нелепо закончилась одна из самых дерзких экспедиций, которые когда-либо предпринимал человек!..

Из трех кораблей, из девяти избранников человечества осталась только она, Мэри Стрем, дочь богача, невеста бесстрашного ученого, ради которого она сделала даже больше, чем может сделать любящая женщина, — победила страх и слабость... Она осталась одна, а его, ироничного увальня, простого, близкого, немногословного и романтически одержимого, Гарри Вуда, которому принадлежат все премии, назначенные на Земле за открытия в иных мирах, его нет, как нет и всех тех, кто был с ним, разделил его участь, пытаясь спасти его...

Когда-то Мэри ради славы спрыгнула со скалы в кипящие волны прибоя. Сейчас в ее затемненном горем мозгу мелькнула безумная мысль снова спрыгнуть, на этот раз в океан кровавых туч, повернуть рули, включить дюзы, ринуться вниз, сгореть, сверкающим болидом упасть на то место, где умер Гарри, где погибли русские...

Но нет! Неужели она получит от Жизни пулю в спину, трусливо покидая поле боя? Нет, нет! Если падать, то только навзничь, получая смертельный удар в грудь. Есть запасный планер! Долг последнего исследователя, долг подруги, жены героя — спуститься на поверхность планеты, пройти любые джунгли, убедиться в гибели Гарри. И, быть может, спасти его, добраться до русской ракеты, стартовать на ней, найти «Просперити» с топливом и вернуться на Землю!..

Что? Безумие? Может ли одна женщина сделать то, что не смогли сделать пятеро

сильных мужчин, управляющих машинами, она, слабая...

Кто говорит о слабости женщины, тот забывает, что нет большей силы, чем сила женщины, способной перенести все во имя долга и чувства, силы женщины, жены и матери, благодаря которой существует человеческий род!

Полная решимости, забыв о минутной слабости и слезах, Мэри, подтянутая, напряженная, с сухими горящими глазами, прошла в отсек, где стоял запасный планер, такой же, как тот, на котором улетели Вуд и Керн.

Какой мужчина решился бы на такой план?

Мэри обдумывала его во всех деталях. Достигнуть квадрата «70», опуститься в месте, где последний раз видела она точку робота.

Она склонилась над глобусом Венеры, который был составлен вместе с русскими с помощью радиолокаторов.

Оставалась Земля...

Нет, Мэри ни у кого не будет просить разрешения! Она не просто одинока — она величественно одинока в Космосе! Она единственная во всем межпланетном пространстве свободная, ответственная только перед самой собой, она не будет связываться с Землей, со штабом перелета. Она только взглянет на Землю, может быть, послушает ее голос...

Мэри прижалась лбом к холодному стеклу иллюминатора.

Бездонная чернота, в которой сверкают кипящие в атомном неистовстве миры...

И среди них милая и далекая голубая звездочка, самая прекрасная, прекраснее красавицы зорь, которой Мэри любовалась с Земли на рассвете и которая мрачным горбом заслоняет сейчас часть звездного неба. Голубая звезда, родная Земля!

Нет, Мэри не могла не услышать ее голоса. Еще есть время... «Просперити» должен сделать вокруг Венеры почти полный оборот.

И Мэри включила радиоприемник. Сейчас по расписанию не было радиосвязи, но девушка совершенно бессознательно пыталась уловить голос Земли...

И вдруг она услышала его...

Всякая передача на Венеру требовала затраты огромной мощности, она была сжата в могучий импульс, где многократно ускоренные звуки сливались в яркий всплеск...

Сейчас эти всплески звучали один за другим, словно на «Просперити» передавались тучи телеграмм.

Аппараты «Просперити» расшифровывали сигналы, замедляли звуки, передавали их человеческой речью.

Но это оказалась не речь, а... пение.

Песня Земли!..

Для Мэри в этой песне звучала сама Земля! Горы, их сверкающие снеговые вершины. Небо, бездонное, синее, с бегущими, легкими, как шарф, облаками. Солнце, земное, яркое, не уродливо лохматое, а веселый ослепительный кружочек, ласково греющий... Лес, чудесный, совсем не хмурый, но загадочный... И ветер волнами шумит в листве. Река, медлительная, прохладная. Простор прерий и скачущие за горизонт всадники. И сама она скачет вместе с ковбоями отца. Трава там доходит до плеч. А вот в саду трава мягкая, шелковистая. Птицы поют в ветвях, щебечут, перекликаются. Далекий гудок пароходика. Лента шоссе. Бешеная езда в открытом автомобиле. Горные повороты, от которых и захватывает дух и радостью переполняется сердце... А на повороте — неуклюжий и милый человек с нелепым пучком трав... Скрип тормозов, легкая испарина на лбу и протянутый ей с шутливой благодарностью букет из трав... Гарри!.. Ее Гарри!

В кабине космического корабля звучала песня Земли, чтобы напомнить Мэри, что она не одна в Космосе, что родная ее планета с миллиардами людей тоже движется в том же Космосе и думает о ней.

Песню передавали для Мэри из штаба перелета, кто-то чуткий думал о ней.

Разве может она не предупредить о том, на что решилась!

Радиостанция штаба американской части экспедиции вызывала ее.

Мэри победила себя и ответила. Убыстренные звуки ее голоса электромагнитным всплеском умчались к Земле в могучем импульсе разряда электрических конденсаторов. Этот всплеск долетит до Земли лишь через триста секунд, через целых пять минут. Мэри узнает, что ее ответ принят, лишь через десять мучительных минут... Лишь за это время световые или электромагнитные волны достигнут Земли, дойдут от Земли до Венеры... Для Мэри в это время минуты казались часами.

Ее услышали. И Мэри узнала, что весь мир Земли, люди в Америке, Европе, Азии, Австралии, Африке скорбят о трагической гибели членов экспедиции...

Американский штаб перелета передавал Мэри приказ: «Просперити» оставить Венеру. Мэри Стрем, единственной оставшейся в живых, вернуться в Америку, где ее встретят как национальную героиню...

Мэри не сразу поняла, что это значит — национальная героиня...

Кибернетическая машина бесстрастно напечатала текст переданного приказа...

Мэри, закусив губу, перечитывала скупые и краткие строчки.

Значит, она не принадлежит себе в пустоте Космоса, она принадлежит Америке?..

А Гарри?

Автоматическая пишущая машинка отщелкивала строчку за строчкой. Семья Мэри не выходит из церкви, вознося за нее молитвы. К ней протягивают руки отец, мать, брат... Академии наук многих стран избрали ее своим членом или членом-корреспондентом... Ей присвоено множество почетных званий, присуждена американская премия по астронавтике... Комитет Нобелевской премии в Швеции будет рассматривать ее отчет о полете как научную работу величайшего значения...

И еще, и еще... Газеты публикуют сенсационные сообщения, что тысячи молодых людей, восхищенных подвигом девушки, почтительно разделяя ее горе, готовы посвятить ей свою жизнь и состояние, предлагают ей свою руку... В их числе несколько сыновей миллионеров, знаменитые киноактеры, известные бейсболисты и боксеры, один вождь индейского племени и даже молодой католический кардинал, готовый в случае согласия Мэри сложить с себя сан, совершив тем угодный богу подвиг...

Люди Земли думали о Мэри, они жалели и любили ее...

Мэри слушала голос Земли, гордо закинув голову.

Она написала краткую радиограмму. Ей не нужны почести, она разделит судьбу тех, с кем вместе пересекла Космос, или спасет тех, кто, быть может, еще жив.

Мэри не передала эту радиограмму. Аппараты должны были автоматически передать ее, как только она сядет в планер в ожидании, когда сработает реле времени и планер начнет полет.

Мэри решилась. Она думала, что решилась. Она уже надела скафандр...

И вдруг она поняла, что не сможет прыгнуть вниз с космической высоты... Не надо было слушать Землю... Нет! Не предложение сердец, даже не сообщение о почестях и даже не приказ. Не надо было слушать песню Земли... Эта песня околдовала Мэри, сделала ее бессильной для последнего подвига, а ее просветленный ум вдруг перестал признавать поступок, на который она решилась, подвигом.

Нет, не смерть на Венере близ Гарри, а жизнь на Земле во имя прославления имени Гарри, быть может, ради продолжения его дела... На это нужны силы, а не на гибель...

Подвиг не в том, чтобы ринуться вниз и сгореть в атмосфере или погибнуть в джунглях, подвиг в том, чтобы одной, без командора и шефа, без инженеров, довести «Просперити» до Земли... Если она погибнет в пути, она будет достойна Гарри и всех тех, кто остался в Космосе с ним, если она долетит до Земли и даже посадит корабль на космодроме в Скалистых горах, то она сделает это во имя Гарри.

Мэри уничтожила радиограмму прощания.

Она написала другую:

«Мне очень трудно улететь от Венеры. Я получила приказ о возвращении и очень хотела бы выполнить его. Я не знаю, смогу ли это сделать. Ведь мне некому помочь. Может быть, я собьюсь с пути или сойду с ума за эти месяцы, которые должна пробыть в дороге... Мне очень хочется на Землю, очень... Я ведь думаю о том, как можно набрать букет цветов или искупаться... А вы хотите избирать меня в академии. Я постараюсь выполнить приказ. Самое трудное для меня будет дать старт, сойти с орбиты вокруг Венеры. Мне будет трудно улететь от планеты моего горя, потому что я боюсь быть счастливой на Земле».

Мэри перечитала радиограмму, которую должны были передать на Землю автоматы, и лицо ее стало каменным.

«Просперити», последняя ступенька, которой должны были воспользоваться те, кто спустился на Венеру, уходил к Земле.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СОЛНЕЧНОЕ ПЛЕМЯ

Глава первая

НАВАЖДЕНИЕ

Три исследователя, одетые в космические скафандры, погружались на дно...

Их межпланетное одеяние из мягкой пластмассы, шлемы и аппаратура для дыхания не уступали водолазным костюмам. Тяжелое снаряжение увлекало на дно.

В первый миг все потеряли друг друга из виду. В глубине уже не красная, а зеленоватая вода становилась все гуще, темнее, пока не превратилась в черную мглу.

Радиосвязь под водой не действовала.

Алеше стало не по себе. Только что без тени страха снимавший кинокамерой птеродактиля, сейчас он, никого не слыша, ничего не видя и не ощущая, закричал чужим, хриплым голосом. Его не услышали... Он рванулся в сторону, протянул руки, чтобы достать товарищей. Что-то скользнуло по его руке. Он отдернул ее с омерзением.

До боли сжав челюсти, он медленно опускался на дно.

Когда наконец он стал на мягкий ил, то почувствовал стыд за свой крик. Он даже обрадовался, что не был услышан.

Справа, разрезая чернильную толщу воды, вспыхнул яркий серебристый конус, упирающийся в размытый туман.

В луче метнулись диковинные рыбы с пилообразными хребтами, с глазами, горящими в луче, как у кошек, мелькнули и исчезли... А вместо них в освещенное пространство вошел Илья Юрьевич, огромный, спокойный, бородатый и улыбающийся. Он словно стоял не на дне венерианского моря, а на берегу, где недавно сказал своим помощникам, что в крайнем случае вездеход опустится под воду, и они перейдут пролив по дну...

Алеша, преодолевая плотную преграду, добрался до Богатырева и обнял его. Илья Юрьевич не отстранился, как обычно.

Прожектор на вездеходе зажег Добров.

Затонувший вездеход был цел!

В свете прожектора виднелось исполинское перепончатое крыло и часть гороподобной туши уничтоженного ящера, хвост которого придавил вездеход ко дну.

Освободить вездеход оказалось нелегким делом. Пришлось включить двигатели. Насосы засасывали не воздух, а воду. Отбрасывая ее вниз, они приподняли вездеход вместе с чудовищным хвостом. Богатырев и Алеша подставили плечи, чтобы удержать этот хвост. Добров выключил насосы и включил реактивный двигатель. Вездеход опустился ко дну и рванулся.

Машина была свободна.

Алеша и Илья Юрьевич выбрались из-под хвоста дракона.

Илья Юрьевич наклонился, чтобы коснуться корпуса вездехода антенной, и сделал знак, чтобы его товарищи сделали то же. Теперь можно было переговариваться через шлемофоны.

— Вижу, двигаться он может свободно, — кивнул на вездеход Богатырев.

— Лишь бы не сбиться с пути, — отозвался Добров.

— Как хорошо, что магнитное поле на Венере такое сильное! — вставил Алеша. —

Компас действует. А я ведь струсил... закричал, — признался он.

— Трусить еще придется всем, — проворчал Добров. — Теперь жди ихтиозавра какого-нибудь. Не знаю, пригодятся ли против них наши подводные ружья.

— Все-таки достань их, — посоветовал Илья Юрьевич.

Добров снова включил насосы, создававшие воздушную подушку. Они засосали воду и направили вниз струю.

Добров так отрегулировал работу насосов, чтобы машина оставалась во взвешенном состоянии. Самому ему пришлось выбраться на дно. Доставая рукой приборы управления, он включил горизонтальный двигатель на самый тихий ход.

Держась за борта, все двинулись вперед.

Антенны не касались теперь металлического корпуса, и связи между путниками не было.

Прожектор освещал странное пестрое дно. Ил был усеян самоцветными камнями, которые радугой играли в луче прожектора. Но скоро выяснилось их удивительное свойство. Синие, желтые, золотистые, под влиянием света они быстро меняли окраску, становясь все ярко-красными, а потом коричневыми, в тон ила... Многие из них не только меняли окраску, но и уползали из светлой полосы в тень. Скорее всего, это были раковины моллюсков или крабовидных.

Рыбы, кроме стаек проворных мальков, проносившихся прозрачным веером, избегали попадать на свет. На самом краю освещенного конуса глаза их горели поволчьи.

Илья Юрьевич взял гранатное ружье. Оно могло помочь и под водой. Добров и Алеша вооружились ружьями-острогами.

Илья Юрьевич шел первым, и его силуэт выделялся на фоне освещенной воды. Он поворачивал голову, тревожно всматриваясь в темноту.

В луче прожектора стали попадаться скалы неправильной формы, занесенные илом, поросшие водорослями.

Доброву приходилось лавировать между ними.

Алеша жадно всматривался в их неясные, исчезающие в мутном тумане очертания.

Добров нашел проход, вдоль которого скалы тянулись по обе стороны, уходя ровными рядами в темноту.

У Алеши сжалось сердце. Он не мог отделаться от ощущения, что они движутся по... улице.

Это было смешно. Романтическая уверенность Алеши в том, что на Венере есть разумная жизнь, под давлением неопровержимых аргументов Доброва давно уже пошатнулась. На Венере эра развития оказалась слишком ранней, чтобы можно было ждать появления разумных существ. Венерианку он видел только в бреду. Но все-таки, какие странные скалы!..

Конечно, Добров возмутился бы, узнав о диком предположении Алеши. Илья Юрьевич, возможно, пожурил бы его, назвав мечтателем...

Однако нельзя же пройти мимо таких скал, даже не посмотрев хоть на одну из них вблизи...

Алеша догнал Богатырева и дотронулся до его плеча. Тот вздрогнул и резко обернулся.

Алеша показал на скалы, потом на свои глаза, сделал умоляющий жест руками.

Богатырев взглянул на герметические ручные часы и отрицательно покачал головой.

Алеша поднял один палец. Одну только минуту, одну только скалу. Ведь единственная возможность!..

Илья Юрьевич нахмурился, скрестил руки на груди, показывая, что он будет ждать, но лишь недолго.

Алеша двинулся вперед к освещенной скале.

Удары сердца отдавались в висках.

Если бы это на самом деле оказались руины!..

Однако скала, полускрытая илом, меньше всего походила на развалины строения.

Но почему все эти скалы вытянуты в линейку? И по другую сторону «улицы» так же!..

Когда-то Алеша ездил в туристическую поездку по Италии и побывал в Помпее. Он как завороженный рассматривал тогда древний город развалин, более тысячелетия пролежавший под пеплом Везувия.

Его поразили ровные улицы, ряды примыкающих один к другому каменных домов без крыш... В каменной мостовой были глубокие выбоины от колесниц... Сколько столетий нужно было ездить по этим мосто-

вым, чтобы выбить в камне такие колеи!.. Он заглядывал в дома без крыш, старался представить, какие здесь жили люди... Маленький городок тысяч на двадцать жителей, но в нем были и общественные бани, и спортивный зал для юношей, и античный театр с великолепным полукружием амфитеатра, и открытый форум для собраний, и храм с сохранившимися колоннами!..

О, если бы увидеть сейчас хоть одну колонну!

Алеша шел впереди вездехода в широкой части расходящегося луча, где свет захватывал странно ровный ряд скал.

Но колонн не было...

Неужели эти подводные жилища сооружены какими-нибудь животными? Строят же бобры плотины и хатки... Не говоря уж о геометрически правильных муравейниках.

Расстаться с мечтой всегда очень трудно.

Алеша упрямо шел, разглядывая каждую скалу. При близком рассмотрении они оказывались разной формы и совсем не напоминали Помпеи. Если бы найти хоть один вход в скалу!..

Он так и подумал — «вход в скалу». Не решился додумать «в дом», но слово «вход» мысленно произнес.

Некоторые скалы были много выше других. Их геометрически правильная форма казалась подчеркнутой...

Хотелось осмотреть хоть одну скалу поближе. Он обошел подножие скалы, но входа не нашел. И вдруг он вспомнил, что животный мир Венеры, вероятно, должен был приспособиться к особым условиям ее бешеной атмосферы. Алеше не хотелось допустить, что он имеет дело с жилищами подводных существ. Нет! Он уже мечтал, что перед ним древний, когда-то затопленный город!.. Но если на Венере летает птеродактиль, чудовище, то и разумные строители города могли летать. Тогда вход в их дома надо искать не снизу, а сверху... в не сохранившихся, быть может, крышах...

Алеша всплыл на скалу.

Прожектор замигал. Предостерегает Добров...

Алеша, перебирая руками, двигался по поверхности скалы, как по крыше...

Здесь света не было, и ничего нельзя было разобрать. Алеша искал провала на ощупь...

И он нашел его!..

Может быть, это было просто углубление в скале, но разгоряченному фантазеру казалось, что он опускается в жилище разумных летающих существ...

Богатырев и Добров видели, как всплыл и исчез Алеша. Молча они ждали минуту, две, три... пять...

Богатырев прикоснулся антенной к корпусу вездехода. Добров, увидев это, сделал то же.

— Мальчишка! — услышал Богатырев его голос. — Разреши, Илья, я приведу его. Если бы можно было снять шлем, я отодрал бы его за уши!

— Иди. Возвращайтесь поскорее, — скомандовал Богатырев. — Я поверну вездеход, посвечу вам.

Добров всплыл на скалу, как и Алеша...

Вершина скалы, теперь освещенная, выделялась в мутном тумане. Но в углублении, в котором исчез Алеша, было темно.

Добров оказался предусмотрительнее Алеши. Он захватил электрический фонарь. Он осветил им странный колодец, вернее вертикальный грот...

В глубине Добров заметил движение.

Не попал же Алеша в логово ихтиозавра!..

Добров не раздумывал. Зажав в одной руке фонарь, в другой — нож, он ринулся вниз.

В луче света блеснул шлем биолога.

Добров опустился на мягкий ил рядом с Алешей, почти грубо схватил его за руку и показал наверх.

Губы у Алеши шевелились, он в чем-то хотел убедить Доброва. Но Доброву даже в голову не пришло то, что хотел ему сказать Алеша. Он не мог и не желал его понять. Слишком на разных языках если не говорили, то мыслили они...

Алеша указал Доброву на выход из грота внизу — он все-таки отыскал его изнутри!

Алеша засунул в мешок попавшийся под руку покрытый илом камень.

Следом за Алешей Добров на четвереньках выбрался из грота и с облегчением увидел освещенный конус. Схватив Алешу за руку, он решительно двинулся к вездеходу.

Алеша шел взволнованный, смятенный, слегка упираясь. Он почти был уверен, что побывал в жилище каких-то существ... Но были ли эти существа разумными?

Подойдя к вездеходу, он прислонил антенну к корпусу, чтобы Богатырев выслушал его, но тот посмотрел сердито, повернулся спиной и двинулся впереди вездехода.

Добров включил мотор. Положив руку на борт, Алеша пошел рядом.

Он больше не думал о нападении ихтиозавров. Скалы по правую и по левую сторону от освещенного конуса казались ему причудливыми строениями, а впереди, на занесенном илом дне, он готов был увидеть выбитые в камне колеи колесниц...

Хорошо, что Добров не «слышал» этих сумасбродных мыслей!..

Скалы, превращенные фантазией Алеши в дворцы и башни, в кубы и пирамиды домов, медленно проплывали назад.

Это было как наваждение.

Глава вторая

ПЕРВЫЙ КОСТЕР

Ураганы на Венере рождались циклонами. Бешено закрученные атмосферные воронки охватывали целые материки. На ободе жернова ветер дул с непостижимой силой, в центре стоял мертвый покой.

Следом за штормом наступила тишина...

Волны моря еще не утихли, они вздымались холмами, но уже без гребней, сглаженные, мягкие... Они набегали на песчаный берег, выбрасывая в кипящей пене яркие разноцветные ракушки. С недовольным шипением они всё больше отступали, уже не доставая пенными лапами до тускнеющих на песке выброшенных из моря самоцветов.

Недалеко от берега в отхлынувшей воде показался шлем с остроконечным шишаком антенны. Как в славной сказке, выходили из смирившейся воды один за другим три фигуры, оставляя следы на влажном песке.

Следом за ними, как верный конь, выплыл из волн вездеход.

Илья Юрьевич снял шлем с колпаком и всей грудью вдохнул морской воздух. Алеша тоже снял шлем, счастливо озираясь. Добров возился с вездеходом.

— Благодать-то какая! — сказал Богатырев.

Вместо заросших папоротником болот противоположного берега здесь от желтой каемки песка начинался ковер алых цветов, о которых так мечтал Алеша. Пошатываясь от усталости, Алеша добрался до цветов, опустился перед ними на колени и стал собирать букет из огоньков. Цветы пламенели у него в руках, каждый чуть отличного от других оттенка: букет жил, переливался, пылал...

— На Землю бы такое привезти! — воскликнул Алеша.

Он вынул было из мешка взятый им со дна камень, чтобы освободить место для букета, но почему-то снова положил его обратно.

Прямо с берега поднималась коническая гора вулкана. Вершина ее казалась окутанной тучами. Это дымился кратер. От него струями спускались каменистые гряды — потоки застывшей лавы. Лес рос лишь у подножия, все тот же лес папоротников и хвощей.

— К сожалению, сразу не двинемся, — сказал Илья Юрьевич.

— Здесь так красиво! — отозвался Алеша.

— Нужно узнать, в какой стороне американцы. Как ты, Роман, не слышишь их?

— Может быть, нашему радисту удастся установить связь, вместо того чтобы собирать цветы для местных дам? — едко заметил Добров. — Радиоволны не проходят. Магнитная буря продолжается. Чувствуется, что Венера ближе к Солнцу...

— Планета бурь... В воздухе, в море, в эфире, — сказал, не обижаясь, Алеша.

— Что ж, отдых нам нужен, — решил Богатырев.

— Можно развести костер, — предложил Алеша.

— Что ж, — согласился Илья Юрьевич. — На Венере еще никто не разводил костров. Будем первыми.

Алеша вернулся с охапкой сухих корней, отломившихся от венерианских перекати-поле. Разжигая диковинный хворост, он вдруг спросил:

— Вы думаете, Илья Юрьевич, что это первый костер на планете?

Костер разгорался, потрескивая и стреляя искрами.

— А ты сомневаешься? — пытливо посмотрел Богатырев.

— Сомневаюсь, — чистосердечно признался Алеша.

Добров поморщился, как от зубной боли.

Алеша стал на колени, ворошa горящие сучья длинным корнем.

— А подводная улица? — спросил он, не оглядываясь.

— Какая улица? — возмутился Добров. — Разве два ряда похожих на скалы руин не напоминали улицу затопленного города?

Богатырев улыбнулся.

Добров позеленел:

— Ну, знаете ли! Ему мало заработать кандидатскую степень на вздорных да к тому же и чужих гипотезах о существовании разумной жизни на других мирах, так и теперь она мерещится ему повсюду! В таких случаях лечиться надо. Понимать, что Космос противопоказан...

Алеша смертельно обиделся, отошел в сторону. Добров деловито занялся консервами. Богатырев задумчиво теребил бороду.

Гипотезы разумной жизни на других мирах!

Алеша вовсе не присваивал их себе, но он был их горячим сторонником.

Прежде всего привлекал к себе Марс. Еще Гавриил Андрианович Тихов, замечательный советский астроном, изучая отражательную способность темных пятен на Марсе, которые меняли свою окраску по временам года, от зеленой весной, до красновато-коричневой, под цвет марсианским пескам, зимой, убедился, что пятна эти не что иное, как сплошные массивы вечнозеленой растительности типа наших елей или лиственниц. Впоследствии он изучил и вновь появившиеся на планете пятна, прежде неизвестные. Он шутливо назвал их «марсианской целиной». К тому же и знаменитые марсианские «каналы», открытые в 1877 году итальянцем Скиапарелли, эти удивительные геометрически правильные образования, сетью покрывающие планету Марс, которые, как подумал Скиапарелли, могли быть прорыты разумными обитателями Марса, оказались, по Тихову, также полосами растительности, распространяющейся от полярных шапок Марса к экватору по мере таяния полярных льдов. Скорость распространения зелени в три-четыре километра в секунду вполне отвечает скорости течения воды в гигантских водоводных трубах, если бы они были заложены в почве, чтобы использовать для орошения талую воду полярных льдов.

Все это, в том числе и яркие вспышки, замеченные японскими наблюдателями во время великого противостояния в 1956 году, заставило юношу Алешу Попова беззаветно уверовать в существование разумных марсиан.

И, конечно, он был одним из самых яростных сторонников когда-то смутившей многие умы гипотезы о тунгусской катастрофе 1908 года, объяснявшей ее атомным взрывом не успевшего приземлиться марсианского корабля, летевшего, как подсчитали, с Марса через Венеру... В тот год было необыкновенно выгодное взаиморасположение трех планет. Алеша принял участие в научно-туристической экспедиции молодежи в район «падения» никогда не падавшего «тунгусского метеорита». Вместе с другими молодыми энтузиастами он старательно обследовал местность и привез сенсационные доводы в пользу предположения о взрыве корабля. Оказалось возможным доказать, что в 1908 году там произошел именно ядерный взрыв, поскольку в годичных слоях продолжающих расти лиственниц был обнаружен стронций-90, изотоп, образующийся лишь при ядерных взрывах и попавший в почву с радиоактивными осадками и уже оттуда по корням засосанный растением и отложившийся в годичном слое. Доказан был и лучевой ожог леса, а также причина светлых ночей после взрыва, вызванных радиоактивными процессами торможения в верхних слоях атмосферы перед взрывом.

Кто же мог прилетать на Землю? Кто? Неужели марсиане? Как раз тогда советский астроном профессор Шкловский выдвинул гипотезу, что оба удивительных спутника Марса, Фобос и Деймос, обращающихся вокруг него на поразительно малых расстояниях и точно в плоскости экватора, не естественного происхождения, а искусственного. Только этим и можно было объяснить, почему движение Фобоса замедляется: это происходит, очевидно, под влиянием торможения разреженной марсианской атмосферой, что сказалось бы при условии существования п о л о г о спутника, каких не знает природа.

Значит, марсиане когда-то соорудили гигантские космические ракетодромы! Зачем? Когда? Куда они летали?

Французский профессор Анри Лоот исследовал в Сахаре древнейшие наскальные рисунки, среди которых оказались изображения существ в скафандрах. Анри Лоот назвал их марсианами.

Может, в самом деле марсиане летали и на Венеру и на Землю?..

Летали... Они испытывали в полете непередаваемое чувство невесомости, которое так любил Алеша, уже став космонавтом, но которое он знал еще до этого!

Да, да, знал! Он понял это после первого же своего полета на Луну вместе с Богатыревым.

Чувство невесомости было известно ему еще по детским снам, чувство невыразимого блаженства, ощущение, когда без всякого мышечного напряжения вдруг взмываешь вверх и медленно плывешь над землей, даже не уподобляясь птице, не затрачивая усилий, летишь в воздухе, невесомый!..

И вдруг совсем то же ощущение в космической кабине!

Откуда эта память предков?

Алеша отогнал дерзкую мысль...

Во всяком случае, есть возможность объяснить, почему разумные существа появились на планете в эру ящеров.

И Алеша вернулся к костру.

— Это не первый костер Венеры! — решительно заявил он.

Добров удивленно посмотрел на него. Богатырев улыбнулся:

— Снова разумные существа и ящеры на одной планете?

— А мы? — вскинул Алеша голову.

Добров пожал плечами.

— Мы прилетели, — сказал Алеша, вспоминая слова венерианки. — Они тоже могли прилететь. И не только прилететь, но и остаться здесь... я не знаю, по какой причине.

Богатырев даже крякнул, но посмотрел на Алешу одобрительно. Добров злился:

— Откуда прилетели? С Земли во времена Атлантиды?

— Нет! С Марса! Марс обитаем!..

— Чепуха! Там кислорода одна тысячная того, что есть в земной атмосфере. Разумному существу с его высшей энергетикой не обойтись без кислорода.

— Но прежде там был кислород, — не уступал Алеша.

— Ну что ж, — пожал плечами Добров. — Допускаю, что Дарвинова теория распространяется и на Марс. Там тоже была обезьяна, только марсианская обезьяна, от которой произошли давно уже погибшие марсиане.

— Нет! Никогда! Никогда разумное племя, раз возникнув, не погибнет от изменения внешних условий! Оно не только будет приспосабливаться — оно будет менять их. Оно не может погибнуть.

— Где же оно, это разумное племя? — ехидно спросил Добров.

Алеша смешался.

— В самом деле, где? — многозначительно спросил и Богатырев.

Алеша оглянулся, посмотрел на океан, повернулся к лесу, словно искал кого-то глазами, потом сказал:

— Я не знаю, где они сейчас. Но они были здесь. И они есть на Марсе.

Добров покачал головой.

— Я допускаю, что фантазия нужна на Земле, но на другой планете, где мы находимся, нужно оставаться на почве реальности, — внушительно сказал он.

— Не знаю, братцы, сколько найдем мы здесь разумных существ, — сказал Богатырев вставая, — но два существа мы обязаны найти: наших братьев по племени...

— Братьев по племени? — взволнованно повторил Алеша, следя за Ильей Юрьевичем.

Подойдя к вездеходу, он стал налаживать связь с роботом.

— Братья по племени! — тихо сказал Алеша, идя по песчаной отмели и смотря на оставленные им самим следы.

Глава третья

ОГНЕННЫЙ ПОТОК

По заболоченной чаще двигались три фигуры.

Керн и Вуд едва оправились от болезни. Затянувшаяся лихорадка иссушила их лица, отняла силы. Они шли, шатаясь, едва удерживаясь на ногах, балансируя, как канатоходцы.

Особенно скверно приходилось Железному Джону. Не приспособленный к упражнениям в равновесии, он то и дело срывался со скользких корней и оказывался по колено в трясине.

Керну пришлось проводить с ним специальные занятия, чтобы он усвоил «хождение по корням». Робот прекрасно все запоминал, мог слово в слово повторить, но... поминутно срывался в топь, с хлюпаньем и чмоканьем вытаскивая из грязи железные ноги.

— Придется усовершенствовать машину, — мрачно заметил Керн.

Но, когда нужно было пробиваться через лианы, закованный в доспехи робот был на высоте, сокрушая преграды топором, как рыцарь толпу неверных...

Эти минуты Вуд использовал для собирания гербария. Аллан Керн насмешливо наблюдал за ним:

— Рассчитываете на профессорское звание?

— Боюсь, что маловато знаю, чтобы быть профессором!..

— Мелкое ваше море, Вуд. Профессор получает в США меньше полицейского.

— Посмотрите, шеф, на этот листок. Клянусь, я видел его отпечаток на камне. Разве я привезу его ради профессорского оклада? Нет, шеф, ради науки!..

— Наука не может быть целью. Наука — средство. Полюбуйтесь на Джона. Колония таких машин, создавая себе подобных, переделает эту планету, откопает здесь мне такие богатства...

— Вы, кажется, ищете новую форму рабовладения?

— О нет! Электронный мозг осведомлен об американской декларации прав.

Внезапно все вокруг потемнело, словно спустилась ночь. Послышалось щелканье, свист и завывание.

— Ничего не понимаю, — сказал Керн, зажигая фонарь и смотря на часы. — Мы установили, что сутки Венеры равны девяти земным суткам, семи часам и сорока минутам, а сейчас...

— Шеф, над нами туча пепла...

— Вулкан? Этого только недоставало!..

По лесу пронесся грозный гул. Голоса сразу смолкли. Закачались папоротники.

Керна и Вуда так тряхнуло, что они еле устояли на ногах, вцепившись друг в друга. Робот соскользнул с корня и завяз в трясине. Керн и Вуд помогли ему выбраться.

Какое-то зверье шмыгало вокруг. Их горящие глаза словно искры проносились во тьме...

— Если деревья начнут валиться, лучше выйти из чащи, — предложил Керн.

Люди и машина бежали из лесу... навстречу спасающимся ящерицам...

Лес кончился у крутого склона вулкана. Сверху, дымясь и сверкая, катилась огненная река...

Почва колебалась под ногами, как море в мертвую зыбь. Керн и Вуд повернулись к лесу, но увидели, как валятся исполинские папоротники.

— Сюда! — скомандовал Керн, указывая на каменистое возвышение.

Лава медленно стекала, набухая тестообразной волной.

Люди и робот стояли на камнях. Лава обтекала их с двух сторон.

Магма добралась до крайних деревьев, и они вспыхнули свечками. Начался лесной пожар, раздуваемый сильным ветром.

Огненный поток набухал, разливаясь все шире. Он сыпал искрами, яркие блики играли на нем.

Черная туча пепла висела над головой и сливалась с дымом лесного пожара. Все вокруг, освещенное лавой, зловеще переливалось красными отблесками.

Пузыри вздувались на сверкающей поверхности магмы и лопались, разбрасывая фонтаны огненных брызг. Клубы дыма поднимались с горящего потока, как диковинный туман, окутывая ноги стоящих на каменном островке.

— Хорошо, что с нами нет Мэри, — тихо сказал Вуд.

— Лучше помолимся, — сказал Керн, доставая молитвенник. Он протянул руку, чтобы выключить робота. — Это его не касается.

Но Гарри перехватил руку шефа:

— Слушайте, слушайте!..

Почва под ногами гудела, лес трещал, горящие деревья стреляли. С вершины горы доносились взрывы...

Робот повторял безучастным голосом:

— Слышимость улучшается. Стала пятьдесят два процента. Грозовые разряды все еще мешают.

— С кем он говорит? — спросил Гарри.

— Молчите! — прошипел вцепившийся в его руку Керн.

— Даю радиопеленг, даю радиопеленг по требованию, — повторял робот. — Определяю расстояние в две мили.

— Схожу с ума! — воскликнул Керн. — Галлюцинация! Но у машины ее не может быть, Гарри! Это невозможно, но это русские!..

— Русские? — не веря ушам, переспросил Вуд.

— Вы слышите? Робот говорит с ними. У него более чувствительная аппаратура, чем в наших шлемофонах.

— Поздно!

— Никогда не думал, что мне так поздно придется менять свои взгляды!..

— Находимся на камне посредине огненной жидкости, — безучастно сообщал робот. — Она прибывает по одному дюйму в минуту. Через тридцать семь минут сорок восемь секунд камень будет затоплен. Еще через семнадцать минут огненная жидкость дойдет до колен...

— Они мчатся сюда! Слышите, шеф? Они запрашивают обстановку, они идут нам на помощь!..

— Никогда не думал, что они на это способны! На этой планете многому научишься, Гарри... Жаль, что не придется учесть этого в жизни...

— Робот тоже не учел этого... Но они помогут нам, спасут нас...

— Эх, малыш, — почти нежно сказал Керн, — какой вездеход пройдет по огню? Рассчитывать надо только на самих себя... Есть лишь одна машина на свете, которая может выручить нас...

— Вы так думаете, шеф?

— Хэлло, Джон, прошу вас. Возьмите мистера Вуда и перенесите его через огненный поток.

— Что вы, шеф?.. А вы?..

— Высший закон природы, Гарри... Молодости — жить. Передайте привет Мэри. Я не всегда был прав по отношению к ней... Итак, Джон, прошу вас...

— Ширину потока можно преодолеть за двенадцать минут, через двадцать пять минут можно вернуться за мистером Керном, — проскрипел робот.

— О, мой незабвенный брат Томас! Он создал не просто мыслящую, но и чувствующую, гуманную машину! Идите, Джон, я буду ждать вас, у которого есть не только мозг, но и сердце!

Робот посадил Гарри на плечо и бесстрашно ступил в огненный поток.

Лава дошла ему до щиколоток и бурлила, обтекая его ноги. Дым поднимался, полускрыв оставшегося на камне Керна. Гарри не задохся только потому, что был в шлеме.

Робот прошел несколько шагов, но вдруг остановился.

— Жидкость прибывает по полтора дюйма в минуту. Когда можно будет вернуться за мистером Керном, она достанет ему выше колена, что может повредить его здоровью.

— Значит, нужно вернуться за ним, скорее вернуться, Джон! Надо попробовать нести обоих, Джон, прошу вас, — заторопил машину Гарри.

— Надо вернуться, — подтвердил робот.

Над огненным потоком и стелющимся над ним дымом поднималась могучая фигура закованного в латы рыцаря, который нес на плече юношу.

— Все-таки вернулись! — растроганно сказал Керн.

— Джон подсчитал, что перенести надо сразу двоих, шеф! — издали кричал Вуд.

Робот выбрался на камень. Керн опустился на колени, чтобы исследовать погружавшиеся в лаву ноги робота.

— Замечательная машина! Удивительная машина! Великолепная тугоплавкая сталь! — восклицал он.

Робот взгромоздил на каждое плечо по человеку и снова сошел в огненный поток.

Медленно ступали по магме металлические ноги. Шлаковая пена налипала на сталь, которая разогревалась все больше, дойдя уже до красного каления.

Робот шел медленно, но уверенно. Его беловатые глаза пристально смотрели вперед. Руки осторожно поддерживали Вуда и Керна, которые сидели на железных плечах обнявшись.

Спасительный камень исчез в дыму. Казалось, магма уже накрыла его. Она доходила роботу до колена. Может быть, поднявшись чуть выше, она уже повредила бы ему сустав...

Робот остановился.

— В чем дело, Джон, прошу вас? — спросил Аллан Керн.

Особенно жестко и холодно прозвучал скрипучий голос робота:

— Скорость прибывания потока превосходит два дюйма в минуту. Уровень огненной жидкости достиг нижнего сустава ног. Скорость передвижения замедлена. Дальнейшее передвижение с грузом опасно для моих механизмов.

— Что он хочет сказать? — воскликнул Гарри.

— Скорее! Надо выключить его систему самосохранения, иначе он сбросит нас в лаву! — закричал Керн.

— Где выключатель?

— Мой бог! Он внизу... Уже не дотянуться...

— Я вынужден освободиться от груза, джентльмены, — очень вежливо проскрипел робот.

Керн и Вуд вцепились в его голову и друг в друга. Железные руки машины стремились оторвать их, электромагнитные мускулы напряглись, борясь с перенапряженными мышцами обреченных людей.

— Проклятая машина! — процедил Керн.

Керн стонал. Робот что-то скрежетал. Лава клокотала у его ног. Дым поднимался столбом.

Вездеход несся между папоротниками. Добров лавировал, избегая сетей лиан, порванных во многих местах лесными беглецами.

— Илья Юрьевич! Илья Юрьевич! — закричал от радиоаппарата Алеша. — Он их сбрасывает в лаву!

— Чертова машина спасает себя, она включена на самосохранение, — мрачно сказал Добров.

— Вперед, Роман! Вперед! — скомандовал Богатырев.

Вездеход выскочил из чащи на берег огненного потока.

Деревья вокруг пылали. Лава наползала на болотистую почву и, соприкасаясь с водой, застывала. Клубы пара вырывались из-под нее, как пена прибоя, а магма переваливалась через раскаленную, только что образовавшуюся каменную преграду.

— Стоп! — крикнул Богатырев. — Можно было идти по земле, по воде, над водой и под водой... Как с огнем быть, Роман?

— Сойти всем! — скомандовал Добров.

В огненном потоке, весь в дыму, столбом стоял робот. На нем видны были два вцепившихся друг в друга человека.

— Друзья! Аллан! Гарри! Как вы там? Живы? Справились с машиной? — крикнул Илья Юрьевич.

Сквозь треск разрядов прозвучал голос Керна:

— Хэлло, командор! Рад встретиться. Лава дошла до пояса Железного Джона и вывела из строя управление... Очень жаль машину...

— Пожалейте о чем-нибудь другом, Аллан. Держитесь крепко. Иду к вам на помощь.

— Не будьте безумцем, командор! Ни одна машина, кроме робота, не пройдет по огню.

— А воздушная подушка на что? — сказал Добров. — Вездеход не пойдет по лаве, он пройдет над нею!

И вездеход с Добровым за рулем скользнул на огненный поток. Могучие насосы направили вниз струи воздуха, и воздушная подушка отделила корпус вездехода от магмы, надежно охлаждая его.

Вездеход легко несся над лавой, словно это была вода... Добров поравнялся с дымящимся роботом и снял с него Керна, а потом Вуда.

Круто развернувшись, Добров повел вездеход по огненному потоку от робота.

Робот одиноко стоял среди огня, и его застывшие в борьбе руки были протянуты к покидавшим его людям.

— О Томас! Томас! — крикнул Керн. — Какая это была машина! Я чувствую себя негодяем, что покидаю ее...

Робот стоял по грудь в кипящей лаве. Красноватые отблески играли в его глазах, и они впервые казались живыми, смотрели вслед людям с укором.

Он стал оседать совсем как живой, чуть накренился и повалился в сторону людей.

Расплавленная магма поглотила его.

Аллан Керн плакал...

Гора тряслась. Из ее жерла вырывались фонтаны огня и раскаленных камней. Расплавленная магма наполнила кратер и ослепительными потоками переливалась через его края.

Глава четвертая

ОТБИТАЯ КОРКА

Багровые тучи светились.

Зловещая заря вставала над лесом.

Зарево первозданного пожара поднималось вместе с тучами пепла позади исследователей, грозя настигнуть их.

Вездеход был рассчитан лишь на двух человек. Без снятых приборов и пушки он мог взять четверых, но пятый должен был бежать рядом с машиной, «держась за стремя», иначе вездеход не приподнимался на воздушной подушке.

Только «ведущий» и «бегущий» получили право на кислород для дыхания, запасы которого ради облегчения были оставлены у огненного потока.

Добров в скафандре и шлеме, ссутулясь, сидел за рулем. Алеша в облегченном до предела скафандре, без шлема и баллонов, шел рядом с вездеходом.

Гарри Вуд не смог усидеть в вездеходе. Он выпрыгнул из машины, пошел вместе

с Алешей. Но сразу же стал отставать. Пришлось ухватиться за Алешину руку.

Молодые люди весело рассмеялись.

Керн посмотрел на них и сказал Богатыреву:

— Командор, у меня ощущение, что корка, которая кое-кого из нас покрывала, растрескалась над огненным потоком, а потом отвалилась.

— Надеюсь, вы не жалеете, Аллан?

— Я думаю о ней, командор. Понадобилось попасть на другую планету, чтобы понять, как налипшая корка законопачивает глаза и уши, давит на мозг. Вы не можете себе представить, насколько приятнее верить в людей, чем их презирать!

— Мне трудно это представить, Аллан, — сказал Богатырев улыбаясь.

— Знаю. Вы всегда верили в людей. Под коркой мне казалось это нелепым.

— А вы не думали, Аллан, почему она образовалась?

— Это грязная корка, командор, — грустно усмехнулся Керн. — Я догадываюсь, что она образуется у людей, если они не моют душу. А наши газеты, радио и предвыборные ораторы заботятся, чтобы отмыть ее было не просто.

— Когда русские и американцы сражались против коричневой чумы, никакой корки у них, кажется, не было.

— Не было, командор, потому что она не терпит огня. Должно быть, крепко надо разогреть и прокалить всех людей, чтобы с них облупилась корка враждебности и недоверия.

Алеша и Вуд, по-прежнему держась за руки, немного отстали.

Вездеход прокладывал путь через лианы, срезая их циркульными пилами.

— А я считал, что в нашей экспедиции было два робота, — сказал Вуд.

Алеша сощурился:

— Два?

— Один робот погиб... другой, кажется, стал человеком.

— Они еще подружатся! — засмеялся Алеша, показав глазами на вездеход.

Вуд кивнул головой.

— А как он кипел, узнав, что командором все-таки будет русский!.. Что же касается меня, Алек, то устройство мое явно уступает кибернетическому. Я всегда готов был дружить с вами, а в Космосе понял, что бесконечность сближает.

— А что такое Земля, Гарри? Огромный космический корабль! Он летит в Космосе, вертясь вокруг оси, обегая вокруг Солнца, вместе с Солнцем крутясь в колесе Галактики, которая с огромной скоростью удаляется от других галактик.

Вуд усмехнулся:

— Боюсь, что пассажиры космолета «Земля», чтобы сблизиться, должны были ощутить Космос... Скажем, узнать о нашествии враждебных пришельцев из Космоса. Только тогда человечество объединилось бы в защите.

— Верно, Гарри! Защита объединяет. Но для этого не нужно ждать космической агрессии. Защищаться людям надо от самих себя, от ядерного оружия, которое грозит их существованию и которое не может, не должно и не будет существовать!

— А разве оно не понадобится для отражения космического вторжения?

— Никогда! — возразил Алеша. — Это выдумано теми, кто, избегая разоружения, хочет любой ценой сохранить ядерное оружие для своих низких целей! Овладение Космосом связано с таким развитием сознания разумных существ, которое само по себе исключает агрессию. Высшие достижения науки неотделимы от высшей гуманности. Разве у нас с вами поднялась бы рука на жителей Венеры?

— На разумных обитателей планеты? — удивился Вуд.

— Да... которые строили город... Ведь мы видели руины на дне пролива... Слышали голос, произносивший «Эоэлла»...

— Вы мечтатель, Алек... Вы в самом деле думаете, что видели город, опустившийся на морское дно?

Вместо ответа Алеша крепко сжал руку Гарри.

Вездеход выехал из леса.

Морской берег изменился неузнаваемо. Полоска песка, на которой отдыхали путники, исчезла. Не было и огненных цветов...

Лес ступеньками спускался не к морю, а прямо в море...

Морские волны накатывались на красноватые кроны затопленных деревьев, колебля отяжелевшую листву, потом набегали на темные, мокрые полузатопленные стволы и разбивались об узловатые корни тех деревьев, которые еще не оказались в воде. Гигантские папоротники раскачивались; казалось, что они живут, движутся и на глазах у ошеломленных путников «вразвалку» заходят в воду.

Море наступало на первобытный лес. Происходило дальнейшее опускание суши.

Грозный гул, поднимаясь из недр, заглушал морской прибой.

Путники переглянулись.

Гул нарастал. Казалось, что он сотрясает скалы.

Алеша и Вуд ощутили, что почва в самом деле колеблется у них под ногами. Они крикнули Доброву.

Тот остановил машину.

И вдруг страшный удар подобно взрыву потряс все вокруг.

Между вездеходом и затопленным лесом разверзлась трещина. Один из папоротников стал крениться, завалился назад и исчез в образовавшейся пропасти.

Из ее глубины вырвались клубы фиолетового дыма, потом облако белого пара.

— Всем надеть шлемы! — скомандовал Богатырев.

Вездеход повернул вдоль трещины, набирая скорость.

Алеша и Гарри бежали, держась за борта машины.

Новый удар, казалось, расколол планету. Люди невольно нагнули головы.

Добров рывком выключил насосы. Вездеход упал на корни.

Машину тряхнуло. Пассажиры повалились друг на друга.

Алеша и Гарри остановились, пораженные.

Край трещины прошел у самого носа вездехода.

Новая трещина смыкалась с прежней, отгораживая людей от пролива.

Богатырев выпрыгнул из вездехода.

Добров стал осматривать машину.

В трещину страшно было заглянуть. Из глубины расколовшихся скал несся гул.

Зарево над вулканом ширилось. Небо пылало. Вдоль моря летели рваные, словно охваченные огнем тучи.

В самой узкой части трещина была метров двадцать шириной.

Противоположный ее край был заметно ниже.

— Перепрыгнем? — спросил Илья Юрьевич, выжидательно смотря на Доброва.

— Только туда, — указал тот рукой на низкий край трещины.

— Веревки такой длины нет?

— Облегчая вездеход, оставили все.

Подошел Алеша.

— Я вскочу на ходу... У самого края, — сказал он.

— Это неосуществимо, командор! — воскликнул Керн. — Позвольте остаться мне.

Богатырев нахмурился и приказал всем, кроме Алеши, сесть в вездеход.

Вуд подошел к Алеше, протянул руки, но тот отстранился и весело сказал:

— Прощаться не будем!

Алеша стал в десятке шагов от пропасти, весь собранный, напряженный, как боксер на ринге.

Вездеход отъехал метров на сто, развернулся и стал носом к трещине.

Сердце у Алеши колотилось, во рту пересохло. Он подпрыгивал на месте все выше и выше.

И вдруг замер, чуть согнувшись.

Вездеход, набирая скорость, несся к трещине.

Ревел двигатель, кричали сидящие в машине люди.

Алеша рванулся, как со старта. Он помчался машине наперерез, чтобы у обрыва оказаться с нею рядом.

Три пары рук тянулись к Алеше.

Вездеход несся над камнями, струи воздуха вздымали вокруг него облако пыли.

Алеша прыгнул в это облако, как в воду.

Трое ловивших его друзей повалились вместе с ним на дно вездехода.

Добров исступленно сжимал руль.

Вездеход от новой тяжести осел, но, не задев камней, уже оказался над пропастью.

Птицей перелетел он через трещину и ударился о корни деревьев на другой ее стороне.

Почти опрокинувшись, он боком пробороздил несколько метров.

Алешу выбросило из машины. Что-то вылетело из кармана его скафандра и запрыгало по камням.

Илья Юрьевич охнул.

Вуд бежал к Алеше.

Но тот уже поднимался.

Добров выбрался из машины и стал осматривать ее.

— Куда он укатился? Ты видел? — спросил Алеша, морщась от боли.

Вуд отрицательно покачал головой.

Подошли Илья Юрьевич и Керн.

— Жив? — спросил Богатырев. — Ну, молодец! Я думал, это твоя голова запрыгала по камням.

— Это камень... который я со дна взял.

— Что ж ты его не выбросил?

— Забыл.

Илья Юрьевич с сомнением покачал головой.

— Забыл сказать вам о нем, — поправился Алеша.

Он виновато улыбался и продолжал морщиться от боли.

Добров звал всех к вездеходу.

Деревья раскачивались, почва колебалась, землетрясение усиливалось.

Прихрамывая, Алеша искал потерянный камень.

— Скорее, Алеша! Только на воде спасение! — кричал ему Илья Юрьевич.

Но Алеша словно не слышал. Богатырев сделал знак Вуду, и тот побежал от подошедшего вездехода к Алеше, чтобы привести его за руку.

Вдруг Алеша упал на колени и закричал. Вуд остановился и тоже вскрикнул.

Илья Юрьевич и Керн бежали к ним. Добров вел за ними вездеход. Запыхавшись, Илья Юрьевич остановился.

Алеша стоял на коленях и держал в руках покрытый засохшим илом пятнистый камень. Пятнистый из-за того, что покрывавшая его корка при ударе о камни местами отскочила.

Дрожащими пальцами Алеша пытался отломать корку и с других мест. Он постучал камнем о скалу. Корка отлетела...

— Мрамор! — воскликнул Вуд.

Подземный гул почти заглушил его крик.

Ближний папоротник накренился и повалился, круша соседние.

В багровых тучах ударила молния.

Почва тряслась.

Алеша выпрямился. Не веря глазам, он держал в руках уже не камень, а беломраморное изваяние, с которого слетел покрывавший его слой ила, вдохновенно выполненную скульптуру странно прелестной головки неземной, чужепланетной девушки. Вытянутая нитка бровей, удлиненные почти до висков миндалевидные глаза, тонкий благородный нос и полураскрытые в улыбке губы...

Молния сверкнула совсем рядом. Гром ли ударил, разверзлась ли новая трещина, люди этого не видели и не слышали... Как завороженные, смотрели они на чудесное творение неведомых рук.

— Эоэлла! — прошептал Алеша.

Он был без шлема и провел рукой по волнистым волосам, оглядываясь кругом, словно должен был увидеть ее, живую, зовущую...

Так вот какие черты лица не мог он разобрать в бреду!

Люди смотрели в прекрасное лицо той, кто был носителем Разума вне Земли... И они не замечали, как колеблются вокруг горы, поднимается море, полыхает небо.

Глава пятая

ВНУКИ МАРСА

Могучая фигура человека в скафандре возвышалась на скале.

В глубоком раздумье, словно Гамлет, заглядывающий в глазницы черепа, смотрел человек на беломраморную головку, которую держал в руках.

Неразгаданная тайна человеческого мозга, стремление постигнуть историю Разума привели искателя на другую планету, и теперь он, проникая во мрак неизвестного, разглядывал чужие и притягивающие черты бесконечно знакомого и неведомого существа.

Кто ты, порождение ума и нежности? Что скрыто было под твоим беломраморным лбом? Тот же удивительный орган, который дал человеку всепобеждающую способность мыслить, возвысив над остальными обитателями планеты? Неужели и здесь, на Венере, как и на Земле, орган мысли, да и само мыслящее существо появились внезапно, без переходной, тщетно разыскиваемой ступени к животному миру? Почему это существо появилось здесь в совершенно чуждую ему эру первобытных ящеров, не имея среди всего живого ничего схожего?

Да, Жизнь, высшая форма великолепного существования материи, возникает всюду, где условия благоприятствуют ей, и, раз появившись, неуклонно развивается, пока не породит племя мыслящих, через которых Природа познает самое себя.

Но почему ты, когда-то с любовью изваянная, в землетрясении открывшая свой лик, почему ты так похожа на прекраснейшую из живущих на Земле? Почему ты так волнуешь ум и сердце ищущего истину?

Почему?.. Да потому, что ты полуоткрытыми своими губами, немыми, но говорящими, отвечаешь на самые сокровенные догадки, на дерзкую надежду сына Земли, на исступленную его веру в невозможность космического одиночества племени людей!

Живешь ли ты и сейчас среди исполинских папоротников, под покровом багровых и вечных туч, или лишь пытливо заглянула сюда, на планету бурь, в великом своем странствии среди звездных миров?

Человек в скафандре сбросил шлем и благоговейно коснулся губами беломраморного лба скульптуры.

Ветер завладел его бородой, обдал брызгами с гребня разбившейся о скалу волны.

Алеша, тщетно пытавшийся связаться по радио с Мэри, заметил это движение Ильи Юрьевича и смущенно опустил глаза.

Добров возился с амфибией, приводя ее в порядок после вторичного перехода через пролив. Царапины и вмятины, облупившаяся краска и пробоины говорили, чего стоило машине путешествие.

Керн и Вуд разжигали костер.

Когда Богатырев подошел к костру, Керн, глядя на скульптуру в его руках, сказал:

— Разве это не венец творения, командор?

— Венец творения? — задумчиво переспросил Илья Юрьевич. — Что же такое человек? Каприз стихии, случайное стечение обстоятельств, удачных внешних условий или вершина слепого трудолюбия и непроизвольного совершенствования форм Природы?

Все поняли, что Илья Юрьевич продолжал размышлять.

— Считать ли человека сравнительно слабым, плохо защищенным от невзгод, неважно вооруженным для борьбы, но обладающим чудесным мозгом, перекрывающим все недостатки человека как животного? Или же видеть в строении человеческого организма высшее из возможного и достижимого, совершенство линий, красоту тела, идеальность «конструкции», вершину эволюции, которой дальше делать нечего?

Алеша выключил радиоприемник и подошел к костру. Он любил, когда обычно немногословный Илья Юрьевич начинал говорить, когда вдохновенная и увлекающая его речь начинала литься плавной и глубокой рекой или бурлила стремниной.

Добров тоже перестал стучать молотком, прислушался.

— Человека отличает от животных то, что он не только порождение внешних условий, но еще и создание собственного труда. Человек трудом своим сделал себя мысля-

щим существом. Труд решающим образом влияет и на облик человека. Волосяного покрова он лишился, очевидно, потому что создал себе одежду, сделавшую ненужной шерсть на теле.

Богатырев неотрывно смотрел на скульптуру, которую держал в вытянутой руке, словно черпая в ней свои мысли:

— В грядущих миллионах лет великий труд человека, меняя свой характер, когда человек все в большей мере будет превращаться из физического исполнителя в командира машин, неизбежно изменит человека, сделает его и внешне не похожим на первобытных охотников, которых мы пока еще во всем напоминаем.

Вуд невольно вспомнил свой бред в пещере, диких потомков, пришедших за звонкой шкурой Чуда.

— Менять человека в его внешней и внутренней сущности, — продолжал профессор Богатырев, — будет и характер общества, которое он создаст и в котором будет жить. Миллионы лет без насилия и принуждения, без страха и волчьих законов неизбежно скажутся как на облике людей, так и на их сознании.

— Сознание!.. — отозвался Добров. — Откуда же взялось это сознание?

— Несомненно, речь идет о крайне редком и необычайно счастливом стечении обстоятельств. Тигр сильнее человека, обезьяна проворнее, гепард быстрее. Мозг человека развивался именно потому, что человек был слабее многих хищников и должен был сражаться с ними. Он уступал в ловкости обезьянам, но оказывался приспособленнее их в тяжелых условиях жизни, он не мог спорить с оленем в быстроте, но умел остановить его камнем, ямой-ловушкой или стрелой. Он был меньше медведя, но не нуждался в его шубе, в его берлоге, не впадал в зимнюю спячку, греясь у костра, который научился разжигать.

Вуд стал ворошить корявым корнем угли. Посыпались искры, повалил дым.

— Если бы человек был слишком силен, слишком ловок, слишком быстр, ему не требовалось бы мышления и изобретательности, он мог бы прожить по-звериному. Мышление понадобилось и развивалось у него потому, что ему трудно было жить без него, он не выжил бы, как, вероятно, не выжили его близкие и менее одаренные сородичи.

— Если бы вы знали, командор, как я молил бога о том, чтобы выжить в пещере! — сказал Керн.

— Человек, живший в пещере, стал человеком потому, что был не слишком силен, ловок, быстр и не слишком слаб и неповоротлив, потому что ему требовалось умеренное количество пищи, высококалорийной и в то же время легко усвояемой после приготовления на огне. Огонь облегчал тяжелые функции организма, способствовал его быстрому развитию и совершенствованию. И, что еще особенно важно, у человека не все время стало тратиться на добывание пищи, у него появился досуг для размышлений, которого нет у зверей, нет у птиц, нет у рыб, досуг, ставший, если так можно сказать, отцом познания, матерью искусства и воспроизведения красоты.

— В руках своих, командор, вы держите красоту, подтверждающую, что господь бог создал людей на Земле и на Венере по образу и подобию своему.

— Вольтер говорил, что человек ответил ему тем же, — быстро вставил Алеша.

Керн бросил на него хмурый взгляд.

— Вы ошибаетесь, Аллан, — мягко сказал Богатырев. — Разумные существа похожи друг на друга не потому, что созданы кем-то по определенному образцу, а потому, что существа эти должны были отвечать определенным условиям, обладать свободными от ходьбы конечностями, пригодными для трудовых процессов, стереоскопическими органами зрения и слуха, вертикальным положением тела, обеспечивающим наибольший обзор местности, и экономно использовать для передвижения минимальное количество конечностей.

— Две ноги! — вставил Алеша.

— Словом, на расстоянии километра мы, скорее всего, могли бы принять разумное существо иного мира за человека, если бы увидели его...

— Но ведь вот оно, вот! Мы уже видим его, командор! — воскликнул Гарри Вуд, показывая на скульптуру.

— И я очень рад, сэр, — внушительно добавил Керн, — что существование этой прекрасной леди в мире венерианских ящеров можно объяснить отнюдь не теорией эволюции, а лишь высшим актом творения.

— Если под высшим актом творения вы подразумеваете создание инженерами космических ракет, то я соглашусь с вами, Аллан.

— Что? Космических ракет? — опешил Керн.

— Вы считаете, она прилетела? — живо спросил Вуд.

— Она или ее предки, — невозмутимо ответил Богатырев.

— Илья Юрьевич!.. — не выдержал Алеша, вскакивая на ноги.

Богатырев успокаивающе поднял руку.

— Откуда прилетели? — спросил Керн.— На космических ракетах?

Богатырев пожал плечами:

— На это можно ответить, если вспомнить о гигантских искусственных космодромах, когда-то сооруженных в межпланетном пространстве.

— Фобос и Деймос! — воскликнул Алеша.

— Ну, знаете ли! — запротестовал Добров. — На Марсе нет жизни уже миллионы лет. Не потому ли ты сам, Илья, стремился сюда, на Венеру? Ни воды там нет, ни атмосферы...

— Это верно, — согласился Богатырев. — Марс меньше Земли, его силы тяготения не хватало, чтобы удержать частички атмосферы и водяных паров. Частички газов отрывались от планеты и уносились в межпланетное пространство... Пусть так!.. Но прежде на Марсе была плотная атмосфера и условия были вполне сходными с земными. Они стали такими даже раньше, чем на Земле, поскольку Марс дальше от Солнца и охлаждался быстрее. И жизнь там должна была появиться прежде и проходить все фазы развития скорее. И разумные существа неизбежно должны были появиться миллионы лет назад.

— И миллион лет назад погибнуть без воды и кислорода, — подсказал Добров.

— Не погибнуть, а лишь оказаться перед перспективой гибели. Марсиане понимали, что их планета теряет воду и атмосферу. Они должны были думать о грядущих своих поколениях. И у них было три выхода. Первый — погибнуть...

— Нет, нет и нет! — крикнул Алеша.

Гарри Вуд поддержал его, закивав головой.

— Второй выход — уйти в глубь планеты, вырыть пещеры, создать в них искусственную атмосферу, водоемы, подземное сельское хозяйство, построить там города и жить, никогда уже больше не видя неба, звезд и солнца.

— Мрачно, но возможно, — пожал плечами Керн.

— И, наконец, третий выход: использовать достижения цивилизации и переселиться на соседние планеты. Например, на Венеру...

— О-о! — воскликнул Керн, высоко поднимая брови.

— Я думаю, что высокая цивилизация разумных существ, раз появившись и овладев вершинами знания, уже не погибнет! Она неизбежно использует не только достижения знания, но и тот факт, что при развитии небесных тел условия, удобные для жизни разумных существ, как бы перекочевывают с одной планеты на другую. Когда Марс был цветущим краем, на Венере еще кипели первородные океаны. Когда Марс стал погибать, высыхая, на Венере условия жизни стали сносными.

— И марсиане использовали это! — воскликнул Алеша.

— Я думаю, что разумные обитатели Марса могли избрать два пути. Часть населения планеты ушла в ее глубины и, быть может, существует и сейчас, биологически видоизменившись, приспособившись на протяжении миллиона лет к новым условиям...

— ...а другая часть построила космические города, искусственные спутники, промежуточные станции для массового переселения на соседние планеты! — выпалил Алеша.

— Ты прав, Алеша. Очень может быть, что это произошло именно так.

— И на дне моря мы видели город переселенцев. Значит, мы найдем еще здесь чудесный город прижившихся на Венере марсиан, женщины которых так же прекрасны, как эта скульптура, встретим здесь бывших марсиан, умы которых хранят заветные тайны высшей цивилизации древнейшей планеты!

— Как знать... остались ли они здесь, — покачал головой Богатырев.

— То есть как это — не остались? — поразился Алеша.

— Вспомним о некоторых бесспорных фактах, известных на Земле. Объясняя их, можно понять многое.

— Факты? На Земле? — насторожился Добров.

— Да. Кто миллион лет назад оставил след подошвы в песчанике пустыни Гоби? Кто миллион лет назад пытался из подруч-

ного материала восстанавливать в Одесских катакомбах неведомый аппарат, выпиливая железным инструментом в костях ископаемых животных пазы, желобки, точные отверстия? Кто, наконец, стрелял пулей в дикого неандерталоида в доисторической Африке?

Добров развел руками:

— Ну, знаешь ли, Илья...

— Но не эти тайны главные! Главная — это тайна человеческого мозга, который был биологически одинаковым у создателя теории относительности Эйнштейна и первобытного человека каменного века, у лорда Ньютона и у африканского дикаря, из которого, как известно, можно воспитать современного ученого. Как могла скупая природа наделить доисторического человека, примитивного охотника, развитым мозгом, способным вместить всю сумму современных знаний?

— Мозг этот создан высшей силой, — возвестил Керн.

— Нет, Керн. Мозг этот, очевидно, прошел все стадии развития начинающего мыслить существа... еще до того, как уже в зрелом для Разума виде оно попало на Венеру... и на Землю.

— На Землю? — поразились слушатели.

— На Землю, — подтвердил Богатырев. — И скорее всего именно с Венеры.

— Где же его следы на Земле?

— Первые следы? — загадочно переспросил Богатырев. — Извольте. Вспомните о горном озере Титикака в Андах, которое было, по мнению видных геологов, морским заливом несколько сот тысяч лет назад. Ныне оно поднялось на четыре тысячи метров над уровнем моря, но и сейчас на его берегах остались следы древнего морского порта.

— Морского порта, командор? Сотни тысяч лет назад?

— Да, Аллан. Морского порта. И не только руины морского порта сохранились на берегу озера, сотни тысяч лет назад переставшего быть морем. Там есть руины циклопических строений, из них особо примечательны одиноко стоящие Ворота Солнца в храме Каласасава. На них сохранились древнейшие иероглифы, расшифрованные Эштоном в 1949 году.

— Это, насколько я помню, оказался древнейший на Земле календарь, — вспомнил Вуд.

Богатырев усмехнулся:

— Да, календарь Тиагуанако и самый древний и... самый странный.

— Да, да! — оживился Вуд. — Я помню, что год там насчитывал почему-то не триста шестьдесят пять дней, а двести девяносто дней. И месяцы были — десять по двадцать четыре и два по двадцать пять дней.

— Неземной календарь! — воскликнул Алеша.

— А вы не помните, — спросил Богатырев, — первые данные радиолокации Венеры, проведенной советскими учеными еще в 1961 году?

— О, еще бы! — ответил Керн. — Период вращения Венеры был определен несколько более чем в девять земных суток.

— Нам удалось уточнить это, — напомнил Богатырев.

— О да! — кивнул головой Керн. — Девять земных суток семь часов сорок минут и сорок восемь секунд.

— Значит, помня, что в венерианском году двести двадцать пять земных суток, сколько будет в нем венерианских дней?

— Двадцать четыре целых, сто пятьдесять семь тысячных, — быстро сосчитал Вуд.

— Не целое число! — огорчился Богатырев. — Несносный хвостик в сто пятьдесят семь тысячных суток! Куда его девать? При составлении календаря пришлось бы вводить високосные годы. А ну-ка! Сколько венерианских дней будет, скажем, в двенадцати годах? — лукаво спросил Богатырев.

— Это невероятно! — воскликнул Керн.

— Сосчитали?

— Двести девяносто! Точно!

— Смотрите, как удачно! Придется для Венеры считать в десяти годах по двадцать четыре дня, а в двух годах — по двадцать пять дней. Пожалуй, будет удобно.

— Сэр! Но ведь это же календарь Тиагуанако! — воскликнул Вуд. — Только малые циклы там вовсе не месяцы, а годы! А большой цикл — цикл високосных лет. У нас на Земле он четырехлетний.

— Как! На Земле, — почти закричал Алеша, — на древнейших руинах близ морского порта, которым пользовались сотни тысяч лет назад, был запечатлен венерианский календарь? Это что же? Жители Венеры так давно были на Земле? Были... и исчезли?

— Нет, почему же исчезли? — невозмутимо сказал Богатырев. — Марсиане, переселившиеся сначала с Марса на Венеру, а потом с Венеры на Землю, остались на Земле.

— Где же они, дети Марса? — спросил Вуд.

— Это просто невероятно! — воскликнул Керн. — Мне остается поблагодарить вас, сэр, что я все-таки не произошел от ненавистной и безобразной дарвиновской обезьяны.

— Утешит ли вас, Аллан, что марсианская обезьяна, от которой все же произошли ваши предки, была менее безобразной?

— Слабое утешение! А куда же делась марсианская цивилизация на Земле?

— Она исчезла, Аллан. Космические переселенцы утратили связь с материнской планетой, одичали в тяжелых непривычных условиях иной тяжести, чужой атмосферы, превратились в первобытных охотников...

— Одичали! — воскликнул Вуд. — О, для этого нужно совсем немного поколений! Я знаю... я видел... — Спохватившись, он осекся.

— Но я не видел. Я не знаю и не допускаю этого, — решительно заявил Добров.

— Видишь ли, Роман, — мягко обернулся к нему Богатырев. — Редко кто знает по имени своего прадеда. Даже в наших условиях связь поколений не так уж прочна. Что такое цивилизация? Это индустриальная база, это библиотеки, университеты, школы. Продолжающаяся цивилизация — это образование. Представь себе переселившихся инопланетных колонистов. Они не могли взять с собой заводы для восстановления машин, для изготовления топлива. Они не могли взять с собой библиотеки — сокровищницы знания. Уже во втором, третьем поколении среди переселенцев все меньше останется образованных. Все их силы, все способности будут направлены на то, чтобы выжить.

— Да... выжить, — понимающе повторил Керн.

— Выживали не умнейшие, а сильнейшие. Ведь на Земле они весили вдвое тяжелее. В условиях иной биосферы. В условиях иной жизни, жизни первобытных охотников, которым не требовалось знание, скажем, уже известной тогда на Марсе теории относительности. Их ум был занят иными заботами, грубел...

— Можно мне напомнить, Илья Юрьевич, — вставил Алеша, — о детях, которых воспитывали звери. На Земле известен десяток таких случаев. Не воспитанные людьми в самом раннем возрасте, эти дети уже не могли позднее стать людьми, не воспринимая даже элементарных знаний. Они становились д и к и м и, хотя их родители были цивилизованными. В большом масштабе это могло произойти и с переселенцами.

— Да, могло, — подтвердил Богатырев. — Проржавели, исчезли привезенные когда-то машины, забыты были старинные книги, да и сама ненужная охотникам письменность. Все изменилось у переселенцев, кроме мозга, способного к восприятию знаний, но не загруженного ими. Понадобились сотни тысяч лет, чтобы «внуки Марса», давно забыв о своем происхождении, снова поднялись по лестнице земной теперь цивилизации.

Алеша осторожно взял из рук Богатырева скульптуру.

— Так вот почему ты так загадочно понятна... сестра людей! — взволнованно сказал он.

— Да, — подтвердил Богатырев. — Сестра по солнечному племени разумных существ, появившихся в зоне жизни и расселившихся по всему околосолнечному пространству.

Глава шестая

ДЕТИ ЗЕМЛИ

Ураган разогнал тяжелые тучи. Слой высоких облаков казался диковинным небом. На Земле только у самого океана оно бывает таким, когда сплющенное Солнце, прорезая полосу туч, распадается на латунные половинки и раскаляет оранжевые кромки облаков, перекрашивает в багрянец синеву.

На Венере весь небосвод был багряно пышным, расцвеченным в зените феерической зарей немыслимо огромного, всегда невидимого Солнца.

Общий крик восторга вырвался у людей, едва вездеход оставил позади чащу папоротников.

Но никто из путников даже не посмо-

трел на венерианские небеса. Люди увидели башню из вороненой стали, устремленную ввысь, кусочек Земли, стоящий на скалах Венеры, родную ракету «Знание».

Здесь впервые человеческая нога ступила на другую планету.

Здесь любовно посажены на Венере четыре земных растения: пшеница, виноград, кукуруза и рис...

Здесь и простятся люди с планетой бурь, чтобы отправиться в обратный путь.

Исполинская ракета, казалось, ждала только мгновения, чтобы сорваться с чуждых скал, в огне и грохоте взлететь к пылающей заре, стрелообразным острием распороть багровый покров, за которым призывно светят звезды, ласково сияет Солнце, где откроется сверкающий Космос, мир миров, бездонный мир бесчисленных миров с красавицей венерианских созвездий голубой Землей, один цвет которой, как песня, говорит о небесной синеве, о теплом синем море, о синей дымке земных лесов.

О Гее — Земле думали все, и все по-разному. Богатырев размышлял о человечестве и его предыстории, Алеша — о подготовке новой экспедиции на Венеру, Вуд думал о Мэри, словно она ждала его в Америке, а не кружила сейчас на «Просперити» вокруг Венеры.

Добров и Керн говорили о Земле как инженеры и астронавигаторы, видя в ней цель полета. Приближался крайний срок пребывания на Венере. До истечения его осталось меньше земных суток. В штабе перелета, конечно, учитывают это и могут приказать «Просперити» быть готовым к вылету, если... если корабль останется один...

Вездеход остановился около ракеты.

На камне сидела ящерица.

Алеша выскочил на ходу и подбежал к ней.

Она не спаслась бегством, а вытаращила на него глаза. Ее шея раздувалась при дыхании.

Алеша протянул руку и взял ящерицу.

Это был привезенный с Земли варан, который словно ждал здесь своих хозяев.

Алеша засунул зверька в карман и, смеясь, полез по вертикальной лесенке к люку.

Его товарищи наблюдали, как он открыл люк.

Послышался лай, обыкновенный собачий, земной лай.

Все переглянулись.

— Лай! — крикнул Алеша. — Лай, Пулька, лай! Хочешь, я тебя расцелую за разбуженный в сердце май?..

И он скрылся в люке.

— Май... — сказал Гарри. — В мае я собирал травы в горах и едва не попал на повороте шоссе под машину. Я тоже готов поцеловать эту собаку.

— Оставьте, Вуд, — сказал Керн. — Как выяснено, собака уже больше не родственник человека, хоть у нее и пять пальцев на каждой лапе, пара глаз, пара ушей, позвоночник, сердце с левой стороны, печень и почки, все, как у человека...

Богатырев улыбнулся: он вспомнил разговор в пути о «внуках Марса». Он говорил тогда Керну по поводу внешнего сходства человека и животных Земли:

«Родственников у человека на Земле нет. Это хорошо знают физиологи и горько сетуют. А по поводу пяти пальцев и позвоночников учтите — природа находит оптимальные решения, все остальные случаи исключаются отбором. А дважды два всегда четыре».

«Судя по количеству пальцев, пять», — буркнул Керн.

«Рыба всегда будет обтекаемой формы, в каком бы океане она ни развивалась. Даже кит, перейдя с суши в море, обрел рыбоподобную форму, хоть рыбе он совсем не родня. До сих пор, чтобы наглядно показать переходящие одна в другую формы, выстраивали в ряд скелеты. Обезьяна, выпрямляясь, становилась предполагаемым получеловеком и, наконец, «венцом творения» — двуногим, прямостоящим разумным существом. Но ведь строение скелета не единственный признак. А вот по составу крови и по некоторым физиологическим функциям ближе всего к человеку стоит... кошка! А по поводу родства человека и обезьяны можно рассказать такой случай. Во время последней мировой войны не были применены отравляющие газы. Но их готовили у того же Гитлера. Известен случай, когда газ, от которого в страшных мучениях погибали подопытные обезьяны, во время взрыва вырвался из хранилища. Сотни рабочих были обречены, но... получили только насморк. Может быть, именно поэтому гитлеровские химики предпочитали проводить свои человеконенавистнические

опыты уже не на животных, а на военнопленных».

«Закройте мрачную страницу, командор. Издали, глядя на Землю, не видишь пятен», — сказал Керн.

Они еще долго говорили об этом в пути, но сейчас все молчали.

Вдруг раздался тревожный, захлебывающийся лай.

Из люка, не захлопнув дверцы, поспешно спускался Алеша. Он был без шлема.

Спрыгнув на камни, он растерянно остановился перед Богатыревым:

— Илья Юрьевич, беда!..

— Что такое?

— Маша... Мэри... «Просперити».

— Что случилось с Мэри? — кинулся к Алеше Вуд.

— Запись... Магнитная запись сообщения с «Просперити»!

И Алеша снова бросился к лестнице.

В предчувствии непоправимого все поднимались следом за ним.

Собрались в радиорубке.

Пулька терлась о ноги, подпрыгивала, пыталась лизать руки.

Наружная дверца закрылась, рубка автоматически наполнилась земным воздухом. Началось облучение скафандров. В ракету нельзя было занести венерианские микробы.

Шлемы сняли лишь после окончания облучения.

Алеша запустил магнитную запись.

Из репродуктора послышался знакомый голос Мэри. Он звучал как-то скованно, словно ему трудно было пробиваться сквозь треск атмосферных разрядов.

— «...У меня нет сил улететь, не передав этой радиограммы... Ее уже некому услышать на поверхности планеты. Может быть, автоматы запишут ее и мой голос услышат те, кто вновь прилетит сюда, чтобы оказаться более счастливыми, чем их предшественники... Я смотрюсь в зеркало и вижу у себя седую прядь. С Земли приказано мне, последней из оставшихся в живых, вести «Просперити» в обратный путь. Там меня ждет горький почет и ненужная слава... И даже толпы завидных женихов... женихов космической вдовы Мэри Стрем, которая откроет сейчас на мгновение люк шлюза и выбросит на чужую планету горсть земли, чтобы ее крупицы упали на могилы Гарри и его друзей... Я обязана выполнить ненавистный мне приказ... все же выполнить и тем продолжить дело погибших».

В магнитофоне слышался шорох и треск атмосферных разрядов. Голос Мэри заглох, утонул в шуме, исчез...

— Все ясно, — сказал Керн. — Она улетела...

— Не может быть! — в отчаянии крикнул Вуд.

— Можете считать, что горсть земли уже брошена на вашу могилу, — зло сказал Керн.

— Вы лжете, шеф! Ведь это Мэри!.. Надо вернуть ее, позвать обратно! Сообщить на Землю!..

Добров провел рукой по колючей седеющей щетине, которой оброс его череп:

— К сожалению, мистер Вуд, как вам известно, верхние ионизированные слои венерианской атмосферы исключают связь с Землей даже с «Просперити». Пока он находился на орбите спутника, связь была неустойчивой.

— «Пока находился»!.. — с горечью воскликнул Гарри. — А теперь летит... И я не уверен, что он летит к Земле. Я не уверен, что она спасется, сумеет вывести корабль на орбиту.

Алеша благодарно посмотрел на Вуда:

— Значит, ты беспокоишься о ней, Гарри! Прости, я плохо о тебе подумал.

Гарри словно не услышал этих слов. Он отвернулся к иллюминатору и стал смотреть на пламенеющее красное небо.

— А я... — сказал нерешительно Алеша. — Я даже не смею признаться, что... что рад!.. Мы останемся... Мы найдем их.

— Кого — их? — мрачно обернулся Добров.

— Братьев по солнечному племени.

— Оставьте вчерашние шутки! — возмутился Добров. — Неужели вы рассчитываете, что мы сможем прожить здесь год? Кто мог переселиться сюда с другой планеты? Нам не выжить здесь. К сожалению, не выжить и поднявшись на «Знании», став искусственным спутником Венеры. На Землю о своем спасении мы в этом случае сообщим, но, пока будем ждать помощи, погибнем от космических излучений. Слишком пощипана в пути защита корабля.

— Расчет столь же точный, сколь и мрачный, — сказал Илья Юрьевич. — При-

дется нам вчерашнюю гипотезу проверить на самих себе.

Он открыл дверь в рубку управления, прошел к пульту, любовно погладил его панель, стал у окна, задумчиво глядя на венерианский лес.

Алеша, Вуд и Добров остались в радиорубке. Только Керн прошел следом за командором.

Он стоял за его спиной и молча смотрел в пол.

— Командор, — сказал он наконец, — дважды два все-таки не пять, только четыре.

Богатырев обернулся и пристально посмотрел Керну в лицо.

— Да-а, да-а, — повторил тот. — Четыре. И, как известно, четыре больше и ценнее единицы.

Богатырев тяжело опустился в кресло и зажал бороду в кулак:

— Как вас понять, Аллан?

— Следующую экспедицию на Венеру могут отложить на много лет. Дать сигнал можно лишь с орбиты спутника. Четверо останутся на Венере, постараются выжить. А я один поднимусь на «Знании», дам сигнал на Землю.

— Так, — сказал Богатырев, исподлобья смотря на исхудавшее лицо американца. — Подниметесь и погибнете от излучений?

— Да, командор. Дважды два — четыре, а не пять.

В дверях стояли Алеша, Вуд и Добров. Они слышали весь разговор.

— Тяжкое дело, друзья, тяжкое... — сказал Илья Юрьевич. — Слышите, на что Аллан готов?

Тягостная, давящая тишина сковала всех. Даже Пулька молчала, непонимающе оглядывая вернувшихся.

— Как поступать будем? — поднял глаза Илья Юрьевич.

— Дайте мне вездеход, я найду город солнечного племени и вернусь сюда... — предложил Алеша.

— Выход в ином, — сказал Добров. — Запустить ракету без людей, чтобы она взорвалась над облаками. Вспышка будет замечена с Земли и послужит сигналом, что мы живы.

— Так, — протянул Илья Юрьевич, накручивая на руку привязной ремень. — На то, что сказано здесь, как говорил Чапай, наплевать и забыть... В Космос под удар космических лучей без достаточной защиты на долгий срок подниматься не станем. Сигнал на Землю дадим. Для этого используем импульс автоматической метеостанции. Любые слои пробьет.

Алеша хлопнул себя по лбу:

— На базе ракеты «Знание» создадим на Венере колонию. Выживем во что бы то ни стало, чтобы посланная за нами экспедиция получила от нас богатейший научный материал. А покуда разработаем программу широких исследований Венеры.

— Да-а, — протянул Добров и стал тереть щетину на голове.

— Можно мне пожать вам руку, сэр? — спросил Вуд Керна.

Керн удивился.

— За то, что вы готовы были это сделать, — сказал Вуд.

Алеша подошел к пульту и включил внешние микрофоны.

В кабину ворвалась волна звуков, которые были привычными в лесу, но казались противоестественными в кабине.

Алеша вздрогнул, словно в удаляющемся скачущем грохоте и пронзительном замирающем визге услышал что-то.

Прислушались и другие.

Алеша ухватился за спинку кресла.

Она!

И, словно у самого окна кабины, раздался призывной крик, нежный и громкий, переливающийся.

Алеша держал в руке скульптурную головку неведомой чужепланетной девушки и вслушивался в лесной голос.

— Эоэлла!..

Добров нахмурился. Вуд поник головой. Илья Юрьевич, упершись могучими руками в расставленные колени, смотрел в пол.

Глава седьмая

ЭОЭЛЛА!..

Погода на Венере улучшилась. Дул сильный, но ровный ветер. Небо было высокое и красное, по нему перемещалась заря невидимого Солнца.

Вокруг ракеты кипела работа. Люди принялись за устройство укрепленного лагеря. Решено было соорудить вокруг корабля прочную изгородь, которая защитила бы «колонистов», как начали исследователи называть себя, от внезапных нападений. Ко-

нечно, в первую очередь, имелись в виду ящеры, но... кто знает, могли быть и не только ящеры.

Циркульными пилами срезали исполинские папоротники, распилили их на части. Первые на Венере бревна вездеход волоком тащил из леса к ракете.

Реактивный двигатель поднимал такой шум, что распугал всех окрестных животных. Когда Добров выключал его, наступала тревожная тишина.

Только небольшие птеродактили неотступно кружили над лагерем, выглядывая добычу с большой высоты.

Исследователи не обращали на них внимания.

Добров приволок на вездеходе очередное бревно. Его заострили с одной стороны в виде кола, а другой конец опустили в выкопанную яму, на дне которой поблескивала вода. Закапывали кол с наклоном наружу лагеря. Частокол получался внушительным.

Вуд оценивающе посмотрел на него:

— Недурная крепость. Готов выдержать в ней любую осаду... до возвращения Мэри.

Алеша положил ему руку на плечо.

— А я счастливее, — задумчиво сказал он, глядя в чащу и прислушиваясь.

Вуд внимательно посмотрел на него.

Из люка ракеты донесся звонкий лай Пульки.

— Слышишь? — сказал Алеша. — Эх, неужели не стану записки писать, засовывать их Пульке за ошейник?

— Записки? — удивился американец. — Кому?

Алеша выразительно посмотрел на лес:

— И не беда, если не прочитает... если ответа Пулька не принесет!..

— Вас, русских, всегда так трудно понять! — признался Гарри.

Пулька лаяла, надрываясь.

По лесенке, не попадая ногой на ступеньки, спускался Богатырев.

— Эх, братцы! — сказал он. — О мозге человеческом мы рассуждали, а о сердце забыли.

— О каком сердце, командор? — удивился Керн. — Боли в сердце?

Богатырев положил руку на плечо американцу:

— Да, да, Аллан. Боли в сердце... в женском сердце, которое мы совсем не знаем! — И он посмотрел в лицо другому американцу.

— Командор!.. — только и мог крикнуть Гарри.

Он остановился перед Богатыревым, задыхаясь.

— Всем... наверх! — крикнул Богатырев и первый ухватился за перила лестницы.

Через несколько минут все снова собрались в радиорубке.

Богатырев включил магнитную запись. Диски начали вращаться, а он прерывисто говорил:

— Я проверил запись радиолокатора... И обнаружил... «Просперити» проходил над нами и после переданной радиограммы... которую мы считали последней.

— Как! Была еще радиограмма?

— Она записана автоматом. Мы не догадались проверить.

Гарри, решительно отодвинув Керна и Алешу, подошел к магнитофону.

— «...я не смогла улететь, — донесся через шорох помех голос Мэри. — Я отказываюсь от всего, что ждало меня там. Я никогда не смогла бы воспользоваться этим. Пусть их нет здесь внизу, пусть погиб мой Гарри, но я не вернусь на Землю. Мой долг — сохранить результаты экспедиции. Я бережно оставляю их на «Просперити». Его застанет последующая экспедиция и через несколько лет. А я сама подготовила уже запасный планер, чтобы опуститься на поверхность Венеры, в квадрат «семьдесят»... и, может быть, найти Гарри».

— О-о! — воскликнул Керн. — Мой гениальный брат Томас в состоянии был воспроизвести в электронных схемах мозг мужчины, но никогда бы он не смог программировать подобие женщины!..

— Молчите! — крикнул Гарри. — «Просперити» кружит вокруг планеты и... он пуст?

Никто не ответил.

Вуд отвернулся и отошел к окну. Он стал смотреть на багровое небо.

— Вот... такое оно, оказывается, и есть, женское сердце, — сказал Богатырев. — «Просперити» выйдет из-за горизонта через несколько минут.

Алеша бросился к радиоаппаратуре, стал давать позывные, словно кто-то мог услышать его.

Вуд стал за его спиной, сжав кулаки и наклонив голову.

Репродуктор был включен. Слышался шорох и треск атмосферных разрядов. Порой казалось, что звучит «морзянка».

И вдруг раздался ясный, неправдоподобно близкий голос Мэри Стрем:

— Я — «Просперити». Я — «Просперити». У меня галлюцинация?.. Я — «Просперити»!..

Алеша потянул Гарри за рукав.

Тот опустился около Алеши на одно колено, взял в руку микрофон и стал говорить... почти шепотом.

Керн обернулся к Богатыреву:

— Я думаю, что первый доклад об экспедиции мы сделаем общим.

— Программа действий меняется! — объявил Илья Юрьевич. — До старта флагманского корабля «Знание» осталось не больше часа. Доброву — уточнить время старта и определить точку встречи с «Просперити». Аврал!.. Разгрузить «Знание» до предела.

Через полчаса место близ ракеты неузнаваемо изменилось. На камнях лежали ящики с консервами, баллоны из-под кислорода, поблескивали металлические части аппаратуры.

Алеша старался хоть как-нибудь привести все это в порядок, сложить в штабели, расположить рядами...

Илья Юрьевич и Керн возились у вездехода, что-то укладывая в него.

Вуд был на радиосвязи, он не упускал ни мгновения, чтобы слышать свою Мэри.

Пулька взволнованно бегала между людьми и ящиками и лаяла.

Алеша шикнул на нее.

Он все время прислушивался, настороженный, беспокойный. Лицо его осунулось, глаза неестественно блестели.

Он не мог найти себе места.

Все делали вид, что ничего не замечают.

По лесенке быстро спускался Вуд.

Он подошел к Алеше, взял его за плечи и сильно встряхнул.

Алеша поднял глаза, увидел счастливое лицо американца и через силу улыбнулся.

Вуд показал глазами на лес. Алеша пожал плечами. Тогда Гарри притянул к себе Алешу и крепко обнял.

До старта «Знания» оставалось несколько минут.

Богатырев, Добров, Керн заняли места в «зубоврачебных креслах». Вуд и Алеша, более молодые, должны были перенести взлет, лежа на специальных тюфяках.

— Илья Юрьевич, — попросил Алеша, — можно включить внешние микрофоны? Как в первую ночь...

Богатырев протянул руку к пульту.

Алеша замер. В ушах его стучала кровь. Он в последний раз услышит Венеру.

Волна звуков ворвалась в кабину: шум ветра, вой ящера, хлопанье крыльев, далекий раскат словно обрушившейся лавины...

И вдруг все стихло.

И послышался столь желанный Алеше крик, звонкий, чистый, переливающийся, совсем человеческий, зовущий и печальный:

— Эоэлла!.. Эоэлла!..

Алеша вскочил, бросился к окну.

«Тридцать... двадцать пять... двадцать... пятнадцать...» — отсчитывал автомат секунды до мгновения, когда будут включены стартовые дюзы.

Алеша прильнул лбом к стеклу, он смотрел в лес, откуда неслось:

— Эоэлла!..

Ветер срывал листву папоротников, гнал раскоряченные исполинские перекати-поле. Он подхватил клубы дыма, понес их на лес.

Ракета дрогнула.

Алеша успел увидеть что-то белое, туманное, мелькнувшее... нет, метнувшееся с вершины дерева, словно летя на крыльях...

Впрочем, может быть, это был унесенный ветром клуб дыма?

Грохот сотрясал корабль. Алеша повалился на пол.

Облако дыма закрыло нижнюю часть ракеты. Космический корабль нехотя приподнимался. Под ним трепетало зеленоватое пламя, которым он словно отталкивался от каменистой поверхности.

Ракета на мгновение повисла в воздухе.

Раскоряченное перекати-поле ударилось о нее и отлетело далеко в сторону. Совсем близко пронеслось другое перекати-поле. Венера словно бомбардировала покидавшего ее космического гостя.

Взревели дюзы, подпрыгнул корабль и, оставляя дымный след, исчез в красных тучах.

Как долог был спуск сквозь эти красные тучи... и как короток был взлет!..

Алеша поднялся, ощущая свинцовую тя-

жесть во всем теле, в висках и глазных яблоках. Говорят, некоторые при таком ускорении теряют на время зрение.

Алеша бросился к окну. Нет! Он видел прекрасно! Вот он, бурный багровый океан вечных туч.

Где-то летит по орбите «Просперити». Корабли уравняют скорости, сойдутся... Гарри обнимет свою Мэри. Они будут счастливы. А он, Алеша?..

С бьющимся сердцем смотрел Алеша на красные горы и багряные клубы дыма, медленно меняющие очертания. Если бы он мог пронзить их взглядом! Если бы хоть на мгновение увидеть снова папоротниковую чащу, край болота, с которого стартовала ракета!..

И Алеша так живо все представил себе, словно он на самом деле видел, что произошло после взлета ракеты.

Он был совершенно уверен, что он еще успел увидеть, как над гнущимися под ветром папоротниками, паря, пронеслось крылатое существо. А потом...

Потом он представил, как оно сделало круг над тем местом, где только что стояла ракета вороненой стали.

Накренив одно крыло выше другого, существо спустилось на поверхность и... сложило крылья, оно откинуло их на спину складками дымчатого плаща. Потом оно тряхнуло головой и по плащу рассыпались длинные темные волосы. Ветер завладел ими.

Конечно, у девушки было точно такое же лицо, как и у найденной скульптуры. Вытянутые в одну линию брови, миндалевидные огромные глаза, способные видеть в темноте, тонкий нос и нежные губы... Стройная, сильная, незнакомо прекрасная, она с тоской смотрела на тающий в воздухе след корабля. И, протянув к нему руки, она крикнула звонко и мелодично:

— Эоэлла!..

Потом девушка осторожно подошла к вездеходу.

Пришельцы оставили свою машину. Девушка смотрела на нее с грустью, но не с удивлением. Любовно погладила помятые бока, потом заметила оставленные в вездеходе предметы.

Она перебирала их один за другим, все более и более заинтересованная, взволнованная...

Земляне оставили на чужой планете продуманный след. Это были символы, геометрические и математические: круг, треугольник... доказательство теоремы Пифагора... схема солнечной системы. Периодическая система Менделеева. Строение атома... Потом шли фотографии Земли, ее природы, ее людей... Города, машины... Наконец, снимки побывавшей на Венере ракеты и пятерых астронавтов.

Девушка долго вглядывалась в черты лиц людей. На одной фотографии она задержалась больше, чем на других.

На поясе у нее была сумка. Девушка вставила в нее выбранную фотографию. В сумке заработал механизм.

Девушка села на камни, обхватив колени руками, положив на них подбородок, и смотрела на сумку.

Сумка сама собой раскрылась.

Девушка взяла в руки чудесно созданную скульптуру... Алеши и стала смотреть на нее долгим, долгим взглядом...

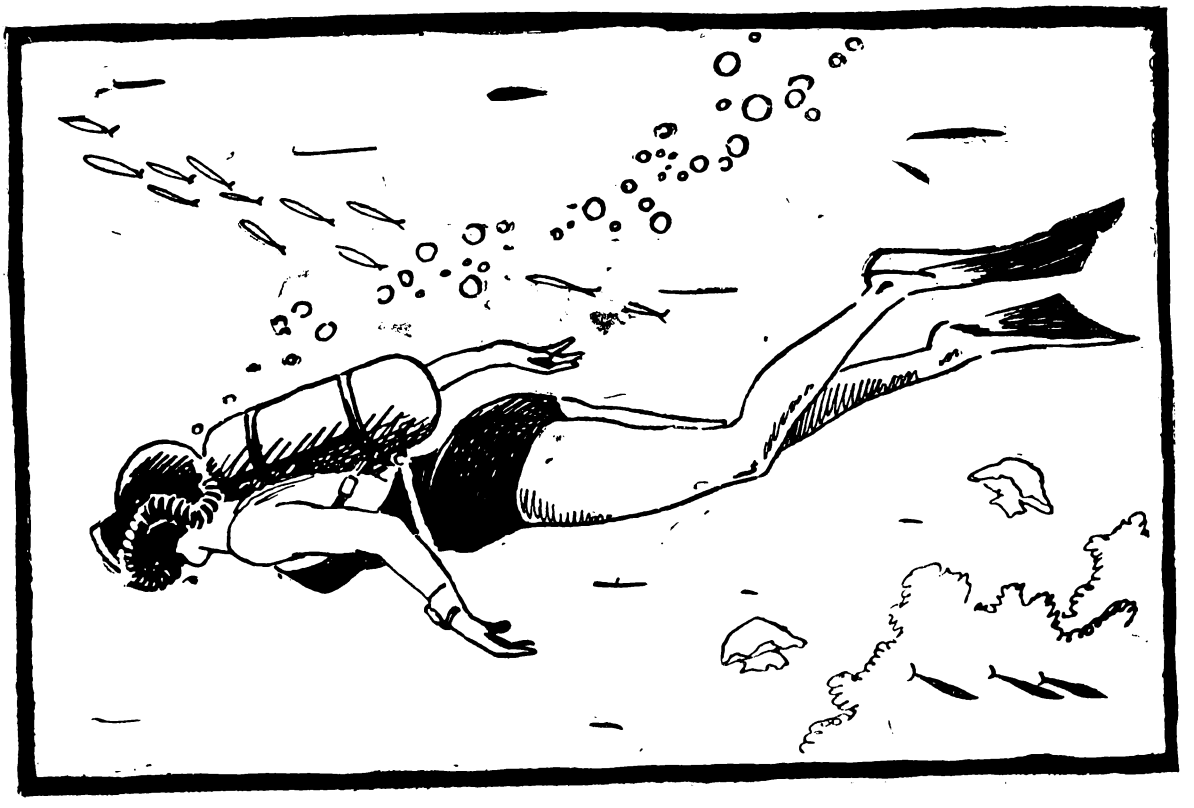
Корабль «Знание» облетел вокруг Венеры несколько раз. Уже перебралась с «Просперити» мужественная американка Мэри Стрем, уже заправился советский корабль американским топливом...

Корабли шли к Земле.

Алеша стоял у окна, смотря на золотистый серп Венеры. И казалось Алеше, что он сам остался там, где оставили земляне знак возможным братьям по Разуму.

Богатырев и Добров были у противоположного окна. Там в черноте Космоса горела в звездной россыпи голубоватая звезда. Можно было подумать, что корабль летел совсем не к ней, но, описав в околосолнечном пространстве точно вычисленную дугу, он должен был принести звездолетчиков именно на эту голубоватую звездочку, родную Землю, быть может и в самом деле заселенную миллион лет назад солнечным племенем людей.

КОНЕЦ

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

ПО СЛЕДАМ ВЕТРА

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ *

ЗНАКОМСТВО ПОД ВОДОЙ

Прошлым летом я только что демобилизовался из армии и не знал, куда себя дальше девать. Это печальное состояние мучило меня уже давно. Другие как-то сразу выбирают себе жизненный путь, а у меня так не получилось. Кончив школу, поступал в институт кинематографии, на сценарный факультет. А зачем, и сам не знаю. В институт не попал и поступил работать на завод учеником электрика, а через год меня призвали в армию.

Но, видно, и армия мне ума не прибавила, потому что вот теперь снова стою на распутье и гадаю: как мне жить дальше? Чем заняться? Куда податься: проситься в экипаж космической ракеты, которую скоро, наверное, пошлют на Марс, или ехать в Сибирь на какую-нибудь стройку?

Никакого решения я принять не мог и отправился к дяде в Керчь, чтобы отдохнуть, побродить, покупаться.

— Непутевый ты, Колька! — сказал мне дядя, когда я без приглашения нагрянул к нему. — В каждом человеке должен быть стержень, понимаешь? А в тебе его нет.

* Печатается с сокращениями.

Наверное, дядя Илья прав: нет во мне стержня. А где его взять? И что это за стержень, который должен быть в каждом человеке? В дяде моем он есть? Сам дядя Илья, конечно, считает, что живет он правильно. Работает на метеостанции в Керчи, составляет прогнозы, которые очень редко оправдываются, а после работы копается в своем огородике или, подняв очки на лоб, старательно изучает какие-то заумные таблицы в толстенных фолиантах. Я тоже было заинтересовался этими книгами, соблазнившись их толщиной и ветхостью переплетов. И некоторые названия меня поначалу заинтриговали. Например, «роза ветров». Здорово звучит, верно? А на самом деле это никакая не роза, а просто-напросто диаграмма, график преобладающих ветров...

У дяди мне скоро стало скучно. В одно прекрасное утро я сбежал на попутном катере на Тузлу. Вот тут-то и начались приключения.

Тузла когда-то была косой, длинным песчаным мысом, далеко вдававшимся в Керченский пролив. Но в двадцать пятом году сильный шторм размыл перешеек, и Тузла превратилась в остров. Промоина между островом и берегом все росла и теперь уже достигает трех с лишним километров.

На острове всего несколько домиков, где во время путины живут рыбаки. Берег такой низкий, что его не заметишь с моря, пока не подплывешь вплотную. Отправившись на Тузлу, я сначала увидел даже не сам берег, а дом и одинокое раскидистое деревце возле него. Казалось, они стояли прямо посреди моря. Это мне сразу понравилось.

Добыть пропитание всегда было можно у рыбаков, ночевал я под открытым небом, на согретом за день песке. А пляж тут оказался такой, какого я никогда в жизни еще не видывал. Он тянулся на десятки километров. В сущности, весь остров был просто-напросто громадным песчаным пляжем, совсем пустынным и голым. Отойдя от рыбачьего стана метров за сто, можно было чувствовать себя Робинзоном на необитаемом острове.

Но скоро я убедился, что остров был обитаемым, даже, пожалуй, слишком.

Как обычно, с утра, прихватив самодельный гарпун, я отправился на охоту за рыбами. Вода в Керченском проливе такая мутная, что не различаешь порой даже кончиков пальцев протянутой перед собой руки, так что с ружьем тут охотиться бесполезно. Зато с гарпуном можно ловко подкрасться к зазевавшейся рыбешке.

Ныряя, я услышал какое-то громкое постукивание под водой. После паузы оно повторилось. Мне приходилось читать, будто рыбы издают разные звуки в воде, даже как бы переговариваются друг с дружкой.

Но эти звуки навряд ли могли издавать

рыбы. Они были слишком размеренными и громкими: два звонких удара подряд, потом пауза, снова удар... Да ведь это азбука Морзе! Точка — тире, тире — точка, снова точка — тире... «Ана плыву тебе»...

Точка — точка — точка — тире, тире — точка — точка, — застучал вдруг кто-то над самым моим ухом... «Жду».

Кто же это мог разговаривать под водой? Вынырнув за воздухом, я огляделся вокруг. Но наверху все оставалось по-прежнему спокойным и безмятежным. Только в одном месте, недалеко от меня, на поверхности воды вскипали какие-то пузырьки.

Я снова глубоко нырнул, почти до самого дна, и увидел впереди какую-то смутную большую тень. Приближаясь к ней, я стал различать очертания человеческой фигуры. Но, только подплыв совсем вплотную, я разглядел, что это девушка. Она была не просто в маске, как я, а в легководолазном костюме — акваланге, — так что ей не приходилось подниматься на поверхность за свежим воздухом.

Незнакомка повернулась ко мне и поманила рукой. Но, когда я подплыл, думая, что ей нужна помощь, она отшатнулась и замахала на меня рукой. Я ничего не понимал. Запас воздуха в легких уже кончался, и мне пришлось вынырнуть.

Я тотчас же нырнул снова и легко нашел девушку по пузырькам отработанного воздуха, которые цепочкой струились из ее акваланга. Но теперь она уже была не одна. Рядом с нею я увидел второго водолаза — мускулистого, загорелого парня примерно моего возраста, в голубых плавках. Они оба посмотрели на меня, переглянулись и, взявшись за руки, медленно поплыли над самым дном. Они демонстративно не обращали на меня никакого внимания и словно что-то искали на дне.

Это меня заинтересовало, и я поплыл вслед за ними. Что они потеряли? Подбитую рыбу? Но у них не было ружей в руках. Или что-нибудь упало с лодки? А может, ищут утопленника, надо помочь им?

Без акваланга мне приходилось то и дело подниматься на поверхность за воздухом. Но глубина не превышала трех метров, а плыли они медленно, пристально рассматривая илистое дно, так что каждый раз я их легко нагонял и не упускал из виду.

Моя навязчивость, видно, надоела им. Они остановились и подождали, когда я подплыву совсем близко.

Навстречу мне выдвинулся парень. Вид у него был довольно свирепый, но что он мог мне сделать? На всякий случай я вызывающе выставил вперед свой гарпун. Но он вдруг наклонил голову, точно собираясь бодаться, и выпустил мне прямо в лицо целую тучу воздушных пузырьков.

Вода вокруг меня буквально закипела.

Это произошло так неожиданно, что я

чуть не захлебнулся и пулей выскочил на поверхность. Пока я отдышался и пришел в себя, они успели отплыть довольно далеко. Но теперь уже я крепко разозлился и кинулся в погоню за ними.

Не знаю, чем кончилась бы вся эта история, если бы мы вдруг не заметили, что заплыли на отмель, где воды было по грудь. Так что мы могли теперь высунуться из воды и объясниться по-человечески.

— Ты что, ненормальный? — свирепо спросил парень, сдвигая маску на лоб. — Что к нам пристал?

— А что вы здесь ищете? — в свою очередь, ощетинился я. — Кто вы такие? Ваши документы.

— Вот я тебе сейчас покажу документы! — замахнулся он.

Но девушка (она не сняла маски, а только вынула изо рта дыхательную трубку) схватила его за руку:

— Не смей, Михаил! Ему просто надо все объяснить. — И, повернувшись ко мне, она начала втолковывать, словно глупому ребенку: — Мы археологи, у нас тут целая экспедиция. Мы ищем затопленные древнегреческие города, которые стояли на этих берегах тысячи лет назад. Понимаете? А вы нам мешаете работать.

Мне стало неудобно, что со мной так разговаривают, точно с ребенком. Но сразу отступать не хотелось, и я повторил:

— Все равно у вас должны быть какие-то документы. Предъявите...

— А ты что, милиционер? — насмешливо буркнул парень.

Девушка снова потянула его за руку и мягко сказала мне:

— Ну откуда же у голых людей могут быть под водой документы? Если вы так уж сомневаетесь, приходите вечером в наш лагерь — он вон там, за холмом.

— А, да что с ним толковать! — махнул рукой ее товарищ и стал натягивать маску. — Пошли, а то скоро обед.

Девушка снова помахала мне рукой, и они скрылись под водой. По воздушным пузырькам, выскакивавшим на поверхность, я следил, как они уплывают все дальше от берега. Наверное, их там ждала лодка. Но преследовать их я больше не стал.

Весь день эта встреча под водой не выходила у меня из головы. Смутно припоминалось, что я и раньше читал что-то в газетах или в каком-то журнале о подводных археологах. Искать древние города куда интереснее, чем гоняться за испуганными рыбешками. Может быть, пойти к их начальнику и попроситься, чтобы взял в экспедицию? Ныряю я неплохо...

Я думал об этом и вечером, сидя в одиночестве на теплом песке. Лагеря археологов отсюда не было видно, его скрывали песчаные холмы. Но мне казалось, будто ветер иногда доносит оттуда веселые голоса и чей-то смех. Может, это смеются надо мной, слушая рассказ девушки и этого свирепого Мишки о нашей нелепой стычке под водой?

СЛИШКОМ ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Утром, закусив колбасой с черствым хлебом, я сложил в рюкзак свои нехитрые пожитки и отправился искать лагерь археологов.

Он стоял у самой воды. Еще издалека я увидел две большие оранжевые палатки. В сторонке от них, под навесом, был вкопан в песок большой самодельный стол из некрашеных досок. Рядом торчала самодельная печка с трубой из перевернутого чугунка без донышка. На высоком шесте возле одной из палаток лениво трепыхался выгоревший флажок.

Лагерь выглядел совершенно пустым и покинутым. У меня даже екнуло сердце: не уехали ли все куда-нибудь на другое место? Но, когда я подошел поближе, под ноги мне вдруг с неистовым лаем выкатилась маленькая собачонка, похожая на комок свалявшейся шерсти.

— Шарик, на место! — лениво крикнул кто-то из палатки.

Брезентовая дверца ее откинулась, и оттуда высунулась лохматая голова моего вчерашнего противника.

Несколько минут он смотрел на меня, не узнавая, потом лицо его помрачнело.

— Ты что сюда пожаловал? — спросил он грозно. — Документы проверять?

— Мне нужен начальник экспедиции, — ответил я, не желая ввязываться в ссору.

— Жаловаться пришел?

— Очень ты мне нужен, чтобы из-за тебя забираться в такую даль! Просто мне нужен начальник. По делу нужен, понял?

— Вот я тебе покажу сейчас начальника! — Он начал выползать на локтях из па-

латки и неожиданно крикнул: — Шарик, куси его!

Собачонка, которая сидела шагах в пяти от меня, неуверенно тявкнула и тут же, словно извиняясь, замахала куцым хвостом. Она была куда добродушнее своего хозяина.

Я повернулся и отошел в сторонку, стараясь идти как можно медленнее и независимее, чтобы это не походило на отступление.

Шарик и Мишка молча смотрели мне вслед. Я отошел метров на двадцать и сел у самой воды, всем своим видом показывая, что готов здесь ожидать начальника хоть до скончания века.

Ждать мне действительно пришлось долго. Я и посидел, и полежал, сбросив рубашку, и даже выкупался разок, правда у самого берега, чтобы не подвергнуться предательскому нападению. Но парень не приближался ко мне. Он возился у печки; растопил ее, начистил картошки и стал готовить обед, изредка поглядывая в мою сторону. Видимо, его оставили сегодня дневальным. Понятно, почему он так зол!

Я сидел на солнцепеке и тоже злился. Уже под вечер с моря донеслось наконец далекое комариное гудение мотора. Звук все приближался, и скоро я увидел небольшой катерок, мчавшийся к берегу. Шарик приветствовал его появление веселым лаем и помчался к причалу из трех досок, устроенному на берегу.

Катер с выключенным мотором мягко стукнулся о причал. Двое загорелых, как негры, ребят примерно моего возраста быстро и ловко закрепили его канатом. Кроме них, в катере находились две девушки и старик с остренькой седой бородкой. Один из парней помог ему спрыгнуть на причал, а потом уже с хохотом полезли девицы, с любопытством посматривая в мою сторону.

— Ба! Да это наш неутомимый преследователь! — воскликнула одна из них, высокая и белокурая.

Только теперь я узнал в ней свою подводную знакомую. Но без маски она выглядела гораздо лучше. Ее подруга, подвижная и вся черная, как жучок, тотчас же схватила ее за руку и громко зашептала, так что слышно было всем:

— Кто это, Светланка? Где вы познакомились?

— Под водой, — ответила та и, спрыгнув на песок, протянула мне руку: — Ну, а теперь давайте знакомиться по-настоящему. Меня зовут Светлана.

— Николай, — ответил я хмуро. — Николай Козырев.

Пожатие у нее было совсем мужское, твердое. А зеленоватые глаза все время смеялись, и я старался в них не смотреть.

— Мне нужен начальник экспедиции, — пробормотал я.

— Я начальник, — ответил старичок, выставив воинственно вперед свою бородку и с любопытством разглядывая меня. — Слушаю вас, молодой человек.

Это было для меня неожиданностью. Я как-то предполагал, что начальник экспедиции подводников должен быть непременно здоровяком, этакого богатырского сложения. Может быть, флотский капитан. С ним мне было бы легко договориться.

Поэтому я стоял и растерянно молчал. Тогда Светлана насмешливо сказала:

— Под водой вы были активнее, Коля.

Все вокруг засмеялись.

— Так я слушаю вас, — повторил начальник и пришел мне на помощь: — Судя по всему, вы хотите присоединиться к нашей экспедиции. — И он посмотрел на рюкзак, лежавший у моих ног.

— Да, — обрадовался я.

— А вы кто, археолог?

— Нет.

— А кто же?

— Я, собственно, был в армии.

— Военная косточка? — оживился старик. — Это отлично!

Потом уже я узнал, что своим упоминанием об армии сразу расположил его к себе. Военное дело было, оказывается, любимым коньком нашего профессора, по специальности, казалось бы, совершенно мирного человека. Мы никогда не могли понять этого его увлечения. В армии Василий Павлович служил недолго и очень давно, еще в первую мировую войну. Но до сих пор во время раскопок он носил военную фуражку, сапоги и брюки галифе, любил, когда ему отвечали по-военному, коротко и четко. Даже в своей науке он сумел выбрать какую-то особую «военную тропку», написав несколько интереснейших исследований о вооружении и тактике древних греков.

Все это я узнал уже потом, а сейчас просто обрадовался, что армейская моя служба оказалась хорошей рекомендацией.

— А где же вы служили? — продолжал он расспрашивать.

— На флоте, — ответил я.

Это было не совсем так: я служил в береговой обороне. Но все равно, ведь это рядом с морем...

— Отлично! И с аквалангом знакомы?

— Знаком.

— И плавает он хорошо, — лукаво вставила Светлана.

— А документы, простите, у вас при себе? — спросил профессор.

Светлана засмеялась. Он удивленно посмотрел на нее:

— В чем дело?

— Так, Василий Павлович, — ответила она, подмигнув мне. — Вы же знаете, я смешливая.

Покраснев так, что мне стало жарко, я достал из рюкзака все свои документы и передал их профессору. Он начал их внимательно изучать, а я смотрел себе под ноги, чтобы только не встретиться взглядом с насмешливыми глазами этой девицы.

— Отлично, — одобрительно сказал наконец профессор, возвращая мне документы. — Ну что ж, я вас зачисляю. Только учтите, зарплата у нас маленькая...

— Это ничего...

— Ладно. Тогда отправляйтесь завтра в Керчь на медицинскую комиссию.

Я попробовал было возражать, что здоров как бык, но он поднял палец, посмотрел на меня поверх очков и строго сказал:

— Порядок есть порядок. Вы же военный человек, Козырев.

Я понял, что спорить бесполезно, и ответил:

— Тогда я отправлюсь прямо сейчас в Тамань, а то пароход оттуда в Керчь уходит рано. Там и переночую.

— Ладно, — кивнул он, и по его глазам я видел, что ему понравилась моя решительность.

А я, честно говоря, просто не хотел сегодня здесь оставаться. Начнут расспрашивать, смеяться. Пусть уж лучше без меня перемывают мне косточки.

Комиссия, конечно, прошла совершенно благополучно, и к вечеру следующего дня я снова был на косе. Теперь меня встретили, как своего. Только Мишка Аристов бросил по моему адресу несколько язвительных замечаний, на которые я решил не обращать внимания.

Остальные ребята показались мне довольно славными. Долговязого и нескладного звали Павликом Борзуновым. С ним мы быстро подружились. Он оказался хорошим товарищем, ненавязчивым и добродушным. Разговаривая, он быстро начинал горячиться и размахивать длинными руками. За это над ним подшучивали, но он не обижался.

А другой паренек — его звали Борисом Смирновым — нередко сердился по пустякам, хотя и был медлительным, молчаливым, всегда как будто немножко сонным. Зная его вспыльчивость и большую силу, даже Мишка остерегался задирать Бориса.

Светлана, ее подруга Наташа, Михаил и Павлик учились, оказывается, вместе, на четвертом курсе. А Борис был младше их на курс и учился заочно. Днем он работал слесарем на каком-то заводе. Это меня сблизило с ним. В экспедиции он проводил свой отпуск.

Я немножко побаивался первого погружения. В армии нас, правда, знакомили с устройством легководолазных аппаратов, и я совершил больше десятка погружений, но те аппараты были кислородные, а не аквалангн, работающие на сжатом воздухе. Однако, получив утром от профессора Кратова акваланг, я увидел, что легко разбираюсь в его устройстве, и успокоился. Конструкция была, собственно, та же, пожалуй, даже проще.

Оставив за дневального Бориса, мы все уселись на катер и отправились вдоль берега. Скоро Кратов подал команду становиться на якорь, и мы начали готовиться к погружению.

Зная, что Василий Павлович исподтишка, наверное, наблюдает за мной, я одевался как можно спокойнее и неторопливей. Павлик помог мне укрепить на спине два увесистых баллона. Запаса воздуха в них хватит на целых два часа. В воде этот груз сразу станет почти незаметен. К поясу я пристегнул металлические ножны, в них торчал кинжал с пробковой рукояткой, чтобы не тонул в воде, а всплывал на поверхность, если его нечаянно выронишь. «Зачем он нужен? — подумал я про себя. — Ведь акул в Черном море нет».

На левую руку я нацепил часы в герметическом футляре, а на правую — особый маленький компас. Грузил мы не брали, потому что нырять тут приходилось неглубоко.

Напялив на ноги неуклюжие ласты, я

стал прилаживать маску. Ну вот, кажется, все готово.

— Не забывайте прислушиваться к указателю минимального давления! — погрозил мне пальцем Кратов. — А то знаю я вас: попадаете в воду и забываете о времени.

— Что вы, профессор! — солидно ответил я.

Устройство указателя мне тоже было знакомо. Так называют маленький манометр, укрепленный над левым плечом водолаза. Посмотрев на него, можно всегда узнать, много ли воздуха осталось в баллонах. А когда запас воздуха станет иссякать, указатель напомнит об этом громким щелчком под самым ухом.

Когда все приготовились, профессор напомнил, как мы должны вести поиски. Собственно, все уже было подробно оговорено еще вчера вечером, но таков уж оказался характер у нашего начальника: обо всем напоминать по сто раз.

А задача-то была простая: плыть недалеко друг от друга по определенному азимуту над самым дном и смотреть, не попадутся ли обломки кирпичей, обтесанные камни или осколки каких-нибудь древних глиняных сосудов. Я, правда, надеялся найти на дне сразу целый город...

Наконец все инструкции закончились, и мы один за другим полезли по трапу в воду. Я нырнул следом за Светланой и сразу пошел на глубину.

Хотя я нырял и раньше, волнующее чувство внезапного освобождения от земной тяжести сразу охватило меня. Я парил, как птица. Я мог кувыркаться, повиснуть вниз головой — сила земного тяготения больше не сковывала меня. К этому ощущению невозможно привыкнуть. Оно радует при каждом погружении.

Я рассчитывал сразу же открыть какой-нибудь затопленный древний храм или, на худой конец, развалины дворца. Но не нашел ничего, даже обломка кирпича, хотя так старательно разгребал ил на дне, что все исчезло вокруг в облаке поднявшейся мути.

Было стыдно возвращаться с пустыми руками. Но, увидев, что и другие не удачливее меня, я успокоился.

В этот день мы ныряли еще по три раза, но так же безрезультатно. Ничего не удалось найти и в последующие дни. Мне хотелось расспросить толком, что же именно мы ищем, но я как-то по-глупому стеснялся. Не хотелось лишний раз напоминать, что все вокруг студенты, хорошо знакомы с историей, а я круглый неуч. Я надеялся как-нибудь поднабраться знаний из разговоров, а потом почитать и книги, когда попаду в Керчь.

Мои расчеты оправдались. По вечерам у костра все разговоры, конечно, вертелись вокруг наших бесплодных поисков, и, слушая их, я сразу поумнел, точно побывал на лекции.

Две с лишним тысячи лет назад, еще до нашей эры, здесь, в Крыму, жили кочевники — скифы и другие племена. Потом сюда разузнали дорогу греческие моряки. Сначала они приплывали торговать, а потом устроили здесь несколько своих колоний. Так на берегах Черного моря, которое греки прозвали Понтом Евксинским — «Гостеприимным морем», появились Ольвия возле нынешнего Николаева, Херсонес, развалины которого сохранились неподалеку от Севастополя, и другие города.

Особенно много греческих городов возникло по обоим берегам Керченского пролива. Он тогда назывался по-гречески Боспором Киммерийским. Под угрозой набегов скифов эти городки объединились в Боспорское царство. Столицей его был город Пантикапей, на месте которого теперь стоит Керчь. Отсюда в Грецию вывозили хлеб, рыбу, пушнину, скованных цепями рабов.

Боспорское царство существовало почти тысячу лет, пока, наконец, не рухнуло под натиском кочевых племен. Древние города были разрушены. Теперь их раскапывают археологи, восстанавливая по находкам жизнь и быт наших далеких предков.

За тысячелетия уровень моря повысился, и развалины некоторых древних городов очутились на морском дне. Вот их-то и разыскивала экспедиция профессора Кратова. Они, оказывается, работают тут уже не первый год. Им удалось найти остатки греческого города Гермонассы, стоявшего как раз на месте станицы Таманской, и Кафокондамы — у основания Тузлинской косы. Возможно, существовали какие-то поселения и на самой косе. Вот это-то нам и предстояло проверить.

Через несколько дней, когда я уже немножко разобрался в истории, смелости у меня прибавилось, и я решился спросить у Кратова:

— Василий Павлович, а разве может

что-нибудь уцелеть в морской воде? Ведь тысячи лет прошло. Может, все давно растворилось?

— Что вы, голубчик! — ответил он. — Камень, глиняная посуда, даже металлические изделия превосходно сохраняются.

— О, мы в прошлом году такие чудные амфоры здесь нашли.

— А ритон какой из слоновой кости! — вспоминали ребята.

— Я бы даже сказал, что на дне моря древности порой сохраняются даже лучше, чем на суше, — продолжал профессор. — Люди копаются в земле, строят дома, вспахивают поля. Следы минувших веков при этом, конечно, стираются. А в море развалины никто не тревожит. Их быстро заносит песком и илом, и так они сохраняются тысячелетия. На суше при раскопках в Тамани нам попадались только разрозненные черепки да обломки камня, а на дне мы нашли отлично сохранившееся на большом протяжении основание крепостной стены древней Гермонассы. Поэтому я и решил организовать эту подводную экспедицию...

— Вот если бы греческий корабль найти! — задумчиво сказал Павлик, помешивая в костре суковатой палкой.

Целый рой искр взвился в ночное небо.

— Кстати, о корабле... — начал профессор и замолчал. (Мы выжидательно поглядели на него.) — Вчера рыбаки рассказали мне, что в одном месте им попадаются в сети настоящие греческие амфоры. Это где-то возле банки Магдалины, как они утверждают.

— А что за банка Магдалины? — спросил Павлик.

— Отмель у Таманского полуострова, недалеко от берега. Мне сказали, что на днях туда должны отправиться разведчики рыбы. Хочу связаться с ними и попросить их пошарить там на дне. Они, наверное, не откажут...

Амфоры на морском дне... А вдруг там затонувший древнегреческий корабль?

— Василий Павлович... — просительно сказала Светлана.

Мы все стали наперебой доказывать профессору, что время терять нельзя, что разведчики наверняка не откажут. Впрочем, профессор и сам, видимо, считал, что слухи об амфорах надо проверить.

— Ладно, — сказал он, — завтра наведаюсь в Керчь. А сейчас всем спать.

«АЛМАЗ» ВЕДЕТ ПОИСК

Сначала Кратов предполагал отправиться в Керчь один. Но выяснилось, что запас продуктов у нас на исходе. Значит, надо брать еще двух-трех человек. А что делать остальным? Ведь катер уйдет в Керчь. А без него нельзя продолжать поиски. Мы быстро свернули лагерь и двинулись в Керчь все вместе, включая Шарика, который всю дорогу сидел на самом носу катера, словно заправский впередсмотрящий.

Нам удивительно везло. Василий Павлович с Аристовым отправились в управление рыбной разведки. Там им сказали, что разведчики тоже находили несколько амфор у банки Марии Магдалины и передали в местный музей.

Один из кораблей действительно отправлялся завтра на поиски рыбы к берегам Кавказа. Он будет проходить мимо банки Магдалины и может там немного задержаться и забросить для нас трал.

Эти вести, принесенные Кратовым, мы встретили радостным гвалтом. Но он поднял руку, требуя тишины, и сказал:

— Подождите радоваться. Я возьму с собой не всех. Это разведочная поездка, она может и не принести никаких результатов. Нельзя, чтобы она срывала нам основную работу. Поэтому со мной отправятся только двое... — Тут он остановился окидывая наши лица задумчивым взглядом. — Ну, скажем, Борзунов и... Козырев. А остальные должны к нашему возвращению закончить все хозяйственные проблемы. Старшим здесь оставляю Аристова.

— Везет тебе! — буркнул стоявший рядом со мной Мишка Аристов. — Хотя понятно: старик боится, как бы ты без него чего не натворил.

На такой язвительный выпад я ответил ему, что пусть, дескать, не слишком огорчается, что не плывет с нами: все-таки его оставляют не просто так, а за начальника...

Вечером я наведался к своему дядюшке. Как всегда, он возился в саду, окапывая какую-то редкостную вишню. Узнав, что я стал в некотором роде археологом, он покачал головой и неодобрительно сказал:

— Эк как тебя шатает! Я же говорю, нет в тебе стержня, Колька.

Утром мы отправились в порт искать судно разведчиков. Оно стояло на якоре

метрах в ста от берега, как раз напротив гостиницы. Это оказался обыкновенный средний рыболовный траулер — СРТ, как называют такие суда моряки. На борту большими белыми буквами аккуратно выведено название судна: «Алмаз».

На палубе нас поджидала вся команда.

— Курбатов Трофим Данилович, капитан, — представился один из моряков.

Он был действительно в черной фуражке с морским значком, но вид имел совсем не капитанский: уже немолодой, толстый, в тенниске и парусиновых брюках. Какой-то бухгалтер в отпуске, а не морской волк.

Не больно моряцкий вид был и у остальных членов команды. Я почему-то ожидал увидеть на них нечто вроде морской формы. А тут каждый одевался как хотел, хотя у всех в разрезах воротников виднелись тельняшки...

Нас развели по каютам. Василия Павловича поселили отдельно, а нас с Павликом — в общий кубрик. Койки там почти все пустовали, потому что, как объяснили нам матросы, ночью здесь душно и все отправляются спать на палубу.

— Да вы тоже сбежите, только вещички тут держать будете, — сказали нам они.

Для вещей мы с Павликом получили один шкафчик на двоих. Но не успели их рассовать, как басовитый низкий гудок поманил нас на палубу. Заработала машина, сотрясая переборки. По всем признакам, мы снимались с якоря, и пропускать такой момент никак не следовало.

Василий Павлович тоже не усидел в каюте и даже поднялся на мостик и стал там рядом с капитаном. Последовать его примеру мы не решились и, найдя себе отличное местечко на самом носу, свесив головы за борт, смотрели, как медленно ползет из воды тяжелая якорная цепь. С нее лилась вода и падали клочья зеленых водорослей.

Но долго нам тут стоять не дали, потому что поднятый якорь был густо облеплен липкой грязью и ее пришлось смывать из брандспойтов.

Берег медленно уплывал вдаль. Над вспененной мутной водой носились за кормой чайки. Они кричали жалобными, скрипучими голосами: «Дай, дай, дай...» Чем дальше уходил берег, тем явственнее выступала над городом на фоне бледного, словно выгоревшего от летнего зноя неба лысая гора Митридат.

Матросы между тем начинали заниматься будничными делами. Несколько человек, раздевшись до пояса и закатав штанины, стали поливать палубу из насоса, надраивая ее тяжелыми щетками. Водяная сверкающая струя окатывала палубу в самых неожиданных направлениях. Мы едва успевали увертываться от нее.

Море сверкало под солнцем. За кормой кипела зеленоватая вспененная вода. Слева у самого края неба едва виднелся расплывчатый силуэт низкого берега.

— Через часок придем на место, — сказал подошедший к нам Кратов. — Уже начинают готовить трал.

Рыбачий трал — это сеть в виде громадного мешка. Когда ее расстелили, она заняла почти всю палубу. По краям сети прикреплены стеклянные поплавки — кухтыли. Они поддерживают в воде этот мешок в раскрытом состоянии. Судно тащит его за собой на определенной глубине, и вся рыба, встретившаяся на пути, попадает в широко разинутую пасть трала.

Матросы надели брезентовые костюмы, высокие сапоги и взяли в руки багры. По команде капитана они разом перебросили сеть через борт.

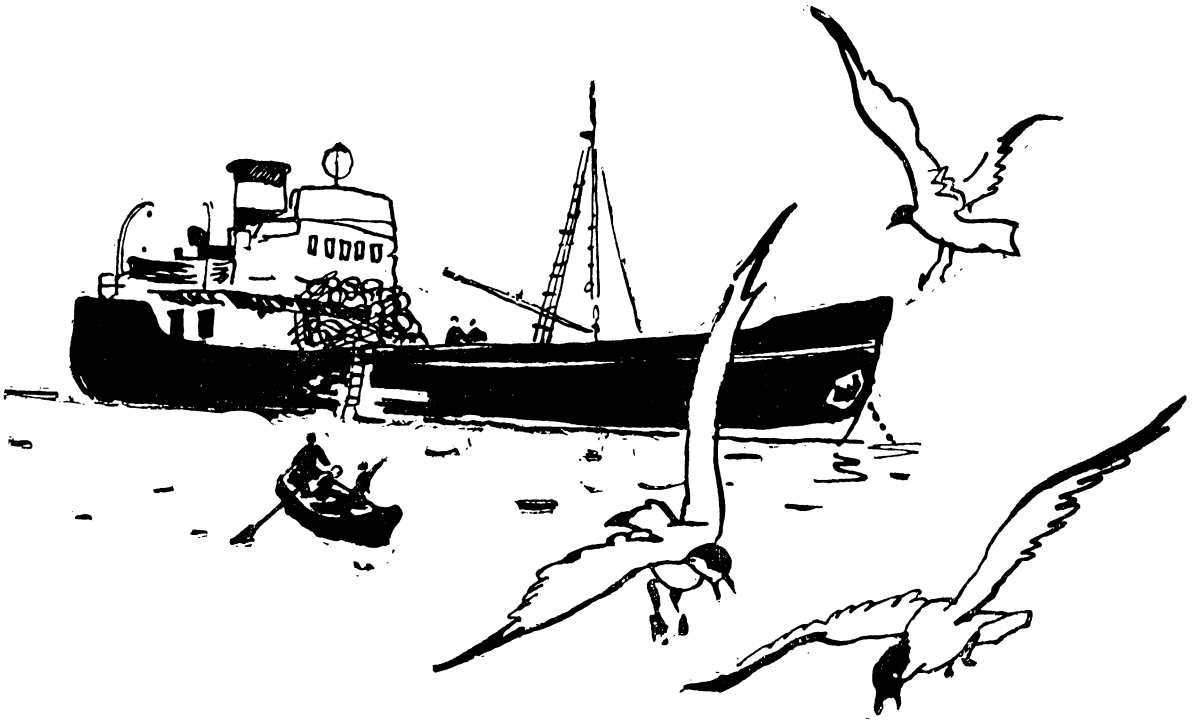
Судно сразу заметно сбавило скорость. Через полчаса была дана команда вытаскивать сеть обратно.

Даже для бывалых матросов это было, видимо, увлекательное зрелище, потому что все высыпали на палубу. Не у одних нас замирало сердце в предчувствии чего-то необычного, когда вскипела замутившаяся вода за бортом и всплыли кухтыли. Вот за ними уже тянется тяжелая, провисающая мешком сеть. Что там в мешке?

Он повис над бортом на стальных тросах, и из него серебристым живым потоком хлынула на палубу рыба. Мы кинулись рассмотреть ее поближе, но нас остановил окриком высокий пожилой тралмейстер.

Каких только рыб тут не было! Мы уже не замечали мелочи. В глаза прежде всего бросались крупные осетры. Они плясали по мокрой палубе и жадно глотали воздух сморщенными, старушечьими ртами. Тяжелыми пластами лежали крупные камбалы, словно решив обмануть людей своей неподвижностью.

Тралмейстер подцепил багром какую-то плоскую рыбину, очень похожую на камбалу, только с длинным хвостом, и вдруг швырнул ее за борт.

— Гад! — пояснил он нам. — Это морской кот. Опасная рыба, не дай бог повстречать ее под водой. Пока не подходите близко, надо их повыбрасывать...

Так же решительно и быстро он подцепил своим острым багром еще несколько морских котов и отправил за борт. Я даже не успел рассмотреть их как следует.

Когда улов был очищен от опасных рыб, матросы начали раскладывать его по корзинам. В одну сторону летели осетры, в другую — камбалы.

Палуба постепенно пустела. В сети остались лишь груды сорванных со дна водорослей да бившиеся среди них мелкие рыбешки. Мы натянули брезентовые рукавицы и вмиг переворошили эту кучу.

Тщетно. Никаких амфор море нам не подарило.

— Не сразу повезет, не огорчайтесь, — сказал капитан. — Сейчас мы повторим траление. А я еще разок проверю наше место.

Поднявшись на мостик, он долго колдовал с пеленгатором, наводя его на различные возвышенности на берегу, которые служат морякам ориентирами. Потом дал команду подойти поближе к берегу. Теперь банка Марии Магдалины пряталась под водой где-то совсем рядом.

Снова забросили трал. Василий Павлович следил за всеми манипуляциями с прежним интересом, но мне, признаться, это уже начинало надоедать. И действительно, я оказался прав. Когда трал подняли на борт, в нем опять ничего не было интересного, кроме неистово бьющейся рыбы и раковин. Сначала я помогал разбирать добычу, а потом ушел на нос и улегся там, закинув руки под голову и бездумно глядя в темнеющее небо. Насколько интереснее было бы сейчас нырять на нашей косе Тузле!..

Гвалт возбужденных голосов заставил меня вскочить на ноги. Вокруг трала собралась большая толпа. Я бросился туда и стал расталкивать матросов, пробиваясь вперед, к Василию Павловичу. Он вертел в руках какую-то большую раковину странной формы и внимательно рассматривал ее, сдвинув очки на лоб.

— Судя по глине и качеству обжига... это явно не Пантикапей, — бормотал он. — Но откуда же она?

— Что вы нашли, Василий Павлович? — потянул я его за рукав.

Он посмотрел на меня невидящими глазами, потом нетерпеливо ответил:

— Амфора, осколок амфоры.

Теперь я и сам разглядел, что в руках у него была вовсе не раковина, а кусок

изогнутой стенки амфоры. Он поразительно напоминал раковину, потому что оброс довольно толстым слоем тончайших зеленовато-бурых водорослей, похожих на мох.

— Подержите-ка, только осторожно. — Он подал мне осколок, а сам торопливо полез в полевую сумку, с которой не расставался, по-моему, даже во сне, и достал оттуда скальпель.

Острым кончиком ножа профессор начал осторожно счищать водоросли, и мне вдруг показалось, что на глиняном черепке проступают какие-то знаки.

Нет, то был не обман зрения. Когда Кратов расчистил осколок, стало видно отчетливое изображение уродливой головы с растрепанными длинными волосами, оттиснутое на древней глине.

— Медуза Горгона, очень интересно! — пробормотал Василий Павлович, не сводя глаз с изображения.

Он словно боялся, что оно исчезнет так же неожиданно, как и возникло перед нами.

Да, это в самом деле было несомненно изображение страшной головы мифической Медузы Горгоны. Даже я, никогда не видавший ничего подобного, узнал ее, потому что читал миф о подвиге Персея, отрубившего эту голову, на которую не мог смотреть никто из смертных. И то, что я принял сначала за растрепанные волосы, были на самом деле ядовитые шипящие змеи, как и рассказывалось в мифе.

Но что означал этот рисунок? Я спросил об этом у Василия Павловича.

— Трудно сказать, — ответил он, пожимая плечами и вертя перед глазами черепок. — Пожалуй, просто фабричный знак, клеймо мастера, который сделал эту амфору, или личный знак ее владельца...

Меня немножко огорчило столь прозаическое объяснение. Но то, что я услышал дальше, снова заставило взволноваться.

— Если мне не изменяет память, мы не находили пока еще амфор с подобным знаком. В городах Боспора их, как правило, вообще не клеймили, — продолжал профессор. — Надо будет порыться в книгах, и тогда мы узнаем, откуда плыл этот корабль...

— Какой корабль? — не понял я.

— Греческий, который нам, очевидно, посчастливилось найти.

— Так вы думаете, что тут действительно затонувший корабль? — прерывающимся голосом спросил Павлик, до сих пор молчавший и только тяжело сопевший у меня над ухом.

— Конечно, корабль, — сказал Василий Павлович. — Мы слишком далеко от берега, чтобы допустить столь значительное погружение суши. И потом... Какая тут глубина, Трофим Данилович?

Оказывается, и капитан давно слез со своего мостика и стоит рядом с нами в толпе притихших матросов. На мостике оставался один рулевой, да и тот по пояс высунулся из окошка, чтобы не пропустить ни единого слова.

— Сейчас проверим, — сказал капитан, отыскивая глазами в толпе акустика. — Ну-ка, Костя, включи эхолот.

Акустик помчался в свою рубку.

— Восемнадцать метров, товарищ капитан! — крикнул он, высовываясь из окошка рядом с рулевым.

Теперь все, как по команде, перевели взгляд на профессора.

— Ну, вот видите, — сказал он. — Конечно, берег не мог опуститься так далеко от своей нынешней кромки и на такую глубину. Значит, здесь не может находиться какой-нибудь затопленный город. Конечно, могло случиться, что эта амфора в единственном числе упала за борт какого-либо проплывавшего здесь в те времена корабля. Но, учитывая, что амфоры находили здесь и раньше, такая возможность исключается. Видимо, действительно нам посчастливилось наткнуться на затонувший корабль. И за это мы прежде всего должны благодарить вас, дорогие друзья!

Тут он церемонно начал раскланиваться во все стороны. А капитану крепко пожал руку и долго тряс ее.

Я не мог больше вытерпеть и решил взять быка за рога:

— Василий Павлович, разрешите готовиться к погружению?

Он сделал вид, что не понимает:

— Какому погружению?

— Разве мы не будем искать затонувший корабль?

— Будем, но не сегодня. Надо дождаться, когда сюда прибудет вся экспедиция.

— Но хотя бы один спуск, разведочный! — взмолился я.

Василию Павловичу явно не меньше моего хотелось поскорее начать поиски затонувшего корабля. Но, как всегда, старик проявил осторожность и благоразумие.

— Нет, нырять будете только все вместе, — сказал он.

Место, где нашли осколок амфоры с головой Медузы Горгоны, отметили ярко-красным буйком, хорошо заметным издалека. Потом разведчики тепло распрощались с нами и отвезли нас в шлюпке на берег. Нам предстояло добираться до ближайшего селения, где можно найти попутные автомашины до Тамани.

Наутро мы уже были в Керчи.

Надо ли рассказывать, какую сенсацию вызвало наше сообщение о затонувшем корабле! Все рвались сейчас же, немедленно идти в море. Но на чем?

— На катере выходить в открытое море нельзя, — остановил нас Кратов. — Надо подготовиться как следует, запастись прожекторами, продуктами...

А для этого надо было звонить в Москву, связываться с институтом, просить добавочных денег, — мы уже чувствовали, что сборы затянутся на целый месяц, если не дольше.

Но полоса везения продолжалась. Через неделю в Керчь вернулся «Алмаз». Перед новым рейсом на нем предстояло провести текущий ремонт машины и обновить покраску. Мы поговорили с моряками, и они так загорелись поисками затонувшего судна, что упросили свое начальство разрешить им провести всю эту работу не в гавани, а в открытом море. Так что мы снова получили «Алмаз» для плавания к банке Марии Магдалины.

Больше того: в управление рыбной разведки только что прибыла из Москвы новенькая установка подводного телевизора. Прежде чем использовать для поисков рыбы, надо было ее проверить и как следует наладить. Для этого установку передали нам, на «Алмаз», пока мы будем искать затонувшее судно.

Не прошло и двух недель, как все сборы были закончены, и рано утром мы покинули Керчь, отправляясь навстречу неведомому.

«ОДИНОКИЕ В НОЧНОМ МОРЕ»

Наш буек оказался цел и невредим. Возле него мы и стали на якорь.

Солнце уже склонялось к закату. Но всем, конечно, не терпелось начать поиски сегодня же. Василий Павлович на этот раз не возражал, только сам начал проверять у каждого снаряжение. Особенно придирчиво проверял он меня. Все осмотрел: и компас, и часы, и новенький кинжал.

Но вот уже подана команда к погружению!

Спускались мы по двое. В первой паре шли Михаил со Светланой, во второй — мы с Павликом. Наташа и Борис оставались на борту в полной боевой готовности, чтобы в случае опасности прийти нам на помощь.

Мы были у них как бы на привязи: к поясу каждого из нас прикрепили тонкий тросик. Дергая за него, с борта можно подавать сигналы водолазам. Плавать на такой привязи неудобно, но не спорить же с начальником экспедиции...

Нырять предстояло довольно глубоко, поэтому каждому из нас прибавили вес, нацепив на пояс свинцовые грузила. А то вода вытолкнет, не даст добраться до дна.

Стоя на трапе, я следил, как, оставляя за собой серебристый хвост воздушных пузырьков, все глубже погружаются Михаил и Светлана. Вода была такой прозрачной, что они оставались все еще отчетливо видны даже на глубине пятнадцати метров. Мне показалось, будто они держатся за руки. Но вот они разошлись в разные стороны и словно растворились в воде.

Теперь была моя очередь отправиться вслед за ними. Восемнадцать метров — это не то что в Керченском проливе. Я покрепче зажал зубами мундштук и нырнул.

Примерно на глубине в шесть метров я почувствовал боль в ушах и, прижав маску к лицу, попытался сильно выдохнуть воздух через нос и одновременно сделал несколько глотательных движений. Уши были «продуты». Боль сразу уменьшилась, а че-

рез некоторое время я и совсем перестал ее замечать.

Так бывает только на первом десятке метров глубины, где давление сразу возрастает вдвое по сравнению с атмосферным. Дальше оно увеличивается уже медленнее, и организм это переносит спокойно.

Чем глубже я погружался, тем заметнее менялось освещение вокруг меня. Не то чтобы становилось темнее, но постепенно пропадали теплые, красновато-оранжевые оттенки. Теперь меня окутывал синевато-зеленый сумрак, и, наверное, поэтому начало казаться, будто вода становится холоднее.

Но вдруг она и впрямь стала заметно холоднее, словно я внезапно провалился в прорубь. Это я миновал «слой температурного скачка», как называют его океанографы.

А снизу уже наплывало дно. И сразу стало немного светлее. Это всегда бывает, когда приближаешься ко дну. Вероятно, оно отражает часть световых лучей и поэтому получается как бы добавочный источник освещения, не только сверху, от поверхности воды, но и снизу.

Я ухватился рукой за кустик водорослей — судя по длинным лохматым веточкам, это была цистозира, «бородач», как называют ее рыбаки, — и огляделся вокруг.

Какая-то тень скользнула по дну. Я поднял голову. Это спускался Павлик. Когда он приблизился, я взмахом руки предложил ему двигаться направо, а сам поплыл влево.

После Керченского пролива вода казалась идеально прозрачной, и скалистое дно покрывал не противный липкий ил, а тонкий слой светлого песка. Каждый камешек отчетливо выделялся издалека. Но я все-таки плыл медленно, раздвигая руками водоросли и раскапывая каждый песчаный холмик: не прячется ли под ним амфора или обломок корабля? Найти обломок деревянного борта было, конечно, маловероятно, потому что дерево должно было давным-давно истлеть, раствориться в морской воде за двадцать веков. Но амфоры вполне могли сохраниться, да и металлические части тоже — скажем, якорь.

Сигнальный конец, привязанный к моему поясу, резко дернулся трижды. Увлеченный поиском, я даже не сразу понял, что это значит. Неужели прошло сорок пять минут и меня вызывают на поверхность? Дольше на этой глубине работать не полагалось.

Я отметил место, где прервал поиски, выложив на песке крест из камней. Потом, в свою очередь, три раза сильно потянул за сигнальный конец. Это означало, что сигнал я понял и сейчас выхожу на поверхность.

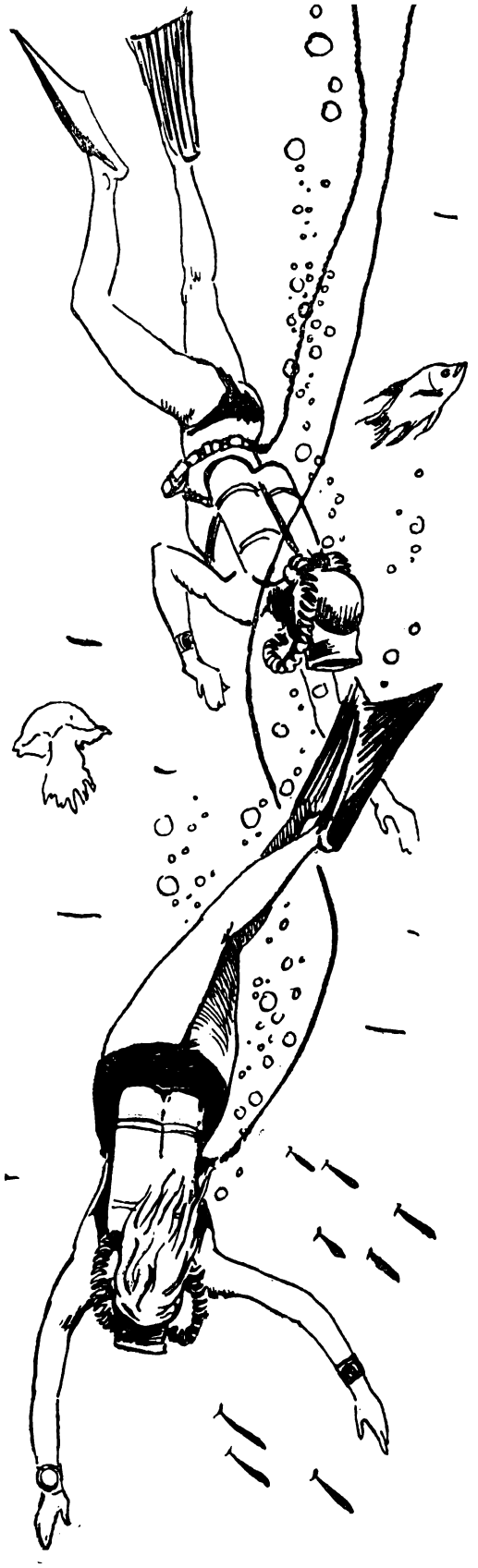
Подниматься следовало не спеша, чтобы пузырьки азота, растворенного в крови, не закупорили кровеносные сосуды. Тогда водолаза может поразить опаснейшая кессонная болезнь — об этом меня предостерегали еще при учебных погружениях. Чтобы не огорчать Кратова, который наверняка сейчас стоит у трапа с секундомером в руках и придирчиво проверяет, соблюдаем ли мы инструкцию, я поднимался, как и требовалось, ровно три минуты.

На борту, свесив ноги, сидели Миша Аристов и Светлана. Михаил, отдуваясь, с наслаждением пил горячий чай, обернув ручку алюминиевой кружки носовым платком. А Светлана уплетала шоколад, который каждому из нас выдавали, опять-таки строго по инструкции, после погружения. По их лицам я сразу понял, что они тоже ничего не нашли.

В таких бесплодных поисках прошло три дня. С утра до вечера мы ныряли, метр за метром обшаривая дно. На судне тоже шла будничная работа. Механики возились в своих подземельях, перебирая машину. Матросы в одних трусах покачивались на лавочках, подвешенных на тросах, покрывая борта новенькой краской. Они так привыкли к нашим неудачам, что на третий день даже не поворачивали голову, когда кто-нибудь из нас всплывал, — опять с пустыми руками.

Мы надеялись, что нам поможет в поисках подводный телевизор, но Костя, акустик, все никак не мог его наладить. Отгородив уголок палубы, он целые дни напролет возился там с лампами, трубками, прожекторами. Постепенно вырастало довольно неуклюжее сооружение: большая рама, похожая на виселицу, а на ней, в паутине проводов, телевизионная камера и три сильных прожектора.

Наконец он объявил, что все готово и можно провести первую передачу. Приемник установили в кают-компании, завесив все иллюминаторы, кроме одного. Через него Костя командовал матросам у лебедки, в какую сторону повернуть стрелу с

подвешенной к ней на длинном тросе установкой.

Народу в кают-компанию набилось битком. Те, кому не удалось занять местечко заранее, заглядывали в дверь. Но их скоро прогнали: свет, падавший из двери, мешал смотреть на экран. Прямо напротив экрана сели Василий Павлович и капитан. Мне удалось примоститься совсем рядом с ними, так что все хорошо было видно.

Но смотреть пока было нечего. Костя крутил разные рукоятки, покрикивал на матросов, застревая головой в тесном иллюминаторе. Но экран оставался темным и беззвучным.

И вдруг он засветился призрачным голубоватым сиянием. Сначала трудно было понять, просто ли он светится или уже идет передача из морских глубин. Но вот в уголке экрана появилась маленькая барабулька с выпученными глазами, — значит, аппарат работал нормально. Мы действительно, не выходя из каюты, все вместе нырнули под воду. Для нас, уже совершивших немало спусков, изображение на экране было, конечно, лишь тусклой и серой копией подлинных картин подводного мира, но для тех, кто никогда не нырял с аквалангом, все это выглядело феерически. Со всех сторон раздавались возбужденные возгласы и вскрики:

— Смотри, кефалька!

— А вон медуза!

— Ух, как удирает!

Действительно, медуза почему-то промчалась через весь экран снизу вверх, как ракета. Мне никогда не приходилось видеть под водой, чтобы эти противные существа так быстро плавали. Да ведь это не медуза так быстро всплывает, сообразил я, а, наоборот, погружается все глубже телевизионная камера. Так пассажирам поезда кажется, будто бегут за окном столбы и деревья, на самом-то деле совершенно неподвижные.

Промелькнул бычок, быстро работая широкими плавниками. В середине экрана он на миг задержался, поведя выпученными глазами в нашу сторону, а потом юркнул в темноту. Затем появились две довольно крупные кефали. Но они держались вдалеке, не приближаясь к аппарату. Сверкнув чешуей, они тоже скоро скрылись из глаз.

Теперь камера, чуть наклонившись, медленно двигалась над самым дном. И все

мы притаив дыхание не отрывали глаз от экрана. Ощущение было такое, будто я сам опять парю над морским дном в аквалангe. Зубы мои непроизвольно сжались, словно прикусывая мундштук дыхательной трубки...

Мы обшаривали дно двумя десятками глаз. Но ничего особенного не заметили. Всё те же пучки водорослей, колыхавшиеся, словно ковыль под ветром, камни, песчаные бугорки, рыбешки, стремительно уплывавшие в разные стороны от аппарата.

Камера повернулась, и мы увидели на экране скалистую неровную стену обрыва. Местами за нее каким-то чудом цеплялись водоросли.

— Спускайте, — дрогнувшим голосом сказал Кратов.

Камера, покачиваясь, поползла вниз вдоль отвесной стены.

Изображение на экране было черно-белым, поэтому перемены в цвете от глубины погружения не ощущалось. Только все меньше и меньше росло водорослей да реже мелькали рыбешки. И постепенно темнее становилось изображение: лампам все труднее пробивать сгущающуюся подводную тьму. Но вдруг экран снова заметно посветлел.

— Сейчас будет дно, — громко сказал Аристов.

Он никогда не упускал случая щегольнуть своими знаниями подводных глубин.

В самом деле, посветление говорило о близости дна, отражавшего рассеянный в воде свет солнца. Костя осторожно повернул камеру, и мы увидели небольшой кусочек морского дна, площадью, наверное, в десять квадратных метров, не больше. Дальше все пряталось в темноте. Наши глаза быстро обшарили все, что умещалось на этом маленьком пятачке освещенного прожекторами пространства: два обломка скалы, торчащие из песка, одинокая актиния, лениво колышущая щупальцами, и небольшой песчаный бугорок.

...Он сразу привлек мое внимание своей странной продолговатой формой. Что там пряталось, под песком? Обломок скалы? Или амфора? Во всяком случае, бугорок явно что-то таил в себе, иначе море давно бы уже сровняло его с песчаной поверхностью дна. У меня прямо зачесались руки, так хотелось разворошить песок!

Бугорок привлек не только мое внимание, потому что Миша Аристов вскочил и, нарушая благоговейную тишину, торопливо сказал:

— Надо немедленно проверить, что там такое прячется. Василий Павлович, разрешите мне нырнуть!

— Почему именно тебе? — вскипела Светлана.

Но Кратов остановил их поднятой рукой:

— Тише, тише... Трофим Данилович, какая тут глубина? — повернулся он к капитану.

Тот не успел ответить. Его опередил акустик, сообщивший показания своих приборов:

— Глубина двадцать девять метров!

Кратов на минутку задумался, закусив губу. Мы все пятеро смотрели на него умоляюще. Было очевидно, что ему самому страсть как хочется разворошить этот загадочный бугорок. Но он не решался посылать нас на такую глубину без тщательной подготовки.

— Василий Павлович, ведь мы же ныряли, когда учились, и глубже! — умоляюще сказала Светлана.

Кратов посмотрел на нее, потом на капитана, нахмурился и стал рыться в своей неразлучной сумке. Что он искал? Кто-то торопливо зажег свет.

Василий Павлович достал из сумки инструкцию и начал сосредоточенно изучать таблицу декомпрессии. Что там изучать? Каждый из нас наизусть знал, сколько минут можно пробыть в акваланге на той или другой глубине и как следует потом подниматься, чтобы не заболеть кессонной болезнью.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Только будем строго придерживаться инструкции. Находиться на такой глубине следует не более пятнадцати минут и четыре минуты подниматься на поверхность...

— Почему пятнадцать? Можно и двадцать пять, — перебил его я, отлично помня таблицу.

— Потому что я так приказываю! — строго оборвал меня Кратов. — Ясно? Погружается Аристов, страхуют его Козырев и Смирнов.

Миша и Борис вскочили и бросились к двери. А я мрачно посмотрел им вслед и сказал:

— Василий Павлович, я не могу страховать, у меня что-то голова болит...

Кратов внимательно посмотрел на меня и ответил:

— Хорошо, тогда вторым страхующим назначается Борзунов.

Обрадованный Павлик тоже побежал на палубу. Не знаю, чему они с Борисом так радовались. Если б нам разрешили нырять, а то страховать этого выскочку Аристова, который всегда успевает выхватить себе задание поинтереснее!..

Когда ребята приготовились, Василий Павлович не поленился сходить на палубу, чтобы проверить их снаряжение. А мы продолжали сидеть перед экраном и пристально рассматривали бугорок на дне. Я так пялился на него, что глаза заболели и начали слезиться.

Василий Павлович вернулся, в кают-компании погасили свет, и снова все придвинулись к телевизору. Несколько минут изображение не менялось. Потом щупальца актинии вдруг заколыхались сильнее, на песок легла тень, и в кадре появился Михаил, окруженный целой тучей воздушных пузырьков. По-моему, он нарочно выпускал их побольше, но это было действительно красивое зрелище.

Аристов сразу направился к бугорку и начал разрывать песок руками. Мы все затаили дыхание и еще теснее сгрудились у экрана. Как назло, Михаил заслонял от нас своим телом бугорок. Василий Павлович заворчал и даже постучал пальцем по экрану, словно Аристов мог услышать и подвинуться в сторону. Если бы я сейчас был там, на его месте!

Но вот он повернулся к аппарату, и все ахнули. В руках у него была настоящая, совершенно целая греческая амфора!

ПОДВОДНЫЕ РАСКОПКИ

Древнегреческое судно найдено! Теперь никто уже не сомневался в этом.

Сразу забыв о телевизоре, мы все заторопились на палубу, чтобы своими глазами увидеть поскорее чудесную амфору, тысячи лет покоившуюся на дне в сумраке морских глубин. Михаил всплывал, держа ее перед собой на вытянутых руках. Она оказалась большой, почти метровой высоты.

Драгоценную находку принял у него Борис Смирнов, стоявший по колено в воде на трапе, и осторожно передал Кратову.

— Несомненно, второй век до нашей эры, — бормотал Кратов, вертя амфору в руках. — Но мастерская не боспорская. Как и тот осколок. Откуда же он плыл?

Как наш старик ухитрялся различать мастеров, умерших тысячи лет назад, по качеству обожженной ими некогда глины и по ее составу, всегда поражало нас. Но он никогда в этих тонкостях не ошибался.

Амфору бережно завернули в толстый слой ваты, и Василий Павлович сам отнес ее в свою каюту. Мы, конечно, все рвались немедленно в воду. Но, как всегда, профессор охладил наш пыл своей рассудочностью и аккуратностью.

— При раскопках главное — строжайший порядок, — сказал он нам, — это следует знать и студентам. Мы ведь не клады ищем, а изучаем жизнь и быт давно исчезнувших народов. Малейшая неточность при раскопках может привести к непоправимым ошибкам. Это справедливо при работах на суше и во сто крат справедливее при раскопках под водой.

Вечером Василий Павлович созвал в кают-компании «большой военный совет», как он его назвал. Кроме всех нас, участников экспедиции, были капитан и гидроакустик. Заседали мы часа три и разработали подробнейший план подводных работ.

Прежде всего большой участок дна предстояло разбить на квадраты, натянув между колышками проволоку. Так всегда принято при раскопках, чтобы точно знать, в каком месте найдена та или иная вещь.

Нырять мы должны по двое. Пока первая пара находится на дне, вторая страхует ее, а третья отдыхает. При таком графике каждый из нас будет работать на дне по двадцать пять минут, затем час отдыхать перед следующим погружением.

В этот вечер мы долго не спали, сидели на баке и пели песни. Уже за полночь Василий Павлович прогнал нас, пригрозив отменить завтра погружения. Но, и улегшись на палубе под звездами, мы все долго вертелись, перешептывались, девчата о чем-то хихикали. А потом я сразу заснул, словно провалился в яму.

В девять утра мы все шестеро выстроились вдоль борта. Василий Павлович снова придирчиво проверил у каждого снаряжение. Потом первая пара — Михаил с Наташей — начали облачаться в гидрокостюмы. Это довольно неудобный наряд из резиновой рубашки и таких же брюк.

прожектора, укрепленные на раме телевизионной установки. Мы направились прямо к ним и тут разделились: Светлана поплыла направо, внимательно осматривая дно, а я налево.

Дно было песчаным и ровным, каждый бугорок бросался в глаза. И водорослей на такой глубине растет уже мало. Проплыв метров пятьдесят, я заметил всего три кустика цистозеры.

Я старался не пропустить ни одного бугорка. Раскопал их штук пять, но ничего не нашел. То попадались осколки рифа, скатившиеся вниз во время шторма и засыпанные песком, то странные норки, сделанные, видимо, какими-то неведомыми морскими обитателями. Один из бугорков, когда я протянул к нему руку, вдруг начал двигаться в сторону. Это оказался большой краб, бочком ускользнувший от меня в расщелину скалы.

Я развернулся и поплыл в обратную сторону. Но закончить маршрут не успел. Три сильных рывка сигнального конца вызывали меня на поверхность. Наверное, у них часы испортились, успокоил я себя, можно проплыть еще немножко. Но рывки становились все настойчивее, требовательнее.

Не стоило понапрасну сердить Василия Павловича. И я начал не спеша подниматься из сумрачного лунного сияния глубин к яркому свету солнца.

И представляете, что я увидел, поднявшись по скользкому трапу на борт? Все толпились вокруг Василия Павловича, державшего в руках какую-то небольшую статуэтку. А рядом в гордой позе победительницы стояла Светлана, даже забывшая, как смешно и неуклюже она выглядит в гидрокостюме. Значит, пока я гонял проклятого краба, она нашла эту статуэтку! Что мне стоило послать ее налево, а самому направиться в ту сторону, где ей посчастливилось наткнуться на такую замечательную находку?

Торопливо сбросив комбинезон, я присоединился к товарищам. Статуэтка переходила из рук в руки. Она изображала молодого круглолицего человечка, который неистово хохотал, запрокинув голову. Поза была настолько живой и непосредственной, что у всех у нас на лицах тоже невольно появились улыбки.

— Сросшиеся густые брови... приплюснутый нос... Это, вероятно, изображение сатира, — говорил Василий Павлович, любовно поглаживая фигурку буйного весельчака заметно дрожавшими пальцами. — Так принято изображать этих лесных демонов, неизменных спутников бога Диониса! И посмотрите, какая тонкая работа! Ай да Светлана! Ну, удружила! Будет очень любопытно узнать, привезена ли эта статуэтка из Греции или слеплена каким-либо местным мастером...

— А из чего она сделана? — спросила Наташа.

— Терракота. Неужели вы не можете определить сами? Великолепная глина, отличный обжиг. По этим признакам мы определим в лаборатории, в какой мастерской она родилась.

— По-моему, она настоящая греческая, — солидно сказала Светлана, стаскивавшая в сторонке свой резиновый костюм. — Вряд ли умели так хорошо делать здесь, в колониях.

Василий Павлович рассмеялся.

— Просто вам хочется, голубушка, набить цену своей находке, — сказал он. — А для науки гораздо ценнее, если эта статуэтка окажется местного производства. В наших музеях уже есть немало замечательнейших статуй, барельефов, мозаик, которые отнюдь не уступают тем, что находят при раскопках в Греции. А делали их несомненно местные мастера. Возьмите, например, чудесную статую горгиппийского наместника, найденную незадолго до войны в Анапе. Или мозаика на полу древнегреческой бани из Херсонеса. Вы ее, наверное, видели в Эрмитаже...

Он задумался о чем-то, потом добавил:

— Не думаю, чтобы подобные произведения искусства встречались часто у моряков того времени... Видимо, хозяин статуэтки был человеком достаточно образованным и большим поклонником искусства. И кто знает, не посчастливится ли нам найти... — и вдруг замолчал, прервав себя на полуслове.

— Что найти? — зашумели мы. — Каких находок вы ожидаете? Скажите, Василий Павлович!

Но в ответ на все наши просьбы он только махал рукой и смущенно улыбался:

— Нет, нет, мечтать некогда. Надо работать! Время дорого, друзья, давайте продолжать. Чья очередь погружаться?

Очередь была Бориса и Павлика. Они начали торопливо надевать комбинезоны. Мы помогали им.

Когда они скрылись под водой, оставив на поверхности шипящее облачко воздушных пузырьков, Василий Павлович неожиданно сказал:

— Если бы самому нырнуть туда, в глубину... Эх, молодежь, молодежь! Ничего-то вы не понимаете! — и, горько махнув рукой, торопливо пошел в каюту.

Мы молча смотрели ему вслед, потрясенные этой горечью, этой завистью к нам, молодым и здоровым, прозвучавшей в его словах...

Удача оказалась не последней в этот день. До вечера мы успели совершить еще по три погружения, и почти ни разу не возвращались с пустыми руками. К вечеру на палубе лежало двенадцать целехоньких амфор. У одной сохранилась даже смоляная пробка в горлышке, и мы с любопытством гадали, что же содержится внутри.

Она была довольно тяжелой, и, когда ее покачивали, в ней что-то булькало.

— Ой, братцы, а если там запрятан нечистый дух, как в арабских сказках! — воскликнула Наташа под общий смех.

Но, сколько мы ни упрашивали, Кратов не разрешил ее распечатать.

— В лаборатории, в лаборатории, — повторял он.

На большом куске парусины, расстеленном у мачты, выросла солидная груда глиняных черепков. Конечно, находить целые амфоры было приятнее, но мы не пропускали и ни одного черепка. Каждый из них Василий Павлович придирчиво осматривал и показавшиеся ему наиболее интересными откладывал в особую кучку.

Павлику посчастливилось отыскать в песке медный рыболовный крючок, позеленевший и сильно изъеденный соленой морской водой. Я нашел какой-то странный кусок обожженной глины — круглый, с отверстием посредине. Понять его назначение не мог даже Василий Павлович.

Следующий день принес новые находки. Правда, это были только амфоры. Но зато за день мы их добыли шестьдесят восемь. Это только целых амфор, не считая множества черепков.

Честно говоря, вести раскопки на дне оказалось более трудной работой, чем мы сначала предполагали. Одно дело разведочные поиски, когда просто плывешь над морским дном, а совсем иное целый день копаться в песке. Его приходилось разгребать руками, просеивать в пальцах, чтобы не пропустить ни одного, даже крошечного, осколка амфоры или какого-нибудь проржавевшего рыболовного крючка. Много ли при этом успеешь за двадцать пять минут? Только приладишься, как тебя уже вызывают на поверхность. И сколько мы ни уговаривали профессора увеличить хотя бы на пять минут время пребывания на дне, он не разрешал ни в какую.

Нелегко было и поднимать амфоры на поверхность. Весили они в воде немного, но не станешь же таскать их поодиночке. А свяжешь вместе несколько амфор — получается очень неуклюжая и громоздкая гроздь, никак ее не удержишь в руках.

Вспомнив один случай, описанный в книге Кусто «В мире безмолвия», я нашел было выход. Выкопав амфору, переворачивал ее острым донышком кверху и направлял в горловину пузырьки отработанного воздуха. Он постепенно наполнял амфору, словно глиняный воздушный шар, и она всплывала на поверхность. Сначала Кратову понравилась моя выдумка. Но одна из всплывших таким образом амфор по несчастной случайности стукнулась о дно нашего «Алмаза» и едва не разбилась. Тогда пользоваться этим приемом запретили.

Мы с Михаилом разработали другой метод. Все раскопанные амфоры аккуратненько складывались рядком на дне, а при последнем погружении очередная пара водолазов собирала всю добычу в большую капроновую сетку, и эту громадную «авоську» бережно поднимали на борт.

Так мы проработали еще день. Мы подняли со дна сорок девять амфор и какие-то изогнутые медные пластинки, вероятно часть якоря. А четвертый день едва не кончился трагически.

«ЖИЗНЬ ЕМУ СПАС ДРУГОЙ...»

В этот злополучный день происшествия начались с самого утра. Когда я поднялся на палубу, утро было чудесное — солнечное и тихое. У левого борта стояла Наташа и смотрела в воду. Она повернулась ко мне, лицо у нее было бледное-бледное, а глаза такие большие и круглые, словно она увидела морского змея.

— Что с тобой? — испугался я.

— Ты посмотри, какая гадость! — жа-

лобно проговорила она. — Я нырять не стану ни за какие коврижки.

Ничего не понимая, я заглянул за борт. Вода была какой-то странной, белесой, точно в море пролили молоко. Приглядевшись, я увидел, что вокруг судна кишмя кишат медузы. Никогда в жизни я не видел столько медуз сразу. Маленькие и большие, они буквально превратили море в какой-то чудовищный живой суп. Признаться, меня тоже слегка передернуло при мысли, что придется нырять в это месиво. Но я как можно бодрее сказал:

— Ну и что такого? Чего ты струсила? Они же не кусаются.

— Они липкие, противные, холодные, как лягушки! — затараторила Наташа. — Чуть притронутся ко мне, я сразу умру!

— Кто это посмеет к тебе притронуться? — спросила подошедшая к нам Светлана. — Уж не этот ли неудавшийся дельфин?

— Посмотри туда! — умирающим голосом сказала Наташа, махнув рукой. — Я не могу больше!

Светлана заглянула вниз, и лицо у нее вытянулось, а в голосе уже не осталось никакой воинственности, когда она пробормотала:

— Вот так мерзость!.. Это Медуза Горгона их подослала.

— Ты думаешь? — ахнула Наташа. — Пускай это предрассудок, но я сегодня нырять отказываюсь.

— У меня тоже что-то голова разболелась, — сказала Светлана и потерла лоб. — Пойду прилягу...

Вот так и получилось, что нырять в этот день нам пришлось вчетвером. Я оказался в паре с Михаилом.

Медузы плавали только в верхнем слое. Но пробиваться через эти первые два метра было довольно-таки неприятно. Зато на дне вода была сегодня какой-то особенно чистой и прозрачной.

Мы благополучно спустились на дно трижды и все время работали почти рядом, выкапывая из песка одну амфору за другой. Но перед четвертым погружением Миша вполголоса сказал мне:

— Давай разделимся. Ты продолжай копаться на старом месте, а я пройду немного правее. Надо поразведать границы судна, а то здесь уже мало начинает попадаться амфор. А в следующий раз я буду копать, а ты отправишься на разведку.

— Ладно, — кивнул я.

В самом деле, уже следовало расширить место раскопа и поточнее определить границы затонувшего корабля.

На лбу у Михаила сверкали крупные капли пота, словно он только что вылез из воды.

— Что с тобой? Ты не болен? — спросил я.

— Нет. Просто жарко. Лень было снимать костюм после прошлого погружения, так в нем и просидел час. Пропарило лучше бани. Ничего страшного, на дне освежусь! Пошли.

Нырнули мы вместе. Я занялся раскопкой амфор на прежнем месте, а Михаил, помахав мне рукой, поплыл в темноту, окружавшую пятачок дна, освещенного прожекторами.

Мне повезло. Когда сверху подали сигнал выходить, я уже раскапывал третью амфору. Все они лежали рядышком, словно яйца в гнезде. С сожалением посмотрев на них последний разок, я начал всплывать. По инструкции, на это полагалось четыре минуты, так что пришлось дважды сделать небольшие остановки на глубине пятнадцати, а потом девяти метров.

Но сегодня мне почему-то мешали соблюдать инструкцию, сильно натягивая сигнальный конец. Ухватившись за трап и высунувшись по пояс из воды, я вытащил изо рта мундштук и заорал:

— Чего вы тянете? Я не рыба на крючке, сам выплыву!

И осекся, увидев побледневшее, перепуганное лицо Павлика.

— Где Михаил? — спросил он.

— Разве он не вышел? Сейчас поднимется, чего вы порете горячку?

— Он не ответил на сигнал, — сказал Павлик, дергая за сигнальный конец. — Видишь, я тащу, а никакого ответа.

Раздумывать было некогда.

— Прыгай за мной! — сказал я и начал торопливо засовывать в рот загубник.

Павлик мешкал. Я хотел снова поторопить его, но мундштук уже был зажат у меня в зубах и получилось какое-то неразборчивое мычание. Тогда я просто махнул рукой и нырнул.

По правилам, должны были идти на выручку страхующие. Но медлить было нельзя, раз они растерялись. А у меня в баллонах еще оставалось вполне достаточно воздуха.

Я погружался все глубже вдоль троса, который должен был привести меня к Михаилу. Но вдруг почувствовал такую резкую боль, что едва не вскрикнул и не выронил изо рта мундштук.

Маска сжала мне лицо, словно стальными клещами. Я не сразу сообразил, что получился обжим, как называют его водолазы.

Я опускался слишком быстро. Давление воздуха внутри маски не успевало сравняться с давлением окружающей воды. Маска присосалась к лицу, словно большая медицинская банка, какие ставят больным при простуде, и края ее сильно сдавили мое лицо.

Чтобы избавиться от обжима, я на минуту остановился и несколько раз сильно выдохнул воздух в маску через нос. Стекло запотело, но зато давление маски на лицо сразу уменьшилось и боль немножко утихла. Дальше я погружался уже осторожнее.

Еще несколько метров вниз, и я увидел Михаила, лежащего ничком на песчаном дне. Он не подавал никаких признаков жизни, хотя пузырьки отработанного воздуха и продолжали серебристой цепочкой вырываться из клапана акваланга. Было некогда разбираться, что же такое с ним приключилось. Трясущимися руками я вытащил кинжал и перерезал сигнальный трос, обвязанный у него вокруг пояса, чтобы не запутаться в нем, потом подхватил товарища под мышки и посадил на песок.

Мундштук, к счастью, не выпал у него изо рта, значит, он не захлебнулся. Но глаза у него были закрыты и лицо заметно потемнело.

Крепко обняв его за пояс, я начал всплывать. Это было не так-то легко. Только с трудом поднявшись метров на пять, я сообразил, что можно уменьшить наш вес, сбросив грузила с пояса у него и у себя.

Пока я это делал, ко мне присоединился Борис, нырнувший наконец-то на подмогу. Вдвоем мы стали подниматься быстрее, хотя я все-таки вовремя вспомнил об опасности кессонной болезни и сделал две необходимые остановки, как ни не терпелось нам поскорее вырваться на поверхность.

Нас одного за другим втащили на борт, и судовой врач с помощью Светланы тут же начал делать Михаилу искусственное дыхание и растирать грудь. Я стоял рядом, тяжело, прерывисто дыша. Почему мне так трудно дышать? И вдруг Павлик сказал:

— Да сними ты маску, уже все...

Так вот отчего я задыхался: забыл снять маску! Я торопливо содрал ее с головы и склонился над Михаилом.

Что же с ним произошло? Азотное опьянение? Но оно бывает только на глубинах свыше пятидесяти метров. Кессонная болезнь? Тоже не похоже. Ведь я его нашел на дне, он еще не начинал подниматься на поверхность.

Врач сделал Михаилу два каких-то укола в руку, потом поднес ему к носу пузырек с нашатырным спиртом.

Михаил сморщился и застонал. Потом он открыл глаза и бессмысленно уставился на наши встревоженные лица.

— Что с тобой случилось? — спросил я.

— Не знаю... Кажется, потерял сознание, да?

— Что вы чувствовали перед этим? — допытывался врач. — Какие были ощущения?

— Какие ощущения? Какая-то слабость, тошнота... и голова болела. — Он остановился, припоминая. — Дышалось плохо.

— Акваланг у него в порядке, я проверил, — вставил Борис.

Видно, как страхующий, он чувствовал какую-то вину за все происшедшее.

— Вам было жарко? Дышали часто? — продолжал допрашивать врач.

— Очень жарко. И дышал часто, потому что воздуха не хватало.

— Принесите-ка с камбуза холодного чаю, только очень холодного, — приказал медик, — пусть кок ледку туда бросит из холодильника.

— Что же все-таки с ним приключилось, доктор? — спросил Кратов.

Как все доктора при подобных вопросах, судовой врач принял глубокомысленный вид и раздумчиво ответил:

— Судя по симптомам, ничего особенно страшного. Просто тепловой удар. Перегрелся на палубе перед погружением, вот и обморок. Но, поскольку он произошел под водой, все могло кончиться гораздо хуже. Вырони он загубник...

Да, если бы Михаил выпустил мундштук, а я опоздал, все обернулось бы трагически.

Я вспомнил, что перед этим злосчастным погружением видел испарину на лбу у Мишки. Ну да, он же просидел целый час на солнышке в резиновом костюме, вот и весь секрет. Я уже раскрыл рот, чтобы поделиться своей догадкой со всеми, но перехватил напряженный взгляд Михаила. Молчи, умоляли его глаза, молчи! И я закрыл рот.

Когда Павлик и Борис унесли Михаила вниз, в каюту, Светлана вдруг накинулась на меня:

— Почему у тебя кровь из носа идет?

— Где? — Я провел рукой по лицу.

Она действительно выпачкалась в крови.

— И глаза у него красные, больные, посмотри, Света, — закудахтала Наташка.

Пришлось им сознаться, что у меня был маленький обжим. Тут уж они, конечно, бросились демонстрировать на мне свои медицинские способности. Почему это люди так любят всегда изображать из себя опытных врачей, хотя не смыслят в медицине ничегошеньки? Вы замечали: стоит только заболеть, как буквально все окружающие замучают своими советами. И притом советы дают прямо противоположные. Если один скажет: приложить лед ко лбу, то другой непременно пропишет горячий компресс...

Девчата обмотали мне голову мокрым полотенцем, так что я ничего не мог видеть вокруг, а потом заставили задрать ее повыше и в такой смехотворной позе, придерживая за локотки, как инвалида, повели меня в каюту.

Михаил лежал там на койке и, отдуваясь, пил холодный чай, густой и темный, как нефть. Меня торжественно уложили на другую койку, как я ни упирался. А потом Светлана стала в «артистическую» позу посреди каюты и запела:

Служили два друга у нас в полку,
Пой песню, пой!
И если один из друзей грустил,
Смеялся и пел другой...

Я запустил в нее подушкой, но она увернулась и продолжала:

И часто спорили эти друзья.
Пой песню, пой!
И если один говорил из них «да»,
«Нет», говорил другой...

Следующий куплет со смехом подхватила Наташка:

И кто бы подумать, ребята, мог,
Пой песню, пой!
Что ранен в бою был один из них,
Жизнь ему спас другой...

Песня довольно точно, пожалуй, отражала наши взаимоотношения с Михаилом...

Девчата с хохотом убежали на палубу, а он сказал мне:

— Шутки шутками, а ты ведь действительно спас мне жизнь. Спасибо! Постараюсь отплатить тебе тем же.

— Что за счеты! — ответил я. — Как-нибудь рассчитаемся...

СТРАННАЯ НАХОДКА

Наутро мы оба чувствовали себя вполне здоровыми, я-то уж во всяком случае. Но Кратов отменил все погружения и объявил этот день выходным.

Но зато, отдохнув, мы на следующий день подняли на поверхность девяносто шесть амфор! Я одну за другой выкапывал их из песка, а сам мечтал уже о других, более интересных находках. Меня все время тянуло покопаться в том месте, где Светлана нашла чудесную статуэтку. Видимо, там была каюта команды или капитана.

Перед очередным погружением я отозвал Михаила в сторону и сказал:

— Как ты смотришь насчет уплаты долга?

— Какого? — удивился он. — Ах, я же тебе обязан жизнью, понимаю. Но как такой долг вернуть? Ты же не тонешь. Прыгай за борт, я тебя спасу — и будем квиты.

— Брось паясничать, — сказал я. — Ты же прекрасно помнишь наш уговор. Я работал за двоих, пока ты занимался разведкой. Теперь моя очередь поискать что-нибудь интересное, пока ты за меня будешь раскапывать амфоры.

— Справедливо, синьор, — согласился он. — Но мы же с тобой работаем в разных парах. Поменяйся со Светланой очередью, тогда я смогу выполнить свое обещание.

В этот день ничего сделать не удалось: не нашел, как подступиться к Светлане. С ее настырным характером она непременно бы стала допытываться, а зачем это мне надо...

Я решил отложить свои планы до другого дня. Но, проснувшись утром, еще не выходя на палубу, сразу понял, что ничего из моего замысла не выйдет. Койка раскачивалась, словно колыбель. По полу каюты ползали из угла в угол ботинки. Переборки скрипели, дребезжал графин на полочке в специальном гнезде.

Начинался шторм, и нашей работе приходил конец.

Я вышел на палубу. Она качалась и ускользала из-под ног. Ветер взлохматил мои волосы. На крыле мостика стоял капитан в плаще, придерживая обеими руками фуражку.

— Три балла! — весело крикнул он мне. — И ветерок крепчает!

Нашел чему радоваться! Конечно, старик ни за что не разрешит нам сегодня спускаться. Инструкция «не рекомендует» погружения даже при волнении в два балла. А почему? Ведь на дне сейчас спокойно, как всегда. Волнение затихает уже в нескольких метрах от поверхности моря.

В десять часов мы собрались на совещание в кают-компании. Кратов был мрачен и сразу предоставил слово капитану.

— Мне жаль вас огорчать, Василий Павлович, — сказал тот, — но, судя по всему, придется уходить. Ветер крепчает и к ночи разыграется баллов до шести. На таком грунте мы не устоим и на двух якорях. Придется дальнейшие поиски отложить.

Кратов поднял голову, тяжело вздохнул и пожал плечами.

— Ну что ж, — сказал он медленно, — с морем, конечно, не поспоришь. Только бы нам не потерять это место.

— Об этом вы не беспокойтесь. Аккуратненько запеленгуем наше положение, и в будущем году вы точно придете на это место.

Кратов помялся, а потом со смущенной улыбкой добавил:

— Если б можно было бы как-нибудь... прикрыть место раскопок... На суше мы всегда так непременно делаем. А то размоет все штормом, — и выжидательно посмотрел на капитана.

— Это на дне-то? — Капитан громко рассмеялся. — Простите, профессор, но вы плохо знаете море. Поверьте мне: там, где лежит затопленное судно, сейчас полный штиль. Если уж ваши амфоры не разбило вдребезги за двадцать веков, то наверняка ничего с ними не случится еще за год.

— Вы правы, — смутился Василий Павлович.

Но по выражению лица было видно, что слова капитана его все-таки не вполне успокоили. Он все боялся потерять так счастливо найденный корабль.

Заметил это и капитан и, подумав, предложил:

— А что, если нам поставить под водой сигнальные буйки? Чтобы надежнее определить границы раскопок? На поверхности их могут сорвать зимние штормы, да и не стоит привлекать к этому месту чужое внимание. А если их укрепить на якорьках метрах в двух от дна, то никакая волна не потревожит.

Как загорелись мы этой идеей! Еще бы: совершить последнее погружение в шторм! Воспоминаний хватит надолго.

Опять профессор засомневался:

— Предложение весьма заманчиво, Трофим Данилович. Но как его осуществить? Ведь работать в шторм под водой запрещает инструкция.

— А вы не читайте ее, — к нашему восторгу, добродушно ответил капитан. — В шторм их листать некогда. Да и разве предусмотришь в инструкции все случаи? Ребята у вас бравые, ныряют отлично. А если вы в них сомневаетесь, могу послать кого-нибудь из своих ребят. Вот Курзанову, например, доводилось нырять и не в такой шторм, чтобы освободить от намотавшихся сетей рулевое перо...

Никак мы не ожидали от капитана подобного выпада. Все мы так зашумели, что он шутливо замахал на нас руками и закричал:

— Да это форменный бунт! По морским законам я вас всех перевешаю сейчас на рее!

Однако своими словами он принес нам и пользу. Его предложение задело нашего начальника. Кратов встал, поднял руку, требуя тишины, и сказал решительно:

— Так и сделаем. Аристову и Козыреву готовиться к погружению, Павлик и Борис страхуют.

С помощью матросов мы быстро привязали на коротеньких тросах тяжелые грузила к двум буйкам. Сначала выбрали было более яркие и нарядные красные буйки, а потом сообразили, что ведь под водой они потеряют свой яркий цвет и ста-

нут плохо заметны. Решили их заменить белыми.

На этот раз погружением руководил сам капитан. Мы должны были спускаться в воду не с трапа, как обычно, а по веревочной лесенке, спущенной со стрелы. А то волна могла шарахнуть нас о стальную обшивку. Стрела же, с помощью которой на палубу поднимают грузы, далеко выступает над бортом.

Буйки с грузилами нам сбросят на дно. Мы их должны прочно укрепить у носа и кормы затонувшего корабля.

Первым полез на стрелу Михаил. Потом он неуклюже спустился по веревочной лесенке и повис на ней, выжидая набегающую волну. Вот она накрыла его, Мишка разжал руки и сразу ушел на глубину. Это у него ловко получилось. Я решил сделать точно так же.

Но, ползя по этой проклятой стреле в комбинезоне и с увесистыми баллонами за спиной, я понял, почему движения Михаила казались со стороны такими смешными и неуклюжими. Стрела так раскачивалась, что я чувствовал себя на ней котенком, вцепившимся в маятник стенных часов и не знающим теперь, как же спрыгнуть обратно на землю. Дважды чуть не сорвался и не полетел вверх тормашками в бушующие волны. Нелегко было в моем громоздком снаряжении и спускаться по лесенке. Зыбкие веревочные ступеньки предательски ускользали из-под ног.

Зато очутившись в воде, я сразу почувствовал облегчение, как рыба, вернувшаяся в родную стихию. Волна качнула меня и властно потащила вниз. С каждым метром глубины вода становилась прозрачнее и спокойнее.

Я спустился на дно и увидел ожидавшего меня Михаила. Телевизор уже подняли на борт, и дно, где еще вчера мы с таким азартом работали, выглядело теперь пустынным и каким-то заброшенным. Волнение здесь совсем не ощущалось. Только чуть колыхались бурые стебельки водорослей, торчавшие из песка.

Михаил потянул меня за локоть и показал наверх. К нам неторопливо опускался буек, покачиваясь, словно воздушный шар. Немного правее и выше его виднелся и другой. Михаил направился к нему, а я, поймав первый буй, потащил его к подножию скалы, чтобы отметить носовую часть корабля.

Установка буя заняла не больше пяти минут. Закончив ее, я огляделся вокруг. До чего мне хотелось покопаться напоследок в песке! Ведь как раз сюда я давно стремился. Не упускать же такую возможность!

Определив примерно место, где Светлане посчастливилось откопать статуэтку, я начал разгребать песок чуть левее. По моим расчетам, насколько запомнилась схема Кратова, каюта погибшего корабля должна была находиться где-то здесь.

Я рылся пять минут, десять, но безрезультатно. Ничего не нащупали мои пальцы, кроме двух обломков скалы. А в запасе оставалось всего десять минут! Если же Михаил уже поднялся на поверхность, меня могут вызвать и раньше.

Обозлившись, я стал так разгребать песок, что вокруг поднялась муть. Видел бы Василий Павлович, как я веду раскопки, ох и отругал бы он меня!

И вдруг левая рука моя нащупала какой-то острый предмет. Чтобы рассмотреть, что это такое, мне пришлось поднести его к самым глазам, такая мутная стала вокруг вода. Это оказался всего-навсего черепок какой-то глиняной чашки!

Как ни странно, даже такая ничтожная находка придала мне новые силы. Значит, я все-таки на правильном пути: чашки могли находиться именно в жилых помещениях, где готовили пищу, обедали, спали. И я ринулся продолжать раскопки.

Но не прошло и минуты, как сигнальный конец, обвязанный вокруг пояса, трижды туго натянулся. Меня вызывали наверх.

Покопаюсь хоть еще несколько минут, подумал я и, ответным подергиванием троса сообщив, что сигнал понял и выполняю его, продолжал рыться в песке.

Что-то круглое попалось мне под руку... Словно палка или скорее тонкое бревно. Неужели дерево сохранилось в воде?! Я лихорадочно потянул бревно из песка. Оно оказалось коротким или, может, обломилось?

Разбираться некогда. Сверху решительно потянули за сигнальный конец. Прижимая обеими руками к груди найденный обломок, я покорно начал всплывать, точно ерш, попавшийся на крючок.

Подтащив меня кверху метров на десять, трос слегка отпустили, чтобы я сделал необходимую по инструкции остановку.

Здесь вода была чище, и я смог наконец рассмотреть свою находку. Это был вовсе не обломок бревна, как мне показалось сначала. Я держал в руках какой-то странный цилиндр длиною почти в полметра, а диаметром сантиметров в десять. Я поскреб его кончиком кинжала.

Цилиндр несомненно был металлический!

«РАЗУМ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ВЕРИТЬ...»

Пока я нырял, море за какие-то полчаса успело разгуляться еще сильнее. Волна едва не ударила меня о борт. Никак не удавалось уцепиться за веревочную лестницу, ведь руки-то у меня были заняты.

К счастью, с палубы заметили это и помогли. Один из матросов влез на стрелу и повис над волнами на веревочной лесенке. Я передал ему цилиндр и, выбрав момент, крепко вцепился в лестницу. Потом стрелу повернули, и нас, словно на подъемном кране, плавно перенесло прямо на палубу.

Еще летя по воздуху, я увидел свирепое лицо Кратова. Надо было первому переходить в наступление. Выхватив из рук матроса найденный цилиндр, я молча подал его оторопевшему профессору.

Он повертел его в руках и вдруг крепко прижал к груди, неистово вскрикнув:

— Циста! Боже мой, это же циста! Я боялся надеяться и вдруг...

Никто ничего не понимал. А старик, не выпуская находки из рук, подскочил ко мне и трижды поцеловал в мокрую щеку.

— Ты понимаешь, что ты нашел? — спросил он. — Это же циста!

Я постарался изобразить на лице изумление и радость, но, наверное, это мне не очень удалось, потому что Кратов покачал головой и укоризненно сказал:

— Они не знают, что такое циста! — Тут он посмотрел на своих студентов. — И еще собираются стать археологами! Благодарите бога, что сегодня не экзамен. Я бы всем вам недрогнувшей рукой поставил по двойке.

Он поднял цилиндр высоко над головой и торжественно проговорил:

— Запомните раз и навсегда — в таких медных футлярах греки перевозили книги, рукописи. Это бесценная находка, потому что рукописей древних сохранилось ничтожно мало. Мы знаем, что великий Софокл написал сто двадцать три пьесы. А дошло до нас только семь. Понимаете теперь, как дорога для науки каждая вновь найденная древняя рукопись?!.

— А вдруг эта циста пуста? — испуганно перебил я его.

Василий Павлович сердито посмотрел на меня, словно я покушался отобрать у него драгоценную находку. Он снова начал вертеть цилиндр в руках.

— Не может быть, — сказал он наконец. — Кто станет так тщательно запечатывать пустой футляр? В нем несомненно что-то есть. Мы сейчас проверим...

Сопровождаемый чуть ли не всеми, кто был на палубе, Кратов направился в каюту. Я, торопливо стянув с себя маску и гидрокостюм, через несколько минут последовал за ними. Но в каюте Кратова никого не нашел. Оказывается, набралось столько желающих присутствовать при вскрытии цисты, что пришлось всем перебраться в кают-компанию.

Когда я протолкался туда, Василий Павлович, расстелив на столе большой лист бумаги, уже осторожно соскабливал с цисты наросшие за века водоросли. Находка, видимо, действительно сильно взволновала его, потому что, против обыкновения, он стал необычайно разговорчив.

— Циста... Я мечтал с самого начала... — не очень связно восклицал он, возясь с цилиндром. — Помните, когда нашли статуэтку, я сразу подумал, что на корабле... плыл человек, интересующийся искусством. У него могут быть и рукописи. Сейчас мы узнаем какие. Сейчас мы посмотрим, что же в ней таится...

Я постепенно проталкивался поближе к столу. Как главного виновника торжества, меня пропускали, хотя и не слишком охотно.

А водоросли постепенно счищались под острым скальпелем. Медный цилиндр почти весь обнажился и тускло сверкал в руках Кратова.

Что в нем? А вдруг мне посчастливилось подарить миру неведомую раньше трагедию Софокла? Или Эсхила? Или какой-нибудь удивительный философский трактат, который перевернет все наши знания о древних греках?!

А если вода проникла в футляр и рукопись превратилась в грязную кашицу? Или вовсе растворилась в морской воде, как и тот неведомый корабль, на котором ее везли двадцать веков назад?

— Нет, крышка засмолена хорошо, — сказал Кратов.

Он словно читал мои мысли!

Затаив дыхание, мы следили, как профессор начал потихоньку соскабливать слой за слоем окаменевшую смолу. Потом он попробовал отвернуть крышку. Но она не поддавалась.

— Огня! — скомандовал Кратов. — Налейте в баночку спирту и подожгите. Только осторожно!

Светлана сбегала к нему в каюту и принесла спирт. Его налили на блюдце. Капитан, который, как всегда, успел примоститься рядом с Василием Павловичем, торопливо чиркнул спичкой. Спирт загорелся бледным голубоватым пламенем.

Кратов поднес к огню крышку цисты. Смола зашипела. Еще несколько поворотов, — и крышка начала отвинчиваться!

Кратов отвинтил ее до конца, перевернул футляр, и из него медленно, словно нехотя, выполз толстый сверток. Пергамент! Я никогда не видел его, но сразу догадался.

Профессор дрожащими пальцами начал его разворачивать. В трубочку были скатаны два больших листка.

Кратов осторожно разделил их и положил перед собой на бумагу, тут же с помощью Светланы придавив куском толстого стекла.

По серому листу неровными строчками рассыпались буквы. Неужели можно их расшифровать? Буква наскакивала на букву, видно, писали во время качки.

Но наш старик ни на минуту не растерялся. Он сразу начал читать с листа, словно текст ему был давно знаком:

— «От Аристиппа, сына Мирмека, дорогому другу Ахеймену — привет! Спешу тебя порадовать, дорогой друг и покровитель, славными новостями...» Это может читаться и как известие, и как новость... «Грозная опасность, нависшая над благословенным Боспором, к счастию, миновала. Славный Диофант, присланный к нам сюда мудрым царем Митридатом — да продлят боги его жизнь! — в решительном сражении разбил мятежного раба Савмака...»

Профессор остановился, посмотрел на капитана и перечитал снова, точно не веря самому себе:

— Да, совершенно несомненно: сигма, альфа, ипсилон, мю... Савмак! И Диофант, конечно, тот самый!

Он снова склонился над пергаментом:

— Где я остановился? Да... «Подлый раб схвачен живым и будет отправлен к ногам великого Митридата. Я надеюсь, что вы подберете ему наказание, какого он заслуживает. Жаль, что его ближайшим помощникам, коварному Бастаку и нечестивцу Аристонику, удалось ускользнуть от нас. Это произошло поистине чудесным образом, чему сам я оказался свидетелем.

Произошло это так. Мы окружили последнюю группу мятежников в крепости Тилур, расположенной, как ты помнишь, в дикой и суровой местности на самом берегу Понта Евксинского...»

Василий Павлович остановился и задумчиво произнес, подняв глаза к потолку каюты:

— Тилур... Крепость Тилур на берегу Черного моря. Не знаю такой.

Покачав головой, он продолжал чтение:

— «Мятежники спрятали в крепости, где у скифов было древнее святилище, много награбленных ими сокровищ, поэтому ты понимаешь, как стремились все наши воины овладеть ею. Мы взяли крепость после трехдневного штурма. Представь наше удивление, дорогой Ахеймен: среди убитых и захваченных в плен мы не нашли никого из вожаков мятежа. Не обнаружили мы и сокровищ. Они исчезли совершенно бесследно. Сразу же среди воинов прошел слух, будто защитники крепости в самый последний момент вознесены их проклятыми варварскими богами на небо. Разум отказывается верить таким нелепым суевериям, но согласись со мной, что дело это поистине удивительное. Мы обсудим его подробнее при скорой встрече, а пока я кончаю, ибо начинается буря и писать становится трудно. Твой Аристипп».

В каюте воцарилась тишина, только скрипели переборки и было слышно, как воет на палубе ветер. Все мы, наверное, думали об одном и том же: о событиях далекой старины и о судьбе людей, которые плыли много веков назад вот в такой же шторм по этому морю. Сквозь века до нас словно донесся на миг их живой голос. Донесся — и оборвался на полуслове.

Письмо взволновало меня. Но в то же время мучила легкая глупая обида за то, что вместо драгоценных творений древних философов и поэтов в цисте оказалось самое обыкновенное письмо...

— А тут что-то странное, какие-то стихи, — вывел меня из задумчивости взволнованный голос Кратова.

Он рассматривал уже второй листок пергамента, вынутый из цисты. Только теперь я обратил внимание, что на этом листке строчки действительно были разной длины и не доходили до края. Неужели это и вправду стихи?

— «Муза... ты расскажи каждому... всем о муже, который, полный отваги, стремясь навстречу... на свидание с другом...» — бормотал Кратов и покачал головой. — Пожалуй, подражание Гомеру, но, надо сказать, весьма слабое. Вероятно, этот Аристипп увлекался поэзией и, попав в бурю, возомнил себя вторым Одиссеем. Стихи, конечно, вряд ли содержат какие-нибудь важные исторические сведения, а художественной ценности совершенно очевидно не представляют. Мы ими займемся на досуге. А зато письмо чрезвычайно интересно. Новые сведения о восстании Савмака! Первое революционное восстание на территории нашей родины, а мы о нем почти ничего не знаем. Если бы нам найти эту крепость и там как следует покопаться! Тилур... Вы случайно не слышали о таком месте? — повернулся он к капитану.

Тот пожал широкими плечами и, словно извиняясь, ответил:

— Нет, профессор. Плаваю по Черному морю вот уже тридцать лет, а такого порта не знаю.

— Да и откуда же вам знать, — спохватился Кратов, — ведь все это было двадцать веков назад! Но и ни в одном из источников такая крепость не упоминается, если мне не изменяет память... Нет, не помню...

Он опять склонился над письмом:

— Посмотрим, может быть, что-нибудь даст текстологический анализ... Автор письма, конечно, грек. Пишет он некоему Ахеймену. Судя по имени, это, вероятно, перс. Скорее всего, какой-нибудь придворный Митридата Евпатора. Диофант — известный полководец, руководивший операциями против Савмака. О нем есть сведения в источниках. А вот весьма любопытны имена сподвижников Савмака. Бастак — имя, пожалуй, скифское, Аристоник несомненно грек. Значит, к восставшим примкнула и какая-то часть греческого населения. Это важное свидетельство!

Он совсем забыл обо всем окружающем, снова и снова вчитываясь в каждую букву и бормоча:

— Если бы еще хоть какой-нибудь намек... Найти эту крепость...

Капитан осторожно потянул его за локоть:

— Вы меня извините, профессор, но больше задерживаться нельзя. Надо уходить в Керчь, а то якоря не выдержат.

Только тут мы заметили, что свист ветра перешел в глухой, монотонный рев. Я заглянул в иллюминатор. Море стало белым от пенистых гребней, по стеклу катились крупные брызги.

— Да, да, конечно, капитан, — торопливо закивал Кратов. — Пожалуйста, командуйте, вам виднее.

Мы помогли старику перенести цисту и найденные в ней записки к нему в каюту. Там он разложил оба листка перед собой на столике, снова прочно зажав их стеклом, и начал рыться в книгах, которые захватил с собой из Керчи. Поиски загадочной крепости Тилур он не хотел откладывать ни на минуту. Мы не стали ему мешать и вышли на палубу.

Там нельзя было устоять на ногах. Ветер пронизывал до костей, всю палубу то и дело обдавало брызгами. Нос судна то проваливался вниз, то взлетал куда-то под самое небо. Наташа побледнела, жалобно пискнула что-то и, схватившись рукой за горло, убежала. Светлана продержалась немножко дольше, но вскоре сказала:

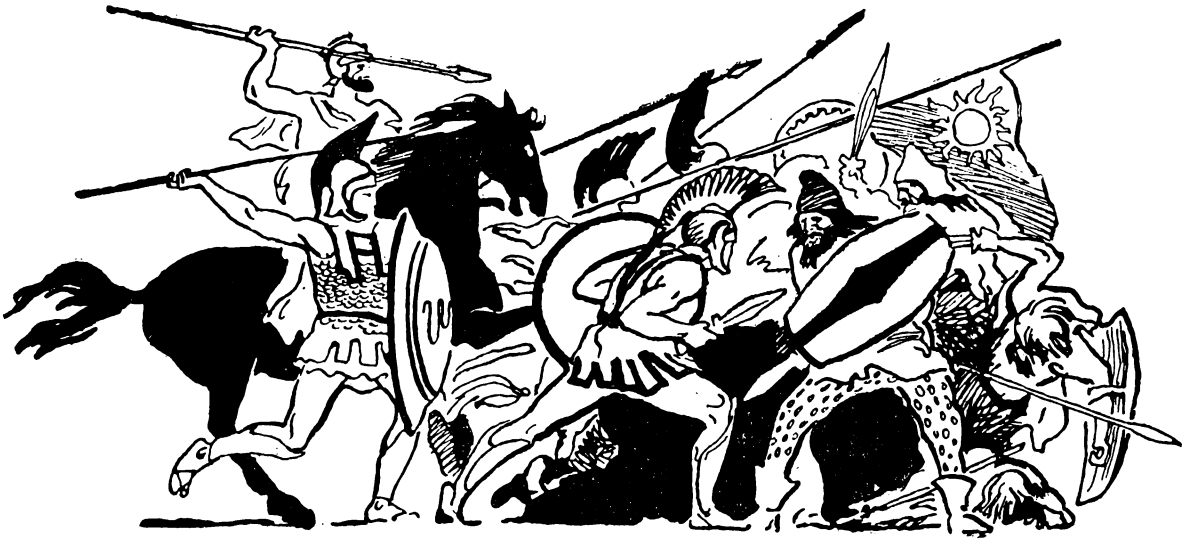
— Куда это Наташка подевалась? Плохо ей стало, что ли? Пойду поищу ее...

Все убыстряя шаги, она тоже помчалась в каюту и больше не появлялась. Мы покурили, любуясь разбушевавшимся морем, а потом поспешили вниз, где было тепло и сухо.

Павлик с Борисом уселись играть в шахматы, которые у них от качки поминутно падали на пол, а Михаил сказал, что хочет немного вздремнуть, и лег на койку. По-моему, его тоже начинало укачивать, только он старался держаться.

Достав из чемодана у Павлика все книги по античной истории Крыма, я начал искать сведения о восстании Савмака.

Их оказалось поразительно мало. Кратов не преувеличил: все достоверные исторические сведения, дошедшие до нас об этом первом восстании рабов против угнетателей в пределах нашей страны, в сущ-

ности, заключались в одной-единственной надписи на триумфальной плите, найденной археологами при раскопках Херсонеса. Эту плиту жители Херсонеса воздвигли в честь полководца Диофанта. Надпись была длинная. Но о Савмаке говорилось совсем мало.

Сначала идут всякие традиционные фразы, восхваляющие Диофанта. Я их пропускаю:

«...скифы, с Савмаком во главе, произвели государственный переворот и убили боспорского царя Перисада, выкормившего Савмака, на Диофанта же составили заговор; последний, избежав опасности, сел на отправленное за ним [херсонесскими] гражданами судно и, прибыв в [Херсонес], призвал на помощь граждан. [Затем], имея ревностного сподвижника в лице посылавшего его царя Митридата Евпатора, Диофант в начале весны [следующего года] прибыл с сухопутным и морским войском и, присоединив к нему отборных [херсонесских] воинов на трех судах, двинулся из нашего города, овладел Феодосией и Пантикапеем, покарал виновников восстания; Савмака же, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, отправил в царство [то есть в Понт] и снова приобрел власть [над Боспором] для царя Митридата Евпатора».

Вот и все, что нам известно о восстании Савмака. Кроме того, как я узнал из книг, археологам удалось найти две мелкие серебряные монеты тех времен. Надписи на них полустерлись, сохранились только четыре греческие буквы: сигма, альфа, ипсилон, мю. По-русски они читаются, как начало имени вождя восставших рабов: САВМ... Но действительно ли эти монеты отчеканены от его имени, пока восставшие держали власть в своих руках, — ученые спорят об этом.

А восстание, видно, было значительным. Целый год рабы владели Боспором. Против них собрали большую армию.

Если бы узнать обо всем этом побольше! А мы не знаем почти ничего. Как выглядел Савмак? Где он родился, как провел свою юность? Каким страшным казням предал его царь Митридат Евпатор, прославившийся даже в те времена своей непомерной жестокостью. Ведь он, пробиваясь к власти, убил родного брата и заточил в темницу собственную мать. Митридат не задумываясь убивал своих детей, только заподозрив их в стремлении к власти.

Можно представить, как расправился он с рабом, осмелившимся восстать против империи, которую сорок лет не мог победить Рим!

Теперь я начинал понимать радость Василия Павловича. Раз мы так мало знаем о восстании Савмака, каждый новый документ бесценен для науки. Если бы еще разузнать, где же все-таки находилась эта крепость, ставшая последним оплотом восставших! Вдруг там сохранились какие-нибудь рукописи, оружие... Хотя каратели, конечно, все перерыли в поисках спрятанных сокровищ, об этом же говорится в письме.

Но куда делись последние защитники крепости? Не улетели же, в самом деле, на небо! Чертовщина какая-то! И вряд ли мы когда-нибудь узнаем об их судьбе. Попробуй теперь разобраться, через двадцать веков...

За ужином капитан спросил Кратова:

— Ну как, профессор, наверное, вы уже порылись в книгах? Не нашли, где же была эта самая крепость... простите, забыл ее название.

— Тилур. Представьте себе, нет. Никаких упоминаний. Конечно, источников здесь у меня под рукой мало, но и вспомнить, главное, я ничего похожего не могу. Судя по названию, это какое-то скифское укрепление. А может быть, его построили тавры. Они обычно обитали в прибрежных районах и частенько промышляли пиратством. А вот стишки я разобрал. Они действительно, к сожалению, дрянные. — С этими словами он вынул из кармана листочек бумаги и, надев очки, начал читать:

Муза, расскажи всем об отважном муже,
Который, к другу стремясь, вышел в разгневанный океан.
Много испытаний выпало на его долю,
Но он их все перенес, богами хранимый.
Только покинули гавань, где мы одержали победу,
Как быстровейный Зефир подхватил наш корабль.
Бог Посейдон, в руки трезубец схватив, отправил в погоню
Самых различных ветров и тучами землю и море
Густо окутал. Глубокая ночь опустилась с неба.
Утром Зефир передал нас в лапы Борея седого.
Лучше б в бою мне погибнуть, чем гнев испытать Посейдона.
Ночью и днем нас бросали громадные волны,
Чтобы на третью ночь Евру жестокому стал наш корабль игрушкой!

Василий Павлович на миг прервал чтение, чтобы пояснить капитану:

— Тут все образы заимствованы из мифологии, Трофим Данилович. Посейдона, бога морей, вы, конечно, знаете. Борей — это северный ветер, Зефир — западный, Евр — восточный, а Нот — южный.

— Я уже понял, не беспокойтесь, профессор, — успокоил его капитан. — Мы и сейчас жестокий норд-ост, который частенько свирепствует у этих берегов, называем борóй.

— Совершенно верно, — кивнул Кратов и продолжал чтение:

Шесть носило нас дней по гороподобным волнам,
Так же, как северный ветер осенний гоняет по равнине
Колючие стебли травы, сцепившиеся друг с другом.
То наш корабль Нот бросал в лапы Борею,
То его Евр предоставлял гнать дальше Зефиру.
Только к исходу шестого тяжелого дня море немного утихло.
Музу благую призвав, поспешим описать злоключения наши...

Описание бури в подражание «Одиссее», — сказал Кратов, снимая очки. — Но весьма слабо, небрежно. До Гомера на-

шему стихотворцу-мореплавателю далеко, как до звезд. Историю древнегреческой литературы подобные вирши, конечно, не украсят...

— Разрешите? — Капитан взял листочек из рук Кратова и перечитал вслух: — «То наш корабль Нот бросал в лапы Борею, то его Евр предоставлял гнать дальше Зефиру». Черт его знает, тарабарщина какая-то!..

— Стихи, — пожав плечами, снисходительно сказал профессор. — Так называемые «поэтические красоты». Чем марать пергамент такими стишками, лучше бы этот Аристипп написал свое письмо поподробнее и обстоятельней...

ПО СЛЕДАМ ВЕТРА

В Керчи мы появились настоящими триумфаторами. Весть о наших находках взбудоражила город. Здесь всегда работает несколько археологических экспедиций, раскапывая древний Пантикапей и окрестные боспорские городки и поселки. Так что нашего старика буквально с утра до вечера атаковали старые и молодые археологи, желавшие узнать все подробности поисков. Во дворе маленькой хатки на склоне горы Митридат, где располагалась база нашей экспедиции, теперь вечно толпился народ.

В конце концов нас замучили бесконечными расспросами, и Кратов решил сделать доклад в городском саду. Народу собралось много. Возле летней эстрады выставили найденные на дне амфоры. Светлана нарисовала большую цветную схему раскопа с примерными контурами корабля. Все это выглядело весьма внушительно.

К своему удивлению, среди слушателей я заметил и дядюшку. Он все время делал какие-то пометки в толстом блокноте.

По свойственной ему педантичности, Кратов начал свой доклад с нескольких осторожных фраз: речь-де идет только о самых предварительных результатах, которые, несомненно, потребуют длительного изучения и дополнений, а какие-либо итоги подводить, конечно, совершенно преждевременно. Но потом он разошелся и рассказывал очень живо и интересно. Даже мы, все это сами пережившие, заслушались.

Когда он кончил, посыпалось много вопросов. И потом его еще долго не отпускали, окружив плотным кольцом, любопытные. Но вот и они постепенно разошлись. И тут к Василию Павловичу подошел... Кто бы вы думали? Мой дядя!

— Простите, профессор, не могли бы вы мне дать переписать здесь, при вас, те стихи, что вы отыскали? — сказал он, прикладывая руку к козырьку своей морской фуражки.

Просьба, видно, была совершенно неожиданной не только для меня, но и для Кратова, потому что он спросил:

— А вы что, поэт?

— Нет, я, собственно, метеоролог, — отвечал дядя.

— Зачем же вам эти стихи? — удивился Кратов.

Дядя Илья помялся, потом туманно ответил:

— Понимаете, есть у меня одна идейка, — он пошевелил в воздухе толстыми, короткими пальцами. — Но, как вы только что прекрасно выразились, идея эта весьма еще расплывчата и требует уточнения. Так что мне, с вашего разрешения, не хотелось бы пока распространяться более обстоятельно...

— Пожалуйста, пожалуйста, как вам угодно! — засуетился Кратов. — Садитесь вот сюда, за стол, и перепишите. Я могу вам предложить и фотокопию греческого оригинала с условием, конечно, что вы нигде не будете ее пока публиковать.

— Конечно, профессор, очень вам благодарен и даю слово...

Хотел бы я знать, на что ему эта фотокопия — ведь он не знает греческого языка!

Дядюшка сел за стол и, пока мы собирали выставочные пожитки, успел переписать все стихотворение.

Возвращая его Кратову и снова рассыпаясь в благодарностях, он неожиданно задал еще один, по-моему, довольно нелепый вопрос:

— А вы не знаете, когда погиб этот корабль? В какое время года?

Кратов удивленно посмотрел на него, подумал и ответил:

— Как свидетельствует херсонесская стела в честь Диофанта, восстание Савмака было разгромлено весной, видимо, сто шестого года до нашей эры. Тогда же, судя по письму, отправился в плавание и этот корабль.

— Весной? Отлично! А в каком именно месяце?

На подобный вопрос Василий Павлович мог, конечно, только пожать плечами. Да и какое это может иметь значение, тем более для моего дяди — метеоролога?!

К счастью, он больше не задавал никаких вопросов и оставил Кратова в покое. А меня — в полнейшем недоумении: зачем понадобились ему и эти стихи и время гибели корабля? Что он, водолазом собирается стать на старости лет? Да ни в какую экспедицию его тетя Капа и не пустит...

Целые дни мы занимались обработкой своих находок. Это оказалось весьма кропотливой работой. Каждый осколок амфоры следовало подробно описать, исследовать состав глины и краски. «В квадрате номер шестнадцать обнаружен бронзовый гвоздик без шляпки», — торжественно записывал я в дневник раскопок, сидя под навесом во дворе нашей полевой базы.

В полдень древности убирали со стола, дежурные притаскивали из кухни громадное ведро окрошки и целый таз жареных бычков, и начинался обед. Завершали мы его обычно арбузами: по половинке на брата. А потом снова до вечера корпели над черепками и гвоздиками.

Особенно тщательному анализу подвергались целые амфоры. Их не только фотографировали, зарисовывали, описывали. Надо было, по возможности, разузнать, что же в них везли. В одной из амфор чудом сохранилось несколько тонких косточек. В них хранили рыбу, вероятно, селедку, которой и тогда уже славилась Керчь — Пантикапей.

В торжественной обстановке была наконец открыта и запечатанная амфора, не дававшая нам покою.

Когда из нее вытащили засмоленную пробку, раздались негромкие свист и шипение, словно и впрямь вырывался на свободу какой-то таинственный дух, как пугала нас Наташа.

Василий Павлович осторожно наклонил амфору и вылил из нее в мензурку немного темной, густой жидкости с довольно резким, но приятным запахом.

— Да это же вино! — воскликнул, принюхиваясь, профессор. — Несомненно, виноградное вино.

— Подумать только! — ахнула Наташа. — И ему две тысячи лет!

У нас загорелись глаза при мысли попробовать этого вина. Ведь, говорят, оно с годами становится лучше. А такого старого вина не найдется ни в одном погребе на свете.

Но, конечно, из этой затеи ничего не вышло. Старик так замахал на нас руками, что мы не стали больше и заикаться о своем желании. Только Павлик уныло сказал:

— Да ведь это же для науки, Василий Павлович!

— Ничего, ничего, науке хватит и лабораторного анализа. Ишь, какие подвижники выискались! Мученики науки!

Так он и не дал нам попробовать самого старого вина на земле. А на следующий день принес какую-то бумажку и, размахивая ею, сказал:

— Вот вам анализ этого винца. Оно превратилось в чистейший уксус. Представляю, какие бы вы скорчили рожи, если бы хлебнули его!

Дня через два после лекции я вечерком снова наведался к своим родичам. Тетя Капа обрадовалась и сразу захлопотала на кухне.

— А где же дядя Илья? — полюбопытствовал я. — Разве он и вечерами работает?

Собственно, из-за него-то я и пришел. Надо же разузнать, зачем понадобились ему стихи погибшего капитана.

Тетя Капа таинственно кивнула на плотно закрытую дверь в соседнюю комнату.

— Дома, — прошептала она. — Только никого видеть не хочет. Обложился бумагами, книжками какими-то и сидит третий вечер.

Наверное, его загадочные труды как-то связаны с докладом Кратова. Но как, с какой стороны?

Беспокоить дядю я не решился, но перед самым моим уходом он вдруг выглянул из двери и спросил:

— Ты еще здесь? Сколько узлов делали греческие корабли?

— Узлов?

— Ну да. Ты что, не знаешь морской меры скорости?

— Знаю... Но греки не мерили скорость в узлах.

— Неважно! — рассердился он. — Какая у них была скорость?

Я что-то промычал.

— Не знаешь? Ну конечно! Чему вас только учат! Ладно, иди, завтра сам позвоню твоему профессору.

На что ему теперь понадобилось знать скорость греческих кораблей? Да ее никто не знает, не только я. Ведь неизвестно еще толком, как эти корабли были устроены.

Дядюшка интриговал меня все больше и больше. Но то, что произошло еще через два дня, я никак не мог от него ожидать.

В этот день, вскоре после обеда, дядя неожиданно появился у нас на базе. Меня прежде всего поразил его торжественный вид: черный костюм, черный галстук, ботинки ослепительно начищены, словно на парад собрался. Под мышкой он держал большой круглый футляр, тоже черный, вроде тех, в каких архитекторы носят проекты и разные чертежи.

Не обращая на нас внимания, дядя направился прямо к профессору и поздоровался с ним, как со старым, хорошим знакомым.

— Прошу извинить, что отрываю вас от трудов, — сказал он важно, — но дело, не терпящее отлагательств и, надеюсь, существенное для науки.

— Конечно, прошу вас, уважаемый Илья Александрович, проходите. Одну минуточку, я только надену галстук. А то мы тут по-походному, извините, — засуетился Кратов.

Он ушел в свою комнату. А мой дядя между тем неторопливо подошел к столу, на котором мы сортировали черепки, и похозяйски сказал:

— Молодые люди, освободите-ка нам один уголок. Мне здесь надо карты разложить.

Его просьбу послушно выполнили. Он вынул из своего черного футляра большой сверток бумаг и разложил на столе вычерченную от руки карту той части Черного моря, что прилегает к Керченскому проливу. Уголки ее, чтобы не загибались, дядя аккуратно приколол кнопками.

— Какая превосходная карта! — воскликнул подошедший Кратов. — Ваша работа, Илья Александрович?

— Моя.

— Вы настоящий художник!..

Было видно, что и наш начальник совершенно не понимает, что означает появление метеоролога с этой картой. А дядя, как назло, молчал, словно приглашая как следует полюбоваться своим произведением.

Кратов с недоумением склонился над картой. Несколько минут он рассматривал ее, потом спросил:

— Скажите, Илья Александрович, а это что за линия?

— Эта? Вы сразу схватили суть, профессор! — радостным тоном ответил мой великолепный дядюшка. — Это я проложил путь вашего корабля.

— Нашего?

— Ну, древнегреческого, я оговорился, простите.

Тут все мы немедленно окружили стол, заглядывая через плечи Василия Павловича.

Через всю карту от места, где крестик обозначал место гибели корабля возле банки Марии Магдалины, тянулась извилистая пунктирная линия к берегам Крыма. Дядюшка нанес путь затонувшего корабля так уверенно, точно сам был его капитаном две тысячи лет назад!

Мы все, конечно, совершенно опешили. Кратов переводил глаза то на карту, то на довольное дядино лицо, явно не зная, что сказать. Наконец он неуверенно спросил:

— Но позвольте... Откуда же вы все это взяли? У вас есть какие-нибудь источники?

— Есть, — невозмутимо ответил дядя и, развернув одну из принесенных с собою бумаг, громко, точно со сцены, прочел: — «То наш корабль Нот бросал в лапы Борею, то его Евр предоставлял гнать дальше Зефиру...»

Он остановился, как актер, привычно ожидающий аплодисментов. Но мы совершенно ничего не понимали. Это были стихи, найденные в цисте. Но какая возможна связь между ними и путем корабля на карте?

— Не улавливаете? — спросил Кратова дядюшка.

— Нет, — честно сознался тот.

— Да ведь в этих словах ключ! — воскликнул метеоролог, потрясая над головой листком со стихами. — Это же точное описание циклона!

— Циклона?

— Ну конечно же! Смотрите: «То наш корабль Нот бросал в лапы Борею, то его Евр предоставлял гнать дальше Зефиру». Направление ветров меняется по часовой стрелке!

— Постойте, постойте! — пробормотал Кратов. — Я, кажется, начинаю...

— Понимаете? — обрадовался дядя Илья. — Это же совершенно очевидно. Перечитайте-ка стихи: «Только покинули гавань, где мы одержали победу, как быстро-

вейный Зефир подхватил наш корабль...» Западный ветер для них попутный, так что он отзывается о нем хорошо: «быстровейный Зефир подхватил». А что происходит потом? «Утром Зефир передал нас в лапы Борея седого...» Западный ветер сменился северным, потом восточным: «Чтобы на третью ночь Евру жестокому стал наш корабль игрушкой...»

Дядя довольно рассмеялся, потирая руки, и добавил:

— Не знаю, конечно, каким он был поэтом, этот ваш капитан, не берусь судить, но метеонаблюдатель из него получился бы неплохой. Совершенно точно передал смену ветров по ходу часовой стрелки, типичную для южной части циклона, перемещающегося с запада на восток.

Теперь мы смотрели на дядю Илью точно на кудесника, показавшего нам потрясающий фокус. Вы только подумайте: по каким-то слабым стихам восстановить след ветра, промчавшегося над морем двадцать веков назад! Разве это не чудо?

— Ваше открытие поразительно, дорогой Илья Александрович! — сказал Кратов, крепко пожимая ему руку. — Но простите мою назойливость, я все-таки не понимаю, как на основе его можно восстановить маршрут корабля. Ведь вы установили только общее направление ветров, которые в это время менялись над морем...

— Расчеты, расчеты, дорогой профессор! — перебил его дядя Илья, потрясая пачкой листков, сплошь исписанных какими-то формулами и цифрами. — Математика — наука точная. Ведь каждая смена ветров отражалась на курсе парусного корабля. Западный ветер судно подгонял, восточный — мешал ему. Вы мне сказали, профессор, что, по словам Геродота, за день торговое судно проходило почти семьдесят тысяч сажен, — помните, я вам звонил? Но это в тихую погоду. А для шторма я рассчитал ее по дням в зависимости от господствующего ветра. А пути весенних циклонов мы знаем. Так что все это сделано математически точно. Из Керчи, или, по-вашему, из Пантикапея, этот корабль выйти не мог: слишком близкое расстояние до места гибели получается. Да и вообще при сильном циклоне ему бы не выбраться из Керченского пролива, непременно бы напоролся на мели у косы Тузлы. Из Херсонеса это судно тоже не могло плыть: получается, наоборот, слишком большой путь, чтобы в такой шторм его преодолеть за шесть дней. К тому же при сильном западном ветре судно непременно бы разбило у мыса Меганом, возле Судака, его и сейчас в штормовую погоду побаиваются капитаны. Остается одно...

Мы снова все, как по команде, склонились над картой. Пунктирная линия, обозначавшая путь затонувшего корабля, начиналась от Феодосии.

— Феодосия... — задумчиво повторил Кратов. — Пожалуй, вы правы. Здесь проходила граница Боспорского царства. Дальше до самого Херсонеса побережье занимали тавры, а степные районы — скифы. Феодосия... А рядом Карадаг. Не о нем ли сказано в письме: «...в дикой и суровой местности на самом берегу Понта Евксинского»?

Неужели мы нашли место, где пряталась эта загадочная крепость Тилур, последнее убежище восставших рабов?! И как необычно нашли: по стихам, с помощью моего дяди, метеоролога!

А он с видом человека, полностью выполнившего свой долг, неспешно свертывал карту и складывал свои бумажки с расчетами. Потом убрал все в футляр и протянул его Кратову:

— Прошу вас, профессор, примите как мой посильный вклад в археологию...

Ай да дядя!

КАРАДАГ

На следующий же день мы выехали в Карадаг.

Василий Павлович раздобыл в одной из экспедиций грузовик — фургон с брезентовым верхом. Плыть морем в Феодосию на нашем катере он не разрешил.

— Постараемся найти какое-нибудь суденышко на Карадагской биологической станции, — обнадежил он нас.

Карадаг нам всем сразу понравился. Дикие, крутые скалы, и к одной из них, повиснув над самым морем, прилепилось красивое белое здание. Это и была биостанция.

Пока мы добрались туда, наступил уже вечер. Нам отвели местечко на склоне горы, за огородами, и мы поспешили разбить палатку, разжечь костер и приготовить ужин.

Рано утром Василий Павлович отправился на биостанцию и часа через полтора

вернулся с хорошими вестями. На целую неделю нам давали изящный белый кораблик, которым мы еще вечером залюбовались с горы.

Он оказался рыбачьим тралботом, переделанным специально для недалеких экспедиционных плаваний. Все на нем было крошечное: кубрик с четырьмя койками, капитанский мостик высотой ниже человеческого роста и миниатюрный камбуз, величиной с платяной шкаф. Команда состояла всего из трех молодых загорелых ребят — капитана, моториста и матроса. Звали их Сергей, Женя и Валя.

Валя отдал концы, Сергей, подтянувшись на руках, вскочил на мостик и стал к штурвалу, Женя нырнул в люк, запустил мотор, и через пять минут мы уже гордо выходили в море.

Наш капитан уверенно вел судно у самого берега. И с каждой минутой перед нами открывались картины, одна великолепнее другой.

Я вспомнил замечательное описание Карадага в повести Паустовского «Черное море» и теперь понял, почему он взял эпиграфом к нему слова капитана Кука: «Красота этого зрелища наполняла душу восхищением и ужасом».

Красноватые мрачные скалы вздымались высоко над нашими головами и, казалось, грозили сорваться и тяжело рухнуть на палубу. Одна скала вообще откололась от горы и повисла над морем, удерживаясь лишь каким-то чудом в неустойчивом равновесии. Другая поднималась из воды, словно гигант, мрачно закутавшийся до самых бровей.

— Это Иван Разбойник, — сказал Женя, до пояса высунувшийся из люка и любовавшийся вместе с нами, хотя и плавал здесь много раз.

Судно обогнуло скалу, и мы разом ахнули. Прямо из моря, метрах в восьмидесяти от берега, вздымалась исполинская каменная арка.

— Золотые ворота Карадага! — крикнул с мостика Сергей и направил наше судно прямо к арке.

Арка приближалась и все вырастала, вырастала... Пришлось задирать голову, чтобы осмотреть ее всю, от источенных морем боков до остроконечной вершины. И ворота арки все раздвигались, словно гостеприимно распахиваясь перед нами. Тралбот свободно прошел сквозь них, и между скалами и бортами еще оставалось порядочное пространство.

— Эге-гей! — задорно крикнула Светлана.

«Ге-ге-ге...» — глухо ответило ей эхо, и сотни вспугнутых чаек с криком закружились под темными сводами.

Мы чувствовали себя аргонавтами, открывающими неведомые страны. А что: ведь они тоже проплывали мимо этих диких берегов, отправившись в Колхиду за золотым руном. В те времена плавали только вдоль берега, чтобы в случае шторма поскорее укрыться в ближайшей бухте. Они видели эти скалы.

И легендарный Одиссей, может быть, проплывал здесь. Причудливые скалы казались ему окаменевшими товарищами Полифема...

В берег, прямо против Золотых ворот, вдавалась небольшая бухточка. Мы отметили ее на карте и записали название: бухта Пограничная. Здесь непременно стоило пошарить под водой! Место уж больно подходящее для древней крепости. С берега к бухточке подобраться почти невозможно. Одно небольшое укрепление на вершине хребта сделало бы крепость неприступной.

А тралбот бойко бежал дальше, и впереди открывались всё новые и новые чудеса Карадага.

Михаил, уже бывавший здесь, все порывался рассказать, что же покажется за следующим поворотом. Но мы хором останавливали его:

— Погоди!

— Закрой рот! Сами увидим...

Мыс Лев (по-моему, больше похожий на моржа) отделял Пограничную бухту от бухты Львиной. В конце ее высилась скала Маяк, каменным столбом взметнувшаяся к небу.

Тут мы подметили наверху в скалах темное пятно, словно узкую щель, уходившую куда-то в толщу горы.

— Это и есть Мышиная щель, — объяснили нам моряки. — Ее так прозвали потому, что летучих мышей там пропасть!

— Фу, какая мерзость! — тотчас же воскликнула Наташа и опасливо спросила: — А днем они не летают?

— Нет, днем они спят.

— А ночью я сама туда не полезу, — успокоилась Наташка.

Мы миновали Голубую бухту и грот Шайтан. За ним открылся Ревущий грот,

в котором и вправду вода даже в этот тихий и солнечный день ворчала как-то грозно и неприветливо.

За Стрижовой скалой прятался маленький заливчик, название которого нам страшно понравилось и всех насмешило: «бухта Барахты». Уже она осталась далеко позади, а наши девчата еще долго дурачились, восклицая наперебой:

— Откуда вы? С бухты Барахты.

— Наташка, ты всегда все делаешь с бухты-барахты!

— А вот скала Слон, — сказал Валя и виновато добавил: — Только у него недавно в шторм часть головы, как раз с хоботом, отвалилась, так что он теперь не очень похож...

Скала и в самом деле не имела ни малейшего сходства со слоном, но Светлана, чтобы не огорчать наших славных моряков, милостиво сказала:

— Нет, что-то такое слоновое есть, несомненно...

И они просияли, потому что показывали нам все красоты Карадага с такой гордостью, словно сами расставили здесь все эти скалы, выбирая для каждой местечко поживописней.

Мы обогнули скалу Парус и вошли в Сердоликовую бухту. Здесь уже чувствовалась близость Планерского, на пляже было много загорающих.

Это подтвердил и наш капитан:

— Дальше бухт нет, это последняя. А вон там, за мысом Мальчин, уже Коктебельская бухта.

— Ну что ж, — сказал Кратов, — давайте отсюда и начнем.

— Есть! — браво ответил Сергей и скомандовал, как заправский капитан: — Стоп машина! Отдать якорь!

Женя, как игрушечный чертик в коробке, исчез в своем люке, а Володя торопливо побежал на нос. Мерный рокот мотора стих, и в наступившей гулкой тишине мы услышали, как с веселым плеском упал в воду якорь. Начинался новый этап наших поисков и приключений.

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

Новый этап наших поисков опять начался с неудач. За два дня мы обшарили почти все дно Сердоликовой бухты до глубины в двадцать метров — и не нашли ничего, никаких следов древних поселений.

Единственным утешением служило то, что нырять здесь оказалось необычайно приятно. Дно бухты покрыто гравием и галькой, а берега скалистые. Поэтому вода всегда кристально чистая, точно в роднике. Нырять даже боязно. Стоишь на трапе, и каждый камешек виден далеко внизу, на глубине пятнадцати метров; начинает невольно казаться, что между дном и тобою нет никакой преграды и ты сейчас сорвешься и полетишь на эти камни с высоты пятиэтажного дома.

При каждом погружении мы встречали множество рыбешек. Больше всего попадалось зеленушек. Это небольшие, но очень красиво раскрашенные рыбки — ярко-зеленые или синие, иногда с красными и желтыми пятнами, придающими им какой-то тропический вид. Наверное, их предки когда-нибудь забрели в Черное море из далеких теплых океанов, потому что, как рассказали нам наши моряки, узнавшие, в свою очередь, это от ученых-биологов, зеленушки не переносят холодной воды и на зиму впадают в спячку, забиваясь в расщелины скал и больших камней.

Другой интересной особенностью этих рыбешек являются очень острые и крепкие зубы, каких нет ни у кого из других обитателей Черного моря. Своими зубами зеленушки свободно разгрызают даже прочные раковины. За таким занятием мы их обычно и заставали: пестрыми стайками плавая у самого дна, они сгрызали с камней наросшие ракушки. При нашем появлении они совершенно не пугались и даже не прерывали своего занятия.

На песчаных участках дна кормились барабульки, или, как их еще называют, султанки. У этих рыбок, тоже небольших, смешная, сильно скошенная голова, похожая на нож бульдозера. Султанки и действуют, как маленькие бульдозеры, ловко разрывая головами песок в поисках спрятавшихся рачков и крабов. Мы научились издали узнавать места кормления барабулек по легкой мути, которую они поднимали своими «подкопами».

Встречались нередко и более крупные рыбы. Светлана однажды нырнула прямо в большую стаю резвящейся кефали, и, по ее уверениям, каждая рыбина была чуть ли не в полметра величиною. Дважды я видел акул. Но они держались вдалеке и поэтому

казались совсем маленькими и не вызывали никакой тревоги.

Мне привелось видеть, как охотится морской ерш-скорпена. Уродливый, зловещий, какого-то грязновато-бурого цвета, весь ощетинившийся колючими плавниками, он неподвижно лежал на дне в тени камней, почти сливаясь с рыжеватыми кустиками цистозеры. Он замер, как убитый, жили только его тупые, злые глаза. Мимо проплывала барабулька. Мгновенный бросок — и она исчезла в прожорливой пасти скорпены. А эта гадина, которую недаром рыбаки называют помесью жабы с драконом, снова замерла в засаде, поджидая новую добычу.

У меня руки зачесались схватить ерша за хвост и вышвырнуть на берег, чтобы не портил подводного царства. В кипящей ухе он оказался бы куда приятнее, хотя бы на вкус. Но я поостерегся его трогать, вспомнив рассказы рыбаков о ядовитых колючках. Они у него в спинном плавнике. Голыми руками его не возьмешь, а остроги или ружья у меня, увы, не было.

Гоняться за рыбами было некогда. Не для того мы сюда приехали. Наступала осень, времени оставалось мало. Решили перебираться в соседнюю бухту Барахты.

Для первого погружения нам с Наташей выпало место у подножия скалы Слон («Потерявший хобот», — острили мы). Рядом работали Светлана и Михаил.

Я потому останавливаюсь на таких чисто технических деталях, что этот день едва не стал последним в моей жизни...

Подплыв к скале, я начал опускаться, придерживаясь за водоросли. Солнечные лучи пронизывали воду до самого дна и переливались на крупной гальке. Местами среди камней виднелся чистый песок. Он был почти белый и шелковистый на ощупь, когда я, мягко «приземлившись», набрал его полные горсти.

На обломках камней, валявшихся у подножия скалы, покачивались длинные алые ленточки каких-то водорослей. Я никогда не видал таких раньше. Глубина здесь не превышала пяти метров, поэтому их яркий, сочный цвет почти не тускнел от поглощения света водой.

Наташа показала мне большой палец, выражая свой восторг, поплыла дальше, в сторону открытого моря. Так мы договорились еще на берегу. Искать среди камней она боялась. А я начал методически, метр за метром, осматривать дно у подножия Слона.

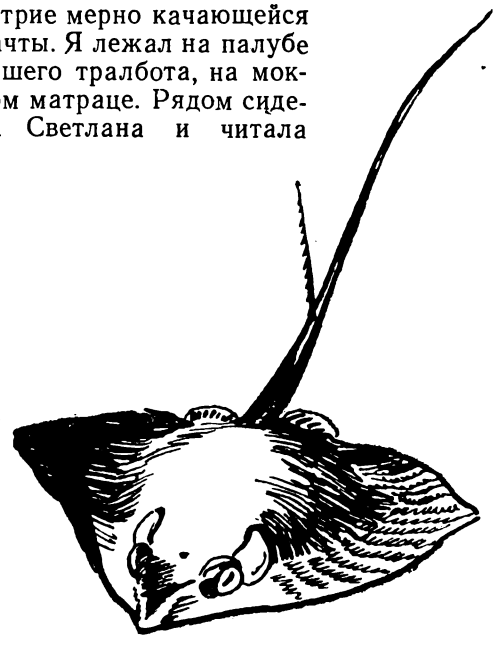
Прошло уже минут пятнадцать, как вдруг серое облачко мути, поднявшееся немножко левее над песком, привлекло мое внимание. Наверное, там пасутся барабульки. Но, сколько я ни всматривался, ни одной рыбешки не видел. А притаиться им негде, кругом чистый белый песок.

Это меня заинтересовало, и я подплыл ближе. Мне показалось, будто на светлом фоне песчаного дна проступают слабые контуры какого-то непонятного предмета. Там словно что-то пряталось под слоем песка.

Сердце у меня радостно дрогнуло. Неужели мне опять повезло и я первый наткнулся на след древнего поселения? Судя по очертаниям, в песке пряталась мраморная плита. Может быть, с надписью...

Я протянул руку, чтобы смахнуть с нее песок... и в тот же миг получил страшный удар, словно в ладонь вонзилась сразу сотня острейших кинжалов. Какое-то плоское, точно блин, гибкое тело взвилось перед моим лицом, подняв облако мути. Черные и белые полосы замелькали в глазах. Я упал лицом в песок и больше ничего не помнил...

Первое, что я увидел, открыв глаза, было высокое синее небо и вонзившееся в него острие мерно качающейся мачты. Я лежал на палубе нашего тралбота, на мокром матраце. Рядом сидела Светлана и читала

книжку. Заметив, что я очнулся, она торопливо наклонилась ко мне и сказала:

— Лежи, лежи. Только не ворочайся! Хочешь пить?

Я хотел привстать, но тут же почувствовал такую боль в правой руке, что невольно застонал. Рука стала тяжелой, точно каменная, и совсем не повиновалась мне.

С мостика, стоя у штурвала, на нас смотрел Сергей. Он что-то крикнул в переговорную трубку. Через минуту на палубе собралась вокруг меня вся наша экспедиция во главе с Кратовым.

— Что случилось? — спросил я, еле разжимая спекшиеся губы.

— Тебя ранил хвостокол! — сделав большие глаза, выпалила Наташа. — Ужас!

Я ничего не понимал. Только смутно припоминалось мелькнувшее под водой плоское тело и пестрота черно-белых полос.

— Расскажите толком, — спросил я.

— Первой тебя увидела возвращавшаяся к берегу Наташа, — сказал Кратов, — ты лежал на песке...

— Я так испугалась, что закричала под водой, представляешь? — торопливо вставила девушка. — Воды наглоталась, жуть!

— Она выскочила на поверхность, и мы сразу поняли, что с тобой что-то стряслось, — продолжал профессор. — К тому же ты не ответил на сигнал выхода. Правда, это с тобой частенько бывает. — Тут он строго посмотрел на меня поверх очков. — Аристов, к счастью еще не успевший снять акваланг, сразу бросился на выручку. Вдвоем с Наташей они тебя и вытащили.

Я посмотрел на Михаила и, постаравшись улыбнуться неповинующимися губами, сказал:

— Значит, мы теперь с тобой квиты? Спасибо.

— Не стоит, — небрежно ответил он. — Долг платежом красен. Хорошо, что мундштука не выронил. А то бы я так и остался твоим должником.

— А что же все-таки со мной было? — спросил я.

— Пожалуйста, помолчи, а то тебе опять станет плохо, — строго остановила меня Светлана. Она, видно, всерьез решила играть роль сестры милосердия.

— Судя по ране, ты наткнулся на морского кота-хвостокола, — ответил Кратов.

Я вспомнил, с каким отвращением выбрасывали матросы за борт «Алмаза» этих странных, уродливых рыб, попавшихся нам тогда в трал. Значит, вот такая плоская гадина и притаилась в песке? А я принял ее за драгоценную мраморную плиту!

Мне снова захотелось посмотреть на раненую руку. Но приподняться мне не дали, да я и сам бы не смог, потому что каждое движение причиняло нестерпимую боль.

— Куда же мы плывем? — спросил я, стискивая зубы, чтобы не застонать.

— В Планерское, в больницу, — торопливо ответила Светлана. — Успокойся, уже приехали.

В самом деле, мотор заглох, и Валя пробежал на нос с длинным багром в руках. Под килем громко заскрипела галька.

Ребята подхватили мой матрац на руки и, толкая друг друга, потащили к сходням. Когда меня приподняли, переваливая через борт, я наконец смог увидеть свою руку. Она вся посинела и сильно распухла. А из вздувшейся, как лепешка, ладони торчал глубоко вонзившийся твердый шип.

Не буду рассказывать, как его вырезали из ладони в больнице одного из санаториев. Операция получилась весьма мучительной и долгой.

Вырезанный шип хирург подарил мне на память, хотя и так я вряд ли когда забуду об этом приключении. Немного опомнившись после операции, я рассмотрел его хорошенько. Это была небольшая, но очень острая костяная игла, к тому же зазубренная, точно наконечник гарпуна. Вытащить ее самому из раны совершенно невозможно. Даже удивительно, что такое хитрое оружие создала природа, а не человеческие руки.

У морского кота, как мне рассказали потом научные сотрудники биостанции, бывает даже не одна, а две или три таких иглы. Они спрятаны у него в основании хвоста. Хвостокол вонзает их в жертву со страшной силой. Но и этого мало: каждый шип еще покрыт ядовитой слизью, которая долго не дает ране заживать.

А напороться на эту гадину легко. Брюхо у хвостокола темное, а спина желтовато-серая, вот почему пестрые полосы мелькали у меня в глазах. Когда он за-

роется в песок, подстерегая добычу, заметить его очень трудно, я убедился в этом на собственной шкуре.

Придется проваляться недели две, решили врачи. Это меня совсем доконало. Выбыть из строя в такое напряженное время! Но опухоль опадала очень медленно, рука еле двигалась, точно парализованная, и мне волей-неволей приходилось смириться.

Лежать одному в пустой больничной палате, когда за окном сияет солнце и шумит море, невыносимо тоскливо и скучно. Хорошо, хоть друзья не забывали меня. Они наведывались почти каждый вечер, приносили книги и рассказывали о ходе подводных поисков. А я им показывал шип хвостокола.

— Во всяком случае, у тебя есть одно утешение, — с интересом рассматривая его, сказал Василий Павлович: — ты ранен историческим, даже, я бы сказал, легендарным оружием. Как свидетельствует Гомер, хитроумный Улисс-Одиссей тоже был поражен дротиком с наконечником из такого же шипа.

Один бесконечный день тянулся за другим, а новости, которые приносили друзья, оставались неутешительными. Уже обследовали всю бухту Барахты и перебрались в следующую, Голубую, а толку никакого. Нигде ни малейших следов поселений. Видимо, в те далекие времена места эти были совсем дики и необитаемы.

Меня тяготила бездна пустого времени. Чем же ее заполнить? Читал все, что под руку подвернется. Конечно, больше всего по истории или о приключениях под водой. Или просто лежал и размышлял часами, пытаясь представить себе жизнь и события тех страшно далеких времен, когда, спасаясь от преследователей, мчались на взмыленных конях по степи остатки разбитой армии Савмака. Потом, бросив загнанных лошадей, они карабкались по горным тропам Карадага, запирали тяжелые ворота крепости Тилур, готовясь к последнему бою.

Им неоткуда ждать помощи или спасения. За стенами крепости, под крутым обрывом, грозно ревет море. И все-таки часть беглецов куда-то скрылась, унеся с собой какие-то сокровища! Куда? Не на небо же, в самом деле, как подумали захватчики крепости. Они были люди суеверные, а нам, конечно, в это верить смешно. Но тем интереснее разгадать вековую загадку и узнать еще хоть что-нибудь новое о восстании Савмака и его товарищей...

Прошла неделя, и мне стало совсем невмоготу валяться в одиночестве. Как назло, в этот вечер и навестить меня никто не пришел. А вчера они, тщетно обшарив все дно Голубой бухты, перебрались в Пограничную — ту самую, что расположена как раз напротив Золотых ворот Карадага. Неужели и тут ничего утешительного?

Так я лежал, не зажигая света, в темной палате и грустил, прислушиваясь к задорным звукам фокстрота, доносившимся в открытое окно с танцевальной площадки.

И вдруг в окне на фоне звездного неба появилась чья-то лохматая голова.

— Коля, ты спишь? — неуверенно спросил знакомый голос Павлика.

— Нет, заходи скорей! — обрадовался я.

Он неуклюже влез в окно и зажег свет.

— Ты один?

— Один, — ответил он с каким-то таинственным, заговорщическим видом. — Ребята не решились идти, думали, ты уже спишь. А я не удержался, решил тебя сегодня же порадовать.

— Чем? — Я сел на кровати.

Он протянул мне руку и медленно разжал кулак. На ладони у него лежал точно такой же острый зазубренный шип, каким меня наградил хвостокол.

— Что, опять кого-нибудь ранило? — испугался я. — Чему ты радуешься?

Он расхохотался и сунул ладонь прямо мне под нос:

— Да ты возьми его в руки и рассмотри как следует!

Ничего не понимая, я повертел зазубренную косточку в руках. Самая обыкновенная, как и моя.

— Да ты ослеп, что ли? — закричал Павлик. — Она же просверлена!

Только теперь я заметил у основания шипа маленькую сквозную дырочку.

— Ну, и что же?

— Да ведь она не могла сама по себе образоваться! — Павлик уже начинал приходить в ярость от моей непонятливости. — Ее кто-то просверлил! Этот шип был наконечником дротика или стрелы. Мы нашли на дне остатки каменной стены, и там он валялся. Я его нашел! Раз там бросали оружие, значит, кипел бой. Понимаешь? Значит, мы нашли эту крепость!

Теперь-то я все понимал. Забыв о больной руке, я вскочил и бросился искать свою одежду. Черт, ее же отобрали врачи!

— Еще что нашли?

— Больше ничего пока. Понимаешь, это вышло при последнем погружении, уже под вечер. Поэтому и ребята не пришли, устали, спорят там у костра...

— Ты настоящий товарищ! — сказал я, крепко пожимая ему руку. — Теперь достань мне где-нибудь рубашку и брюки.

— Какие брюки?

— Я пойду с тобой. Не могу же я идти в этом халате!

— Что ты! — перепугался он. — Ты же еще болен, Кратов прогонит тебя.

— А ты думаешь, что я смогу здесь валяться, пока вы раскапываете крепость? Я сдохну с тоски!

Павлик задумался, потом рассудительно сказал:

— Все равно, ты не имеешь права нарушать дисциплину.

Тогда я взмолился:

— Хорошо, я останусь здесь еще на одну ночь. Но только до утра! Поклянись, что уговоришь старика завтра утром непременно прислать кого-нибудь за мной. Рука уже почти зажила, видишь, как свободно ворочается? Расскажи об этом Кратову. Пусть мне нельзя еще нырять. Я буду лежать на палубе и быстрее поправлюсь на свежем воздухе, чем в этой больнице. Слышишь? Не все ли врачам равно, где я буду лежать?

— Ладно, ладно, — замахал он на меня рукой. — Чего ты горячишься? Конечно, Василий Павлович поймет. Мы его уговорим... Ну, я пошел.

Он полез обратно в окно, а я крикнул ему вслед:

— Если утром не возьмете меня, сам приду! Так и передай.

Спал я плохо, а утром вовсе не мог найти себе места. Неужели они оставят меня здесь, когда начинается самое интересное? Нет, не могут. Ведь это я первый нашел цисту с документами. А мой дядя расшифровал их и направил нас сюда, в Карадаг. Если Кратов не учтет этого, нет больше справедливости на свете!

С такими мыслями я метался по комнате, как вдруг услышал за окном знакомые веселые голоса. Они пришли за мной! Даже все, в полном составе!

— А где же Василий Павлович? — упавшим голосом спросил я.

Неужели он сам не пришел, а только послал их уговаривать и утешать меня?

— Успокойся!

— Не трусь! — загалдели друзья.

— Шеф отправился к главному врачу. Если тот разрешит, твое дело в шляпе.

Я кинулся к двери. Но она уже отворилась, и в комнату вошли Кратов с врачом. В руках у врача я увидел свою одежду и заликовал.

— Спасибо, доктор! — сказал я, пытаясь взять у него свою рубашку.

— Подожди, подожди... Ишь, какой прыткий! — засмеялся он. — Я еще должен посмотреть твою руку.

— Но вы же только вчера смотрели!

— То было вчера.

Пришлось подчиниться. Осматривал он меня с ужасной медлительностью, но потом сказал:

— Ладно, можешь отправляться. Но только минимум неделю еще полный покой.

— Конечно, конечно, доктор. Я буду все время лежать.

— За этим я сам прослежу, — добавил Кратов, многозначительно посмотрев на меня.

Оделся я быстро, стараясь нарочно как можно свободнее действовать раненой рукой, хотя, признаться, она побаливала еще немного. Поблагодарил доктора и через минуту уже был свободен, снова среди товарищей.

Мы поспешили на берег, где, уткнувшись носом в гальку, стоял наш чудесный кораблик. Вся команда радостно приветствовала мое появление. Женя сразу запустил мотор, и мы отчалили, взяв курс прямо на Золотые ворота Карадага.

— А вот твое место, — сказал профессор, указывая на матрац, разложенный на палубе перед мостиком под небольшим навесом из парусины. — Немедленно ложись — и ни шагу отсюда!

— Есть... — упавшим голосом ответил я.

Внутри у меня все кипело от негодования, но спорить со стариком было совершенно бесполезно. Приходилось смириться.

Так и валялся я все время на этом унылом ложе.

Мы стояли на якоре посреди Пограничной бухты, неподалеку от Золотых ворот.

Ребята надевали акваланги, ныряли, потом возвращались с находками, а я все

лежал, словно инвалид какой-то. Правда, мне все было видно и слышно. Но от этого становилось еще обиднее. Теперь я в полной мере оценил пословицу: «Видит око, да зуб неймет»...

Ночевал я на тралботе. Вместе со мной остались Павлик, Женя и Валя. Остальные отправились на берег. Разложив на палубе матрацы, мы лежали рядом и смотрели, как они там разводят костер возле палаток.

На берегу было весело, но и у нас неплохо. Палуба чуть заметно покачивалась. Над нашими головами с протяжным, скрипучим криком проносились чайки и прятались под каменной аркой Золотых ворот. В чуткой вечерней тишине было отчетливо слышно, как странно плещется море в камнях. Оно то вздыхало, то начинало что-то глухо бормотать, совсем по-человечески.

Прислушиваясь к этим таинственным звукам, мы говорили вполголоса, точно боясь неосторожно вспугнуть засыпающее море. Говорили мы, конечно, все о том же — о подводных находках.

Их было мало, а главное, против наших ожиданий, все они оказались какие-то не очень интересные. За первый день Михаил и Павлик нашли только еще три таких же, как и первый, наконечника дротиков из шипов хвостоколов, а Светлана — сильно проржавевший медный наконечник копья. Вот и все. Правда, ребята подняли еще со дна четыре крупные, гладко обтесанные каменные глыбы. Но никаких значков или надписей на них не нашлось. Судя по всему, это были просто обломки крепостных стен.

А все мы в душе так рассчитывали найти сокровища, о которых упоминалось в письме. Неужели они исчезли навсегда, бесследно?

В ПОДВОДНОМ КАПКАНЕ

Прошло еще два дня, а настроение наше не улучшалось. Новые немногочисленные находки были похожи друг на друга и особой ценности, по-моему, не представляли. Все это были жалкие остатки древнего оружия — металлические и костяные наконечники копий, дротиков, стрел. Изредка попадались осколки посуды, но только отдельные мелкие черепки. Все это находили и раньше на суше при раскопках скифских курганов и греческих поселений. Стоило из-за них нырять!

Один Кратов был доволен, с увлечением рассуждал о всяких тонких различиях фортификационного мастерства скифов, тавров и греков. Но даже и он порой вздыхал, рассматривая поднятые со дна черепки амфор:

— Здорово поработали солдатики, что и говорить, здорово!

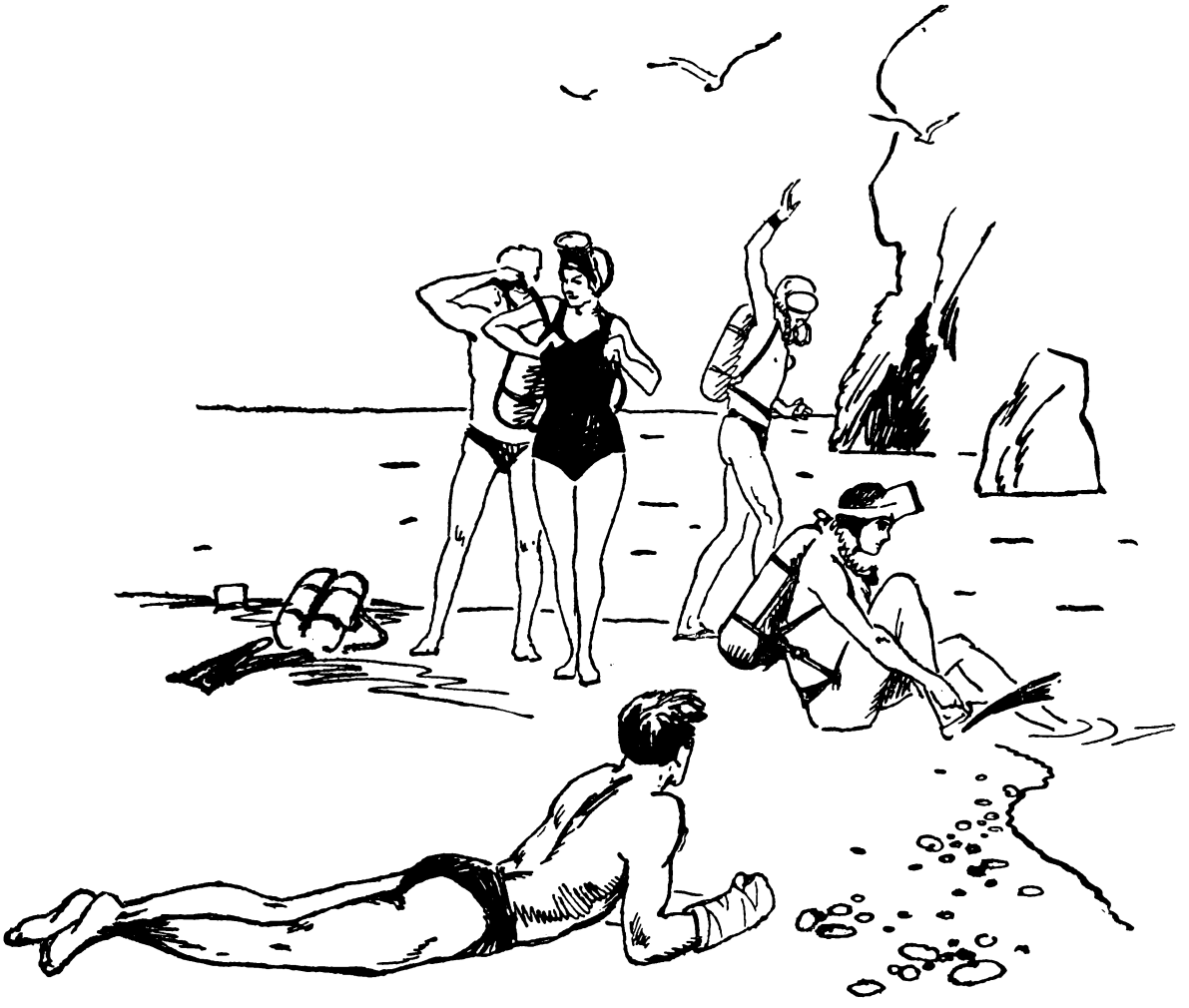
Да, с каждым погружением становилось очевиднее, что, захватив крепость в беспощадном бою, каратели буквально постарались стереть ее с лица земли. Разозленные таинственным исчезновением сокровищ и бегством вожаков восстания, они в слепой ярости перебили вдребезги ни в чем не повинную посуду и разметали по камню крепостные стены. После их ухода осталась пустыня.

От крепостных стен сохранились только основания. Их решили не выкапывать, а слегка расчистить, чтобы составить план разрушенной крепости.

Крепость стояла на самом берегу моря. Уровень его в те времена, видимо, был метров на девять ниже нынешнего. Одну из стен крепости заменяла высокая отвесная скала, на вершине которой, вероятно, располагался сторожевой пост.

Чем дольше мы рассматривали план крепости, тем меньше понимали, куда же могли скрыться оставшиеся в живых защитники ее. Да еще не налегке, а унося с собой какие-то сокровища, о чем прямо говорилось в письме Аристиппа.

— Не понимаю, — вздыхал Кратов, снова и снова перечитывая вслух строки письма: — «Мятежники спрятали в крепости, где у скифов было древнее святилище, много награбленных ими сокровищ, поэтому ты понимаешь, как стремились все наши воины овладеть ею. Мы взяли крепость после трехдневного штурма. Представь наше удивление, дорогой Ахеймен: среди убитых и захваченных в плен мы не нашли никого из вожаков мятежа. Не обнаружили мы и сокровищ. Они исчезли совершенно бесследно. Сразу же среди воинов прошел слух, будто защитники крепости в самый последний момент вознесены их проклятыми варварскими богами на небо...» Ну, дальше уже начинается ерунда, мистика, — сказал профессор, задумчиво складывая копию письма. — Но куда же

они все-таки скрылись? Уйти в горы не могли. Уплыть в море — тем более.

Он посмотрел на море, сверкавшее в лучах солнца, потом на горы, тесно обступившие маленькую бухту, словно ожидая от них ответа.

Но горы молчали, а море шумело лениво и равнодушно, как и десять веков назад. Только чайки, словно поддразнивая нас, кричали, кружась над палубой и выпрашивая подачки.

— А может, это вовсе не та крепость?— сказал Михаил. — Поищем еще в соседних бухтах.

Кратов пожал плечами:

— Нет, видимо, все-таки это именно Тилур. Конечно, прямых подтверждений у нас пока нет, но уж больно беспощадно она разрушена. Не мудрено, что даже упоминания о нем не сохранилось в источниках. Пока она была скифской или таврской, греки ею особенно не интересовались, а разрушив до основания, они, конечно, постарались, чтобы все забыли даже ее ненавистное имя. Да и место это, наверное, судя по легендам, упоминаемым в письме, считалось каким-то дьявольским, зачарованным. Его никто не посещал.

Он снова вздохнул и предложил:

— Ну, хватит гадать. Давайте лучше продолжать поиски. Чья очередь нырять?

— Наша, — ответил Михаил и лениво пошел надевать акваланг.

Всем своим видом он показывал, что не верит в пользу дальнейших поисков. Так оно и было: через полчаса Михаил и Светлана вернулись опять с пустыми руками.

Это было последнее погружение в этот день.

Поднялся резкий ветер. Наш капитан с тревогой посматривал на косматые тучи, застрявшие на острых горных вершинах. Мы все опасались, что он вот-вот скажет: «Пора уходить отсюда...»

Но Сергей промолчал, только решил на всякий случай остаться ночевать на борту, вместе с нами.

Солнце спряталось за вершины Карадага. Шлюпка ушла на берег.

Я лежал, закинув руки за голову, смотрел в небо и думал о загадке исчезновения защитников крепости, строку за строкой вспоминая письмо Аристиппа. Каждый из нас успел уже выучить его наизусть. Сколько ни ломал голову, никакая мало-мальски правдоподобная разгадка не подвертывалась. Чтобы отвязаться от этих мыслей, я взялся за книгу.

Читал я — вернее, в какой уже раз перечитывал — замечательную книгу Кусто «В мире безмолвия». Ту главу, где он рассказывает, как нырял с товарищами в аквалангах в залитые водой пещеры. Особенно сложным оказалось исследование знаменитого Воклюзского источника во Франции. В книге был даже приведен подробный план этой громадной пещеры, и я внимательно изучал по нему все этапы погружения.

Читал я долго при свете переносной лампочки, качавшейся у меня над головой на вантах. Товарищи уже все уснули, потух и костер на берегу. Вокруг маленького пятна света от лампы темной стеной стояла ночь, и глухо шумело в скалах море.

Сунув книгу под подушку, я быстро заснул. И мне снилось, будто я тоже, надев акваланг, лезу в какую-то пещеру. Вход в нее был очень узкий, и, помню отчетливо, я подумал во сне: «А как же туда могли забраться товарищи Савмака?»

С этой мыслью я и проснулся. Стояла уже глубокая ночь. Ветер стих. Море тоже притихло и плескалось едва слышно. Над черными громадами гор висели крупные, яркие звезды.

В этой бездонной тишине я слышал стук своего сердца.

Оно у меня билось в груди от внезапной догадки. Пещера... Конечно, там должна быть пещера, вход в которую прятался под водой даже тогда, во времена Савмака! Только туда и могли скрыться уцелевшие защитники крепости. Им оставался один только путь: в море — и под землю. Там, в пещере с подводным ходом, они могли переждать, пока враги покинут это место, и тогда спокойно вышли снова на поверхность, чтобы скрыться куда-нибудь...

Как это никому из нас не пришло в голову раньше! Только так ведь и можно объяснить загадочное исчезновение окруженных со всех сторон людей. И никакой чертовщины и мистики в этом вовсе нет.

Неужели я первый нашел разгадку! И тут же у меня в голове промелькнула горькая мысль: увы, даже если это так, то все равно вступить в эту пещеру мне первому не суждено. Хотя рука у меня совсем зажила, наш старик, конечно, ни за что не позволит мне завтра нырнуть, чтобы поискать вход в пещеру. Сначала он пошлет меня к врачам. А пока я буду бегать, мои товарищи уже найдут пещеру.

А почему мне не сделать этого сейчас же, не откладывая? Все спят, я тихонько оденусь, нырну и так же незаметно вернусь обратно. А завтра расскажу о своей находке, и тогда Кратов на радостях не станет меня ругать: ведь победителей не судят...

Аквалангн, готовые к утренним погружениям, лежали на корме. Я тихо пробрался туда, не зажигая света нашел свой акваланг и торопливо прикрепил к нему еще один добавочный баллон, чтобы иметь запас воздуха побольше. Как потом оказалось, это было весьма предусмотрительно.

Гидрокостюм я надевать не стал. Вода была достаточно теплой, а, по моим расчетам, вход в пещеру вряд ли мог находиться глубже пятнадцати метров. Иначе даже при более низком уровне воды в старину в пещеру трудно было бы нырять без водолазных костюмов, которых сподвижники Савмака, конечно, не имели.

На вантах висели электрические фонари, с которыми мы ныряли на большие глубины. Я выбрал самый мощный из них.

Закончив ощупью все приготовления, я так же осторожно, боясь за что-нибудь зацепиться и поднять шум, перелез через борт и начал опускаться по трапу. Когда ноги мои коснулись воды, она замерцала сотнями голубовато-зеленых искорок. Я натянул маску и повернул вентиль. Воздух тихо, успокаивающе зашипел. Все было в полном порядке.

Я спустился до самой последней ступеньки и без плеска, совершенно бесшумно, нырнул сразу на четыре метра.

Никогда прежде мне еще не приходилось плавать под водой ночью. Я даже не представлял, насколько это необычно.

Первое впечатление было, что я нырнул не в воду, а в чернила, так показалось темно вокруг по сравнению с обычными погружениями днем. Но не прошло и двух минут, как я понял, что эта тьма наполнена светом, только таинственным, скрытым до поры до времени. Стоило мне только взмахнуть рукой, и в воде во все стороны рассыпались голубоватые искры, призрачные, как светлячки. И руки у меня мягко светились, точно покрытые фосфором.

Я поднял голову и посмотрел наверх. Над морем царила ночь, но с поверхности воды ко мне все-таки пробивался свет — слабый, мертвенно-бледный, какой-то неземной.

Он пробуждал неприятное чувство. Словно меня перенесло на какую-то другую планету. Я торопливо зажег фонарик, совсем не подумав о том, что его свет может быть замечен с берега или с судна.

Но с фонарем оказалось не лучше. Его узкий луч озарял только слабое пятно желтоватого цвета. А тьма вокруг от этого стала еще гуще, еще тяжелее. Невольно хотелось обернуться и посветить фонариком во все стороны: не прячется ли кто-нибудь в темноте? Я еле удержался от этого желания, внушая себе, что никаких опасных хищников в Черном море не водится.

Погасив фонарик, я поплыл в сторону берега, постепенно погружаясь глубже. Единственным подходящим местом для пещеры могли быть только высокие скалы в левом углу бухты. Туда я и направился.

Вот и скала, отвесно уходящая вверх. Приблизившись к ней, я больно ударился в темноте о камень. Пришлось снова зажечь фонарик.

В его слабом свете камни отбрасывали расплывчатые тени и, казалось, начинали двигаться. Из-под моих ног метнулась сонная рыба. Тень у нее получилась громадная, как акула. Успокаивая себя и стараясь не озираться по сторонам, я медленно поплыл вдоль скалы, освещая ее фонариком.

Метра через три я заметил в скале какое-то темное углубление. Нет, это не пещера, а просто узкая трещина. Я поплыл дальше.

Меня что-то начинало слегка познабливать. Неужели слишком долго пробыл под водой? Посветив фонариком, я глянул на часы. С момента погружения прошло всего двадцать две минуты. Или вода здесь, у берега, холоднее?

Не раздумывая особенно над этим, я продолжал поиски. Прошло еще десять минут, потом еще пятнадцать.

Я обогнул большой камень, глубоко зарывшийся в песок, и внезапно прямо над своей головой увидел зиящую черную дыру.

Я подплыл и посветил в нее фонариком. Его луч проникал всего метра на два, но не уперся ни во что. Дыра углублялась дальше в толщу скалы. Отверстие было довольно широким, я свободно мог бы протиснуться в него, даже не зацепившись баллонами. Но, может быть, это вовсе не пещера, а просто грот в скале, имеющий выход где-нибудь с другой стороны? Таких немало нам здесь попадалось.

Подумав, я решительно полез в отверстие. Ощущение при этом возникло не слишком приятное. Все время боялся, что застряну в каменной трубе. Но она постепенно расширялась, и нервы мои успокаивались.

Я начал продвигаться вперед быстрее, забыв об осторожности. И напрасно: правый шланг, идущий от редуктора к маске, вдруг зацепился за что-то.

Зацепился крепко, я не мог даже повернуть голову.

Дернуться посильнее опасно: шланг может порваться, в маску хлынет вода. Попробовал пятиться назад — тоже не получается. Я засел прочно и основательно, словно в капкане.

«Только не волноваться! — внушал я себе. — Только не волноваться и не терять разума! Это первая заповедь подводника».

Я начал медленно покачивать из стороны в сторону головой, пытаясь освободиться. Покрутившись так минут пять, я устал и остановился передохнуть. Сразу мне стало холодно.

Готов поклясться, что всего пять минут назад вода была теплее. Не могла же так быстро меняться ее температура! Или из пещеры идет какое-нибудь холодное течение? Но я не ощущал особого движения воды вокруг.

И тут меня осенило: ведь я же могу просто сбросить баллоны и зацепившуюся

маску и, оставив их пока в пещере, вынырнуть на поверхность! Руки и ноги у меня свободны. Но это крайняя мера. Хорош я буду, совершив самовольное погружение да еще вдобавок утопив акваланг!

А вода становилась холоднее с каждой минутой. Я не знал, как это объяснить, но это было именно так. У меня уже начинало сводить руки от холода.

Медлить было нельзя, и я решил осуществить свой опасный план.

Прежде всего отстегнул ремни, которые удерживали на спине баллоны с воздухом. Сбрасывать их я пока не стал, опасаясь, что потеряю тяжесть и вода затянет меня глубже в пещеру. Потом сделал несколько сильных вдохов и выдохов... И, набрав напоследок побольше воздуха в легкие, сбросил с головы маску и, отталкиваясь о стенки, начал выкарабкиваться из ловушки.

Вот и конец туннеля. Сбросив баллоны на дно, я оттолкнулся посильнее и стремительно помчался кверху, навстречу свежему воздуху, жизни!

СНОВА МЕДУЗА ГОРГОНА!

Казалось, я никогда не достигну поверхности. До нее было дальше, чем до Луны! Воздуха не хватало, мне страшно хотелось поскорее раскрыть рот и вздохнуть, вздохнуть полной грудью! С большим трудом я поборол это паническое желание, а то бы неминуемо захлебнулся.

Но я устоял и разжал рот как раз в тот момент, когда голова моя появилась над водой. Я дышал жадно и глубоко, отфыркиваясь, как тюлень. К счастью, никто меня не услышал. Наверху все оставалось таким же безмятежно-спокойным, как и перед моим погружением. Сияли звезды; точно сквозь сон, тихо шумело море и бормотало в прибрежных скалах. Природе не было ровно никакого дела до моих подводных приключений. Я мог бы остаться навсегда в пещере, а здесь ничего бы не изменилось.

Я поплыл к нашему тралботу, черневшему на фоне звездного неба. Пока я добрался до него, вода стала прямо-таки ледяной. Я с трудом вскарабкался на трап, руки у меня сводило от холода.

На борту все спали. Только когда я, лязгая зубами, пригнувшись, прокрадывался к своему матрацу, кто-то, кажется Сергей, поднял голову и сонно спросил:

— Ты чего возишься?

— Замерз что-то, ходил за одеялом, — ответил я шепотом.

— Замерз? Ты что, заболел?.. — И, уронив голову на подушку, он моментально захрапел.

А я накрылся двумя кусками брезента и все никак не мог согреться. Меня била дрожь. Но мало-помалу волнение и усталость взяли свое, и я крепко уснул.

Во сне я снова лез в какую-то пещеру, задыхался, вскрикивал под водой и захлебывался. Потом кто-то крепко схватил меня за ногу и дернул. Я вскочил.

Это было уже не во сне. Сияло солнце. Облака плыли по небу. Павлик тревожно смотрел на меня и спросил:

— Ты что, заболел?

— Нет. С чего ты взял?

— А чего же кричишь во сне?

Мы услышали плеск весел и приближающиеся голоса. Это подплывали наши товарищи, ночевавшие на берегу. Надо было принимать какое-то решение и объяснять Кратову исчезновение одного акваланга. Я решил ничего не скрывать и все выложить начистоту.

Когда он поднялся по трапу на борт, я поздоровался и сказал:

— Василий Павлович, мне нужно поговорить с вами наедине.

Он подозрительно посмотрел на меня и торопливо ответил:

— Если ты насчет погружений, то прежде надо поговорить с врачами.

— Нет, у меня к вам важное дело.

Все с любопытством окружили нас, прислушиваясь к разговору.

— Хорошо, — кивнул Кратов. — Пойдем в каюту.

Мы спустились в кубрик и сели за узенький откидной столик. Василий Павлович выжидающе смотрел на меня. А я не знал, как же начать свое покаяние.

— Понимаете, какое дело, — промямлил я наконец, — я утопил акваланг...

— Акваланг? Где? Какой?

— Свой акваланг. В пещере. Вы не беспокойтесь, его ребята легко достанут.

— Ничего не понимаю! — помотал он головой. — Пожалуйста, расскажи все толком и по порядку. Какая пещера? Что за акваланг?

Собравшись с духом, я начал ему рассказывать все: как меня осенила во сне догадка насчет пещеры, почему я решил ночью нырнуть один и как едва не застрял в подводной ловушке.

Его загорелое худощавое лицо все время менялось во время моего рассказа. На нем попеременно возникало выражение то изумления, то гнева, то радости.

— И ты действительно нашел эту пещеру? — спросил он, когда я кончил, крепко схватив меня за руку.

— Кажется, — ответил я неуверенно. — Ведь я же не смог в нее проникнуть до конца.

Несколько минут он молчал. Потом задумчиво произнес, пытливо глядя на меня:

— Не знаю, что мне делать с тобой. Когда кончится твой глупый, детский анархизм? Совершить открытие в одиночку! Какая глупая мечта! Откуда такая самонадеянность? Да что ты можешь один? Затонувший корабль нам помогли найти рыбаки. Тропинку к затерянной крепости нащупал твой дядя, метеоролог. Сотни ученых в течение многих лет по крупицам добывали и накапливали сведения о далеком прошлом нашей родины. Так что же ты можешь сделать в науке один?

Я молчал, опустив голову. Разве я сам не понимал, что поступил глупо, по-мальчишески! А он, вздохнув, продолжал:

— По-настоящему следовало бы после этих фокусов просто выгнать тебя из экспедиции. И только одно меня удерживает. Знаешь что? Не то, что ты нашел эту пещеру, совсем нет, не надейся. Победителей тоже судят, ты ошибаешься. Но ты сумел не растеряться в опасном положении и самостоятельно выпутаться из него. Вот это внушает мне надежду, что ты наконец становишься взрослым...

Он неожиданно ткнул меня кулаком в грудь и добавил уже совсем другим тоном:

— Ну, а теперь все наверх! Посмотрим твою находку.

Выйдя на палубу, мы увидели, что Аристов и Светлана надевают гидрокостюмы.

— Зачем? — удивился Кратов.

— Вода очень холодная, Василий Павлович. Просто ужас! — пожаловалась Наташа. — Вы подумайте: вчера было двадцать градусов, а сегодня только шесть.

Тут я вспомнил, что совсем забыл рассказать Кратову о странном похолодании воды, которое так меня удивило ночью. Значит, это мне вовсе не показалось.

— Это сгонный ветер поработал, — пояснил свесившийся со своего мостика Сергей. — Вчера ветер дул с берега. Он и согнал в море всю верхнюю теплую воду. А снизу, с глубины, поднялась более холодная. Так здесь нередко бывает.

— И надолго это? — спросил Кратов.

— Нет, ветер переменился. Я думаю, завтра все снова в норму придет... А тем временем мы перейдем в другую бухту...

— Отсюда уходить рано, друзья мои, — ответил профессор, незаметно для других заговорщически подмигнув мне. — За ночь произошли некоторые события, которые заставляют нас продолжать поиски именно в этой бухте.

Тут, конечно, поднялся шум и гам. Все требовали рассказать, что же произошло. Пришлось мне снова излагать свои ночные похождения.

Услышав о пещере, все, конечно, стали просить Кратова начать ее исследование непременно сегодня. Но старик возразил:

— Вы же слышали, что в пещеру трудно проникнуть даже голому человеку, в одном акваланге. А вы хотите лезть туда в гидрокостюмах. Придется потерпеть до завтра, хотя, поверьте, для меня это отнюдь не легче, чем для вас.

Возражение было, конечно, резонное, и мы, поворчав, смирились. Но ждать было чертовски трудно. Мы все измаялись за этот бесконечный день. Купаться нельзя, вода ледяная. Целый день валяться на пляже — жарко. Мы через каждые полчаса мерили температуру воды, но к полудню она поднялась всего на два градуса.

За этот день мы облазили со всех сторон скалу, в недрах которой таилась пещера. Карабкались по ее склонам, стучали, приложив ухо к горячим камням. Но скала как скала, никаких признаков пустоты внутри нее не было. Я уже начинал сомневаться: а вдруг мои предположения ошибочны и никакой пещеры там нет? Вдруг я нашел вовсе не вход в пещеру, а просто расщелину, которая никуда не ведет?

На следующий день я проснулся рано, когда солнце еще только вылезало из-за лысой горы. И первым делом сунул термометр в воду. Все десять минут, пока он торчал в море, я простоял, свесившись через борт и словно согревая его взглядом.

Сергей оказался прав. Вода снова нагрелась до восемнадцати градусов. Нырять вполне можно. На радостях я сложил ладони рупором и заорал на всю бухту:

— Эге-гей!

Ох, какой гвалт подняли перепуганные чайки, тучами вылетая из-под каменных сводов Золотых ворот! Ко мне подбежал заспанный капитан. Началось какое-то движение и на берегу.

Через полчаса все уже были на борту нашего кораблика, и бодро зарокотал мотор. Сергей подвел тралбот почти к самой скале и дал команду бросать якорь. А мы поспешили на корму, за аквалангами.

Я очень боялся, что Кратов не даст мне нырять вместе с ребятами. Но он ничего не сказал, когда я взял запасной акваланг и стал проверять его. Только поднимая голову, я несколько раз перехватывал его испытующий взгляд.

Проверив снаряжение, мы выстроились вдоль борта.

— В первой паре пойдут Аристов и Козырев, — сказал профессор и посмотрел на меня. — Сам утопил акваланг, сам его и добывай. Вторая пара — Павлик и Борис. Девушки сегодня работают страхующими, пока не прояснится обстановка.

Светлана сердито фыркнула, но Наташа, по-моему, была даже довольна, что ее не пускают в пещеру.

— Первым пусть лезет Николай, — продолжал наш чудесный старик. — Он знает дорогу. Ты, Миша, при малейшей опасности окажешь ему помощь. Кроме ручных фонариков, возьмите прожектор. Сигналы остаются прежними. Время работы — полчаса.

Конечно, срок он, как всегда, отвел нам маловатый. Но на радостях спорить не приходилось. Я торопливо, боясь, как бы Кратов не раздумал, надел маску и полез на трап. Мне подали прожектор в непроницаемом кожухе. Толстый провод, тянувшийся от него, стеснял движения, но зато теперь я не буду блуждать в темноте, как ночью с жалким фонариком.

Под водой Михаил попытался меня обогнать. Я погрозил ему кулаком и поплыл быстрее.

Теперь, пронизанное солнечными лучами, море было приветливым, как всегда, и вовсе не казалось загадочным. Я еще издалека увидел свои баллоны, лежавшие на песке и отбрасывавшие во все стороны сверкающие блики.

Вот и темный вход в пещеру. Как его не заметили раньше? Да ведь никто его и не искал. Мало ли гротов встречали мы под водой и проплывали мимо.

Я зажег прожектор и смело полез в тоннель. Целая стайка мелких рыбешек заметалась в каменной трубе и умчалась куда-то в темную глубину. Прожектор светил так сильно, что был отчетливо виден каждый выступ стены.

Еще несколько метров, и я увидел свою маску. Оказывается, она зацепилась за большую раковину мидии, прилепившейся к своду туннеля! Не стоило никакого труда освободить ее. А ночью?

Высвободив маску, я обернулся и бросил ее Михаилу, который лез за мной по пятам на некотором расстоянии, следя, чтобы не зацепились за камни провод и сигнальный трос, обвязанный вокруг моего пояса.

Дальше туннель начинал постепенно расширяться, поднимаясь полого вверх. Стены его раздвигались. Похоже, что я уже выбрался в пещеру. Тогда я остановился и начал водить лучом прожектора из стороны в сторону.

Внизу, подо мной, что-то тускло блеснуло. Я направил свет в эту точку и подплыл поближе.

Прямо перед собой я увидел в воде какую-то уродливую, страшную рожу. Она показывала мне язык! Да это же снова Медуза Горгона, догадался я. Ее маска была изображена на каком-то круглом большом щите. Оскаленные зубы, выпученные глаза — все должно было, видимо, вызывать чувство страха у врагов.

Поворачивая прожектор, я старался рассмотреть, что еще есть в пещере. Вот вроде какой-то столб или плита, уходящая вверх. За нею на стене нарисованы странные фигуры. Зная, что меня в любой момент могут вызвать на поверхность, я торопился увидеть как можно больше. Рассматривать детали не было времени.

Я направил луч прямо вверх. В том месте, куда он светил, переливалось какое-то радужное пятно. Что это могло быть? Может быть, рисунок на потолке пещеры?

Я начал подниматься медленно и осторожно, опасаясь, как бы не удариться о потолок головой. Но вдруг с удивлением почувствовал, что голова моя словно прорывает какую-то легкую невидимую пленку. В тот же момент давление воды на маску

перестало ощущаться. Я поднял руку с прожектором, — и сразу почувствовал его солидный вес, почти пропадавший в воде.

Тут только я сообразил, что поднялся на поверхность. Вода заполнила пещеру не до самого потолка. Над нею оставался слой воздуха!

С некоторой опаской я вынул изо рта загубник и сделал осторожный вдох. Кто его знает, каким он окажется, этот воздух, сохранявшийся в подземелье двадцать с лишком веков? Но он был самым обыкновенным, чуть влажным, довольно свежим, во всяком случае не затхлым. Видимо, он просачивался по каким-то щелям с поверхности земли. Иначе люди не могли бы прятаться здесь и задохнулись.

Я хотел позвать Михаила, чтобы он тоже глотнул подземного воздуха. Но тот уже сигналил, что сверху приказывают выходить. Сунув загубник обратно в рот, я нырнул и, стараясь не наткнуться как-нибудь невзначай на столб, поплыл к выходу из пещеры.

Выбравшись из туннеля, мы подхватили валявшиеся на песке баллоны и маску и стали всплывать. Наши лица были совсем рядом, а поговорить нельзя. Никак не поделишься впечатлениями! Я видел сквозь стекло его маски, как он гримасничает и таращит глаза. Ему тоже хотелось поговорить.

Мы вынырнули одновременно и, ухватившись за трап, даже не вылезая, начали стаскивать маски.

— Ты видел? — задыхаясь, выпалил я. — Медузу видел?

— Еще бы! — ответил Михаил, тоже с трудом переводя дыхание. — По-моему, золотая.

— Ну да! А вода не доверху. Я вынырнул, а там воздух.

Тут мы увидели, что все участники экспедиции, свесившись через борт, напряженно прислушиваются к нашей сумбурной беседе, и расхохотались.

— Вылезайте немедленно и докладывайте! — закричал Кратов. — Что за секреты!..

ПОТАЙНОЕ СВЯТИЛИЩЕ

— Я должен сам посмотреть пещеру, — решительно заявил профессор, когда мы, перебивая друг друга, рассказали о том, что видели.

Мы опешили: ведь нужно нырять на порядочную глубину, а потом еще ползти по узкому туннелю, заполненному водой. И в то же время нам всем понравилась его горячность и смелость.

— Василий Павлович, но... ваш возраст. И потом... — нерешительно пробормотала Светлана.

— Что «потом»? Возраст у меня вполне зрелый.

— Но по инструкции не полагается, — вмешался я.

Ох, как он на меня свирепо глянул! Наверное, подумал, что издеваюсь над ним, припомнив, как строго он всегда заставлял нас придерживаться этой самой инструкции. Но я, честно говоря, вовсе не подумал об этом, просто боялся за нашего старика.

— Должен же я когда-нибудь нырнуть! — продолжал он, воинственно выставляя свою бородку. И тут же просительно добавил: — Только никому не говорите, пусть это останется между нами. Все-таки ведь нарушение в какой-то степени, вы правы...

Выходит, теперь он нас просил о смягчении жестких правил! Разве могли мы устоять?

Но каждый чувствовал большую ответственность за него, поэтому все сообща стали разрабатывать детальный план. Было решено, что сначала в пещеру отправятся Михаил с Павликом. Они должны захватить с собой пустую автомобильную камеру, чтобы там надуть ее, превратив в своего рода спасательный круг. Потом укрепят под сводом пещеры лампу в тысячу свечей. Вместе с прожекторами, установленными под водой, это позволило бы нам осмотреть все уголки пещеры.

Когда передовые дадут сигнал, что все это сделано, в пещеру направится Василий Павлович в сопровождении Бориса и Светланы. Мы с Наташей оставались на борту для страховки.

Как ни хотелось мне снова поскорее отправиться в пещеру и первому все там осмотреть, я не стал возражать против такого распределения. Моя задача, в сущности, оказывалась самой ответственной: прийти на помощь всем остальным в случае малейшей опасности.

Осуществлять так красиво разработанный план мы начали немедленно. Самой трудной задачей было, конечно, доставить благополучно в пещеру нашего начальника.

С аквалангом он был хорошо знаком и надевал его с нашей помощью умело. Но ведь этого мало, нужно еще здоровье и опыт. Под тяжестью баллонов Василий Павлович совсем согнулся. Тогда мы поспешили опустить его в воду, чтобы он поскорее потерял вес и заодно потренировался в правильном дыхании.

Придерживаясь за трап, он с головой погрузился в воду и сидел там, пуская пузыри.

Михаил и Павлик нырнули, навьюченные лампами, прожекторами и другим снаряжением, и минут через пятнадцать уже подали условный сигнал.

Теперь спустились в воду Борис со Светланой. Они попытались взять Кратова за руки с двух сторон и так провожать в морские глубины. Но старик сердито вырвался и сам первый начал довольно ловко погружаться. Три тени постепенно растаяли в глубине.

Время остановилось. Мы томились на раскаленной палубе, казалось, целую вечность, а товарищи не подавали никаких сигналов. Они все еще были в пещере, пузырьки воздуха не выскакивали на поверхность.

Терпение мое лопнуло, и я дернул разок за сигнальный конец, привязанный к поясу Михаила: «Как себя чувствуешь?» Он ответил тоже одним рывком: «Хорошо».

Тогда я дернул за тросик трижды, приглашая его на поверхность. Он не ответил. Повторил сигнал. Он продолжал молчать. Я был совершенно бессилен: вытащить его оттуда нельзя — зацепится за выступы скалы.

И тут на поверхности моря весело забулькали пузырьки. Кто-то из товарищей возвращался. Не дожидаясь, пока они выйдут из воды, я торопливо спустился по трапу и нырнул.

Мне навстречу поднимались Борис и Светлана, что-то таща в сетке, заменявшей мешок. Проплывая мимо, Светлана восторженно показала мне сразу два больших пальца.

Хотя в туннеле было темно, я пробирался уже уверенно, словно по коридору собственной квартиры. А пещера оказалась вся залита ярким светом. Два прожектора горели под водой, а наверху, под сводами, ослепительно сияла пузатая лампа.

Между потолком пещеры и поверхностью воды оставался промежуток метра в полтора. По этому подземному озеру плавал наш профессор, придерживаясь за спасательный круг из автомобильной камеры. Он то и дело опускал голову в воду и наблюдал за работой Аристова и Павлика.

Увидев меня, Кратов удивился и хотел что-то спросить, но забыл вынуть мундштук изо рта. Смутившись, он исправил эту ошибку и набросился на меня:

— Вы здесь зачем?

— Мне сказали, чтобы плыл вам на помощь, — слукавил я.

— Ничего подобного я не поручал! Но ладно... Раз уж вы тут, помогите-ка ребятам разметить пещеру.

Сверху было не видно, чем заняты под водой мои товарищи. Нырнув, я увидел, что они вбивают колышки в пол пещеры и натягивают между ними проволоку. Старик оставался верен себе: прежде всего следует разметить раскоп на квадраты, чтобы все находки разложить по определенным полочкам...

Я стал помогать им, но невольно то и дело отвлекался, чтобы разглядеть получше находки. В одном углу пещеры были грудой навалены какие-то не то кубки, не то чаши. Они так блестели в свете прожектора, как будто были из какого-то драгоценного металла.

Я едва не наткнулся на каменный столб, который видел при первом посещении пещеры. У его подножия лежали тот самый щит с маской Горгоны, меч, браслеты и кольца, тоже, по-моему, золотые. Рассмотреть их как следует не удалось, потому что Михаил толкнул меня в бок, приглашая приняться наконец за работу.

Работа наша растянулась почти на неделю. Пока мы не разметили всю пещеру, Кратов не позволял ничего сдвигать с места. Каждый квадрат пола с лежавшими на нем предметами мы фотографировали специальным аппаратом для съемок под водой. Одновременно Василий Павлович, который каждый день нырял вместе с нами, составлял точный план пещеры. Для него это оказалось совсем нелегко. Приходилось то погружаться в воду с головой, чтобы рассмотреть находки, то снова выныривать к резиновому плотику, который мы превратили в плавучий письменный стол, положив на камеру широкую доску.

Только закончив все эти подготовительные работы, мы начали выносить находки из пещеры. И, собственно, только теперь как следует разобрались в том, что нашли.

Пещера оказалась довольно просторной. Длина ее достигала без малого девяти метров, а ширина — пяти с половиной. От пола до потолка, образовавшего полукруглый свод, в самом высоком месте было около четырех метров. Во времена Савмака в пещере, да и почти во всем наклонном туннеле было сухо, вода заливала только самый вход в него, но, когда уровень моря поднялся или, может быть, наоборот — опустился берег, пещера оказалась затопленной.

Подробная перепись наших находок заняла почти полную тетрадку. В пещере, словно в музее, оказались собраны самые различные вещи.

Еще издавна она, видимо, служила потайным святилищем тавров. Об этом свидетельствовали два громадных рельефных изображения мужчины и женщины с раскинутыми в стороны руками, вырубленные в одной из стен. Фигуры были очерчены совсем примитивно, словно рукой ребенка.

Перед ними, немного отступя от стены, торчал каменный столб или, точнее, плита. Она вся была разрисована какими-то ритуальными значками. А в верхней части ее, почти достигавшей уровня воды, сверкал золотой диск с расходящимися во все стороны лучами — символ солнечного бога Гелиоса. Точно такое же изображение, как сказал Кратов, есть на обратной стороне монет, приписываемых Савмаку!

— Почему восставшие рабы выбрали такой символ, — ответил профессор на наши недоуменные вопросы, — можно только гадать. Но это не единичный случай. Примерно в то же время восстания рабов потрясали античный мир во многих местах — в Малой Азии, в Сицилии, на острове Делосе, в рудниках Аттики. И вот что чрезвычайно любопытно: восставшие рабы в Пергаме тоже избрали своим символом изображение Гелиоса и провозгласили себя гелиополитами — «гражданами солнца». Вероятно, и Савмака увлекла какая-то мечта о стране счастливых, о «солнечном государстве», где не будет места угнетателям...

Скифы приспособили таврское святилище для своих целей. Может быть, здесь прятались беглые рабы, собирались заговорщики. Более укромное место трудно было бы найти. Здесь они мечтали о солнечной стране...

Перед изображением Гелиоса покоился на полу плоский камень. На нем сохранились следы костра. Вероятно, здесь пылал священный неугасимый огонь. А по бокам стены с золотым солнечным диском стояли два изумительных глиняных светильника. Один изображал сирену в виде полуженщины-полуптицы, а второй — богиню Афродиту, выходящую из морской раковины.

— Работа несомненно греческая, — сказал о них Василий Павлович. — Вероятно, привезены из Афин и украшали какой-нибудь дворец, а скифы, захватив власть, перенесли их сюда. Среди них оказались истинные ценители красоты, хотя рабовладельцы и пытались превратить их в рабочих животных, в домашнюю скотину.

Еще более причудливое смешение самых различных вещей мы обнаружили в углах пещеры. Чего тут только не было свалено в беспорядочные груды! Золотые и серебряные чаши, блюда, щиты, мечи, какие-то цепочки с драгоценными камнями. Это и были сокровища, о таинственном исчезновении которых сетовали алчные захватчики крепости. Теперь они попадут в музеи, чтобы все могли полюбоваться искусством древних мастеров.

Описывать все эти замечательные находки было бы слишком долго, да и бесполезно. Их надо видеть собственными глазами. Но некоторые мне особенно запомнились и понравились.

Там была громадная, вполобхвата, золотая фиала, сплошь покрытая удивительными живыми и выразительными рельефными фигурками зверей: львы терзали быстроногих антилоп, над ними кружили орлы, распластав широкие крылья...

Нашим девицам особенно понравилось круглое серебряное зеркало. Оборотная сторона его была покрыта особым сплавом — электром, и на нем выгравировано изображение сидящей и отдыхающей крылатой богини победы Ники.

Увы, она недолго сопутствовала восставшим... Мечты о солнечном государстве растоптали гоплиты. Для немногих уцелевших потайная пещера стала последним прибежищем. Сумели ли они перехитрить врагов и, переждав здесь опасность, ночью выскользнуть через подводный ход на свободу, уйти в большой мир, чтобы снова скитаться, прятаться, разносить по другим городам и

странам неугасимые искры восстания? Или враг устроил засаду, караулил их и они предпочли погибнуть в этом подземелье от голода и жажды, но не сдаться?

Для одного из помощников Савмака пещера несомненно стала гробницей.

Я упоминал, что посреди пещеры, возле очага, лежали на полу золотые украшения, меч и щит с головой Медузы Горгоны. Оказывается, они валялись не как попало. Нанеся эти находки на план, Василий Павлович вдруг воскликнул:

— Постойте, да ведь это же погребение! Теперь понятно, почему украшения расположены в таком странном порядке. Видите? Здесь лежал человек.

Присмотревшись, мы тоже как будто начали различать очертания лежавшего здесь некогда распростертого человеческого тела. Кольца отмечали положение его пальцев, браслеты украшали запястья, щит покоился на груди убитого воина, а меч с отделанной золотом рукояткой был положен рядом с телом.

Но куда же девалось само тело? И вдруг мы поняли: оно бесследно растворилось в море. Если бы вода не залила пещеру, тело покойного, может быть, превратилось бы в мумию, высохло. Но море поглотило героя навеки, и только погребальные украшения сохранили для нас его тень...

Кто он был? В письме, найденном в цисте, упоминались два сподвижника Савмака, скрывшиеся в крепости, — Бастак и Аристоник.

— Скорее всего, здесь погребен Бастак, — размышлял профессор. — Погребение типично скифское: рельеф на ручке меча в характерном «зверином» стиле, и сам меч короткий, массивный эфес с крестовидной сердцевиной. Типичный акинак. Но изображение Медузы Горгоны на щите, конечно, греческое. Восставшие могли похоронить и грека Аристоника на скифский манер. Во всяком случае, это еще раз подтверждает, что в восстании принимали участие не только рабы-скифы. Оно стало подлинной революцией всех угнетенных против рабовладельцев.

Меня немножко разочаровало, что не нашлось никаких рукописей или записок о ходе восстания. Но эта мечта и не могла осуществиться, как я потом сообразил. Ведь у скифов еще не было письменности, а рабов никто не учил грамоте. Да и кому пришло бы в голову вести какие-то записи в горячке смертельной битвы?

Но это не беда. Когда ученые как следует разберутся в подводных находках, мы наверняка узнаем что-нибудь новое о восстании отважных людей, еще тысячи лет назад мечтавших построить на нашей земле светлое Государство Солнца...

ЭПИЛОГ... ИЛИ ПРОЛОГ?

...Сейчас зима. Я сижу за столом и вспоминаю наши летние приключения. Кажется, о них рассказано уже все. Но история моя на этом не кончается.

Нужно ли говорить, что я в этих поисках под водой нашел не только разные удивительные вещи, но и свой жизненный путь, свое призвание? Наверное, вы сами уже догадались об этом по тому увлечению, с каким вел я рассказ. Дядя Илья может быть спокоен: я приобрел стержень, необходимый каждому человеку. Василий Павлович и друзья, обретенные под водой, помогли мне, и теперь я студент-заочник первого курса исторического факультета МГУ. Я твердо решил разобраться до конца в печальной судьбе отважного Савмака и в других загадках истории.

Частенько я наведываюсь в музей, где со щита, лежащего в отдельной витрине, смотрит на меня золотая маска Медузы Горгоны. На витрине надпись: «Найдена в Карадаге (Крым) подводной археологической экспедицией профессора В. П. Кратова».

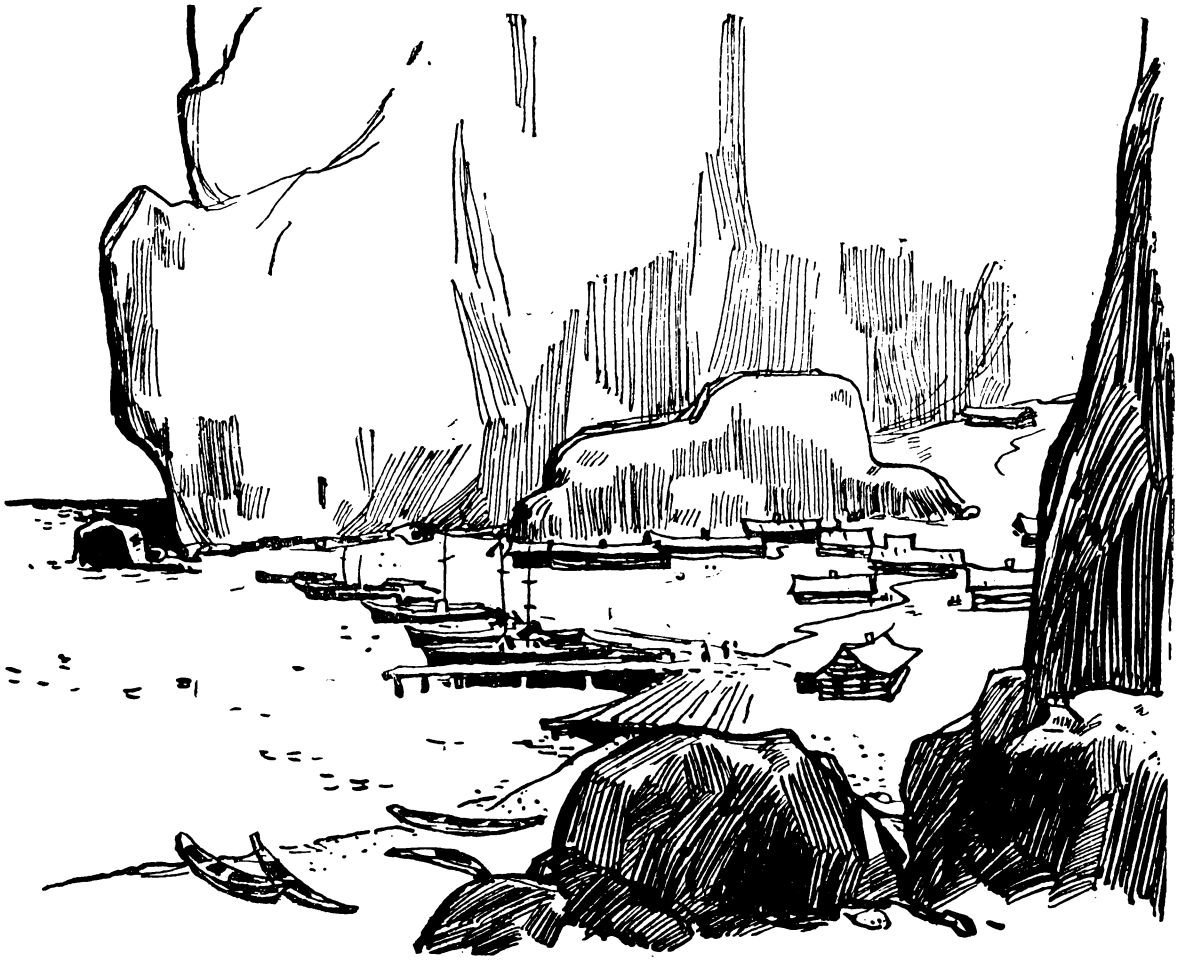
Я смотрю на искаженное гневом лицо Медузы, показывающей мне язык, и думаю: сколько еще загадок ожидает нас в морских глубинах? И мы непременно разгадаем их!

Надо проверить, нет ли какой связи между этой маской и таким же клеймом на амфорах.

Летом снова отправимся в море продолжать раскопки затонувшего корабля. Там могут таиться в песке и другие цисты с древними рукописями.

И подземное потайное святилище еще нуждается в детальном исследовании. Там могут оказаться подземные ходы, другие пещеры.

Множество приключений и открытий ожидает нас впереди. Значит, история эта вовсе не кончается, а только лишь начинается...

ЕВГЕНИЙ РЫСС

ОСТРОВ КОЛДУН

ПОВЕСТЬ

Глава первая

НОВЫЕ МЕСТА — НОВЫЕ ЛЮДИ

Некоторые, и даже очень неплохие, ребята говорят, что иметь младшую сестру хорошо. Я с этим не согласен. Правда, может быть, все дело в том, какая попадается сестра. Мне лично не повезло, и от моей Вальки я, кроме неприятностей и хлопот, ничего не видел. Еще пока мы были в Воронеже, с ней было легче. Там у нее были подруги, у них были свои дела, и она не особенно ко мне приставала. Но, когда мы переехали на север, в становище Волчий нос, от нее прямо житья не стало.

Надо объяснить, почему мы уехали из Воронежа. Папа наш был доктор, а мама — медицинская сестра. И вот пять лет назад папа умер. Я его хорошо помню, а Валька не помнит совсем. Она все время ко мне пристает: расскажи, мол, да расскажи, какой был папа, а я не понимаю, что я могу рассказать. Мы с ним про многое разговаривали. Конечно, про наши мужские дела, которые Валька все равно не поняла бы. В воскресенье ходили гулять. Иногда брали Вальку, но редко. Это понятно. Мало того что она девчонка, ей в то время было только пять лет, так что с ней папе было неинтересно разговаривать. А со мной интересно. Во-первых, мы оба мужчины, во-вторых, мне было уже восемь лет, так что мы не успевали обо всем переговорить. Даже когда мы и брали Валю, она не особенно нам мешала. Возится в песке, или в снегу, или в мячик играет, словом, занимается какой-нибудь ерундой, а мы сидим и разговариваем и разговариваем, и всегда из одного вытекало другое. Скажем, один вопрос обсудим, сразу начинаем обсуждать другой.

Потом мы с папой стали ходить на лыжах. Папа всегда говорил, что у меня хорошо получается. Я много падал сначала, и мы каждый раз оба смеялись. Потом я меньше стал падать. В общем, что говорить, папа был человек настоящий. Что я могу о нем рассказать? Настоящий! Это все говорили. И другие врачи из больницы, и просто знакомые. Он и умер, как человек настоящий. Ездил оперировать одного больного километров за сорок от Воронежа, и на обратном пути, представьте себе, машина ушла в полынью на Дону. Шофер был нездешний, только приехал, мест не знал. Папа и шофера вытащил из ледяной воды и сам выбрался, и потом им с шофером пришлось километров пять по морозу идти, а у папы были больные легкие, и он тяжело заболел. Его все профессора лечили, но ничего сделать было нельзя. Нас с Валей к нему привезли в больницу, а он смеется, какие-то веселые истории рассказывает, говорит, чтобы мы маму слушались, ну, все, как всегда. А через день умер. Мы с мамой были на похоронах, а Валю не взяли, с ней соседка осталась. Очень много было народу, и плакали многие, и речи говорили.

А Валька все пристает, чтобы я ей какие-то подробности про отца рассказал. Какие же тут подробности? Настоящий был человек — вот и все дело.

Ну, мать у нас тоже молодцом оказалась. Я уже говорил, что она была медицинской сестрой, получала немного. Другая бы, может, раскисла, а наша нет. Нам, правда, помогали, пособие дали, мне и Вальке пенсию, пока мы не вырастем, а все-таки было трудно. И вот тут наша мать вдруг сказала: буду учиться на врача.

Да, уж насчет нее можете быть спокойны, она не из тех, которые распускаются.

Валю пришлось отдать в детский сад. В такой, из которого только на воскресенье домой берут, а мы с мамой кое-как справлялись. На меня, конечно, легло много хозяйственных забот: бывало, и за хлебом надо сходить, и молоко принести, и комнату убрать, и еще куча дел. Уроки я успевал выучить, а так просто пойти с ребятами по городу поболтаться — это уж приходилось редко. Ну, и маме доставалось. Бывало, проснешься среди ночи, а она все сидит занимается. Тут жаловаться не приходилось. Когда видишь, что другой больше тебя работает, так что будешь делать!

Правда, больница всегда шла маме навстречу. И практику она в своей больнице проходила, и дежурства ей так назначали, чтобы легче было учиться. Три раза местком нас с мамой отправлял отдыхать. В общем, так или иначе — кончила мама институт и стала врачом. И назначило ее само Министерство здравоохранения далеко на север, на Мурманский берег, в становище Волчий нос.

Мы доехали поездом до города Мурманска, а там сели на пароход. Я до этого времени никогда не видал моря и когда увидел, то очень испугался. День выдался угрюмый, пасмурный, море волновалось. Потом-то я видывал настоящие волны и знаю, что тогда волнение было пустяковое, ну, а для первого раза мне и это показалось страшно. Валька — та даже в слезы ударилась. Но я начал ее успокаивать и утешать и говорить, что ничего тут опасного нет. И как-то незаметно сам успокоился. Пароход отошел вечером, и нас с Валькой сразу же укачало. Она хныкала, а я ничего, крепился. Потом мы оба заснули. Проснулись, вышли на палубу, а уже пароход на рейде, и видно становище Волчий нос, и к нам катер спешит за пассажирами.

Теперь я вам объясню, что такое становище. Это не город и не деревня. Это совсем особая штука. Значит, представьте себе так: прежде всего вы видите темные голые горы и ничего на них не растет — ни леса, ни травы. Просто камень и камень. Стоят эти горы полукругом, высокие, мрачные, только кое-где белые пятна — это еще снег не стаял. Дело-то было весной. И вот между этими горами большая бухта. Ну, залив, что ли. А в глубине залива горы отходят подальше от моря и там плоский берег. На этом плоском берегу бревенчатые пристани, а к ним пришвартованы, это если по-сухопутному сказать, значит привязаны, моторные боты. Много их, штук, наверное, тридцать. Вдоль моря идет песчаная полоса, ну, вроде как пляж, что ли. Только купаться с этого пляжа нельзя, потому что вода тут всегда холодная, даже в самое жаркое лето. Ну, а за пляжем дома. Дома бревенчатые, есть и в два этажа, но больше одноэтажные. В общем, честно сказать, с Воронежем не сравнишь. У нас какие здания, в Воронеже! Это ж просто чудеса архитектуры. Многие есть даже с колоннами. Потом сады, машины, трамваи, автобусы, асфальт блестит, ну, словом, красота. А здесь даже мостовых нет. Песок. Так по песку прямо и ходят.

Валька опять расхныкалась: поедем, говорит, назад. Удивительное дело! Десять лет девчонке, и не может понять, что так просто это не делается — приехали и уехали. На маму министерство рассчитывает, знает, что в Волчьем носу есть доктор, больные ждут, может быть, волнуются. А эта на́ тебе: поедем назад! Говорит, а не думает, что говорит.

Ну хорошо. Кое-как я ее успокоил, а тут катер подошел, и на катере человек шесть, и все, оказывается, нас встречать. Кроме нас, оказывается, никто высаживаться на берег не собирается. Люди оказались ничего, веселые. Один старик на одну руку меня взял, на другую Вальку и снес в катер. Со мной-то, наверное, не следовало так делать, в тринадцать лет нечего человека на руках носить, да ладно, он не со зла. Он, правда, молчал все, но я видел: в бороду улыбается. Потом оказалось, что это очень уважаемый здесь капитан Коновалов, настоящий старый рыбак. Даже крупные специалисты с ним советуются, потому что он замечательно море знает. Зовут его Фома Тимофеевич, и его отец и дед моряками

были. Сын у него в море погиб, и он внука растит — Фому. Ну, о Фоме потом речь. Про него мне много говорить придется. Кроме Коновалова, был председатель сельсовета, председатель колхоза и две медицинские сестры. В общем, все так хорошо нас встретили, выгрузили наши вещи, а капитан парохода очень любезно простился с нами и погудел на прощание. Потом на катере мы доехали до пристани, и тут тоже народ собрался, какие-то женщины-рыбачки, и матросы, и капитаны, так что по улице мы шли целой толпой. Мы трое в середине, а и сзади, и спереди, и с боков народ. Прямо будто мы делегация какая-то.

Привели нас в больницу. Больница двухэтажная, каменная. Ее только недавно построили. Стали мы больницу осматривать. Есть и рентген, и операционная, и в палатах чистенько. Лаборатория маленькая, своя аптечка. Словом, хорошо. В этом я кое-что понимаю. Все-таки и отец врач и

мать врач. Здесь же, при больнице, и наша квартира. Тоже нам понравилась. Две комнаты, кухня, мебель вся уже расставлена. И у нас с Валей, у каждого, отдельный стол для занятий. Приятно, что люди подумали: у докторши, мол, двое детей, обоим учиться нужно.

В общем, ходили мы по дому, осматривали, а потом я от других отстал и на улицу выбежал.

Смотрю — стоит возле дома паренек лет двенадцати. Ростом, пожалуй, пониже меня, но в плечах широкий, в высоких сапогах, таких, что другому взрослому велики будут. Руки большие, каждый палец, как два моих. Стоит, ноги расставил, лицо хмурое и смотрит на меня исподлобья.

— Ты, — говорит, — докторши сын?

— Я, — говорю.

— Ну, здравствуй.

Протянул руку, да так зажал в своей руке мою, что я чуть не вскрикнул, но удержался.

— Вы, — говорит, — откуда приехали?

— Из Воронежа, — говорю.

— У вас там, — говорит, — небось какое-нибудь южное море?

Я говорю:

— Нет, у нас там моря совсем нет, у нас река.

— Как это, — говорит, — моря нет! Совсем-совсем никакого?

— Совсем-совсем, — говорю, — никакого.

— Врешь ты, наверное!

— Вот, — говорю, — чудак! Ты думаешь, все города на море? А люди и без моря живут, да еще как хорошо живут!

— Не понимаю, — говорит парень, — как жить без моря. Ну, иногда, конечно, на суше надо побыть — в школе учиться приходится, в баню сходить, кино поглядеть, — а жить надо на море. Дед мой говорит, что человек животное морское.

— А кто, — спрашиваю, — твой дед?

— А дед мой, — говорит, — Фома Тимофеевич Коновалов, самый, — говорит, — замечательный капитан.

— А тебя, — спрашиваю, — как звать?

— И меня, — говорит, — Фома Тимофеевич Коновалов. У нас, — говорит, — все через раз или Фомы, или Тимофеи. А ты что ж, никогда и не видел моря?

— Нет, — говорю, — вчера в первый раз увидел.

— Так. — Он посмотрел на меня подозрительно. — Ну, и как оно тебе нравится?

Мне-то море совсем не понравилось, но я подумал, что ему это может показаться обидным.

— Да ничего, — говорю, — море. Приятное, — говорю.

Он мне, кажется, не очень поверил, но спорить не стал.

— Ну, — говорит, — коли так, будем с тобой дружить. Пойдем, — говорит, — я тебе коллекцию свою покажу.

— Что, — спрашиваю, — за коллекция?

— Там, — говорит, — много всякого: и крабы, и морские звезды, и губки, и акульи зубы.

— Ну что ж, — говорю, — если ненадолго, пожалуй, пойдем. Может, меня и не хватятся.

Только мы собрались идти, как, конечно, выскочила Валька.

— А, — говорит, — вы без меня куда-то собираетесь! Обмануть хотели! Небось куда-нибудь в интересное место идете. Я с вами хочу.

Я посмотрел на Фому, Фома — на меня. Он, видно, понял, что от нее все равно не отвяжешься. Пожал плечами и говорит:

— Пускай идет.

Мне половина удовольствия была испорчена. Фома показался мне парнем серьезным, и мы с ним могли бы о многом поговорить, ну, а при Вальке какой-уж тут разговор! Все равно будет во все вмешиваться и нести свою девчоночью ерунду.

Мама говорит, что раз она моя младшая сестра, то я должен ей помогать, объяснять ей все и защищать ее от чего-то. Ну, защитить-то, я думаю, она сама себя защитит, такой у нее характер, а вообще-то я согласен и помогать и объяснять, только бы она в мои дела не лезла. Но вот как раз этого от нее и не дождешься. Прилипнет — и ничего не сделаешь.

Глава вторая

КАПИТАН КОНОВАЛОВ БОЛЕН

Так стали мы жить в становище Волчий нос. Поначалу нам все казалось странным. Тут вся жизнь в море. Рано утром выходят боты на лов. Стучат моторы, потом стук становится все тише, боты выходят из бухты, а дальше, за бухтой, — открытое море до самого Северного полюса. Вода и вода, и ничего в этом хорошего нет.

Хотя, конечно, красиво. Море огромное-преогромное, а ботики маленькие, так что даже страшно за них. Вдруг буря начнется, что с ними будет! Но Фома говорит, что ничего тут страшного нет. Раньше действительно много погибало, потому что ходили на парусах или в крайнем случае со слабыми моторами. А сейчас моторы мощные, и с таким мотором выстоять всегда можно. Это одно. А другое — это то, что теперь погоду предсказывают. Только где-то на севере зародится шторм, а уже по радио сообщают: ждите, мол. И на пристанях вывешивают сигналы. Если, скажем, погода будет хорошая, один сигнал, если ожидается шторм — другой. Каждый рыбак, отходя от пристани, уже знает, чего ему сегодня ждать. Так что несчастья бывают очень редко. Все-таки, конечно, еще бывают. Вот и отец у Фомы погиб в море. Но тогда, говорят, ужасная была буря.

Я хотел расспросить Фому поподробнее про его отца, но мне показалось, что он об этом говорит неохотно. Про нашего отца я ему рассказал. Он подумал и сказал:

— Хороший, видно, был человек и погиб хорошо.

Мне это было очень приятно. Если человек сразу понимает такое, значит, ему можно верить.

Вечером боты возвращались. Казалось, даже моторы стучали иначе, как будто устали, проработавши день. Ну и рыб же они привозили! Даже поверить трудно, что такие бывают. Красные морские окуни с высунутыми языками, огромная треска, пятнистые зубатки со страшными челюстями, плоские скаты, у которых рот на животе и хвостик как у крысы, черные морские черти — пинагоры, огромные плоские палтусы. Вместе с рыбами попадали в сети крабы, морские звезды, губки, морские коньки, водоросли.

Раньше мне казалось море безжизненным и пустым, а теперь я стал понимать, что оно живет и хранит огромнейшее богатство. Рыбу сортировали, чистили, часть засаливали в огромных чанах, часть увозили на холодильник. Словом, по вечерам было очень интересно, а днем становище было пустынно, только женщины и дети оставались на берегу да еще на ремонтной базе мужчины работали.

В школе занятий не было, но мы с Фомой все-таки часто туда ходили. Фома был председателем биологического кружка. Они собирали коллекции. По вечерам мы с Фомой и другие ребята рылись в сетях и если находили особенно большого краба или звезду необыкновенной формы, словом, что-нибудь интересное, то тащили в школу. Акулы в сети моторных ботов не попадали. Сети были малы. А вот траулеры — это большие рыболовные суда, у них база в Мурманске, — те часто берут акул. Так что многие ребята собирали акульи зубы. Их привозили из Мурманска, а иногда случайно в бухту заходил траулер, и матросы охотно дарили ребятам всякие редкости.

В общем, жили мы ничего, не скучно. Мама даже стала ворчать, что я совсем отбился от книг, ничего не читаю и целыми днями где-то бегаю. Но я ей объяснил, что это естественно. Я попал в новые места, надо их изучить, осмотреть как следует. Она махнула на меня рукой и только требовала, чтобы я вовремя приходил к обеду и ужину.

Мама сама много работала. Оказалось, что в больнице и аппаратов каких-то не было, и каких-то лекарств не хватало. Она звонила в Мурманск, волновалась, сердилась. Потом с каждым пароходом стали приходить посылки. Иногда в Мурманске что-нибудь путали, присылали не то, что надо, и опять начинались волнения. Потом одному больному надо было сделать операцию, и мама страшно нервничала и две ночи провела у его постели. В общем, хлопот хватало. Но настроение у нее было хорошее. Народ здесь оказался славный, в помощи никто не отказывал.

Одна Валька бушевала. Просто мы замучились: куда мы, туда и она. Никак ей нельзя было втолковать, что у нас есть свои дела и свои разговоры и нечего с нами делать девчонке.

Однажды Фома мне сказал:

— Вообще-то я твою Вальку не замечаю, мне все равно, что она есть, что ее нет. Я в девчонках толку не вижу. Но завтра мне надо с тобой поговорить, я должен тебе рассказать очень важные вещи, так что ты уж как хочешь, а приходи один. Мы с тобой уйдем в горы, я там знаю места, где она нас, может быть, и не найдет. А в становище от нее никак не спрячешься.

Вечером я с трудом заснул, так мне было интересно, о чем хочет рассказать Фома. А утром, проснувшись, я пошел умываться, вышел из дверей и убежал. Я решил, что умыться успею в другой раз.

А разговор с Фомой о чем-то важном бывает не каждый день.

Я свистнул под окном у Фомы, и он сразу же вышел. Мы направились к каменной высокой горе, но оба поглядывали назад. Все нам казалось: сейчас выскочит Валя и закричит, что мы опять от нее удираем и что она обязательно хочет с нами. Вот до чего довела нас эта девчонка! Но все обошлось благополучно, мы взобрались по каменистому склону и зашли в расселину. Тут Фома успокоился, сел на камень и с облегчением вздохнул.

— Слушай, — сказал он, — дед мой, Фома Тимофеевич, что-то скрипеть стал.

— Как это — скрипеть?

— Ну, словом, боли какие-то у него, колет где-то. В общем, ерунда всякая. Ладно. Пошел он к Наталье Евгеньевне, думал — она порошки даст, все и пройдет, а она, понимаешь, такой разговор повела, что ему, мол, в море ходить нельзя, надо, мол, на пенсию уходить, или в крайнем случае спокойную работку на берегу подыскать. Старик, конечно, расстраивается. Без моря-то как же? Тем более, он и не старый, ему восьмидесяти пяти еще нет, только осенью исполнится, а она, понимаешь, уперлась. И председатель поддерживает. Говорит, что раз медицина считает, так нечего спорить. Словом, плохо у нас. Дед туча тучей, бабка помалкивает, но плачет. И в самом деле, как старику без моря? Привык.

— Да, — сказал я. — Чего же ты хочешь?

— Может, ты с матерью поговоришь? — хмуро сказал Фома. — Ты объясни ей: старик только морем держится. Если он на берегу останется, все хворобы на него нападут. Это уж я верно говорю.

Я задумался. Мне, конечно, очень хотелось помочь Фоме. Да и старик был замечательный, удивительный просто старик. Но я стал представлять себе, как я начну разговор с матерью, и что-то ничего у меня не получалось. Скажет она мне: «Не лезь, мол, не в свое дело, станешь, мол, врачом, тогда и будешь лечить, а пока тебе еще самому учиться надо». И что я ей отвечу?

— Значит, не хочешь? — мрачно спросил Фома. — Конечно, к рыбакам ходить да языком болтать — тут все товарищи, а человеку помочь не каждый берется.

Сначала я на него рассердился. Надо же все-таки понимать, что я бы с охотой, у меня только возможности нет, а потом посмотрел на него, и стало мне Фому жалко. Сидел он насупившийся, мрачный, и видно было, что ему очень плохо.

— Ладно, — сказал я, — поговорю.

Фома сразу повеселел. То есть если бы какой-нибудь человек не знал его, так тому человеку и сейчас показалось бы, что он мрачен, но я-то его уже знал и понимал, что настроение у него хорошее.

— Ты сегодня поговори, — сказал Фома, — а завтра я тебя здесь ждать буду. Ты место запомнишь?

— Место запомню, — сказал я, — а вот как от Вальки удрать, не знаю.

— Ты ей скажи, — решил Фома, — что я ей велел в час дня ко мне прийти, краба,

мол, хочу подарить. Она у меня краба все просит. Она пойдет, меня не застанет, а ты пока сюда и прибежишь.

Конечно, Валька — прилипала ужасная, но все-таки обманывать человека некрасиво. Однако другого способа не было, а разговор действительно был серьезный. Я согласился, и мы разошлись.

Шли мы отдельно: я по одной улице, Фома — по другой. Я решил сказать Вале, что просто мне одному захотелось побыть, а где Фома был, не знаю. Валя, однако, ничему этому не поверила, и, сколько тут было разговоров, вспомнить противно! Она даже заплакала. По совести сказать, не могу я смотреть, как женщины плачут. Другой раз понимаешь, что плачут из-за ерунды, а все равно неприятно. В общем, кое-как это уладилось. Мы целый день были вместе с Валькой, ходили с ней на пристань и даже бегали наперегонки, как маленькие. Фома подарил ей камень, похожий на человеческую голову. Ему, кажется, тоже было неприятно, что мы Вальку обманываем.

Валька совсем утешилась, развеселилась, и день прошел ничего. Вечером легли мы спать, а мама сидела у себя в комнате и читала журнал. Ей теперь привозили пароходы разные журналы по медицине. Эти журналы так написаны, что, если человек не врач, он даже не поймет, о чем там речь. Просто какие-то бессмысленные слова. Только врачи понимают. Я-то думаю: почему бы не написать просто? Если, мол, у человека справа колет, так давать такой-то порошок, а если, скажем, слева, то капли. Тогда каждый мог бы себя сам лечить и все было бы понятно.

Ну хорошо. Стал я ждать, пока Валька заснет, и чуть сам не заснул. Кое-как удалось мне продержаться. Когда Валя стала посапывать, я встал и отправился к матери. Так она и сказала, как я предполагал. И что, мол, не мое дело, и что мне учиться надо, а не учить других, и что вырасту, стану врачом, тогда и буду решать. Я все это выслушал и сказал:

— Ты, мама, конечно, как всегда, права.

Я-то думаю, что она не всегда бывает права, но почему не сказать человеку приятное? Потом я пошел было к себе, но в дверях остановился. Все-таки хотелось мне хоть чем-нибудь помочь Фоме Тимофеевичу и маленькому Фоме. Тогда я вернулся, сел против нее и рассказал ей все, что мне говорил Фома. То есть я рассказал ей больше. Фома говорит всегда очень мало, а надо угадывать, что он думает. Он, скажем, говорит «плохо», и все, а надо представить себе, как плохо и почему. Вот я все это и расписал. И как Фома Тимофеевич целые ночи сидит у окна и вздыхает, да так, что у Марьи Степановны, его жены, сердце надрывается, как она плачет целые ночи, как Фома огорчается, как у них теперь мрачно в доме, как товарищи Фомы Тимофеевича приходят пожалеть старика, посочувствовать, а старик обижается на это, ему оскорбительно, что его жалеют. Словом, такого наговорил, что сам чуть не заплакал.

Мать сидела, смотрела на меня, слушала, а потом, когда я замолчал, потому что так растрогался, что у меня даже дыханье сперло, она сказала:

— Фантазер ты у меня, Данька. Не знаю, что из тебя получится. — Потом еще помолчала и сказала вдруг совсем неожиданно: — А в общем-то ты прав. Иди спать, я подумаю.

Я-то знаю, что, когда мама говорит «я подумаю», это почти то же самое, как если бы она дала честное слово, что сделает. Но пойди это объясни Фоме. Я, как мы условились, отослал Вальку за крабом, сказал, что сам не пойду, потому что у меня нога заболела, и побежал на гору. Фома меня уже ждал. Я рассказал ему все, и он стал очень мрачен.

— Так, — сказал он. — Подумает, значит. У людей беда, а она думать будет. Так.

Как я ему ни объяснял, что это замечательно — то, что мама так сказала, что можно уже считать дело сделанным и что, конечно, Фома Тимофеевич сможет теперь и в море ходить и все, Фома мне ни чуточки не поверил. Он махнул рукой и сказал:

— Ладно, пошли домой.

Вернулись мы в становище мрачные, а тут еще Валька задала такой концерт, что вчерашний показался нам пустяками. Фома отдал ей краба, но это не помогло. Он дал еще другого краба, две морские звезды, кожу зубатки, но Валька бушевала. Тогда Фома посопел, вздохнул и дал ей акульи зубы. У него у самого было только две пластинки. Тут Валька уступила, и ссора кончилась.

Глава третья

СТЕПАН И ГЛАФИРА. ФОМА СЕРДИТСЯ

Теперь мне надо рассказать о совсем новых людях. Во-первых, приехала из Мурманска Глафира. Глафира раньше, еще до нашего приезда, работала в больнице медицинской сестрой. Она была трусиха. Конечно, все люди чего-то боятся — один одного, другой другого. Глафира боялась всего. Она боялась мышей и тараканов, она боялась собак и кошек. Если ей нужно было поставить больному пиявки, она так этих пиявок пугалась, что падала в обморок, и вся больница вместе с больным приводила ее в сознание. Когда ей нужно было больному впрыснуть какое-нибудь лекарство, она тряслась и бледнела, будто больно должно было быть не больному, а ей. Поработав с полгода в больнице, она поняла, что при ее характере медицинской сестры из нее не получится. Тут она прослышала, что в Мурманске открываются курсы книготорговли, и решила, что это самое подходящее для нее дело. Торговать книгами, — что может быть спокойнее и тише.

Надо сказать, что в становище книжного магазина еще не было. Глафира, однако, рассудила, что если уж будет продавец со специальным образованием, то и магазин откроется. Тем более, что председатель сельсовета обещал выделить помещение. Вот она и поехала в Мурманск.

Проучившись три месяца, Глафира получила звание «книжного продавца с правом заведовать книжными магазинами третьего разряда» и вернулась в становище.

Она сразу пришла в больницу, потому что дружила с медсестрами, и мы поэтому сразу с ней познакомились. Она была веселой, смешливой, румяной девушкой, и по виду никак нельзя было сказать, что она такая трусиха. Она сама чуть не до слез хохотала, когда рассказывала, как всего боится. Она вообще по всякому поводу хохотала. Ей было смешно и то, что новая докторша, и то, что у докторши двое детей, и то, что ее подруга вышла замуж. А, кажется, смешнее всего ей было то, что она такая трусиха. В Мурманске ей не понравилось. Шуму много и страшно. «Справа одна машина, — рассказывала она, — слева — другая, а сзади третья гудит. А меня от страху с ног сшибает, бегу, кричу, ужасто!» — И она хохотала до слез, сама понимая, как это смешно, что молодая, здоровая девушка боится ходить по улице.

Пока что она оставалась без всякого дела. Книжный магазин не открывали, да, кажется, и не собирались открывать. Намеченное под магазин помещение занято было аптекой. Дело в том, что мать потребовала, чтобы в становище была аптека, независимая от больничной. Не годится, чтобы в больницу все ходили за лекарствами: и грязно, и могут инфекцию занести — непорядок.

Словом, осталась Глафира со своим образованием без магазина. Мать звала ее обратно в больницу, но Глафира только хохотала:

— Что вы, Наталья Евгеньевна, да я каплю крови увижу и в обморок падаю, какая же из меня сестра!

Словом, вопрос остался открытым.

Утром приехала Глафира, а вечером, как только боты вернулись с моря, пришел Степан Новоселов. Пришел он в шевиотовом синем костюме и при галстуке.

Степана Новоселова я знал уже раньше. Ему было двадцать шесть лет. Старики, такие, как Коновалов, в этом возрасте человека еще и моряком не считают. Они думают, надо лет тридцать поплавать, тогда только о человеке всерьез можно говорить. Но к Степану Новоселову даже они относились с уважением и иногда называли по отчеству: Степан Васильевич. Степан был матрос, но не просто матрос. Лучшие капитаны наперебой звали его к себе. Все знали, что другого такого работника не найдешь. Болтать зря он не любил, но и не был таким молчаливым, как, например, Фома. Человек был простой, душевный, никогда не пил, хорошо играл на аккордеоне и участвовал в клубном хоре. Любил и так просто петь с компанией. В становище у многих были хорошие голоса, так что пройдут по улице с песнями или уйдут подальше, чтобы не мешать людям, и доносится издали до становища старая рыбацкая песня, тихая, медленная, печальная. И за то, что он хорошо поет, его уважали тоже. В становище ценили песни и знали в них толк.

Так вот, вечером пришел Степан и позвал Глафиру гулять. Как только он появился, медсестры страшно разволновались. Глафира, увидев его, покраснела, начала

смеяться, но гулять пойти согласилась. Они пошли по улице, а медсестры смотрели им вслед и болтали про них. Мы, конечно, с Валей толкались рядом, но старались особенно на глаза не попадаться. Лучше, когда на тебя не обращают внимания, всегда можно больше узнать. Из разговора сестер мы поняли, что Степан второй год уговаривает Глафиру выйти за него замуж и она даже согласна, но только ставит одно условие: чтобы он бросил море. Он, конечно, ни за что не хочет. Он из морской семьи и на море вырос, ему без моря никак нельзя. Вот они и не могут поладить. Глафира говорит приблизительно так:

«Вот вы, Степа, уйдете в море. Да ведь я, если ветерок подует, при моем характере от страху сразу помру. Да ведь я спокойной минуты иметь не буду. Я и сейчас-то на море смотреть не могу, а уж если у меня там любимый муж будет, так мне пропадать совсем. Уйдите с моря, Степа, мало ли работы на берегу? Вы при вашей умелости и на механика выучитесь без труда, будете на ремонтной базе работать, да и в правлении мало ли дела. Вам всякую должность дадут».

А он, как рассказывали друг другу сестры, отвечает ей приблизительно вот что:

«Я, мол, Глафира, для вас все могу сделать, кроме только лишь одного — не могу я, Глаша, на берегу жить. Я человек морской, и для меня море первая необходимость. Подумайте сами, и мой дед, и отец, да и прадед, наверное, моря не боялись, и вдруг я испугался. Да кто ж после этого со мной говорить-то захочет?»

И вот он свое, а она свое. И ничего не получается.

В общем, Глафира стала пока что жить с матерью (отец у нее давно умер), днем занималась по хозяйству, поджидала, когда как-нибудь уладится вопрос с книжным магазином, а вечером ходила гулять со Степаном. И все становище видело, как они идут и тихо друг с другом беседуют. Он говорит: «Выходите за меня замуж, Глаша», а она говорит: «Бросьте, Степа, море, и с радостью выйду». И все они никак сговориться не могут.

Между тем дела Фомы Тимофеевича были плохи. Председатель еще раз долго с ним разговаривал; на бот, который водил Коновалов, назначили нового капитана и решили, что Фома Тимофеевич, если хочет, может на берегу получить работу, а если не хочет, то дадут ему пенсию и будет он доживать на покое.

Плохо было старику. Я был на берегу, когда в первый раз новый капитан повел в море бот, которым прежде командовал Фома Тимофеевич. Коновалов пришел его провожать. И председатель пришел, и многие рыбаки пришли, и Марья Степановна, жена Коновалова, и многие еще рыбацкие жены.

Фома Тимофеевич крепился, держался спокойно, деловито, будто все было как полагается. Новый капитан, молодой парень Егоров, очень стеснялся, чувствуя, что обижает старика, говорил с ним почтительно, и вся команда с уважением глядела на Коновалова. Капитаны — прежний и новый — еще раз обошли бот. Фома Тимофеевич еще раз рассказал, что немного таль заедает, надо бы починить, что лебедка держится, но к осени надо подремонтировать, что он месяц назад договаривался насчет новой сети, так надо бы поднажать на правление.

Потом говорить было уже больше не о чем. Надо было идти в море.

И вот капитаны — бывший и новый — пожали друг другу руки, потом подошел проститься моторист, потом один за другим матросы, а потом Коновалов сошел на пристань и стоял, пока бот разворачивался, и долго смотрел, как он уходит в море, как становится все меньше и меньше, как, наконец, скрывается за горизонтом.

И все пришедшие почтить бывшего капитана и проводить в первый рейс нового, старались не смотреть на Коновалова — мало ли, слеза сбежит у старика, так чтобы не видеть, — и долго смотрели вслед уходящему боту. И у Марьи Степановны морщилось лицо и текли слезы, и многие рыбацкие жены плакали. А потом, когда бот уже превратился в еле видную черную точку, председатель колхоза подошел к Фоме Тимофеевичу, взял его под руку, и они пошли с пристани, и за ними пошли все провожавшие, и только Фома остался на пристани, продолжая смотреть в исчезающую на горизонте черную точку.

Тогда я подошел к Фоме.

— Пошли, что ли, — сказал я, как будто ничего не случилось. — Ты хотел конструктор мой посмотреть, так возьми его совсем, и не на обмен, а так,

Фома повернулся ко мне, и я даже испугался, увидев его лицо. Такое оно было злое.

— Нужен мне твой конструктор! — сказал он. — Мама-то твоя все думает?

Я растерялся и сказал:

— Думает.

— Ну вот, когда она чего придумает, тогда придешь и скажешь. — Фома повернулся и пошел с пристани.

Я стоял, глядя ему вслед.

— Фома, — крикнул я наконец, — что ты!

Он повернулся и зло посмотрел на меня.

— И все, — сказал он и пошел, больше не оборачиваясь.

Тут на пристань ворвалась Валька. Она где-то играла с девчонками и, как всегда, выбрала подходящий момент для того, чтобы появиться.

— Фома, Даня, — радостно кричала она, — давайте пойдем камни искать или на гору влезем!

Она кинулась было к Фоме, но он так на нее посмотрел, что даже она опешила.

— Что это с ним, Даня? — спросила она.

Но тут я ее как следует отчитал. Я объяснил ей, что она глупая и вздорная девчонка, вечно лезущая в мужские дела, что она всем надоела, что лучше бы она играла в куклы или прыгала через скакалку, чем соваться куда не следует. Словом, я ей

столько наговорил, что она даже расплакалась. Тогда я махнул рукой и пошел, и она тащилась за мной, всхлипывая и вытирая слезы. Потом мне стало ее, конечно, жалко, хотя я был зол до невозможности, не на нее зол, а вообще, а когда мне уж стало ее жалко, так пришлось мне ее утешать и уговаривать, и даже дошло до того, что я с отвращением играл с ней в пятнашки, как будто мне семь лет или я девчонка.

Дня два я бродил вокруг коноваловского дома. Фома Тимофеевич все больше сидел у открытого окна, покуривал трубочку и смотрел на море. Фома очень редко показывался из дому. Если была возможность, он делал вид, что не видит меня. А если уж я прямо попадался ему на глаза, он небрежно мне кивал и шел дальше, как будто мы были с ним еле знакомы.

Я очень скучал без Фомы. Пробовал играть с другими ребятами, но как-то с Фомой мы сразу сошлись, а с другими это не получалось. Я даже, к большой радости мамы, начал читать книжки. Но то ли мне не читалось, то ли книжки попадались неинтересные, — я начал с тоскою думать, что жизнь здесь, в становище, совсем уж не так хороша, как мне раньше казалось, и что хорошо было бы попасть обратно в Воронеж. Мне казалось, что я тосковал очень долго, но, когда я потом подсчитал, оказалось, что от проводов на пристани прошла только неделя до того дня, когда совершенно растерянная Глафира принесла в больницу телеграмму из Мурманска. Текст телеграммы был такой: «Предлагаем списанный вами бот сорок девять переоборудовать под плавучую книжную лавку тчк Лавке продавать книги ближайших становищах тчк Заведовать лавкой Глафире Жуковой тчк Начальник облкниготорга Семенов».

Глава четвертая

БОТ «КНИЖНИК»

Ох, как расстроена была Глафира!

— Да ведь я и смотреть-то на море боюсь! — говорила она. — Уж выбрала себе специальность, кажется, к морю и подходить не надо, а поди ж ты, ужас какой!

Все ее успокаивали.

— Ну какое же это море? — говорили ей. — Это же даже не судно. Это же просто плавучая лавочка. Вдоль берега трюхает, и все. Чуть ветерок или тучка в небе показалась, в ближайшую бухту укроетесь. Чего ж тут бояться?

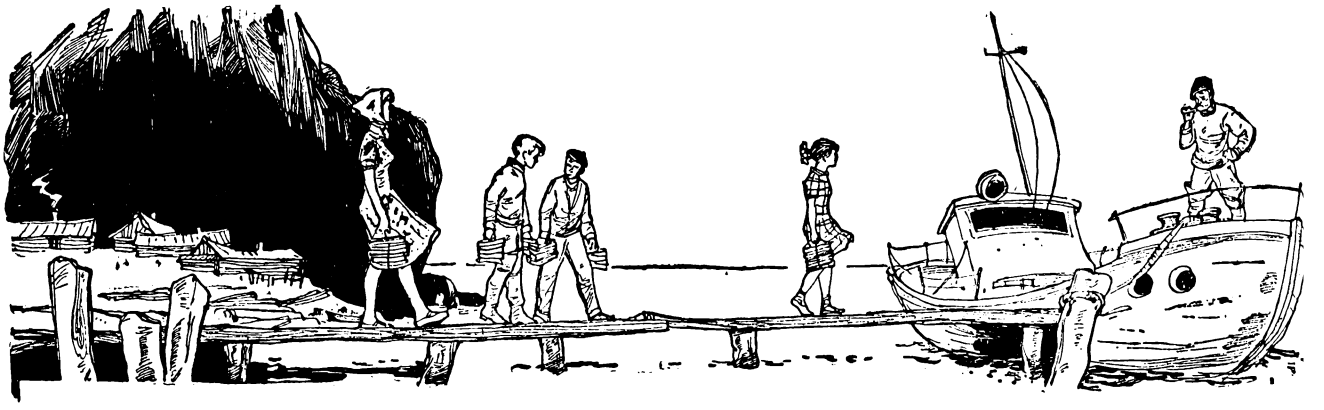
Но Глафира твердила свое:

— Да я как подумаю, что подо мной вода и рыбы плавают и всякая нечисть — крабы там, морские звезды, — так у меня все замирает, колени дрожат и ком к горлу подкатывает!

Пока Глафира плакала, волновалась и сама над собой хохотала, бригада с ремонтной базы переоборудовала бот. В трюме, в котором в прежнее время хранилась рыба, теперь построили книжные полки и даже прилавок. Предполагалось, что покупатели будут прямо спускаться в трюм и там будет самый настоящий книжный магазин. Снаружи бот заново окрасили и на корме вывели красивыми буквами: «КНИЖНИК».

С очередным пароходом прибыли книги. Тут уж Глафире некогда было ахать и ужасаться. Она целыми днями возилась в сарае, в котором временно сложили ящики.

Мы с Валей зашли как-то в этот сарай посмотреть, начали помогать Глафире, и нам очень в сарае понравилось. Никогда не думал, что так приятно возиться с книгами. Последнее время я совсем от них отвык. А когда мы стали ящики разбирать, так я просто оторваться не мог. Тут были и толстые тома Горького и Чехова, и тоненькие научные брошюры, в которых рассказывалось и о рыбах, и о звездах, и о растениях. Были и детские книжки с яркими картинками. Были географические карты, были просто картины, и даже в рамах. Были ручки, перья, карандаши, резинки, банки с чернилами, тетрадки. Странно, я никогда особенно не любил учиться, а сейчас мне даже захотелось в школу. Правда, желание это скоро прошло. Когда я вышел

из сарая, увидел море и каменные горы и подумал, сколько вокруг мест, куда я еще не ходил, я даже заволновался, успею ли все обойти до начала занятий.

Несколько раз на пристани я видел Фому. Фома стоял молча, смотрел, как работают на боте, но сам к боту не подходил. Иногда он мне кивал головой, иногда нет. Я уже привык к этому и перестал огорчаться. В конце концов, думал я, моей вины никакой нет. А если он ни за что обижается, так пусть ему и будет стыдно. Я поглядывал на него с вызовом. Дуешься, мол, ну и дуйся. Никто на это и внимания не обращает. И вдруг однажды он подошел ко мне.

— Ты, Даня, на меня не сердись, — сказал он. — Я думал, ты врешь, что докторша обещала подумать, а теперь вижу — все правда. И докторше передай, что, мол, Фома спасибо сказал.

Я ничего не понял. За что он маму благодарил? Что она там надумала? Я ничего об этом не знал, но, конечно, не показал виду.

— Вот и хорошо! — сказал я. — Мама у меня такой человек: раз сказано — значит, сделано.

Все-таки продолжать разговор было рискованно. Фома мог догадаться, что я ничего не знаю, поэтому я сказал, что мама меня ждет, условился встретиться с ним через час и побежал в больницу.

У мамы, как назло, был обход. Я прямо прыгал за стеклянной дверью от нетерпения. Наконец я поймал маму и спросил, за что сказал спасибо Фома и что такое мама надумала.

— Во-первых, умойся и причешись, — сказала мама, — и руки вымой щеткой, противно смотреть, сколько у тебя под ногтями грязи. А насчет Фомы, так он доволен, что Фома Тимофеевич Коновалов назначен капитаном бота «КНИЖНИК».

— Мамочка, — сказал я, — а ты тут при чем?

— Ну, видишь ли, я дала заключение в свое время, что Коновалову нельзя ходить в море. Это действительно так. Сердце у него ослабело, в море бывают штормы, часто и ночи приходится на вахте стоять, а это ему не по силам. Ну, а когда пришел бот «Книжник», то я подумала: вдоль берега от становища до становища ходить — дело спокойное. Три-четыре часа в море, двое-трое суток стоянки. Ну, я пошла к председателю сельсовета и сказала ему об этом. А он очень обрадовался. «О таком капитане, говорит, как Фома Тимофеевич, только мечтать можно». Вот и все дело.

— Мама, — сказал я, — ты женщина замечательного ума! Сейчас, я думаю, руки мыть не стоит, потому что я их сразу запачкаю, а вечером, честное слово, пять минут буду щеткой тереть.

Мама хотела, кажется, что-то возразить, но я не дождался и побежал к Фоме. Ох, как замечательно провели мы с ним день! Валька тоже была с нами, но на этот раз даже она не мешала. Трещала она, правда, все время, но мы ее просто не слушали.

С этого дня мы вместе с Фомой возились и у Глафиры в сарае, и на боте «Книжник». Фома лучше меня работал. Он рабо-

тал почти как настоящий плотник. Но он не задавался, хотя его хвалили мастера, да и я сам вслух удивлялся, как он все умеет.

Зато у Глафиры от меня было, пожалуй, больше толку. Я знал больше писателей, легче разбирался, кого куда нужно ставить, и Фома ничуть не скрывал, что замечает это, и даже, наоборот, часто говорил о том, как много я знаю.

Между тем работы подвигались к концу, и скоро бот должен был отправиться в свое первое плавание.

Теперь Фома Тимофеевич проводил на боте почти целые дни. Он следил за работами, все проверял и покрикивал на мастеров. Мастера выслушивали его почтительно и никогда не спорили.

Все побережье знало и уважало Фому Тимофеевича.

Однажды были мы с Фомой на боте. В это время магазин внизу был уже совсем готов, и мы понемножку стали таскать из сарая книги и расставлять их по полкам. Натаскали мы много книг и решили передохнуть. Выпросили у мастеров кисти и стали красить рулевую рубку. У Фомы краска ложилась очень ровно, у меня не очень. Но Фома не дразнился, а, наоборот, спокойненько мне объяснял, отчего у меня плохо получается и что надо делать. Валька, конечно, крутилась рядом и скулила. Ей, видите ли, тоже хотелось красить. Краска на корабле — это очень большое дело. Разве ж можно доверить это десятилетней девчонке. Но пойди ей объясни!

Фома Тимофеевич ходил по палубе, посасывал трубочку, посматривал вокруг.

По чести сказать, делать ему было нечего. Работы были уже почти кончены, но просто ему нравилось, что вот, мол, он опять капитан и на борту своего судна. В это время на борт поднялся Жгутов. Я его никогда раньше не видел. Это был молодой еще парень, курносый, голубоглазый, фуражка у него была надета набок, и с другого боку торчал очень красивый, как будто завитой, чуб соломенного цвета. Он был в распахнутой куртке, тельняшке и в сапогах гармоникой.

— Здравствуйте, Фома Тимофеевич, — сказал он.

— Здравствуй, Жгутов, — хмуро ответил Фома Тимофеевич. — Зачем к нам пожаловал?

— Да вот, Фома Тимофеевич, просьба к вам: возьмите меня мотористом.

— Так, — сказал Фома Тимофеевич. — Что ж, гулять-то надоело? Или дружки угощать больше не хотят?

— Молодость, — сказал Жгутов и улыбнулся виноватой, добродушной улыбкой. — Небось, Фома Тимофеевич, и вы, когда молодой были, глупости делали. С кем не бывало!

— Глупость глупости рознь, — хмуро сказал Фома Тимофеевич. — Глупость сделать — это одно, это от неразумия, а пьянствовать да гулять вместо работы — это дело совсем другое. Нет, Жгутов, попросись, может, на ремонтную базу возьмут. На берегу, если и загуляешь, большого вреда не будет. Выгонят и все. А в море ошибаться нельзя: ошибешься, и вся команда рыбам на корм пойдет.

— Слово даю, Фома Тимофеевич, — хмуро сказал Жгутов, — вот увидите, как буду работать. Все грехи замолю!

— Это ты в который раз слово даешь? — спросил Фома Тимофеевич. — В сотый? Или в какой? Кто ж теперь твоему слову поверит?

— Зря отказываете, Фома Тимофеевич, — сказал Жгутов. — Хотите не хотите, а придется вам меня взять.

Коновалов нахмурился:

— Это почему же придется?

— А кого же возьмете? — Жгутов опять улыбнулся, но на этот раз его улыбка не показалась мне добродушной. — С ремонтной базы хорошего механика не отпустят, это вы сами знаете, ну, а с ботов кто ж к вам пойдет? Разве моряк на плавучей лавочке согласится служить? Это для Глафиры дело, ну, и для вас, поскольку вы пенсионер. А для мужчины это даже и стыдно. Девушки в становище засмеют. Моряк с плавучего магазина!

— Иди, Жгутов, — спокойно сказал Фома Тимофеевич, — спорить мне с тобой не о чем. Ты поищи другую работу, а я поищу другого моториста.

— Желаю успеха! — сказал, улыбаясь, Жгутов. — А все-таки, может, еще и встретимся.

Он поклонился, легко спрыгнул на пристань и ушел, сунув руки в карманы и насвистывая веселый мотив.

Пока шел этот разговор, мы с Фомой перестали красить, так нам было интересно,

а сейчас торопливо начали водить кистями, как будто ничего и не слышали. Хотя Фома Тимофеевич и продолжал так же спокойно похаживать по палубе да посасывать трубочку, а все-таки мы понимали, что очень его обидел Жгутов. Кажется, механик разговаривал вежливо, а если вдуматься, так ведь вот что он сказал старому капитану: «Вы, мол, развалина, для вас, мол, эта лавочка самое подходящее дело, а для настоящего моряка плавать на ней — это просто позор».

Легко ли выслушать такое одному из лучших моряков на всем побережье?

Фома был очень мрачен. Он даже как-то сопел особенно. Очень ему было неприятно, что так его деда обидели. Да и мне было неприятно, хотя Коновалов мне даже не родственник. Как это можно попрекать человека тем, что он постарел и здоровье у него сдало! Человек всю жизнь трудился, уважение заслужил, а ему такое говорят! Это ж надо свиньей просто быть, чтобы сказать такое!

Мы с Фомой об этом случае больше не говорили. Вспоминать не хотелось. И все-таки нам пришлось вспомнить о Жгутове. Бот уже был готов. Внизу, в магазине, стояли на полках книги, лежали стопочками тетрадки, висели картины. Краска высохла на бортах, и такой он стоял красивый, бот «Книжник», что любо-дорого было смотреть! Пора бы ему отправляться по становищам, везти рыбакам хорошие книги, школьникам — тетрадки, резинки, перья, а день отплытия все не назначали. Фоме Тимофеевичу нужно было найти матроса и моториста. Так вот, он не мог никого найти. Все отказывались. Как ни уважали Фому Тимофеевича, а все-таки каждому казалось зазорным вместо настоящей морской работы ползти на плавучей лавочке от становища к становищу. Рассказывали, что и председатель колхоза уговаривал людей, и председатель сельсовета, но никто не соглашался. Некоторые придумывали какие-нибудь причины, а другие говорили прямо: «Что ж это, мол, да со мной и ребята гулять не станут и девушки меня совсем засмеют».

Снова ходил Фома туча тучей, снова сидел с трубочкой у окна Фома Тимофеевич и смотрел на море.

И, как ни странно, всему делу помогла Глафира.

Глава пятая

НАБИРАЕМ КОМАНДУ

Пришла она как-то в больницу. Ей теперь на боте нечего было делать, все уже было расставлено и разложено. С домашними делами она управлялась быстро и, управившись, бежала в больницу, болтала с медсестрами, помогала пол вымыть, дать больному градусник или накапать капель. Вечером, когда боты возвращались с моря, приходил Степан, и они вдвоем отправлялись гулять.

И вот однажды вечером, когда вся работа в больнице была переделана, сидели сестры на крылечке, разговаривали о том о сем, а больше смеялись. Лучше всего было, конечно, слышно, как хохочет Глафира. Уж надо сказать, хохотать она была мастерица. Мы с Фомой и с Валькой днем ходили на большую гору, устали ужасно, пришли, сели на камни рядом с крыльцом и молчали. Даже говорить было лень. Вернулись с моря боты, стали у пристаней, говоря по-нашему — пришвартовались, а минут через двадцать явился Степан, как всегда в шевиотовом синем костюме, при галстуке, бритый, вымытый, будто он не провел целый день на тяжелой работе в море.

— Пойдемте, Глаша, пройдемся, — сказал он, как обычно.

Всегда Глаша в ответ на это говорила: «Ну что ж, если разве ненадолго», — и они уходили. А сегодня Глаша вдруг сказала:

— Нет, не пойду.

Степан даже растерялся:

— Почему это вы?

— Не пойду, — повторила Глаша.

— Я вас разве обидел чем-нибудь? — спросил Степан.

И вот тут я увидел, что за характер у нашей Глафиры. Она встала, засучила рукава, будто собиралась драться на кулачки, уперла кулаки в бока и начала говорить:

— Меня? — спросила Глаша. — Меня вы обидеть не можете. Силенки не хватит меня обидеть, а вот себя вы обижаете, это верно. Противно смотреть: почтеннейший человек, лучший капитан не может матроса найти! Человек всю жизнь проплавал, замечательный моряк, а вы, свистуны, бездельники, оскорбляете человека! Да вам еще лет тридцать поплавать, прежде чем моряками быть, а вы руки в брюки и нос кверху!

«Как это мы, знаменитые мореходы, на плавучей лавочке будем плавать! Ах, над нами девушки будут смеяться!» Да что ж вы думаете, девушки дуры, да? А какого человека вы оскорбляете, об этом вы не подумали? Вам только перед девушками красоваться, да еще, не дай бог, какой-нибудь пьяница вроде Жгутова вам обидное слово кинет. У меня дед моряк, и отец моряк, и сама я морячка, хоть моря и боюсь до смерти, и я знаю, как себя настоящие моряки ведут. И уйдите, Степан, а то я такого наговорю... Смотреть мне на вас противно!

Мы с Фомой только глаза вытаращили. Вот уж не ждал я от нее такой прыти! И с такой яростью она говорила, что тут уж видно было — все чистая правда и так она и думает. Медицинские сестры, ее подружки, тоже молчали, совсем растерянные. Они ничего подобного и не ждали, да она и сама не ждала. Просто так у нее вырвалось.

— Спасибо за науку, — сказал Степан. — Прощайте, Глаша.

Повернулся и ушел.

Только он скрылся за домами, как Глаша ударилась в слезы. Ну, тут медицинские сестры ее подхватили и повели в больницу успокаивать. И уж сколько тут было пролито слез и накапано капель, даже представить себе невозможно.

Когда все ушли утешать рыдавшую Глашу, Валька сказала:

— Вот молодец! Подумайте только!

А Фома сказал:

— Хоть и боится моря, а видно — морячка природная.

И больше мы об этом не говорили.

Фома скоро простился и ушел. А мы с Валькой стали ложиться спать. Глашины рыданья к этому времени затихли, и медицинские сестры пошли ее провожать домой. Я, как лег, сразу стал засыпать, очень уж мы нагулялись, и вдруг слышу сквозь сон голос Фомы за окном:

— Даня, Даня!

Конечно, пока я вставал, Валька уже торчала в окне, как будто бы Фома ее звал.

— Тебе чего? — спросила она.

— Мне Даниила, — хмуро сказал Фома.

Но тут высунулся и я.

— Чего тебе? Случилось что?

— А у нас Степан был, — сказал Фома. — Пришел, поклонился деду и говорит: «Если у вас, Фома Тимофеевич, никого лучше на примете нет, прошу вас, возьмите меня на «Книжник» матросом».

Фома замолчал. Молчали и мы с Валькой. Мы даже не знали, что и сказать, так нам все это нравилось.

На следующий день все становище говорило о том, что Степан Новоселов, лучший матрос, согласился пойти на «Книжник», да еще и не просто согласился, а пришел к капитану проситься. И надо сказать, никто над Степаном не смеялся. В том, что Новоселов настоящий моряк, ни у кого сомнения быть не могло. Между прочим, о разговоре с Глашей, кажется, никто ничего не знал. Она сама молчала, медицинские сестры тоже не болтали, а Вальке я сказал, что если она будет трепать языком, так хоть я принципиально и против того, чтобы бить младших, а девчонок особенно, но уж ради этого случая сделаю исключение.

Вечером пришла как ни в чем не бывало Глаша. Про вчерашнее никто даже словом не помянул. Закончив работу, вышли на крылечко медицинские сестры, сидели, разговаривали, потом вернулись с моря боты, пришел Степан в шевиотовом синем костюме, при галстуке, сказал: «Пойдемте пройдемся, Глаша», и Глаша сказала: «Ну что ж, если разве ненадолго». И они ушли.

И тут получился неприятный случай. Не успели они и двадцати шагов отойти от больницы, как им навстречу попалась компания. Шел Жгутов с гармошкой и еще двое ребят с ремонтной базы, такие же гуляки, как он. Увидев Степана, Жгутов остановился, перестал играть и сказал:

— Ты, говорят, Степан, в лавочку продавцом поступил?

И Жгутов был пьян, и эти два его дружка тоже. Они как расхохочутся. А ночь летняя, все окна открыты, народ еще не спит и все слышит. Но только Степан не растерялся. Он на минуту остановился, посмотрел на Жгутова и сказал:

— Ты, друг, сам знаешь, я на любой посудине моряком останусь. И все это знают. А тебя хоть на океанский лайнер назначь — ты все равно гуляка, болтун и моряк из тебя, как из свиньи верховая лошадь. И это тоже все знают.

Жгутов и его друзья не нашлись что ответить, и Степан под руку с Глафирой прошел мимо них спокойно и важно.

И все-таки бот «Книжник» не мог выйти в море. Моториста не было. Коновалов захаживал и в правление и к заведующему

ремонтной базой и всем хотелось ему помочь, но все только руками разводили. Желающих не находилось. Вот старик думал, думал и, как это ему ни было тяжело, пошел сам к Жгутову. Жгутову, правда, и самому было худо. Его никуда не брали. Каждый капитан знал, что с ним мороки не оберешься. Вот он и ходил без работы. Сперва его дружки угощали, а потом он всем надоел. Для него бот «Книжник» был прямо спасением. Поэтому он сказал:

— Спасибо, Фома Тимофеевич, с таким капитаном, как вы, всякому лестно плавать, а насчет того, что за мной грехов много, так вот вам слово даю — как отрезано. Новую жизнь начинаю.

И вот наконец было объявлено, что в понедельник в восемь утра бот «Книжник» отправляется в первый рейс. Должен был он сначала идти в становище Черный камень. Это от нашего становища ходу часа три. В одиннадцать часов должен был прибыть в Черный камень, а в двенадцать начать торговать. Об этом уже было сообщено туда по телефону, и там обещали вывесить объявление. В Черном камне бот должен был простоять, пока будет торговля. Когда все купят, что кому нужно, бот должен был идти дальше, в следующее становище, тоже ходу часа четыре. И так до тех пор, пока будет товар.

В воскресенье решили с утра выйти в море, часа на четыре, опробовать бот. После ремонта судно всегда пробуют: как мотор работает, не заедает ли руль, в порядке ли компас.

В субботу, в середине дня, мать взяла чемоданчик с инструментами и отправилась к Фоме Тимофеевичу. Пришли мы все к нему, то есть пришла, собственно, мама, а мы с Валей толкались под окнами.

Мама измерила давление, выслушала Фому Тимофеевича и сказала:

— Все. Одевайтесь.

Тут мы с Валькой тихонько, стараясь не обращать на себя внимания, вошли в дом. Фома Тимофеевич уже надел рубаху и сидел очень взволнованный. По нему это никогда не видно, но я уже знал приметы. Фома и Марья Степановна тоже, кажется, волновались, так что на нас никто не обратил внимания, кроме мамы. Мама нахмурилась, увидев нас, но ничего не сказала.

— Ну что ж, Фома Тимофеевич, — начала мама, — дела ваши неплохи. Вот вы отдохнули, теперь у вас и давление лучше и сердце лучше работает. Я думаю, что теперь вам море не повредит. Тем более на «Книжнике» работа не напряженная, будет когда отдохнуть. Так что благословляю вас, но только с одним условием — тяжестей не таскать и не напрягаться. Придете в порт, полежите часок-другой, отдохните.

Фома Тимофеевич слушал с серьезным лицом и кивал головой, но я видел, что глаза у него чуть прищурены, и подозревал, что он не собирается так уж строго выполнять врачебные предписания.

— Спасибо, доктор, — сказал Фома Тимофеевич. — По совести сказать, был я на вас в обиде, но понимаю, что вы для моей пользы старались. А насчет плавания вы не волнуйтесь, это ж не плавание. Бережком от порта к порту. Спокойнее, чем на берегу.

— Де-ед, — протянул Фома, — де-ед!

Капитан нахмурился.

— Молчи, Фома, — сказал он, — не мешай, когда люди разговаривают!

— Ну, де-ед! — продолжал канючить Фома. — Да ну дед же!..

Я не понимал, чего он хочет, и смотрел на него с удивлением.

Фома Тимофеевич усмехнулся, закурил трубочку, пыхнул раз-другой и сказал:

— Вот, Наталья Евгеньевна, не дает мне покоя внук. А дело-то к вам относится. Надумал я взять с собой в рейс Фому. Так он ко мне пристал, чтоб и вашего Даню взять. Я не против, плавание тихое, безопасное. Вдвоем мальчикам веселее будет, повидают наши места, с людьми познакомятся. Место на боте есть, так что, если вы согласны, я с удовольствием.

У меня даже дыханье захватило. Все-таки, какой Фома молодец! Другой бы обрадовался, что его берут, и о товарище даже бы не подумал. Даже, может, еще и хвастать бы стал перед товарищем, что, мол, вот я в море иду, а тебе, мол, куда! А Фома видите какой! Это моряцкая школа. На море очень сильно чувство товарищества. Но только я об этом подумал, как выскочила вперед Валька.

— Почему это Даня может идти, а я не могу? — сказала она. — Вот Глафира тоже женщина, а отправляется в рейс, и ничего тут страшного нет. — И сразу перешла на другой тон: — Мамочка, миленькая, ну пожалуйста, ну голубушка!

Ну что вы будете делать с девчонкой! Решается серьезный вопрос, еще вообще неизвестно, что скажет мама и пустит ли

меня, а она лезет со своими капризами! Я незаметно погрозил ей кулаком, но она не обратила на это никакого внимания.

— Ну, вот что, — сказала мама. — Даню я, пожалуй, пущу, он мальчик и ему уже тринадцать лет, но о Вале не может быть и речи. И ты, Валя, имей в виду: будешь ты плакать или не будешь, все равно не поедешь. Так что лично я советую тебе не плакать.

Глава шестая

СБОРЫ И СПОРЫ

Кажется, ясно все было сказано Вальке. Но разве можно с ней о чем-нибудь договориться! Всю субботу она рыдала. Иногда, устав громко кричать, она переходила на тихие слезы. Тогда ей можно было что-то сказать, попытаться в чем-то ее уговорить. Правда, толку все равно никакого не было, никакие разумные доводы на нее не действовали, но хоть у нас у всех в ушах не звенело. Зато, немного отдохнув и собравшись с силами, она опять начинала так визжать, завывать и рыдать, что с улицы заглядывали прохожие, не режут ли кого-нибудь в квартире у докторши.

Фома принес ей вторую пластинку акульих зубов. Это было очень благородно с его стороны, потому что у него больше акульих зубов не было, а без акульих зубов — что за коллекция! Я подарил ей перочинный ножик, но она выбросила его в окно, и мне пришлось потом долго рыться в песке, пока я его нашел.

Часам к восьми Валя так уходилась, что наконец заснула, и мы с мамой вздохнули спокойно. Мама ее раздела сонную, и она даже не пошевелилась, только всхлипывала во сне. Мы наконец могли поговорить с мамой. Я понимал, что, если Валька поедет с нами, все удовольствие будет отравлено, но так мне она надоела со своими завываниями, что уж я сам стал просить маму отпустить Вальку в плавание. Но мама была непреклонна.

— Это вздорные капризы, — сказала она. — Я вообще распустила вас. Очень уж много пришлось мне заниматься больницей. Сейчас дело наладилось, я буду посвободнее и займусь вами как следует. Что это, в самом деле, такое! Человек должен знать слово «нельзя».

Как педагог, мама была безусловно права, я не мог с ней не согласиться, но с ужасом думал о завтрашнем дне.

Однако в воскресенье Валя была спокойней. Правда, она почему-то страшно сердилась на меня и не желала со мной разговаривать. Можно подумать, я виноват, что мне уже тринадцать лет и я мужчина. В общем, мне было все равно. Сердится — и пускай сердится. Мне даже лучше: приставать меньше будет.

С утра мы с Фомой отправились провожать бот. Степан стоял на руле, Фома Тимофеевич покуривал на палубе трубочку, на пристани стоял капитан порта Скорняков.

— Ну, поздравляю, Фома Тимофеевич, — сказал Скорняков. — Вот видишь, думал — отплавался, ан нет, еще походишь по соленой водице.

Нас с Фомой на бот не взяли. Фома было заикнулся, что, мол, отчего бы нам и сегодня не сходить, но Фома Тимофеевич и слушать не стал.

— И не приставайте, — сказал он, — а то и завтра вас не возьму.

Мы замолчали. Со стариком были шутки плохи.

Бот отошел, и мы с пристани любовались им. Удивительно был он красивый! Краска свежая, яркая, буквы такие броские, смотреть приятно! Он был, конечно, гораздо лучше всех остальных ботов.

Валька тоже была на пристани, но, пока мы провожали глазами бот, куда-то ушла. Нам-то что. Мы обрадовались, пошли на гору, полазали по камням и о многом серьезном поговорили.

К двум часам мы пришли на пристань. Фома Тимофеевич сказал, что в два рассчитывает вернуться. На море было пустынно, «Книжника» не было. Прошел час, и Скорняков стал выскакивать из своей конторы, которая была рядом с пристанью, и, приложив руку козырьком к глазам, вглядывался в даль. Уже и председатель колхоза пришел, и Марья Степановна стояла на пристани, и хоть они все молчали или разговаривали о пустяках, но мы видели, что они тревожатся, и, конечно, очень тревожились сами. Море было тихое, гладкое, в такую погоду хоть на шлюпке иди, все равно не перевернет. Было совершенно непонятно, что могло случиться с «Книжником».

Часам к пяти на пристани уже собралось человек десять. Скорняков хмурый ушел в контору, и через окно было слышно, как он орал в телефон, спрашивая соседние становища, не видали ли «Книжника». Только в седьмом часу на горизонте показалась черная точка. Скорняков выскочил с биноклем, долго смотрел, потом буркнул: «Книжник», и ушел в контору с таким видом, как будто он совсем не волновался.

Все остальные остались на пристани. Каждому хотелось узнать, почему мог бот опоздать на пять часов. Все, однако, делали вид, что остались просто так, мол, погода хорошая. Мужчины покуривали и молчали, женщины разговаривали о том, что привезли в лавку и какую картину будут показывать вечером в клубе. Когда «Книжник» пришвартовался, никто не задал ни одного вопроса. Такой уж тут народ, не любят болтать лишнего. Скорняков только кинул Коновалову:

— Зайди в контору, Фома Тимофеевич, — и ушел к себе.

Коновалов кликнул Жгутова, и Жгутов выполз из машинного, весь грязный, вымазанный мазутом и маслом до самых глаз. Он был хмур и сердит. Все трое — моторист, матрос и капитан — прошли к Скорнякову.

Окно конторы было открыто настежь, и поэтому нам на пристани было слышно каждое слово.

— Что случилось? — спросил Скорняков.

— Мотор сдал, — хмуро сказал Фома Тимофеевич. — Шесть часов, видишь ли, возились.

— Надо рейс отменять, — решил Скорняков. — С таким мотористом намучаешься. Подождем. Недельки через две обещали подослать молодежь с курсов. Выберешь себе тогда человека.

Коновалов молчал. Мы с Фомой прямо чуть не заплакали. Надо же, чтобы так не повезло!

— Послушаем моториста, — сказал наконец Коновалов.

— Человека винить легко, — плачущим голосом заговорил Жгутов. — Если мотор старый, так что я могу делать? Карбюратор ни к черту! Трамблер не срабатывает. А виноват кто? Жгутов виноват.

— На таком моторе, — рявкнул Скорняков, — хороший моторист до Архангельска дойдет! Карбюратор, видите ли, плохой! А раньше почему не заявлял? Времени сколько было? В крайнем случае, ко мне бы пришел, договорились бы с рембазой, заменили бы части.

— Ну, виноват, — согласился Жгутов. — Так ведь не со зла. Бывает, мотор старый, а хорошо работает. Я ж ничего не говорю. Конечно, если части заменить, он еще поживет.

— Ну как, капитан? — спросил Скорняков.

Коновалов помолчал, потом сказал, будто размышляя:

— С другой-то стороны еще вечер и ночь, можно сейчас с рембазой договориться. Склад не закрыт еще?

— Договорюсь, — буркнул Скорняков, — откроют.

— Да вы не волнуйтесь, — сказал Жгутов. — Я ночь поработаю, части заменю, он у меня как конфетка будет. Ну, случай такой получился. С кем не бывает? Недосмотрел, недодумал. Теперь-то уж научен. Сам не управлюсь — ребят попрошу помочь. Вы уж поверьте мне, пожалуйста. Порядочек будет.

— Как, Фома Тимофеевич? — опять спросил Скорняков.

— Я думаю, — неторопливо заговорил Коновалов, — если части заменить, так в самом деле можно идти. На две недели откладывать тоже нехорошо. План же есть, книги продать надо, да и люди ждут.

Скорняков долго молчал. Мы с Фомой просто прыгали от нетерпения. А ну да не разрешит? Вот ведь беда будет какая!

— Хорошо, — сказал наконец Скорняков. — Решаем. Сейчас я с рембазой созвонюсь, ты, Фома Тимофеевич, иди отдыхай и ты, Степа, а ты, Жгутов, чтоб с бота ни шагу. Сходишь сейчас за частями — и за работу! Сто раз проверь. Если что не в порядке, утром доложишь.

— Да уж будьте покойны! — радостно сказал Жгутов. — Двести раз проверю.

Дальше мы с Фомой не слушали. Мы побежали по улице и, наверное, километра три пробежали, просто так от радости. Потом мы поколотили друг друга кулаками, упали на спину, подрыгали ногами и только тогда наконец успокоились.

— Ты, между прочим, Фома, — сказал я, — при матери об этом не говори, а то она неправильно поймет и разволнуется. Знаешь ведь — женщины. Дело-то пустяковое, а она шум может поднять.

— Нет, — согласился Фома, — зачем говорить? Моряк ни жену, ни мать не пугает, это уж правило.

Когда я пришел домой, Валя была довольно спокойная. Со мной, правда, не разговаривала. Я подумал, что, наверное, завтра, когда я буду уходить, она все-таки задаст жару, и поэтому решил принять свои меры. Я сказал, что мама просила меня принести книжку, взял с маминого стола первую попавшуюся и пошел в больницу.

— Мама, — сказал я, — знаешь что? Давай скажем Вале, что бот в десять часов отходит. Она будет спокойно спать, а я раненько встану и уйду. А то, знаешь ли, с ней неприятностей не оберешься.

Мама подумала и согласилась.

— Нехорошо, конечно, — сказала она, — обманывать девочку, ну, да ведь для ее же пользы. Я ей сама объясню.

Я сбегал к Фоме и договорился с ним.

Вечером, когда мы пили чай, он пришел и сообщил, что отход наш перенесен на десять часов, потому-де, мол, что берем мы еще кое-какой груз для Черного камня и раньше погрузить не успеем.

— Ну, вот и хорошо! — сказал я. — Значит, выспимся.

Я с опаской поглядывал на Валю. Всегда, когда говоришь неправду, голос звучит неискренне и все догадываются, что ты врешь. Но Валя ни в чем не усомнилась.

— А проводить мне их можно, мама? — сказала она.

— Можно, — сказала мама и покраснела.

Я испугался. Уж теперь-то, думаю, заметит. Но мама сразу встала, пошла мыть посуду, и Валя ничего не заметила.

Фома ушел, а мама стала меня собирать в плавание. Предполагалось, что рейс будет продолжаться недели две, так что взять надо было много чего. Мама села штопать носки, потом чинила рубашку, пришивала к куртке пуговицы, потом поставила утюг, стала гладить. Я тоже разбирал кое-что из вещей. Я взял тетрадь и карандаши, потому что решил вести дневник путешествия. Всегда на кораблях, как это известно каждому, ведется корабельный журнал, а на ботах, Фома говорит, этот журнал не ведется. А между тем, думал я, у нас, может быть, тоже будут какие-нибудь приключения. Хоть, казалось бы, и идем бережком, а все может случиться, — как-никак, море. Даже, собственно, не море, а океан!

Я все время поглядывал на Вальку. Мне хотелось, чтобы она скорей заснула. Не почему-нибудь, а просто на всякий случай: вдруг еще устроит какой-нибудь скандал. Но Валька, как назло, и не думала спать. Она лежала спокойно, с открытыми глазами и смотрела на меня. Подумав, я решил, что так даже лучше: пусть попозже заснет — больше надежды, что не проснется утром, когда я буду уходить. Потом мне стало стыдно, что мы ее так обманываем. Я подошел к ней и сказал:

— Знаешь, Валька, ты на меня не сердись. — Валька молчала. — Я ведь не виноват, — продолжал я. — Да и потом, понимаешь, раз мы здесь живем, так все равно раньше или позже тебе придется поплавать. Вот подрастешь немного и пойдешь в рейс на том же «Книжнике», а может, и на большом каком-нибудь судне, куда-нибудь далеко-далеко. Я ведь тоже был когда-то маленьким, и мне многое не позволяли, и тоже я огорчался и думал, что никогда это не кончится. А теперь видишь стал большим... ну, не совсем большим, но все-таки. Так и с тобой будет. Так что ты не сердись на меня.

А про себя я добавил: «И еще не сердись за то, что я тебя обманываю и завтра уйду, не простившись».

Хотя Валька и не слышала этих моих последних слов, а все-таки мне стало легче.

— Ладно, — сказала Валя. — Подожди еще. Я вырасту и не в такое плавание пойду. Я окончательно не решила, но, может, я моряком буду. Очень просто. Бывают женщины-капитаны, я знаю. Мне рассказывали.

Я ее похвалил, что она собирается выбрать себе такую интересную профессию, и лег спать.

Хоть я и знал, что завтра она на меня будет сердиться, а мне все равно было приятно, что мы с ней помирились. Не люблю ссориться.

Я только, казалось мне, заснул, как уже мама меня разбудила. Валя спала как убитая. Долго, наверное, вчера не засыпала. Я совершенно бесшумно встал, оделся и ушел в мамину комнату. Там мама начала мне объяснять, чего я не должен делать. Я прикидывался, что слушаю очень внимательно, и думал о своем. Все равно я знаю, что позабыл бы мамины нравоучения, как

бы внимательно их ни слушал. Из того, что до меня доносилось, я понял, что нельзя все. Можно только сидеть, очень тепло укутанному, в трюме и говорить: «спасибо» и «пожалуйста». Не знаю, зачем родители так много не позволяют. Ведь это же все равно невозможно исполнить.

Наконец мы с мамой поцеловались. Я взял мешок и вылез в окно. До отхода бота оставался час. Теперь я уже меньше волновался. Валя спит, шума больше в комнате никакого не будет, и она, наверное, проснется в полдень. Я-то знаю, какая она соня.

Еще я подумал, каково придется бедной маме, когда Валька поймет, что ее обманули. Да, я должен быть очень маме благодарен — это не шутка принять на себя такой удар.

Размышляя об этом, я дошел до пристани.

Глава седьмая

ПРОЩАЕМСЯ С ВАЛЕЙ

Я бывал на пристани каждый день, даже по нескольку раз, часто подолгу смотрел на море, и никогда мне не было страшно. А сейчас, представив себе, что на маленьком ботике мы уйдем далеко от берега, я испугался. Фома Тимофеевич, да и вообще все моряки считали плавание на «Книжнике» береговым плаванием, но я-то знал, что это только так говорится — береговое. Конечно, не за сто километров уйдем, а все-таки будем так далеко, что, может, даже и скроется берег из глаз и окажемся мы одни посреди пустынного, бесконечного моря. Я стал гнать от себя эти трусливые мысли, но они всё не проходили. Странная штука страх. Можешь сколько угодно знать, что никакой опасности нет, и все равно бояться.

Так, выйдя из дому в чудесном настроении, я подходил к пристани огорченный и недовольный.

Фома уже ждал меня. Он стоял на палубе бота и сразу заметил, что настроение у меня скверное.

— Ты не боишься ли, Даниил? — хмуро спросил он.

— Немного страшновато, — сказал я, глупо улыбаясь.

— Да ну, страшновато! — сказал Фома презрительно. — Это же разве судно? Это же плавучая лавочка: бережком, от становища к становищу, пожалуйста, покупайте книжки, тетрадки, перья, карандаши, понимаешь?

— Понимаю, — неуверенно согласился я.

— Ну, и что же? — хмуро спросил Фома.

Я тяжело вздохнул.

— Ничего особенного, конечно, а все-таки честно тебе скажу — немного боюсь.

Фома посопел, посмотрел на меня и с сомнением произнес:

— Так, может, тебе не идти? Скажем, что захворал или что.

По совести сказать, я и сам сомневался. Море кругом было, правда, тихое, небо чистое, ни облачка, а все-таки вспомнил я наши комнаты, и как там спокойно, и книжки лежат... почитать можно или погулять...

— Нет, пойду, — сказал я решительно, хотя и вздохнул, поняв, что теперь уже обратного хода нет.

Фома счел разговор конченым и заговорил о другом.

— Вот ведь странность какая, — сказал он: — Жгутов должен был всю ночь работать, а его почему-то нет.

Только он это сказал, как мы увидели Жгутова. Жгутов шел быстрыми шагами, держа в руке чемоданчик, и очень внимательно на нас смотрел.

— Вы когда же явились? — спросил он, перемахнув через борт. — Я ведь только ушел недавно.

— Мы сейчас и пришли, — ответил Фома.

— А капитана нет еще?

Почему-то Жгутов смотрел на нас подозрительно. Мне даже стало неприятно: в чем он мог нас подозревать?

— Сейчас придет, — сказал Фома.

— И Степана нет? — спросил Жгутов.

— Нет.

— Молодые морячки спешат на море! — Жгутов смотрел на нас улыбаясь. — И Глафиры нет? Значит, вы первые. Я-то ведь не считаюсь. Я целую ночь с мотором возился. Зато теперь хоть в Австралию отправляйся. Вот пришлось сейчас на рембазу сбегать. Кое-какие детальки захватить. Пусть лишнее будет, не помешает. А на рембазе у меня кладовщик знакомый, так разбудить пришлось. Зато уж теперь все в порядке, лучше быть не может.

Он еще раз улыбнулся нам и полез по трапу вниз.

— Пустяковый человек, — хмуро сказал Фома, когда голова Жгутова скрылась в люке. — Болтает, болтает, а зачем — неизвестно.

— Слушай, Фома, — спросил я, — а мы не опаздываем?

— Боишься, что Валя проснется? — сразу сообразил Фома. — Нет, уйдем вовремя. Дед у меня как часы, да и Степан человек аккуратный. Вот разве Глафира...

Только он это сказал, как появилась Глафира. Она нас не видела. Она даже и не смотрела на бот, она смотрела на море и шла как-то странно — два шага сделает, остановится и качнется, будто ее кто-то назад дергает. И что-то она про себя бормотала. Что она бормочет, нам не было слышно, но то, что ей очень страшно, было видно сразу. Прямо ее трясло от волнения. Когда она подошла ближе, мы даже могли разобрать ее бормотание.

— Ой, мамочка, мама! — повторяла она. — Ой, да что ж это такое, мамочка, милая!

Нам с Фомой стало смешно, мы фыркнули, и тут только Глафира заметила нас. Она громко и весело засмеялась.

— Вот смеху-то! — сказала она. — Иду, и будто меня сила какая держит. Ой, думаю, боюсь!

Рассмеявшись, она, видимо, приободрилась, взошла на бот совсем нормальной походкой и огляделась с очень веселым лицом, но, увидев бесконечную морскую даль, вдруг охнула, опустилась на люк и закрыла лицо руками.

— Вот ерунда какая! — сказала она. — Как увижу проклятое, так колени и подгибаются.

И она торопливо спустилась в трюм, наверное, для того, чтобы не видеть бесконечной морской дали и не думать о рыбах, крабах и всякой нечисти, которая водится под этой сверкающей водной поверхностью.

— Смешно! — сказал я. — И чего бояться, не понимаю.

Я сразу же покраснел. Это было просто удивительно глупо: только что я сам каялся, что боюсь, а теперь смеюсь над Глафирой. Фома посмотрел на меня исподлобья, но, увидев, что я красный от стыда, промолчал. И так все было обоим понятно.

Пришел Скорняков, отпер дверь конторы и раскрыл настежь окно. Показались Фома Тимофеевич и Степан. Фома Тимофеевич шел налегке, посасывая трубочку, неторопливый, важный, а Степан шагал с ним рядом, неся в руках два чемодана. Он решил оказать уважение старику, зайти за ним домой, помочь поднести вещи. Они прошли не торопясь по пристани, поздоровались со Скорняковым, сидевшим у открытого окна, за письменным столом, и поднялись на борт.

— Молодежь уже, значит, здесь, — сказал капитан. — Та-ак, это хорошо, что пришли вовремя, только ты что ж, Фома, не поел? Бабка-то ведь ругается.

— А я, дед, молока попил, — сказал Фома, — и хлеба съел во какой кусище!

— Так, — кивнул головой Фома Тимофеевич, — Жгутов здесь?

— Здесь.

— Кликни-ка его, Степан.

Но Жгутов уже сам вылез из люка.

— Все в порядке, Фома Тимофеевич, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — Всю ночь возился с мотором. Теперь можно спокойным быть.

— Так ли? — хмуро спросил Фома Тимофеевич.

— Зря не верите, — заскулил Жгутов. — Целую ночь глаз не смыкал. Утром еще на ремонтную базу бегал, кое-что из запчастей взял, знаете, чтоб уж наверное было. А вы меня же ругаете! Обидно, Фома Тимофеевич!

— Да, — сказал Степан, — вид у тебя, Жгутов, невеселый.

— А ты ночь не поспи, — обиженно возразил Жгутов, — какой у тебя вид будет? В Черный камень придем, там и отосплюсь, зато на мотор теперь положиться можно.

— Ладно, — сказал Фома Тимофеевич, — если в порядке, значит, в порядке.

Тут на палубу поднялась Глафира. Она стала лицом к берегу, чтобы не видеть пугавшего ее моря, и поклонилась капитану.

— Здравствуйте, Фома Тимофеевич, — сказала она, — и вы, Степа, здравствуйте.

Капитан и матрос поклонились ей.

— У тебя, Глаша, все в порядке? — спросил Коновалов. — Товару хватит?

— Как покупать будут, Фома Тимофеевич, — сказала Глафира. — Первый раз ведь идем. Книг-то много, да ведь кто знает. Может, все сразу раскупят, а может, и останется.

«Ну чего же мы не уходим?» — думал я про себя. Мне казалось, что все, как нарочно, двигаются необыкновенно медленно,

медленно говорят, а мне бы уж так хотелось, чтобы бот отошел от пристани! Пускай тогда Валька просыпается сколько угодно. Жалко, конечно, маму, но уж тут ничего не поделаешь.

Между тем Фома Тимофеевич зашел со Степаном в рубку, Глафира опять спустилась к себе в лавку, а Жгутов пошел к мотору. Мы остались вдвоем на палубе.

— Неужели еще рано? — спросил я Фому. — Ведь, кажется, все в порядке, пора отправляться.

— Вали боишься? — спросил Фома. — Зря. — Потом помолчал и добавил: — То есть не зря, собственно, а просто поздно уже бояться. Вон она бежит.

Я посмотрел и охнул. Точно вихрь двигался по улице. Это с невероятною быстротой к пристани бежала Валька. Фома как-то дернулся, будто собирался бежать, но совладал с собой и только засопел очень громко. А я стоял неподвижно: я понимал, что мне никуда не уйти и никуда не спрятаться. Валька влетела на пристань и остановилась перед ботом.

— Стыдно, стыдно, стыдно! — сказала она.

— Ух, теперь реву будет! — пробормотал Фома.

— А еще пионеры, а еще пионеры! — кричала Валька и даже пританцовывала от ярости. — И так врут, так врут — и кому? — маленькой, младшей! И не стыдно маленькую обижать!

Я понимал, что спорить с ней бессмысленно, но все-таки следовало же ей объяснить.

— Ну разве я тебя обижаю? — сказал я. — Ведь мама тебе не позволила, а не я. Я-то тут при чем?

Валя взбежала на бот и стала передо мной, уперев кулаки в бока.

— Не обижаешь? — яростно переспросила она. — Хорошо, что я умнее вас, мальчишек, так вам и не удастся меня обидеть, я сама всякого мальчишку обижу, вот что! Вруны, вруны!

Я жалобно посмотрел на Фому.

— Ну что ты с ней будешь делать! — сказал я.

Фома решительно шагнул вперед и стал перед Валей.

— А вот я тебя сейчас за косы выдеру, — сказал он низким и страшным голосом.

Валя испугалась, отступила назад, и глаза у нее от страху сделались круглые-круглые, но Фома вдруг махнул рукой и отвернулся.

— Не могу я драться с девчонками, — сказал он. — Противно мне.

Валька поняла, что ее дело выиграно, и сразу же осмелела.

— Давай, давай, — закричала она, — попробуй! Испугался, испугался?

— Поди ты поговори с ней! — опять махнул рукой Фома. — Не знаю, Даня, как ты ее терпишь! Если бы у меня была такая сестра, я бы сбежал из дому.

— Теперь я же плохая! — чуть не плакала Валя. — А вы, честные, да? Ну, сказали бы прямо: идем в рейс без тебя. Нет, обязательно надо солгать. «Отходим в десять часов, до десяти спи спокойно, Валечка». Но я вас, мальчишек, насквозь вижу. Я сразу поняла — тут обман. Я полночи не спала, все следила, а под утро заснула. Проснулась, а Даньки нет, сбежал! Думали, я просплю, да? Это хорошо, да?

Я еще раз попытался поговорить с ней, как с разумным человеком.

— Ну не можем же мы тебя взять, — начал я ей втолковывать, — если мама не позволяет. Пожалуйста, договорись с мамой. Разве я буду возражать?

— «Договорись»! — захныкала Валя. — Договоришься с ней, если она ничего понимать не хочет! Ей объясняешь, а она все свое — нельзя и нельзя... — Она вдруг замолчала, даже как-то скрючилась, сказала: — Ой, вот она! — и спряталась за рубкой.

Действительно, по пристани шла мама. У меня отлегло от сердца. Я так и знал, что в крайнем случае мама выручит. Не оставит же она в беде родного сына. Мама шла быстрыми и решительными шагами. Видно было, что она находится в боевом настроении.

— Вали здесь нет? — спросила она металлическим голосом.

— А, — пробормотал Фома, — будешь знать, как кусаться! — Потом любезно обратился к маме: — Здесь она, Наталья Евгеньевна, здесь. Вот только за рубку зашла. — И ласково позвал Валю: — Иди сюда, Валечка, иди, твоя мама пришла.

Валя вышла из-за рубки, показала незаметно для мамы кулак Фоме и сказала голосом послушной, хорошо воспитанной девочки:

— Да, мамочка, я здесь.

— А кто тебе позволил быть здесь? — сказала мама, поднимаясь на борт бота. — Ведь я же сказала, что в рейс ты не пойдешь.

— А почему Даньке можно, — прохныкала Валя, — а мне нельзя? Это справедливо, да?

— Если сказано — нельзя, — решительно заявила мама, — стало быть, и говорить не о чем!

Валя понимала, что дело ее проиграно. Она, в сущности говоря, уже смирилась.

— Я же ничего, — сказала она, — я же просто проводить Даню. Разве и этого уж нельзя?

В голосе ее были слезы. Это хуже всего, когда она такая кроткая. Пока она кричит и бунтует, я на нее злюсь и мне от этого легче, а когда она такая беззащитная, обиженная, несчастная, у меня на сердце все так и скребет. Мама тоже, видно, смягчилась.

— Ну, проводить можно, — сказала она. — Проводи, если хочешь.

Но Валя решила нас замучить своей кротостью.

— Нет, — сказала она печально и спокойно, — теперь мне уж расхотелось. Пойду домой.

— Как хочешь, — пожала мама плечами.

Валя подошла ко мне и протянула руку.

— До свиданья, Данечка, — сказала она, — счастливого тебе путешествия. — Потом она пожала руку Фоме и тоже сказала скромно и ласково: — До свиданья, Фома.

Мы оба чувствовали себя злодеями. Мы попрощались с ней, и она пошла с бота, маленькая, обиженная судьбой девочка с узенькими плечами и тоненькими косичками. Мама посмотрела ей вслед и вздохнула.

— Все-таки она хорошая, — сказала мама, — когда не капризничает.

Валя, не оборачиваясь, прошла по пристани, и мы долго видели несчастную ее фигурку. И у всех нас троих надрывалось сердце. Наконец Валя скрылась за поворотом.

Ведь вот как она удивительно умеет доставлять неприятности! То она устраивает такие сцены, что хочется ее исколотить, мешает, раздражает, лезет не в свое дело. То она вдруг начинает вести себя хорошо. Казалось бы, только радоваться, а на самом деле это еще неприятнее. Чувствуешь, что ты какой-то злодей, а она несчастная, страдающая, терпеливая. Нет, удивительно умеет она доставлять неприятности!

Глава восьмая

УХОДИМ В ПЛАВАНИЕ

Как бы там ни было, а все это уже кончилось. Ну, может быть, потом, когда мы вернемся из рейса, Валя и вспомнит как-нибудь эту историю, но это будет еще не скоро. Сейчас предстояло плавание, морская жизнь, новые места, новые люди, и пока неприятности с Валей были покончены.

Правда, трудные минуты еще предстояли. Мама, конечно, притащила какой-то шарф и стала требовать, чтоб я обмотал себе шею, так что мне просто было стыдно людям в глаза смотреть. Потом набила мне карманы порошками и велела, чтобы мы с Фомой принимали их каждый день. Это оказалась аскорбиновая кислота. Мама сказала, что если глотать эти порошки, так будешь чувствовать себя лучше. Может, это и действительно так. Только мне-то ни к чему, я и без них чувствую себя превосходно. В конце концов и с этим уладилось. Насчет порошков мы с Фомой переглянулись и оба поняли, что рыбам и крабам порошки тоже будут, наверное, полезны. И пусть себе едят на здоровье. А шею шарфом я обмотал, решив, что терпеть недолго и что минут через десять, как только мы отойдем, я его сниму и о нем навсегда забуду. Потом мама подошла к капитану, поздоровалась с ним, и мы все вместе спустились в кубрик. Мама хотела посмотреть, где мы будем спать. Там было мест даже больше, чем нужно. Шесть коек в два этажа располагались по трем сторонам кубрика. С четвертой стороны была дверь и трап, который вел на палубу. Фома Тимофеевич, Степан и Жгутов должны были спать внизу, а мы с Фомой — на верхних койках. Одна верхняя койка оставалась даже свободной, потому что Глафире полагалось спать в магазине. Там у нее была койка под прилавком.

Магазин мы тоже все осмотрели. Глафира показывала, как удобно разложены книги, так что каждую книгу легко достать, а если вдруг будет качка, то тоже не страшно, потому что на полках книги за-

креплены специальными рейками, и пусть сколько хочешь качает, а ни одна книга не вывалится. Зашли и к Жгутову. Жгутов возился с мотором, он был хмур и жаловался, что ему хочется спать, потому что всю ночь он работал, но Фома Тимофеевич сказал, что часа через три придем в Черный камень и там пусть он хоть сутки спит. Потом Степан остался помочь Глафире, а мы поднялись на палубу, и мама стала прощаться с Фомой Тимофеевичем.

— Я очень рада за вас, — сказала она, — что вы идете в рейс. Я ж видела, как вы огорчились, что вам плавать нельзя. А на «Книжнике» ваше здоровье идти вполне позволяет, и вы все-таки в море будете.

— Спасибо, Наталья Евгеньевна, — сказал капитан. — Конечно, судно как раз по мне. На нем только и место малым ребятам да старым развалинам.

— Вас, Фома Тимофеевич, — с упреком сказала мама, — все побережье знает, а вы говорите — развалина!

— Ладно, товарищ доктор, — хмуро сказал капитан, — конечно, тут хоть морским ветерком подышишь, а все-таки я вам скажу — обидно старику на этой калоше плавать.

В это время на палубу поднялся Скорняков.

— Ну, как у тебя, Фома Тимофеевич? — спросил он.

— Все в порядке, — сказал капитан, — к отходу готовы.

— Мотор наладили?

— Наладили, — сказал Фома Тимофеевич. — Жгутов целую ночь возился, ремонтировал. Опробовал под утро, говорит — хорошо работает.

— Если Жгутов будет себе позволять чего-нибудь, — сказал хмуро Скорняков, — ты мне сразу звони. Я ему такого пропишу, что он у меня запляшет!

— Может, исправится парень, — сдержанно сказал Коновалов.

— Хорошо бы, — кивнул головой Скорняков. — Механик он неплохой, не был бы болтуном и гулякой... Ну ладно. Восемь часов, пора вам отправляться. Между прочим, до Черного камня идите, не задерживаясь. Рассчитай так, чтобы к одиннадцати быть обязательно, а то во второй половине дня прогноз на шторм. После трех часов обещают.

— Ну, — сказал Фома Тимофеевич, — если не к одиннадцати, так к двенадцати мы уж наверное будем в Черном камне. Сколько баллов обещают?

— До восьми, — сказал Скорняков.

— Ну что ж. Пока штормит, мы и расторгуемся. Рыбаки-то будут на берегу. В свободное время как раз хорошо книжку купить, почитать.

Мама, конечно, разволновалась. Мне за нее даже стыдно было. Она начала говорить, что, может быть, отложить рейс, что не опасно ли, то, се. Ну, капитан бота и капитан порта ей объяснили, что все это, конечно, чепуха. В общем, наконец все уладилось, мама и Скорняков сошли на пристань, Фома Тимофеевич вызвал Степана, дал команду, застучал мотор, и, можете себе представить, мы наконец отошли от пристани. Глафира на минуту высунулась из люка, увидела море, охнула и скрылась опять. Степан стоял на руле. Пристань отошла назад, мама махала нам платком, громко пожелал нам счастья Скорняков, мотор ровно застучал, пристань становилась все меньше и меньше. Я думал, на пристани покажется Валя, думал — захочет все-таки проводить. Но Вали не было. Видно, она очень обиделась и хотела показать, что ей даже и неинтересно смотреть на наше судно и на то, как мы уходим в плавание. Ну, и не надо. Нам и без нее было хорошо. Даже еще и лучше.

Стучал мотор. Мы уходили в море. Оказалось, что оно совсем не страшное. И следа боязни у меня не осталось. Кажется, за последнее время навидался я моря, но только сейчас, отойдя от берега, я по-настоящему понял, какое оно красивое. Небольшие волны ходили по морю, и от этого казалось, как будто бот двигается скачками. Приподнимется, рванется вперед, потом грудью навалится на воду, и вода плещет под ним, да так весело, так бодро плещет, что одно удовольствие слушать.

Все страхи отошли куда-то. Оно было совсем не страшное, море, оно было радостное и большое. Даже Глафира, кажется, перестала бояться. Она сперва неуверенно высунулась из люка, осмотрелась и сразу спряталась, потом высунулась еще раз и уже пробыла подольше, а потом нерешительно поднялась на палубу. Степан стоял у штурвала. Он увидел Глафиру и улыбнулся ей, и она в ответ смущенно ему улыбнулась.

— Не страшно, Глаша? — спросил Степан.

— Стерплю, — ответила Глафира.

Может быть, ей было и страшно, но только и весело тоже. Больно уж хорошо было вокруг.

Фома Тимофеевич, попыхивая трубочкой, прогуливался по палубе взад и вперед. Кажется, он забыл, что приходится ему вместо настоящего судна командовать какой-то плавучей лавочкой. Лавочка там или не лавочка, а кругом все равно океан, и от одного этого хорошо на душе. Я посмотрел назад и удивился. Кажется, совсем недавно мы отошли, а берег уже был далеко-далеко, и домики стали маленькие, и даже скалы, на которые мы с Фомой лазили и с которых страшно было смотреть вниз, отсюда казались совсем невысокими. Мы шли от берега наискось. Берег удалялся от нас и в то же время плыл мимо нас. Показывались новые, еще мною не виданные безлюдные бухты и новые, не виданные мной каменные горы, потом большая гора проплыла мимо нас и закрыла становище, и мы шли теперь вдоль пустынного, безлюдного берега, такого, о каких я только в книжках читал, а сам никогда не видел.

Разговаривать не хотелось. Молчал Фома Тимофеевич, попыхивая трубочкой и прогуливаясь взад и вперед, молчал Фома, подставляя голову ветру и только посапывая от удовольствия, молчал и я, наслаждаясь тем, что вот я и путешествую, плыву вдоль пустынных берегов, и представляя себе, как было б хорошо открыть неизвестную бухту или какой-нибудь остров, придумать ему хорошее название и нанести на карту. Еще я подумал, что славно бы поехать в Воронеж. Пришел бы к нам в школу, стал бы рассказывать о здешних местах и о том, какие я совершил путешествия, и весь наш класс слушал бы открыв рот, а некоторые из ребят говорили бы, что я, наверное, все вру, но на это бы никто не обращал внимания. Каждому было бы ясно, что они говорят из зависти. Потом я услышал негромкий разговор Степана с Глафирой. Глафира стояла рядом с рулевой рубкой, стекло в рубке было открыто, и им было удобно разговаривать.

— Вот странно, — говорила Глафира, — я Фому Тимофеевича на берегу ни чуточки не боюсь, а на судне прямо дух захватывает.

— Что же тут странного, — сказал Степан, — на берегу он всего только Фома Тимофеевич, а на судне он капитан.

— Нет. — Глафира покачала головой. — Тут не то. Просто я на море всего боюсь.

— Надо, Глаша, привыкать. Выйдете за меня замуж, станете женой моряка, вам моря нельзя бояться.

Глафира долго молчала. Потом она заговорила печально, тихо:

— Какая же, Степа, у нас может быть с вами жизнь? Я море знаете как не люблю? — Она говорила и смотрела в бесконечное сверкающее море. — Ужас, как не люблю! Ночью мне море приснится, так я вся дрожа просыпаюсь. А вы ведь без моря не можете.

Она сказала это полувопросительно, будто надеясь, что Степан откажется от моря и тогда все уладится и все будет хорошо. Но Степан ответил грустно и коротко, будто извиняясь:

— Да, не могу.

— Ну, вот видите! — сказала Глафира.

— Что — видите? — повторил Степан. Он глядел вперед, и казалось, что он обращается не к Глафире, а просто так, куда-то в пространство. А говорил он настойчиво и убежденно: — Ничего я не вижу. А как все моряки живут? Конечно, когда муж в рейсе, жена на берегу, но уж зато муж из рейса пришел — водой супругов не разольешь. Гости придут посидеть — муж рассказывает, что в рейсе случилось: может, шторм был или машина испортилась, чуть на скалы не нанесло или еще что, — а жена сидит, переживает. И печка натоплена, чистота кругом, половички постланы, самовар шумит. Хорошо!

Он говорил это будто сам себе, будто Глафиры и не было рядом, и так же, как будто для себя, сказала Глафира:

— А потом вы опять в рейс уйдете, а я ночи не буду спать, думать, что с вами, не случилось ли чего.

— Все равно, — убежденно сказал Степан, — ни мне без вас не жить, ни вам без меня. Тут, Глаша, уж ничего не сделаешь.

— То-то и беда, — сказала Глафира.

Я посмотрел назад. Берег был теперь далеко-далеко. Уже нельзя было разглядеть ни скал, ни бухт, ни ущелий. Только черная гряда тянулась по самому горизонту, низкая, черная, неровная гряда. Мы были одни в бесконечном море. Ровно сту-

чал мотор, «Книжник» весело налегал грудью на волны и расплескивал их, будто играл, радуясь широкому морскому простору. Жгутов вылез на палубу, присел на край люка и закурил.

— Как работает, Фома Тимофеевич! — сказал он. — Слышите? Часы! Со мной не пропадете.

Фома Тимофеевич буркнул что-то очень недовольно, и в этот момент наступила тишина. Я сперва даже не понял, отчего так тихо. Волны плескались о борта «Книжника», чайка, крича, пролетела над самой палубой, и, несмотря на это, было удивительно тихо. Я увидел испуганное лицо Глафиры, увидел, как Фома Тимофеевич резко повернулся к Жгутову, как Жгутов торопливо прыгнул вниз, в люк, и тогда только понял, что произошло: замолк мотор. И сразу тишина, неожиданно наступившая, показалась мне страшной и грозной, и сразу у меня сжалось сердце.

Я посмотрел на Фому. Нет, Фома был как будто спокоен, хотя у этих поморов разберешь разве, когда они спокойны, а когда волнуются?

— Погляди, Степа, который час? — спросил Фома Тимофеевич.

— Десять десять, — ответил из рубки Степан.

Я даже вздрогнул. Неужели уже два с лишним часа, как мы вышли из порта? Незаметно, в спокойных, ленивых размышлениях, прошло время. Значит, мы уже через час должны были бы быть в Черном камне, но мы были далеко в море, и берег был еле виден на горизонте.

Фома Тимофеевич смотрел, щурясь, на черную полосу берега.

— Сильно нас сносит, Степа, — сказал он.

— Ничего, — сказал Новоселов, — мотор заработает, все за час наверстаем.

— Позови-ка Жгутова, — буркнул Фома Тимофеевич.

— Механика к капитану! — крикнул Новоселов в переговорную трубку.

Жгутов сразу поднялся на палубу. Очень жалкий у него был вид. Он отводил глаза в сторону и переступал с ноги на ногу.

— Звали меня? — спросил он.

— Ну, что там с мотором? — Коновалов смотрел на Жгутова в упор. — Долго еще возиться будешь?

— Просто не знаю, Фома Тимофеевич, — жалобно загнусил Жгутов. — Все время заедает, проклятый! Намучился я с ним!

Фома Тимофеевич подошел вплотную к Жгутову. Он стоял, приблизив свое лицо к растерянному лицу моториста, а моторист смотрел в сторону, будто его занимали чайки, с криком летавшие над водой.

— Да ведь ты же целую ночь возился! — сдавленным голосом сказал Фома Тимофеевич. — Ты же утром опробовал. Ну, говори, объясни, что случилось, ведь ты же механик. Ты должен знать.

Жгутов все следил за чайками, как будто ждал от них сочувствия.

— Не знаю я, Фома Тимофеевич, — сказал он, — сам ничего понять не могу.

Капитан отошел от моториста, пососал трубку, даже не заметив, что она погасла, прошелся взад-вперед и, остановившись перед Жгутовым, сказал спокойным голосом:

— Даю тебе полчаса. Если через полчаса мотор не наладишь, в первом порту списываю, и пойдешь под суд, ясно?

Жгутов кивнул головой и молча спустился вниз.

— Заметь время, Степа, — сказал Коновалов.

— Десять часов восемнадцать минут, — ответил Степа и добавил успокаивающе: — Что вы припугнули Жгутова, это, конечно, Фома Тимофеевич, правильно, но вообще-то ничего страшного, даже если он к вечеру отремонтирует. До Черного камня ходу час, ну полтора, значит, так и так с утра торговать начнем. А погода славная. В крайнем случае поболтаемся несколько лишних часов.

— Да знаешь ли ты, Степан... — рявкнул капитан на Новоселова и вдруг осекся. Он кинул взгляд на нас с Фомой, помолчал, пососал трубочку и закончил совсем спокойно: — Вообще-то, конечно, ничего страшного.

Он мог бы и закончить свою мысль. Я все равно все вспомнил и все понял: во второй половине дня нас ждет шторм, до второй половины дня, часов до трех, осталось пять часов. А если за это время мотор не будет починен?

Я посмотрел на Фому и встретил его наблюдающий взгляд. Он думал: понимаю ли я, чем нам грозит остановка мотора? Он-то, конечно, давно уже все вспомнил и сообразил. Боюсь, что вид у меня был не-

важный, но все-таки мне удалось сказать довольно спокойно:

— В самом деле, поболтаемся в море, даже интересно.

В глазах Фомы я прочел одобрение. Он понял меня. Он понял, что я хотел ему дать понять: все, мол, помню, все знаю, но не бойся, буду держаться.

Фома молча кивнул мне головой.

Глава девятая

НЕВИДИМЫЙ ПАССАЖИР

Ох, и медленно же тянулось время! Фома Тимофеевич вошел в рулевую рубку и тихо разговаривал со Степаном. Я знал, о чем. Он сообщал ему о прогнозе погоды и предупреждал, что надо скрыть это от нас и от Глафиры. Через полчаса опять вызвали Жгутова. Жгутов оправдывался и клялся, что он не виноват, обещал все исправить, но прошел еще час и два, и по-прежнему была тишина, по-прежнему мотор молчал. Глафиру капитан услал вниз, велев ей все готовить к торговле, чтобы, как придем в Черный камень, можно было сразу пускать народ. Глафира сказала, что у нее все готово, но капитан на нее так прикрикнул, что она прямо скатилась вниз. Она понимала, что происходит что-то нехорошее, и понимала, конечно, что Фома Тимофеевич хочет ее убрать с палубы. Ослушаться капитана она не решилась и, наверное, бедная, сидела внизу, обмирая от страха. Во всяком случае, время от времени из люка показывалось испуганное ее лицо, но, как только Фома Тимофеевич к ней поворачивался, она точно проваливалась вниз.

Было около двух часов, когда капитан начал внимательно вглядываться в небо.

— Будто облачко? — негромко спросил он Новоселова.

— Похоже на то, — ответил Степан.

В это время на палубу поднялся Жгутов. Вид у него был очень жалкий.

— Разбирать надо мотор, Фома Тимофеевич, — сказал он, глядя в сторону.

— Да ведь ночью же ты разбирал? — спросил капитан.

Жгутов молчал.

— Ну, говори, разбирал или нет?

Жгутов молчал. Фома Тимофеевич подошел к нему, взял его двумя руками за плечи и притянул к себе.

— Может, обманул? — тихо спросил он. — Может, не ремонтировал? Ну, говори!

Жгутов шмыгнул носом и, с тоской глядя вдаль, сказал:

— Обманул, Фома Тимофеевич.

— Так, — кивнул головой Коновалов. — Где ж ты ночью-то был? Спал, бездельничал?

— Гулял с ребятами, Фома Тимофеевич, — сказал Жгутов, — всю ночь гулял.

— Что ж ты думал? — спросил капитан. — На что надеялся?

— Думал, до Черного камня добежим, — жалобно тянул Жгутов, — а там отремонтируюсь.

— Совесть прогулял, Жгутов, совесть! — чуть не шепотом сказал Фома Тимофеевич. — Честь потерял. Какой же ты негодяй, Жгутов! — Он в ярости занес кулаки над Жгутовым, но, сдержавшись, опустил их. — Как с мотором? — спросил он.

— Фома Тимофеевич, — захныкал Жгутов, — дайте мне три часа. Я разберу мотор. Я успею. Видите, безветренно, небо чистое. Я буду как черт работать. Дайте мне три часа.

— Три часа тебе дать? — спросил Коновалов. Он взял его за плечо, подвел к борту и показал на горизонт: — Видишь облачко? Посмотри хорошенько. Это шторм на нас идет. А мы убежать не можем и выстоять не можем. А у нас дети на борту, Жгутов. У нас женщина на борту. Кто отвечать будет? Ну, ты пойдешь рыбам на корм. Ты заслужил, а они при чем?

— Виноват, Фома Тимофеевич, — сказал дрожащим голосом Жгутов. Он, кажется, очень перепугался.

— Десять минут я тебе даю, — сказал капитан. — Кровь из носу, чтоб мотор работал, ясно? Иди.

Жгутов пошел по палубе, дошел до люка и остановился. Глафира, растерянная, испуганная Глафира, стояла на трапе, до пояса высунувшись из люка. Достаточно было посмотреть на ее лицо, чтобы понять: она слышала весь разговор. Она знала все. Надо же было столько лет бояться моря, решиться наконец выйти в безопасное плавание и сразу попасть в такую катавасию!

— Пусти, — бледными губами пролепетал Жгутов.

И Глафира спустилась вниз и моторист за нею.

Степан стоял на руле. Фома Тимофеевич ходил по палубе взад и вперед, а облако все росло и росло. Оно, видно, мчалось на нас с огромною быстротой. Над нами еще светило солнце, а на севере море было уже темное, пасмурное, и уже белые барашки были видны вдалеке, и будто холодом дышало на нас с севера. Капитан все шагал по палубе и вдруг остановился прямо перед нами.

— Вот что, ребята, — сказал он резко, — скоро, понимаете, шторм начнется, а у нас мотор не в порядке. В общем, надо, знаете, ко всякому приготовиться. Ты-то, Фома, морской человек, я думаю, трусить не будешь, а вот Даниил не знаю. Ты как, Даниил?

— Я что ж, — сказал я, и мне самому было стыдно, такой у меня был дрожащий голос. — Я постараюсь.

На палубу поднялась Глафира. Бледная подошла она к рубке.

— Что ж это, Степан, — сказала она, — погибать будем? Как же это Жгутов нас всех потопил?

— Ну уж и потопил! — сказал Степан. — Может, еще и не потонем.

— Ой, — запричитала Глафира, — ой, Степа, боюсь! Ой, Степа, боюсь! Сил моих нет, Степа! Под водой-то рыбы, акулы, утопленники.

Фома Тимофеевич в два прыжка оказался возле нее. От его обычной медлительности следа не осталось. Он был быстр в движениях, решителен и резок.

— Кто говорит «боюсь»? — рявкнул он. — Если кто струсит, плохо будет. Не до шуток. Спасаться надо. Не советую трусить. Поняла, Глафира?

— Поняла, Фома Тимофеевич, — сказала Глафира и всхлипнула.

Фома Тимофеевич словно забыл про Глафиру и, подойдя к борту, стал внимательно вглядываться в стремительно выраставшее облако. Тихо было на палубе. Все молчали. Потом ласково сказал Степан:

— Страшно, Глаша?

И совсем тихо, боясь, как бы не услышал Фома Тимофеевич, сказала Глафира:

— Ой, Степа, знали бы вы, как страшно! Смотрите, тень пала какая! А тучи какие! Страшно, Степа!

— Ничего страшного, — ласково сказал Степан. — Выживем, Глаша.

Холодная тень пробежала по боту. Облако закрыло солнце. И в эту минуту отчетливо застучал мотор. Коновалов повернулся и спокойно сказал:

— Ну вот, значит, и трусить нечего. Раз мотор работает, может, и выстоим.

— К берегу ворочать? — спросил Степан. — В губу убегать будем?

— Прямо на норд, — резко сказал Фома Тимофеевич. — Ты что, хочешь, чтобы нас о камни разбило? Нам одно спасение — носом на волну.

Резко засвистел ветер.

— Начинается, Степан, — сказал Фома Тимофеевич. — Правь на волну, и только бы мотор не сдал.

— Выдержим, — спокойно ответил Новоселов, поворачивая штурвал. — Всякое ведь выдерживали.

На палубу выскочил Жгутов. Он был взлохмачен и возбужден.

— Ага! — кричал он. — Работает! А вы, Фома Тимофеевич, говорили! Жгутов знает машину! Жгутов понимает машину! За Жгутовым не пропадешь!

Только он успел это сказать, как мотор замолчал.

— Вниз, дрянь! — крикнул Фома Тимофеевич.

И Жгутов провалился вниз, точно снизу его кто-то дернул за ноги. А ветер свистел сильней и сильней, и бот положило набок. Меня швырнуло к борту, и я услышал свой испуганный крик, и сразу Фома схватил меня за руку и потащил к трапу. Я поскользнулся и упал на колени и только стал подниматься, как услышал резкий голос капитана:

— Все вниз! На палубе остаемся я и Степан.

По чести сказать, от страха я потерял голову. Я так до сих пор не понимаю, каким образом вытащил меня Фома. Я только помню белое от ужаса лицо Глафиры и Фому, который держал меня за руку, а другой рукой уцепился за крышку люка. И снова громко, отчетливо застучал мотор. Степан с напряженным лицом медленно ворочал штурвал. Волна налетела на палубу и окатила нас всех. А потом бот медленно повернулся и выпрямился.

Я протер глаза и увидел бурное море вокруг, и палубу, и нос бота, который то поднимался, то опускался, с шумом расплескивая воду. Я увидел спокойное лицо Степана, напряженное, бледное лицо Фомы,

продолжавшего крепко держать меня за руку, Фому Тимофеевича, по бороде которого стекала вода и который спокойно сказал:

— Ну, вот и выпрямились. Страшное позади. А ну-ка, все вниз!

Бот поднимался и опускался вверх-вниз, вверх-вниз, и в этом уже было спокойствие: его не швыряло бессмысленно из стороны в сторону. Бот идет и будет идти, пока мотор работает. А мотор покуда работает. Он стучит отчетливо, громко, ровно. Я вытер лицо и шагнул к люку. По чести сказать, мне и самому хотелось в трюм. Что-то мне не понравилось, как окатывает волна. И вдруг я остолбенел. Навстречу нам по трапу поднималась... кто бы вы думали?.. Валя! У нее было спокойное, заспанное лицо. Она оглядела нас всех и, кажется, даже не заметила того, что мы все взволнованные и мокрые.

— Который час? — спросила она так спокойно, как будто боялась опоздать к обеду.

Вопрос этот был настолько неожидан и глуп в нашем положении, что Фома растерялся и ответил ей:

— Четвертый.

Но Валя не слышала. Она наконец проснулась окончательно и поняла, что вокруг хлещут волны, что бот швыряет из стороны в сторону и что у нас всех слишком взволнованные и серьезные лица для спокойного, благополучного плавания.

— Ой, что это? — испуганно спросила она.

— Нет, Даня, — задумчиво и медленно произнес Фома, — если бы у меня была такая сестра, я бы сбежал из дому.

Фома Тимофеевич, кажется, тоже растерялся, увидев Валю. Во всяком случае, он долго молчал и только теперь спросил ее каким-то растерянным голосом:

— Ты как сюда попала?

— Мама меня не пустила, — начала объяснять Валя, — я и решила, что все равно проберусь. Вы магазин пошли осматривать, а я залезла в кубрике на верхнюю полку и одеялом накрылась. И заснула. Я ведь ночь почти не спала, — объяснила она, будто главная ее вина была не в том, что она залезла на судно, а в том, что она заснула не вовремя.

— Только девчонки нам не хватало! — сказал Фома Тимофеевич, и голос его звучал, как стон. Но сразу же он овладел собой. — Ну, вот что, — загремел он яростным голосом, — раз уж ты попала сюда, помни — здесь судно. Если струсишь и дисциплину нарушишь, знаешь, что с тобой будет?

Валя только кивнула, глядя на Фому Тимофеевича испуганными глазами.

— Все вниз! — выкрикнул Фома Тимофеевич. — Быстро!

— Иду, иду! — закивала головой Валя, которой, кажется, и самой очень хотелось поскорее скрыться с глаз разъяренного капитана.

Она повернулась и пошла вниз по трапу, и всем своим видом она показывала, что она очень хорошая и послушная девочка и совершенно не за что на нее сердиться.

— Да, — повторил Фома убежденно, — я бы сбежал из дому.

Глава десятая

НАС ЗАСТАВЛЯЮТ РАБОТАТЬ

И вот мы спустились в кубрик все четверо — мы с Валей, Фома и Глафира — и расселись на койках. Это так просто сказать — расселись. Нас швыряло в разные стороны, мы налетали друг на друга, цеплялись за поручни, за бортики коек и все-таки наконец расселись. Тускло светила лампа под потолком, заделанная железной решеткой. И очень неприятно было слушать, как в борт ударяют волны. Казалось, что борт тоненький-тоненький — так отчетливо были слышны удары. Бот поднимался и летел вниз, и каждый раз у меня замирало сердце и подкатывало к горлу. Валька тоже, кажется, сообразила наконец, в какую она влипла неприятную историю из-за своей привычки всюду лезть. Она сперва еще хорохорилась, а потом побледнела, легла на койку с ногами и еще минуты через три начала потихонечку хныкать.

— Чего ты? — мрачно спросил ее Фома.

— Тошнит, — чуть слышно ответила Валя, — и голова кружится.

В это время волна ударила в борт, и Глафира тихонько пробормотала:

— Ой, мамочка ты моя родная!

— А вас, тетя Глаша, тоже укачало? — спросил Фома.

— Что ты! — возмутилась Глафира. — Меня разве укачает? Боюсь я, Фома, ну до смерти прямо боюсь! — Тут волна как под-

дала снова в борт, Глафира охнула и забормотала: — Ой, мама ты моя, мамочка! Это же ужас, что такое делается!

— Да ну, тетя Глаша, — солидно сказал Фома, — чего вы, на самом деле! Ничего же опасного нет. И мотор, слышите, ровно работает, и дед ведет судно, а он знаете какой опытный?

— Ой, знаю, — простонала Глафира, — все знаю — и про мотор и про деда, а все равно волна как поддаст, так у меня все прямо...

Тут волна поддала и Глафира забормотала:

— Ой, мама моя дорогая, вот ужас, вот ужас!

Так мы сидели, и время шло, шло, и ничего не менялось. Тихонько поскуливала Валька, на разные голоса взывала к своей маме Глафира. Я, правда, молчал, но, по чести сказать, мне хотелось не то что заскулить, а просто полным голосом закричать караул. Только у Фомы был спокойный вид человека, который чего-то ждет, знает, что ждать необходимо, что ждать придется долго, приготовился к этому и запасся терпением. С таким видом он мог бы сидеть на приеме у зубного врача, если бы была большая очередь.

Потом по трапу затопали сапоги, и в кубрик вошел Новоселов. Он был в зюйдвестке, проолифленных штанах и куртке. Не знаю, где и когда успел он одеться. Он весь был мокрый, а на плечах и на зюйдвестке налип талый снег.

— Ну, как существуете, морячки? — весело сказал Новоселов. — Ничего, живы?

— Ой, Степа, — застонала Глафира, — до чего страшно! Что там наверху? Не тонем еще?

— Как можно, Глаша, тонуть? — удивился Новоселов. — Разве потонешь с Фомой Тимофеевичем? Его волна боится. А как молодежь?

— Стонут, дядя Степа, — солидно сказал Фома, — скрутило их очень.

— С непривычки, конечно, может скрутить, — согласился Новоселов, — только, смотрю я, не делом вы занимаетесь. Не годится это — сидеть да слушать, как волна бьет. Это и храбрый человек струхнет.

— А как же, дядя Степа? — спросил Фома.

— Работать надо, — решительно сказал Новоселов. — Есть у вас, Глаша, какая работа?

Тут волна так ударила в борт, что Глаша даже взвизгнула:

— Ой, мамочка, мамочка, мамочка! — Потом она помолчала и продолжала уже более спокойно: — Какая тут работа! Книжки надо бы разобрать, да разве это возможно?

— Почему невозможно? — удивился Новоселов. — Обязательно возможно. Книжками займитесь, вам полегче и станет. И ребят поднимите. Ничего, что укачало, за работой забудут. Давай, Фома, организуй. Давайте, Глаша. Нечего, нечего.

Фома с сомнением посмотрел на меня, потом с еще большим сомнением на Вальку и хмуро покачал головой.

— Не знаю, дядя Степа, — сказал он, — как их поднять.

— Давай, давай, — сказал Степан. — Эй, Валентина, вставай, работать надо. Нечего на койке валяться.

— Вот еще! — буркнула Валя. — Не могу я работать, оставьте меня в покое!

— Что? — удивился Новоселов. — Это ты с кем говоришь? Ты понимаешь, что ты на судне? Здесь каждый работать обязан.

— Я не обязана, — с рыданием в голосе возразила Валя, — я маленькая.

— Как забираться на судно, так не маленькая, — рассердился Степан, — а как работать, так маленькая? А ну давай, нечего, нечего!

Он взял Валю, поднял ее, поставил на пол и одобрительно на нее посмотрел:

— Ну, видишь, вполне способна работать. Мы тебя еще в матросы запишем. Давайте, Глаша, командуйте, что ей делать. Веселее, веселее!

— Неужели, Степа, книги разбирать?

— А как же? — Новоселов даже удивился. — Обязательно.

Снова ударила волна в борт, и застонала Глафира:

— Ой, мамочка, мама, ой, как бьет!

— Ничего, ничего, — сказал Новоселов. — Суденышко старенькое, но еще крепкое.

Я с ужасом ждал, что сейчас Степан возьмется и за меня. И он действительно взялся. Он наклонился надо мной и, прищурившись, заглянул мне в глаза.

— А ты что? — спросил он удивленно. — Ты это брось на койке валяться. Ты же мужчина, моряк, а так могут подумать, что ты боишься.

— Нет, — сказал я, хорошо представляя, какой у меня жалкий вид и какое несчастное выражение лица, — я не то что боюсь, а просто меня немножко мутит.

— Это ничего, — сказал Новоселов, — это у всех бывает, не надо внимания обращать.

— Я и стараюсь не обращать, — начал я, — но...

Дальше я собирался объяснить ему, как я слаб и несчастен, и что я не только работать, а и пошевелиться-то не могу, и что дело тут не в страхе, а в физическом заболевании, в котором ничего стыдного нет, но Степан не дал мне договорить:

— Вот и хорошо, что не обращаешь. Главное — это внимания не обращать. Давайте, Глаша, ему работу. Он вам сейчас покажет, что значит мужчина. Здоровый же парень, прямо смотреть приятно. А ну, давай!

Он меня взял за плечи, и не успел я опомниться, как уже стоял на ногах и он меня подталкивал по направлению к магазину, а Валя была передо мной, и поэтому невольно я подталкивал ее, впереди шел Фома, а сзади Глафира, и так мы вошли в магазин, держась за все, что попадалось под руку.

Мы вошли в магазин, и тут, оказывается, было что делать, потому что, несмотря на замечательные рейки, которые Глаша сама придумала и которыми очень гордилась, некоторые книги все-таки выпали каким-то образом с полок и часть картин упала с крюков, на которые они были повешены.

— Давай, Даня, — сказала Глафира, — подбирай книги, а потом разберемся, какую куда. А ты, Валя, картинки собери, и живо, живо, нечего время терять. Работать надо.

Она словно переняла у Степана этот его бодрый тон, эту его настойчивость. Честно сказать, я злился на нее очень. Меня раздражало то, что они, люди, выросшие на море, родившиеся на море, не хотят понять, как трудно нам, воронежцам, никогда моря не видавшим. Я бы и начал спорить с ней и со Степаном, однако понимал, что выглядеть это будет как трусость. И книги и картины от нас удирали и словно дразнили нас. Стоило мне наклониться над книгой, с трудом удерживаясь на ногах, как книга вдруг устремлялась в другой конец магазина, а мне навстречу летела картина, только что удравшая от Вальки. Толк был небольшой от нашей работы, но все-таки мы работали. Во всяком случае, нам казалось, что мы работаем.

Степан был доволен ужасно:

— Вот это я понимаю, а то куда ж годится! Давайте и вы, Глаша, работайте. Я попозже зайду, посмотрю, как дело идет.

— Вы бы побыли с нами, Степа, — жалобно сказала Глафира, обеими руками держась за прилавок. Но тут волна ударила в борт, бот мотнуло, и Глафира застонала: — Ой, мамочка, мамочка, ой, ужас какой!

— Мне Фому Тимофеевича надо сменить, — сказал Новоселов. — У вас тут за командира Фома останется. Он моряк опытный и не трус. Верно, Фома?

— Не знаю, дядя Степа, — солидно сказал Фома. — Вам видней.

— Я говорю — значит, верно, — подтвердил Степан. — Ну, живите, не скучайте. И не бездельничать. От безделья и мысли мрачные, и качает будто сильней. Будьте здоровы.

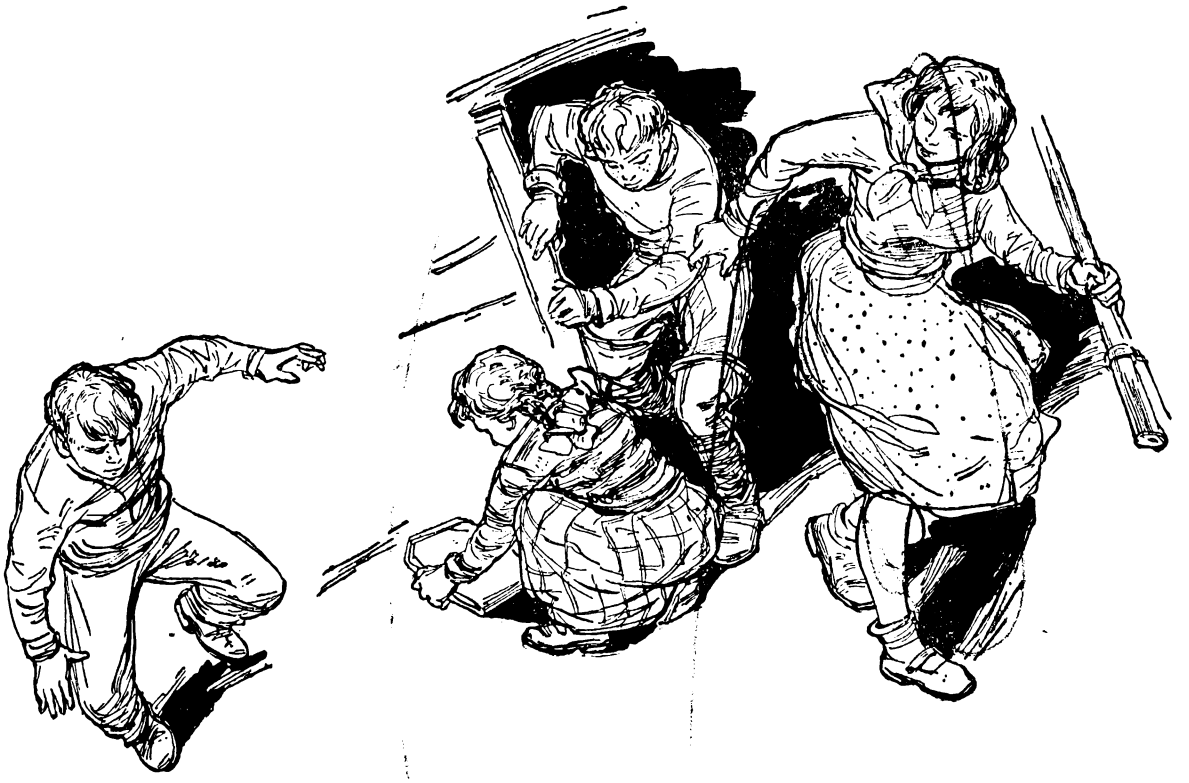
Застучали сапоги Степана по трапу, и, когда он ушел, сразу пропала бодрость, которую он сумел нам внушить. Видно, невелик был ее запас. Немного еще после ухода Степана мы продолжали ловить убегавшие картины и книжки, но постепенно двигались все более вяло. Первая заскулила Валька. Какая-то картина в тоненькой золотой раме — потом я разглядел, что это были «Мишки в лесу» Шишкина, — удирала особенно энергично. Валька гонялась, гонялась за ней и вдруг отчаялась. Вцепилась в прилавок и захныкала:

— Ой, тетя Глаша, не могу я работать, мне что-то нехорошо.

— Ну, ну, — прикрикнула Глафира, — я тебе похнычу! Ты что думаешь, здесь детский сад? Раз на судно попала, значит, подчиняйся, работай!

Смешно было, что она говорила совсем так, как Степан. Точно таким же тоном. И, хотя в это время снова волна ударила в борт, Глафира даже не вспомнила про свою знаменитую мамочку.

От этой волны картина, все время убегавшая от Вали и как будто дразнившая ее, вдруг, поняв, по-видимому, что Валя может и в самом деле оставить ее валяться на полу, любезно подползла к самым Валькиным ногам. Но Вальке было не до картины. Она заплакала уже совершенно всерьез.

— Ну не могу я! — вопила она сквозь рыдания. — Ну что хотите делайте, не могу!

Тут пришлось вмешаться мне. По чести сказать, я тоже чувствовал, что не могу. Валька как будто выражала мои мысли. Но мне следовало помнить, что я старший и, значит, не только не могу распускаться при маленькой, но еще и должен ее учить уму-разуму. Поэтому я, вместо того чтобы тоже расплакаться или, по крайней мере, хоть начать жаловаться, вдруг заорал на Валю громко и сердито:

— Что значит «не могу»? — кричал я. — А я могу? Да? А тетя Глаша может? А Фома Тимофеевич на вахте стоит — он может? И подбери картину сейчас же. Это государственное добро. Ну!

Валя помолчала немного, и я уже подумал, что зря на нее кричал, что она сейчас только сильнее расхнычется и толку никакого не будет, но она вдруг сказала очень сердито, как она всегда говорила, когда понимала, что неправа и надо подчиниться, но не хотела показать, что подчиняется.

— Ну, чего раскричался? — сказала Валя. — Ну, подберу. — Она изловчилась и действительно подняла картину и сразу же с возмущением повернулась ко мне. — Я ничего и не говорю, — сказала она. — А только на младших нельзя кричать. Это на нервы вредно действует.

— «Нервы, нервы»! — проворчал я. — Будут тут еще твоими нервами заниматься!

Я подхватил первую попавшуюся книгу и начал с трудом запихивать ее на полку.

— Хватит, ребята, ссориться, — примирительно сказал Фома. — Давайте я тоже вам помогу, быстрее управимся.

Книги и картины по-прежнему убегали от нас, но мы наловчились и теперь ловили их лучше, и их не так много уже оставалось, сорвавшихся с крючков или убежавших с полок, и действительно стало нам лучше. И Глафира уже не вскрикивала при каждом ударе волны, и Валька не хныкала, и меня уже не мутило.

Вдруг я услышал резкий, громкий смех. Я поднял голову. Держась рукой за переборку, в магазине стоял Жгутов. Я не заметил, когда он вошел из машинного отделения.

— Сбесились вы, что ли? — сказал Жгутов. — Судно на воде еле держится, а они книжечки разбирают!

— Нам дядя Степа велел, — сказал Фома.

Каким-то странным мне показался Жгутов. Не то он был очень возбужден, не то, может быть, просто выпил. Как-то он дергался весь, глаза у него будто подмигивали, рот кривился, и нельзя было понять — рассмеется он сейчас или начнет трястись в припадке.

— Шутит над вами дядя Степа, — чуть не закричал он. — Шутит, а вы, дураки, поверили. Книжки по полочкам расставлять! Ой, уморили! Все равно ваши книжки рыбы читать будут.

— Как это — рыбы будут читать? — удивленно спросила Валя. — Откуда же рыбы?

— Ну, ты, механик, — резко сказала Глафира, — ты бы свои дела делал, а в чужие нечего нос совать!

— Тебя не спросил, начальница, — сказал Жгутов и сузил глаза так, что они стали совсем как щелочки. И вдруг выкрикнул отчаянным голосом: — Бросай все, ребята, чистое белье надевай, вот что морякам положено.

— А зачем чистое белье надевать? — так же изумленно спросила Валя.

Фома подошел и стал прямо перед Жгутовым, широко расставив ноги и немного втянув голову в плечи.

— Стыдно, стыдно, — сказал он, — а еще моряк! Вот деда я позову, пусть он вас научит.

Но тут уверенно вышла вперед Глафира и резким движением руки отодвинула Фому в сторону.

— Подожди, Фома, — сказала она, — незачем деда звать, я и сама сейчас ему все скажу. — Она положила руки Жгутову на плечи и сказала ему, глядя прямо в глаза: — Пошел на место, дурак! Забыл, что из-за тебя вся история вышла? Сиди в машинном, пока не позовут!

Жгутов как-то сник и скосил глаза на полку с книгами, как он недавно косил их на чаек, когда с ним разговаривал Коновалов.

— Ну-ну, — пробормотал он, — шуток не понимаете. Уж и посмеяться нельзя! — Он повернулся и, держась руками за переборки, неуверенными шагами, будто у него подгибались ноги, ушел в машинное отделение.

— А ну, ребята, чего зеваете? — сказала Глафира. — Валя, Даня, Фома, работать, работать!

Фома подхватил какую-то бродившую по магазину книжку и, вглядевшись в обложку, спросил:

— Тетя Глаша, а Толстого куда?

— Вон на ту полку, — сказала Глафира. — А ты чего, Валя? Видишь, под лавкой еще картина.

Я пустился в погоню за томом рассказов Чехова. Том этот, когда я его уже почти настиг, проскочил у меня между ногами и удрал в другой конец магазина. Валя поймала картину, но никак не могла повесить ее на крюк — то ее относило от крюка, то крюк вместе с бортом уходил от нее. Кажется, нас мотало сильнее, чем прежде.

Мы работали молча. Потом Валя очень спокойным голосом спросила:

— Даня, а чего это он про рыб говорил?

— А что про рыб? — удивился я. — Я не расслышал.

— Ну, вот что рыбы будут книжки читать, — невинным голосом сказала Валя.

— Сказка такая есть, — пробасил Фома, — как рыбы читать научились. Сейчас-то я ее позабыл, а вот домой придем, я ребят спрошу, расскажу тебе.

— Быстрей, быстрей, ребята, работайте! — прикрикнула Глафира. — Даня, ты видишь — тут на полке Толстой, а ты задачник сюда ставишь!

Валя наконец изловчилась и повесила картину на крюк. В это время из-под прилавка выскочила долго таившаяся там картина Перова «Охотники на привале» и умчалась в самый дальний угол. Валя кинулась за ней, поймала и стала вешать на другой крюк.

— Даня, — спросила она спокойно, — а что это он про белье говорил?

— Не знаю, — ответил я. — Глупость, наверное, какая-нибудь.

— Ты, Валя, не болтай, а работай, — прикрикнула Глафира.

— А я работаю, тетя Глаша, — кротко ответила Валя.

Глава одиннадцатая

СВЕТ ГАСНЕТ И ЗАЖИГАЕТСЯ СНОВА

Вообще-то отчасти Жгутов был, конечно, прав. Действительно, работа наша была довольно бессмысленна. Как мы ни стара-

лись получше закреплять книги на полках, все равно они падали и картины снова и снова срывались с крюков и начинали как сумасшедшие носиться по магазину. Не знаю, то ли рейки и крюки, которые с таким старанием придумала Глафира, были на самом деле совсем не так хороши, как ей казалось, то ли, может быть, просто бот был не рассчитан на такие штормы, но так или иначе, а работе нашей конца не предвиделось. Сначала меня это сердило, а потом я подумал, что, может, оно и к лучшему. Плохо, наверное, было бы сидеть без дела, прислушиваться к каждому удару волны и соображать, не усилилась ли качка.

Много мне приходило в голову ужасных и мрачных мыслей, но я их гнал от себя. Все-таки, честно сказать, нехорошо было мне. Я начал думать: сколько это может тянуться? Больно уж однообразно все было. Опять удар волны, и еще раз удар волны, и то тебя швыряет в одну сторону, то тебя швыряет в другую сторону, вот вся и разница. Поэтому я очень обрадовался, когда услышал, как грохочут по трапу сапоги Степана Новоселова. Да и все мы обрадовались. Мы знали, что он нас подбодрит, развеселит, и очень нам этого хотелось. И действительно, он вошел в магазин энергичный, веселый и радостно нас спросил:

— Ну, как живете-можете, морячки?

— Все, дядя Степа, благополучно, — сказал Фома.

— Молодцы, молодцы! — похвалил Новоселов. — Можно сказать, почти навели порядок. Ну, а как, вас еще укачивает?

— Пожалуй, что нет, — сказал я. — Как тебя, Валя?

Валя постояла, будто прислушиваясь, что у нее происходит внутри в организме, и потом ответила не очень, правда, уверенно:

— Кажется, и меня нет. Я и забыла совсем об этом.

— Да и я будто забыл, — сказал я. — Теперь вот, когда вы спросили, я чувствую, что, если прислушаться...

— А ты не прислушивайся, — перебил меня Новоселов, — гораздо будет спокойнее.

— Хорошо, дядя Степа, — согласился я, — не буду прислушиваться.

— Ну и ладно, — кивнул головой Новоселов и потом как будто на минуту замялся. — Теперь вот что, ребята, — сказал он, помолчав немного, — есть такое распоряжение капитана... — Потом опять помолчал. — В общем, всем надеть спасательные пояса. — Сказав это, он как будто снова обрел уверенность. — И это в обязательном порядке, — заключил он уже решительно и даже строго. — Всем. Вопросы имеются?

— Какие пояса? — спросила Валя.

— Есть такие специальные, — небрежно сказал Степан. — Фома покажет тебе и поможет надеть.

Я всегда знал эту отвратительную манеру Вали без конца задавать вопросы. К чему, кажется? И так все ясно. Нет, ей обязательно нужно еще и еще раз спрашивать. Мама говорит, что это любопытство, а по-моему, просто привычка надоедать. Так и сейчас. Кажется, все ясно, но Валю съедает любопытство:

— А зачем, дядя Степа?

Тут, кажется, Степан тоже уже стал раздражаться.

— Порядок такой, — сказал он. — Полагается. Уж знаешь, попала на море, морские порядки соблюдать нужно. А рассуждать и спрашивать не положено. Раз капитан приказал, выполняй, и все. Понятно?

Ясней, кажется, не скажешь. Любой человек понял бы, а Валька нет.

— А почему они называются спасательными? — спросила она.

И тут уж нарвалась.

— Будешь с вопросами лезть! — крикнул Степан. — Организуй, Фома. Слышишь?

— Есть организовать! — сказал Фома. — Пошли, ребята.

Валька, кажется, собиралась еще о чем-то спросить, но мы с Фомой, подталкивая, вывели ее в кубрик.

Оказалось, что под койками есть выдвижные ящики. И вот в одном из этих ящиков лежат спасательные пояса. Они действительно как пояса. Их надеваешь, завязываешь, и так как они очень легкие, то ты вместе с ними становишься гораздо легче волны и можешь в этом поясе плавать сколько угодно. Все равно не потонешь. А если плавать без конца, то раньше, позже ли, обязательно попадешь на какой-нибудь берег. Вот, значит, и спасешься.

Все это нам объяснил Фома. И очень толково объяснил. Так, что все было понятно, кроме только одного: во-первых, долго ли можно плавать в Ледовитом океане, чтобы не замерзнуть насмерть, и, во-вторых, через сколько времени обяза-

тельно попадешь на берег. Можешь ведь и через год попасть. Я все ждал, что Валька начнет задавать свои дурацкие вопросы, но она на этот раз промолчала. Я даже удивился, это было на нее не похоже. Она как-то притихла и сказала:

— Знаете, мальчики, я что-то устала, я полежу немного, а вы идите, я тоже скоро приду.

— Ну, ну, — прикрикнул на нее Фома, — ишь, барыня какая, лежать будет! А картины кто будет за тебя собирать? Тоже дураков нет!

— Подумаешь, — сказала Валя, — будто я вас прошу за меня работать.

— А как же! Кто-то ведь должен работу сделать! — сердито сказал Фома.

— Ой, вруны вы, вруны! — вдруг закипела Валя. — Собирай картины! Надевай пояс, слушай сказку про рыбку, которая умеет читать. Картины собирать я не маленькая, а правду слушать я маленькая. Хорошо, что я умнее вас, мальчишек, и вам меня все равно не обмануть, я вас насквозь вижу.

Я посмотрел на нее удивленно и сказал:

— Не знаю, что ты там придумала, мы тебе ничего не врали. Правда, Фома?

— Конечно, правда, — подтвердил Фома.

— Ой, вруны, ой, вруны! — ликующе закричала Валя. — Так я вам скажу: никому не нужно картины сейчас собирать и книги, а собирать нас заставили, чтобы мы забыли, что нас укачивает и что опасно. Что, верно? Ну, верно?

Для нее, кажется, в эту минуту самым важным было уличить меня и Фому, что мы ей будто бы врем. Вот сразу и видно вздорную девчонку. Мужчина в таком случае промолчал бы. Это же не злостная ложь, для нее же делают, чтоб ей лучше было. Ну, поняла и держи про себя, что поняла. Так нет, надо поднимать шум и ставить всех в неловкое положение. Я пробормотал, что я, мол, не знаю, о чем думал дядя Степа, но что, уж наверное, он плохого не думал. Словом, постарался замять разговор. Но Валька бушевала.

— Покраснел бы хоть! — возмущенно говорила она. — А значит, про рыб Жгутов говорил, потому что сказка такая? Ну, говори!

— Ну, есть такая сказка, — хмуро подтвердил Фома.

— Ох, и врешь, ох, и врешь! — Валька даже зашлась от возмущения. — Про рыб это говорят, что, мол, потонем все, что, мол, к рыбам пойдем. Что я, не знаю, да? Съел? А про белье, думаешь, не знаю? Это у моряков такой обычай: если тонуть приходится — чистое белье надевают. Что, не знаю, да? Съел?

Мы постарались ей объяснить, что все это говорил Жгутов, а он болтун и ни один человек ему верить не станет, да еще, может, он и говорил-то нарочно, чтобы напугать.

— Нарочно? — кипела Валя. — А спасательные пояса велели надеть тоже нарочно? Чтобы напугать, да? Сказали бы прямо: тонем. Так нет, обязательно надо врать. Порядок, мол, такой, полагается. Ну, вы-то, мальчишки, всегда были лгунами, с вас и спрашивать нечего, а дядя Степа зачем? Взрослый и не болтун, а маленькую обманывает. Это хорошо, да, хорошо?

Фома прямо в отчаяние пришел. Он махнул рукой, сел на койку и сказал:

— Нет, Даня. Если бы у меня была такая сестра...

Разве Валя даст кому-нибудь договорить!

— Теперь я же и плохая! — возмутилась она. — А вы честные, да? Ну, сказали бы прямо: «Опасность большая, но ты, Валька, не трусь». А я и не трушу. Я все равно не трушу. Вот. Съели? Да, съели?

И только Валя успела это сказать, как вдруг мы услышали громкий рев, разом покрывший и шум бури и плеск волн. Будто какое-то страшное морское чудовище сердито и разъяренно ревело.

— Что это? — испуганно спросил я.

— Судно гудит, — ответил Фома сердито. Поначалу он тоже, кажется, испугался, и ему было стыдно за это. — Похоже, что траулер. У траулеров такие гудки.

Я хотел спросить Фому, хорошо ли это, что рядом с нами траулер, сможет ли он нам помочь или в крайнем случае принять нас на борт, но я не успел. Началось что-то страшное. Бот положило на борт. Я вылетел из кубрика в магазин, ударился о стену, потом ударился о книжные полки, на меня полетели книги, и я был так ошеломлен, что даже не чувствовал боли, когда толстые тома с размаху меня ударяли. С отчаянным воплем мимо меня пролетела Валя. Я увидел Фому, стоявшего на четвереньках, белое, испуганное лицо Глафиры. Голоса ее я не слышал, то ли потому, что она и в самом деле молчала, то ли потому,

что меня оглушило. Свет мигнул, мигнул еще раз, погас, снова зажегся и наконец погас окончательно. Страшная это была минута. Потом наступила тишина, то есть волны по-прежнему били о борт, по-прежнему судно качалось, по-прежнему доносился с палубы свист и вой ветра, но по сравнению с тем, что было, казалось, что наступила тишина и покой.

Не знаю, сколько времени я лежал оглушенный, растерянный, не испытывая ничего, даже страха. Потом в темноте я услышал голос Фомы:

— Валька, — спросил он, — ты где? Даня!

Потом чиркнула спичка, и я увидел в темноте лицо Глафиры и спичку, прыгавшую в ее руке. Она сняла со стены фонарь и никак не могла зажечь, потому что рука так прыгала, что все не попадала на фитиль. Наконец фонарь разгорелся, и тусклый свет осветил магазин, покосившийся прилавок, разбросанные книги. Фома стоял, держась за переборку. Валя лежала неподвижно. Глафира стояла, держась за прилавок, вглядываясь в окружающую полутьму, поднимая фонарь дрожащей, прямотаки прыгающей рукой.

— Все в порядке, — сказала Глафира таким голосом, что было сразу ясно, что все не в порядке. — Все в порядке, — повторила она, — ничего страшного. Это часто бывает в море. Даня, ты цел? Валя! Где Валя, ребята?

— Валя здесь, — сказал я, и боюсь, что мой голос тоже звучал не очень бодро. Я помолчал и неуверенно спросил: — Это что? Это уже конец, Фома?

— Не знаю, — хмуро сказал Фома. — Я такого еще не видел.

— Какой конец? — удивилась Глафира. — Что вы болтаете вздор, ребята? Слышите — и мотор работает.

Еще один фонарь появился в полутьме. Это из машинного вошел Жгутов. Бледный, стоял он, высоко поднимая фонарь. Долго он даже слова сказать не мог. Он только глотал воздух, так ему было страшно. Наконец он спросил, с трудом произнося слова:

— Всё уже? Выключать мотор?

— Тебе кто приказывал мотор выключать? — крикнула ему Глафира. — Ну, говори, приказывал?

— Нет, — сказал Жгутов. — Не приказывал. — И вдруг выкрикнул громким, тонким голосом: — Но ведь всё уже, видите, всё уже!

— Не болтай ерунду! — сказала Глафира. — Подтянись, механик. Свет чини. Немедленно свет чини.

— А-а... — протянул Жгутов, — свет чинить? Хорошо, я пойду свет чинить.

Какой-то у него был странный тон, как будто он сам не понимал, что говорит и что ему говорят, как будто все происходящее не вполне доходило до его сознания. Но вот сейчас ему что-то велели делать, и он механически, не очень понимая, зачем это нужно, пошел исполнять приказание.

И он повернулся и вышел. И в магазине стало еще темнее, потому что снова светил только один фонарь. Я подобрался к Вале. Она лежала лицом вниз, совсем неподвижно, и у меня даже сердце замерло. Я подумал, что, может быть, она расшиблась, может быть, она даже убилась.

— Валя, Валя! — повторял я и тряс ее за плечо, обмирая от страха. — Валя, Валя!

И вдруг Валя поднялась, села, огляделась и сказала очень спокойно:

— Ой, меня очень в плечо ушибло! Значит, мы не утонули?

— Не-ет, — протянул я с сомнением в голосе, — по-моему, мы не утонули.

— Нет, — уверенно подтвердил Фома, — мы, конечно, не утонули.

Валя осмотрела меня, Фому, Глафиру, будто хотела проверить, не смеемся ли мы над ней.

— Я от неожиданности закричала, когда свет погас, — объяснила она. — А вы, наверное, думали, что я от страху?

Ух, и самолюбивая же она, Валька! Можно подумать, что в такую минуту все только и стараются выяснить, кричала она или не кричала. Ну, в конце концов, если ей так важно, чтобы мы думали, будто она не боится, так почему не сделать девчонке удовольствие?

— А ты разве кричала? — удивленно спросил Фома. — Я и не слышал. Да и что ж тут такого, если кричала? Ничего тут такого нет.

— И я не слышал, — сказал я. — И ничего тут такого нет. Я бы и сам мог закричать.

Валька посмотрела на нас подозрительно. Она все-таки сомневалась, не смеемся ли мы над ней.

— А я как пришла в себя, — сказала она, неуверенно усмехнувшись, — так решила, что мы утонули.

— Вот глупая какая! — удивилась Глафира. — С чего же это тебе в голову пришло?

— Потому что вода здесь просачивается из-под настила, — объявила очень спокойно Валя.

— Вода?

Я похолодел. Я, конечно, моряк неопытный, но уж то, что, если в трюме вода, значит, судно дало течь, а если судно дало течь, значит, дело плохо, — это-то я понимаю, для этого-то не нужно быть старым морским волком. Теперь я услышал, что, кроме ударов волны в борт, вода негромко плещется и здесь, внутри, в трюме. Глафира наклонилась и осветила фонарем настил. И мы увидели, что сквозь доски маленькими струйками и фонтанчиками пробивается вода.

— Видите, — сказала Валя, — сколько ее набралось? А сейчас только было как будто меньше. Или мне показалось?

— Нет, это тебе показалось, — уверенно решил Фома. — И потом, что ж такого, что вода? Это так и должно быть.

— Конечно, — подтвердила Глафира, — в трюме всегда вода. Судно не бывает без воды.

Подал голос и я.

— Какое же судно, в котором нет воды? — сказал я удивленно. — Смешно просто!

— Я тоже так подумала, — согласилась Валя. — И совсем перестала бояться.

Свет мигнул, погас, опять зажегся, еще раз погас и наконец зажегся окончательно.

Глава двенадцатая

КАПИТАН СПУСКАЕТСЯ В ТРЮМ

Плохо было в полутьме, но при свете стало не легче. Теперь можно было охватить взглядом все, и, по совести говоря, когда я увидел, как выглядит магазин, настроение у меня не стало лучше. Наверное, половина книг, которые мы с таким старанием расставляли по полкам, лежала на полу. Вода, проступавшая сквозь настил, заливала книги, большая часть реек, прибитых к полкам, была поломана, да и сами полки покосились. Грустный вид являл собою наш плавучий книжный магазин. Так, наверное, выглядели потерпевшие кораблекрушение, брошенные командой суда, которые, если верить старым романам, встречали иногда мореплаватели в океане.

Вошел Жгутов. Сейчас он был гораздо спокойнее. Казалось даже, что у него бодрое, чуть ли не веселое настроение. Правда, какая-то наигранная была эта бодрость.

— Вот и горит свет! — сказал он радостно. — Со Жгутовым не пропадете! Жгутов свое дело знает. Слушай, Фома, тебя капитан наверх требует. Крикнул сейчас в переговорную трубку — Фому, мол, наверх. И еще сказал, чтобы ты поостерегся, смыть, говорит, может.

— Иду, — сказал Фома и пошел к трапу.

— Зачем это? — удивилась Глафира. — Не случилось ли чего? Фома, ты про воду скажи Фоме Тимофеевичу.

— Скажу, — буркнул Фома и быстро поднялся по трапу.

— Про какую это воду? — спросил Жгутов.

— Вот, — показала Валька и успокоительно разъяснила: — Только это ничего, это так и должно быть.

Жгутов наклонился, и от всей его бодрости даже следа не осталось. Он стал белый от ужаса. Он покачнулся, он чуть не упал, так ему было страшно.

— Да вы что, обалдели, что ли? — закричал он громко. — Капитану надо сказать, помпу надо налаживать! Тонем, ребята, понимаете? Тонем!

— Возьми себя в руки! — резко сказала Глафира. — Покуда еще никто не тонет. Эх ты, морская душа!

Кто-то торопливо спускался по трапу. Капитан Коновалов стоял в трюме. Он стоял, широко расставив ноги, весь мокрый, с опущенной головой. Что-то было в его позе такое, что у меня сердце замерло. Он стоял и молчал, и я почувствовал, как ему трудно начать говорить. Мы все поняли: что-то случилось. Только Жгутов, дрожавший от страха, ничего не почувствовал...

— Фома Тимофеевич! — выкрикнул он. — Вода в трюме!

— Знаю, — сказал капитан. — Помолчи, Жгутов.

— Случилось чего? — спросила Глафира.

Капитан молчал. Как-то исподлобья он

посмотрел на Глафиру и отвел от нее глаза и наконец сказал, глядя в сторону:

— Несчастье случилось, ребята.

— Со Степой что-нибудь? — тихо спросила Глафира.

— Он был моряк, Глаша, — сказал капитан, все еще отводя глаза. — Он был хороший моряк, Глаша.

— Погиб? — шепнула Глафира.

— Смыло Степана, — сказал Коновалов.

Глафира молчала. Она только открывала и закрывала рот, будто ей нечем было дышать.

— Траулер рядом прошел, — сказал капитан, глядя в сторону и боясь посмотреть на Глафиру. — Мы-то огни увидели, да и он нас, видно, увидел, гудок дал. Ну, мы со Степаном решили развернуться, может, думаем, удастся с борта подойти. Я-то на руле стал, а Степан у борта, думал конец кинуть или, может, с тральщика кинут конец, так чтобы поймать. А как мы поворот сделали, так шлюпку и сорвало. Его в голову ударило, оглушило, а может, и зашибло, кто же разберет. И той же волной за борт унесло. Я круг ему кинул — куда там! И не разглядишь ничего. Я второй круг, а он за снегом совсем пропал. Потом снег прокинуло, а его уже не видать. И траулер пропал. Мы-то из пурги вышли, а они-то еще в пурге. Погиб Степа как следует моряку.

Мы молчали. Так мне было страшно посмотреть на Глафиру, что и я тоже отвел глаза и смотрел на покосившиеся полки, на книги, упавшие на пол, и ждал со страхом, что скажет Глафира. Но Глафира молчала.

И опять заговорил Коновалов:

— Терпи, Глаша, — сказал он. — Как человек погиб Степан, не трусил, не жаловался, как человек. Терпи, Глаша, как жена моряка, ты же должна была женой моряка стать, а моряка всегда море убить может.

— Не море, Фома Тимофеевич, Степу убило, — сказала Глафира шепотом, — злой человек Степу убил.

Она повернулась к Жгутову и прямо пошла на него, и Жгутов стал пятиться и наткнулся на лавку и опустился на лавку, не сводя с Глафиры испуганных глаз.

— Ты, Жгутов... — прошептала Глафира. — Жгутов Павел Андреевич Степу убил.

— Да ну что ты, что ты, Глаша! — забормотал Жгутов и вдруг почти взвизгнул: — Фома Тимофеевич, что она говорит?

Глафира взяла его руками за плечи и затрясла, и у Жгутова бессильно моталась голова, и он все плотнее прижимался к переборке, будто надеялся пройти через нее, чтоб только не видеть Глафиру, чтоб только не слышать Глафиру.

— Бездельник, болтун, трус, — негромко сказала Глафира, — из-за тебя такой человек погиб. Ты ночь прогулял, весело прогулял, и еще гулять будешь, а он из-за твоего гулянья мертвый в холодной воде.

— Спокойно, Глаша, спокойно, — глухо сказал капитан. — Не нужно. Поговорим на берегу. Долго еще не будет гулять Жгутов.

— Сил моих нет! — сказала Глафира.

— У нас с тобой, Глаша, — также глухо продолжал говорить Коновалов, — силы должны быть. Нам судно спасать надо. У нас дети на судне. Горевать у нас еще время будет, а сейчас мы в море, сейчас мы штормуем, поняла меня, Глаша?

— Поняла, — прошептала Глафира и отпустила Жгутова.

И Жгутов, что-то ворча про себя, стал бочком-бочком пробираться поближе к машинному отделению, чтобы в случае чего нырнуть туда, спастись от Глашиной ярости. Фома Тимофеевич повернулся, пошел к трапу и у трапа остановился.

— Теперь так, — сказал он, по-прежнему не глядя на Глафиру. — Вблизи остров Колдун. Островок необитаемый. Голая скала. Население — чайки да глупыши. Но бухточка есть. Будем выбрасываться. Толчок будет, возможно, сильный. Приготовиться надо. Спасательные пояса на всех надеты?

— На всех, — сказал я.

— Так. — Коновалов повернулся к Глафире и впервые за весь разговор прямо на нее посмотрел: — Ты, Глаша, здесь будешь командовать. Поняла? — Глаша молча кивнула головой. Коновалов медленно повернулся к Жгутову и сказал яростно и угрожающе: — Если сейчас мотор сдаст...

— Понятно, Фома Тимофеевич, — услужливо закивал головой Жгутов. — Будьте уверены, все будет в порядке! — И он стал опять пробираться к машинному отделению; там он спокойнее себя чувствовал.

Какой бы ни был плохой человек Жгутов, а все же, наверное, неприятно было ему смотреть на Глафиру, да и наших с Валей глаз он избегал. Он от растерянности все время встречался то со мною, то с Ва-

лей взглядом и даже как будто вздрагивал и торопливо отворачивался.

— Значит, все, — сказал Фома Тимофеевич. — Я предупрежу по переговорной трубке Жгутова. — И он, тяжело ступая, поднялся по трапу, а когда я оглянулся на Жгутова, то Жгутова уже не было. Он нырнул в машинное отделение и, наверное, трясся там, вспоминая глаза Глафиры.

Мы трое молчали. У Глафиры шевелились губы, что-то она про себя говорила, но совсем неслышно. Валя подошла к ней и обняла ее, но Глафира, кажется, даже не заметила этого. И слез не было у нее на глазах. Какой-то отсутствующий взгляд и беззвучно шевелящиеся губы.

— Тетя Глаша, — сказала Валя, — не убивайтесь вы. Замечательный же был человек!

— Я ему говорю, — сказала Глафира очень тихо (я с трудом разбирал ее слова: их заглушали удары волн, что-то скрипело, и плескалось, и потрескивало). — Я ему говорю, — повторяла Глафира: — «Вы, Степа, поберегитесь. Там, на палубе, и смыть может, и зашибить может». А он говорит: «Не бойтесь, Глаша. Если, говорит, Глаша, я вам нужен, так разве ж я не спасусь?.. Если ж, говорит, я вам нужен, Глаша, — повторила она еще раз, — так разве ж я не спасусь?» — Потом она беззвучно шевелила губами, но я догадывался, что она без конца повторяет про себя ту же самую фразу.

Я смотрел на нее, и мне было страшно. Она как будто не понимала, что происходит вокруг, не видела, не слышала ничего и только все про себя повторяла эту фразу. Валя тоже, кажется, испугалась, начала трясти ее за руку и говорить: «Тетя Глаша, тетя Глаша, что с вами?» Но Глафира не чувствовала ничего.

Из машинного отделения высунулся Жгутов.

— Капитан говорит, — выкрикнул он отчаянным голосом, — сейчас толчок, так что приготовиться.

Глафира медленно повернулась к нему, нахмурилась и, видно, заставила себя вернуться к тому, о чем она обязана была думать, что она обязана была делать.

— Валя, — сказала она резко и строго, — иди ко мне. Даня, сюда. Держись за поручень, Даня.

Она обняла Валю и уперлась ногами в переборку, а я вцепился в поручень и съежился весь, ожидая предстоящего удара. Так я стоял, а минута шла за минутой и все еще ничего не происходило. Потом дно заскрежетало, и я подумал: «Вот сейчас», но опять минута шла за минутой, а толчка все не было, и, когда я почувствовал, что ждать уже больше нет сил, что пусть он будет какой угодно, этот толчок, но пусть он только наконец будет, вдруг раздался скрежет и скрип, и меня оторвало от поручня, хотя я держался за него изо всех сил, я упал, и меня проволокло по настилу, я увидел отчаянное лицо Вальки и зажмурившуюся Глафиру, услышал громкий Валькин визг и обо что-то ударился, и тут погас свет, и мне показалось, что я потерял сознание.

На самом деле я не терял сознания. Просто меня оглушило, и на секунду у меня затуманилось в голове. А потом я почувствовал, что лежу, что болят ушибы и кругом какая-то странная тишина. Я подумал, что оглох, но сразу же услышал тихое всхлипывание Вали. Тихо было оттого, что разом прекратился шум волн и скрежет. Я попытался встать. Но все сместилось. Бот, очевидно, лежал на боку. Пол поднимался вверх, и в темноте ничего нельзя было понять — где верх, где низ. Потом я услышал, что кто-то спускается по трапу, слабый луч скользнул по трюму, показался фонарь. Секундой позже я увидел Фому. Лицо его, освещенное фонарем, было серьезно и хмуро.

— Дед ранен, — сказал Фома, — перевязать надо.

Ему никто не ответил.

— Есть тут кто живой? — спросил Фома.

Глава тринадцатая

ГЛАФИРА ПРИНИМАЕТ КОМАНДОВАНИЕ

Странно было выйти из темноты трюма на свет. Странно было потому, что мы отвыкли от света, и еще потому, что все переместилось. Бот лежал на боку. По палубе трудно было ходить, она сильно наклонилась, и ноги скользили по мокрым доскам. Перед нами был остров Колдун — черная большая скала с крутыми, обрывистыми берегами. Только там, где выкинуло на берег бот, камни отступили, открыв маленькую бухту с пологим песчаным берегом. Впрочем, и на берегу, на приглаженном водою

желтом песке, лежали черные, обточенные морем камни. Прислонившись к одному из таких камней, сидел Фома Тимофеевич. Глаза его были закрыты, лицо бледное-бледное, сбоку седые волосы слиплись от крови, и кровь тоненькой струйкой текла по щеке. Фома обогнал нас. Пока мы выбирались по наклонному трапу, он уже сошел с бота и стоял возле Фомы Тимофеевича. Мы попрыгали на бе́рег и собрались вокруг нашего капитана.

— Его о борт ударило, — хриплым голосом сказал Фома, — оглушило, он с палубы покатился — и головой о скалу. — Фома шмыгнул носом и вопросительно посмотрел на Глафиру: как думаешь, будет жив старик?

Глафира сразу же начала действовать. Она решительно наклонилась и оторвала от подола своей юбки неширокую полосу.

— Помочи тряпку, — сказала она, — да поищи воду почище, только пресную, морская нехороша.

— Я чайник с бота принесу, — сказала Валя. — У нас чайник на боте с водой, может, он и не вылился.

Она быстро влезла на бот и через минуту радостная появилась снова.

— Есть вода в чайнике! — кричала она, осторожно сползая по палубе.

Фома потрогал Коновалова за плечо.

— Дед, — сказал он, — слышь, дед!

Коновалов молчал. Испуганными глазами Фома посмотрел на Глафиру.

— Ничего, ничего, — сказала Глафира. — Рана-то не особенно глубокая. Я в больнице насмотрелась, знаю.

Она намочила тряпку и осторожно стала перевязывать голову Фоме Тимофеевичу. Капитан пошевелился и пробормотал что-то.

— Ты чего, дед, а? — спросил Фома.

— Я ничего, — сказал Коновалов. — Колдун это.

Мы все слушали молча, боясь проронить хоть слово.

— Что, что, дед? — спрашивал Фома.

Капитан открыл глаза. Они были замутнены. Плохо было старику, но он упорно продолжал говорить, очевидно с трудом собирая мысли, но твердо зная, что обязательно должен сказать нам все, потому что мало ли как может повернуться. Может, ему, старику, и конец пришел, а другим спасаться надо. Пока может еще говорить капитан, должен он все, что надо, сообщить и посоветовать.

— Колдун это, говорю, — повторил Коновалов, — остров Колдун, восточней Кильдинской банки, восемьдесят миль до материка. Ты запоминай, Фома. Прямо на зюйд. Ты запоминай, Фома.

— Говори, говори, дед, — сказал Фома, — я запоминаю.

Коновалов долго молчал, видно собираясь с силами. Большого труда стоило ему каждое слово.

— Продукты учтите, — тихо и очень отчетливо говорил он. — Перепишите всё, разделите на десять дён. Па́йки давайте. Ты лучше записывай, Фома, а то забудешь.

— Ничего, ничего, — успокаивал его Фома, — ты говори, я запоминаю.

— За десять дён найдут нас, — медленно говорил старик. — Это наверное. Воду всю на учет возьмите. Снег кидало, вода в промоинах должна быть. Сберегите, чтобы не высохла. Водорослей сухих наберите, снесите куда-нибудь, чтоб подсыхали, спички все соберите.

— Воду учесть, — повторял Фома, — сберечь, водорослей набрать, насушить, спички собрать...

— Правильно, — кивнул головой Фома Тимофеевич. — Теперь вот что... Мы тут одни, Фома?

У старика путались мысли. Ему, видно, казалось, что, кроме него и Фомы, кругом нет никого, а Фома понял его иначе.

— А кто же тут? — спросил он. — Тут место необитаемое.

Тогда Фома Тимофеевич заговорил тихо, почти шепотом, но мы так напряженно вслушивались, что хоть и с трудом, а различали каждое слово:

— Жгутов будет в начальство лезть, — говорил капитан, — не пускайте, нет ему доверия. Глафира начальство. Пусть Жгутову не подчиняется. Ты ей так и скажи. Понял, Фома?

И тогда выступил вперед Жгутов. Я раньше не замечал его. Он держался в стороне, особняком, стараясь не привлекать к себе внимания, да и мы думали только о капитане, слушали только капитана. Сейчас Жгутов подошел к Фоме Тимофеевичу и наклонился над ним.

— Напра́сно меня обижаете, Фома Тимофеевич, — сказал он. — Вина моя есть, я не говорю, но только пусть даже я виноват, я же моряк, Фома Тимофеевич. Я же выру-

чить всех могу. Не ребята же выручат, не Глафира же.

Капитан молчал. Он, видно, с трудом понимал, откуда вдруг появился Жгутов: они же, кажется, были вдвоем с Фомой.

— Это кто говорит? — спросил он наконец.

— Это я, Жгутов, механик ваш, Паша Жгутов.

Опять капитан долго молчал. Потом спросил:

— Фома, Глаша, вы куда ушли?

— Здесь мы, Фома Тимофеевич, — сказала Глафира, — это я говорю, вы меня слышите?

— Ты гони его, Глаша, — сказал капитан, — гони, слышишь? Пусть уходит. Его нам не надо. Поняла? Ты лучше со Степой посоветуйся. Степа хороший человек, не подведет. Моряк наш Степа.

Ой, какое несчастное, испуганное лицо было у Глафиры!

— Какой Степа, Фома Тимофеевич? — спросила она.

— Как — какой? — удивился Коновалов. — Новоселов Степа, матрос.

— Смыло его, — сквозь слезы сказала Глафира. — Утонул наш Степа, Фома Тимофеевич.

Капитан молчал и молчал очень долго, видно стараясь все сообразить, все вспомнить.

— Когда же это? — спросил он наконец растерянно. — Я и не помню.

И опять замолчал, стараясь собраться с мыслями.

— Ой, — простонала Глаша, — ну что же это такое!

А капитан опять заговорил медленно, тяжело, с трудом произнося слова:

— Как ветер, Глаша, стихает?

— Стихает, Фома Тимофеевич, — сказала Глафира.

— А волна как, пологая?

— Будто пологая стала.

— Ну, значит, шторму конец. Должны нас выручить, — уверенно сказал капитан. — Не могут на Колдун не зайти.

— Вы отдыхайте, Фома Тимофеевич, — ласково сказала Глаша. — Вы не думайте, непременно за нами зайдут, не тревожьтесь.

— Пить мне охота, — еле слышно прошептал капитан.

Глафира поднесла ему чайник и напоила прямо из носика. Фома Тимофеевич пил долго, жадно, потом открыл глаза, и мне показалось, что сознание у него прояснилось. Он обвел глазами нас всех и совсем другим голосом, ясным, спокойным, спросил:

— Рана глубокая?

— Нет, Фома Тимофеевич, не особенно, — сказала Глафира. — Кость цела.

— Заживет, — уверенно сказал капитан. — У моряков хорошо заживает.

И вдруг он улыбнулся. Весело, хорошо улыбнулся. И в ответ заулыбались мы все — и Фома, и Валя, и Глафира, и я. И даже Жгутов улыбнулся. Он был здесь, вместе с нами, Жгутов, но как будто его и не было. Мы на него не смотрели, не видели, он не интересовал нас. Это получилось само собой, и он это чувствовал. Он хотел показать, что вот он здесь, вместе с нами, мы радуемся, и он радуется. Товарищи, мол, и все. Но улыбка у него была неискренняя, заискивающая.

— Я отдохну немного, Глафира, — извиняющимся тоном сказал Фома Тимофеевич.

Ему было неловко, что вот, можно сказать, кораблекрушение, трудная минута, все надо организовать, наладить, продумать, а он, капитан, отдыхать собрался.

— Отдыхайте, Фома Тимофеевич, отдыхайте, — сказала Глафира.

Но капитан, кажется, уже не слышал ее. Он откинул голову, закрыл глаза и облегченно вздохнул. Ему трудно было думать и говорить. Уже почти сутки прошли с тех пор, как мы вышли из порта, сутки огромного напряжения сил, сутки волнения, сутки без единой минуты отдыха.

Глафира устроила старика поудобнее, Фома снял куртку и подложил ему под голову, и старик лежал так неподвижно, так спокойно, что трудно было разобрать — дышит он или не дышит. Фома испуганно спросил:

— Что это он, тетя Глаша, затих так?

— Ничего, ничего, — сказала Глафира, — отдыхает человек, не видишь? — Глафира подумала и внимательно оглядела остров. — Тут, ребята, где-то должна быть пещера. Выбрасывало тут рыбаков, бывало, по нескольку дней отсиживались, так говорят, укрывались в пещере. Хорошо бы туда Фому Тимофеевича перенести, водорослей бы насбирали, костерчик бы разожгли.

— Так мы пойдем поищем, — предложил Фома.

— Я тоже пойду, — решила Глафира. — Рассудить надо, как устроить, а ты, Валя, побудь здесь, у Фомы Тимофеевича, и в случае чего крикни. Далеко-то пещера не может быть. Я думаю, вон не за тем ли камнем.

— Подожди, Глафира, — сказал Жгутов.

— Чего ждать? — спросила Глафира.

— Давай отойдем в сторонку, поговорить надо.

— Говори, если хочешь, — сказала Глафира.

— Отойдем, секретный у меня разговор.

— Нет у меня с тобою секретов, — резко сказала Глафира. — Хочешь — при всех говори, а не хочешь — не надо.

Жгутов собирался резко ответить Глафире, но сдержался. Сейчас Глафира была ему очень нужна.

— При всех так при всех, — сказал он. — Может, недолго нам жить-то осталось, Глафира, умрем на мокрой скале.

— Спасут, — уверенно сказала Глафира, — не может быть того, чтобы не спасли.

Жгутов посмотрел на черные, мокрые скалы. Над скалами с криком летали чайки, ни травинки, ни кустика не росло на острове. Только внизу у воды лежали кучами выброшенные волнами водоросли.

— Не знаю, — сказал Жгутов, — может, и не спасут. Тоскливо мне, Глаша. Знала бы ты, как тоскливо! Места себе не нахожу.

— Смерти боишься? — зло усмехнулась Глафира. — Сам виноват, что сюда попал. Степан-то ни в чем виноват не был, а где он, Степан? Из-за тебя погиб.

— Может, и смерти боюсь, — задумчиво сказал Жгутов, — а главное не это. Главное, Глаша, обидно мне за Степана. Ни за что погиб человек, из-за дурости моей погиб. Разве ж я думал, что такое получится? Я ведь сам на боте был, тоже погибнуть мог. Что же, я себя, что ли, топить собирался? Просто знаешь, как бывает? Работать лень, неохота, ничего, думаешь, завтра успеется. А завтра поздно уже, ничего не вернешь. Такая наука мне, на всю жизнь наука.

— Чего ты хочешь? — спросила Глафира. — Говори прямо.

Жгутов отвернулся. Он смотрел сейчас на море. Правильно говорила Глафира, волна становилась пологой. Белые барашки исчезли. Море успокаивалось на глазах, и тучи прошли, небо было чистое, светлое. Светило солнце, и над камнями острова Колдуна поднимался пар. Становилось жарко.

— Прости меня, Глаша, — сказал Жгутов.

— Что значит «прости»? — не поняла Глафира. — Как это так «прости»?

Жгутов замялся. Он переступил с ноги на ногу, обвел глазами черные скалы острова, голубое, сверкающее море. Он с ненавистью посмотрел на меня и на Фому, на Валю. Ему не хотелось при нас говорить, но у него не было выхода.

— Никто ведь не знает на берегу, как дело было, — сказал Жгутов. — Ну, мало ли что... Ну, сдал мотор. Бывают ведь такие аварии, что не предусмотришь. Фома Тимофеевич, может, не выживет, а выживет, так, если ты попросишь, может, и согласится молчать. Лучше ведь никому не станет, если меня засудят. — Он вдруг подошел к Глафире так близко, что она даже отшатнулась, и сказал, глядя ей прямо в глаза: — Ну прости, Глаша. Хочешь, я на колени стану?

— По всей строгости закона ответишь, Жгутов! — сказала Глаша с такой ненавистью, что Жгутов даже поежился. — По всей строгости закона, — повторила Глафира.

— Закон-то ведь далеко, Глаша, — сказал Жгутов, — еще за нами когда придут, да и придут ли вообще? Кто про него помнит, про этот остров Колдун? Может, нам еще вместе спасаться придется. Стоит ли ссориться нам, Глафира?

— Не бойся, — сказала Глафира, — придут за нами, Жгутов, и всё про тебя узнают.

Они теперь стояли совсем близко, лицом к лицу, и оба говорили тихо, но яростно.

— Мне, Глаша, терять нечего, — сказал Жгутов. — Все равно я человек погибший, так я много зла принести могу.

— Давай, — говорила Глафира, — воюй с женщиной и ребятами, мужчина!

Жгутов усмехнулся и отошел на несколько шагов в сторону.

— Что ж, — сказал он, пожав плечами, — я миром хотел дело уладить. Ты меня не пощадила, не жди и от меня пощады. Еще поглядим, кто сильнее, Глафира Матвеевна.

Он засвистел какую-то песенку, сунул руки в карманы, повернулся спиной к нам и пошел к берегу. Подняв камень, он с такой силой швырнул его в скалу, как будто

целил в Глафиру и надеялся убить ее этим камнем.

— Вы, пожалуй, без меня идите, ребята, пещеру искать, — сказала Глафира, — а я посижу возле Фомы Тимофеевича. Что-то Жгутов в шутливом настроении, может нехорошо пошутить.

Глава четырнадцатая

ПОТЕРПЕВШИЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ. ВРАГ НА ОСТРОВЕ

Мы трое поднялись на вершину скалы. Подниматься было нетрудно. К морю скала обрывалась круто, и, когда я глянул с обрыва вниз, у меня закружилась голова. Чайки летали подо мной с резкими криками, волны казались совсем маленькими. Я отошел от края и строго прикрикнул на Вальку, которая тоже, конечно, рвалась посмотреть вниз.

— Скучные здесь места, Фома, — сказал я. — Нехорошие места. Мокрые камни, холодно и ни травинки, ни кустика. А у нас в Воронеже леса, речки, скот на лугах пасется. А тепло! А солнечно!

— Ну, я у вас в Воронеже не был, — хмуро сказал Фома, — а мне и здесь хорошо. У нас знаешь, какие места богатые — ужас! Этой весной еще не так много было рыбы, а то, бывает, селедка в губу зайдет, так весло в воду опустишь, а оно стоит.

— Ну и что? Одна рыба! — начала дразниться Валька. — А у нас и лес, и поле, и речка!

— Леса, конечно, я не видел, — согласился Фома, — только на картинках да в кино. Но, по-моему, ничего в нем хорошего нет. А цветы и у нас в тундре по веснам цветут, да еще какие!

На самой вершине скалы была ровная площадка. Фома сказал, что, после того как найдем пещеру, перенесем туда деда и наберем водорослей, надо будет поставить здесь флаг или костер зажечь. Все моряки знают, что Колдун — остров необитаемый, и, если увидят флаг или дым костра, сразу поймут, что, значит, тут люди в беде. Я обвел глазами весь горизонт по кругу. Ни одного судна не было видно. Море слегка волновалось, солнечные лучи прыгали по воде. Оно было живое, море. Даже веселое. Трудно было поверить, что только несколько часов назад оно так ревело и бушевало.

Я засмотрелся на море и вздрогнул, когда меня окликнул Фома. Он звал меня, стоя много ниже вершины, у большого черного камня. Я б никогда не подумал, что за этим камнем вход в пещеру, а Фома, оказывается, сообразил. Он приметил пустую банку из-под консервов, валявшуюся неподалеку, и решил, что, значит, люди располагались где-нибудь поблизости. А кто же будет располагаться под открытым небом, если есть пещера!

Вход в пещеру выглядел очень мрачно. Мне даже страшновато стало, когда я, пригнув голову, вошел под каменный свод. Но внутри мне понравилось. Пещера оказалась небольшой, глубиной в пять моих шагов, а шириной — восемь. Но в ней было сухо, на полу лежало много водорослей. Их, наверное, натаскали рыбаки, которые укрывались на острове. Волны сюда не доставали. Пещера располагалась довольно высоко, на полпути от берега к вершине скалы. Мы ее не заметили, потому что поднимались самым коротким путем, по неглубокой расселине, а надо было на середине подъема свернуть по каменной складке. В пещере остались следы костра, потолок был закопчен, и в углу валялась еще одна банка из-под консервов.

Надо сказать, что теперь, когда под ногами я чувствовал твердую землю, когда нашлось такое удобное убежище и можно было не бояться дождя и бури, у меня очень исправилось настроение. Честно сказать, мне даже нравилось на острове. Сейчас, думал я, разложим костер, приготовим обед, принесем из бота матрацы. Я не думаю, чтобы в Воронеже был хоть один мальчик моего возраста, который пережил бы настоящее кораблекрушение, да еще жил бы потом на необитаемом острове. У нас в школе ни о чем таком и не слыхивали. Потом я вспомнил про Степана, и мне стало совестно за то, что у меня хорошее настроение. Но все-таки мне нравилось на острове.

Вдруг в пещере потемнело. Я обернулся и увидел, что у входа стоит Валька. Она смотрела на нас с презрением.

— Мальчишки, — сказала она, — словно дети малые! Прямо хоть в детский сад вас посылать!

— Почему это в детский сад? — удивился Фома.

— Тут кораблекрушение, — с негодованием сказала Валя, — на необитаемый остров выкинуло, капитан тяжело ранен, а они нашли пещеру и играют тут в Робинзона!

Может быть, она и была права. Мы с Фомой действительно как-то сами не заметили, что довольно долго уже торчим здесь, в пещере, осматриваемся и представляем себе, будто нас выкинуло на необитаемый остров и будто бы мы вроде как Робинзоны. Между тем представлять было совершенно нечего. Нас и в самом деле выкинуло на необитаемый остров, и мы в самом деле тут ерундой занимаешься. Хоть ты и моряк, а я побольше тебя в кораблекрушениях понимаю!

Фома рассердился и даже покраснел.

— Тоже мне моряк! — яростно сказал он. — Подумаешь, разбирается в корабле-

были, как Робинзоны. Не знаю, как Фому, а меня жизнь научила тому, что интересные вещи случаются только в книжках. И я все никак не мог привыкнуть к тому, что мы переживаем самое настоящее приключение. С другой стороны, Вальке, конечно, не следовало так сразу набрасываться на нас. Ну, сказала бы, пора, мол, делом заниматься, и все. Но разве при ее характере она удержится от скандала? Мы не могли допустить, чтобы Валька учила нас, как себя вести. Фома ей сказал резко и коротко, чтоб она не в свои дела не лезла и что тут есть люди постарше и поопытнее ее. В частности, например, он, Фома, плавает не первый раз и может считать себя моряком.

— Да, — крикнула Валька, — уж молчал бы лучше! Дед больной, лежит под открытым небом, простудиться может, а ты крушениях! Без тебя обойдутся.

— А вот и разбираюсь, — сказала Валя, — и лучше тебя знаю, что надо при кораблекрушении делать. Во-первых, на необитаемых островах ссориться нельзя. Надо, наоборот, всем быть дружными. Это тебе у нас в Воронеже любая девчонка скажет.

Фома посопел, посопел, насупился и сказал:

— Хоть она и маленькая, а, пожалуй, правильно говорит. Как-никак, мы с тобой, Даня, тут единственные мужчины.

И, конечно, опять последнее слово осталось за Валькой.

— Вы мужчины? — удивленно переспросила она. — Если правду говорить, единственный мужчина здесь — это я.

Сказав это, она повернулась, задрала голову кверху и пошла впереди нас. И нам

пришлось идти за ней. Получилось, что она пришла, накричала на нас, научила уму-разуму и ведет теперь вниз. Всегда получалось так, как она хотела.

Внизу еще и Глафира на нас напустилась. Ну, она-то имела право. Она старше нас, и, потом, капитан передал ей командование. Это мы все слышали.

Фома Тимофеевич дремал. Глафира сидела рядом с ним и иногда клала ему руку на лоб. Она, видно, боялась, не поднимается ли у него температура.

— Скорей, — сказала она. — Перенесите с бота матрацы и одеяла. Надо уложить как следует капитана.

Мы все трое побежали на бот. В трюме было полутемно. Еле-еле проникал тусклый свет сквозь иллюминатор. Мы взяли в кубрике четыре матраца, подушки и одеяла. Сперва сложили все это на берегу, потом понемногу перетаскали в пещеру. Глафира боялась оставить Фому Тимофеевича. Она сказала, что сначала мы переведем капитана, устроим его как следует, а потом перетащим из бота остальное. Мне неловко было спросить, когда же мы пообедаем, — все-таки сутки мы ничего не ели. Но все об этом молчали, молчал и я.

И вот Глафира осторожно разбудила Фому Тимофеевича. Старик застонал, потом открыл глаза и, когда мы ему объяснили, в чем дело, попытался встать, но ослабел и снова закрыл глаза.

Мы его не торопясь подняли и осторожно, поддерживая под руки, повели к пещере. Валька шагала позади, делая вид, что она всем командует, и иногда покрикивала:

— Ты осторожнее, Даня! Заворачивай, Фома!

Как будто мы без нее не могли бы справиться.

Фома Тимофеевич с трудом передвигал ноги. Мы часто останавливались, чтобы он передохнул. И он отдыхал стоя, опираясь на Глафиру и на Фому или на меня. Может быть, следовало бы ему дать посидеть отдохнуть, но мы боялись, что трудно будет потом поднять старика.

Наконец мы добрели до пещеры. Для Фомы Тимофеевича мы положили два тюфяка, один на другой, и две подушки, чтобы ему было удобно. Мы накрыли его двумя одеялами. Было самое время. Фома Тимофеевич продрог и дрожал. Глафира опять потрогала его лоб, но температуры не было. Просто старика прохватило холодным ветром.

Когда мы стащили с Фомы Тимофеевича сапоги, укрыли его и подоткнули одеяла со всех сторон, старик вздохнул с облегчением, закрыл глаза и опять задремал.

— Теперь вот что, ребята, — тихо, чтобы не потревожить Фому Тимофеевича, сказала Глафира, — пойдите насобирайте водорослей, только сухие берите. И побольше. Костер разложим, напоим Фому Тимофеевича чаем. Потом принесите из бота фонари, только заправьте их сперва.

— Флаг, — негромко сказал Фома Тимофеевич.

— Что, что? — спросила Глафира.

— Флаг, — повторил капитан. — Фома знает. Флагшток возьмите и флаг. И на самое видное место.

— Ладно, дед, — сказал Фома, — все сделаем, ты отдыхай.

Фома Тимофеевич закрыл снова глаза, а мы побежали на бот.

Флаг хранился в ящике, в кубрике. Было полутемно. Фома сказал, что надо зажечь фонарь. В темноте он не может найти флаг. Я разыскал фонарь, но в нем было очень мало горючего, чуть-чуть бултыхалось на дне.

— Подожди, Фома, — крикнул я, — сейчас заправлю фонарь.

— Ладно, — буркнул Фома, — зажигай так. Сейчас флаг найдем, а потом вернемся, фонари заправим. Возьми там на полке спички.

Я пошарил на полке, но спичек не было. Я крикнул Валю, которая осталась на палубе, велел ей посмотреть в рубке. Фома Тимофеевич человек курящий, и в рубке спички обязательно должны лежать. Валя крикнула, что там тоже нет спичек. Тогда Фома, ворча про себя, что мы с Валей ничего не умеем и ни о чем нас нельзя попросить, пошел за спичками сам. Он долго возился в магазине, что-то у него там падало, обо что-то он спотыкался — в магазине было совсем почти темно. Наконец вышел очень сердитый и сказал:

— Потом найдем.

После этого он долго еще искал и наконец все-таки нашел флаг в темноте. Он взял флагшток — длинную деревянную палку, и мы спрыгнули на берег. Жгутов стоял в нескольких шагах от бота, и, толь-

ко мы спрыгнули, он сказал резко и строго:

— Флаг ты дай мне, Фома, я его закреплю, а вы, ребята, принесите мне матрац, одеяло, подушку, что полагается.

Он протянул руку, будто не сомневаясь, что Фома отдаст ему флаг. Фома смотрел на него удивленно.

— Куда это вам матрац и подушки? — спросил он.

— Как — куда? — удивился Жгутов. — В пещеру, конечно. Что ж это, думаешь, я под открытым небом жить буду? Ну, давай, давай флаг!

— Я флага не дам, — хмуро сказал Фома, — и матрац, если вам нужен, сами тащите.

— Да ты что? — удивился Жгутов. — Раз капитан вышел из строя, командую здесь я, понял?

— Тетя Глаша командует, а не вы, — хмуро сказал Фома. — Вам доверия нету.

— Поспорь со мной! — прикрикнул Жгутов и резко толкнул Фому.

Фома в одной руке держал флагшток, а другой прижимал к себе сложенный флаг. Поэтому он не удержался и упал. Я бросился к Жгутову и схватил его за руку.

— Не смейте! — закричал я. — Не смейте, вы!

— А, — зло проговорил Жгутов, — условились злить меня!

Он с силой меня толкнул, и я упал, но, к счастью, на песок, так что совсем не ударился. Валя стояла, испуганно глядя на Жгутова. Она, кажется, замерла от страха. Я и Фома оба лежали. Ясно, что победа была за Жгутовым. Жгутов это понимал тоже. Он обвел нас всех яростным взглядом и сказал:

— Получили? Так запомните. Слушать меня с первого слова. Приказано — исполняй. Ясно?

Я не стыжусь признаться, что перепугался до смерти. Очень уж вышло неожиданно. Все хорошо получалось — разожгли бы сейчас костер, подогрели консервы, сидели бы у костра, толковали, как положено потерпевшим кораблекрушение, а тут вдруг Жгутов, злой, с тонкими губами, с глазами, белыми от ярости, и мы должны его слушаться, ему подчиняться.

Фома опомнился первый. Он аккуратно сложил на песок флагшток и флаг, не торопясь встал и, наклонив голову, прямо пошел на Жгутова. Жгутов смотрел на него с усмешкой, но тонкие его губы чуть подрагивали от злости.

— Никто ничего исполнять не будет, — сказал Фома, — ясно?

— Что ж ты, драться со мной пойдешь? — с любопытством спросил Жгутов.

— Пойду, — угрюмо сказал Фома.

— Смотри, — Жгутов усмехнулся, — потом не жалуйся, бить буду всерьез.

— Давай! — угрюмо сказал Фома.

Тут я опомнился и вскочил. Я понял, что сейчас произойдет такое страшное, что и сказать нельзя. Фома не уступит, это я знал наверное, не такой он был человек. Он был упрямый и сильный, Фома, но куда ему было против Жгутова? Он ему и до плеча не доставал. А Жгутов, хоть и худой, был жилист и мускулист, да и во многих своих пьяных побоищах научился драться жестоко, зло, ни с чем не считаясь.

Они шли друг на друга — коренастый, невысокий Фома и худощавый, крепкий Жгутов. Ужас меня охватил. В отчаянии я бросился между ними.

— Что вы делаете? — закричал я. —

Фома, перестань, что ты! Товарищ Жгутов, как вам не стыдно? Ведь вы же старший, вы моряк.

— Уйди, Даниил, — тихо сказал Фома, — не мешай! Не могу я смотреть на него. Позорит он моряков.

Жгутов протянул жилистую сильную руку и, взяв меня за плечо, молча отбросил в сторону. И они продолжали идти друг на друга, глядя прямо друг другу в глаза.

И тут вдруг раздался визг. Это был такой отчаянный, громкий, непереносимо резкий визг, что Жгутов и Фома остановились. Визжала, конечно, Валька. Она визжала так, что испуганные чайки с резкими криками разлетелись от острова. А из пещеры выскочила Глафира. Теперь сквозь визг прорывались слова: «Скорей!.. Жгутов Фому убьет!.. Скорей!»

Я как-то приободрился. Во-первых, Глафира была тут, а она хоть и женщина, но взрослая и не слабая. Во-вторых, я видел, что Жгутов растерялся. Не было в нем прежней уверенности. Он переводил взгляд с Глафиры на Валю, с Вали — на Фому, и видно было, что он прикидывает и соображает, что он взвешивает силы, что он не уверен, кто одолеет.

Если уж человек прикидывает и соображает, победить ему невозможно. В драку надо идти не думая.

Я снова кинулся к Жгутову и схватил его за руку. На этот раз он не решился меня отбросить. И Валька, представьте себе, тоже до того осмелела, что вцепилась в него сзади и что-то кричала. Но теперь ее никто не слушал. Глафира стояла рядом с Фомой. Решительная, яростная Глафира. Она стояла, прямо глядя в глаза Жгутову, и было ясно, что хоть она женщина, а если понадобится, не думая кинется в драку. И Фома, наклонив голову, сжав кулаки, сделал шаг вперед.

— Драться хочешь? — спросила Глафира. — У каждого из нас силы немного, а если вместе пойдем, плохо будет тебе, Жгутов!

Наверное, целую минуту так и стояли все неподвижно. И какая же долгая это была минута! Потом Жгутов неискренне засмеялся. Ему хотелось уйти от беды без позора. Он не сильно оттолкнул меня, оторвал от своей рубахи вцепившуюся в нее Валю и сказал:

— Нужно мне вами командовать! Была бы честь предложена. А без вас мне еще спокойнее.

— Так-то лучше, — сказала Глафира.

Жгутов повернулся к нам спиной и пошел небрежной походкой. Мы все смотрели ему вслед, еще не совсем веря, что мы его осилили. Он шел по берегу и, перед тем как скрыться за скалой, повернулся и крикнул:

— Только смотри, придешь ко мне с просьбой — не жалуйся на встречу.

Он ушел за скалу. Тихо было на острове. Покрикивали чайки, набегали на песок маленькие волны.

Глава пятнадцатая

ВСЕ УКРАДЕНО

Первой расхохоталась Валька. Она сгибалась и хваталась за живот и прямо даже ослабела от смеха.

— Ой, не могу! — ликовала она. — Вот хохоту, вот хохоту!

Она смеялась так заразительно, что начали смеяться и мы все.

— «Нужно мне вами командовать! — передразнивал я Жгутова. — Без вас мне еще спокойней!» — И хохотал, вспоминая, какой у него был величественный вид.

Даже Фома, сдержанный, молчаливый Фома, и тот трясся от беззвучного смеха и радостно повторял:

— Нашелся командир! Командир, понимаешь, нашелся!

Громко смеялась Глафира. Так громко, что я уже стал к ней приглядываться и мне расхотелось смеяться. Она хохотала и всхлипывала, и мы видели, что вовсе она не смеется, а плачет. Тогда и у нас смех как рукой сняло, и мы, встревоженные, ее окружили.

— Что с вами, тетя Глаша? — испуганно спросила Валька.

— Я всегда, — сказала Глафира и всхлипнула, — всегда хулиганов боялась... Бывало, за два квартала бегу... — Опять она всхлипнула. — А теперь сама в драку полезла. Уж я так боялась, так боялась!..

И она улыбнулась сквозь слезы, потому что ей стало даже смешно, как она боялась — и вдруг в драку полезла.

— Так ведь уже все прошло, — недоумевая, спросил Фома.

— Прошло-то, прошло, — еще раз негромко всхлипнула Глафира, — а все равно страшно.

Потом она вытерла слезы, лицо у нее сделалось серьезное, деловое, и она начала распоряжаться.

— Заболтались, — сказала она сурово. — Давайте, давайте! Ты, Фома, ставь флаг наверху. Мы с Даней пойдем на бот — продукты взять, спички, посуду. Когда еще нас спасут, а пока будем жить, как люди. А ты, Валя, стой здесь. И смотри на пещеру. Как увидишь, что Жгутов близко к пещере подходит, так беги на бот и кричи. Понятно?

— Понятно, — сказала Валя.— Кричать, тетя Глаша, я хорошо умею, так что вы не волнуйтесь.

Фома взял под мышку флагшток и флаг и не торопясь стал подниматься на скалу. Валя села на камень, лицом к пещере, и начала болтать ногами, но потом вспомнила, что она часовой, соскочила с камня и встала прямо, вытянув руки по швам.

Мы с Глафирой спустились по трапу в кубрик.

— Да, — сказала Глафира, — пожалуй, здесь без фонарей не разобраться. Давайка, Даня, сперва зажжем фонари и аккуратненько отберем, что нам нужно.

— Мы, тетя Глаша, с Фомой искали спички, — сказал я, — да что-то не могли найти.

— Мужчины ничего никогда не могут найти! — сердито сказала Глафира. — Погоди тут, я поищу спички.

Она пошла в магазин и так же, как недавно Фома, спотыкалась обо что-то, и что-то у нее падало, и я слышал, как она недовольно ворчала, и мне приходила в голову страшная мысль, но я ее гнал от себя, потому что слишком она была страшна.

Я знал, где хранились продукты. Был в кубрике шкафчик. Когда мы еще в порту осматривали бот, я сунул нос и туда. Я хорошо помню, что на нижней полке были сложены кирпичами буханки хлеба, на средней полке стояли консервы, на верхней лежал матерчатый мешок с сахаром и стояла банка с чаем. Мне захотелось, пока Глафира возится в магазине, приоткрыть шкафчик и хоть рукой провести по полкам. Но я удержался. Я знал, я был уверен, что там ничего нет. Я боялся, что мне придется сообщить об этом Глафире. Очень страшно сказать человеку такую ужасную вещь.

Глафира вышла из магазина.

— Надо в рубке посмотреть, — сказала она, — у Фомы Тимофеевича должны быть там спички.

Я молчал.

— Сходи, Даня, поищи в рубке.

— Мы искали уже, — сказал я. — Нету там спичек.

По голосу моему Глафира поняла, что я уже догадался о том, о чем и она уже догадалась, только старалась скрыть от себя самой. Она молчала. Нам обоим хотелось подольше не знать страшную правду. Я почувствовал, что у меня даже ноет под ложечкой, так мне хочется есть. Тихо было в боте. Как-то сразу он потерял свой обжитой и уютный вид. Тусклый свет еле проникал сквозь иллюминатор. Все казалось странным: косой потолок, вздыбившиеся койки. Будто давно-давно лежит на берегу это мертвое, выброшенное волнами судно. Может быть, здесь уже поселились морские звезды и крабы, какие-нибудь пресмыкающиеся живут на койках?

Я понимал, что это чепуха, нет здесь, на севере, никаких таких пресмыкающихся, да и бот мы покинули всего несколько часов назад, но иногда представляется даже и чепуха, а все равно страшно.

— Даня, — сказала Глафира неуверенным, робким голосом, — посмотри-ка в шкафу. Может, мы и без света заберем все.

Она хотела, конечно, сказать, чтоб я посмотрел, есть ли в шкафу продукты. Но она гнала от себя самую эту мысль.

Я открыл дверцу шкафа и, так как ничего не было видно, рукою провел по всем полкам. Потом я провел еще раз, надеясь, что, может быть, в уголке осталась забытой хоть одна буханка или банка консервов. Нет, Жгутов аккуратно очистил шкаф. У него-то ведь были спички! Он-то мог себе посветить!

Я молчал. Я все хотел оттянуть минуту, когда придется сказать Глафире о постигшем нас несчастье. Долго молчала и Глафира. Видно, и ей хотелось надеяться, хоть немного надеяться.

— Ну, Даня? — спросила она.

— Шкаф пуст, — ответил я.

Глафира подошла и тоже рукой провела по полкам. И опять мы стояли и мол-

чали, потому что надо было сказать Вале, что еды нет и неизвестно, сколько времени будем мы голодать, потому что надо было сказать Фоме Тимофеевичу, что мы не остереглись, проворонили, позволили Жгутову обмануть нас и обокрасть.

— Пойдем, Даня, — сказала наконец Глафира.

И мы молча поднялись по трапу и спрыгнули с палубы на песок.

Валя стояла по-прежнему к нам спиной и глядела не отрываясь на вход в пещеру. Она слышала, что мы вышли из бота, и крикнула, не оборачиваясь:

— Я Жгутова даже не видела!

На самой вершине скалы развевался флаг. Ветер трепал его, и полотнище, наверное, щелкало, хотя нам и не было слышно. И рядом с флагом стоял Фома и, приложив козырьком руку к глазам, медленно оглядывал горизонт.

Глафира присела на камень и сказала:

— Мамочка моя, мама, ой, мама ты моя, мамочка!

— Фому надо звать, тетя Глаша, — сказал я. — Может, Фома чего придумает.

Глафира посмотрела на меня, как будто меня не видела, а потом взяла себя в руки и снова стала решительной, энергичной Глафирой.

— Фома! — закричала она. — Фома!

— Дайте я крикну, тетя Глаша, — сказала Валя, — у меня голос громче.

Но Фома уже обернулся, услышав крик. Глаша махнула ему рукой, и Фома стал спускаться к нам неторопливой своей походкой. Ему, наверное, очень нравилось, что над островом плещется флаг. И мне тоже нравилось. Теперь видно было, что у нас не какая-нибудь жалкая скалишка, а настоящий остров, с настоящими потерпевшими кораблекрушение, что все устроено солидно, серьезно, так, как положено. И все-таки мне надоело быть потерпевшим кораблекрушение. Одно дело голодать, зная, что сейчас на костре будут греться консервы, и совсем другое, когда знаешь, что, может быть, голодать придется много дней, а может, придется и умереть с голоду.

Фома подошел и сказал:

— Я, тетя Глаша, когда наверх поднимался, заглянул к деду. Он спит. Я прислушался: дышит ровно.

— Фома, — сказала Глафира, — Жгутов украл продукты и спички. Нам есть нечего, и костер мы не можем зажечь.

Фома посмотрел на Глафиру и поморгал. До него всегда не сразу доходили новости. Ему надо было минутку подумать. Только тогда он толком все понимал.

— Я ему глаза выцарапаю! — крикнула Валька, по-прежнему не спуская глаз с пещеры. — Пойдем найдем его! Я ему покажу!

Она хоть сидела к нам спиной, но все, оказывается, слышала.

— Он туда пошел, кажется? — спросила Глафира.

Фома кивнул головой и быстро зашагал к скале, за которой скрылся Жгутов. За Фомою пошли и мы все.

Черные камни нависали над песчаным бережком. Здесь берег был чуть выше, так что подальше от воды песок был почти сухой. Зато скала поднималась совершенно отвесно, и влезть на нее с этой стороны было невозможно. В одном месте скала низко нависла над берегом, образовав углубление. Под этим каменным навесом песок был совсем сухой, видно туда не достигали дождь и снег. Это было хуже нашей пещеры, но все-таки под каменной крышей можно было укрыться от непогоды. Там, на сухом песке, лежал на спине Жгутов. Он натаскал себе водорослей и устроил под головой подушку. Думаю, что он слышал наши шаги или, может быть, просто понимал, что мы должны прийти. Слишком уж у него спокойный и независимый был вид: лежит, мол, человек, отдыхает, настроение у него чудесное и ни до кого ему дела нет. Он посмотрел на нас равнодушно. Так он взглянул бы на чаек, присевших на песок, на поссорившихся глупышей. Если бы он пытался от нас убежать, испугался бы, увидя нас, нам было бы легче. Но он смотрел, как будто знал все, что мы скажем и что он ответит. Как будто ему уже заранее было скучно.

Мы подошли к нему и остановились, а он отвел от нас глаза. Не потому, что боялся нас, а просто неинтересно было ему на нас смотреть.

— Ну, Жгутов? — сказала Глафира.

— Ну, Глафира? — лениво сказал Жгутов.

— Где продукты? Где спички? — спросила Глафира.

— Не знаю, — вяло сказал Жгутов.

— Ты же врешь, Жгутов, — сказала Глафира. — Некому было взять, кроме как тебе.

— Может, вру, — сказал Жгутов, — а может, нет.

Я чувствовал, что Глафира еле сдерживает раздражение. Она вцепилась бы ему в волосы, дай она себе волю. Она б ему все высказала, что она о нем думает. Но она заставила себя сдержаться.

— Я ведь знаю, — заговорила она, — когда ты украл. Мы Фому Тимофеевича в пещеру отводили, устраивали раненого старика, а ты в это время у детей хлеб воровал.

Жгутов потянулся, с наслаждением расправил руки и ноги, лениво зевнул и сказал неторопливо и ласково:

— Ты мне, Глашенька, лекции тут не читай. Может, оно так, а может, не так. Это одно. А другое, если так, то кому жаловаться будешь? Милиция далеко, до ближайшего прокурора тоже не доберешься. Хочешь делом говорить, давай. А лекции слушать мне некогда, я отдыхать хочу.

— Подлец ты, Жгутов! — сказала Глафира.

— Вот уж это нехорошо, — ласково протянул Жгутов. — Пользуешься тем, что милиция далеко, что я на тебя жалобу не могу подать за оскорбление. Это, Глаша, нечестно.

Фома теребил Глафиру за рукав.

— Тетя Глаша, — тянул он, — тетя Глаша.

Глафира не слышала. Она так ненавидела сейчас Жгутова, так ей хотелось высказать ему все, что она не слышала Фому.

— Тетя Глаша, — тянул Фома, — тетя Глаша, чего вы с ним говорите? Остров-то небольшой, ну куда он мог спрятать? Не в море же бросил? Самому-то тоже есть охота. Значит, сберег. Так неужели ж мы не найдем? Бросьте вы с ним говорить, тетя Глаша.

— Вот и правильно, — сказал Жгутов. — Вы поищите, а я пока посплю. А коли не найдете, приходите — поговорим. Я отдохну, может, добрее буду.

Глафира посмотрела на Жгутова, круто повернулась и пошла. Мы пошли за ней. Уже несколькими шагами дальше впадины, в которой лежал Жгутов, пологий берег кончался. Отвесная скала прямо уходила под воду. Ясно, что тут спрятать было ничего невозможно. Мы посмотрели даже в воду. Дно было ясно видно, и на дне ничего не лежало. Мы пошли обратно. Шаг за шагом обошли мы весь остров. Это заняло не очень много времени. Здесь все было на виду. Кроме нашей пещеры, нигде не было никаких впадин, никаких расселин. Либо ровная каменная поверхность, либо — на противоположной стороне острова — крутой обрыв, с которого и глянуть-то страшно. Мы все-таки легли на камень и посмотрели вниз, но обрыв шел прямо до самой воды, крутой обрыв без уступов или неровностей, куда можно было бы хоть на веревке спустить продукты. Положительно никуда не мог Жгутов спрятать хлеб и консервы. По нескольку раз оглядели мы каждый уголок острова. Не было на нем места для жгутовского тайника. И вот обессиленная Глафира села на камень и руками взялась за голову.

— Ой, мамочка моя, мама! — сказала она. — Что же нам делать, что же нам делать?

Мы трое стояли перед ней, и мне было так жалко ее, что даже есть почти не хотелось. Глафира посмотрела на нас и застонала.

— Ну куда мне командиром быть? — выкрикнула она. — Был бы Степа со мной, научил бы меня, глупую, а тут сама за все отвечай. А ну как не так скомандуешь? И вас всех погублю и сама погибну.

— Да ну, тетя Глаша, — протянул Фома, — чего вы, правда же, огорчаетесь? Выкрутимся же мы.

Глафира еще раз посмотрела на нас, решительно встала и зашагала по песчаному берегу к впадине, в которой лежал Жгутов.

Он притворялся, что спит. Не знаю почему, но я чувствовал, что он притворяется. Ему хотелось, чтобы мы подумали: вот, мол, мы тут волнуемся, нервничаем, а он и думать про нас забыл.

Глафира присела на корточки и потрясла его за плечи. Жгутов сделал вид, что проснулся, открыл глаза, посмотрел на Глафиру, будто бы сонным взглядом и спросил:

— Ну, нашли?

— Чего ты хочешь? — ответила Глафира вопросом.

Тогда Жгутов сел, протер глаза, зевнул и, будто бы согнав с себя сонливость, сказал:

— Значит, дело говорить решила? Ну что ж, поговорим.

— Чего ты хочешь? — повторила Глафира.

— Акт написать нужно о причинах аварии,— начал обстоятельно объяснять Жгутов. — Мол, случайное повреждение, не зависящее от механика. Чтоб ты подписала и старик подписал. А с ребят слово взять, чтоб молчали.

— Не подпишет старик, — хмуро сказала Глафира.

— Ну, это как сказать, — усомнился Жгутов. — Помучаются ребята с голоду да с холоду, тогда подпишет.

— Какой же ты, Жгутов, подлец! — сказала Глафира.

Жгутов пожал плечами:

— Ругайся, если тебе так легче. Мне-то ведь терять нечего, Так и так тюрьма, чего ж мне бояться?

Глафира помолчала, с ненавистью глядя на спокойное, даже, кажется, веселое лицо Жгутова. Потом она тяжело перевела дыхание.

— Ну, Жгутов, — сказала она, — твоя взяла. Где акт писать будем?

— А я и тетрадочку прихватил и самописочку из твоего магазина. Прямо сядем здесь и напишем.

Он вынул из кармана перегнутую пополам тетрадку, аккуратно ее расправил и отогнул обложку.

Фома схватил Глафиру за руку:

— Вы же командир, тетя Глаша! — сказал Фома. — Не надо, нельзя его слушать!

— Подумаешь, — сказала Валя, — мне и есть-то совсем не хочется.

Жгутов вынул из кармана самописку, открыл ее и посмотрел на кончик пера, не попал ли волосок.

— Не надо, тетя Глаша! — Фома тянул и дергал Глафиру за рукав. — Нельзя его слушать.

Глафира посмотрела на меня, на Валю, на Фому, потом перевела взгляд на Жгутова и вдруг, круто повернувшись, зашагала прочь от него.

Фома, Валя и я пошли за ней. Я, уходя, обернулся. Жгутов, держа в одной руке тетрадь, в другой самописку, растерянно смотрел нам вслед.

— Раскаешься, Глаша! — крикнул он.

Но мы быстро уходили. Мне до тошноты хотелось есть.

Глава шестнадцатая

РАЗГАДЫВАЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Итак, мы остались на голой скале без огня и без крошки хлеба. Но хуже всего, что эта скала не была необитаемой. На ней жил враг, жестокий, ненавидящий, яростный враг.

Когда мы вошли в пещеру, Фома Тимофеевич лежал с открытыми глазами и смотрел на нас ясным, разумным взглядом. Он был еще очень слаб, но, видно, окончательно пришел в сознание.

— Флаг вывесили? — спросил он.

— Вывесили, — сказал Фома. — Здорово плещется. Далеко, наверное, видно.

— Поели? — спросил старик.

— А вы, Фома Тимофеевич, есть не хотите? — спросила Глафира.

— Нет, мне не хочется, — сказал старик. — Я закурил бы.

— А у вас при себе спичек нет? — осторожно спросила Глафира.

— Я уж смотрел, — сказал Фома Тимофеевич, — не положил в карман. Ну ничего. На боте-то есть спички.

— Промокли, дед, — хмуро сказал Фома, — не зажигаются, пробовали.

— Ну ничего.— Фома Тимофеевич вздохнул, курить-то ему, видно, очень хотелось.— Время сейчас не такое холодное, а консервы можно и так есть.

— Я даже не люблю разогретые, — сказала Валя.

— Раз поели, — сказал старик, — отдыхайте. Только по очереди. Двое отдыхают — двое дежурят. Я-то пока плохой часовой. Надо один чтоб у флага стоял, — может, судно увидит. А другой здесь, у пещеры. Мало ли что, часовой всегда должен стоять. Да и Жгутов тут. Не доверяю я ему. Плохой человек.

Фома Тимофеевич вытащил из кармана большие серебряные часы на цепочке.

— Вот, — сказал он, — идут, я завел. Хорошие часы, старинной работы. Фома пусть к флагу идет, а Глаша здесь подежурит. А Даня с Валей пусть поспят. А через два часа смена. Понятно?

Фома молча кивнул, вынул из-под подушки куртку, надел ее и молча ушел наверх. Глафира велела нам ложиться. Когда началось дежурство, было два часа ночи. Я бы и не знал — ночи или дня. Солнце светило вовсю. У нас в Воронеже так светит часов в шесть вечера. Но Фома объяснил, что сейчас ночь. Он как-то умел в этом разбираться. Глафира села у входа в пещеру, а мы с Валькой легли. Лежать было очень удобно: у нас были матрацы, подушки, одеяла. Я сразу заснул. Но скоро проснулся. Голод мучил меня. Так мучил, что мочи не было. Я прислушался. Фома Тимофеевич и Валя спали. Глафира сидела спиной к пещере. Она раскачивалась из стороны в сторону и что-то бормотала. Я даже испугался сперва, не заболела ли она. Потом вслушался.

— Степа ты, Степа, — говорила Глафира. — Был бы ты здесь, научил бы ты меня, глупую. Как бы спокойно с тобой было! — И опять повторяла: — Степа ты, Степа.

Часы лежали рядом с Фомой Тимофеевичем. Я приподнялся и взглянул на них. Половина пятого.

— Тетя Глаша, — негромко окликнул я.

Глафира повернулась и посмотрела на меня строго.

— Ты чего не спишь? Спи.

— Нет, — сказал я. — Вы и так полчаса лишних сидите. Теперь вы ложитесь спать.

Я вылез из-под одеяла и разбудил Вальку. Она проснулась сразу же, как только я тронул ее за плечо, и вскочила как встрепанная. А ведь дома ужас сколько с ней надо возиться, прежде чем она продерет глаза. И хнычет, бывало, и просит, чтоб еще дали поспать. А вот, оказывается, может же просыпаться сразу.

Видно, Глафира прямо с ног валилась. Она еле дошла до своей постели, легла и сразу заснула. Валька заявила, что она обязательно хочет дежурить у флага. Я подумал и спорить с нею не стал. В конце концов к флагу Жгутову незачем подбираться. А в пещере Жгутов может попытаться какую-нибудь гадость устроить. Так лучше, чтобы его мужчина встретил. Я уселся немного подальше от пещеры, так, чтобы мне был виден и Валькин пост. Она отправилась. Я смотрел, как она поднялась на вершину и у них с Фомой затеялся разговор. Мне показалось, что они ругаются. Валька размахивала почему-то руками, Фома на нее наступал. Оказалось, что я был прав. Валька вернулась, чуть не плача. Фома сказал ей, что он будет продолжать дежурить и чтоб она шла спать. Она с ним спорила, но он на нее наорал и прогнал вниз. Кажется, ясно — человек ведет себя, как мужчина, хочет отдежурить за тебя. Благодарной надо быть, но Валька явилась надутая, сказала, что спать все равно не будет, и вообще держала себя так, будто Фома ее чем-то обидел. Я пытался ей объяснить, но разве она человеческий язык понимает! Фома прохаживался у флага, сунув руки в карманы куртки и втянув голову в плечи. Видно, он очень замерз. Я и сам начал замерзать. Странно все-таки здесь, на севере. Солнце светит ночью, как днем, ну и пусть было бы, как днем, тепло. Так нет, ночью солнце светит, а все-таки холодно! Я стал прохаживаться взад и вперед, а Валька ушла в пещеру, и я думал, что она ляжет спать. Пусть хоть выспится. Она же еще маленькая, ей нужно набирать силы. Я ходил и негромко повторял: «Холодно, холодно, холодно, холодно, холодно, холодно, хочется есть! Голодно, голодно, голодно, голодно, голодно, голодно, хочется спать!» Получались почти стихи. Я даже попробовал напевать их, но перестал, потому что вышла Валя, закутанная в одеяло, и присела у входа в пещеру.

— Чего не спишь? — спросил я.

— Так, — ответила она коротко. И, помолчав, вдруг сказала: — Ой, Данечка, как тут холодно, мокро! — Потом еще помолчала и сказала мечтательно: — Помнишь, мама, бывало, котлет нажарит и все нас уговаривает: съешьте еще, съешьте еще. А мы отказываемся. — Она еще помолчала и добавила убежденно: — Дураки!

— Ты, Валька, об этом не думай, — сказал я. — Ты о том думай, что сейчас по всему морю суда рыщут, самолеты над морем летят, по радио переговариваются. С берега спрашивают: «Ну как, не видать там Даню и Вальку?» А с судов, с самолетов отвечают: «Нет, пока не видать. Но ничего, скажите докторше, чтобы не беспокоилась. Найдем ее ребят».

Мне самому понравилась эта картина. Я как-то раньше не думал об этом, а теперь представил себе, как в рубках стоят капитаны, в самолетах штурманы прокладывают курс, радисты отстукивают срочные

ные сообщения, и все это из-за нас. Как ни говорите, а здорово!

Валька быстро вошла в игру.

— Гудок на судне гудит: «Найду-у-у!» А мотор на самолете ревет: «Р-р-разыщем!» — сказала она. Потом помрачнела и добавила: — Скорей бы!

Мы оба долго молчали. Холод проникал в рукава и за шиворот. И слабый я был. Можно, допустим, не думать о том, что хочется есть, а все равно, если голодный, ноги становятся как ватные и руки слабеют. Я задумался и сам не заметил, что сказал громко:

— Ну куда, куда он спрятал? Куда он мог спрятать?

Валя, наверное, думала о том же. Она очень оживилась.

— Даня, — сказала она, — давай еще поищем. Не мог же он все съесть. Значит, где-то лежат хлеб и консервы. Ты не помнишь, какие там были консервы, Даня?

Я не стал ей отвечать на этот глупый вопрос. Не все ли равно какие! Стали бы мы с ней сейчас разбирать, мол, эти мы любим, а эти мы не едим.

— Тут не искать надо, — сказал я, — тут думать надо. Тут какая-то хитрость есть.

— Какая хитрость? — удивилась Валя.

— То-то и дело, что не поймешь.

Конечно, я охотнее бы поговорил об этом с Фомой. Он парень неглупый, и у него могли быть интересные соображения. Но Фома стоял на своем посту, я — на своем, и никак нам нельзя было переговорить. А между тем мне приходили в голову мысли, над которыми следовало подумать, и я решил, что лучше я хоть при Вале их выскажу, чем буду хранить про себя. Когда вслух рассуждаешь, то многое становится понятным.

— Ты слышала, Валя, — сказал я, — что был такой знаменитый сыщик Шерлок Холмс?

— Он расследовал дело «Баскервильской собаки» и дело «Пестрой ленты», — деловито сказала Валя, — и еще много интересных дел.

Я кивнул головой:

— Он самый. Так вот, он всегда осматривал место преступления, замечал все мелочи, а потом закуривал трубку или на скрипке играл и думал. И все, понимаешь, принимал во внимание, ставил себя на место преступника... Раз!.. И вдруг все понимал.

— Ну, ну, и что же? — нетерпеливо спросила Валя. У нее разгорелись глаза, и она даже стала ерзать на камне от нетерпения. — Так ты тоже все хочешь понять?

— Постараюсь, — скромно сказал я. — Вот давай порассуждаем, представим себе все, как было, поставим себя на место Жгутова и...

— ...и рраз... все поймем!.. — восторженно перебила меня Валя. — Да?

— Постараемся, — поправил я ее опять.

В Валькином возрасте все кажется легким: раз — и готово. Я-то уже понимал, что все это далеко не так просто. Я встал и, прохаживаясь взад и вперед — так, кстати, мне было и теплее, — начал рассуждать вслух:

— Когда Жгутов мог вынести с бота продукты? Сначала мы все были вместе. Помнишь? Бот выбросило, Фома пришел за нами, и мы все собрались возле Фомы Тимофеевича. Жгутов был, во-первых, с нами, я его помню, а во-вторых, мы все собрались около бота. Значит, в это время он вынести ничего не мог.

— Так, так, — закивала головой Валя, ерзая на камне от нетерпения. — Правильно, правильно.

— Дальше мы с тобой и с Фомой пошли искать пещеру, а тетя Глаша сидела возле бота, охраняла Фому Тимофеевича. Значит, опять-таки ничего Жгутов вынести из бота не мог.

— Так, так, — кивала Валька головой.

— Потом мы тащили с бота постели и перетаскивали их в пещеру. А тетя Глаша по-прежнему сидела у бота. Жгутов ничего вынести с бота не мог.

— Не мог, — увлеченно повторила Валька.

— Потом мы повели Фому Тимофеевича в пещеру. Жгутова с нами не было. В пещере мы уложили Фому Тимофеевича, сняли с него сапоги, немного поразговаривали, и он послал нас на бот за флагом. Мы пошли на бот, и уже в это время там не было спичек. Значит, Жгутов уже к этому времени все с бота вынес. Значит, он выносил именно тогда, когда мы были в пещере.

— Даня, — сказала Валя, — я даже не знала, что ты такой умный! Ты прости, я иногда обижала тебя...

— Ладно, — сказал я скромно, — будем рассуждать дальше. Сколько времени мы провели в пещере? Ну, допустим, пятнадцать минут. Ну, возьмем с запасом, пусть даже двадцать.

— Ну, пусть двадцать, — согласилась Валя.

— Ну, скажем, Жгутов влез в бот, пока мы вели Фому Тимофеевича — мы шли к боту спиной, — ну, сколько мы шли? Пять минут самое большее.

— Самое большее, — кивнула головой Валя.

— Значит, всего двадцать пять минут. Не могло же сходиться время секунду в секунду, не мог же Жгутов точно знать, когда мы выйдем из пещеры. Значит, должен был он хоть пять минут иметь в запасе. Значит, самое большее было у него времени двадцать минут.

— Двадцать минут, — как эхо, откликнулась Валя.

Она была вся поглощена моим рассуждением. Глаза у нее горели. Она даже сбросила одеяло, ей стало жарко от возбуждения.

— Теперь посмотрим, что он должен был сделать за эти двадцать минут. Он на острове в первый раз. Значит, он не мог знать заранее, что, мол, там-то и там-то есть какое-то место, которое почти невозможно обнаружить и в котором можно спрятать целую кучу продуктов. Значит, он должен был найти такой тайник. Мы осмотрели остров внимательно и ничего не нашли. Значит, найти тайник не так просто. Ну, скажем, ему повезло. Но десять минут должен он был на это потратить?

— Десять минут,—согласилась Валька.

— Остается у него десять. За это время он должен был влезть на бот, — скажем, минута. Взять мешок и дойти до шкафа. Пол наклонный, ходить трудно и в боте темно. Ну, скажем, еще минута. Он должен был уложить в мешок десять буханок хлеба, двадцать банок консервов, чай, сахар. Нужно на это пять минут?

— Обязательно, — убежденно сказала Валя.

— Значит, семь минут. Теперь нужно еще собрать спички. Спички лежат в разных местах. Две пачки лежали в ящике в магазине. Это я точно помню. В машинном тоже лежали спички — Жгутов курил. В рубке у Фомы Тимофеевича тоже лежали спички. Значит, три места надо было обойти в темноте, идя по наклонному полу, да еще нашарить спички. Ну, по минуте на каждое место надо класть?

— Надо, — кивнула Валя.

— Вот тебе и все двадцать минут. Теперь надо вытащить тяжелый мешок по трапу, унести его куда-то далеко, потому что у самого бота наверняка спрятать негде, мы же смотрели, да еще замаскировать.

— Так что же ты думаешь? — волнуясь, спросила Валя.

— Я думаю... — протянул я, по совести сказать, еще совсем не зная, что я именно думаю, и вдруг вскрикнул: — Понял!

Валька вскочила и стояла передо мной, вся дрожа от возбуждения.

— Что же ты понял? Ну, говори!

— Я понял, — сказал я и вдруг замолчал.

Мне пришла в голову такая мысль. Вальку-то я знаю великолепно. Ей скажи, она сразу потребует, чтоб мы начали действовать. А это не так просто. Жгутов человек сильный и может оказать сопротивление. От него чего угодно можно ждать. Фому Тимофеевича тоже одного нельзя оставить. Значит, очевидно, идти на бот надо Глафире, Фоме и мне. Втроем мы все-таки можем справиться со Жгутовым. А Вальке надо сторожить Фому Тимофеевича. В смысле физической силы она ничего не стоит, но как сигнальщику ей цены нет. Уж кричать-то она умеет как никто!

— Валя, — сказал я, — мы еще с тобой порассуждаем и обязательно все поймем, но только мне сейчас нужно с Фомой поговорить. Раз ты все равно не спишь, посторожи здесь, а я быстренько сбегаю к Фоме и через пять минут вернусь. Хорошо?

Валька смотрела на меня горящими глазами. Она, не отвечая, кивнула головой. Я быстро побежал на вершину скалы, где прогуливался возле флага замерзший Фома.

Я повторил ему все свое рассуждение.

— Ты понимаешь, Фома, — сказал я, — только на боте он мог спрятать. Больше нигде. Вынести с бота нет никакой возможности. Он правильно рассчитал, что это единственное, что нам не придет в голову.

Фома посмотрел на меня и широко улыбнулся.

— Молодец! — сказал он. — Мне бы не додуматься. Здорово ты соображаешь!

Приятно в Фоме, что он охотно признает заслуги других людей. Это не каждый умеет. Правда, и я сознавал, что на этот раз похвала мною заслужена.

— Да, — сказал я, — кое-что мне удалось сообразить.

— Сделаем так, — сказал Фома, — Валю надо к флагу поставить, тетю Глашу разбудим. С ней, втроем, спустимся вниз. Она постоит у бота и будет следить за пещерой, а мы с тобой обыщем весь трюм. Ты прав, продукты должны быть там.

— Пошли, — сказал я.

— Нет, — Фома покачал головой, — ты не знаешь, какой дед сердитый насчет порядков. Человек должен у флага стоять. Если судно покажется, надо флагом размахивать, а то могут не зайти. Ты спустись, позови Валю, она меня сменит, и мы тетю Глашу разбудим.

И только он это сказал, как вдруг раздался отчаянный Валин крик.

Одно из замечательных свойств Валькиного крика — это его продолжительность. Она могла на одной ноте тянуть вопль, наверное, пять минут. Обыкновенному человеку этому в жизни не научиться. А сейчас крик был громкий, отчаянный, но короткий. Как будто ей кто-то неожиданно рот заткнул.

Мы с Фомой кинулись вниз. Еще сверху нам было видно, что возле пещеры Вали нет. Может быть, она зашла в пещеру? Может быть, с капитаном случилось что-нибудь? Мы вбежали в пещеру. Фома Тимофеевич спал. Глафира сидела на постели и прислушивалась.

— Мне приснилось или на самом деле кто-то кричал? — спросила она.

— Тетя Глаша, — сказал я, — это Валя где-то кричала, а где, неизвестно. Понимаете, Валя исчезла.

Глава семнадцатая

ОСВОБОЖДАЕМ ПЛЕННЫХ

Мы вышли из пещеры и остановились. Прежде всего надо было оглядеться и сообразить.

— Валя! — закричала Глафира. — Валя!

Мы тоже с Фомою крикнули несколько раз. Валя не отвечала.

— Странно, — сказала Глафира.

Необыкновенная тишина стояла на острове. Море совсем утихло, и крошечные волны бесшумно набегали на песок. Над нами было чистое небо, без единого облачка. Солнце опять поднималось к зениту, и тени стали гораздо короче. Почему-то замолкли чайки. Одна только крикнула резко и коротко, и снова наступила мертвая тишина.

Загадочной казалась эта тишина, что-то таящей, чем-то угрожающей, и загадочным показался мне остров Колдун. Черный, молчаливый, он стоял посреди гладкого голубого моря и молчал таинственно и значительно. Я в первый раз понял, почему его назвали Колдун. Как злой волшебник, высился он в океане, и мне вдруг пришла в голову странная мысль: может быть, он беззвучно смеется над нами? Завлек своим злым волшебством к себе наш бот и теперь беззвучно смеется.

Я отогнал от себя эти мысли. Мама всегда говорит, что если поддаваться настроениям, так можно лягушку принять за водяного, а старое дерево — за лесовика.

Остров был тих. И сейчас, когда я осмотрелся, отогнав от себя мысли о волшебствах и тайнах, мне показалось, наоборот, что удивительно спокойно, можно сказать, обыкновенно выглядит остров.

Спокойно набегали на песок маленькие волны, бот наш лежал на боку, и, кажется, его немного втянуло в песок, Жгутов спал на песке возле бота, во всяком случае делал вид, что спит. Я поднял глаза к вершине скалы и увидел, что флаг не полощется, а свисает и чуть шевелится от легкого ветерка. И вдруг я подумал, что в прошлый раз, когда я смотрел на бот, Жгутова возле бота не было. Это я точно помнил. Я бы непременно его заметил. У меня замерло сердце. Конечно же, Жгутов убил Валю. Она сообразила, чего я не договорил, и поняла, что продукты спрятаны на боте. Конечно, с ее характером не могла она ждать, пока мы организованно пойдем на поиски. Ей, конечно же, надо было первой полезть на бот и первой найти хлеб, и консервы, и спички.

— Я знаю! — крикнул я и побежал вниз.

Мне некогда было сейчас объяснять все, что я понял, что я знал наверное, в чем я был уверен.

— Куда ты? — крикнула мне вслед Глафира. — Подожди, Даня!

Потом я слышал, как она резко сказала Фоме:

— К флагу! Пропустишь судно, что Фома Тимофеевич скажет?

Я пролетел мимо Жгутова, вскарабкался на бот, поднялся по наклонной палубе и сбежал вниз по трапу.

Страшная тишина была в трюме.

— Валя! — крикнул я. — Валя!

Тишина.

— Валя! — сказал я плача. — Ну Валя, ну что же ты! Где же ты, Валя?

Что-то лежало на полу. В темноте мне было не видно — что, но что-то большое. Задыхаясь от ужаса, я подошел, наклонился... Нет, это был свернутый матрац, обвязанный веревкой. Наверное, Жгутов собирался отнести его к себе, но почему-то оставил. И, наверное, в эту минуту вбежала Валька.

— Валя, — повторял я, — Валя! — и всхлипывал.

И тут я услышал голос Глафиры. Она звала меня, наклонившись над трапом. Она ведь не знала, в чем дело, почему я уверен, что Валька залезла в бот. А мне было так страшно одному, что я кинулся к трапу.

— Тетя Глаша, — сказал я плача, — тетя Глаша, идите сюда!

И вдруг я увидел за Глафирой Жгутова, поднявшего над склоненной ее головой тяжелый гаечный ключ.

— А-а! — закричал я и, не в силах ничего объяснить, только пальцем показывал ей: посмотри, мол, назад, обернись. И Глафира обернулась.

Жгутов растерялся. Наверное, напасть со спины и ударить человека в затылок, не видя его лица, — это одно, а убить человека, который смотрит тебе прямо в глаза, — это другое. Он отступил на шаг. И Глафира шагнула вслед за ним. Я поднялся на несколько ступенек по трапу. Жгутов держал по-прежнему тяжелый гаечный ключ над головой Глафиры. Может быть, я мог бы кинуться к Глафире на помощь, но я чувствовал, что, если я крикну, если кинусь, Жгутов с силой ударит. Тогда будет борьба, драка, а в драке убить человека легче. Именно то, что Глафира стояла неподвижно, глядя прямо в глаза Жгутову, то, что никто из них не двигался, только оба они тяжело дышали, именно это связывало Жгутова.

— Ой, что ты, Паша! — сказала Глафира, совсем тихо, почти шепотом.

— Ничего, ничего, — повторял Жгутов, и гаечный ключ прыгал в его дрожавшей руке.

А Глафира медленно подняла руку и взяла Жгутова за кисть и все не отрываясь смотрела ему в глаза.

Уголком глаза увидел я кого-то, кто медленно шел к боту, слегка покачиваясь, иногда останавливаясь. Я не сразу понял, что это Фома Тимофеевич. Он, наверное, проснулся, удивился, что никого нет, вышел из пещеры, увидел, что происходит на боте, и пошел, пошатываясь, еле передвигая ноги, чтобы помочь, спасти, навести порядок. Жгутов и Глафира его не видели. Они по-прежнему не отрываясь смотрели друг другу в глаза.

— Степана убил, — негромко сказала Глафира, — меня убить хочешь?

Жгутов попытался вырвать свою руку из руки Глафиры, но Глафира крепко держала.

— Пусти, ну! — прошептал Жгутов. — Все равно мне другого выхода нет, понимаешь?

— И в глаза смотреть не боишься? — прошептала Глафира.

— Пусти! — прошептал Жгутов, все стараясь вырвать руку.

По-прежнему они были почти неподвижны, но я чувствовал, как напряглись две сцепившиеся руки. На руке Жгутова, обнаженной до локтя, вздулись мускулы. Он остервенел.

— Судно-то придет, — задыхаясь, негромко говорила Глафира, — на что надеешься?

— Ни на что не надеюсь! — яростно сказал Жгутов. — Выхода нет, знать ничего не знаю. — И все вырывал и вырывал свою руку, а Глафира, слабея, цеплялась за нее.

— Правда из моря выплывет, — сказала она.

Жгутов впал в какое-то оцепенение, когда встретил взгляд Глафиры. А теперь оцепенение проходило. И я понял, что теперь важна только сила. Может быть, мы вдвоем с Глафирой удержим эту проклятую жилистую жгутовскую руку. Я выскочил на палубу. И в это же время Жгутов громко крикнул:

— Пусти, ну! — вырвал руку и занес ключ над головой Глафиры.

И тут раздался громкий, отчетливый, резкий голос Фомы Тимофеевича.

— Смирно, Жгутов! — коротко скомандовал он.

Он стоял у самого бота, гордо выпрямившийся старик, с седой растрепанной бородой, с кровью, запекшейся на виске.

Жгутов круто повернулся. Теперь они с капитаном смотрели друг другу в глаза. Может быть, мы с Глафирой могли бы сейчас, когда он стоял к нам спиной, кинуться на Жгутова и схватить его за руки, но Глафира ослабела. Она села прямо на палубу и, видно, не очень даже соображала, что происходит.

— А, один черт! — сказал Жгутов. — Начал, так надо кончать.

Я бросился на него и вцепился ему в руку. Но он был в ярости. Его ничто не могло остановить. Он вырвал руку, схватил меня за плечи, потряс и прошептал тонкими, злыми губами:

— Смерти хочешь, щенок? Ничего, дождешься!

Он швырнул меня с бота так, что я упал на песок, и сам вслед за мною спрыгнул на берег. И быстро, решительно, глядя прямо капитану в глаза, не боясь его взгляда, высоко поднял тяжелый гаечный ключ и пошел на Фому Тимофеевича. Капитан еще выше поднял голову. Он был слаб и стар и не мог бороться со Жгутовым, но он стоял перед ним прямо и глядел на него без всякой тени страха.

На Жгутова уже ничто не могло подействовать. Рубеж был перейден, и возврата не было. Но вдруг в ту минуту, когда Жгутов занес ключ над головой капитана, со скалы раздался отчаянный крик Фомы:

— Судно, судно идет, близко уже!

На секунду все застыло. Жгутов с гаечным ключом в руке, седой капитан с гордо поднятой головой, я, поднимающийся с песка, на который меня бросил Жгутов, Глафира, только что спрыгнувшая с бота. Со скалы быстро бежал Фома, продолжая радостным голосом кричать:

— Судно, судно, траулер идет!

Жгутов посмотрел на Фому. Потом опять посмотрел на капитана. Он, видно, колебался. Он мог бы еще убить капитана и, может быть, бросился бы на Глафиру, но уже не было в нем решимости. Кара была слишком близка. Убить он бы, может, и смог, но, уж наверное, не успел бы спрятать следы.

И в ярости он бросил ключ на песок:

— Раньше надо было! — сказал он. — Проиграл!

Сел на камень и опустил голову.

Фома подбежал к старику и взял его за плечи.

— Дед, — сказал он, — ты сядь. Стоять-то тяжело небось.

— Да, — сказал Коновалов таким спокойным голосом, как будто ничего особенного сейчас не произошло.

Я подошел к Жгутову и спросил:

— Где Валя, Жгутов?

— В трюме, — хмуро сказал Жгутов. — В машинном. Я ее связал.

У меня отлегло от сердца. Значит, она жива. Значит, он не решился ее убить.

— Фома, — сказал я, — давай, там Валя связана.

Фома с опаской посмотрел на Жгутова. Тот по-прежнему сидел, опустив голову, ни на кого не глядя, и ясно было, что он подавлен, что нет в нем сейчас ярости, только одно отчаяние, что сейчас он ни на что не может решиться и ничего не может совершить.

Все-таки Фома наклонился, поднял, косясь на Жгутова, гаечный ключ и только после этого полез на бот.

Теперь мы знали, куда идти. В машинном отделении было полутемно, но тут, кроме мотора и лавки, ничего не было. Поэтому мы сразу увидели в углу Валю. Она лежала связанная. Рот ее был набит ветошью, которой механики вытирают руки, и завязан полотенцем.

Пришлось нам с ней повозиться. Она вся извивалась и только мешала нам. Я бы вообще ее не смог развязать, но Фома знает все системы узлов. Это у моряков целая наука. Пока я разматывал полотенце и вытаскивал у Вальки изо рта ветошь, Фома распутал узлы на ногах, и Валька наконец встала. Прежде всего она начала плеваться. Ну, я ее за это не обвиняю. Действительно, грязная ветошь довольно противная вещь. Потом она охала и стонала, потому что ей где-то натерли веревки и затекли ноги и руки. В общем, кое-как мы ее все-таки выволокли на берег, и здесь она наконец-то пришла в себя. Зато уж когда она пришла в себя, остановить ее болтовню было невозможно.

— Я сразу поняла, — затарахтела она, — чего Данька не договорил. А-а, думаю, значит, они с Фомой хотят продукты найти, а меня с носом оставить! Я, мол, тут ни при чем. Ну, думаю, посмотрим, чья возьмет! Смотрю на них — они там увлеклись, разговаривают, как меня обвести, а я пока быстренько-быстренько — шмыг в бот. Вы, думаю, еще только собираться будете, а я приду и приглашу обедать. Вот, думаю, будет здорово! А он, оказывается, понимаете ли, в боте был. Проголодался, наверное, поесть пришел. Я вошла, а он притаился и как кинется на меня! Я ка-ак закричу! Вы слышали, да? Здорово я кричала? А он на меня ка-ак бросится! В рот мне напихал эту гадость... Тьфу, даже вспомнить противно! Я здорово брыкалась. Ну, только он меня все-таки связал. Еще бы, такой здоровый! Разве с ним справишься? Потом еще полотенцем меня обвязал. Ну, я прямо как ребеночек в пеленках лежала. Только что кричать нельзя. А я все равно придумала. Если бы вы меня не освободили, я бы веревку распутала. Вот увидите, что распутала бы. В одном месте она уже ослабела немного. А продукты я поняла, где спрятаны. Под прилавком. И завалены книгами. Потому что он за прилавком сидел и жевал. Я точно знаю, что жевал. Вот ведь какой! Сам-то ест, а мы-то голодные. А теперь давайте скорее обедать. Так есть хочется! И костер теперь можно зажечь, спички-то тоже, наверное, под прилавком.

— Теперь неважно, Валя, — сказал Фома Тимофеевич. — Теперь на судне пообедаем.

Фома посопел носом и хмуро сказал:

— Дед, я насчет судна наврал, судна-то не было. Это я, чтоб он испугался.

Глава восемнадцатая

КОРАБЛЬ НА ГОРИЗОНТЕ

Жгутов вскочил. Его очень поразило, что он, оказывается, попался на удочку. Мог бы нас всех поодиночке убить, да теперь поздно. Он огляделся. Мы все стояли вокруг него: Глафира, Фома, я, Валька, Фома Тимофеевич, решительные, готовые к любой драке. С нами ему не справиться. Он вздохнул и опять сел на камень.

— Докатился, Жгутов, — сказал Фома Тимофеевич.

— Несчастное стечение обстоятельств, — хмуро сказал Жгутов.

— Это что нас перебить не удалось, что ли? — спросил капитан.

— И это тоже, Фома Тимофеевич, — ответил Жгутов. — Не везет мне, вот и все.

Меня очень удивили его слова. Уж, кажется, сам себе человек яму вырыл, сразу видно, а ему, понимаете, кажется, что не везет, что просто несчастное стечение обстоятельств, что он-то ни в чем не виноват. Просто судьба с ним неправильно поступила. До чего же не может человек на себя со стороны посмотреть. Я подумал, что это надо себе заметить и научиться смотреть на себя со стороны.

Капитан, очевидно, решил, что он уже здоров и нечего ему прохлаждаться.

— Даня и Валя, — сказал он резким, строгим голосом, и мы почувствовали, что снова у нас есть капитан, все знающий, обо всем думающий, за все отвечающий; и, честно сказать, это было очень приятно. — Даня и Валя, идите в бот и быстро тащите хлеб, спички, консервы. Только быстро, понятно?

Мы с Валькой торопливо полезли на бот.

За прилавком лежала куча книг. Казалось, что при толчке, когда бот выкинуло на берег, книги случайно упали с полки. Даже если б мы знали, что продукты спрятаны в боте, может быть, последнее место, где бы мы стали искать, было бы это. Ловко сообразил Жгутов.

Но сейчас, точно зная, где спрятаны продукты, мы, несмотря на темноту, без труда их нашли. Разгребли книги и сразу нащупали буханку хлеба. Мне кажется, что, пока я разрывал книги дальше и вытаскивал банку за банкой консервы, Валька отщипнула кусок хлеба и жевала его. Что-то она долго молчала и не ахала и не восторгалась, а это совсем на нее не похоже. Впрочем, я ее не виню. Мы очень изголодались. Наконец мне попались спички. Я разыскал фонарь, зажег его и при тусклом свете заправил еще два фонаря. Горючего в баке было много. Если бы бот наш не лежал на песке, наверное, с этим горючим мы бы спокойно дошли до дома.

Теперь нам было светло. Я оглядел магазин. Все перемешалось: книги, тетради, картины, банки с чернилами. Я вспомнил, как мы старались во время шторма правильно расставить по полкам Гоголя — к

Гоголю, Толстого — к Толстому, и мне стало смешно. А все-таки молодец был Степан! Не задал бы он нам работы, было бы куда труднее.

Теперь мы разгребли всю эту гору книг, тетрадей, картин и под ними нашли и сахар, и чай, и консервы. Оказалось, что среди консервов очень много банок с тушеным мясом, как раз тех, которые я очень люблю.

Мы быстро перетаскали наши запасы на берег и сложили на чистую простыню, которую нашли в уголке за прилавком. Как приятно было смотреть на всю эту гору пищи, как приятно было думать, что скоро мы будем сыты и сможем спокойно ждать, пока придет за нами корабль!

Глафира, Валя и мы с Фомой взяли простыню за четыре конца и медленно двинулись к пещере.

Все время, пока мы таскали продукты, Жгутов, по-прежнему опустив голову, сидел на камне. Но, когда мы двинулись к пещере, он вдруг поднял голову.

— Теперь вы меня голодать заставите, — сказал он. — Ну что ж, ваша взяла. Но только смотрите, моя игра еще не кончилась.

Фома Тимофеевич остановился и посмотрел на Жгутова.

— Пожалуйста, — сказал он, — завтрак, обед и ужин тебя ждут каждый день. Приходи, ешь.

— Фома Тимофеевич, — жалобно сказал Жгутов, — дайте мне мою долю.

Я понимал, как ему не хотелось три раза в день приходить к людям, которых он пытался убить. По чести сказать, я бы охотно дал ему его долю. Тоже и нам было мало радости видеть его противную физиономию. Но Фома Тимофеевич рассудил иначе.

— Нет, Жгутов, — сказал он, — на судне стол общий, ну, и на необитаемом острове тоже.

Я думаю, что капитан не хотел выпускать из виду Жгутова. Мало ли что могло взбрести в его сумасшедшую голову. А так все-таки три раза в день мы могли за ним наблюдать.

Мы двинулись дальше, неся простыню, и Жгутов крикнул нам вслед просительным тоном:

— А сейчас когда приходить?

Видно, он не успел толком поесть — Валька ввалилась на бот и помешала ему. Видно, и его тоже мучил голод.

— Через полчасика, — ответил Фома Тимофеевич. — А раньше придешь, тоже не беда, поможешь водорослей набрать для костра.

Жгутов промолчал и остался сидеть на камне и даже нам вслед не смотрел, а смотрел в море и думал свою, наверное, горькую думу. А может быть, и не так. Может быть, просто сидел и отчаянно искал выход, придумывал разные способы, как бы все-таки нас одолеть, убить, уничтожить. Не знаю я и не хочу даже знать, о чем думал Жгутов.

В углу пещеры мы расстелили простыню, сложили на нее аккуратненько кирпичики хлеба, консервы, чай, сахар, и как-то сразу пещера стала как настоящий дом, и, по чести сказать, если бы только я не думал, что мама очень волнуется, мне бы хотелось здесь пожить недельку-другую.

Быстро мы натаскали водорослей, и перед входом в пещеру загорелся костер. Мы с Фомой сбегали еще раз на бот и притащили кастрюли, ножи, ложки, несколько тетрадей на растопку и ломик, чтобы повесить на нем чайник или кастрюлю. Ломик одним концом уперли в скалу, а под другой конец подставили камень, который лежал недалеко. Когда мы брали тетради, я подумал, что, может, стоит взять несколько книг. Спросил об этом Фому, а он помолчал, посопел и сказал, что не надо. Он был, конечно, прав. Книги жечь неприятно. Все-таки люди думали, старались, писали.

И вот загорелся костер, и над огнем висели кастрюля и чайник, и чайник скоро начал шуметь, и в кастрюле булькало растопившееся сало, и мы с Фомой большими ломтями нарезали хлеб, а Фома Тимофеевич предложил накрошить хлеб прямо в консервы. Там было столько сала, что получилось вроде очень густого супа. Глафира насыпала в чайник чаю, и чайник закипел, и наконец мы сняли ломик с кастрюлей и чайником и сели вокруг кастрюли все пятеро с ложками. А тут и Жгутов подошел, и ему тоже дали ложку, и он сел вместе с нами, и мне было так хорошо, что я даже и на него не злился. И мы с серьезными, задумчивыми лицами, стараясь не торопиться и не ронять достоинства, начали ложками доставать из кастрюли куски пропитанного горячим салом хлеба и дули на них, стараясь показать, что мы не торо-

пимся, что мы не умираем от голода, а просто неторопливо, прилично едим.

Как было хорошо почувствовать себя сытым! Честное слово, иногда имеет смысл поголодать, чтоб испытать это удивительное удовольствие. Пока мы ели, чай настоялся, и Глафира его разлила по кружкам, и мы насыпали сахару кто сколько хотел и мешали ручками ножей и потом пили его — крепкий, сладкий, с хлебом, — и перед нами лежало огромное голубое море, и даже чайки кричали весело, так было нам хорошо.

Много есть скверного в кораблекрушении, но все-таки бывают и хорошие минуты. Не знаю, испытывали ли ребята из моей воронежской школы столько радости, сколько я испытал.

Как только мы кончили пить чай, Фома Тимофеевич сказал:

— Я позволил вам побездельничать, поскольку вы давно не ели и все заслужили обед, а теперь хватит. Чья очередь у флага стоять?

— Моя, — сказала Валька.

Фома Тимофеевич с сомнением на нее посмотрел.

— Ну, может, тебе и отдохнуть стоит, — сказал он. — Все-таки ты набедовала сегодня. Да, пожалуй, и очередь надо заново ставить, раз у нас перерыв получился. Ну, мальчики, кто из вас пойдет?

— Я, — сказали мы оба с Фомой.

— Ты, Фома, уже стоял, — сказал я. — И за себя и за Вальку. Теперь я постою.

Сейчас, когда я был сыт, мне даже хотелось постоять у флага, посмотреть на море, попридумывать разные интересные вещи. Фома не стал спорить. Я поднялся на вершину скалы и оглянулся, чтоб посмотреть на своих, чтобы проверить, виден ли им я. Фома, Глафира, Валька и капитан сидели вокруг костра. Валька смотрела на меня и, увидев, что я обернулся, помахала мне рукой. Вниз по скале медленно спускался Жгутов. Мои были все вместе. Им было хорошо, моим друзьям и товарищам, а Жгутов шел один, и теперь до следующей еды ему предстояло сидеть одному у себя в расселине, смотреть на море и думать о будущем, которое для него обязательно будет плохим.

Я даже чуть было не пожалел его, но вспомнил Степана, подумал о Глафире, представил себе, как стоял Жгутов с гаечным ключом в руке, как он смотрел на Фому Тимофеевича, и перестал его жалеть.

Мне предстояло два часа шагать взад-вперед и обводить горизонт глазами. Так думал я и посмотрел на гладкую морскую даль, потом повернулся направо, потом повернулся назад, потом повернулся налево — и остолбенел. Черная точка двигалась по голубому морю. Нет, не точка — крошечный кораблик, крошечный потому, что он был еще далеко, шел прямо к острову. А может быть, мимо острова? У меня даже сердце упало от неожиданности. Я растерялся. Я помнил, что, если увидишь корабль, надо что-то делать. Только я забыл что.

— Идет, идет! — заорал я диким голосом. — Скорей, скорей!

Я боялся отвести глаза от маленького темного силуэтика. Мне казалось, что я отведу глаза, потом посмотрю опять, а его уже нет.

— Скорей, скорей! — продолжал я кричать. — Идет, идет!

Удивительно, как быстро взбежали все наверх. Я узнал об этом прежде всего по отчаянному Валькиному визгу. Уж если был повод повизжать, Валька никогда его не упускала.

— Флагом размахивай, — сказал над самым моим ухом капитан. — Чего зеваешь?

Но уже Фома выхватил флагшток и размахивал флагом с удивительной энергией. А потом я услышал за своей спиной тяжелое дыхание. Тут я наконец решился оторвать на минуту взгляд от идущего судна. Я обернулся. Жгутов стоял за моей спиной, глядел на судно и тяжело, с хрипом дышал.

Долго мы все стояли и не отрываясь смотрели на суденышко. Оно приближалось медленно-медленно, но все-таки приближалось. Оно увеличивалось. Когда я впервые его увидел, оно было почти на самом горизонте, а сейчас за ним уже лежала широкая полоса воды.

— Бот, — сказал Фома Тимофеевич.

— Прямо на остров держит, — сказал Жгутов.

И, помолчав, с ненавистью сказала Глафира:

— Вот, Жгутов, и кончена твоя игра.

И опять мы стояли и молча смотрели, как увеличивается, как приближается бот. Уже было видно всем, что это обыкновенный рыбацкий бот, вроде нашего «Книж-

ника», даже легкий дымок, маленькими облачками вырывавшийся из узенькой трубы, был нам виден. На корме бота был флаг. Три фигурки стояли на палубе. Три маленькие фигурки. Они двигались, что-то делали, потом одна из фигурок спустилась вниз, и на палубе осталось только две.

Бот приближался. Щурясь, смотрел на него Фома Тимофеевич и вдруг сказал:

— Не наше судно. Иностранное. — И продолжал, щурясь, смотреть на бот.

Фома застыл, глядя на деда. Полотнище нашего флага коснулось скалы. Фома Тимофеевич смотрел на бот и молчал.

— Махать флагом или не надо? — спросил Фома.

Фома Тимофеевич не отвечал. Он все смотрел, щурился и ничего не говорил.

Потом он сказал:

— Не надо.

И снова молчал, смотрел, щурился и потом сказал, будто про себя:

— Норвежское судно. Норвежцы хорошие бывают, а бывают такие разбойники! Всякие бывают норвежцы.

И тогда за моей спиной тихо и очень отчетливо проговорил Жгутов:

— Может, еще и не кончена моя игра, Глаша.

Глава девятнадцатая

ГОСТИ ИЗДАЛЕКА

Бот остановился на рейде. Так говорится, когда судно не подходит к берегу, а останавливается невдалеке от него. С бота спустили шлюпку, и три человека сели в нее. Четвертый, наверное механик, проводил их и остался на боте. Мы к этому времени сошли вниз и стояли на песчаном берегу бухты. Два матроса гребли, а пожилой человек, видно капитан или хозяин судна, сидел на руле. Шлюпка врезалась в песок, и все трое вышли на берег. Матросы помогли сойти пожилому человеку — капитану или хозяину — и пропустили его вперед. Фома Тимофеевич стоял подобравшийся и торжественный. Сразу было видно, что он капитан. Он сделал шаг вперед и сказал:

— Здравствуйте. Я капитан советского бота «Книжник», Коновалов.

Пожилой человек сделал шаг вперед и протянул руку:

— Здравствуйте, господин капитан, — сказал он. — Я владелец и капитан приписанного в порту Вардэ рыболовного бота «Фру Нильсен». Мы были задержаны в море штормом, у нас кончилось горючее, и мы вынуждены были идти к ближайшему острову. Это, кажется, остров Колдун?

— Да, — сказал Фома Тимофеевич, — это остров Колдун. Вы хорошо говорите по-русски, господин капитан. Простите, как ваша фамилия?

— Генрих Нильсен, — сказал норвежский капитан. — По-русски я говорю почти так же, как по-норвежски. Я долгое время имел маленький промысел на мурманском берегу.

— Верно, до революции? — спросил Фома Тимофеевич.

— Разумеется, — кивнул головой капитан Нильсен. — Остров Колдун — это, кажется, советский остров?

— Мне тоже кажется, что остров Колдун — это советский остров, — усмехнувшись, сказал Фома Тимофеевич.

— В таком случае, — капитан Нильсен выпрямился и принял торжественную позу, — прошу прибежища у вас, как у хозяина.

— Рад буду помочь, — коротко сказал наш капитан. — Жаль, что не смогу вас угостить как следует. Сами, как видите, потерпели кораблекрушение.

— Доброе расположение, — сказал Генрих Нильсен, — тоже доброе угощение.

Фома Тимофеевич поклонился.

— Прошу к костру, господин капитан,— сказал он,— прошу к костру, господа матросы.

Неторопливо мы все пошли вверх по скале, к пещере, возле которой еще догорал наш костер. Глафира достала консервы и, пока мы все рассаживались, начала было их открывать, но один из матросов вскочил, молча взял банку и очень быстро открыл ее большим карманным ножом. Фома нарезал хлеб и дал каждому из гостей по большому куску. Вынули ножи второй матрос и капитан. Неторопливо, солидно начали они есть, насаживая на кончики ножей куски консервированного мяса. Мне кажется, что они были сыты, угощение носило скорее характер официального обряда. Вот, мол, мы, советские граждане, принимаем на советской земле вас, норвежских моряков. Вот, мол, мы, норвежские моряки, с удовольствием принимаем ваше

радушное угощение. Я слышал и читал иногда о дипломатических приемах. И вот, хотя и на голом черном граните, хотя без сервизов и без лакеев, но я увидел собственными глазами настоящий дипломатический прием.

— Удачный был промысел? — спросил Фома Тимофеевич.

— Благодарю вас, — кивнул головой капитан Генрих Нильсен, — трески промыслили хорошо. Этот год треска на яруса много берет. Другая беда. В Вардэ стоит низкая цена на рыбу. А как у вас цены в этом году?

— У нас, — сказал Фома Тимофеевич, — цена всегда одинаковая.

— О да, да, — кивнул головой Нильсен, — слышал, слышал. Это очень хорошо для промышленников.

— Вы, господин капитан, — сказал Фома Тимофеевич, — говорите, до революции имели промысел на мурманском берегу?

— Имел маленький промысел, — подтвердил Нильсен.

— «Курт Нильсен и сын»? — спросил Фома Тимофеевич. — Посолзавод в Иоканге, парусные боты и продажа наживки?

— Верно, — сказал Нильсен. — Только я сын, Генрих Нильсен. Мой отец, Курт Нильсен, глава фирмы, умер. Откуда вы знаете нас, господин капитан?

— Я работал у вас матросом, господин капитан, — сказал Коновалов.

— Приятно встретиться со старым товарищем. — Нильсен протянул руку, и капитаны обменялись торжественным рукопожатьем.

— Как же так? — спросил Фома Тимофеевич. — Вы, господин Нильсен, сами ходите капитаном?

— Ну, — пожал плечами Нильсен, — мы потеряли кое-что в России. Фирма пошатнулась, но выдержала. А потом война. Мои суда подрывались на минах. Когда вы освободили Норвегию, я был уже разорен. У меня остался один бот, и, как видите, я должен сам ходить на нем. Зато вы, господин Коновалов, из простого матроса стали капитаном. Вас можно поздравить! У вас счастливо сложилась жизнь.

— Спасибо,— кивнул головой Фома Тимофеевич. Потом повернулся к Глафире и сказал: — Чаю гостям, Глафира.

Чай был уже разлит по кружкам. Глафира подала кружку сперва капитану, а потом двум матросам. Все трое вежливо поклонились.

— Благодарю, — сказал капитан Нильсен и отхлебнул чай. — Что явилось причиной кораблекрушения?

— Сдал мотор, — сказал капитан Коновалов, — пришлось выбрасываться на ближайший берег.

— Горючее, значит, у вас не израсходовано? — спросил капитан Нильсен.

— Сколько у нас горючего, Жгутов? — спросил капитан Коновалов.

— Литров триста, — сказал Жгутов.

— О-о! — кивнул головой норвежский капитан. — Триста литров — это много. Имея триста литров, можно дойти до Вардэ.

— Имея триста литров, — согласился Фома Тимофеевич, — можно.

Норвежцы неторопливо прихлебывали чай. Фома, Валька и я с интересом смотрели на гостей. Что-то в них было особенное, резко отличное от всех тех людей, которых мы до сих пор встречали. Я, например, первый раз в жизни видел иностранцев. И удивлялся тому, насколько они другие. Капитан Нильсен посмотрел на нас и ласково, отечески усмехнулся.

— Какие славные дети! — сказал он ласково. — В таком возрасте они уже пережили шторм и кораблекрушение. Из них вырастут настоящие моряки. — Улыбнувшись, он кивнул нам и потом спросил Фому Тимофеевича каким-то особенным, другим тоном: — Вы ждете помощи, капитан?

— Думаем, что про нас не забыли, — кивнул головой Фома Тимофеевич.

— Да, — согласился капитан Нильсен, — у вас хорошо помогают друг другу. Наверное, за вами скоро придут?

— Думаю, не сегодня, так завтра, — сказал Фома Тимофеевич.

— Это замечательно! — кивнул головой Нильсен. — Это очень удобно для промышленника. — И он не торопясь допил свою кружку чаю.

Будто стараясь во всем подражать своему начальнику, одновременно допили чай и матросы. Они поставили кружки на камень, все трое вынули из кармана платки и неторопливо вытерли губы.

— Господин капитан, — сказал Нильсен, — выручите товарища по несчастью, отдайте нам ваше горючее.

— Глаша, — сказал Фома Тимофеевич, — налей гостям еще чаю.

Глафира подошла с чайником и налила чай сперва Генриху Нильсену, а потом двум матросам.

— Может быть, открыть еще консервов? — спросил капитан.

— Спасибо, мы сыты, — сказал Нильсен и, помолчав, спросил: — Так как, господин капитан?

Фома Тимофеевич помолчал, пожевал в раздумье губами и потом сказал:

— Я вам предложу другой выход.

— Какой же может быть другой выход? — удивился Нильсен.

— Вы берете на борт нас шестерых, — сказал Фома Тимофеевич, — заливаете бак нашим горючим, заходите в ближайший советский порт и идете к себе в Вардэ. И вам хорошо, и нам хорошо.

— Да, конечно, — кивнул головой Нильсен. — И вам хорошо, и нам хорошо. — Он немного подумал и добавил: — Очень всем хорошо. — Потом еще подумал и заключил: — Не выйдет, господин капитан.

— Почему же не выйдет? — удивился Коновалов.

— Я рад бы помочь товарищу, — сказал капитан Нильсен любезно, — но у меня свежая рыба и нет льда. Если я пойду прямо в Вардэ, я смогу ее продавать. Если я пойду сначала в советский порт, она испортится, и я не смогу ее продавать. Понимаете, господин капитан?

— Понимаю, господин капитан, — ответил Фома Тимофеевич.

Капитан Нильсен неторопливо прихлебывал чай. Глядя на него, никто не подумал бы, что идет серьезный, напряженный разговор. Нет, внешне ничто не напоминало спора. И все-таки все мы, присутствовавшие при разговоре, понимали, что столкнулись два сильных, упорных человека и что между ними идет поединок.

Капитан Нильсен допил вторую кружку чая, и одновременно с капитаном допили свои кружки и матросы. И все трое поставили кружки на землю.

— Так как же вы ответите на мою просьбу? — спросил капитан Нильсен.

— Я рад был бы помочь товарищу, — сказал капитан Коновалов, — но, к сожалению, не могу. — Потом он повернулся и сказал Глафире: — Предложи гостям чаю, Глаша.

Глафира подошла с чайником, но капитан Нильсен закрыл свою кружку рукой, и за ним закрыли руками свои кружки оба матроса.

— Я больше не хочу, — сказал капитан Нильсен и встал.

— Может, господа матросы выпьют? — спросил любезно Фома Тимофеевич.

— Нет, — резко сказал Нильсен, — они больше не хотят. Спасибо за угощение. Оле, Христиан.

Матросы встали, как по команде.

Встал и Фома Тимофеевич.

— Простите, господин капитан, — сказал он, — я расшибся при высадке. Я нездоров. Я пойду полежу. Располагайтесь на нашем советском острове, как вам будет удобно.

Он церемонно поклонился, и таким же церемонным поклоном ответил ему капитан Нильсен.

Конечно, Фома Тимофеевич действительно чувствовал себя нехорошо, это было видно. И все-таки мне казалось, что за этой фразой стоит не просто сообщение о своем нездоровье. Мне показалось, что Фома Тимофеевич хотел сказать другое: если, мол, так, дорогой друг, Генрих Нильсен, если, мол, ты не хочешь нас, потерпевших кораблекрушение, доставить в советский порт, то, стало быть, нам с тобой и толковать не о чем. Мешать я тебе не буду, я правила моряцкого товарищества знаю и соблюдаю, но дела с тобой иметь не хочу. И кажется мне, что капитан Нильсен эти не сказанные Фомой Тимофеевичем слова отлично понял.

Три норвежца встали, поклонились и зашагали вниз. Неторопливо они дошли до берега и сели все трое на камни. Капитан посредине, матросы по бокам.

— Скоты! — сказал Фома Тимофеевич, глядя им вслед. — Просто скоты!

Он не торопясь набил трубку табаком, чиркнул спичкой и с наслаждением закурил.

— Можно у вас табачку, Фома Тимофеевич? — спросил Жгутов.

Фома Тимофеевич не глядя протянул Жгутову кисет. Жгутов вынул из кармана тетрадку — я вспомнил эту тетрадку, он ее уже вынимал при мне из кармана, — оторвал кусочек тонкой розовой обложки, насыпал табак, свернул папиросу, достал из кармана спички и закурил. Потом он отдал Фоме Тимофеевичу кисет, сунул руки в карманы, прошелся раза два или три перед пещерой, повернулся и не торопясь,

будто прогуливаясь, поглядывая вокруг, пошел вниз. Три норвежца, сидя на берегу на камнях, молча курили, и клубы табачного дыма поднимались над ними. Только над капитаном поднимались клубы синего дыма, а над матросами — серого. Видно, табаки были разные.

— Ребята, — сказал Фома Тимофеевич, — может, кто из вас спустится на берег? Что-то я думаю, не к норвежцам ли Жгутов пошел. Интересно, о чем у них разговор будет?

Мы встали все трое — Фома, Валя и я, но Фома Тимофеевич отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он, — троим не надо. Пусть Даня, что ли, пойдет. Он парень толковый.

— Хорошо, Фома Тимофеевич, — сказал я.

Согласитесь сами, что приятно, когда такой человек, как наш капитан, о тебе хорошо отзывается.

— Ты не таись, — сказал Фома Тимофеевич, — не надо тебе прятаться да подслушивать. Просто пришел на берег. Просто сидишь рядом с ними. Твоя земля, а не их. Где хочешь, там и находишься.

— Понятно, Фома Тимофеевич, — сказал я и так же, как Жгутов, неторопливо, вразвалочку, будто прогуливаясь, пошел вниз.

Три норвежца выпускали поочередно из трубок дым. Жгутов дошел до берега и не торопясь улегся у самых ног трех норвежцев. Норвежцы посмотрели на него и не то в знак приветствия, не то в знак удивления выпустили одновременно по особенно густому клубу дыма. В это время подошел я, сел на четвертый камень, лежавший совсем близко и от норвежцев и от Жгутова, и стал смотреть на море, как будто просто у меня такое настроение, что хочется посидеть, помечтать.

— Ты чего, Даня? — спросил Жгутов.

— Я ничего, — сказал я, — а что?

— Да нет, ничего, — сказал Жгутов. — Я так.

Жгутов молчал, молчал и я, молчали и норвежцы. Жгутов, кажется, даже и не смотрел на меня, просто лежит человек, отдыхает, любуется морем, и все-таки, даже не глядя на него, я чувствовал, как он меня ненавидит за то, что я пришел и сижу и, видно, буду сидеть и никак меня не прогонишь. Именно потому, что я чувствовал, как я ему мешаю, я решил, что ни за что не уйду. Хочет сделать подлость, пусть делает при свидетелях. А что подлость он сделать хочет, у меня сомнения не было. Вся повадка была у него такая.

Капитан кончил курить и выколотил трубку о камень. За ним кончил курить один матрос и сразу потом второй, и они по очереди выколотили о камень трубки такими же движениями, как капитан.

Жгутов смотрел на меня, как будто взглядом хотел меня заставить уйти, исчезнуть, раствориться в воздухе.

— Хочешь слушать, — сказал он вдруг очень тихо, — о чем я с норвежцами говорить буду?

Такая ненависть была в его голосе, такая ярость, что мне даже страшно стало. И все-таки я ответил тоже тихо:

— Да, хочу слушать.

— Ну что ж, — сказал Жгутов, — милиция далеко, а гости близко. — Он затянулся последний раз и ткнул самокрутку в песок. — Нехорошо, господин капитан, — ска-

зал он, делая вид, что любуется гладкой морской далью, — пока вы сидите на этой мокрой скале, ваша рыба тухнет.

Капитан Нильсен встал и сердито топнул ногой.

— Черт, — сказал он, — зачем вы мне об этом напоминаете?

— Я давно мечтал побывать в Норвегии, — задумчиво сказал Жгутов.

Глава двадцатая

ССОРА НА ОСТРОВЕ

Капитан Нильсен молчал. Он внимательно смотрел на Жгутова. А у Жгутова был такой вид, будто ничего особенного он не сказал. Так, обыкновенная фраза. Мало ли где человеку хочется побывать. Ничего тут особенного нет.

— И что же вам мешало? — спросил наконец неуверенно Нильсен.

— Транспорта не было подходящего, — значительно сказал Жгутов. Потом помолчал, кинул на меня ненавидящий взгляд и, наконец решившись, добавил: — Вот бы вы подвезли меня, господин капитан.

— Как же я вас подвезу, — спросил Нильсен, — когда у меня нет горючего?

Жгутов пожал плечами.

— Кто же вам мешает его взять? — спросил он. — Раненый старик, трое детей и трусливая женщина.

— И один мужчина, — поправил его Нильсен.

— Вы говорите обо мне? — спросил Жгутов.

— Да, — кивнул головой Нильсен.

Жгутов посмотрел на море. Вид у него был такой, будто он просто любуется бесконечной водной гладью, будто просто лениво рассуждает он о вещах, не имеющих практического значения.

— Я давно мечтал побывать в Норвегии, — мечтательно повторил Жгутов.

Капитан резко шагнул к нему.

— Вы побываете там, — сказал он и добавил: — Где горючее?

Жгутов встал и стоял теперь перед капитаном в почтительной позе. Он как бы признавал себя подчиненным этого норвежского моряка. Он вроде как бы поступил на службу.

— Горючее в боте, — сказал он, точно доложил.

— Бачок закреплен? — спросил Нильсен.

— Наглухо, — сказал Жгутов. — Принесите свой, мы перекачаем.

— Шланг есть? — спросил Нильсен.

— Есть, — сказал Жгутов.

— Я сам съезжу за бачком, — сказал Нильсен.

— Я буду вас ждать, — сказал Жгутов.

Нильсен кинул несколько фраз по-норвежски матросам, и они молча кивнули головой. После этого капитан вошел в шлюпку, матросы оттолкнули ее, капитан взялся за весла, и шлюпка быстрыми рывками пошла к боту. Матросы не торопясь направились к камням, на которых они сидели раньше, и вдруг один из них, проходя мимо Жгутова, сделал быстрое движение ногой. Жгутов упал на песок. В растерянности он смотрел на матросов.

— Ты что, ошалел? — спросил он удивленно.

И вдруг матрос ответил на русском языке.

— Скотина! — сказал матрос. — Моряк, а своих продаешь!

— Скотина, — подтвердил, кивнув головою, второй матрос.

— Вы говорите по-русски? — удивился Жгутов.

— А вот увидишь, — сказал первый матрос, — мы еще знаем слово «подлец» и слово «гадина». Вот сколько мы слов знаем по-русски.

Жгутов старался сделать вид, будто он не понимает, что все эти слова относятся к нему. Пока капитана не было, не хотелось ему ссориться с матросами. Оба были здоровые парни, ссора могла плохо кончиться для Жгутова.

— А где вы научились русскому языку? — спросил он самым невинным тоном.

— У себя в Норвегии, — сказал первый матрос. — Когда там была ваша армия.

Мне некогда было слушать дальше. Следовало прежде всего сообщить Фоме Тимофеевичу о сговоре Жгутова и капитана Нильсена. Мне казалось, что матросы славные парни, но все-таки я не знал, какие им дал приказания капитан и о чем он говорил с ними по-норвежски. Может быть, им было приказано задержать меня здесь, на берегу. Я пошел не торопясь, будто прогуливаясь, я решил, что, если они скажут, чтоб я оставался, я сразу брошусь

бежать. Но никто меня не окликнул. Пройдя полпути, я обернулся. У матросов шел разговор со Жгутовым, и никто не обратил внимания на мой уход. Матросы наступали на Жгутова и что-то говорили ему возбужденно и зло. Жгутов пятился. Он отходил к скале, и вид у него был очень испуганный.

Валя стояла на скале у флага. Фома Тимофеевич, Фома и Глафира стояли возле пещеры. Они, вероятно, приблизительно догадывались, что происходило внизу.

— Ну что? — спросил меня Фома Тимофеевич, когда я еще не успел дойти до пещеры.

— Жгутов предложил им отдать горючее, если они его возьмут в Норвегию, — торопясь, проговорил я. — Капитан за бачком поехал. Шланг, Жгутов говорит, есть. Они перекачивать будут.

Я проговорил это все очень быстро, и все-таки Валька еще быстрее ухитрилась сбежать сверху. Она уже крутилась под ногами и суетилась и всех забрасывала вопросами. Чтоб отвязаться от нее, мне пришлось коротко повторить рассказ. И Валька ахала и ужасалась и опять забрасывала всех дурацкими вопросами: «Что же будет? Да как же так? Да разве мы можем позволить?» Но недолго ей пришлось надоедать нам.

— Дежурный, к флагу! — рявкнул капитан, да так сердито, что Валька и спорить не стала, замолчала и побежала наверх. — Пойдемте, — коротко приказал капитан и зашагал вниз.

Мы с Глафирой пошли за ним, а Фома забежал в пещеру и потом бегом догнал нас.

— Ты зачем бегал? — спросил я его тихо.

Он молча вынул из кармана и показал мне большой нож, которым мы открывали консервы.

— Ты чего? — испугался я.

Я представил себе, что Фома с этим ножом, как с кинжалом, бросится на капитана Нильсена. Фома был отчаянный парень. Когда он считал себя правым, он ничего не боялся. Хорошего не могло получиться: сила была на их стороне, в драке они бы нас легко одолели.

— Я попробую шланг перерезать, — тихо сказал мне Фома, — и вылью горючее. Нельзя же им позволять на нашем острове хозяйничать!

— Увидят же, — шепнул я ему: — бот-то ведь на виду.

— Попробую, — сказал Фома, — может, и не увидят.

Шлюпка капитана Нильсена уже шла к берегу. Капитан торопился. Может быть, он боялся, что вдруг подойдет советское судно, а может быть, ему просто хотелось скорее закончить дело. Он-то ведь понимал, что это самый обыкновенный разбой. Мы подошли к Жгутову и к матросам, которые все еще продолжали спорить, и в это же время нос шлюпки врезался в песок.

— Ребята, — говорил искательно Жгутов, — ну давайте спокойно поговорим. Вы чудаки. Вам же самим лучше. Скорее будете дома. Рыбу свежую привезете, продадите.

— Кто продаст рыбу? — наступал на Жгутова первый матрос. — Я продам рыбу? Если б моя была рыба, я разве из-за нее людей на острове бросил бы? Нехорошо Нильсен делает, не как моряк делает.

— Жгутов! — резко сказал Фома Тимофеевич.

Жгутов обернулся. Растерянное, жалкое стало у него лицо. Он испугался капитана. Но только на секунду. Через секунду он вспомнил, что терять ему нечего, что все равно уже все потеряно, а может быть, он увидел Нильсена, который вылез из лодки и торопливо шел к нам.

— Вы на меня, Фома Тимофеевич, не кричите, — сказал Жгутов. — Я теперь вам не подчинен. Вы мне не начальник. Считайте, вышел Жгутов в отставку.

— Ну, в чем дело? — спросил резко капитан Нильсен, глядя прямо в лицо Фоме Тимофеевичу.

— Капитан, — плаксивым голосом сказал Жгутов, — ваши матросы меня обижают. Ругают, драться хотят, а за что? За то, что я вам же помочь хочу. Про вас говорили такое, что даже слушать неприятно.

— Да? — спокойно спросил Нильсен. — Кто говорил, Христиан, Оле?

— Не то говорили, хозяин, — хмуро сказал первый матрос.

— Не то? — удивился Нильсен. — А что же? — Матросы молчали. — Прошу вас запомнить, Оле и Христиан, что, если я вас уволю, ни один судовладелец на работу вас не возьмет. Понятно?

— Понятно, — хмуро ответили Оле и Христиан.

— Господин капитан, — резко сказал Фома Тимофеевич, — что случилось?

— Я вынужден, капитан Коновалов, — резко сказал Нильсен, — взять у вас горючее, которое вам не нужно и без которого я не могу дойти до материка.

— Я не возражаю, чтобы вы взяли горючее, — сказал Фома Тимофеевич, — но вы должны нас доставить в ближайший порт.

— Я уже говорил, — пожал плечами Нильсен, — что это невозможно. У меня протухнет рыба.

— Всякий моряк, — сказал наш капитан, — обязан спасти моряка, терпящего бедствие, а у нас дети и женщина.

— Вы богатый человек, капитан Коновалов, — сказал с издевкой Нильсен, — для вас полный трюм рыбы пустяк, а я человек бедный, я не могу бросаться деньгами.

Тут я увидел лицо Христиана. Странное напряжение было в его взгляде. Он не отрываясь смотрел на бот. Я обернулся. Фома торопливо шел по наклонной палубе к трапу. Еще несколько секунд — и он спустится в трюм. Но в это время раздался яростный крик Жгутова:

— А, черт! Смотрите!

Все повернулись к боту. Фома, поняв, что он замечен, заторопился. Но в несколько прыжков Жгутов добежал до бота, вспрыгнул на палубу — Фома уже опускался по трапу вниз — и, схватив Фому за шиворот, резким рывком поднял его и швырнул с бота.

— Смотрите, — повторял Жгутов, — с ножом. Шланг хотел перерезать. Хорошо, я его заметил, а? Каков?

Фома лежал на песке, с ненавистью глядя на Жгутова. Нож он выронил. Нож валялся у самого бота. Но зачем он нужен был теперь, этот нож?

Тут я увидел, что рядом со мной стоит Валька. Она напряженно слушает разговор, и глаза у нее испуганные и очень серьезные.

— Почему не на посту? — сказал я ей. — Ты понимаешь, что, может, сейчас корабль проходит! Может, он не знает, что мы пропали. Сигнала не будет, он и пройдет. А как сейчас кстати было бы!

Валька посмотрела на меня, но ничего не сказала.

— Все равно, горючее наше, — крикнул Фома, — и не имеете вы права его брать!

— О, — удивился Нильсен. — Молодой человек говорит о праве! Он не будет моряк, он будет адвокат.

— Значит, вы, капитан, — резко сказал Фома Тимофеевич, — увозите моего механика?

— Он попросил взять его на бот, — сказал Нильсен, пожимая плечами, — и я его беру.

— Норвежскому правительству, — сказал Фома Тимофеевич, — будет сообщено об этом разбое.

— Э, господин капитан, — протянул Нильсен, — когда это еще будет! Да и показания разойдутся. Вы будете говорить одно, мы будем говорить другое.

Капитаны стояли друг против друга, оба кипящие от ярости, красные, и с ненавистью друг на друга глядели. А по сторонам, образуя круг, стояли Оле и Христиан, мы с Фомой и Глафира. Валька куда-то исчезла. Она, очевидно, сообразила, что это не шутки — оставить пост и уйти.

Глафира сделала шаг вперед и остановилась перед Жгутовым.

— Ты что же, — сказала она, — думаешь от ответа уйти? Собственными руками тебя задушу! — И она вцепилась обеими руками в горло Жгутова.

— Пусти, пусти, сейчас же! — прохрипел Жгутов. И, с трудом оторвав руки Глафиры от своего горла, завопил: — Господин капитан, помогите!

— Оставь, Глафира, — сказал Фома Тимофеевич.

— Вы, Фома Тимофеевич, — сказала Глафира, схватив Жгутова за плечи, — можете сколько угодно с этим иностранцем дипломатничать, а я обыкновенная женщина, и он, по-моему, обыкновенный разбойник. И чтоб я этому негодяю, — и она так затрясла Жгутова, что голова его стала болтаться из стороны в сторону, — позволила от наказанья уйти, а этому негодяю, — она кивнула на Нильсена, — наше горючее взять? Да ни в жизнь не позволю!

— Господин капитан, — умолял Жгутов, — она задушит меня.

— Уймите ее, капитан Коновалов, — сказал Нильсен.

— Она частное лицо, — пожав плечами, сказал Фома Тимофеевич, — что желает, то и говорит.

Капитан Нильсен разъярился ужасно.

— Довольно шутки шутить! — крикнул он. — Пусти его, слышишь? — И он с силой схватил Глафиру за руку.

— Все равно не пущу! — кричала Глафира. — Что хотите делайте.

Я услышал Валькин голос. Она что-то кричала. Я подумал, не судно ли появилось. Я посмотрел наверх, но Вальки у флага не было. Я огляделся. Валька была на палубе бота. Она прыгала там от возбуждения и кричала:

— Слушайте, слушайте, не надо ссориться! Тетя Глаша, пустите его!

Конечно, никто ее не слушал. Слишком серьезная была ссора, чтоб ее можно было прекратить уговорами девчонки.

Капитан Нильсен старался оторвать от Жгутова руки Глафиры. Капитан Коновалов подошел к нему и положил ему руку на плечо.

— Ну, ну, господин капитан, — сказал Фома Тимофеевич, — рукам воли не давайте.

Нильсен, очевидно, решил, что бороться с Глафирой — только время даром терять. Да, в конце концов, что ему было особенно беспокоиться о Жгутове? Пусть сам выпутывается, как желает. Поэтому он отпустил Глафиру и резко сказал своим матросам:

— Оле, Христиан, быстро бачок на бот, перекачать горючее — и на шлюпку. — Потом он повернулся к Фоме Тимофеевичу и резко сказал, глядя ему прямо в глаза: — А вы, капитан Коновалов, не командуйте здесь. Сейчас командую я. Мне нужно горючее, и я его получу.

— Послушайте, послушайте, — бесновалась на боте Валька, — не надо ссориться. Фома Тимофеевич, подождите, послушайте.

— Это земля советская, — резко сказал капитан Коновалов, — и здесь командую я!

— Ну, — усмехнулся Нильсен, — пока ваши сюда придут, мы уже давно будем в Вардэ, и командовать сейчас буду я. У меня четверо здоровых мужчин и еще кое-что.

Он отогнул пиджак и вытащил из висящей на поясе кобуры черный большой пистолет.

Наступила долгая пауза. Глафира отпустила Жгутова, Фома Тимофеевич стоял неподвижно, быстро обдумывая положение. Да, положение изменилось. Раньше была подлость, кража, сейчас могла произойти трагедия. Мертвая была тишина, и в этой тишине раздался опять надоедливый, раздражающий крик Вальки:

— Ой, да что вы! Вот несчастье! Вы меня, меня послушайте!

— Быстро качать горючее! — рявкнул Нильсен на матросов. — Чего вы дожидаетесь? Быстро, ну!

— Нет никакого горючего! — во весь голос заорала Валька. И еще раз повторила: — Нет никакого горючего!

Мы все круто к ней повернулись.

— Что ты говоришь, девочка? — спросил капитан Нильсен.

— Нет никакого горючего, — сказала Валька.

Мы смотрели на нее, ничего не понимая.

— Я вам кричу, кричу, — жалобно продолжала Валя, — а вы не слушаете. Ругаетесь, ссоритесь, а все из-за ерунды!

Нильсен оглядел нас всех, и полная растерянность была на его лице.

— Как это — нет горючего? — спросил он. Тут взгляд его остановился на Жгутове, и глаза яростно блеснули. — Ты меня обманул, механик! — крикнул он, бросился к Жгутову и, схватив за плечи, начал трясти его изо всех сил.

Сегодня для Жгутова был неудачный день. Перенести две такие встряски подряд — это не шутка.

— Вот опять! — жалобно кричала Валя. — Да вы меня послушайте! Капитан, капитан, послушайте, что я скажу!

Нильсен повернулся к ней, продолжая держать Жгутова за плечи.

— Отпустите вы его, — сказала Валя, — ничего он вам не наврал.

Нильсен машинально отпустил Жгутова и подошел к боту.

— Как ты говоришь, нет горючего, девочка? — спросил он.

— Ой, — рассердилась Валя, — ну как вы не понимаете? Пока вы тут спорили, я перерезала шланг, и все горючее вытекло.

Долгая-долгая была пауза. Оле и Христиан спокойно сели на камни, вынули трубки и закурили. На третий камень сел Фома Тимофеевич. Жгутов опустился на песок, по-моему, у него просто подогнулись ноги от ужаса. А капитан Нильсен все еще стоял и смотрел снизу вверх на Валю и все еще не мог до конца понять, что же случилось и что, собственно, теперь надо делать. Долго все молчали. И первый заговорил Фома. Он повернулся ко мне и сказал:

— Знаешь, Даня, если бы у меня была такая сестра, я бы, пожалуй, был даже доволен.

Нильсен спрятал пистолет в кобуру.

Глава двадцать первая

НА ОСТРОВЕ МИР. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как-то сразу стало спокойно и тихо. Будто встретились на маленьком острове команды двух судов, так сказать, товарищи по несчастью, вместе ждут помощи, которая обязательно скоро придет, а пока стараются оказать друг другу возможные услуги, обмениваются любезностями, все люди хорошие, моряки, и ссориться им совершенно не из-за чего. Первый задал тон Фома Тимофеевич.

— Ну что ж, господин капитан, — любезно сказал он, — ничего страшного. Когда придет спасательное судно, вам, без сомнения, дадут возможность заправиться, и вы благополучно дойдете до Вардэ.

Он этими словами как бы говорил капитану Нильсену: «Ничего не произошло, никаких осложнений не было, и я не хочу вспоминать, каким вы были мерзавцем несколько минут назад».

И капитан Нильсен с охотой принял эту игру. Уж ему-то она была, наверное, выгодна. Сюда, на советский остров, могло зайти только советское судно. Уйти без горючего он не мог. Значит, как бы там ни было, а придется встретиться с советскими моряками. И, конечно, лучше быть почтенным, уважаемым гостем, чем преступником, пойманным на месте преступления.

Капитан Нильсен поклонился и ответил очень любезно:

— Благодарю вас, господин капитан.

— Надеюсь, — любезно продолжал Коновалов, — что это будет скоро и ваша рыба не успеет испортиться.

Я смотрел на Фому Тимофеевича и увидел, что хотя говорит он спокойно и серьезно, но глаза его щурятся с усмешкою и, не давая владельцу бота никаких оснований для обиды, он даже не очень скрывает, что издевается над капитаном.

А Нильсен как будто не замечал этого. Он тоже был спокоен и вежлив, и только на шее у него вздулись жилы. Ох, и зол же был он! Так удачно все получалось. Ушли бы сейчас к себе в Вардэ, и ищи-свищи. Следов на воде не остается. Ну, затеялась бы переписка, так ведь поди докажи, было ли что или не было.

— Наверное, вам надоели консервы, — сказал любезно капитан Нильсен, — может быть, позволите угостить вас ухой? У меня есть и лавровый лист, и перец, и соль, и даже немного картофеля.

— Я думаю, что не стоит возиться, господин капитан, — сказал Фома Тимофеевич. — Помощь, думаю, не задержится, и уху мы с вами поедим каждый у себя дома.

Вдруг глаза у нашего капитана стали сердитые. Он заметил, что мы все собрались здесь и, значит, у флага никого нет.

— Кто дежурный? — резко сказал он.

— Ой, я! — испуганно призналась Валя.

— Почему не у флага? Почему пост оставила?

— А я горючее выливала, — робко оправдывалась Валя.

Снова в глазах у Фомы Тимофеевича мелькнула усмешка, и он чуть заметно кинул взгляд на капитана Нильсена, но к Вальке он обратился по-прежнему строго и недовольно.

— Ну хорошо, — сказал он, — горючее выливала. Так вылила уже. Значит, надо обратно, к флагу.

— Бегу! — крикнула Валька и помчалась наверх.

И вот мы сидели все вместе у костра и тихо беседовали. То есть, собственно, беседовали капитаны. Оле и Христиан молча покуривали трубочки и слушали. Глафира сидела в стороне, полуотвернувшись, и думала о своем. Иногда она глубоко вздыхала, и мне казалось, что я слышу, как она шепчет про себя: «Ой, мамочка моя, мама!»

Сейчас, когда ей не надо было уже отвечать за нас всех, бороться со Жгутовым, следить, чтобы у нас было бодрое настроение, чтоб мы не распускались, сейчас она снова стала обыкновенной боязливой девушкой. Только смешливость ее пропала. Она сидела, повернувшись к нам спиной, иногда подносила руку к глазам — кажется, смахивала слезу. Сидя вместе со всеми, она была сейчас одна со своим горем.

Жгутова сначала не было с нами. Не знаю, куда он ушел. Наверное, в свою маленькую пещерку. Ведь вот совсем было удалось удрать. Ушел бы с норвежцами и замел бы следы. И забыл бы, наверное, про Степана. Совесть была у него покладистая. Как-нибудь он с ней бы поладил. И вдруг все сорвалось. Теперь придется за все отвечать. Конечно, больше всего его пугал суд, наказание. Но, может быть, иногда подумывал он с ужасом и о том, что, кроме судей, будут на разбирательстве его дела сидеть и моряки, бывшие его товарищи, и

представлял себе, как будут они на него смотреть.

А капитаны беседовали. Они разговаривали о преимуществе капроновых сетей перед обыкновенными, о разных видах лова, о том, в каком году шла хорошо сельдь и где сейчас проходят по морским глубинам косяки морского окуня и трески.

Мы с Фомой слушали их беседу, спокойную, неторопливую беседу двух специалистов, интересующихся всеми подробностями дела, которым они занимаются всю долгую свою жизнь, слушали и подремывали. Все-таки мы очень устали.

Иногда Фома спрашивал у деда, сколько времени, не пора ли, мол, сменять Валю, и оба капитана вынимали часы. Выходило, что Валю сменять еще рано, но часы у капитанов расходились на полторы минуты, и они долго обсуждали, чьи часы вернее. По-моему, это было совсем неважно. Уж чего-чего, а времени на необитаемом острове сколько угодно. Я думаю, что они просто прицепились к этому, чтобы продолжать спокойный разговор о всякой ерунде и как-нибудь не коснуться неприятных тем.

Я смотрел на капитана Нильсена и думал: интересно, взял бы он Жгутова с собой или нет? Зачем ему был нужен Жгутов? Чтобы добыть горючее? Ну, а когда горючее было бы уже на борту? Зачем ему было возиться с ним?.. Ведь, конечно же, в моряках капитан Нильсен хорошо разбирался и, что такое Жгутов, понял отлично. Наверное, погрузил бы бачок с горючим, а потом сказал бы Жгутову: я, мол, передумал. Или: к сожалению, не могу. Или что-нибудь в этом роде. И остался бы Жгутов все равно здесь, на острове, увеличив список своих преступлений, и, опозорившись еще больше, остался бы ждать суда и думать о том, как будут смотреть на него сидящие в зале его бывшие товарищи — моряки.

Через час к нам подошел Жгутов. Он подошел тихо, так, что мы заметили его, когда он стоял совсем рядом с нами. Он потоптался на месте, стараясь сделать вид, что, мол, ничего особенного, подошел член команды, такой же, как все другие, но у него это плохо получалось. Видно было, что он не уверен, как его встретят, боится, что прогонят от костра да еще скажут что-нибудь неприятное. И все-таки подошел. Верно, очень уж плохо было там ему одному.

— Можно, Фома Тимофеевич? — спросил он робко. — Что-то проголодался я.

— Садись, — холодно сказал Фома Тимофеевич. — И ешь, если хочешь.

Никто не подал ему консервов, и никто не налил чаю. Он посидел, посидел, потом тихо встал, бесшумно пошел в пещеру, открыл банку консервов и, сидя как будто и с нами, а как будто и в стороне, робко ел, поглядывая на нас, как будто приблудился и все тревожится, как бы не прогнали.

Фома Тимофеевич вынул часы и спросил:

— Чья очередь к флагу?

— Моя, — сказал я.

— Иди, пора сменять.

И в это время раздался гудок.

Гудок был совсем близко. Гудок был громкий, долгий, мы все в растерянности подняли головы. Как же судно могло подойти к острову незамеченным? Ведь у нас же дежурный стоит у флага. Мы торопливо пошли наверх. Конечно, Валька спала как убитая. Она удобно устроилась. Голову положила на камень, и вид у нее был блаженный и безмятежный.

Сначала-то было не до нее. Мы оглядели море. Рыболовный траулер подходил к острову. Чуть ли не вся команда толпилась на палубе. Они увидели флаг и поняли, что это должен быть бот «Книжник». Но все ли спаслись? Если не все, кто погиб? На траулере волновались, а мы проглядели их. Это был просто позор для нашей команды.

Фома Тимофеевич разбудил Валю и уж как отчитал ее! Валька только моргала глазами и поеживалась. Ее счастье, что разнос был недолгий. Некогда было ею заниматься. Но вообще-то я думаю: вот что значит девчонка. Уж, кажется, молодец — выкинула такую штуку с горючим, что хочется похвалить, — а можно на нее положиться? Нельзя. Никакого чувства ответственности.

Фома взял флаг, и мы спустились вниз на песчаный берег бухты. Траулер остановился чуть подальше норвежского бота. Торопливо спустили шлюпку. Два матроса и капитан сели в нее, и матросы так налегли на весла, что минуты через три она уже врезалась в песок. Капитан выскочил на берег, подошел к Фоме Тимофеевичу и протянул ему руку.

— Все в порядке, Фома Тимофеевич? — спросил он.

— Степу Новоселова смыло, — сказал капитан Коновалов.

— Жив Степан Новоселов, — сказал капитан траулера.

Он уже открыл рот, чтобы объяснить, как спасся Степан и откуда он это знает, но тут завизжала Глафира. Она завизжала так, как будто ей сообщили какую-то ужасную новость, как будто ее постигло прямотаки невероятное горе. Правда, она визжала недолго. Вдруг визг оборвался, и она как мертвая рухнула на песок.

Мы бросились к ней. Она лежала неподвижно, без каких бы то ни было признаков жизни. Если бы это было у нас в больнице, вот-то уж накапали бы медсестры капель, вот-то уж повозились бы! Но в условиях необитаемого острова все произошло гораздо проще.

Капитан траулера кивнул одному из матросов, тот вынул из шлюпки черпак, набрал в него из моря воды и не торопясь вылил ее на лицо Глафиры. Глафира открыла глаза, огляделась и как только все вспомнила, так снова завизжала и начала биться в истерике. Я, по совести говоря, никогда не видел женских истерик. Как-то все люди, каких я знал, не падали в обморок и в истерику не впадали. Но, конечно, как человек, много читавший, я знаю, какие бывают истерики. В старых романах они описаны очень подробно. Так вот, у Глафиры была истерика из истерик. Уж самая-самая настоящая, или я ничего в этом не понимаю.

Странный все-таки человек наша Глафира. Ничего в ней не поймешь. Когда все спокойно и бояться совершенно нечего, она все время испугана, как будто ей угрожают все опасности, какие только есть на земле. Зато, когда мы действительно на краю гибели и можно сказать, что смерть протягивает к нам свою костлявую руку, Глафира совершенно спокойна и ведет себя так, будто никакой опасности нет и она находится на берегу, в обыкновенном городском книжном магазине. Это одно.

И второе. Она узнаёт о гибели любимого человека и ничего, молчит и держит себя очень выдержанно. Потом она узнаёт, что человек, которого она считала погибшим, спасен, и, вместо того чтобы, как, казалось бы, следовало радоваться, кричит, падает в обморок и бьется в истерике.

Кажется, я уже повидал людей и научился неплохо в них разбираться, но тут, по совести говоря, ничего не могу понять.

В общем, выяснилось, что с траулера хорошо видели бот, видели и Степана, когда он стоял на борту, и даже готовились бросить конец, видели, как его зашибла шлюпка. Степана волна швырнула совсем близко к тральщику. Они бросили ему круг, но то ли Степан его не увидел, то ли очень уж ослабел от удара. Один матрос обвязался канатом и прыгнул в воду. В это время бот вынесло из пурги, и траулер потерял его из виду. А вокруг траулера пурга продолжала бушевать. Матрос долго не мог обнаружить Степана, а когда увидел наконец мелькнувшую на гребне волны его голову, то долго не мог до него добраться. Очень волна кидала. Уже два других матроса на палубе траулера обвязались канатами и готовились прыгнуть в воду на помощь товарищу, когда вдруг Степана швырнуло волной прямо в объятия первого матроса. Степан был без сознания, но так как Фома Тимофеевич заставил и его надеть спасательный пояс, то он держался на воде, хотя совсем почти захлебнулся. Матросу удалось его схватить за руку. Шлюпку спустить было невозможно, и обоих — спасителя и спасенного — медленно подтянули на канате к борту, матросы перехватили Степана и вытащили на палубу. Потом подняли и того матроса, который его спас. К этому времени он тоже уже плохо соображал. Воды наглотался, да и о борт его раза два сильно ударило. Но все-таки он отлежался и теперь совсем почти здоров. А Степан еще болен. Часа только два назад он пришел в сознание, у него сильно расшиблена голова и сломана рука. Он пока еще слаб, но опасаться теперь уже нечего.

Я рассказываю все это так, как будто капитан тут же нам все это и сообщил. На самом деле он ничего нам сообщить бы не мог, потому что Глафира своими воплями и криками заглушала нормальную человеческую речь. Капитан велел матросам перенести ее в шлюпку и немедленно отвезти на тральщик. В шлюпку ее кое-как погрузили, но она продолжала рыдать и вскрикивать. Шлюпка уже почти подходила к тральщику, а рыданья ее все еще до нас доносились. Только когда наконец ее подняли на палубу и она, поддерживаемая двумя матросами, ушла в каюту, в которой лежал Степан, на острове Колдун стало наконец тихо. Вот тут-то капитан и рассказал нам историю спасения Степана.

Так как Новоселов не скоро пришел в сознание, на тральщике не знали, что наш бот терпит бедствие и что у нас так плохи дела с мотором. Поэтому они ничуть не беспокоились, что потеряли нас из виду. В обычных условиях мотоботы спокойно выдерживают и не такие штормы. Они только огорчались, что мы, вероятно, не знаем о спасении матроса, и не могли нам ничего сообщить, потому что на мотоботах радио нет.

Много позже радист траулера принял приказ всем находящимся в море судам идти искать пропавший бот «Книжник». Они и тогда не подумали, что именно «Книжник» был тот бот, с которого они подобрали матроса. Мало ли в море ботов! Они обыскивали квадрат за квадратом и все время передавали на берег, что бот «Книжник» не обнаружен. Только когда Степан пришел в себя и сказал, с какого он бота, они всё поняли и, прикинув место, в котором встретили нас, и направление, в котором мы шли, решили заглянуть на остров Колдун.

Капитан рассказывал нам все это, и мы стояли молча и слушали его: Фома Тимофеевич и Фома, я и Валя, Оле и Христиан и капитан Нильсен, спокойный, солидный и почтенный. Фома Тимофеевич представил норвежцев капитану траулера сразу же, как только увезли Глафиру. Но тогда нас прежде всего интересовала история спасения Степана, и поэтому все ограничились вежливыми поклонами. Теперь же, когда капитан кончил рассказ, Фома Тимофеевич сказал:

— У наших норвежских гостей кончилось горючее.

Капитан Нильсен выступил вперед.

— Мы рассчитываем на прославленное русское гостеприимство, — сказал он, наклонив голову. — Нам нужно литров триста горючего.

— Будем рады помочь, — сказал капитан тральщика и козырнул. — Через полчаса горючее вам доставят на борт.

— Мы будем ожидать на боте. — Капитан Нильсен подошел к Фоме Тимофеевичу и протянул ему руку. — До свиданья, капитан Коновалов, — сказал он. — Я навсегда сохраню благодарную память о вашем гостеприимстве.

— Благодарю вас, — ответил Фома Тимофеевич, пожимая протянутую руку Нильсена, — мы тоже будем помнить о вас. — И в глазах у Фомы Тимофеевича снова мелькнула усмешка.

Капитан Нильсен прошел, пожимая каждому из нас руку и низко наклоняя голову. За ним шли Оле и Христиан и тоже пожимали каждому по очереди руку и тоже наклоняли головы.

Капитан Коновалов задержал руку Христиана и сказал ему негромко, стараясь, чтобы норвежский капитан не услышал:

— Вы очень хорошие люди, Оле и Христиан.

— Тише, — негромко сказал Христиан, — не дай бог, хозяин об этом узнает.

Не знаю, чего он боялся и почему плохо, если хозяин узнает, что его матросы хорошие люди.

И вот капитан Нильсен сел в шлюпку, Оле и Христиан оттолкнули ее, шагая по воде, впрыгнули сами и взялись за весла, и шлюпка понеслась к боту. Никогда я уже не увижу этих хороших людей — Оле и Христиана. Не увижу и капитана Нильсена, которого помню жестоким, яростным, держащим в руке пистолет.

Капитан траулера и Фома Тимофеевич отошли в сторону и долго прохаживались по берегу и разговаривали. А мы перетаскивали из пещеры и из выброшенного на берег бота кое-какие вещи. Мы брали только самое необходимое. Через несколько дней должно было прийти судно со специальной командой починить бот и спустить его на воду. «Книжник» будет еще ходить от становища к становищу, развозя механикам и матросам, капитанам и штурманам, женам и детям моряков стихи и романы, учебники и картины, тетрадки, перья, ручки, карандаши. Отобранные нами вещи мы складывали на берегу.

Наконец вернулась шлюпка, отвозившая Глафиру. Капитаны кончили разговор, и капитан траулера коротко сказал Жгутову:

— Садитесь.

Жгутов сел в шлюпку, опустив глаза, ни с кем из нас не простившись.

И его я тоже никогда больше не увидал. На траулере, пока мы шли до нашего становища, он находился под арестом в одной из кают. На суд мама меня не пустила. Сейчас он отбывает где-то наказание.

Через несколько минут шлюпка пришла за нами. Нас перевезли на траулер. Вся команда трясла нам руки, и кок расталки-

вал всех и требовал, чтобы мы сказали, чего хотим поесть, и мы его еле убедили, что совсем не голодны. Мы ведь сперва только голодали, а потом питались отлично.

К Степану нас долго не хотели пускать. Говорили, что ему нужен покой, что он и так уже взволнован встречей с Глафирой, что еще мы успеем с ним наговориться, — словом, все, что полагается говорить в этих случаях. Но, видно, очень уж у нас был умоляющий вид, поэтому нам всем разрешили тихо, на цыпочках, подойти к каюте, где лежал Степан, и заглянуть в нее.

Степан лежал на койке, высоко поднятый на подушках. Глафира сидела с ним рядом и не отрываясь смотрела ему в глаза. У Степана было необыкновенно счастливое лицо. Голова его была перевязана, на щеках ссадины, и какое-то выражение слабости было у него на лице. Выражение счастья и слабости.

Он увидел нас и улыбнулся. А Глафира не обратила на нас никакого внимания, даже не повернула головы. Она не отрываясь смотрела в лицо своего Степана, и, кроме него, ни до чего ей не было дела.

Отвезли горючее на норвежский бот. Шлюпка вернулась, и матросы сказали, что капитан Нильсен велел кланяться и благодарить и передал, что никогда не забудет своих новых друзей, и все заулыбались, потому что все уже знали, как удивительно понимает правила дружбы этот капитан.

Потом бот снялся с якоря и пошел прямо к Норвегии. А мы пошли к нашему становищу — на юго-запад. Скоро мы потеряли друг друга из виду и через несколько часов увидели наш родной Волчий нос. Конечно, на необитаемом острове было неплохо, а все-таки приятно возвращаться домой. Траулер, обнаружив нас, сразу передал по радио, что мы спасены. Нас встречало все становище. Мы с Валей ходили, как герои какие-то. Хотел бы я, чтобы посмотрели на нас воронежские ребята! Им небось и не снилось такое. Ну конечно, прежде всего кинулась к нам мама. Она плакала так, как будто мы не спаслись, а, наоборот, погибли. Валька почему-то тоже захныкала, и слезы у нее потекли, и носом она стала шмыгать. А я крепился и совсем не плакал, разве что одна-две слезы у меня скатились, но это просто так, от волнения.

Мы пошли домой, и народу набилось в наши комнаты — просто ужас! И медсестры, и ходячие больные, и куча ребят, и много разного еще народа.

Мы всё рассказывали и рассказывали, пока уж и рассказывать больше нечего было. Мама слушала и плакала и смеялась, а потом сказала:

— Ну, натерпелись страху? По крайней мере, теперь в море тянуть не будет.

Я решил сразу сказать маме всю правду.

— Нет, мама, — сказал я, — наоборот, я твердо решил быть моряком.

Но разве Валя может стерпеть, чтобы последнее слово было не за ней? Она посмотрела на меня и пожала плечами.

— Положим, мы еще посмотрим, — сказала она, — из кого выйдет моряк — из тебя или из меня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мне мало что осталось рассказать. Через месяц после нашего возвращения была свадьба Глафиры и Степана и на свадьбе гуляло все становище. Степан взял ссуду и построил себе дом. Строить ему тоже помогало все становище. Так что мы не успели опомниться, как дом уже был готов. С бота «Книжник» Степан все-таки ушел. Фома Тимофеевич отпустил его без возражения. «Книжник» стал знаменит на все побережье, и от охотников ходить на нем просто отбоя не было. Теперь у Фомы Тимофеевича молодой моторист, только что кончивший курсы, и опытный пожилой матрос. Заведует плавучим магазином тоже уже не Глафира, а совсем молоденькая девушка, только что кончившая десятилетку и проучившаяся три месяца на курсах книжной торговли. Глафира распоряжается в книжном магазине, который открыли все-таки в становище. Магазин большой, просторный, с витринами, вопору самому Воронежу. Степан плавает на боте. Говорят, что он готовится в мореходное училище, но сам он только отшучивается, когда его спрашивают об этом.

Когда он приходит с моря, все у них в доме именно так, как они с Глафирой мечтали когда-то на палубе «Книжника». Муж рассказывает, что случилось в рейсе, а жена сидит, переживает, и печка натоплена,

чистота кругом, половички постланы, самовар шумит. И мы с Фомой и Валя часто бываем у них. Забегаем просто так, на ходу, чуть ли не каждый день. А уж если у них какой-нибудь праздник, то нас обязательно приходят звать и Степан и Глафира. Приятно, когда взрослые любезны.

Фома Тимофеевич по-прежнему водит «Книжник». Разговора о переходе на пенсию я не слышу. Выгонишь его на пенсию, такого старика, как же!

Валя совершенно перестала к нам с Фомой приставать. Теперь у нее завелись подруги и они вечно трещат о каких-то своих вздорных делах. Валя говорит, что с мальчишками совсем не интересно. Подумаешь, нам с Фомой было интересно с ней!

Иногда собираемся мы у Степана с Глафирой или у Фомы Тимофеевича. Начинаются разговоры, воспоминания. Иногда речь заходит про остров Колдун. И тогда кажется мне, что снова я вижу черную скалу посреди океана, и Жгутова с гаечным ключом, занесенным над головой Глафиры, и капитана Нильсена, вытаскивающего из кармана пистолет, и темный трюм брошенного бота.

Валька, между прочим, теперь собирается быть врачом и никогда не заговаривает о том, что есть женщины-капитаны. Я всегда понимал, что с ее стороны это просто девчоночья болтовня. Зато мы с Фомой не такие. Что мы раз решили, то непременно и будет. У нас много есть очень серьезных планов, и, конечно, все задуманное нами исполнится.

ОЛЕСЬ БЕРДНИК

ПУТИ ТИТАНОВ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Сокращенный авторизованный перевод с украинского
В. Доронина и А. Семенова

МОЕМУ УЧИТЕЛЮ ПОСВЯЩАЮ

Автор

„...будущее... мир покоренного вещества и энергии, подвластный воле почти бессмертного человека...“

Максим Горький

ГОСТЬ ИЗ ПРОШЛОГО

Аппараты связи Земного шара предупреждали, повторяли:

— Сегодня дискуссия о великом переломе! Слушайте все! Люди, слушайте все!

Учителя прекращали занятия в аудиториях, включали установки дальновидения. Ученые оставляли лаборатории, спеша к экранам всемирной связи. Гуляющие, отдыхающие, путешествующие во всех уголках солнечной системы настраивали прием-

ники на волну Совета Великого Союза Миров.

Контрольные роботы-диспетчеры проводили последнюю проверку:

— Луна! Готовы ли вы к дискуссии?

— Да, — отвечали лунные станции.

— Меркурий?

— Готовы.

— Венера?

— Мы ожидаем.

— Марс?

— Да.

Станции на Плутоне усилили в миллиарды раз энергию сигнала и направили ее к далеким мирам, превратив в лучеподобные сгустки уплотненного времени.

Между тем во Дворце Совета Великого Союза Миров уже собирались ученые Земли — виднейшие теоретики и практики знания. Они молча, в торжественной тишине, занимали места в исполинском амфитеатре, вокруг овального возвышения.

Под куполом дворца заструились голубые грозовые волны. Они становились все гуще, насыщеннее. В воздухе запахло свежестью. Это начал действовать аппарат, стимулирующий внимание и мышление.

Вспыхнули призрачным светом стены дворца, растаяли, исчезли. Вместо них появились изображения залов заседаний далеких миров. Пространство дворца как бы расширилось в сотни раз, наполнилось десятками тысяч жителей обитаемых планет.

Послышался бесстрастный голос робота-диспетчера:

— Все жители Великого Союза Миров на одной волне. Дискуссия о великом переломе начинается!

На возвышении появился человек. Тысячи ученых Земли и других планет поднятием рук приветствовали Рама, очередного председателя совета. Глаза его сияли молодостью и энергией, хотя ему недавно исполнилось триста лет. Легкая ткань голубоватой одежды Рама подчеркивала гармоничные формы его тела.

Рам молчал, как бы собираясь с мыслями, как бы созерцая далекие миры, представители которых смотрели на него с экранов межзвездного видения. Ощутил громадную ответственность за каждое слово, за каждую мысль, которые готовился произнести здесь. Шагнув навстречу миллиардам глаз, произнес уверенно и взволнованно:

— Братья!

Мощные волны уплотненного времени несли его голос в бесконечные дали, превращаясь в многочисленных аппаратах связи в символы, понятные жителям далеких миров.

— Братья! Борьба, революции — основа прогресса. Это аксиома. Разумный человек понял этот закон. Природа осуществляет революционные преобразования ощупью, зигзагами. Но человек обязан искать кратчайший путь. Когда наступает кризис, необходимо новое направление. Мы накануне такой революции. В чем ее суть?

Опасность в нас самих, в несовершенстве нашей природы. Органы мышления, эволюционировавшие на протяжении миллионов лет, безнадежно отстают от стремительного потока знания. Они не в состоянии соперничать с молниеносной реакцией логических машин. Мы достигли долголетия в пределах тысячи лет, но и этого недостаточно, чтобы охватить и осознать необъятную сумму даже небольшой части сведений, не говоря уж о мудрости предыдущих поколений. Знание разделилось на многочисленные ручьи, но здравый смысл и логика зовут нас к упрощению, к универсальности, к поискам единства.

Настает час великого перелома. Мы собрались, чтобы приблизить его. Вам будет предложен проект нового пути. О нем расскажет Семоний, руководитель Главного Электронного Центра Земли. Братья! Мы призываем — слушайте и советуйте.

Рам сошел вниз, сел в первом ряду амфитеатра. На возвышение стремительно поднялся худощавый узколицый ученый, одетый, как и председатель, в голубую одежду. В пространстве зазвучал низкий, напряженный голос:

— Братья! Проблема, о которой говорил здесь Рам, ясна безусловно всем. Разумный мир стоит перед большой опасностью. Я не знаю, стоит ли напоминать о фактах, которых достаточно в любом мире. Забота о будущем велит нам идти по пути освобождения мыслящих существ от интеллектуальной нагрузки, ставшей невыносимой.

Да, я глубоко убежден, что надо передать функции научно-технического мышления электронно-гравитационным аппаратам. Они — порождение нашего разума, они — наши слуги и друзья. Мы сконструировали мощный автоматический центр, управляющий сейчас научно-технической сетью планеты. Кроме задач координации, мы пре-

доставим ему функции творческого мышления. Он будет анализировать — и совершенно безошибочно — все научные сведения, поступающие к нему извне, и именно в духе тех законов, по которым идет развитие человечества.

Перед нами встают удивительные перспективы: знание будет развиваться несравненно быстрее — ведь электронно-гравитационные аппараты обладают гораздо большими возможностями, чем люди. Если спросят, какова же роль человека в этой новой эпохе, я отвечу с гордостью: человек останется властелином, но более могучим!

Мы не будем копошиться в лабиринтах анализа, а уверенно пойдем к сияющему солнцу синтеза. Говоря образно, человеку не нужно будет забираться на дерево, чтобы сорвать плод. Это за него сделают мыслящие аппараты. Нам же предстоит лишь одно — пользоваться плодами знания, наслаждаясь их замечательным вкусом.

Итак, я предлагаю на рассмотрение наших миров выдвинутый группой ученых Земли проект. Мы будем, вероятно, говорить не о технической стороне дела — его осуществимость не подлежит сомнению. Людей прежде всего интересуют этические, моральные и научные стороны грядущей перестройки.

Братья! Высказывайтесь и советуйте. Мы, сторонники проекта, ждем вашего суждения...

Над сектором Сириуса зажегся зеленый сигнал. Взоры присутствующих обратились к экрану межзвездного видения. Из рядов ученых планеты Ай-Сса-Мра поднялась огромная фигура Браж-Си, известного космонавта в системе Сириуса. Серебристые холодящие одежды свободно ниспадали книзу, оставляя открытым только круглое фиолетовое лицо с широким лбом и карими глазами. Черные уста шевельнулись. В зале послышался голос переводной машины:

— Замечательный проект! Величайший скачок знания! Революция в методах познания мира назрела. Она необходима! Великий Союз Миров объединяет много планет, дружно идущих по пути развития знания. Но в беспредельном пространстве есть миры, цивилизация которых еще молода и неопытна. Рост нашего технического потенциала позволит во многом помочь этим отстающим планетам. Повторяю — это величайший план, братья!..

После Браж-Си выступили представители системы Центавра — человекоподобные существа с хрупкой, гармоничной структурой. Они горячо поддержали Семония. Такое же мнение пришло и с далекой планеты возле инфразвезды Кома. Жители этой системы надеялись с помощью ускоренного развития разума возродить свой угасающий мир. И только мыслящие существа Сатурна прислали предупреждение. Древнейший ученый этой планеты с непередаваемым на земном языке именем заявил:

— Наше развитие отличается от вашего. Нам трудно понять ваши цели. Но я помню тревожные отголоски подобных событий, происшедших в иных мирах. Не спешите, братья. Подождите, подумайте. Мы постараемся найти в архивах знания все сведения о подобных проектах.

Семоний, выслушав перевод сообщения с Сатурна, улыбнулся и спросил:

— Неужели цивилизации наших миров недостаточно развиты для того, чтобы решать научные проблемы с помощью разума, а не древних преданий?

Ответ с Сатурна был краток и спокоен:

— Настоящее — только звено в цепи бесконечности. Звенья прошлого и будущего равноценны. Мы советуем братьям Земли: подумайте!

Но вот амфитеатр заволновался. Взметнулся лес рук, приветствуя следующего оратора. Между рядами кресел шел ученый, одетый в черную строгую одежду. Поднявшись на возвышение, он остановился возле Семония.

Это был Аэровел, старейший ученый системы Солнца. Недавно друзья отмечали его шестисотлетний юбилей. Он работал в Институте воскрешений, осуществляя там удивительные и еще не всем известные исследования.

Миллиарды людей Земли, жители Венеры, Марса, колонисты Меркурия, Луны и многих астероидов с восхищением смотрели на ладно скроенную фигуру Аэровела, на крупное, гладко выбритое лицо с большими синими немигающими глазами. Светлая копна волос серебристой короной венчала голову ученого. Казалось, что весь он устремлен в небо. Брови его хмурились, лоб прорезала глубокая морщина. Амфитеатр замер в ожидании чего-то необычного.

Аэровел заговорил, и голос его загремел в пространстве:

— Братья! Только что я испытал сильное потрясение. На мгновение меня охватило чувство, которое жители наших миров давно считают анахронизмом. Я пришел в ярость! И лишь огромным усилием воли мне удалось овладеть собой.

Полная тишина была ответом на это вступление. Семоний с тревогой посмотрел на старейшего ученого. Аэровел, взывая ко всем секторам, воскликнул:

— Отсутствие опасностей, огромные возможности наших цивилизаций сделали нас беспечными. Мы плохо думаем о последствиях экспериментов. Только этим я объясняю то легкомыслие — да-да, я повторяю: легкомыслие! — с которым здесь обсуждался проект Семония.

Семоний сказал: нам не надо будет лезть на дерево, чтобы сорвать плод, это сделают машины! Прекрасно. Удивительно! Человечество будет лежать под деревом и открывать рот, чтобы машины бросали в него плоды познания. Какая потрясающая мечта! Но что ожидает человека, который перестанет углубляться в пучины анализа? Об этом вы подумали? Он потеряет способность к аналитическому мышлению, клетки разума атрофируются, наш интеллект деградирует. И, наконец, электронные аппараты поднимутся выше людей. Да-да! Я повторяю, что будет так! Ты, Семоний, сам сказал, что их реакция в миллионы раз совершеннее нашей. Мы еще не знаем всех опасностей этого пути, тех неожиданностей, которые подстерегают человечество после великого перелома.

Но главное, что возмущает меня, — это стремление отождествлять чудесный человеческий интеллект с холодным разумом машины, хотя и очень высоким...

— Что же ты предлагаешь, Аэровел? — резко заметил Рам. — Ты отрицаешь опасность, о которой говорили мы?

— Нет, — возразил Аэровел, — не отрицаю. Опасность есть. Все это понимают. Но есть иные пути ее преодоления. Этот путь не вне человека, а внутри него. Институт воскрешений видит его в достижении бесконечного долголетия, то есть практически в бессмертии...

— Бессмертии? — удивленно воскликнул Семоний. — Что ж, это чудесная перспектива! Но что это изменит в положении человека? Миры переполнятся людьми с бесконечно устарелыми взглядами, рядом с архаичными предками будут жить их совершенные потомки, благословенные дары эволюции обратятся в пародию!

— Ты ошибаешься, Семоний! — с достоинством сказал Аэровел. — Мы не предлагаем такого примитивного бессмертия. Да речь и не идет о бессмертии, а о периодическом восстановлении всех функций организма, о полной регенерации тканей стареющего тела. И не по старому образцу, а в соответствии с велениями эволюции, добавляя каждому индивидууму новые свойства, соответствующие требованиям эпохи. Преждевременно раскрывая результаты работ Института воскрешений, я могу сообщить...

Страстные слова Аэровела прервал тревожный аккорд. Ученый замолчал. В пространстве над амфитеатром появилось юное девичье лицо. Изображение вздрагивало, колебалось. Глаза тревожно всматривались в присутствующих, как бы отыскивая кого-то.

Рам встал, недоумевающе спросил:

— Кто ты? Почему прерываешь дискуссию?

— Я Искра, — ответила девушка. — Чрезвычайное событие требует решения совета.

— Что случилось?

— Я работаю на станции межпланетных кораблей возле Плутона. Си-локаторы только что засекли приближение космического тела. Это звездолет древней конструкции. Скорость субсветовая. Принцип движения обычный.

— Он тормозит? — взволнованно спросил Рам.

— Нет. Через несколько часов корабль войдет в систему.

— Вы пытались с ним связаться?

— Не отвечает. Мы испробовали все диапазоны гравио- и радиосвязи. Быть может, там нет живых существ. Для размышления времени нет. Выход один: использовать для торможения пространственные заслоны Системы.

— Хорошо, — подумав, ответил Рам. — Остановите его. Затем отбуксируйте на внеземную станцию. Члены совета осмотрят звездолет.

Изображение Искры исчезло. Над амфитеатром плыл возбужденный шум. Рам взошел на возвышение, поднял руку:

— Мы прервем дискуссию. Быть может, сейчас в Космосе решается судьба неведомых мыслящих существ...

Люди системы Солнца затаив дыхание следили за удивительным космическим событием. Странный корабль неизвестного происхождения устремился из глубин пространства в планетную семью Солнца. Скорость его была такова, что корабль уподоблялся лучу. Точнейшие аппараты, расшифровав показания си-локаторов, определили, что воздушный корабль не замедляет полета. Значит, он проскочит Систему и снова удалится в беспредельность. Это свидетельствовало о том, что на борту не было живых существ или корабль лишился управления.

Искра, молодой инженер внешнего пояса космических станций, получив разрешение совета, начала приводить в действие свой полный риска план. Она связалась с хранилищами внепланетной энергии на Плутоне, Титане и на многих астероидах, передала им волю совета. Стартовав со станции на громадном спутнике-корабле, она вывела его в район предполагаемой встречи с звездолетом. По условному сигналу могучие потоки гравиэнергии начали концентрироваться вокруг спутника-корабля. Квантовые преобразователи превратили эту энергию в волны уплотненного пространства, которые устремились навстречу неизвестному звездолету. Вокруг него было создано непроницаемое поле — своеобразный пространственный коридор. Тяготение Системы теперь не влияло на межзвездного скитальца. Пространство существовало для него лишь в узком коридоре, который неотвратимо вел к спутнику-кораблю.

Люди Солнца и жители Сатурна волновались: хватит ли энергии? Удастся ли остановить в пределах миллиарда километров звездолет, летящий с субсветовой скоростью?

Искра включила добавочные преобразователи. Теперь энергия уплотненного пространства излучалась по центру канала, навстречу чужому кораблю. Плотность излучения постепенно нарастала. Рядом с девушкой вспыхивали экраны связи, далекий голос подруги, дежурившей на станции наблюдения, тревожно сообщал:

— Скорость уменьшается. Двести пятьдесят тысяч километров... Двести сорок восемь... Двести сорок семь... Искорка! Надо усилить излучение...

— Все исчерпано, — беспомощно ответила девушка. — Включи счетно-решающий автомат и определи, когда произойдет встреча.

Несколько мгновений тягостного ожидания, затем растерянный голос подруги:

— Столкновение неизбежно. Сейчас же уходи с пути!

— Нет, — с вызовом воскликнула Искра. — Мы обязаны остановить его!..

И, как бы поощряя ее уверенность и мужество, в эфире раздался мощный голос Рама:

— Верно! Ты, девушка, права! Хранилища внепланетной энергии! Слушайте приказ совета: включите все резервные источники, предоставьте их в распоряжение Искры...

Люди Системы облегченно вздохнули. Радостно зазвучал голос подруги:

— Искорка! Замечательно! Скорость резко падает. Двести тысяч километров... Сто восемьдесят... Сто сорок... Сто...

Медленно текли минуты напряженной борьбы. Наконец человек преодолел огромную силу инерции. Чужой звездолет сблизился с кораблем-спутником. Они повисли рядом в бездне пространства.

Искра закрыла глаза, провела дрожащей рукой по лицу. Невероятно! Неужели удалось?

Снова открыла глаза, посмотрела в иллюминатор станции. Тихонько засмеялась. Да, она совершила это чудо. Вот он, странный бродяга Вселенной. Кто в нем? Откуда он? Что скажет человечеству Солнца его экипаж?

Девушка снова уверенно села за пульт, включила систему программирования. Через несколько минут в центральной части станции-спутника открылся гигантский шлюз. В него медленно вплыл чужой звездолет. Шлюз закрылся.

После этого спутник-корабль двинулся к далекой Земле, держа курс на главную внеземную станцию планеты...

Рам, Аэровел, Семоний и несколько видных ученых Земли прямо из Дворца Совета вылетели на внеземной космодром. Их гравилет встречали инженеры станции. Между ними стояла Искра. Рам сразу узнал девушку, крепко пожал руку и, любуясь ею, сердечно сказал:

— Такая маленькая... и такая смелая!

Ученые одобрительно улыбались. Девушка в самом деле была миниатюрной, с рыжей мальчишеской прической, блестящими серыми глазами и тонкими музы-

кальными пальцами. Как-то не верилось, что она только что совершила подвиг.

— Что ж, ведите, показывайте вашего пленника, — усмехнулся Рам.

Инженеры вместе с прибывшими направились к центру полусферической станции-космодрома. Звездолет уже стоял на внутренней площадке приемника. Он был цилиндрической формы, суженный кверху. Вокруг цилиндра вилась мощная спираль. Весь корабль был ржаво-грязного цвета — очевидно, он прошел неизмеримые пространства.

— А теперь пробовали связаться? — спросил Рам.

— Пробовали, — ответила Искра. — Ответа, как и прежде, нет. При просвечивании гравилучом люди не обнаружены...

— Уверяю, в основе этой конструкции — принцип гравитации, — сказал Аэровел. — Только более примитивной культуры, чем наша.

— Да, похоже, — согласился Рам. — На Земле тоже когда-то были такие корабли. Наши предки устремлялись на них в бесконечность...

— Как и их предки на челноках в океаны, — подхватил Аэровел. — Но откуда этот звездолет?

— Скоро это узнаем. Вы только действуйте крайне осторожно. Живые существа могут находиться в состоянии анабиоза.

Инженеры космодрома включили роботы. Звездолет окружили разнообразные механизмы. Ажурные вышки подняли к середине стометрового корабля гравиизлучатели. Несколько минут они изучали обшивку. Затем вибронож вырезал большое отверстие в корпусе звездолета.

Площадка подъемника с тремя учеными и девушкой остановилась у отверстия. Они вошли в темный коридор. Рам включил небольшой фонарик. Яркий луч осветил серебристые стены, глазки приборов. Коридор вился вокруг гигантской центральной трубы, где, вероятно, были расположены энергетические установки. Ученые двинулись вверх. Вокруг мерцали слабые огоньки, освещая узкие двери, ниши, иллюминаторы. Полную тишину нарушали лишь шаги.

Они прошли несколько витков этой спирали и наткнулись на стену, которая преградила им путь. Впрочем, это была не стена, а прозрачная дверь. Рам поднял фонарик, и взору людей представилась странная картина.

За дверью находилась каюта, откуда, очевидно, осуществлялось управление. На стенках мерцали матовые экраны, темнели панели с рядами приборов. Перед основным пультом — два глубоких кресла. В одном виднелась человеческая фигура. Космонавт был неподвижен, голова его лежала на пульте.

В свете луча фонарика тень человека заколебалась. Искре показалось, что космонавт шевельнулся. Она тревожно вздохнула.

— Космонавт — человек Земли, — прошептал Аэровел. — Я уверен в этом. Но почему мы ничего не знаем об этой экспедиции? Когда она вылетела?

— А может быть, он лишь похож на нас? — возразил Рам. — Разве во Вселенной не могут быть цивилизации с похожими на нас живыми существами?

Взглянув на Искру, он взволнованно добавил:

— Во всяком случае, это замечательно. Мы узнаем нечто удивительное, это несомненно. Семоний!

— Я слушаю, Рам.

— Прошу тебя сделать все как можно скорее. Вызови лучших специалистов. Надо изучить конструкцию корабля, разыскать и расшифровать все записи — оптические, магнитные и прочие. Все это подготовить к следующему заседанию совета.

— Хорошо! — ответил Семоний.

— А космонавта, — сказал Аэровел, — пока не трогайте. Я вызову ученых из Института воскрешений. Труп надо извлечь из каюты с максимальной осторожностью, поместить в инертный газ и немедленно отправить на Землю...

С трудом оторвавшись от странного зрелища, ученые отошли от двери и двинулись назад. И только Искра все еще стояла неподвижно, еле сдерживая волнение. Она как бы предчувствовала, что в ее жизнь входит нечто значительное и таинственное...

Даже Рам, всегда спокойный, уравновешенный, волновался. Его рука, лежавшая на пульте управления, вздрагивала от нетерпения. Члены совета молча ждали. Рам сказал:

— Братья! Вы все знаете о прилете корабля из глубин Вселенной. В страшные и таинственные дали пространства люди летят за огнем знания, за истиной. Не всегда

жертвы приносят плоды. Тем более мы должны быть внимательны к каждой вести из далеких миров. Капли соединяются в ручейки, ручейки — в реки, а реки наполняют океан бесконечности.

Братья, в корабле оказался мертвый космонавт. Исследование установило, что он житель Земли, наш предок! Вы удивлены? Да, мы ничего не знали об этой экспедиции. Только вчера сотрудник Архивного Мирового Фонда Светозар обнаружил материалы, свидетельствующие о древней экспедиции к другой Галактике...

В аудитории раздались возгласы удивления. Рам поднял руку, призывая к спокойствию.

— Сейчас вы услышите его голос.

Рам нажал кнопку на панели. Что-то зашипело, затем зазвучал спокойный человеческий голос. Он говорил на непонятном языке. Только отдельные слова напоминали современные.

— А теперь прослушайте перевод.

Вспыхнули глазки переводной машины. Ученые услышали:

— Двадцать первое столетие. Две тысячи пятьдесят восьмой год. Галактические координаты на кинопленке...

В зале зашумели. Послышались возгласы ученых:

— Десять тысяч лет назад?

— Невероятно!

— Братья! — разъяснил Рам. — Мы проверили координаты. Экспедиция вылетела с нашей Земли десять тысяч лет назад.

Плоское изображение старинной кинопленки, трансформируясь в особых приборах, воспроизводило картину Галактики, являвшейся не рисованной схемой, а ее фотографией.

Гигантская звездная система приблизилась, медленно вращаясь вокруг центрального сгущения. Она с каждой минутой вырастала, распадаясь на звездные рои и отдельные небольшие системы. Между двумя витками спирали ярко засияла желтая звезда.

Она приближалась, превращаясь в диск. Вокруг нее закружились шары девяти планет. Третья от центрального светила, увеличиваясь, начала вращаться. Возникли очертания материков, океанов. Из-за планеты выполз бледно-желтый диск спутника. Затем изображение исчезло. Пленка кончилась.

— Вы убедились? — произнес Рам. — Мы встретили человека далекого прошлого, который давно умер, но он оставил после себя массу ценнейших научных материалов и записанный различными способами удивительный рассказ о том, что произошло с экспедицией. Этот рассказ адресован нам, его потомкам. Тысячелетия ждал он, чтобы мы услышали его. Я предлагаю приступить к просмотру материалов о героическом подвиге древних космонавтов.

Снова послышалось тихое жужжание. Председатель Совета Великого Союза Миров Рам включил демонстрационные автоматы. И перед учеными одна за другой вставали волнующие, драматические картины из жизни далеких предков...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕВЕДОМОЕ

Страшный проект

Академик Горин, председатель Объединенного Космоцентра Земли, нажал кнопку телевизофона.

На экране появилось лицо секретаря. Она понимающе улыбнулась, едва заметно кивнула:

— Пришли.

— Все?

— Все.

— Просите.

Несколько минут ожидания — и дверь кабинета открылась. Дружной гурьбой ввалились космонавты. Они весело здоровались с ученым, который некогда обучал их искусству вождения сложных межзвездных кораблей. Академик жестом предложил всем сесть. Вышел из-за стола, остановился перед астронавтами. Молчал. Смотрел в молодые, мужественные лица, печально хмурился.

Космонавты недоуменно переглядывались, незаметно пожимали плечами. Но, понимая, что старик вызвал их неспроста, терпеливо ждали.

А он всматривался в своих питомцев, перебирая в памяти их жизнь, их нелегкую, но славную судьбу и как бы взвешивая в душе ценность каждого из них.

Георгий Гора. Командир нескольких экспедиций к планетам внешнего пояса. Участник экспедиции к звезде Альфа Центавра. Это был трудный полет. При подходе к системе Центавра на участке торможения крупный метеорит вывел из строя двигатели звездолета. Погибло больше половины членов экипажа, в том числе командир Евгений Дикой. Георгий взял на себя управление кораблем, посадил его на крайнюю планету системы Центавра. Полгода жил он с оставшимися товарищами в холоде и мраке чуждого мира, ликвидируя последствия аварии.

Георгий Гора — настоящий космонавт, всей душой стремящийся к звездам. Даже внешность его — непокорная копна золотистых вьющихся волос, прозрачно-голубые, устремленные вдаль глаза, волевые черты лица — говорит о призвании. Этот подойдет! Одинокий. Сирота. Отец и мать погибли на Луне, исследуя действующие вулканы. Он, конечно, принадлежит всей Земле...

Второй, рядом с Георгием, — Джон-Эй. Суровое, худое лицо. Сжатые губы. Пристальный, внимательный взгляд. Гладко причесанные пепельные волосы, неторопливые движения, немногословен — все говорит об огромной внутренней собранности, выработанной сложной, фантастической жизнью.

Джон-Эй, один из лучших космоштурманов, блестяще знает свое дело. На его счету пять полетов. Два из них — к Плутону. Один — к инфразвезде, соседке Солнца. Этот безусловно годится. Жены, детей нет. Из родителей только старушка мать.

Орамил и Тавриндил. Два друга, астрономы из Афин. Согласятся ли они, неизвестно. Но кандидатуры превосходные. На их счету величайшие открытия. С помощью лунных телескопов они открыли планетные системы в районе нескольких звезд и нашли галактики с субсветовыми скоростями удаления. У обоих нет семьи. Много лет прожили на Луне, изучая Космос. Что ж, должно получиться...

Астробиолог Вано Горгадзе. Он нетерпеливо встряхивает курчавой головой, умоляюще смотрит на академика. Горин улыбнулся, разглядывая его мощную фигуру, красивое, резко очерченное лицо. Этот пойдет хоть на край света. Отважен, умен, ученый с огромным размахом.

Антоний и Вильгельм — братья-близнецы. Рыжеволосые, веселые крепыши. Они, еще будучи юношами, устремились в небо, поступив в училище космонавтов. Оба стали превосходными инженерами. Они все время в полетах, все время стремятся к другим планетам. Вряд ли что-либо помешает им принять решение...

И, наконец, штурман Борислав Огневой и энергетик Бао Ли. Эти совсем молодые, но уже отмечены руководителями Космоцентра как выдающиеся специалисты. Несемейные. Отважные... Подойдут...

Академик Горин отошел к столу, тяжело вздохнул. Тихо сказал:

— Вы, конечно, удивлены неожиданным вызовом? Не отрицайте, я вижу... Буду краток. Сейчас все объясню...

Он снова замолчал, опустив глаза, и все увидели, какое у него изможденное, усталое лицо, как тяжело ему говорить. Но вот он решился:

— Друзья мои, есть решение Высшего Совета Науки Земли — организовать внегалактическую экспедицию...

Космонавты замерли.

— Вы знаете, что для сверхдальних полетов уже построен звездолет,— продолжал Горин.— Этот звездолет — лучшее, что создала доныне наука Земли.

— «Разум»,— прошептал Георгий.

— Да,— подтвердил академик,— это «Разум». Мы направляем его к ближайшей Галактике — Большому Магеллановому Облаку. Я не буду вам говорить, зачем нужна эта экспедиция. Вы отлично понимаете ее значение. Не для нас, конечно. Для грядущего. Итак, необходим экипаж. Нужны смелые люди, понимающие все без лишних слов. Выбор пал на вас. Не отвечайте мне сейчас, не спешите. Я вижу, многие уже согласны. Погодите немного. Я сказал не все. Вы идете не только на риск. Это вам привычно. Вы уходите из настоящего в далекое будущее...

— Мы знаем это!— воскликнул Вано.

— Не спешите,— грустно продолжал академик.— Я сожалею, что не могу лететь с вами. Стар уже. А возврата не дождусь. «Разум» — удивительный аппарат. В полете он почти вне времени и пространства. Но при торможении и разгоне вступает в силу обычная относительность времени. Поэтому вы вернетесь на Землю только через тысячелетия.

— Если вернемся,— добавил Джон-Эй.

— Вы обязаны вернуться! — резко возразил Горин.

Все замолчали. Глубокая тишина воцарилась в кабинете. Затем Георгий спросил:

— Но, учитель... я не слышу главного...

— Антивещество? — улыбнулся академик.

— Да.

— Верно. Это главное. Вы все знаете, что звездолет «Разум» не может лететь раньше, чем будет накоплено необходимое количество антивещества. Установки Земли могут это сделать только за десять — двенадцать лет...

— Тогда мы не понимаем, — вырвалось у Вано.

— Спокойно! Я подхожу к главному. Центр вызвал вас потому, что произошла трагедия. Да, страшная трагедия. О ней еще не объявлено. Вы все знаете командира звездолета «Огонь»?

— Димитр! — воскликнул Георгий. — Он вылетел к Чужой...

— Да. «Огонь» вылетел к звезде Чужой. Мы хотели узнать подробно о небесном теле, вторгшемся в Галактику. Эта звезда, конечно, чужая, ее собственная скорость слишком велика. И вот... несколько дней назад наши станции на Луне... приняли последнее сообщение Димитра... Они погибли...

— Почему?

— Чужая оказалась антизвездой. Вы понимаете, что это значит. У нее есть планета... антипланета. Но Димитр не знал этого. Он вел звездолет к планете. Попал в пылевое облако антиметеоритов. И все... Началась аннигиляция. Он не успел вернуть звездолет в пространство. Взрывами разворотило всю кормовую часть. Они успели послать предупреждение Земле... И прощальные слова...

Горин пристально посмотрел на своих питомцев, как бы испытывая. Георгий серьезно сказал:

— Я понял вас, учитель. Это страшный проект...

— Да. Это страшный проект. Но он под силу вам. Дерзновению человека нет предела. Итак, вы летите к Чужой, опускаетесь на антипланету. «Разум» оборудован специальной защитой для пребывания в антимире. Там добываете необходимое количество антивещества и стартуете к Магелланову Облаку...

— Просто и ясно, — засмеялся Вано. — Паф — и полетели!

Космонавты захохотали. Но, увидев грустное лицо Горина, притихли. Он дружелюбно кивнул, улыбнулся.

— Так и должно быть, друзья. Позади — смерть... Впереди — победа. Только так. Гибель товарищей открыла перед человечеством новые горизонты. Итак...

— Я согласен, — сорвался с места Вано, выпрямляясь во весь свой гигантский рост.

— Мы летим, — встали рядом с Вано Вильгельм и Антоний.

— Я готов, — сказал Бао Ли.

— Да, — решительно произнес Бориславав.

Орамил и Тавриндил переглянулись и, улыбнувшись Горину, присоединились к товарищам.

Так же молча, спокойно поднялся с кресла Джон-Эй.

Только Георгий на мгновение задержался. Никто этого даже не заметил.

Желает ли он лететь? Да. Он полетит. Но Марианна? Друг, товарищ, невеста. Самый близкий человек на Земле. Он ее никогда уже не увидит. Никогда! А может быть, взять с собою? Нет! Нет! Это малодушие. Это эгоизм. Итак, решено. Она все поймет...

Георгий шагнул навстречу Горину, стал рядом с Джон-Эем.

Так и не сказал

Месяц отдыха, а затем подготовка. Так сказал Горин. За этот месяц надо было завершить на Земле все дела.

Георгий решил повидаться с Марианной и при удобном случае поговорить с нею. Он вылетел в Киев.

Воздушный лимузин высадил его на Левобережье, в гидропарке. Простившись с пилотом, Георгий сел в открытый вагончик воздушной дороги, доставивший его в речной порт.

Был тихий майский день. Буйные соцветия каштанов осыпались на головы прохожим, над Владимирской горкой плыла нежная мелодия знакомой песни. Георгий радостно вдохнул пряный воздух родного города и сразу как бы вернулся к дням детства и юности. Только в глубине души все время таилась тревога. Предстоит самое

трудное и самое радостное: встреча с Марианной и... объяснение с нею.

Георгий медленно пошел вверх, к Крещатику, не желая пользоваться ни транспортом, ни движущимися тротуарами. Хотелось полюбоваться красотою Киева, подготовиться к встрече.

Он гулял около часа и даже не заметил, как пришел к Институту энергетики, где работала Марианна. На лестнице показалась группа сотрудников. Очевидно, заканчивалась работа. И вот... он увидел высокую, стройную девушку с короной темных волос. Она остановилась возле колонны, небрежно поправила локон на виске.

Марианна! Единственная...

Сердце Георгия забилось частыми, сильными ударами. При взгляде на девушку он еще глубже понял, как невыразимо горячо любит ее, как тяжело и просто невозможно забыть ее, оторвать от сердца и уйти в черную бездну Космоса без надежды встретиться вновь.

Взгляд девушки остановился на Георгии. Удивление, радость, любовь, а затем укор отразились в ее огромных черных глазах. Она задыхалась, она не могла слова вымолвить.

Георгий побледнел. Протянул руки и ждал. Марианна подбежала к нему и, не обращая внимания на улыбающихся подруг, обняла.

Они поехали вниз по Днепру. Остановились на маленьком островке. Здесь было решено провести месяц отдыха. Марианна была весела, как ребенок. Георгий ничего не сказал ей о предстоящей разлуке. Он не хотел омрачать дни радостного отдыха.

Как это случится? Как он скажет? Лучше не думать. Забыть обо всем, смотреть в темные, как пространство, глаза любимой, целовать пухлые дрожащие губы.

Георгий построил шалаш возле воды, под длинными свисающими ветвями плакучей ивы. На сучьях можно было вешать одежду, припасы. Вспомнив детство, Георгий ловил рыбу под корягами, а Марианна варила в старом, бог весть откуда добытом казанке на песчаной косе вкусную, пропахшую дымком уху.

Изредка они включали радио или телевизор, слушали новости о полетах между планетами, о гигантских стройках в Африке, Америке, об удивительных достижениях биологии и ядерной техники. Вечерами они настраивались на музыкальные передачи, а сами отплывали на челноке в густые заросли лозы и, остановившись среди белых цветов водяных лилий, зачарованно слушали, как плывет нежная мелодия над сонной водой и замирает где-то в левобережных лесах.

Марианна была счастлива. Но иногда она улавливала в глазах Георгия что-то тревожное и упавшим голосом спрашивала:

— Ты не хочешь говорить. Я вижу... Я чувствую... Ты снова улетаешь? Правда? Почему ты не скажешь?

— Не надо об этом, Марианна. Не надо, любимая. Я космонавт. И не могу быть другим.

— Даже ради меня, — печально улыбалась девушка.

— Даже ради тебя. Но мы с тобою всегда будем вместе. Где бы я ни был. Что бы ни случилось...

— Даже если... смерть? — затаив дыхание спрашивала Марианна.

— Да. Даже тогда. Я много думал над этим. Очень много. И я понял, почему люди так уверенно идут на смерть, если это необходимо человечеству. Они осознают свое бессмертие...

— Бессмертие?

— Да. Бессмертие человечества. Ведь все мы — только клетки необъятного организма человечества. Смотри, как все просто и величественно. Неужели это тебе в голову не приходило?

Георгий чертил палочкой на песке и увлеченно говорил:

— Развитие человечества можно сравнить с развитием организмов на Земле. Сначала одноклеточные, затем колонии клеток, первые сложные организмы, рыбы, земноводные, ящеры, млекопитающие, человек. Так и здесь. Сначала человек — наш далекий предок — одинок, несчастен. Он боится всего, все ему враждебно. Затем он соединяется с подобными себе. Это уже племя, первый многоклеточный организм. Интересы индивидуума уже подчиняются интересам всего объединения. Затем народы, нации и, наконец, вся Земля. Мы дошли до этого. Сейчас наша планета — единый могучий, прекрасный организм. И каждый человек живет и трудится, творит и дерзает ради этого организма — человечества. Да, умирают отдельные клетки-люди, умирают так же, как клетки в нашем теле, но ведь мы остаемся, несмотря на беспрерывное отмирание клеток, и точно так же

остается человечество, несмотря на беспрерывную смерть его членов. И не только остается, но и развивается, становится прекраснее, возвышеннее. Пройдут тысячелетия. Земля объединится с иными планетами, мирами. Вся Галактика станет единым организмом, затем — Метагалактика... и вся беспредельность. Ты понимаешь, Марианна? От Альфы — к Омеге! От первой капельки жизни — к бесконечности! Вот наш путь — путь разума. Нет, о какой же смерти можно говорить!..

Марианна слушала восторженные слова Георгия, улыбалась сквозь слезы, склонившись к его плечу, и виновато шептала:

— Да, я все это понимаю. Это очень красиво... Но мне хочется, Георгий, и немножко своего... не сердись... Очень хочется личного счастья. Хочется смотреть в твои глаза, слушать твои слова, ходить с тобою по одним тропинкам...

И, вздохнув, добавила:

— Мне кажется, что даже умирать можно только... ради того, кого знаешь, ради близких...

— Но они олицетворяют человечество? — живо возразил Георгий.

— Да, — беспомощно отозвалась девушка.

И каждый раз Георгий не мог сказать ей о предстоящем. Так прошел месяц. Оставив гостеприимный островок, влюбленные погрузили припасы в челнок и поплыли узким проливом к Днепру, на трассу скоростных электроплавов.

Последняя пресс-конференция

Георгий пронесся по улицам Космограда, пересек центральную площадь и остановил свой лимузин около Дворца Съездов. По широкой лестнице он поднялся к колоннаде. И вдруг остановился.

Из-за колонны выступила высокая фигура в белом летнем платье.

— Марианна!

— Да, я! — сдавленным голосом ответила девушка, судорожно комкая в руках прозрачный шарф.— Я только вчера узнала о том, что ты улетаешь. Навсегда! Это правда?

— Да, — твердо ответил Георгий.

— И ты молчал. Ничего не говорил мне. Ты равнодушно и холодно готовился к этому прощанию!

Георгий побледнел, синие глаза потемнели, но слова были сдержанными, спокойными:

— Неужели ты не понимаешь? Я не мог... сказать тебе...

— Ты не мог! — с горечью промолвила Марианна. — Ты избегал встреч. Ты не хотел видеть меня. Ты никогда не любил!

— Марианна!

— Прости. Я не то хотела сказать. Но зачем же так? Я пришла, чтобы сказать тебе... Возьми меня с собою!

Ее большие черные глаза, оттененные длинными темными ресницами, глядели на него не отрываясь. Лицо было усталым, губы вздрагивали.

Георгий не выдержал. Он отвернулся, еле слышно произнес:

— Ты знаешь, почему я не могу взять тебя с собою...

Марианна поправила тяжелый узел волос на голове. Легкий ветер с моря перебирал ее блестящие черные кудри. На ресницах повисли слезы. Но в следующее мгновение она решительно вытерла глаза. Лицо стало замкнутым, суровым.

— Значит, не возьмешь меня?

— Нет, Марианна... не возьму...

— Вылет завтра?

— Да.

Твердыми шагами Георгий двинулся к двери, остановился, оглянулся. В глубине глаз девушки сверкнула искра надежды. Он спросил:

— Ты подождешь меня? Я недолго. Мы проведем пресс-конференцию, и...

Просиявшее было лицо девушки снова померкло. Она молча смотрела на далекое море. Георгий открыл дверь, вошел в зал.

Его ждали товарищи, корреспонденты, представители всех народов Земли. Все знали, что Георгий Гора возглавит удивительный, невероятный полет, и на него обрушилась лавина нетерпеливых вопросов:

— Правда ли, что звездолет «Разум» может пробивать пространство почти мгновенно?

— Да, это так. Он создает вокруг себя мощный энергетический заслон, изолирующий его от воздействия мирового тяготения. Это позволяет разгонять звездолет до любых скоростей.

— А как же квантовый предел Эйнштейна?

— Он перейден, как и любой предел. Скорость света зависит от взаимодействия

системы с полем гравитации. Если воздействие поля уменьшено или устранено, скорость неограниченно возрастает. Впрочем, многое еще неясно. Полет должен подтвердить теорию, хотя предварительные испытания и проведены.

— Значит, вы сможете вернуться на Землю очень скоро, еще при жизни нашего поколения?

— Нет.

— Почему же?

— Уже сообщалось, что при разгоне и торможении действует парадокс времени. Мы будем жить в замедленном ритме, Земля — в обычном. Мы вернемся минимум через три тысячи лет. Но я верю, что в будущем построят корабли, способные мгновенно пробивать любые пространства. А сейчас нет иного выхода...

— А разве так уж обязателен ваш полет? Можно и подождать, пока построят совершенные аппараты, — скрипучим голосом произнес пожилой корреспондент.

Это замечание вызвало гул возмущения. Георгий удовлетворенно улыбнулся.

— Ваше замечание имеет по крайней мере столетнюю давность! — шутливо воскликнул Вано.

Присутствующие зааплодировали. Послышался новый вопрос:

— Какова энергетическая база «Разума»?

— Антивещество. Оно дает возможность полностью освобождать и использовать энергию, которая заключена в веществе.

— Но расстояния? Сто пятьдесят тысяч световых лет! Какими же должны быть запасы топлива?

— Мы добудем их на антизвезде, открытой Димитром, славным космонавтом, трагически погибшим в последней звездной экспедиции. «Разум» оборудован для путешествия в антимир. Мы верим в успех. Затем — путь к Большому Магелланову Облаку. Для всех других аппаратов, для так называемых фотонных и мезонных ракет, такие расстояния недоступны. Новый звездолет может устремиться в любую даль. Маленькое сравнение: пустите два автокара: один — по грязи, второй — по гладкой дороге. Первый израсходует массу энергии на преодоление препятствий, второй пройдет почти по инерции, не испытывая сопротивления. «Разум» — повторяю это снова — почти локализует сопротивление мировой среды.

— А метеориты? Межзвездная пыль? При такой скорости они пробьют звездолет насквозь!

Георгий снисходительно пожал плечами:

— Вы переносите выводы классической механики на эффекты теории относительности. Метеориты «живут» в обычном времени, наш звездолет — в совершенно другом, в миллионы раз отличающемся по ритму. Понимаете? Метеорит и корабль не встретятся во времени!

Пресс-конференция продолжалась. Было задано много вопросов другим членам экспедиции. Спрашивали о целях, о планах, о самочувствии, об отношении к смерти и жизни. Спрашивали без конца, и было ясно, что люди Земли просто хотят еще немного побыть в обществе славных сынов своих и братьев, послушать их голоса, посмотреть на их родные для всех лица.

Заканчивая пресс-конференцию, Георгий сказал:

— Жаль, что вы, наши современники, не увидите результатов наших исследований. Огромная скорость звездолета, разрушая обычные представления о времени, перенесет нас в далекое будущее. Мы, если останемся в живых, встретим здесь, на Земле, незнакомых потомков, отделенных от настоящего тысячами лет. Но ведь первый и последний человек — это члены одного и того же великого человеческого рода, который бессмертен. Значит, наша обязанность — нести огненную эстафету знания сквозь мрак времени и пространства к бесконечности!..

Вылет был назначен на следующий день. Покинув друзей, Георгий поспешил к Марианне. Ее не было. Он связался по телевизофону с коттеджем ее родителей. Отец и мать Марианны не откликнулись. Георгий, волнуясь, помчался туда на лимузине. Старушка, прабабушка Марианны, сказала, что девушка не приезжала.

Георгий вернулся к центральной площади, оставил там лимузин и зашел в сквер. Сев на скамью под навесом из вьющихся роз, он задумался.

Целые сутки впереди... Он, космонавт, человек, решавший сложнейшие проблемы в невероятных условиях Космоса, глядевший в глаза любой опасности, не мог приказать сердцу: молчи! Почему? Разве не

все решено? Разве разум не сказал свое последнее слово?

Где-то в глубине сознания промелькнула мысль:

«А знаешь ли ты, чьи решения истиннее — разума или сердца? То, что ты думаешь об этом, делает равноценным то и другое».

Нет, лучше не думать! Загнать мысли в закоулки мозга, втиснуть их в тюрьму долга! Где же ты, дисциплина ума, воля, выдержка? Почему отказываешься подчиняться своему хозяину?

Она ушла. Она не желает видеть его. Он и не мог ожидать ничего другого. Если бы не его эгоизм, можно было поставить себя на место Марианны. Посмотреть на все ее глазами. Как это невыносимо тяжело! Где ты, любимая? Я склонился бы перед тобою, попросил бы прощения. Но что ей до этого? Ему — стремление в беспредельность, а ей — прощание и пустота. Да, ведь она хоронит его! Как он не подумал об этом раньше! Она провожает его навсегда!

Надо идти к людям. Быть может, это даст забытье. Забытье! Только оно нужно сейчас Георгию...

Мимо проплывал открытый вертолет-автомат. Георгий остановил его, взбежал по откидной лестничке и бросился на мягкие подушки сиденья.

Запел ветер, облака из далекой синевы летели навстречу. Ажурные купола Космограда уходили вниз, в волнах моря сверкали искры солнца, падающего за багровый горизонт...

Прощание

Космодром находился в пятнадцати километрах от города. Оттуда должен стартовать звездолет «Разум». Семнадцать лет назад среди степных курганов заложили первые камни фундамента гигантского цеха. По вечерам было видно далеко в степи, как странное сооружение сияет, сверкает огнями сварки. Семнадцать лет шла напряженная работа многих тысяч ученых, инженеров, рабочих. И вот под сводами цеха вырос необычный аппарат, о котором заговорил весь мир.

Звездолет подвергли испытанию в пределах солнечной системы. А теперь «Разум» готовился к старту в безвестные дали Вселенной — в иную Галактику.

Многотысячные толпы людей осаждали ограду, теряя всякую выдержку. Всем хотелось попасть на поле космодрома, где возвышался звездолет, сверкавший в лучах солнца белыми спиралями. Но за ограду не пускали никого, даже родственников улетавших и представителей Мирового Совета Народов.

Не было пышных речей, патетических слов. Говорили переполненные радостью и печалью сердца, любящие взгляды, крепкие рукопожатия.

Недалеко от звездолета стояли девять космонавтов. Девять молодых ученых, добровольно уходящих от солнца, от цветов, от любимых, во тьму, в неведанное ради торжества знания. Георгий, поглядывая на друзей, боялся увидеть на их лицах тень страха или сомнений. Нет! Они спокойны и уверенны. Была, конечно, внутренняя борьба, были колебания, было страдание, как и у него, но победило высшее — чувство долга!

Началось прощание. Мать Джон-Эя, сухонькая старушка, прижалась к своему единственному сыну, словно желая удержать его при себе навсегда. Не увидятся они больше, никогда уж не заглянет мать в суровые глаза своего Джон-Эя. И смотрит она на него так, словно провожает в могилу. Сердце материнское не хочет понять, что это прощание — ради других, далеких, тех, которые идут из небытия в ясный, построенный их предками мир.

Орамил и Тавриндил, весело шутя, прощаются с возлюбленными своими, с сестрами, друзьями. Какие замечательные парни! Они, вероятно, даже смерть встретят с улыбкой.

Вано одинок. У него нет родственников. Но и к нему тянутся сотни рук. Идя вдоль ограды, он крепко пожимает их своей громадной ручищей, целует девушек в сияющие глаза, отвечает на сердечные пожелания.

В кругу веселых друзей — Антоний и Вильгельм. Их рыжие головы мелькают в вихре объятий. Взволнованы и растроганы самые молодые космонавты — Борислав и Бао Ли. Они ничем не знамениты, им кажется незаслуженным это чествование. Ведь они делают то, что, как они уверены, сделал бы каждый юноша, любая девушка на Земле...

Георгий не видел, не слышал ничего. Глаза пытались увидеть кого-то, услышать в последний раз неповторимый голос. Хоть на один миг, на одно мгновение!

Но Марианна не пришла. Она решительно оборвала связывавшую их нить. Что ж, пусть! Может быть, так лучше. Так надо.

Георгий решительно вырвался из кольца провожающих, подошел к микрофону.

— Друзья! — загремел его голос над полем космодрома. — Вылет через час. Оставаться вблизи стартового поля опасно. Я прошу всех покинуть зону космодрома. Прощайте, друзья!

Вдали уже взлетали в воздух легкие вертолеты, по широкой автостраде плыл сплошной поток электромобилей. Толпа редела. На вышках беспрерывно вращались телекамеры, передавая в эфир все, что происходило вокруг.

У основания звездолета открылся вход. Один за другим в нем исчезали космонавты. На поле остался только Георгий. Он с грустью оглянулся вокруг. Не пришла. Погасла последняя искра надежды. Ни прощального жеста рукой, ни прощального взгляда...

Он посмотрел на хронометр. Четырнадцать часов сорок пять минут. Двадцать первое августа. Две тысячи пятьдесят восьмой год. Старт через пятнадцать минут.

Георгий понуро побрел к звездолету, сутулясь, остановился у входа. Переступив возвышение, уже у самого люка, оглянулся в последний раз.

Поле было пустынным. Над холмами кружились ястребы, высматривая добычу. На горизонте парила земля, казалось, будто там волнуется море. Далеко в голубом тумане темнели строения Космограда, ветер нес оттуда аромат цветов.

Георгий глубоко вдохнул этот запах. Прощай, Земля. Прощай и ты, любимая. Ты не пришла, но прошлое со мною. Никто не отнимет у меня твой голос, твои глаза, твое дыхание.

Он ступил шаг назад и резко нажал на рычаг пуска автоматов блокировки входа. С мощным выхлопом закрылась массивная дверь. Теперь космонавты были полностью изолированы от внешнего мира.

Внутренним лифтом Георгий поднялся вверх, вошел в капитанскую каюту. За ним автоматически закрылась прозрачная дверь. За пультом в кресле рядом с командирским местом уже сидел Джон-Эй, первый помощник Георгия. Его худое лицо было невозмутимо, но в стальных глазах пламенел сдержанный огонь напряжения.

— Все на местах, — сказал он. — Амортизация включена. До старта пять минут.

Георгий молча занял свое кресло. Протянул руку к пульту. Справа вспыхнул стереоэкран. На нем появилось взволнованное лицо Горина. Он грустно улыбнулся, подбадривая, кивнул головой.

— Что же сказать вам, сыны мои? — начал он. — Растерял все слова. Да они вам и не нужны. Вы ведь все сами понимаете. Помните одно. Вы улетаете в страшную даль, но пространство нас не разъединит. Ибо это не пустота. Это живой океан. И наши мысли, наши чувства будут с вами. Помните об этом. И еще. Знамя нашей цивилизации — человек. Это знамя мы тысячелетиями добывали в невероятных страданиях. Высоко держите это знамя. Вот и все, сыны мои. В путь. Наши потомки будут ждать вас. Вас... и знание, ради которого вы летите...

— Мы будем помнить ваши слова, — тихо ответил Георгий, сдерживая волнение. — Прощайте, учитель...

Экран погас. Наступила тревожная тишина. Лицо Джон-Эя окаменело, он неподвижным взглядом впился в перископ. Там, на ясно-голубом фоне неба, медленно плыло белое облачко. Казалось, оно посылает смельчакам последний прощальный привет Земли. Но вот облачко исчезло. Стрелка универсальных часов коснулась фатальной черты. По стенам каюты поплыли солнечные блики...

Руки Георгия тяжело легли на командирский пульт.

К неведомому

Тысячи телеобъективов и других средств наблюдения с далекого расстояния были направлены на космодром. Весь мир затаив дыхание взволнованно ожидал старта звездолета, на борту которого пламенело слово: «Разум». Глаза ученых, учителей, рабочих, поэтов, глаза миллионов людей следили за «Разумом». Они провожали его в беспредельный путь, как свое, взращенное тысячелетиями дитя. Ведь в этом корабле воплощалась мечта поколений, гений бесчисленных тружеников, известных и не-

известных, страстное желание человеческого духа разорвать цепи пространства и времени. И вот человечество посылает могучий луч своей мысли в Космос, передавая эстафету знания в грядущее.

Даже наиболее упрямые скептики и те были уверены в успехе экспедиции, понимали ее огромное значение, сознавали исключительную смелость космонавтов, уходивших в другую эпоху. Невероятный план полета в антимир, этот потрясающий по своей дерзости эксперимент не удивлял никого. Чудесная конструкция звездолета предвещала успех. Его защитное поле, взаимодействуя с антивеществом в антимире, должно было заслонить корабль и людей и при спуске на антипланету в системе антизвезды Чужой...

Плыли последние секунды. Мир затаил дыхание...

Георгий и Джон-Эй переглянулись. Рука командира легла на рычажок пуска автоматов. На экранах забегали пульсирующие зигзаги сигналов. Наружный свет потускнел, в перископах замелькали едва заметные тени. Тяготение уменьшалось. Это вступило в действие защитное поле.

— Старт, — прошептал Джон-Эй.

Корабль вздрогнул. Послышался приглушенный гром. Тени в перископах поползли вниз. Вокруг расстилалась серая тьма, кое-где усеянная размытыми пятнами крупных звезд. Звездолет вышел в мировое пространство. Земля, люди, жизнь — все осталось позади, в ледяной бездне. Глухая боль в сердце Георгия утихла, образ Марианны превращался в сияющее воспоминание о прекрасном сновидении. Оно было, оно волновало. Но больше оно не вернется...

«Разум» по заранее рассчитанной кривой прошел мимо внешних больших планет и направился в сторону Веги, где недавно появилась Чужая. Автоматы выключили поле. Роботы-помощники молниеносно произвели проверку курса звездолета, скорректировали программу.

Георгий связался с центральной каютой и негромко сказал:

— Друзья, первое испытание. Курс — на антизвезду.

— Давай, давай! — послышался бархатный голос Вано. — Ты, друг, не волнуйся. Мы готовы!..

Георгий улыбнулся, кивнул Джон-Эю. Штурман включил систему защитного поля. Звездолет еле ощутимо задрожал, стремительно набирая скорость. «Разум» поглощал пространство, двигаясь теперь со скоростью в несколько биллионов километров в секунду. Впрочем, это не было механическое движение в обычном понимании. Это был совсем новый вид взаимодействия материальной системы с пространством — временем, — тайна, вырванная разумом человека из цепких рук природы.

Так прошло несколько часов по собственному времени звездолета, затем вступили в действие автоматические тормоза. Мощные струи энергии замедляли полет звездолета, для которого перегрузки не были страшны, ибо влияние инерции почти полностью гасилось защитой поля...

Космонавты волновались. Ведь сейчас наступит проверка земной науки. Их путешествие в антимир должно подтвердить теоретические расчеты человеческого разума. А кроме того, от успеха здесь зависит успех главного задания — полета в соседнюю Галактику.

Джон-Эй выключил систему защитного поля. В перископах засверкало звездное небо. Впереди, на центральном экране, переливалась разноцветными огнями огромная Чужая. Гравиметры показали, что звездолет уже вступил во взаимодействие с полем тяготения антисистемы. Роботы-помощники манипулировали с телескопическими установками. Они подали условный знак. Командир и штурман посмотрели на загоревшиеся экраны обзора. Там четко вырисовывался диск антипланеты.

— Здесь погибли товарищи, — прошептал Георгий.

— Неужели Димитр не мог повернуть обратно? — печально спросил Джон-Эй.

— Он слишком поздно обнаружил опасность.

В пространстве вспыхнули яркие звездочки. Они окружили звездолет голубоватой короной.

— Поле! — побледнев, крикнул Георгий. — Здесь микрометеориты!

По команде штурмана автоматы снова включили защитное поле. Корона огня исчезла. Георгий вытер пот со лба, слабо улыбнулся.

— Выдерживает поле!

— Но впереди встреча с целыми океанами антиматерии, — возразил Джон-Эй.

— Ничего, выдержим!

Антипланета приближалась. Она была очень похожа на родную Землю. В ее голубой атмосфере плыли белые облака. Между ними угадывались очертания материков, кое-где под лучами антисолнца сверкали воды океана.

— Странно, — задумчиво сказал Георгий. — Очень странно! Все похоже на обычную планету... и все иное. Чуждое, враждебное. Невероятно...

Автоматы отметили огромный расход энергии в центральном реакторе. Звездолет входил в атмосферу, и защитное поле отражало теперь воздействие беспрерывного потока антиматерии. Лицо командира вытянулось. Напрягся каждый нерв. Отныне жизнь космонавтов была в полной зависимости от работы реактора.

Мимо промелькнули тучи. Внизу открылась широкая панорама неведомой планеты.

— Бао Ли, Вильгельм! — приказал Георгий. — Подготовьтесь к выходу. Нельзя терять ни секунды!

— Есть! — прозвучал в динамике четкий ответ.

«Разум», замедляя падение, опускался на берег океана. Вдали расстилались заросли странных красных деревьев, за ними сверкали в зеленоватом небе белые пики гор, а внизу катились высокие мрачные волны необъятного океана.

Будто гигантский болид, сияя в лучах антизвезды, корабль Земли медленно опустился на скалистый берег и неподвижно замер в нескольких метрах от воды. Вокруг поднялись могучие вихри, вырывая с корнями высокие деревья, кроша скалы. Низкое мощное гудение прокатилось над океаном, замирая вдали.

Космонавты прибыли в антимир...

Антимир

Георгий и Джон-Эй не отводили глаз от экранов связи звездолета. Они видели, как Бао Ли и Вильгельм, облачившись в тяжелые скафандры, вошли в «черепаху», аппарат, сконструированный для пребывания в антимире, как захлопнулась дверь и невидимые потоки энергии приподняли «черепаху» над полом шлюза.

— Мы готовы, — глухо прозвучал голос Вильгельма.

— Будьте осторожны, друзья, — в последний раз предупредил Георгий.

— А что с нами случится? — весело возразил Бао Ли. — Защита великолепная. А если что — увидите грандиозный фейерверк!

— Глупая шутка! — угрюмо проворчал Джон-Эй.

— Внимание! — скомандовал Георгий.

На экранах кругового обзора появились пейзажи антипланеты. Медленно открылся люк звездолета. Из отверстия вырвалась мощная струя сжатого воздуха. Фонтан пламени с грохотом ринулся вперед, испепеляя заросли красных деревьев. Вслед за огненной тучей из люка выскользнула «черепаха». Она поплыла над берегом, выпустив впереди себя руки-клешни.

Семь пар глаз внимательно наблюдали за манипуляциями аппарата. Георгий, сдерживая волнение и тревогу, поглядывал на универсальный хронометр. Защита в «черепахе» рассчитана лишь на десять минут. За это время надо успеть сделать все.

Скорее, скорее! Почему они так медленно движутся? Или это только кажется так? Вот «черепаха» подошла вплотную к огромной глыбе. Руки-клешни обнимают ее со всех сторон излучателями, создавая защитное поле. Сейчас глыба лишится веса. Все идет прекрасно. Огромный камень поднимается вверх и падает в контейнер. Там он не будет взаимодействовать с веществом, сдерживаемый магнитным полем во взвешенном состоянии.

Руки-клешни осторожно погружают контейнер в специальное гнездо. Вздох облегчения вырвался из груди космонавтов. Победа! Товарищи уже возвращаются к звездолету...

И вдруг в корабль ворвались какие-то странные крики, шум толпы. Сердца космонавтов сжались в тревожном предчувствии. Что случилось?

— Люди! — воскликнул Джон-Эй. — Гляди!..

В самом деле, из зарослей гигантских деревьев высыпали толпы человекоподобных существ. И это не были животные, лишенные разума. Высокого роста, двуногие, обросшие золотистым пухом, они были одеты в обрывки звериных шкур. Люди, первобытные дикари антимира... Они размахивали руками, что-то крича, окружили «черепаху» широким кольцом и пали на колени, кланяясь невиданному сооружению.

— Они принимают «черепаху» за божество! — сказал упавшим голосом Джон-Эй.

— Проклятие! — простонал Георгий. — В «черепахе» сейчас кончится энергия защиты!

Время остановилось.

Где выход? Что делать? Уничтожить дикарей? Двинуть «черепаху» прямо на них? Но ведь они люди! Разумные существа! Да. Это антимир. Все здесь чуждо, враждебно. Соприкосновение — смерть! Но эти дикари — носители разума! И рука Вильгельма, сидевшего за рулем «черепахи», не поднялась на людей. Минута растерянности, колебания...

Стрелка хронометра, вздрогнув, коснулась последнего деления. В эфире послышался предсмертный крик Вильгельма:

— Прощайте, друзья!

В то же мгновение яркие голубые лучи ослепили космонавтов. Гигантские столбы огня вздыбились на том месте, где только что стояла «черепаха». Невероятной силы взрыв смел с берега все — камни, аппарат, дикарей, уничтожил заросли деревьев на много километров вокруг. «Разум» сорвало с места, раскаленный вихрь швырнул его в пространство. По пологой кривой звездолет начал падать в океан.

Джон-Эй ощупью нашел пульт управления, включил автоматы пуска. «Разум» окутался защитным полем, загремел, преодолевая силу инерции, и, пробив облака, вышел в Космос. Страшный антимир остался позади, диск планеты постепенно уменьшался на экране.

...Спустя полчаса космонавты собрались в центральной каюте. Лица у всех были бледные, мрачные. Антоний беззвучно плакал, опустив голову на руки. Никто не утешал его, слишком тяжелой была неожиданная, непоправимая утрата.

— Друзья, — сказал Георгий, — мы должны вернуться. Опыт кончился неудачей. Мы лишились защитного устройства, без которого невозможно повторить попытку. А раз нет антивещества, полет к соседней Галактике немыслим. Итак, назад, к Земле...

— Нет, — послышался голос.

Космонавты оглянулись, удивленные. На них смотрел Антоний. Его лицо уже было замкнутым, строгим, глаза сухие, покрасневшие.

— Нет, сказал я, — повторил он. — По-моему, нет нужды возвращаться на Землю. Есть еще выход.

— Какой? — осторожно спросил Вано.

— Ведь у нас имеется еще один контейнер для хранения антивещества?

— Да, имеется, — ответил Георгий. — Но я не понимаю... Ах, вот оно что! Я понял тебя. Ты хочешь...

— Да, командир. Надо закрепить контейнер снаружи, ввести звездолет в пояс антиастероидов, если они здесь есть, и...

— ...поймать большую глыбу, — подхватил обрадованно Джон-Эй.

— Верно. Именно так я и подумал.

Все одобрили смелое предложение. Несколько минут обсуждался дерзкий план. Уточнялись детали, проверялись расчеты. Роботы-помощники подтвердили наличие в системе антизвезды потока антиметеоров. Теперь все зависело от умения экипажа.

Приняв решение, космонавты собрались в тесный круг и взялись за руки. Глядя на объемные фотографии погибших друзей, покачиваясь в ритм с мелодией, они запели простые слова песни «Гимна погибшим космонавтам»:

Вы навсегда остаетесь во мраке,
Чтобы лететь метеорами в бездну.
Вам не судилась встреча с Отчизной,
Хоть за нее вы и отдали жизни.

Только дела ваши будут бессмертными,
Станут мечтою иных поколений.
Ваши страданья, подвиги, смерти
Станут дорогой к познанию Истины...

Навстречу возлюбленному

Марианна всю ночь бродила по берегу моря — одинокая, печальная. Не думала, не вспоминала ничего. Все уже передумано, все решено. Остановить его она не могла, а если бы и могла — разве сделала бы это?

Оставался один лишь выход — улететь вместе с ним. Ведь она инженер-энергетик и могла быть полезной в звездолете. Но Георгий решительно восстал против этого. Он не хотел быть исключением... а быть может, боялся за нее.

И вот она ходит как тень... вдали от него, вдали от людей. Знала, что Георгий недоумевает, мучится... знала — и не могла решиться еще раз встретиться с ним перед

вылетом. Почему? Просто вдали мука была менее ощутимой...

Кончалась короткая летняя ночь. Над морем плыли нежные пряди туманов, таяли в теплом, ароматном воздухе. Под утро усталая девушка села на камень, долго смотрела на далекие созвездия, бледнеющие в лучах нового дня.

«Вот так и мы, — подумала она. — Угаснем, как сон, как звезды, как детское воспоминание, а на нашем месте новые поколения зажгут светильники нового дня». А может быть, так надо? Может быть, напрасно она мучается и терзает сердце? Ведь ничего не изменится...

Смешно. Разве можно приказать чувству? И есть ли что-либо значительнее чувства? Разум? Да. Разум... Но он разрушает счастье, ибо счастье — только в любви! Так, может быть, прочь разум? Зачем он, если уходит радость жизни?

Марианна закрыла глаза, грустно улыбнулась. Хватит! Хватит этих никчемных и ненужных мыслей. Вот перед нею звездный путь в новые далекие миры. Мужественные сердца открывают его для грядущих поколений. Можно ли сейчас думать о себе? Сердце — на замок...

Маленькие облачка на востоке запылали таким ясным багрянцем, что казалось — какие-то великаны там, на небосводе, разожгли гигантский костер. Потом ослепительные лучи солнца пронизали пространство и помчались прочь, в бесконечность, оставив сверкающую, торжественную дорогу на морской глади. Подул легкий ветерок. Море заволновалось. А на душе у Марианны воцарилось спокойствие.

Сняв обувь, она босиком побрела по траве, усеянной серебристыми бусинками росы. Она направилась прямо к стартовому полю, лежавшему в семи километрах от моря.

Там уже бурлила огромная толпа. Марианна поднялась на древний курган. Отсюда виден был аппарат, возвышавшийся над космодромом, видны были фигуры Георгия и других космонавтов. Но девушка решила ближе не подходить. Несколько томительных часов стояла неподвижно, изнывая от жары. Все выше поднималось солнце, ветер крепчал. Вот послышался голос Георгия, усиленный динамиками. Он предупреждал о старте. Толпа начала редеть, вертолеты тучей поплыли в сторону Космограда. Только теперь Марианна тронулась с места. Она в последний раз посмотрела на провожающих, на Георгия и вдруг засмеялась.

— Какая же я глупая! — сказала она вслух и неожиданно запрыгала на одной ноге, как когда-то в детстве.

Затем остановилась, смущенно оглянулась. Но поблизости никого не было, только горячий ветер шевелил серебристый ковыль на кургане.

«Вот будет сюрприз!» — улыбнулась Марианна. Глаза ее заискрились, осунувшееся лицо покрылось румянцем. Она посмотрела на хронометр. Без пяти минут пятнадцать. Через пять минут старт! Марианна прилегла за камнем, впившись взглядом в звездолет. Сердце замерло.

Плыли последние секунды. И вдруг аппарат потускнел, медленно превращаясь в подобие миража. Вокруг него появилось голубое сияние, похожее на туманную корону.

«Включено защитное поле», — подумала Марианна.

Мираж поплыл вверх. Вокруг загремело. Могучие потоки энергии взметнули голубую корону в сияющее небо. Страшный вихрь поднял тучи песка и пыли, прижал девушку к земле. В глазах потемнело.

Все было кончено. Девушка поднялась, оглянулась. Умолкло далекое громыхание в небе, ветер уносил к морю тучи пыли. Над местом старта уже кружили вертолеты. Один пилот увидел Марианну, снизился к ней.

— Вы были здесь во время старта? — испуганно спросил он, наклоняясь через борт открытой кабины.

— Да, — спокойно ответила девушка.

— Вы с ума сошли! Немедленно в больницу!

— Не беспокойтесь! — засмеялась Марианна. — Ничего не случится.

Она легко взбежала по лестнице, села рядом с пилотом и сказала:

— Пожалуйста, проспект Цветов, двадцать семь.

Пилот удивленно посмотрел на нее, но, не говоря ни слова, поднял машину в воздух.

Марианна ушла в себя, замкнулась. Как-то подсознательно она ощущала, что вокруг струится теплый, пряный воздух, что внизу плывут бесконечные поля, буйные сады, цветущие улицы родного Космограда.

Она не видела всего этого, ибо думала совсем о другом.

Она решилась на невероятное. Говорила ли ее грусть о раскаянии? Нет, сто раз нет!..

Вертолет сел возле дома номер 27. Это был небольшой голубоватый коттедж, окруженный молодыми березками. Марианна сама когда-то посадила их, привозя саженцы из-за города.

Девушка, простившись с пилотом, направилась к воротам.

— Советую вам побывать в больнице! — крикнул он ей вдогонку.

Марианна не ответила. Она вошла в дом, упала в изнеможении на широкую тахту и разрыдалась. Бабушка встревожилась, но, сколько ни расспрашивала внучку о причинах ее горя, так и не добилась ответа. Под вечер девушка сообщила в Киев, что оставляет работу.

После этого Марианна не гуляла, не отдыхала ни одного часа. Дни и ночи она проводила возле универсального приемника, слушая сообщения Космоцентра. Она хотела знать все о судьбе «Разума». Наконец, спустя два месяца, пришла гравиограмма с далекой антизвезды.

Мир узнал о трагедии на антипланете и о том, как удалось поймать антиастероид. Георгий передавал, что теперь у них достаточно антивещества. Они посылали привет людям Земли, прощались с ними и сообщали, что берут курс на Большое Магелланово Облако.

На этом сообщение окончилось. Затуманенными от слез глазами Марианна посмотрела в последний раз на изображение возлюбленного, дрожавшее на экране. Вот оно потемнело, исчезло. Все...

Девушка долго сидела неподвижно, спрятав лицо в ладони. Потом вытерла слезы и вышла из дома. Постояла, прижавшись к белокорой березке, будто прощалась с ней.

На проспекте остановила вертолет, попросила доставить ее в Институт анабиоза.

Широкие бульвары и улицы Космограда быстро промелькнули внизу. По ним плыли потоки людей, но девушка не видела их.

Вертолет сел на крыше огромного сооружения, окруженного глухой стеной. Марианна вскочила с сиденья и побежала вниз, по широкой лестнице, покрытой мягким пушистым ковром. На первом этаже ей навстречу из-за стола поднялся полный пожилой мужчина в белом халате, с длинными седыми усами и добрыми светлыми глазами.

— Что вам угодно? — приветливо спросил он.

— Я читала, что вам нужны добровольцы... для опытов по анабиозу, — робко сказала девушка.

— Вы хотите предложить... себя?

— Да...

— Для этого надо созвать совет института. Я сейчас...

Он нажал кнопку на столе, набрал несколько цифр на диске с номерами.

— А теперь пойдемте, — мягко сказал он, обращаясь к Марианне.

Они пошли по светлому, широкому коридору. Сердце девушки замерло. Что она делает? Неужели все это свершится? Да.

Марианну усадили в кресло с мягкими воздушными подушками. Она оглянулась. Сквозь матовые полупрозрачные двери проникал приятный свет. В комнате, кроме кресел, стола и вазона с голубыми цветами, каких Марианна никогда не видала, ничего не было.

Девушку почему-то очень заинтересовали эти цветы.

«Откуда они? — мучительно размышляла она. — Таких на Земле нет. Наверное, с другой планеты. Интересно было бы узнать...»

Неслышно открылась дверь. Вошли еще несколько человек в белом одеянии. Они поздоровались с Марианной, сели вокруг.

— Итак, — начала женщина, пристально глядя на девушку, — мы члены совета института. Нам дано право отбирать добровольцев для анабиоза. Вы это имели в виду?

— Да, — еле слышно прошептала Марианна. Ее полные губы вздрогнули. — Я хочу перейти в будущие века...

— Какой же срок вы избираете?

— Я... не знаю...

Врачи удивленно переглянулись.

— Что это значит? — спросил усатый врач. — В чем, собственно, причина вашего желания уйти из нашего времени?

Марианна подавила волнение, постепенно успокоилась.

— Я невеста Георгия, — сказала она, — командира внегалактической экспедиции. Вы, вероятно, знаете его?..

— Кто же на Земле не знает Георгия? — тихо ответила женщина-врач. — Но почему вы не полетели с ним?

— Это было невозможно. Я пыталась, но безуспешно. Да... Что я хотела сказать? Вот. Я люблю его. Но ведь мы никогда не встретимся, если я буду продолжать жить. Я не могу жить без него... и прошу... усыпить меня. И воскресить тогда, когда Георгий вернется с Большого Магелланова Облака.

Женщина-врач слабо улыбнулась, сняла очки, протерла их:

— Но ведь и нас тогда не будет. Вы же знаете, что экспедиция вернется не раньше чем через три тысячи лет...

— Передайте мое завещание будущим поколениям врачей, — упрямо сказала Марианна.

Седой врач пожал плечами, переглянулся со своими коллегами.

— Но даже в состоянии анабиоза ваш организм не проживет так долго. Нет. Безусловно нет... Вот разве новые опыты?..

— Какие опыты?

— Бесконечно долго хранить человеческое тело с жизнеспособной потенцией можно лишь в состоянии искусственной клинической смерти, но ведь...

— Пусть будет смерть, — сказала Марианна. — Лишь бы дождаться его...

Наступила тишина. Усатый врач поднялся и торжественно произнес:

— Один из основных пунктов Великой Хартии Мира гласит: «Любое желание человека, если оно не противоречит разуму и не приносит вреда обществу, священно». Я согласен!

Медленно встала женщина, положила руку на черноволосую голову Марианны.

— В морально-этических заповедях Великой Хартии сказано: «Целесообразность любого действия, продиктованного подлинной человеческой любовью, не может ставиться под сомнение». Я согласна.

К Марианне подошел высокий ученый, молчавший до сих пор. Его пристальный взор остановился на бледном лице девушки.

— Вы хорошо обдумали свой шаг? — спросил он.

— Да.

— Может быть, это лишь порыв? Может быть, вы не совсем осознаете то, что вот теперь добровольно отказываетесь от солнца, цветов, друзей, родных и знакомых, от всего того, что называется жизнью? Может быть, вы забыли о том, что воскреснете в такое время, когда вокруг вас будут совершенно чужие люди, новые, далекие поколения?

Марианна вспомнила разговор с Георгием на островке среди Днепра. В ее сознании всплыл его восторженный голос:

«Пройдут тысячелетия. Земля объединится с иными мирами. Вся Галактика станет единым организмом, затем Метагалактика... и вся беспредельность. Ты понимаешь, Марианна? От Альфы — к Омеге! От первой капельки жизни — к бесконечности! Вот наш путь — путь разума. Нет, о какой же смерти можно говорить!»

Марианна улыбнулась. Спасибо тебе, возлюбленный. Я слышу тебя, я понимаю тебя. Да, смерти нет! Есть только восхождение к истине. А это восхождение требует жертв и сил...

Девушка ясным взором посмотрела на врачей, покачала головой:

— В том мире я не буду несчастной. Там будет он, Георгий! И не чужие люди будут жить в том мире, а наши с вами потомки. Все. Я твердо решила...

Ученый отступил назад, склонил голову и взволнованно произнес:

— Я согласен.

— Согласны, — подтвердили все члены совета.

Марианна побледнела. Ее судьба была решена. Она уходила сквозь тьму времени навстречу возлюбленному...

На границе Галактики

Проносились океаны времени. «Разум» останавливался во многих звездных сгущениях Галактики, проводил исследования цефеид, карликов, туманностей и планет. Фильмотеки звездолета пополнялись бесценной научной информацией. А космонавты по-прежнему жаждали главного — встречи с высокой цивилизацией. Но пока что этой встречи не было. Пока что они обнаруживали лишь планеты с примитивной жизнью — мыслящему существу здесь предстояло формироваться еще целые тысячелетия.

Закончив исследования гравитации сверхтяжелой звезды, космонавты решили направиться к границам Галактики. Перелет в соседнюю Галактику был главным заданием Земли.

Автоматы, получив программу, включили защитное поле. Звездное небо исчезло в перископах. Вокруг плыла серая мгла. «Разум», изолированный от сил мирового тяготения, начал набирать скорость. А впрочем, была ли это скорость? Точнейшие исследования, проведенные экспедицией, проливали новый свет на сущность движения со сверхсветовой скоростью. Аналитические автоматы показывали, что в силу вступают новые, неведомые на Земле законы взаимодействия вещества и поля. Грядущей науке предстояло расшифровать эти драгоценные сведения, накопленные экспедицией. Но сейчас было ясно одно: звездолет развивал скорость, которая превышала скорость света в миллионы раз.

Георгий, борясь с головокружением, взглянул на Джон-Эя. Тот, как и раньше, сурово и спокойно смотрел на приборы, только по его худому лицу катились капли пота. Порой в перископах мелькали размытые светлые линии — следы звезд, вернее их полей. Некоторые из них проходили совсем близко от трассы звездолета. В эти мгновения приборы вспыхивали тревожным багровым светом, а лицо Георгия каменело.

— При малейшем нарушении в защитном поле, — прошептал Джон-Эй, — нас разорвет гравитацией...

Георгий не успел ответить. «Разум» тряхнуло с такой силой, что в глазах у космонавтов потемнело.

— Полная защита! — прохрипел командир задыхаясь.

Удары усилились, быстро нарастала температура. Послышались тревожные сигналы из центральной каюты:

— Температура восемьдесят! Охлаждающая установка не помогает!

— Люди теряют сознание!

— Катастрофическая жара!

И вдруг все переменилось. Исчезла невероятная тяжесть, установилась нормальная температура. Георгий, еще не придя в себя от потрясения, бросился к приборам. Они показывали, что звездолет невредим и продолжает полет между полями Галактики с нужной скоростью.

Джон-Эй настроил роботов-помощников, чтобы они продемонстрировали работу приборов во время прохождения катастрофического участка. И перед космонавтами возникло изображение огромной красной звезды — она приближалась, заполняла весь экран. Штурман выключил проектор.

— Все ясно, — сказал он. — Мы прошли сквозь фотосферу красного гиганта... Еще несколько минут — и поле не выдержало бы!

— Что бы там ни было, — заключил Георгий, — нашему звездолету цены нет...

Приборы показывали, что «Разум» вышел на границы Галактики. Автоматы начали торможение. Здесь предстояла последняя остановка перед рывком в Большое Магелланово Облако. Могучие потоки энергии, извергавшиеся в направлении полета корабля, замедляли его движение.

Проходило удивительное время — короткое в звездолете, необъятное в окружающих системах. «Разум» летел уже с обычной крейсерской скоростью межзвездных кораблей.

Джон-Эй выключил защитное поле. В перископах возник невиданный людьми Земли рисунок звезд. Они образовали гигантскую серебристую спираль, которая заполняла все небо. А впереди, на центральном экране, уже вырастала новая Галактика — Большое Магелланово Облако.

Левее курса звездолета приветливо сиял красный диск одинокой звезды. Георгий довольно улыбнулся и, указав на нее Джон-Эю, сказал:

— Это безусловно старая звезда. Если там есть планеты и жизнь, они достигли высокого уровня цивилизации. Мы исследуем эту систему.

— Ты хочешь здесь остановиться?

— Да. Это будет наша последняя остановка в пути к соседней Галактике. Здесь мы проведем некоторые исследования и проверим все наружные системы звездолета. После встречи с красным гигантом это необходимо сделать.

Автоматы вновь получили указания замедлить молниеносный полет корабля...

Мир красного карлика

Красная звезда увеличивалась. Она быстро вырастала на экране и наконец превратилась в багровый диск, который заполнил половину небосвода. Однако, несмотря на огромные видимые размеры звезды, радиацию она излучала слабую. Это отметили роботы-помощники. Звезда принадлежала к классу красных карликов.

Послышались сигналы автоматов-радиотелескопов. Георгий включил экраны. На черном фоне показалась планета, затем

вторая. Звезда имела два темных спутника. На каком же из них есть жизнь?

Роботы-помощники по программе Джон-Эя производили расчет. Вскоре выяснилось: нормальная жизнь может быть лишь на ближайшей к светилу планете. Там достаточно тепла и кислород сохранился в довольно густой атмосфере.

— Ты был прав, — произнес повеселевший Джон-Эй. — Я уверен, что здесь мы кое-кого встретим...

— Тогда на посадку?

— Да.

Звездолет вошел в спираль снижения. Гравиметры показывали, что планета лишь в полтора раза массивнее Земли, поэтому вес на ней ненамного превышает нормальный.

Из-за красноватых туч, застилавших поверхность планеты, выглянули небольшие водоемы, полосы растительности, темные пятна не то построек, не то развалин. «Разум» вошел в атмосферу и с пронзительным воем помчался над затененным полушарием нового мира. Сердце Георгия сжалось от смутного предчувствия. Чуждой и неприветливой показалась ему внизу, во тьме, поверхность планеты.

Снова издалека появилась красная полоса — линия терминатора, а затем выплыл из-за горизонта диск угасающего светила. Непрерывно падавшая скорость звездолета снизилась до нуля — корабль повис над коричневой пустыней и медленно опустился на широкую равнину.

В перископах пламенел кровавый рассвет. Где-то на горизонте темнели не то зубцы далеких гор, не то массивы дремучих лесов. Небо было темно-синим, и по нему быстро проносились багровые тучи, напоминавшие уродливые космы сказочного чудовища. На всем здесь лежал отпечаток неумолимой смерти, медленного угасания и какого-то необъяснимого ужаса.

Георгий и Джон-Эй некоторое время угрюмо наблюдали в перископы безрадостные пейзажи чужого мира. Потом командир переглянулся со штурманом, пожал недоуменно плечами, сказал:

— У меня складывается впечатление, будто здесь прошла какая-то адская, всепожирающая машина... Посмотри, мне кажется... это не натуральная пустыня...

Джон-Эй сурово смотрел на равнину. И у него не лежала душа к этой планете, однако Георгию он сказал:

— Может быть, это впечатление вызвано нашей усталостью после полета? Может быть, мы приземлились в невыгодном месте? Ведь во время снижения была видна растительность и сооружения. По-моему, необходимо исследовать планету.

— Да, это верно. Не будем терять времени. Соберем товарищей. Приготовим экспедиции. Отдохнем — и в путь. Я останусь на звездолете, проверю все механизмы. Ты поможешь мне.

Джон-Эй умоляюще посмотрел на командира:

— Нет, Георгий, я пойду с друзьями. Мне очень хочется посмотреть этот мир. Да и, может быть, встретим кое-кого...

— Вечный странник! — засмеялся командир. — На какой планете тебе ни приходилось бывать, ты, кажется, не упускал ни одного такого случая. Ну, так и быть, иди. А теперь — к друзьям...

...После короткого совещания и отдыха космонавты приступили к сборке вездеходов. Несколько часов работы, — и рядом с кораблем выросли две мощные машины. Одна — закрытая, с надежной биологической и магнитной защитой, с передающими установками.

В каюте появился Джон-Эй. Он был облачен в теплый защитный комбинезон. Георгий критически осмотрел его, сказал:

— Захвати биомаску. Мы не знаем, какие здесь бактерии. То же сделать остальным. И еще... оружие...

— Ты думаешь...

— Не знаю, — уклончиво сказал Георгий. — На всякий случай.

— Хорошо, — серьезно ответил штурман. — Мы возьмем...

Георгий обнял товарища, крепко прижал к груди. И почему-то в сознании мелькнуло лицо Марианны, до боли родное, всегда волнующее. Видение было настолько реальным, что командир вздрогнул.

— Что с тобой? — встревожился Джон-Эй.

— Ничего, — прошептал Георгий. — Понимаешь... почему-то вспомнилась Марианна... и я увидел ее. Ты не будешь смеяться? Правда?

— Нет, — ласково и грустно сказал Джон-Эй. — Я не буду смеяться, друг. Я понимаю... все... Но вспомни, что на Земле прошли уже тысячелетия. Нет никого из тех, кто провожал нас. Марианны

тоже. Забудь о том, что было когда-то. Нам надо думать о будущем...

Георгий закрыл глаза, помолчал. Покачал головой:

— Нет... Нет. Ее не забыть никогда...

Как бы стряхивая что-то, он выпрямился, ясным взором посмотрел на товарища:

— Пора...

Джон-Эй ушел.

Красная звезда висела в зените. Георгий включил аппараты внешнего обзора. Возле звездолета появился Джон-Эй с группой товарищей. Снаружи до командира доносились тонкий вой ветра и приглушенный говор космонавтов. Послышалась команда Джон-Эя:

— По машинам!

Космонавты с радостью бросились к вездеходам. После долгого пребывания в звездолете хотелось новых впечатлений, разнообразия.

Меньшую машину вел Борислав. С ним ехали Вано и Антоний. Орамил и Тавриндил отправились с Джон-Эем. Садясь в вездеходы, космонавты приветственно подняли руки, прощаясь с командиром. На их лицах поблескивали маски с огромными очками, на груди у каждого висели тяжелые излучатели.

— Не унывай, командир! — закричал Вано. — Скоро вернемся с делегацией местных обитателей! Готовь закуску для гостей!

— Счастливой дороги, друзья! — загремел ответ Георгия в динамиках машин.

Вездеходы бесшумно тронулись с места, вздымая гусеницами густую рыжую пыль, уносимую ветром. Багровый диск звезды быстро садился за горизонт, освещая тусклым светом мрачный пейзаж. День был на исходе.

Тревога охватывала душу Георгия. Он не мог понять, откуда она. Ведь ничего не случилось. Все в порядке...

Командир сидел у пульта и смотрел, как исчезали в красной полутьме два вездехода, увозя товарищей навстречу неизвестности...

Железное войско

Вездеходы ушли по разным направлениям: Борислав — на север, Джон-Эй — на восток.

Штурман направился к отрогам горного хребта, видневшегося на горизонте. В той стороне он при снижении заметил какие-то сооружения. Джон-Эй и его спутники с удивлением и тревогой смотрели на простиравшуюся равнину. Среди рыжих песков кое-где виднелись остатки развалин и островки пепла. Угрюмое освещение звезды придавало всему какой-то зловещий характер. Космонавты молчали, подавленные непривычным пейзажем.

Так прошло около часа. Вдруг Тавриндил коснулся руки штурмана, показал вперед:

— Сооружение. Настоящее... и целое.

Действительно, на горизонте появилось куполообразное строение, тускло поблескивавшее в лучах заката. Вездеход, вздымая гусеницами тучи песка, быстро приближался к странному зданию.

Джон-Эй остановил машину. Моторы умолкли. И тогда ясно послышался вой ветра, выдувавшего грязную пыль из рыжих холмов. Эти звуки были неприятны и зловещи в наступившей тишине.

— Да, это постройки разумных существ, — без всякого воодушевления произнес Джон-Эй. — Только не нравятся они мне...

— И мне тоже, — пробормотал Тавриндил. — Пустыня, сожженная равнина... и вдруг это сооружение. Не идет ли здесь война?..

Штурман помолчал, размышляя. Затем решительно сказал:

— Ждать нечего. Мы обязаны идти вперед. Для этого мы здесь. Тавриндил! Ты останешься, а мы с Орамилом пройдем пешком. Включи телескопическую связь.

Захватив излучатели, космонавты вышли наружу. Дверцы вездехода захлопнулись с глухим стуком. Штурман и Орамил быстро зашагали к сооружению, на ходу обмениваясь мнением о загадочной планете.

— Непонятно! — воскликнул астроном. — Огромная пустыня, усеянная пеплом и развалинами... и это гигантское сооружение. Одно свидетельствует о жестокости и безумстве, второе — об интеллекте и разуме! Какая-то загадка...

Когда они уже были примерно в ста метрах от постройки, Джон-Эй замедлил шаг и дал знак остановиться. Его опять начало угнетать какое-то тяжелое предчувствие.

Вдруг у основания куполообразного строения открылись черные люки. Орамил схватил штурмана за руку:

— Что это?

Джон-Эй не успел ответить. В наушники ворвался тревожный голос Георгия:

— Товарищи! Назад! Опасность! Здесь враги!

В ту же секунду из темных отверстий как бы выплыли сотни чудовищных существ. Да существ ли? Красная звезда, падая за горизонт, заливала багровыми лучами равнину, и путешественники ясно различали кровавые отблески на округлых металлических «телах». А может быть, это машины, в которых прятались разумные существа? Длинные ряды непонятных машин выстраивались перед сооружением — «ангаром».

Космонавты неуверенно попятились назад. Снова издали донесся голос командира:

— Они напали на машину Борислава! Бегите, друзья! В случае чего пускайте в ход оружие!

Но не успели космонавты отбежать и десятка шагов, как огромная лавина машин колыхнулась и неслышно двинулась на них. Их полусферические тела будто плыли в ореоле мягкого сияния над пустыней, поддерживаемые в воздухе неведомой силой.

— Это ужасно! — прошептал Джон-Эй. — Мы даже не знаем, с кем имеем дело...

— Будьте осторожны, друзья!.. Будьте осторожны! — звучал издалека голос Георгия.

Сердца космонавтов сжались в предчувствии беды. Непонятные адские машины неумолимо надвигались. Уже заметно было, как под их полупрозрачным покрытием спиралью переливается фиолетовая жидкость. Что за наваждение? Не более ста метров уже разделяло беглецов и преследователей.

— Приготовить оружие! — приказал Джон-Эй.

А железное войско все приближалось, охватывая кольцом медленно отступавших космонавтов...

Битва

Проводив товарищей, Георгий задумался, глядя в туманную даль. Ему не нравилась эта планета, не по душе ему было все то, что он увидел, наблюдая ее из звездолета. Почему, он не мог сказать, но подсознательно возникшее чувство смутной тревоги его не оставляло.

Медленно и томительно тянулось время ожидания. Обе группы сообщили, что вокруг все та же пустыня — ничего отрадного, ничего интересного пока не видно. Но вскоре началось что-то страшное.

Борислав сообщил о встрече не то со странными машинами, не то с живыми существами, остановившими продвижение вездехода. То же самое подтвердил Джон-Эй. Попытки связаться с представителями этого мира оказались безуспешными. Георгий приказал отступить.

Он включил телесвязь. Над пультом зажглись экраны. На них возникло изображение мрачной пустыни, над которой медленно, но неуклонно плыли лавины металлических чудовищ, окружая людей.

В крайне тяжелом положении оказалась группа Джон-Эя. Между вездеходом этой группы и чудовищами осталось пространство метров в сто. Георгий видел двух людей на фоне целой армии страшилищ, и ему стало ясно, что товарищам не уйти.

«Эх, если бы...» — подумал командир. И, словно приняв его мысль, Орамил решительно остановился и произнес:

— Джон-Эй, я задержу их. Беги под защиту машины!

— Нет! — воскликнул штурман.

— Беги! — умоляюще повторил Орамил. — Ты штурман! Не забывай о задании Земли. Прощай, друг!

— Благодарю тебя, брат! — крикнул командир. — Джон-Эй, приказываю уходить!

После мгновенного колебания штурман, обняв товарища, побежал к вездеходу. Орамил остановился, приготовив тяжелый излучатель. Остановилось и железное войско.

Но вот над средними машинами появились параболические антенны в зловеще алом сиянии. Георгий увидел это и понял, что сейчас что-то произойдет.

— Орамил! Будь осторожен! — воскликнул он.

Яркие фиолетовые молнии ударили с верхушек антенн. Орамил зашатался. Вскрикнув от боли, он опаленными руками поднял раструб излучателя. Невидимые концентрированные потоки энергии хлынули на центр металлической армии. Там, где они прошли, машины вспыхнули ярким

пламенем, превращаясь в куски оплавленного металла. Фланги войска остановились. Но вдруг все машины ощетинились антеннами и ураган фиолетовых молний устремился к Орамилу.

Георгий зажмурил глаза, ослепленный светом ярких лучей, а когда снова посмотрел на экран, то на песке пустыни, там, где только что стоял Орамил, чернела кучка пепла. Волна отчаяния захлестнула Георгия. Все пропало! Какая ужасная трагедия! Это не мыслящие существа, это не живые создания! Это какие-то демоны выползли на страшную равнину!

А кольцо чудовищ уже замыкалось вокруг вездехода. Джон-Эй едва успел добежать до него и вскочить в открытые дверцы. Сильные руки Тавриндила подхватили тяжело дышавшего товарища.

— Защиту! — прохрипел Джон-Эй. — На полную мощь! Излучение по чудовищам... и немедленно к звездолету!

Тавриндил включил двигатели. Вездеход рванулся прочь от места схватки. Джон-Эй с отчаянием переключил почти всю энергию машины на излучатели. Стволы-рефлекторы нацелились на передовые ряды железного войска. Могучие лучи скользнули по чудовищам. Вспышка невероятной силы осветила пустыню. Горели в пламени взрывов сотни преследователей. Но из мрака выползали тысячи новых машин, продолжая преследование.

Георгий, холодея от ужаса, посмотрел на второй экран. Там положение было не лучше. Железные армии полностью отрезали вездеход Борислава от звездолета. Эта машина не имела энергетической защиты, и ее участь была предрешена.

Окаменевший от горя Георгий видел, как в потоках фиолетовых молний гибнут его товарищи. Видел, но ничего не мог сделать, ничем не мог им помочь. Его спутники превратились в пепел на далекой планете, за десятки тысяч парсеков и тысячи лет от родной Земли.

А тем временем к звездолету приближался уцелевший вездеход, окруженный мощным полем защиты, и в нем были два космонавта, оставшиеся в живых. Их преследовала многотысячная армия железных чудовищ, обстреливая убежище людей потоками молний. Но страшные разряды не проникали сквозь невидимую броню вездехода. Джон-Эй, изнемогая от жары, оглядывался назад. Если поле не выдержит, тогда конец! Георгий останется один! Один во всей Вселенной!

Наконец во мраке вырисовался силуэт звездолета. Внизу уже темнел вход, заблаговременно открытый Георгием. Вездеход, круто развернувшись, остановился. Туча пыли взметнулась над ним. В то же мгновение Джон-Эй ощутил адскую жару. Вездеход окутал океан фиолетового пламени.

«Исчезло защитное поле!» — с ужасом подумал штурман. Резким движением он включил внешние излучатели. Вокруг загрохотало. Превозмогая страшную слабость, Джон-Эй открыл дверцу.

— Скорее, Тавриндил! — крикнул он.

Никто не откликнулся. В отблесках пламени штурман увидел открытые мертвые глаза астронома. Джон-Эй вывалился из вездехода и подполз к кораблю. Он уже почти ничего не слышал, не видел.

Когда последний оставшийся в живых член экспедиции вполз в люк и вход за ним закрылся, все пространство пустыни озарилось пламенем фиолетовых разрядов. Бешеные потоки энергии ринулись на последний оплот людей. Но корабль уже был вне опасности.

По команде Георгия автоматы включили защитное поле, отрезав корабль от внешнего мира. Затем голубая тень промелькнула среди багровых туч, унося двух космонавтов с планеты ужаса и смерти в бесконечные провалы Космоса...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЦАРСТВО ЖЕЛЕЗНОГО ДИКТАТОРА

Большое Магелланово Облако

Открыв глаза, Джон-Эй увидел лицо Георгия, похудевшее, изможденное, с неподвижным, стеклянным взглядом. Командир, застыв, как изваяние, смотрел в пространство, где ярко сияли звезды Большого Магелланова Облака. В их призрачном освещении он был похож на мертвеца.

Сознание вернулось к штурману, и ужасные картины трагедии мгновенно всплыли в его памяти с потрясающей четкостью. Он застонал от боли, тихо позвал:

— Георгий...

Командир молчал.

— Георгий. Ты слышишь меня?

Георгий приблизил к Джон-Эю свое лицо и, уставившись на штурмана обезумевшими глазами, прохрипел:

— Что тебе?

— Скажи... Георгий, это было?.. Или это сон?

Георгий не ответил. Он уронил голову на пульт и зарыдал. Штурман печально смотрел на него, не утешал, не произносил ни слова. Он ждал. Он понимал, какие чувства обуревают командира, потерявшего в одно мгновение почти всех друзей.

Шло время. Спокойно светились звезды в темном пространстве. Наконец штурман нарушил молчание:

— Пора возвращаться, Георгий...

Командир медленно повернулся к товарищу, посмотрел на него. Взгляд его был сух и суров.

— Возвращаться? Куда?

— На Землю... на родину, Георгий...

— На Землю? — спросил командир. — А задание Земли? Мы разве выполнили его?..

— Задание? — горько усмехнулся Джон-Эй. — О каком ты задании говоришь... командир! Не о том ли, которое вдевятером не осилили? И ты вздумал выполнить теперь, когда нас осталось двое?

Георгий выпрямился. В подернутых какой-то тенью голубых глазах сверкнула решительность, губы сжались в упрямую линию.

— Нет! На Землю мы теперь не вернемся, Джон-Эй. Разве ты не чувствуешь, что сейчас на нас легла еще бо́льшая ответственность? И за себя... и за погибших! Нет! Мы выполним свой долг до конца!..

Понизив голос до шепота, он склонился к Джон-Эю и с мольбой посмотрел ему в глаза:

— Я прошу тебя, Джон-Эй... Это моя единственная просьба. Я заклинаю тебя. Если кто-либо из нас погибнет, второй доведет все до конца. А если и второй должен будет... умереть, он даст задание автоматам. У нас накопились бесценные материалы по всему курсу, и звездолет должен вернуться с ними на Землю. Наша смерть... смерть друзей... труд многих тысяч людей, готовивших нашу экспедицию, — все это не должно пропасть даром.

Джон-Эй крепко обнял Георгия, прижался к нему. Серые всегда суровые глаза штурмана мягко засветились.

— Прости меня, Георгий, я говорил вовсе не то, что думал. Возможно, это было жестоко с моей стороны, но я полагал, что тебя нужно было крепко встряхнуть и вывести из оцепенения. Но теперь я вижу, что ты стал прежним Георгием, и я счастлив. Я готов ко всему, друг мой...

Снова были проведены расчеты, автоматы получили программу. Защитное поле окружило звездолет. Предстояло проскочить бездну, разделяющую две галактики. «Разум» задрожал, набирая скорость, пожирая биллионы километров в секунду. Где-то позади осталась страшная планета, на равнинах которой развеян пепел друзей. Невероятно! Непонятно! Чем оправдать эту смерть, как?..

Еле слышно пощелкивали приборы, спокойно мигали глазки роботов-помощников. Космонавты неподвижно лежали в креслах, погруженные в тяжелые думы. Наконец Джон-Эй произнес:

— Что э т о было... как ты думаешь?

— Не знаю... Во всяком случае, не живые существа... не люди. Наверное, какие-то аппараты, управляемые с далекого расстояния... или роботы. Иначе нельзя объяснить эту бессмысленную жестокость, это полное отсутствие страха... Конечно, это были машины...

— Но ведь существа, создавшие машины столь высокой техники, должны отличаться не менее высоким интеллектом. Как же могут люди высокой цивилизации расправляться так беспощадно с другими людьми? Что, наконец, их толкает на это варварство?

— Кто его знает? Кто нам об этом скажет? Да и наличие интеллекта ничего еще не значит. Вспомни историю Земли... Разве видные ученые не отдавали свой гений для создания орудий уничтожения? И здесь происходит то же самое. Ты видел пустыню? Ведь она не порождение катаклизма. Совершенно очевидно, что эта местность превратилась в пустыню после разыгравшихся здесь сражений.

Они снова замолчали, осмысливая происшедшее. Так прошло несколько часов. И вот прозвучал сигнал контрольного робота. Защитное поле исчезло. В перископах засверкали такие яркие звезды, что стало больно глазам. «Разум» вошел в большое

шарообразное скопление на границах Большого Магелланова Облака. Рядом во всем великолепии сияла родная Галактика, видимая под небольшим углом к экватору. В центре, где сосредоточились десятки миллиардов звезд, пылало сплошное сияющее пятно, прорезанное в нескольких местах полосами пылевой материи. В сторону уходили сияющие спирали, словно крылья сказочной птицы, устремленные в темные пропасти пространства.

Космонавты обнялись, молча, без слов поздравляя друг друга. Затем, не сговариваясь, остановились перед фотографиями друзей, помещенными на стене левее пульта. Джон-Эй первым затянул охрипшим голосом «Гимн погибшим космонавтам». Георгий подхватил. Голоса двух одиноких людей зазвучали в тиши Космоса, за сотни тысяч световых лет от родины...

Тем временем роботы-помощники провели необходимые исследования окружающих звезд. Они определяли возможность жизни в этих системах. Одна за другой отпадали близкие системы кратных звезд, цефеид, новых. Возле них высокоорганизованной жизни быть не могло. Наконец роботы отыскали то, что нужно. Космонавты, услышав сигнал, подошли к экранам.

Роботы отметили голубую крупную звезду, вокруг которой вращались на больших расстояниях двадцать семь планет с огромным количеством спутников. Судя по данным анализатора, жизнь была возможна не менее чем на десяти планетах. Более близкие были лишены атмосферы. Сильная радиация голубого светила уничтожила газовые оболочки и превратила планеты в раскаленные мертвые миры. Разумная жизнь могла существовать только на планетах внешнего пояса.

Космонавты с восторгом смотрели на гигантскую систему. Это было необыкновенно красивое зрелище. Вид голубой звезды в окружении двадцати семи планет и сотен спутников вызывал чувство восхищения.

— Там безусловно обитают живые существа, — тихо произнес Георгий. — И они, должно быть, прекрасны, Джон-Эй...

Штурман печально склонил голову.

— Каким бы это счастьем было для наших друзей, будь они живы! Они так мечтали встретить новый, сказочный мир!..

Космонавты помолчали, как бы отдавая дань погибшим. Затем сели в кресла, приготовились к полету в систему голубой звезды...

Субсветовая скорость звездолета была погашена. Автоматы направили его к пограничной планете, где предполагалась разумная жизнь. Началось торможение. И вдруг какая-то чудовищная сила подхватила звездолет и, как щепку, понесла в направлении планеты.

Георгий и Джон-Эй, напрягая всю свою волю, пытались осмыслить происходящее. Они видели, что, увлекаемый неведомой силой, «Разум» летит навстречу катастрофе. Но что-то затуманивало их сознание и лишало воли к сопротивлению.

Необъятный мрак надвинулся и поглотил их...

Железный диктатор

Джон-Эй ощутил слабое дуновение ветра. Глаза не открывались, он не мог поднять отяжелевшие, словно свинцом налитые веки. Послышался шорох.

Казалось, над головою шумит листва деревьев. Где же он? Что с ним? Кто его перенес в лес? Кроме ветра, не слышно было никаких звуков. Безмолвие.

Кто-то тихо застонал. Голос был знакомый, но, кому он принадлежит, Джон-Эй никак не мог вспомнить. Он решительно обо всем забыл, как это нередко случается с человеком, перенесшим тяжелую болезнь.

И вдруг прошлое появилось из мрака забытья, точно вешние воды, прорвавшие запруду. Джон-Эй вспомнил все — их полет в бесконечность, неравный бой с чудовищными машинами, неожиданную и непонятную катастрофу в системе голубой звезды, наконец, падение звездолета. Но как они остались в живых? Неужели «Разум» не разбился? Неужели выручили автоматы? Но где тогда Георгий? Он должен быть в кресле справа. В кресле? Но ведь и он, Джон-Эй, не ощущает ни кресла, ни вообще атмосферы звездолета... Откуда эта струя воздуха? О, если бы поднять невыносимо тяжелые веки!

Внезапно Джон-Эй почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Этот взгляд гипнотизировал его, заставляя подняться. И вот, преодолевая страшную тяжесть, штурман открыл глаза.

Яркие лучи ослепили его. Он прикрыл глаза ладонью и далеко вверху увидел легкие перекрытия прозрачного купола. На

бледном фоне неба пылал небольшой диск голубого солнца. Левее штурман увидел свой корабль — весь в ржавых пятнах.

Превозмогая боль, Джон-Эй уперся руками об пол и медленно приподнялся. Рядом с ним лежал Георгий. Глаза командира были закрыты, но грудь слабо вздымалась. Значит, он жив...

— Георгий, — тихонько позвал Джон-Эй.

Веки Георгия вздрогнули, поднялись. Он с удивлением посмотрел на товарища, заметил звездолет и, недоумевая, оглянулся вокруг.

— Что это значит?

Ответа не было. Космонавты лежали в колоссальном помещении. Его прозрачный купол уходил ввысь по меньшей мере на полкилометра. Стены здания терялись в серебристом мареве. А прямо перед людьми торчал диковинный аппарат, очертаниями своими напоминавший срезанную сферу. Внутри аппарата, за его прозрачной оболочкой, дрожали фиолетовые спирали, а у основания поблескивали разноцветные огоньки. Верхушку сферы венчала параболическая антенна очень сложной конструкции.

За этим аппаратом тянулись рядами тысячи полусфер, точь-в-точь таких же, как на той планете, где в борьбе с чудовищными машинами погибли пять их товарищей и только чудом спасся Джон-Эй.

— Копия тех же машин, — прошептал Георгий. — Здесь, несомненно, какая-то связь. Но должна же быть и разумная сила, которая создает эти чудовища?

Как бы отвечая на высказанную Георгием мысль, разноцветные огоньки у основания большой сферы вспыхнули ярче, и космонавты почувствовали, как безжалостная рука, проникая под черепную коробку, ворошит мозг холодными щупальцами. Это было ужасное, ни с чем не сравнимое ощущение. Георгию показалось, что в одно мгновение перед ним промелькнула вся его жизнь, все, что он пережил в детстве, юности и зрелом возрасте. Затем хаос видений исчез, затуманился. Чужая властная воля подняла людей с пола, поставила на ноги.

Все было, как и раньше — прозрачный купол, яркое голубое солнце, звездолет и ряды неподвижных машин, — но что-то произошло. В большой сфере прекратилось мерцание спиралей, открылось черное отверстие, и раздался голос, сухой, металлический. Он произнес на земном языке:

— Кто вы?

Люди онемели от неожиданности. То, что машина говорила, не было чудом, через нее могли обращаться к ним разумные существа. Но откуда чудовище знает язык Земли? В сознании Георгия зародилось неясное предположение. Но не успело оно созреть, как послышался новый требовательный вопрос:

— Кто вы? Вот ты, чье имя на твоем языке Георгий. Отвечай.

— Кто спрашивает нас? — в свою очередь, спросил Георгий, придя в себя после первого замешательства. — Почему хозяева планеты скрываются от нас?

— Я говорю с вами, я, который стоит перед вами! — вновь донеслось из пасти аппарата. — Отвечайте: кто вы?

— Мы люди, — резко сказал командир. — Если вы понимаете наш язык, то поймете, что это значит!

— Люди? — холодно переспросила машина. — Вы похожи на идею, породившую меня.

— Какую идею? — удивился Джон-Эй.

— Вот она, смотрите.

С верхушки шара ударил тонкий луч, упавший на прозрачный, переливавшийся мягкими оттенками бледно-зеленый купол, который был расположен в углублении, метров за тридцать от них. За стенами купола на черном пьедестале в немом напряженном ожидании застыла фигура женщины тонкой, одухотворенной красоты. Изящную головку обрамляли пышные золотистые волосы.

— Женщина, настоящая женщина Земли! — прошептал Джон-Эй. — Какое-то наваждение...

— Что все это значит? — воскликнул потрясенный Георгий. — Почему женщина называется идеей? Кто говорит с нами? Где мы?

— Слишком много вопросов, — нетерпеливо ответила машина. — Вы не научились экономить мысль. Я бы и не ответил вам, ничтожные порождения чуждого мира, но мне скучно. Я приглашаю вас к себе.

Георгий протер глаза. Нет, это не сон. Бредовый мир действительно существует.

Вот к людям подплыли две грибоподобные машины, выпустили щупальца, подхватили ими беспомощных космонавтов и через несколько секунд доставили в про-

сторный подземный зал, залитый приятным зеленым светом. Машины исчезли. Вокруг росли диковинные бледно-розовые деревья, распространявшие удушливый аромат, напоминавший запах каких-то ягод. Глубоко вдохнув этот воздух, Джон-Эй закашлялся.

— Такое впечатление, — пробормотал он, — будто меня окунули в густой, липкий сироп...

— Тише! — прошептал Георгий. — Здесь кто-то есть.

В конце длинного прохода, между рядами растений, космонавты заметили нечто вроде трона. На нем кто-то зашевелился, и послышался громкий голос:

— Подойдите сюда!

— Наконец-то! — обрадовался Георгий. — Наконец-то увидим если не человека, то, по крайней мере, разумное существо!

— Не спеши радоваться, — угрюмо заметил Джон-Эй.

Они приблизились к трону, с любопытством разглядывая того, кто на нем восседал. Это был человек иного мира, настоящий человек, но крайне отвратительной внешности, вызывавшей чувство брезгливости. Из-под широкого цветистого покрывала выглядывало коричневое морщинистое лицо. На нем уродливо выделялся крючковатый нос, подслеповатые глаза. По сторонам поблескивали пульты сложных агрегатов. Иссохшая рука урода лежала на диске с многочисленными непонятными знаками. Маленькие, слезливые глаза долго смотрели на космонавтов. Георгий тяжело вздохнул. Что за кошмар?

Но вот уродец зашевелился. Открыл рот. И снова послышался могучий, металлический голос:

— Вы хотели знать, где находитесь?

Люди недоумевали. Неужели этот урод обладает таким высоким, чистым голосом? Но потом они поняли, что его речь может трансформироваться в переводных машинах.

— Да, мы желаем знать все, — твердо ответил Георгий. — Кто вы? И куда мы попали?

Послышался неприятный звук. Казалось, урод смеется. Его веки подымались и снова опускались. Из-под них выкатилась мутная слеза. Наконец раздался тот же мощный голос:

— Скажу. Все скажу. Вы — в центре мироздания. Я — его хозяин. Я и мой железный диктатор, которого вы видели. Он говорит лишнее, его когда-то наделили некоторыми совсем ненужными качествами, но свои обязанности, мою волю он выполняет четко и безошибочно. Так вот. Когда-то на этой планете тоже бурлила никчемная жизнь. Борьба, мечты, стремления, поиски истины. Это был мир хаотических идей. А я — я понял единственно верный путь. Женщина, которую вы видели, выступила против меня. Но я победил. Я и мои друзья. Мы передали функции центрального управления планетой железному диктатору, наделив его способностями мыслить. И я стал выше всех. Я понял, что, по неизменному закону бесконечности, развитие всего сущего так или иначе должно прийти к машинам. На смену смертным существам — мелочным, непоследовательным и вздорным — придут мыслящие аппараты — бессмертные, с железной логикой, с безошибочной реакцией, — придут и покорят весь мир!

— Но ты ведь не машина! — резко перебил его Джон-Эй. — Ты ведь умрешь!

Урод разинул свой кривой, беззубый рот и исторг несколько неприятных гортанных звуков, выражавших, видимо, веселый смех.

— Нет! Я не умру! Я бессмертен. Я и диктатор, мой верный слуга. Став хозяином планеты, я направил его разум во все концы пространства. Я уничтожу жизнь во всей Галактике, а затем перейду к другим мирам. Посмотрите на эту планету! Здесь царит только механический разум. Никакой борьбы, только точное выполнение моих велений! Я оставил в живых одно существо — женщину, которая создала диктатора. Она — олицетворение идеи, создавшей высшую форму разума, подчиняющегося истинной рациональности: истреблению призрачной биологической жизни. И, когда весь бесконечный Космос будет в моих руках, под моей пятой, я швырну эту бесконечность к ногам идеи... Да! Она не понимала этого... Но я докажу ей...

В голосе урода зазвучали нотки горечи. Он опустил трясущуюся голову на грудь, тяжело вздохнул. Георгий, пользуясь паузой, удивленно спросил:

— Но мир ведь бесконечен, следовательно, ты никогда не достигнешь своей цели!

Урод с презрением посмотрел на космонавта.

— Что ты знаешь о бесконечности? В моем распоряжении неограниченные возможности. Ты говорил о смерти? Для меня ее нет. Да, тело мое истлеет, но воля моя, желания мои воплотятся в диктаторе! Хаха! А захочу — он воссоздаст меня! Ты видел, как легко я притянул к планете твой звездолет, как уничтожил на границах Системы твой экипаж, как мгновенно изучил твой мозг и все его содержимое! Что, я вижу, — ты сомневаешься? Так знай же: и ты будешь стоять рядом с этой женщиной-идеей. Ты будешь стоять до тех пор, пока не исполнится моя воля, пока не будет уничтожена жизнь во всей Вселенной. Хаха! Мое могущество необъятно! Хотите, я вам это докажу. Посмотрите, а затем свершится то, что я сказал...

Пораженные космонавты не смогли вымолвить ни слова. Да и времени для этого не было. Сзади появилась грибообразная машина. Она приблизилась к людям, остановилась над ними и выпустила свои щупальца-руки...

Бой в воздухе

Щупальца схватили людей, подняли в воздух. Космонавты почувствовали, как могучая сила стремительно уносит их из подземелья. Мелькнули ряды растений... машины, огромный горб железного диктатора. Вот уже гигантский ангар внизу. Впереди засверкало необъятное пространство неба.

Машина вынесла людей под открытое небо. Они сидели в каких-то креслах, поддерживаемые щупальцами. Внизу мелькали сферические и шарообразные строения. Под прозрачными покрытиями этих своеобразных помещений виднелись ряды станков, машин, аппаратов. Вокруг расстилались пески пустыни, обугленные пни деревьев, занесенные пылью развалины.

— Сплошная пустыня, — прошептал Джон-Эй. — Ни одного деревца! Но куда же несет нас эта железная скотина?

— Ты же слышал, — горько ответил Георгий. — Этот маньяк показывает нам свое могущество.

— Как здешние носители разума могли докатиться до такого вырождения? — возмутился штурман.

— Так может случиться повсюду. И это меня больше всего угнетает. Я не задумываясь отдал бы жизнь ради того, чтобы передать о случившемся на Землю.

— На Землю?

— Да... Диктатор, несомненно, могуч, но разум у него односторонний, и человечество безусловно могло бы уничтожить его страшную силу.

Ряды строений кончились, внизу расстилалась мрачная пустыня, а вдали показались горы. Над самой высокой вершиной гор вздымалась колоссальная решетчатая башня, увенчанная рефлектором. Полусфера снизилась и полетела над полувысохшей речкой, заросшей жалкой бледно-розовой растительностью.

Вдруг Джон-Эй толкнул товарища. Георгий посмотрел на него. Штурман показывал на небольшую антенну машины, которая неизменно была направлена в одну сторону. Менялся курс грибообразного механизма, и тут же автоматически восстанавливалось направление антенны.

— Это не случайно, — сказал штурман. — Совершенно очевидно, что антенна связывает нашу машину с диктатором. Надо сорвать антенну, и мы избавимся от диктатора.

— Но что же можем мы сделать голыми руками?

— Все равно, надо попытаться. Двум смертям не бывать, одной не миновать.

Глаза командира загорелись решимостью. Будь что будет!

Внизу поплыли полосы фиолетовых мхов, появились старинные развалины, заросшие ползучими растениями. Космонавты переглянулись и мгновенно бросились на антенну. Она зашаталась под усилиями людей. Георгий ощутил, как мощный разряд парализует его руки, затуманивает сознание.

— А-а-а! — дико вскричал Джон-Эй, остервенело ломая непрочную конструкцию антенны.

Машина неуверенно закружилась над красными барханами, снова выровнялась.

Проклиная все на свете, Георгий вложил в рывок последние силы и почувствовал, как вместе с обломками антенны и потерявшей управление машиной полетел вниз.

Сознание работало четко. Удар — и тело, скользнув по склону бархана, покатилось в ложбину. Поднялась туча пыли, пе-

сок забил ему рот. Кашляя и отплевываясь, Георгий с трудом поднялся на ноги, оглянулся.

Джон-Эй! Что с ним? Вот он, недалеко, и обезоруженная машина рядом с ним. Превозмогая боль в спине и ногах, командир бросился к товарищу. Джон-Эй не шевелился. Георгий прижался ухом к его груди — сердце штурмана билось. «Жив!» — облегченно вздохнул он. Но лицо космонавта посинело, а на виске темнело багровое пятно.

Георгий подбежал к протекавшему рядом ручейку. Спустился по каменистому берегу к блестевшей зеленоватой воде и жадно припал к ней. Вода была холодная и приятная на вкус. Георгий намочил куртку, сорвал широкий алый листок какого-то неизвестного ему растения, свернул его воронкой и набрал воды. С этой драгоценной ношей он вернулся к товарищу, влил ему в рот освежающую жидкость, приложил мокрый рукав ко лбу. Эта операция отняла у него последние силы, и он тут же свалился рядом с товарищем.

Закрыл глаза. В висках стучала кровь, в голове шумело и толпились хаотичные мысли. Вокруг чуждый мир, чужая планета, машины и ни одного живого существа. Бледное небо и ослепительное солнце. Когда же кончится этот тяжелый кошмар?

Шелест ветра нарушил тишину. С вершины бархана посыпался песок, зашуршал. Больно впился в тело толстый белый листок с шипами. Георгий открыл глаза, посмотрел на Джон-Эя. Товарищ дышал глубже, на лице появился румянец. Надо уходить, не то их настигнет погоня, которую урод не замедлит выслать.

Он затормошил штурмана:

— Джон-Эй! Вставай! Слышишь?

Штурман открыл глаза, застонал. Увидев Георгия, болезненно улыбнулся:

— Живы?

— Живы, друг. Надо уходить!

— Да, понимаю... Помоги мне.

Георгий подхватил товарища, помог ему встать. По дну овражка, не подымаясь на барханы, космонавты побрели к развалинам. Здесь, среди руин, в поисках укрытия, они наткнулись на темно-зеленую стену какого-то ромбического сооружения. У основания стены зияла большая дыра. Все вокруг было покрыто мхом и травой светлых тонов. Космонавты осторожно пролезли в дыру. На черном полу виднелись островки рыжего песка. В промежутках, там, где пол не был покрыт песком, можно было заметить тонкий узор. Тут царил полумрак, ощущалось дыхание прохлады.

Георгий сел на обломок стены.

— Ну, что будем делать, штурман?

— Бороться! — твердо ответил Джон-Эй.

— Бороться? Как?

— Не знаю. Надо подумать. Может быть, нам удастся забраться в ангар диктатора... Может быть...

Он не успел договорить. Снаружи послышался пронзительный свист. Штурман побледнел.

— Что это? — прошептал Георгий.

— Они... Погоня...

В провалах стен промелькнули сверкающие полусферы. Георгий схватил товарища за руку и устремился в глубь помещения. Там они замерли, обессилевшие, уставшие, беспомощные, лишенные малейшей надежды на спасение. Сейчас полусферы нащупают их локаторами — и тогда опять плен...

Вдруг часть стены, к которой они прижались, сдвинулась в сторону, за нею открылось черное отверстие. Несколько человекоподобных существ, вынырнувших из-под земли, схватили людей и потащили их вниз. Стена вернулась на прежнее место, закрыв отверстие. Стало темно. А неизвестные существа молча, мягко, но властно повели Георгия и Джон-Эя по невидимым переходам куда-то в глубь планеты...

Неожиданные союзники

Впереди посветлело. Темная пещера перешла в широкий коридор. К потолку коридора были подвешены голубые шары, из которых струился мягкий свет. Космонавтов окружила толпа настоящих людей, высоких, могучего сложения, с красивыми лицами смугло-розового цвета.

— Они похожи на женщину под куполом, — прошептал Джон-Эй.

— Они принадлежат к одной расе, — ответил командир. — Но я не могу понять, что здесь происходит. Люди под землей. Значит, они скрываются от диктатора. Посмотри, друг... здесь есть освещение, следовательно, и техника...

Джон-Эй не успел ответить. Один из тех, кто привел их в подземелье, молодой,

высокий, с приветливым лицом, поклонившись, указал им на боковой вход. В его ясных глазах светилась тревога и в то же время удивление. Толпа с интересом рассматривала пришельцев, живо переговариваясь на музыкальном, звонком языке. Космонавты последовали за проводником и очутились в большом помещении. Половину его занимало какое-то оборудование, покрытое прозрачными куполами. Стены и пол были черные. С потолка струился неяркий свет.

В конце зала их встретил согбенный старик. Он стоял возле стола, заваленного чертежами, и с удивлением смотрел на прибывших. Морщинистое лицо старика указывало на его почтенный возраст, но взор сиял молодостью и энергией.

Старик произнес несколько слов. Проводник подал пришельцам стулья — низенькие, глубокие. Георгий и Джон-Эй сели, переглянулись.

— Кто он? — вырвалось у Джон-Эя. — Ученый, вождь или правитель?..

Георгий молчал. Старик ткнул себя пальцем в грудь, и с уст его слетела серебристая фраза:

— Ио-тинаас. Ио.

— Ио — это, видимо, его имя, — сказал Георгий, обращаясь к Джон-Эю.

Старик обрадованно закивал головой, притронулся к каждому из гостей и вопросительно на них посмотрел.

Космонавты назвали свои имена. Ио очень старательно повторил их, прислушиваясь к звучанию чужих слов. Затем, не поворачиваясь, потянулся к маленькому пульту, нажал на кнопку. Свет погас. Влево от космонавтов загорелся розовый прямоугольник. На нем появилось изображение планеты, плывущей в пространстве, среди звезд. Ио указал на планету и произнес:

— Лоо-праа.

Планету сменила голубая звезда. Ио указал на нее и сказал:

— Сии-нее.

Показав таким образом несколько изображений и назвав их на своем языке, он повторил демонстрацию тех же изображений и ткнул пальцем в грудь Георгия.

— Он просит, чтобы ты назвал эти изображения на нашем языке, — заметил Джон-Эй. — Но зачем это ему?

— Они наши союзники, — возразил Георгий. — Чем скорее мы поймем друг друга, тем лучше...

Ио ждал, пока гости поговорят. Но вот Георгий повернулся к экрану и начал называть появлявшиеся на нем предметы. Так продолжалось долго. Георгия сменил Джон-Эй. А старый Ио просил людей Земли называть всё новые и новые понятия, неутомимо показывая им сотни и сотни различных предметов, рисунков, изображений. Наконец космонавты так устали, что уже не в силах были говорить. Страшная сонливость навалилась на них, смыкая глаза. Ио заметил это и погасил свет.

В наступившей темноте люди Земли мгновенно уснули...

Очнулись они в тех же креслах. Голубой свет лился отовсюду. Перед ними сидел Ио и ласково улыбался. На маленьком столике стояли две черные тарелки с какими-то желтыми продолговатыми плодами, похожими на аккуратно нарезанные ломти ноздреватого сыра.

— Что это? — удивился Джон-Эй.

— Вероятно, еда, — сказал Георгий, понюхав. — Пахнет приятно. Во всяком случае, отказываться не следует...

Они жадно принялись за еду. Пища оказалась очень вкусной и сытной. Космонавты тут же ощутили ее благотворное воздействие — прояснилось сознание, во всем теле появилась бодрость. Подкрепившись, люди Земли вопросительно посмотрели на Ио. Старик улыбнулся, включил какой-то аппарат и продиктовал несколько слов. Из динамика, рядом с космонавтами, прозвучали земные слова, правда с необычным акцентом.

— Привет вам, братья...

Космонавты не удивились. Они поняли, что Ио специально записывал земные понятия, чтобы разговаривать с помощью переводных машин. Они ответили старику приветствием, поблагодарили за спасение.

— Кто вы, братья? — спросил Ио. — С какой планеты?

— Планеты? — усмехнулся Георгий. — Мы с иной Галактики.

Старик застыл, пораженный.

— Вы храбрые люди, — промолвил он. — Преодолеть звездную бездну ради знания! Это поразительно. Но что же случилось с вами? Где ваш звездолет?

— Там. В сооружении диктатора, — угрюмо ответил Георгий.

— Я так и подумал, — склонил голову старик. — Мы тоже жертвы железного диктатора.

— Но ведь ваша раса создала его! — резко воскликнул Джон-Эй. — И теперь целый мир уничтожен этим чудовищем!

Георгий бросил на товарища укоризненный взгляд. Но Ио не обиделся. Грустно посмотрев на гостей, он сказал:

— Это верно. Я отчасти тоже виноват. Я помогал конструктору этой дьявольской машины...

— Конструктор — женщина? — живо спросил Георгий.

— Да, — с удивлением ответил Ио. — Но откуда это вам известно?

— Мы видели ее...

— Где?

— В помещении диктатора...

Георгий рассказал обо всем, что произошло с ними. О полете между галактиками, о битве на сожженной планете, о живом изваянии, очевидно, усыпленной женщины, которую они увидели на пьедестале под куполом в помещении диктатора, о разговоре с чудовищным маньяком.

Старый ученый, выслушав рассказ Георгия, закрыл руками лицо и заплакал. Люди с Земли с волнением смотрели на него.

— Простите мою слабость. Старость... вот и не выдержал. Эта женщина — мой учитель. Ее имя Сиой, что значит Заря... Она была самым выдающимся ученым нашей системы. Все одиннадцать населенных планет голубого солнца преклонялись перед ее умом. Человек, которого вы видели, — Ро, был помощником Сиой. Но вот что произошло с нею и со всеми нами. Это случилось девяносто лет назад...

Космонавты затаив дыхание слушали страшную повесть о судьбе гигантской системы. Все в этом рассказе было невероятно, противоестественно. Беда свалилась на людей неожиданно. Сиой сконструировала центр управления автоматикой планеты. Это была сложная квантовая машина, наделенная зачатками механического мышления. Благодаря конструкции Сиой обитатели этого мира освобождались от трудоемкой умственной работы, как считали — выходили на светлую дорогу прогресса. И вот Ро предложил Сиой передать машине все функции мышления. Он утверждал, что после этого наступит золотой век, тысячелетия отдыха. Сиой была против опасного проекта. Она считала, что величайшая радость для человека — это мышление, возможность мечтать и осуществлять свои мечты. Тогда Ро пошел на преступление. С группой ученых, его единомышленников, он самовольно изменил конструкцию управляющего центра, придав ему функции универсального мышления. Машине были подчинены вся индустрия и энергетика планеты.

Сиой обратилась к общественности мира. Объединение народов потребовало отстранения Ро от работ в области автоматики. Но... тут-то и произошло самое страшное. Ро пустил в ход огромную армию универсальных полусфер — машин, подчиненных агрегату управления. Человечество было уничтожено. Только небольшая часть ушла под землю. Ро и его единомышленники стали властителями мира. Так появился диктатор.

— Постепенно каста властителей выродилась. Безделье, разврат, никчемная жизнь привели их к гибели. Теперь в живых остался один лишь Ро, которого вы видели. И еще... Сиой. Бедная Сиой! Я знаю, Ро любил ее... Поэтому она сохранена в состоянии анабиоза. Весь мир пал перед волей проклятой машины!..

— Не весь, — возразил Георгий. — Разве мы прилетели не из свободной Галактики?

— Но что вы можете сделать? — покачал головою Ио. — Своей планете сообщить ничего не сможете, сами же беспомощны...

— Но почему вы ничего не делаете? Разве вы совсем безоружны! Я вижу, у вас аппараты, электричество... У вас есть энергия и знание!

Ио поднял руку, тихо ответил:

— Не все сразу. Мы давно готовимся к борьбе. Но для этого нужны сотни лет. Мы не имеем права повторять ошибки...

— Но ведь вы умрете раньше, чем это случится! И не только вы, а и все, кто живет здесь!

— Пусть, — спокойно ответил старик, — зато наши потомки будут свободны.

— Сотни лет! — угрюмо произнес Джон-Эй. — Нам тоже придется сгнить в этих пещерах... А тем временем железное чудовище уничтожит еще множество миров...

— Не о нас речь, — сурово прервал Георгий. — Главное — сообщить на Землю. Мы обязаны вернуться туда живыми или мертвыми... — Глядя в лицо старику, ко-

мандир спросил: — Неужели не найдутся смельчаки... чтобы попытаться сейчас?

Ио с удивлением поднял взор на человека Земли, увидел отважный блеск его синих глаз. Уверенная сила человека Земли, его мужество поколебали старика, заставили задуматься. Он долго молчал, наконец произнес:

— Я догадываюсь, о чем ты думаешь, пришелец. Тебе нужно улететь на родину. Ну что ж, попробуем тебе помочь. Для этого необходимо одновременно уничтожить несколько энергетических антенн в горах Вио-литта, которые являются главными источниками энергии диктатора. Это выведет его из строя, хотя бы на короткий срок. Без приказов диктатора машины мертвы, неподвижны. Вы тем временем успели бы стартовать, если, разумеется, сумеете в нужный момент пробраться в ангар...

Космонавты торжествующе переглянулись. Джон-Эй в порыве радости крепко пожал старику руку. Ио грустно, ласково кивнул:

— Не надо благодарности. Еще ничего не сделано.

Он поднялся с кресла, открыл дверь и кого-то позвал. В зал вошли трое юношей. Голубая одежда плотно облегала их стройные, прекрасные тела. Они сдержанно поклонились гостям, подошли к Ио и остановились перед ним.

— Сыны мои, — тихо начал старик, — вы не знаете, не видели того прекрасного мира, который расцветал здесь до вашего рождения. Вы родились в мрачных подземельях, под гнетом страшного диктатора. Но такая жизнь недостойна человека. Мы готовимся к борьбе за выход к свету. Но к нам попали друзья из далекого мира. Они должны улететь на родину, чтобы сообщить страшную весть своим мирам. Мы обязаны им помочь. Нужны храбрые и мужественные сердца. Быть может, нам удастся и сейчас... Кто знает? И тогда, сыны мои... дети наши будут рождаться под благословенным голубым солнцем, а не в темных пещерах, где тяжело дышать...

Высокий плечистый юноша выступил вперед. Огненные волосы осеняли его открытое лицо, горячие черные глаза метали молнии. Он сказал:

— Отец! Что надо делать и когда? Мы готовы...

. . . . . .

Неудача

Космонавты пробирались глубокими ущельями к резиденции диктатора. Их вел юноша, один из сыновей Ио. Другие уже, наверное, находились в горах Вио-литта, пробираясь к антеннам. В точно назначенный час, когда на небе появится диск спутника планеты Мани-оо, они взорвут энергетические башни, а проводник людей Земли разрушит часть покрытия в ангаре диктатора. Георгий и Джон-Эй проберутся в это время к звездолету, а если обстановка позволит, то уничтожат и самого диктатора.

Ярко сияли звезды на красноватом небе, призрачные тени людей мелькали в песчаных барханах. Где-то вдали мигали лучи света. Там, вероятно, работали какие-то агрегаты.

Наконец юноша остановился. Космонавты увидели прозрачную крышу ангара, где находился диктатор. Юноша приник к земле и знаком показал космонавтам, что и им следует лечь. Они ползли между скалами, осторожно передвигая впереди себя цилиндр со взрывчаткой.

Недалеко от ангара юноша протянул руки в сторону людей Земли и что-то тихо произнес, сделав прощальный жест рукой.

— Имя? Как звать тебя? — прошептал Джон-Эй.

Юноша недоумевающе пожал плечами и беспомощно развел руки.

— Ты забыл, что здесь нет переводной машины, — заметил Георгий.

Юноша исчез между скалами. На горизонте посветлело. По небу поплыли серебристые облака. Затем выкатился огромный бледно-зеленый диск Мани-оо, спутника планеты. Сердца людей забились сильнее.

В то же мгновение глухой взрыв потряс почву. Яркое сияние озарило небосвод и тут же погасло. Темная туча набежала на диск Мани-оо, закрыла его.

Георгий судорожно сжал руку Джон-Эя. Недалеко грохнул другой взрыв, после которого на землю обрушился каменный дождь. Космонавты вскочили на ноги и стремительно бросились к ангару. Навстречу им полз, извиваясь в пыли, юноша. Лицо его было в крови, глаза закрывались. Он что-то сказал на своем певучем языке и, повелительно указав на ангар, рухнул на землю.

— Прощай, друг, — тихо сказал Джон-Эй, и они устремились к пробоине, которая темнела в стене сооружения.

Вбежав в помещение, они в свете звезд увидели силуэт «Разума», окруженный рядами машин, горб диктатора. В ангаре царила мертвая тишина.

— Скорее взрывчатку! — крикнул Георгий. — Пока нет энергии, все эти адские машины не страшны!

Космонавты подбежали к диктатору, готовясь взорвать его. Но вдруг вспыхнуло пламя, озарившее помещение ярким светом, на антенне диктатора засверкали искры, его оболочка заиграла разноцветными огоньками. Люди застыли — парализованные, безвольные.. Туман надвинулся на них, и они, потеряв сознание, провалились в бездну.

Когда очнулись, помещение заливал свет яркого дня. Перед космонавтами попрежнему торчал зловещий шар диктатора, окруженный бесчисленными рядами механических слуг.

— Вот и все, — еле слышно прошептал Джон-Эй.

Рядом с диктатором что-то зашевелилось. От него отделилась и направилась к ним горбатая фигура Ро. Черный рот урода растянулся в торжествующую улыбку. Затем из перекосившейся пасти проскрежетали слова:

— С кем пытались вы бороться, безумцы? Глядите!

Яркий свет дня погас, и перед космонавтами возникла широкая панорама страшного мира машин. Автоматы добывали в подземельях руду, из которой тут же выплавлялся металл, автоматы изготовляли всевозможные детали, конструировали новые машины, новые образцы смертоносного оружия, управляли энергетическими станциями. Без конца автоматы, автоматы, автоматы! И все они подчинялись единой воле — приказам железного диктатора, действовавшего по программе, которую задавал ему Ро. Космонавты увидели, как полчища чудовищных боевых машин отправлялись на звездолетах, во многом превосходивших по совершенству все известные системы, в космические просторы, обрушивались на планеты и жестоко, бессмысленно, методично сметали все на своем пути. И повсюду эти армии сопровождала и направляла холодная, неумолимая воля диктатора.

Георгий застонал. Так вот что ждет планеты во всей Вселенной! Вот какое будущее готовит им диктатор! Ни одного живого существа, ни единого кустика или травки! Только машины, только автоматы!

И снова вспыхнул свет дня.

«Наверное, чудесным был этот мир до воцарения здесь машин», — подумал с тоской Георгий. Его мысли прервал холодный голос Ро:

— Довольно. Надеюсь, вы уже убедились, сколь бессмысленно бороться со мною. А теперь для тебя исчезнет настоящее. Ты восстанешь в мире грядущего только тогда, когда вся Вселенная падет к моим ногам!

Джон-Эй с ужасом увидел, как из глубины помещения поднялись в воздух два аппарата угловатой формы, подплыли к Георгию. Командир успел только протянуть руки к другу, крикнуть:

— Прощай, Джон-Эй!

Механические руки подняли его в воздух, понесли к прозрачному колпаку, под которым на пьедестале стояла золотоволосая женщина, и опустили рядом с нею. Глаза Георгия еще были открыты, но он уже не шевелился. Космонавт застыл с выражением немого укора во взгляде, устремленном вдаль, к сияющему голубому солнцу.

— А тебя, имя которого Джон-Эй, — сказал Ро, — я не уничтожу. Нет! Тебя я отпущу в Космос.

Штурман, как в забытьи, смотрел на Георгия, не мог оторвать от него глаз. Объятый ужасом, он не то не понял, не то не расслышал, что ему сказал Ро. Джон-Эй медленно повернул голову в сторону урода и взглядом, полным ненависти, окинул чудовище...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОДИН СРЕДИ ЗВЕЗД

Посланец в бесконечность

Перед глазами Джон-Эя поплыли разноцветные круги, как бы издалека до него доносились жесткие, замораживающие разум слова Ро:

— Я дарю тебе жизнь, жалкий микроб! Вот твой звездолет — лети к себе домой, если сможешь! И пусть вместе с тобою летит весть о том, что во все концы Вселенной придет воля всемогущего диктатора. Не нужны будут знания, законы, интеллект. На смену всему придет мир бессмертных машин, подчиняющихся чистому разуму! Иди и помни, что я сказал!

Проговорив это, Ро исчез. Вновь заструилось сияние фиолетовых спиралей. Джон-Эй беспомощно оглянулся. Увидел звездолет. Ему разрешено улететь? Он ничего не понимал. Джон-Эй попытался было направиться к «Разуму», но ноги не повиновались. К нему подплыли машины, те, которые унесли Георгия, подхватили под руки и потащили к звездолету. Скорее! Пусть скорее кончается кошмар! Нет, это не кошмар! Джон-Эй явственно ощущал прикосновение механических рук. Штурман повернул голову в сторону Георгия, который неподвижно стоял рядом с прекрасной женщиной — творцом железного диктатора. Прощай, друг! Прощай, командир!

Машины бросили Джон-Эя в люк звездолета, вернулись на место. Люк автоматически закрылся. И тогда ярость закипела в сердце космонавта. Он быстро поднялся в каюту управления, бросился к пульту. Сейчас — возмездие! Он уничтожит излучением проклятого диктатора, чудовище Ро, все это скопище машин!

Джон-Эй включил экраны обзора. Но что это? Вокруг звездное небо, планета далеко внизу, и даже голубая звезда — солнце Системы — быстро удаляется, тает во мраке Космоса. Что это значит? Ведь двигатели не включены! Но тут же в перископах появились какие-то летательные аппараты, которые отваливали от корпуса «Разума». Джон-Эй понял все. Ро предусмотрительно удалил звездолет из пределов своей планеты. Это сделали его слуги — летательные аппараты.

Внезапно штурмана сковало состояние прострации. Почти ничего не осознавая, он потянулся к пульту. Звездолет задрожал — в бешеном ритме заработали двигатели...

Бездна

Уходили секунды, годы, столетия. Для бесконечности это не имело никакого значения. Где-то во Вселенной летел корабль — металлическая коробка с полумертвым человеком внутри. Загорались во мраке и снова угасали галактики — огромные звездные системы; на белых спиралях «Разума» мерцали лучи пролетающих звезд, таяли позади шлейфы гигантских газовых туманностей.

Так было долго, очень долго.

А Джон-Эй лежал неподвижно в кресле, склонившись на пульт. Глаза его были закрыты, челюсти крепко сжаты. Действительность проходила мимо сознания.

Но вот Джон-Эй раскрыл глаза. Долго не мог понять, где он. Недоумевающе смотрел на пустое место командира. Потом его взгляд упал на фотографии друзей на стене каюты. Ему показалось, что глаза Георгия сверкнули веселой улыбкой. И штурман вспомнил все... Вспомнил клятву, которую взял с него Георгий, когда их осталось двое, и это вдохнуло в него свежие силы.

Штурман посмотрел в перископы. Там плыла серая тьма. Значит, защитное поле включено? Кто же это сделал? Когда? Неужели он сам?

Джон-Эй дал задание роботам-помощникам снять защитное поле. В перископах засияли звезды. Они сливались в серебристый шар. Космонавт пристально разглядывал незнакомое расположение звезд. Это не родная Галактика! Куда же залетел «Разум»?

Штурман посмотрел на универсальный хронометр и ужаснулся. Корабль несется во Вселенной уже целых три часа по изолированному времени. Счетно-решающие машины, которые он включил, показали, что «Разум» пролетел не менее пяти миллионов световых лет! Куда же он забрел? Как найти путь назад?

Страх закрался в мужественное сердце Джон-Эя, сжал холодными клещами. Конец? Смерть? А может быть, это и есть смерть — бесконечный полет в металлическом гробу среди пустыни Вселенной?

Но нет! Прочь уныние, надо бороться. Надо во что бы то ни стало привести «Разум» в родную Систему, на любимую Землю. Он ведь не просто одинокий человек среди Космоса, — он посланец далекой отчизны в грядущее, он воин великой армии разума, выступающей против враждебных сил Вселенной!..

Штурман привел в действие все телескопические установки, анализаторы. Зара-

ботал автоматический центр звездолета, проверяя данные приборов информационного центра. Один ответ, второй, третий! Джон-Эй тревожно просматривает их. Нет! Ни одной знакомой Системы. В какую же даль он залетел? Где Галактика, из которой вылетела их экспедиция?

Джон-Эй бросился к памятным машинам, полагая, что они зафиксировали путь звездолета. Но и здесь его ожидало разочарование. Отправляя Джон-Эя в Космос, Ро предусмотрительно выключил памятные машины, и об этом пути не было никакой информации.

Космонавт в изнеможении опустил руки. Надо смотреть правде в глаза. Оптимизм не поможет. Он не в состоянии найти обратный путь! Он совершенно беспомощен!

Насмешливо сияли звезды впереди, еле заметно плыли в стороне туманности. «Разум» летел в неведомую даль.

Джон-Эй закрыл глаза. Надо сосредоточиться. Спокойствие и еще раз спокойствие! Спокойствие и выдержка! Впрочем, есть еще маленькая надежда. Надо попытаться отыскать во Вселенной разумные существа. Может быть, они ему помогут вернуться на Землю. Пусть на это уйдут десятки лет, вся жизнь, но «Разум» обязан прибыть в грядущее и передать потомкам бесценные знания, добытые экспедицией. Да, только так. Бросать оружие, пока оно способно действовать, — безумие. Пока мысль работает, пока жизнь теплится в теле, надо бороться.

Уже не колеблясь, штурман включил двигатели, задал программу автоматам. Звездолет послушно повернул назад по гигантской кривой. И снова защитное поле призрачной короной окружило «Разум», отрезая его от внешних воздействий.

Биллионы километров, световые годы поглощались звездолетом в стремительном темпе. Молниеносно пролетали мимо десятки галактик. Проходило время — часы и столетия. Джон-Эй выключал защитное поле, запускал аналитические установки, телескопы обзора, жадно просматривал ответы автоматов. Галактики не было. Она пропала в бездне Вселенной.

И снова тысячи, миллионы парсеков слепого полета. Снова страстное желание вернуться на родную, теплую, цветущую Землю. Снова неясные надежды и неутомимые поиски.

Но вот наступил критический момент, надвигалась новая беда. Анализатор показывал, что подходит к концу ядерное горючее в реакторе. Скоро прекратится работа всех узлов корабля. Остановится и двигательная система «Разума». А тогда возможен будет полет лишь по инерции.

Джон-Эй видел выход лишь в одном: надо найти планету в какой-либо Системе, посадить на нее звездолет и попробовать найти там руду актинидов. На «Разуме» есть обогатительная установка, и можно будет изготовить ядерное горючее. Но где найти такую планету?

Рядом была спиральная Галактика. Крайние звезды сияли на расстоянии десяти парсеков. Джон-Эй наугад избрал желтую звезду типа Солнца и решительно направил звездолет к чужой Системе.

Первобытный мир

Планета была единственной в Системе. Описывая спирали над нею, Джон-Эй гравиметодом определил ее массу. Она равнялась массе Земли.

Погасив скорость, звездолет вошел в простиравшийся над планетой облачный слой, густой и толстый. Это было опасно — нельзя выбрать удобное место для посадки.

Штурман включил инфраэкран. На нем поплыли размытые пятна озер, широких рек, лесов. Показался берег океана. Наконец корабль вышел из туч. В перископах открылась пестрая панорама планеты, изрезанной широкими и узкими, извилистыми реками, усеянной дремучими лесами, покрытой зелеными равнинами, морями, озерами, океанами.

Джон-Эй усилил разрешающую способность телескопов, пустил в ход роботов-помощников, пытаясь найти следы разумной жизни. Но «Разум» описал три спирали вокруг планеты, а таких следов не было. Девственные леса, стремительные нагромождения гор, необъятные просторы океанов. Где-то в стороне сверкнуло пламя взрыва, затем к небу взвился столб черного дыма. Анализатор показал, что это действующий вулкан.

Сердце Джон-Эя болезненно сжалось. На планете нет никаких признаков цивилизации, и никто ему тут не поможет. Надо возвращаться в пространство, искать новый мир. Искать? Нет, это невозможно!

Еще немного — и остановится реактор, прекратится работа двигателей, перестанут действовать автоматы.

Единственный выход — садиться! Но прежде надо попробовать в полете определить залежи актинидов и подвести корабль поближе к ним. Только так...

Джон-Эй включил радиометры. Чуткие приборы насторожились, зашевелили усиками-стрелками в ожидании сигналов с планеты. На восьмом витке спирали пришел успех. Приборы отметили огромный очаг гамма-радиации.

«Разум» летел со скоростью километра в секунду. Джон-Эй круто развернул его, затормозил, сделал огромный круг над пустынной равниной. Залежи актинидов были где-то в районе горного хребта. С одной стороны горы окаймляла желтая пустыня, с другой — темные массивы джунглей.

Джон-Эй наметил большую поляну километрах в трех от гор, где стремительно несла свои воды бурная река. «Разум», гремя двигателями, в вихре раскаленного воздуха пошел на посадку...

Звуки исчезли. Наступила давящая тишина: кровь стучала в висках. Джон-Эй встал, пошатываясь прошелся по каюте — тело, отвыкшее от ощущений нормального веса, с трудом сохраняло равновесие. Штурман прилег, закрыл глаза, пытаясь успокоиться, привести мысли в порядок.

Да, рассчитывать надо только на себя. Здесь никто не поможет. Сначала необходимо разведать местность, познакомиться с животным миром. Впрочем, животные, даже самые сильные, не страшны: излучатели уничтожат любого гиганта. А потом... потом поиски руды. Она где-то здесь, видимо, в районе скал. Если бы удалось! Тогда — снова полет, снова розыски потерянной Земли. Пусть все будет напрасно, пусть опять неудача, но все же стремление, полет, действие.

Джон-Эй встал. Отдыхать некогда. Надо действовать. Он быстро поел, включил анализаторы воздуха. Они показывали, что в атмосфере планеты имеется достаточно кислорода. Вредные газы не обнаруживались, опасные бактерии — тоже.

Надев теплый комбинезон и шлем, Джон-Эй двинулся к выходу. Подумав, он захватил ядерный излучатель и портативный пеленгатор. Включив автоматический пеленг, штурман спустился вниз. Со скрипом отворился люк. Густая струя воздуха пахнула в лицо. От пьянящего запаха закружилась голова. Джон-Эй прислонился к стенке шлюза, постоял. Очнувшись, переступил через барьер входа.

Вокруг «Разума» темнел выжженный круг. Дальше всю опушку покрывала синеватая трава, жесткая, блестящая. Она выбрасывала желтые метелки. Кое-где виднелись большие алые цветы. Вдали темнел девственный лес. Деревья были тонкие, высокие, похожие на копья, вверху они заканчивались пучком широких листков. Ниже все пространство заполняли приземистые растения с мясистыми листками черно-зеленого цвета.

Опушка обрывалась над рекой. Вода клокотала на скалистых порогах. На другом берегу тоже темнел лес. Над ним нависли серые мрачные тучи. Ветра не было. Казалось, серое одеяло накрыло весь мир.

Джон-Эй подошел к обрыву, посмотрел на клокочущие внизу воды реки. Из расщелины ближайшей скалы, пронзительно вскрикнув, выпорхнула странная голубая птица. Она низко пролетела над рекой, исчезла в лесу.

Примитивный мир. Животные низшей организации, девственные леса и скалы. Эта планета лишь недавно начала свое восхождение к свету. Надо полагаться только на себя...

Штурман повернулся и двинулся к «Разуму». За кораблем послышались непонятные звуки. Джон-Эю показалось, что он различает членораздельную речь. Какие-то фигуры зашевелились в кустах позади звездолета. Жестикулируя, они начали приближаться к Джон-Эю. Штурман нерешительно остановился. С кем он имеет дело?

Но вот живые создания подошли совсем близко. Уже можно было различать их очертания. Джон-Эй с радостью отметил, что это не животные. Они стояли во весь рост, на нижних конечностях, держа в передних какие-то предметы, и скорее напоминали первобытных людей, чем зверей. Правда, они отличались от человека современного вида, но по пропорциям тела были весьма сходны с ним. Не так ли выглядели неандертальцы или их далекие предки — питекантропы? Лоб у них был довольно высокий, огромные глаза смотрели на пришельца внимательно, настороженно. Полусогнутое тело, обросшее редкой голубой шерстью, и примитивная оде-

жда из листьев говорили о том, что путь этих созданий к человеку только начался.

Толпа расступилась. Из нее вышел гигантского роста самец. Он поднял дубинку и, напевая странную мелодию, закружился в бешеном танце, приближаясь с каждым кругом к космонавту.

С удивлением наблюдая за ним, Джон-Эй на всякий случай положил руку на ядерный излучатель...

Поиски горючего

Потанцевав вокруг Джон-Эя, дикарь упал на траву. Пока он пел, его сородичи подвывали на разные лады, подскакивая и приплясывая в такт своеобразной мелодии. Космонавт с тревогой отступил назад. Но, увидев, как дикарь, став на колени, благоговейно протягивает к нему руки, весело засмеялся. Так вот оно что! Эти безобидные создания, видимо, принимают его за бога, за посланца небес. Конечно, они видели прилет звездолета. Что ж, этим надо воспользоваться. Они безусловно не тронут его и даже смогут помочь в розысках руды. Нужно только поближе с ними познакомиться, хоть бы для этого и понадобились месяцы. Ведь если он с их помощью найдет нужные руды, то затраты времени окупятся сторицей!

Большие круглые глаза дикаря встретились с глазами космонавта. Они светились восторгом, благоговением, покорностью. Джон-Эй внимательно вгляделся в лицо дикаря. Его поразило странное расположение органов обоняния. Отверстия проходили по сторонам большого рта, делая лицо уродливым и широким. Только глаза ничем не отличались от человеческих, они смотрели на мир пристально, внимательно, готовясь к борьбе с тайнами природы.

Джон-Эй поднял руку, показал на небо. Дикарь радостно закивал головой, что-то крикнул товарищам. Те поддержали его дружным воем. Штурман протянул руку к дубинке, которую держал самец. Тот с готовностью отдал небесному гостю свое оружие — суковатую палку черного дерева. Стало совершенно очевидно, что дикарь относится доверчиво к Джон-Эю. Можно было начинать налаживать отношения...

Прошло несколько недель. Джон-Эй познакомился с жизнью и бытом первобытного племени, изучил несложный язык дикарей. Они жили в пещерах между валунами, под корнями гигантских деревьев. Ели побеги болотных сочных растений, яйца птиц, мелких животных, плоды деревьев. Изредка им удавалось общими усилиями убить гоготу — неуклюжее исполинское животное с острыми шипами. Мясо гоготы было нежным, вкусным, и его хватало для всех надолго.

Джон-Эй уже знал всех дикарей по именам. Великан самец был вожаком племени. Его распоряжения выполнялись всеми беспрекословно. Звали его Та-та. Он был довольно умен и сметлив. Через месяц Джон-Эй уже мог разговаривать с Та-та. Узнав, что дикари не умеют пользоваться огнем, космонавт решил приучить их к нему.

Наступили ясные, безоблачные дни. На фоне темно-синего неба ярко засиял небольшой диск желтого солнца.

В один из теплых вечеров Джон-Эй собрал дикарей на опушке леса и сказал им:

— Я скоро уйду от вас.

— Почему так пожелал человек сверху? — удивился вожак.

— Так надо. Я вернусь туда, где родился.

— Ты родился на небе, человек сверху. Там всегда сияет солнце. Там много плодов и мяса гоготы...

— Нет, Та-та. Я родился в таком же мире, как и ваш, но...

Джон-Эй замолчал, увидев, как удивился Та-та. Разве примитивное развитие дикаря в состоянии охватить невероятные пространства Вселенной? Пусть думает как хочет!

Та-та с довольным видом засмеялся:

— Вот видишь, ты молчишь, человек сверху! Я сказал правду. Ты сын великого Солнца.

— Да, ты прав, я сын Солнца. И хочу оставить вам частицу его огня. Пусть он обогревает вас в туманные дни и темные ночи. Пусть он вам поможет смягчать сырое мясо и делать его вкусным...

— О чем ты говоришь, человек сверху? — не понял вожак.

— Смотри, — ответил Джон-Эй, вынимая зажигалку. — Собирайте сухие ветви, листья...

Та-та отдал приказание громким голосом. Дети и женщины рассыпались во все

стороны. Вскоре перед космонавтом лежала огромная куча хвороста. Джон-Эй торжественно посмотрел на вожака.

— Видите — сгущается мрак. Будет темно и холодно. А у меня есть кусочек Солнца. Я разгоню тьму и холод...

На зажигалке вспыхнул фитилек. Джон-Эй поджег хворост. Он загорелся ярким пламенем, осветил все вокруг. Послышались возгласы удивления и ужаса. Дикари разбежались, точно их ветром сдуло. Их испуганные лица выглядывали из-за стволов деревьев.

— Не бойтесь! — крикнул Джон-Эй. — Кусочек Солнца не кусается. Я дарю его вам!

Та-та первым вернулся к костру. Космонавт протянул руки над огнем, обогревая их, предложил Та-та сделать то же самое. Дикарь боязливо протянул руки над костром. Пламя оказалось вовсе не таким страшным, как он предполагал. Более того — оно приятно грело руки. Та-та довольно засмеялся и восхищенно крикнул:

— Тепло!

Наблюдавшие за вожаком дикари осмелели и подступили ближе. Один из них, самый старый, сказал:

— Мы уже видели такое. Небо гремело. Оттуда упал огненный шар, и лес загорелся. Было очень страшно. Многие убежали прочь...

— Этот огонь — ваш. Вы будете им сами управлять. Дадите пищи — он будет жить, не дадите — умрет...

Дикари весело засмеялись. Они расселись вокруг костра, с восхищением поглядывая на космонавта.

— Та-та, — сказал решительно Джон-Эй, — наступило время разлуки. Но перед этим мне надо побывать в долине, что в горах. Дай мне проводника.

Дикари начали живо обсуждать просьбу Джон-Эя. Потом Та-та торжественно поднял руку, приложил ее к груди.

— Мы готовы сделать для тебя все, что попросишь, человек сверху. Но в Ущелье смерти мы тебя не поведем.

— Ущелье смерти? — удивился Джон-Эй. — Почему ты его так называешь?

— Никто из тех, кто там побывает, не остается в живых. Мы считаем ущелье проклятым местом...

«Это безусловно действие актинидов!» — обрадовался Джон-Эй. Дикарям он громко сказал:

— Мне не страшно это ущелье. Ведь я человек сверху, сын Солнца.

Та-та торжественно протянул руки над огнем:

— Хорошо. Я покажу тебе Ущелье смерти, человек сверху...

Весело перекликаясь, дикари приносили всё новые кучи хвороста. Костер пылал, разгоняя ночь, и туча насекомых кружилась над ним, сгорая и падая в огонь.

В круг вошла Ла-ла, дочь вожака. Она остановилась перед Джон-Эем, приложила ладони к щекам и запела низким, сильным голосом песню. Космонавт, разобрав слова песни, понял, что девушка поет о нем.

Удивительно! Невероятно... Не сон ли это? В черном небе пылают чужие созвездия, над головой шумят невиданные деревья, вокруг — волосатые фигуры дикарей. И, глядя темными круглыми глазами в даль небес, Ла-ла, девушка, одетая в шкуру диковинного зверя, слагала гимн космонавту Земли, принятому здесь как божество:

Благословенна земля наша,
Духи витают над нею...
Сын горячего Солнца,
Человек ясного неба
Пришел к нам...
Мы сидим среди леса
Возле кусочка Солнца
И греемся от него...
Это подарок духов,
Это подарок неба.
В темные ночи,
В хмурые дни
Нам он защитой будет...

Песня затихла. Скромно потупив взор, Ла-ла ожидала, что скажет Джон-Эй. Он ласково улыбнулся, похвалил ее. Девушка, смутившись, убежала к подругам. А космонавт, обращаясь к вожаку, твердо произнес:

— Итак, Та-та, завтра ты поведешь меня в Ущелье смерти...

Снова в пространство

Утром следующего дня, облачившись в защитный костюм и захватив контейнер, Джон-Эй вышел из корабля. Та-та и несколько дикарей ждали его у опушки леса. Узкими тропинками леса они повели космонавта к горам. Достигнув небольшого лесного ручейка, Та-та остановился.

— Ущелье смерти,— сказал он, показывая в сторону хребта, который синел между деревьями. — Дальше мы не пойдем...

— Хорошо, — согласился Джон-Эй. — Подождите меня здесь.

Он решительно двинулся дальше и пересек ручей. Там он выбрался на крутой берег, накинул капюшон с защитными очками и оглянулся.

Та-та и его спутники приветливо махали руками. Джон-Эй ответил им таким же жестом и зашагал к хребту. По мере того как он продвигался вперед, трава все больше редела, а затем совсем исчезла. Вокруг — никакой жизни. Все было мертво. Кое-где в расщелинах скал белели черепа и кости животных. Наконец Джон-Эй спустился в узкую ложбину, забитую хаотическим нагромождением гранитных глыб. Из-за горного хребта взошло солнце, и каменные глыбы заиграли разноцветными искрами. Хмурое ущелье превратилось в удивительный калейдоскоп. Казалось, природа собрала здесь богатейшую коллекцию различных минералов. И где-то среди них — нужные Джон-Эю актиниды.

Штурман открыл футляр анализатора, который висел у него на груди, и двинулся вдоль скалистой стены. Минут через пять прибор отметил наличие радиации. Стрелка анализатора резко заколебалась и остановилась, указывая острием в сторону огромной черной глыбы. В красноватой породе глыбы сверкали вкрапления минерала. Джон-Эй, волнуясь, вынул вибратор и отломил несколько кусков породы. На изломах вкраплины оказались металлом золотистого цвета. Это, конечно, радиоактивный элемент! В звездолете проверим. Но в удаче, кажется, уже не приходится сомневаться.

За полчаса Джон-Эй наполнил контейнер породой и двинулся назад, полный радужных надежд.

Анализ дал положительный результат. Вкрапления оказались одним из трансурановых элементов, неизвестных ученым Земли. Небольшая перестройка ядра в установке звездолета давала прекрасное горючее для реактора.

Два дня Джон-Эй добывал руду. До ручья он наполненные ею контейнеры перетаскивал сам. А оттуда Та-та и еще несколько дикарей помогали ему доставлять их к звездолету.

И вот наступил день разлуки. Под вечер штурман сидел у костра и вновь слушал песни Ла-ла. Она пела, а ему вспомнились широкие улицы Космограда, просторы южных степей, леса Сибири, океаны, моря. Как он истосковался по ним, как хотелось ему найти потерянную Землю...

Прощаясь с Та-та, космонавт объяснил вожаку, как высекать искры из камней, как разводить костер.

— Ты вернешься к нам, человек сверху? — жалобно спросил Та-та.

— Не знаю, — ответил Джон-Эй, печально глядя на него. — Может быть, я и не вернусь, но другие гости с неба придут обязательно. Ваши дети и внуки увидят их. А затем и вы полетите к Солнцу, к звездам.

— И станем сынами Солнца? — обрадовался дикарь.

— Да, Та-та! Вы тоже будете сынами Солнца...

Миновала короткая ночь. Взошло солнце. Собравшись на опушке, дикари смотрели на невиданное зрелище. Посланец небес, человек сверху, подаривший им огонь, исчез в отверстии летающей пещеры.

Дикари ждали затаив дыхание. Вдруг среди ясного дня грянул гром. Вихрь горячего воздуха повалил Та-та и его соплеменников на траву. Звездолет взмыл вверх и растаял в синеве, возле солнца.

...На этот раз ему повезло. Уже через несколько дней видеолокаторы нащупали в бездне пространства крохотное пятнышко родной Галактики.

И снова корабль рассекал просторы Вселенной с такой скоростью, что полет квантов света казался передвижением черепахи. Ничто не угрожало этому замечательному созданию человека. Гравитационные и магнитные поля расступались перед ним, гигантские туманности не влияли на его молниеносный полет...

Завещание Джон-Эя

Но вот опять навалилась беда. Иссякло антивещество. Исчезло защитное поле. «Разум» не мог больше лететь со сверхсветовой скоростью.

Джон-Эй был уверен в успешном завершении полета, и это его совершенно обес-

куражило. Он кинулся к приборам. Роботы-помощники показывали, что звездолет уже вошел в родную Галактику и находится на границах местной Системы. Но до Солнца еще оставалось около пятисот световых лет. Какая досада, какая неудача!

Штурман подсчитал скорость полета, запасы питания. Грозная неизбежность вставала перед ним. Даже по собственному времени звездолета ему оставалось лететь сто пятьдесят лет.

Джон-Эй уверен — автоматы точно приведут «Разум» на Землю. Страшно другое — долгие годы одиночества в Космосе, медленное угасание, а затем... металлический гроб будет нести его труп в бесконечности добрую сотню лет.

Зачем?..

В сознании штурмана всплыло лицо Георгия. Даже голос его послышался: «Наша смерть... смерть друзей... все это не должно быть напрасно...»

«Слышу, Георгий. Я сделаю все. Человечеству солнечной Системы достанутся добытые нами сокровища знания, оно узнает о грозной опасности в иной Галактике. Так надо — значит, так будет...»

Джон-Эй тщательно проверил курс, программы автоматов. Дал дублированные задания роботам-помощникам. Затем достал магнитные пленки, зарядил записывающие автоматы и, склонившись над микрофоном, начал диктовать свое завещание. Он рассказывал о путешествии к Большому Магелланову Облаку, о гибели друзей, о выдающихся открытиях экспедиции по исследованию Космоса и, наконец, о встрече с железным диктатором. Подумав, Джон-Эй закончил:

— Далекие братья! Мы выполнили долг человека до конца. Я сделал все, что мог, а теперь умираю. Не осуждайте меня за это. Очень страшно доживать в одиночестве долгие годы. Как хотелось увидеть ваш грядущий мир! Он, конечно, будет прекрасным, каким и должен быть мир людей-титанов. Я верю также, что вы поможете братьям в системе Большого Магелланова Облака, сражающимся с чудовищным миром автоматов — результатом вырождения разума. Не повторяйте ошибки того мира, не унижайте человеческий интеллект! Смысл жизни человека — в бесконечном совершенствовании разума! Что может быть прекраснее живой, горячей человеческой мысли — с ее ошибками и достижениями, с ее горем и радостью, с ее исканиями и борьбой? До встречи, далекие братья!..

Джон-Эй замолчал. Вздохнул глубоко, словно снимая с души какую-то тяжесть. Четкими движениями включил насосы. Воздух потянулся в отверстия фильтрационных агрегатов. Быстро понизилась температура. Руки и ноги парализовал холод. Мелькнула мысль: а может быть, не надо? С портрета сурово глядел Георгий, в его взоре был упрек.

Джон-Эй слабо улыбнулся, еле слышно прошептал:

— Прости, Георгий, я больше не могу...

Слабо щелкнули автоматы. В каюту ринулась струя инертного газа. Голова Джон-Эя упала на пульт. Он проваливался в черную бездну. Оттуда — последнее, что он мысленно видел, — летела ему навстречу окутанная белоснежными облаками Земля...

ЭПИЛОГ

Десять тысяч лет

Открытый гравилет плыл над Землей на восток. На нем в удобных креслах сидели Аэровел, Джон-Эй, Искра и Семоний. Руководитель Автоматического Центра стал после последних событий ярым приверженцем старейшего ученого. Рассказ Джон-Эя, записанный автоматами и воспроизведенный в совете, потряс его, как и всех сторонников проекта «механизации» интеллекта. К тому же Аэровел после длительной и тщательной подготовки воскресил Джон-Эя. Все жаждали встречи с космонавтом из далекого прошлого. Но Аэровел категорически воспротивился этому. Джон-Эй нуждался в длительном отдыхе.

Новый мир угнетал штурмана. Из того, что когда-то было близко ему, на Земле ничего не осталось. Разве лишь дубы и березы, которые, как и встарь, грустно перешептывались о чем-то в заповеднике над Днепром. Разве лишь глаза Искры, которые сияли тревожными огоньками, так же, как и у девушек тех, давних времен.

Искра отдавала человеку из прошлого все свое свободное время. Она старалась делать все, чтобы он не грустил, чтобы он, так много видевший и переживший, не чув-

ствовал себя одиноким в чужой эпохе. В душе ее, кроткой и нежной, вдруг проснулось чувство, в котором она боялась самой себе признаться. Тайком поглядывала на суровое худое лицо, на устремленные вдаль глаза, на крепко сжатые губы — и восхищалась им. Она изучала древний язык, язык Джон-Эя, и обучала его современному, более простому.

Сегодня Аэровел захватил их с собой, и они вместе вылетели на восток, к морю. Космонавт долго и задумчиво смотрел вниз, на голубые ленты каналов, на леса и поля, на буйные плантации невиданных растений, на архитектурные ансамбли. Затем он повернулся к Аэровелу, с восхищением посмотрел на одухотворенное лицо старейшего ученого и сказал:

— Воистину вы возродили меня заново! Нет слов, чтобы выразить, что я сейчас испытываю!

— И не надо, — добродушно ответил Аэровел. — Я вижу твое лицо, чувствую мелодию твоей души. У нас слова нужны лишь в технике и науке. В чувствах — почти никогда! Кстати, у нас нет обращения на «вы»...

— Хорошо. Я постараюсь, хотя это непривычно. Но я все время думаю о своем месте в жизни... о прошедшей экспедиции, и печаль не покидает меня...

— Почему же? — живо спросил Семоний.

— Я вернулся в такое будущее, где человек стал титаном. А наш полет — он был пустым, ненужным! Что я дал вашей эпохе?

Черные глаза Семония сверкнули гневом.

— Ошибка! Нелепость! Все в мире взаимосвязано — об этом мне недавно с упреком напомнили жители Сатурна. Очень верно сказано. На вашем корабле — неоценимые материалы, которые расширяют наши знания. Но, даже если бы их и не было, сам твой прилет из прошлого имеет громадное значение. Ты ведь знаешь о нашей дискуссии?

— Да.

— Так вот, твой прилет положил конец всем нашим спорам. И прекрасно! Я не сожалею об отвергнутом проекте.

— У нас так легко не отказывались от проектов, — улыбнулся Джон-Эй. — Их яростно защищали, иногда вопреки всякой логике.

— Даже негодные? — удивился Аэровел.

— Еще как!

— Странно. Это говорит об узости возможностей. У нас знание так многогранно, что путей к достижению любой цели есть множество.

— Расскажите мне о вашем мире, о вашем знании, о взгляде на мир, на бытие человека. Я очень хочу это знать.

— Ты будешь знать, — мягко ответил Аэровел. — Но сейчас у нас иная цель. Искра — замечательный инженер, она ознакомит тебя со всей Системой. Сегодня же я приготовил тебе сюрприз.

— Какой? — удивился Джон-Эй.

— Терпение, — засмеялся старейший ученый, — а то какой же это будет сюрприз!

Вдали засинело море. На берегу, среди пышных растений, возвышались розовые, голубые и белые дворцы. Они казались порождением морской волны, которая, застыв в лучах солнца в неповторимо прекрасных формах, отливала всеми цветами радуги.

Гравилет, повинуясь команде Аэровела, прошел над этими сооружениями, повернул влево. Показалась огромная, свободная от плангаций и строений площадь. Над этим местом гравилет начал снижаться. Джон-Эй побледнел, тревожно оглядывая местность.

— Мне кажется, — прошептал он, — что здесь... где-то... должен быть...

— ...Космоград, — закончил Аэровел.

— Но его не видно...

— Город перенесли еще в двадцать пятом столетии. Сейчас идут раскопки.

Гравилет приземлился. К нему подбежали розовощекий юноша и миниатюрная девушка. Аэровел поздоровался с ними, представил их Джон-Эю:

— Старейший археолог.

— Старейший? — удивился Джон-Эй.

— Да. Ты забываешь о долголетии. Ему уже сто десять лет. Его имя — Тор, девушки — Мечта.

Археологи поклонились гостю, о котором уже были наслышаны. Аэровел сказал им:

— Нам нужно как можно скорее найти древний Институт анабиоза.

— Постараемся, — ответил Тор. — Но не поручусь, что это удастся сделать скоро.

— Тут я могу помочь, — заявил Джон-Эй. — Я здесь жил. Если узнаю хоть что-

нибудь, то нетрудно будет определить место, где был институт. Но все же, зачем это вам?

— Не спрашивай, — невозмутимо ответил Аэровел. — Скоро узнаешь. Итак, приступайте к делу.

. . . . . .

Сотрудники Института воскрешений, Аэровел, Джон-Эй, Семоний, Искра и археологи медленно спускались по широкой матово-зеленой лестнице в подземелье древнего Института анабиоза. В электросеть, которая сохранилась, был пущен ток, длинные коридоры освещались.

Вошли в помещение с низким овальным сводом. Вдоль стен были установлены массивные резервуары, прикрытые сверху матовыми куполами. Возле каждого резервуара поблескивали небольшие пульты с радиотехническими приборами.

— Это запись, — сказал Джон-Эй.

Аэровел живо повернулся к нему:

— Ты знаешь, как их включать?

— Да.

— Сделай это, пожалуйста.

Джон-Эй, волнуясь, включил одну за другой все установки. Послышались слова, произнесенные на древнем языке:

— Синегор. Тридцати лет. Воскресить в тридцатом году двадцать пятого столетия.

Вторая запись гласила:

— Анна Сокол. Сорок лет. Воскресить в десятом году двадцать шестого столетия.

И вдруг... все увидели, как человек прошлого побледнел и, пошатнувшись, схватился рукою за сердце. Аэровел поддержал его сильной рукой. А из динамика плыли спокойные слова:

— Марианна, двадцати двух лет. Состояние искусственной клинической смерти. Воскресить после возвращения первой внегалактической экспедиции из Большого Магелланова Облака. Время вылета — две тысячи пятьдесят восьмой год. Руководитель экспедиции Георгий Гора. Эксперимент проведен согласно желанию усыпленной.

— Так вот почему вы разыскивали Институт анабиоза! — тихо промолвил Джон-Эй. — Но откуда вы узнали о Марианне, о том, что она здесь? Ведь я тоже не знал этого!

— Марианна твоя возлюбленная? — неестественно живо спросила Искра.

Аэровел лукаво улыбнулся. Девушка вспыхнула. Джон-Эй внимательно и дружески посмотрел на нее:

— Нет. Это невеста Георгия.

— Я узнал об этом, — прервал Аэровел, — из материалов Всемирного Архивного Фонда. Их нашел молодой сотрудник фонда, Светозар.

— Что вы собираетесь с нею сделать?

— Конечно, воскресить... Не удивляйся. Ты только вступаешь в новый мир. Скоро состоится заседание Совета Миров. Там ты услышишь много интересного...

По знаку старейшего ученого резервуар вскрыли. В глубине за прозрачным покрытием лежала молодая женщина поразительной красоты. Длинные ресницы, оттенявшие ее бледные щеки, толстые черные косы, уложенные венцом вокруг головы, смугло-розовое тело, руки, покоившиеся на груди, — все создавало впечатление, будто она погружена в глубокий сон.

— Это она, — прошептал Джон-Эй и, к удивлению присутствующих, заплакал. Но это были слезы радости и счастья.

Марианна через десять тысяч лет возвращалась к жизни в новый, чудесный мир...

Грядущий мир

Искра привела Джон-Эя в небольшую комнату. Стены ее матово поблескивали. Посредине стоял стол, два стула. На столе цветы. И больше ничего. Космонавт обратился к девушке:

— Скажи мне, Искра, ты говорила о связи между мирами, о том, что она осуществляется мгновенно. Но можно ли с ее помощью связаться с иными галактиками?

— Да.

— И такие попытки были?

— Я понимаю, почему ты спрашиваешь. Мы пробовали наладить связь с Большим Магеллановым Облаком. Но нас всегда постигала неудача. Ученые не понимали, в чем дело. Теперь же, когда ты вернулся оттуда, все стало ясно. Но этим занимается совет. Можешь быть спокоен — решение будет таким, какого ты желаешь...

Джон-Эй пристально посмотрел на девушку:

— Ты знаешь о моем желании?

— Да, — смутилась Искра. — Ты забываешь о том, что люди развивали не только знание, но и себя, свое восприятие. Близкому другу, у которого душа открыта для тебя, незачем много говорить. Его чувства — это чувства друга...

Девушка почему-то смутилась, подошла к стене, что-то включила. Быстро, украдкой посмотрела на своего спутника, нахмурилась. Свет погас. Послышался голос Искры:

— А теперь — путешествие по Системе.

Стены растаяли, отодвинулись. Засияли звезды в пространстве, вспыхнул огромный диск Солнца. Приблизилась какая-то планета. На ней видны были раскаленные пустыни, глубокие трещины, вихри разреженных газов...

— Меркурий? — спросил Джон-Эй.

— Да, — ответила девушка.

Вслед за этим объектив как бы проник в недра планеты. И здесь на большой глубине Джон-Эй увидел колоссальные станции, обсерватории наблюдения за деятельностью Солнца, пульты управления вакуумными конденсаторами энергии. Всем этим управляли роботы — незаменимые помощники человека.

— На Меркурии в основном одни лишь научно-технические центры и хранилища энергии, — сказала Искра. — Идем дальше.

Снова появилась бездна пространства. Среди звезд возник шар туманной планеты. Он приблизился, заполнил экран.

— Венера, — торжественно заявила девушка. — Здесь когда-то работала и я.

Открылась перспектива планеты. В хмурую даль катились тяжелые фиолетовые волны океана. На побережье раскинулись плантации высоких деревьев красной и белесой окраски. В густой листве алели крупные плоды. За деревьями, в горах виднелись белые купола каких-то строений.

— Селекционный институт Венеры, — объяснила Искра. — Ты видишь плоды? Это поразительное достижение. Они концентрируют в себе все, что необходимо организму человека. Скоро люди получат их. Тебя удивляет, что здесь так спокойно? Да, в ваше время эта планета была сущим адом. Вулканы, ядовитая атмосфера, высокая температура. Мы многое сделали. Нейтрализовали вулканы, очистили атмосферу, создали нужные нам растения. И теперь Венера — сестра Земли.

Не успевал Джон-Эй осмыслить то, что увидел, как на экранах появлялись иные пункты Системы.

Он побывал на сотнях спутников-станций, вращающихся вокруг Солнца, на астероидах, где были расположены обсерватории, биостанции, выращивающие растения и животных в условиях невесомости, в космопортах и хранилищах энергии, на Плутоне, где астробиологи работали над выведением таких животных форм, которые могли бы существовать в межзвездном пространстве. Как объяснила Искра, в этой области имеются крупные достижения.

Так было долго, очень долго. Джон-Эй увидел, что происходит в Системе и вне ее, и понял, что теперь человечество — единый, совершенный, удивительно гармоничный организм, стремящийся к новым, все более высоким целям. И светлая радость овладела им. Теперь он твердо знал, что не напрасно жил, не напрасно боролся, изнемогая в безднах Космоса. И сердце предвещало новые, волнующие перспективы...

Снова вспыхнул свет. Искра устало провела ладонью по глазам.

— А теперь пойдем. Я покажу тебе древнюю Луну.

Они вышли в ночь. Теплый ветер налетел, дохнул в лицо. Невысоко над горизонтом сияла туманная Луна. Джон-Эй остановился очарованный, посмотрел в небо. На диске земного спутника он не заметил привычных пятен, зато ясно можно было различить голубоватый ореол.

— Что это, Искра?

— Терпение,— таинственно ответила девушка. — Иди за мной.

Они пришли на космодром. Там их ждали. Искра ввела гостя в освещенный круг, где стоял большой, совершенно черный цилиндр. В нем открылся люк. Джон-Эй зашел туда вслед за Искрой, сел в удобное кресло.

На экране появился диск Луны. Искра указала на него:

— Сейчас мы будем там.

— Как! В этой штуке? Так это и есть...

— Да. Это аппарат для преодоления пространства. Специальные установки фокусируют направление, очень точно, и излучают мощные потоки энергии, создавая канал антипространства. Две эти формы протяженности взаимно аннигилируются, иначе говоря — расстояние исчезает.

Внимание! Пора!

Всколыхнулось небо, и в какое-то неуловимое мгновение диск Луны вырос до огромных размеров, исчез. За иллюминаторами Джон-Эй увидел темно-синее небо, по

которому плыли белые облака, и ветви зеленых пальм, раскачиваемых ветром.

— Где мы? — прошептал он.

— Как — где? — рассмеялась девушка. — На Луне. Вставай, мы приехали...

Космонавт безмолвно вышел из цилиндра, который стоял на широкой площади, окаймленной гигантскими деревьями, за ними высоко в небо уходили вышки антенн, верхушки сооружений. В зените сияло Солнце, немного ниже — туманный серп Земли.

— Чудо! — не мог прийти в себя Джон-Эй. — Вы оживили Луну?

— Да. Уже давно. Сейчас Луна — курорт, место отдыха. Небольшое тяготение, абсолютно чистый воздух — великолепные условия для спорта. То же самое можно наблюдать на Марсе, на некоторых спутниках внешних планет. Только Сатурн и Юпитер вне наших работ...

— Почему же?

— Там живет иная раса. Мы открыли ее три тысячи лет назад. Но те существа — нечто невообразимое. Это совсем другой путь развития, непонятный для нас. Мы общаемся с помощью выработанных символов, но не практически, а лишь в сфере высших математических абстракций. Но об этом ты узнаешь в свое время. Нам пора возвращаться...

Джон-Эй нежно взял девушку за руки, восхищенно посмотрел ей в глаза. В его душе таяло, исчезало чувство одиночества. Искра видела это и торжествовала.

— Девушка... это великолепно! Это... Это... Я даже не знаю, что сказать... Ради такого мира стоило страдать и отдавать жизнь...

Искра поняла, что человек прошлого воскресает духовно, побеждает печаль прошлых потерь и готовится к великому бессмертному шествию по дорогам Вселенной. И еще Искра с волнением и радостью осознавала, что на этом пути рядом с ним непременно будет она, его незаменимый друг, товарищ, жена.

Великое свершение

Еще не открывая глаз, она медленно поднялась с твердого ложа, села.

— Георгий, — тихо позвала она.

Присутствующие молча переглянулись, пораженные тем, что имя любимого было первым словом, которое слетело с ее губ после целой вечности безмолвия.

А она, не услышав ответа, нахмурилась, медленно открыла глаза и тут же их зажмурила.

— Марианна, — прошептал Джон-Эй.

Она вздрогнула, недоумевающе оглянулась, тревожно посмотрела на группу странно одетых людей. Наконец увидела Джон-Эя. Глаза ее вспыхнули черными огнями, на бледных щеках заиграл румянец.

— Джон-Эй! — жалобно промолвила она. — Это ты... Значит, экспедиция вернулась?

— Да, — уклончиво ответил Джон-Эй. — Звездолет вернулся.

— А Георгий где? Почему я не вижу его?

— Погоди, Марианна... Не волнуйся...

Девушка встала. Ей подали легкий плащ из голубого материала. Она накинула его на плечи, испуганно глядя на людей новой эпохи.

— Сколько я... спала?

— Десять тысяч лет, — мягко ответил Аэровел.

— Так много? — едва слышно прошептала Марианна. — Только сейчас вернулась экспедиция? Ведь вы меня воскресили согласно завещанию?..

— Да...

— Почему же не видно Георгия? Джон-Эй, почему ты молчишь? Посмотри мне в глаза... Он умер?

Искра, нежно обняв Марианну, ласково сказала:

— Успокойся, сестра. Ты будешь в мире такой долговечной жизни, где люди не страшатся смерти.

— Значит, его нет? — в отчаянии воскликнула Марианна. — Для чего же вы меня воскресили?

— Он не умер! — серьезно возразил Джон-Эй. — Он жив, но очень далеко отсюда. Вернулся я один, вернее мой труп. Меня воскресили. Вот и тебя нашли в подземелье древнего Института анабиоза благодаря старым записям... Прошу тебя, Марианна... успокойся... Ты все поймешь...

— А через месяц, — ласково улыбнулся Аэровел, — решится и судьба твоего Георгия...

. . . . . .

Над мирами Великого Союза торжественно звучали слова Аэровела, обращен-

ные к ученым, собравшимся во Дворце Совета:

— Наступило время новых свершений. До сих пор мы накапливали силы и возможности, а теперь открываем для разумного мира новые пути, еще более грандиозные и прекрасные, чем прежде. Мы устремимся в иные галактики, объединимся с ними, откроем новую эру — эру долголетия. Первый шаг на этом пути — проникновение в Галактику Большого Магелланова Облака. Мы поможем людям этой системы возродить цивилизацию и присоединиться к нам. Наша эра — эра полного подчинения Космоса, эра торжества человека над бесконечностью! Мы готовы к экспедиции! Энергии Системы хватит, чтобы ее осуществить! Что скажет совет? Что скажут люди всех планет нашей Системы?

В горячую дискуссию включились миры Сириуса, Центавра, Кома, Сатурна. Они бурно обсуждали проект Аэровела, тщательно разбирая все его достоинства, взвешивая возможные опасности. Наконец, выступил Семоний и громогласно заявил:

— Проект открывает перед нами бесконечные перспективы! Кто может это отрицать? Мы идем к всемогуществу — откроем же дверь в этот мир для жителей других галактик! А прежде всего для тех, кто борется против ужасной опасности — мира машинного разума!..

Дворец Совета загремел от оваций. Марианна склонилась к Аэровелу, сидевшему рядом с ней, и прошептала:

— Как все это удивительно! Я не могу прийти в себя. Ваше поколение — это поколение титанов!

Аэровел серьезно посмотрел на нее, покачал головой:

— Мы обязаны всем, чего достигли, далеким и безымянным труженикам прошлых веков, их творчеству, их труду.

Под сиянием голубой звезды

... Четыре гигантских звездолета были выведены на высокое горное плато Антарктиды, давно уже освобожденной от льдов. По краям материка ученые соорудили огромное кольцо энергетических установок, предназначенных для ликвидации или нейтрализации пространства в узкой полосе между системой Солнца и планетой, где царил железный диктатор. Точнейшие квантовые машины высчитали расстояние, звездные перемещения, координаты голубой звезды в соседней Галактике.

Две тысячи человек заняли свои места в звездолетах. Космические колоссы — по два километра в диаметре, — сотрясая страшным грохотом материк, пробили атмосферу и вышли в пространство.

И тогда по сигналу координационного центра было включено энергетическое поле. К установкам хлынула энергия, сконденсированная в хранилищах Плутона, Титана, астероидов, Меркурия.

Всеми этими работами руководил Семоний. Он следил за звездолетами с помощью универсальной телескопической установки. Когда в конденсаторах накопилась энергия-максимум, достаточная для осуществления плана, Семоний дал задание роботам: включить нейтральное пространство.

Казалось, вся Вселенная всколыхнулась. На мгновение все звездное небо превратилось в сплошное сверкающее пламя, а затем перед глазами Семония выросла голубая звезда и на ее фоне — четыре земных звездолета. Эксперимент удался. Узкая полоса пространства между двумя галактиками была нейтрализована, пробита. Роботы молниеносно отключили источники энергии от установок. Вздрогнула земля. Когда Семоний, освободившись от страшного напряжения, осмотрелся вокруг, он за прозрачной броней увидел лишь знакомые очертания гор Антарктиды...

. . . . . .

А звездолеты, окружив себя защитным полем, приближались к страшной планете. Флагманом звездолетов управляли Аэровел и Джон-Эй.

Посланцы Земли волновались. Наступал ответственный момент. Живой разум вступал в единоборство с адской силой жестоких машин. Аэровел выключил на одно мгновение защитное поле, чтобы проверить программу полета. На экранах обзора возник диск голубой звезды, туманный шар внешней планеты.

— Она! — воскликнул Джон-Эй.

Планета приближалась, увеличивалась. Редкие тучи разошлись, показалась поверхность чужого мира.

Аэровел всматривался в изображение. Перед ним проплывали населенные пункты планеты. Вот сверкнула лента реки, озеро, залив моря, большой город, квадраты полей, толпы на площадях. Да ведь это лю-

ди, мыслящие существа! Значит, власть железного диктатора сломлена и люди вышли из своих подземелий.

— Братья! — радостно заговорил старейший ученый, обращаясь к людям в звездолетах. — Приборы показывают, что на планете процветает разумная жизнь. Вероятно, людям Системы удалось победить чудовище механического разума. Предосторожность теперь излишня. Ведите корабли на посадку.

Радости землян не было конца. Звездолеты приблизились к планете и, пройдя облачный слой, стали снижаться. Окруженные горячими вихрями воздуха, они осторожно опустились среди пустынных равнин, вдалеке от жилых центров...

Вскоре на горизонте поднялись тучи пыли. По пустыне передвигались какие-то машины. Их было несколько сот. Колонна этих машин — приземистых гусеничных аппаратов — остановилась на расстоянии полукилометра от звездолетов. Из них выскакивали люди, которые что-то кричали и радостно махали руками.

Аэровел, Джон-Эй, Искра и Марианна на гравилете вылетели навстречу хозяевам планеты. Их сопровождали десятки других летательных аппаратов с учеными. Когда они приземлились, от колонны машин отделился огненноволосый великан и направился к ним.

Джон-Эй схватил Аэровела за руку.

— Клянусь, он похож на Ио, — воскликнул штурман. — Помнишь, я рассказывал о старом ученом!..

Великан остановился и с удивлением посмотрел на Джон-Эя.

— Я узнаю тебя, — сказал он на языке Земли. — Ты Джон-Эй, один из тех героев, которые когда-то, давным-давно, посетили нашу планету! Но почему ты жив — ведь это было много тысяч лет назад!

— Меня воскресили! И вот мы здесь, чтобы помочь вам! Но мы с радостью убедились, что в этом нет уже нужды.

— Да! — гордо ответил великан. — Мы победили железного диктатора. Живой разум оказался сильнее. Это было сделано еще при жизни Ио. Я его потомок. Вас мы помним, изучаем ваш язык. Мы всегда ждали вашего возвращения...

— А где же диктатор? — нетерпеливо воскликнул Джон-Эй.

— Там, где и раньше. Там же и второй человек вашей расы...

— Георгий? — не сдержалась Марианна, у которой тревожно забилось сердце.

— Да, Георгий. А с ним женщина, конструктор диктатора. Мы не могли вернуть их к сознанию.

— Ведите нас, — решительно сказал Аэровел.

. . . . . .

Гравилеты опустились на матовый пол ангара, где все еще торчала громада бездействующего диктатора и стояли тысячи неподвижных полусфер. Земляне увидели полупрозрачный горб былого страшилища с антенной наверху. Когда-то грозная машина теперь была мертва. Джон-Эй оглянулся и увидел зеленоватый купол, под которым, как и тогда, на черном пьедестале стояли две фигуры — огненноволосая красавица Сиой и Георгий.

Перехватив взгляд Джон-Эя и увидев любимого, Марианна, рыдая, стремительно бросилась к куполу, но у подножия ведущей к нему волнистой лестницы упала и потеряла сознание. Подоспевший Аэровел привел ее в чувство.

— Успокойся, девушка. Еще немного... совсем немного терпения.

. . . . . .

Упало белоснежное покрытие. Люди взволнованно замерли. И вот... свершилось!

Сначала шевельнулся Георгий, застонал. Затем открыла глаза Сиой. Они возвращались к жизни, вырванные всемогущей рукой человека из объятий вечного сна.

Георгий медленно подымался, нащупывая руками опору. Медленно открыл глаза. Туманным взглядом скользнул по людям... и вдруг увидел... Марианну.

Неясные воспоминания тенями пролетели в сознании, становились яснее, четче, наполнялись содержанием.

— Марианна... какой чудесный сон! — прошептал он.

Марианна не выдержала. Она не видела, как Аэровел помогает Сиой подняться с ложа, как на широком плато народы планеты приветствуют братьев из далекого мира. Плача от счастья, она целовала изможденное лицо своего возлюбленного...

Она вспомнила его восторженные слова, произнесенные тысячелетия назад, о грядущем единении всей бесконечности. Еще тогда, на берегу древнего Днепра, Георгий мечтал о величественных путях людей-титанов. И вот эти мечты далекого прошлого осуществлялись.

С. ГАНСОВСКИЙ

ХОЗЯИН БУХТЫ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

...— Нет, месье, это был не плезиозавр. И вообще не из породы тех гигантских ящеров, о которых теперь говорят, будто они сохранились в болотах Центральной Африки. Совершенно особое животное... Если вам действительно интересно, я расскажу, как мы с ним встретились. Ваш самолет опаздывает на час, мой — на целых полтора. Только что объявляли по радио. По-моему, лучше посидеть здесь, в ресторане, чем жариться на солнцепеке. А мне особенно хочется с вами посоветоваться, после того как я узнал, что месье — биолог по профессии... Нет, нет, это был и не моллюск...

Итак, месье, ваше здоровье, и я начинаю свое повествование. Впрочем, простите... Что это за орден у месье в петлице? Орден Великой Отечественной войны. Значит, месье — участник войны. Тогда, если позволите, еще рюмку за ваш орден и за наших доблестных союзников... Что вы говорите?.. Ах, медаль! Действительно, я участник Сопротивления и получил медаль, когда был в маки... Благодарю вас, благодарю...

Да, надо сказать, что я не в первый раз в Индонезии. Именно здесь все и произошло десять лет назад. То есть не совсем здесь, не в Джакарте, конечно. На Новой Гвинее или в Западном Ириане, как его теперь называют.

Не буду долго рассказывать, как я там очутился. По специальности я киноопера-

тор, и в 1950 году вышло так, что мы с товарищем отправились в Индонезию. Одна французская фирма хотела получить видовой фильм о подводной жизни в тропических морях.

В первый раз об этом животном мы услышали возле маленькой деревушки. Не то Япанге, не то Яранге, что-то в этом роде. Один папуас сказал нам, что далеко к западу от Мерауке обитает чудовище, которого еще ни разу не видел никто из белых. Что этого морского зверя невозможно ни застрелить, ни поймать в сеть, и что местные жители панически боятся его и называют «хозяином». Что питается «хозяин» огромными акулами и сильнее его нет на свете живого существа.

Нельзя сказать, чтобы мы очень к этому прислушались: папуасы большие мастера фантазировать. Но так или иначе, наш маршрут шел как раз мимо Мерауке, на запад, диким побережьем Арафурского моря. И вот 15 июля мы бросили якорь возле деревни с названием Апусеу. Не знаю, что это означает на папуасском или на каком-нибудь другом наречии. Помню только, что деревушка называлась так по довольно большому острову, который лежал неподалеку.

Остров Апусеу и деревушка того же названия — тут-то нас и ожидало то, о чем я хочу рассказать... Еще по одной рюмке, месье. Ваше здоровье. Благодарю вас...

Нам было известно, что в деревне вместе с папуасами постоянно живет один белый. Мы только не знали, что это за человек — чиновник, назначенный голландскими властями, или какой-нибудь авантюрист. Во всяком случае, мы собирались попросить его помощи для съемок охоты на крокодила. (В числе всего прочего фирма потребовала, чтобы мы сняли подводную охоту на крокодила. Дурацкая мысль, не правда ли? Папуасы действительно охотятся в воде. Но в Париже никому не пришло в голову, что крокодилы-то живут в болотах и речках, где вода такая мутная, что собственных ног не увидишь.)

Помню, что деревушка произвела на нас странное впечатление. Папуасы, вообще говоря, народ шумный и общительный, но тут с моря все казалось вымершим, а на берегу это впечатление еще усилилось. Первые две хижины, куда мы заглянули, были пусты. Потом мы обнаружили несколько женщин и мужчин. Но все они выглядели чем-то запуганными, и мы от них ничего не добились. Один мужчина бормотал что-то о желтом туане и показывал на отдаленный край деревни, где одиноко стояло довольно большое для этих мест строение.

Добрались мы туда около двенадцати. Постройка представляла собой большой сарай, запертый на замок, — верный признак того, что он принадлежал белому. Рядом было несколько грядок маниокового огородика.

Мы уселись в тени и стали ждать.

В июле в тех краях стоит совершенно адская жара, месье. Сидишь не двигаясь в тени и все равно непрерывно потеешь. А этот пот тут же испаряется. То есть на своих собственных глазах сам переходишь сначала в жидкое, а потом в газообразное состояние. Противное чувство.

Прямые солнечные лучи сделали все вокруг белым, и от этой белизны болели глаза. У меня начался очередной приступ малярии, и я забылся каким-то полусном. Потом проснулся и помню, что подумал о том, как хорошо было бы очутиться сейчас в парижском кафе, в подвальчике, где прохладный полумрак и на мраморных столиках лежат выпуклые лужицы пролитого вина.

Я проснулся и увидел, что рядом стоит папуас. Крепкий парень, широкогрудый и коренастый. На теле у него была одна только набедренная повязка — чават. Да еще маленький лубяной мешочек, повешенный на грудь. В таких мешочках лесные охотники носят свое имущество.

В отличие от других туземцев, он не выглядел испуганным.

И тут появилась акула.

Парень держал акулу в руках и бросил ее на песок.

— Пусть туаны посмотрят. Туаны никогда такого не видели.

— Чего тут смотреть? — проворчал Мишель (моего друга звали Мишель Сабатье). — Обыкновенная дохлая акула.

Это была голубая акула около полутора метров длины. Мощные грудные плавники, откинутые назад, делали ее похожей на реактивный самолет. Спина была шиферного цвета, а брюхо белое. И вся нижняя часть тела, начиная от грудных плавников, была у нее как бы сдавлена гигантским прессом.

Вы понимаете, месье, передняя часть рыбы осталась, как она и должна быть, а задняя вместе с хвостом представляла собой

длинную широкую пластину не больше миллиметра толщиной. Как будто акула попала хвостом в прокатный стан.

— Она не дохлая, — сказал папуас. — Она живая. Петр принес живую акулу.

(Он говорил о себе и обращался к собеседнику только в третьем лице. Как офицер старой прусской армии.)

Папуас присел на корточки, вынул из лубяного мешочка нож и ткнул в жаберное отверстие хищницы. Акула дернулась и щелкнула челюстями.

Мы просто рты разинули. Вы понимаете, месье, акула была жива и в то же время наполовину высушена.

— Кто ее так? — спросил Мишель.

Бородатый папуас гордо посмотрел на нас. (Вообще папуасы не носят растительности на лице, но у этого была черная густая бородка.)

— Это хозяин.

— Какой хозяин?

И тут мы вспомнили о «хозяине», о котором говорил папуас из Яранги.

— Это хозяин бухты, — сказал бородатый Петр. — Он может съесть и не такую акулу. Он сожрет и ту, которая в три раза длиннее человека. Сожмет лапами и выпьет кровь.

Папуас еще раз ткнул акулу ножом. Она шевельнулась, но уже совсем слабо.

— А какой из себя хозяин? Он живет в воде?

— В воде. Он все, и он ничего. Сейчас он есть, а сейчас его нету. — Петр помолчал и добавил: — Только один Петр не боится хозяина бухты. Петр не боится ничего, кроме тюрьмы.

— Он большой — хозяин?

— Большой, как море. — Петр обвел рукой полуокружность.

— А ты можешь его показать?

— Петр все может.

Мы стали уговаривать Петра отправиться смотреть «хозяина» сейчас же, но оказалось, что, во-первых, для этого нужна лодка, а во-вторых, к «хозяину» безопасно приближаться только завтра. Почему именно завтра, Петр не объяснил.

Потом папуас ушел, пообещав вечером принести еще одну раздавленную акулу.

Мы вернулись на шхуну, приготовили аппарат для подводной съемки и акваланги, а позже, к вечеру, отправились навестить голландца. Мы были страшно возбуждены и всю дорогу рассуждали о том, как нам повезло и какая это будет сенсация, если мы заснимем чудовище.

Месье, не знаю как кто, но я не люблю людей, которые ничему не удивляются. Я просто испытываю боль, когда вижу такого человека. Мне кажется, что своим равнодушием ко всему он старается оскорбить меня. Ведь на свете есть множество удивительных вещей, не правда ли? В конце концов, удивительно даже то, что мы с вами живем. Что бьется сердце, что дышат легкие, что мыслит мозг. Верно, а?

Белый человек, голландец, к которому мы пришли, нисколько не удивился нашему появлению. Как будто все происходило где-нибудь на улице Богомолок в Париже, а не в этом диком месте, где киноэкспедиции не было от самого сотворения мира.

Возле сарая на обрубке железного дерева сидел здоровенный детина лет сорока пяти, в брюках и куртке цвета хаки. Впрочем, о цвете приходилось лишь догадываться, так как под слоем грязи его было не разобрать. У детины была рыжая борода и лысина, которую обрамлял венчик огненно-красных волос. Огромные руки он свесил с колен. Взгляд у него был тяжелый и неприязненный.

Рядом, на маниоковом огороде, копалась молодая папуаска с угрюмым темным лицом.

Когда мы с Мишелем подошли, детина даже не поднялся и только мрачно посмотрел в нашу сторону.

Мы поздоровались, неловко помолчали, а затем спросили, не слышал ли он о морском чудовище, которое обитает в этих краях, о «хозяине».

На ломаном французском он ответил, что не слышал, а потом сразу заговорил о другом. О том, что, мол, некоторые воображают, будто в этих краях деньги сами сыплются с неба. Ничего подобного. Деньги тут достаются еще труднее, чем в других местах. Папуасы ленивы и думают только о том, чтобы нажраться саго и петь свои песни. А работы от них не дождешься, нет. Паршивенький огород вскопать и то только из-под палки.

Он начал говорить громко, а потом сбился и забормотал, как бы для самого себя, глядя в сторону.

Молодая женщина на огороде в это время повернулась, и я увидел, что вся спина у нее в шрамах и рубцах.

— Ну, а как все-таки насчет зверя? — спросил Мишель. — Нам тут показали акулу, половина которой была выжата, как лимон. Вы таких не видели?

Нет, он не видел. А если и видел, то не запомнил. Он такими вещами не занимается. Акула или не акула — это еще ничего не доказывает...

Женщина снова повернулась к нам спиной, и Мишель тоже увидел ее рубцы. Рыжеволосый перехватил взгляд Мишеля и, нахмурившись, крикнул женщине по-малайски, чтобы она убиралась прочь. Та прижала к груди кучку корней маниоки и ушла за сарай.

— Да, — сказал я после неловкой паузы, — значит, этот зверь вас совершенно не интересует?

— Абсолютно, — отрезал рыжий.

Солнце уже почти закатилось за горизонт. Там, где небо смыкалось с океаном, громоздилась полоса черных туч. Над ними небо было розовым, выше — бледно-серым, еще выше — сине-серым. В джунглях немыслимым голосом кричала птица-носорог.

С ума можно было сойти от этой красоты!

По песчаному берегу, держа в руках большой банановый лист, шел папуас. На фоне розовой полоски неба он выглядел, как высеченный из черного камня.

Папуас подошел ближе и оказался бородатым Петром.

— Петр принес еще акулу, — сказал он. — Петр обещал и принес.

Он бросил на песок свою ношу. Это был не банановый лист, а раздавленная акула метра в два длиной. Она упала с сухим треском.

Мы с Мишелем склонились над этим чудом. Вы понимаете, месье, даже зубы были раздавлены и превратились в какое-то крошево, которое рассыпалось под пальцами. Она была так сплющена, эта огромная рыбина, что ее можно было бы просунуть под дверь, как письмо.

— Там таких много? — спросил Мишель. — Где ты их находишь?

— Петр может принести таких акул сколько угодно. Петр смелый. Он два года учился у белых в Батавии. Петр ничего не боится, кроме тюрьмы...

Тут папуас замолчал. А у сарая стояла молодая женщина и смотрела на него.

Рыжеволосый вскочил. Он замахнулся на женщину и разразился градом ругательств. Женщина отступила на шаг, продолжая смотреть на Петра.

Голландец схватил ее за руку и толкнул в темноту. Потом он повернулся к Петру:

— А тебе какого дьявола здесь надо?

— Потише-потише, — сказал Мишель, поднимаясь с корточек. — Петр пришел к нам.

— Петр не пришел к желтому туану, — с достоинством сказал папуас. — Петр пришел к двум туанам. — При этом он все же отступил на шаг.

— А ну, пошел вон! — закричал рыжий. — Проваливай, пока я тебе брюхо не прострелил!

Он вытащил из кармана револьвер и взвел курок.

Дело запахло убийством, и я почувствовал, что у меня вдруг вспотела спина.

— Петр придет к двум туанам на шхуну, — сказал папуас. — Завтра можно ехать смотреть хозяина. Петр придет со своей лодкой. — Он повернулся и быстро пошел прочь.

— Вот-вот, — крикнул ему вслед голландец, — близко сюда не подходи! — Он обернулся к нам: — Совсем обнаглели, свиньи! Никакого уважения к белому человеку!

— А может быть, и не надо, — сказал Мишель. Он набивался на драку.

Но детина уже не слушал его. Он бормотал что-то свое.

Мы подобрали акулу и пошли к себе. Когда мы были уже довольно далеко от сарая, сзади послышался топот и тяжелое дыхание.

— Послушайте, — сказал рыжий, догоняя нас, — послушайте, может быть, у вас на судне есть ром или виски. Я могу взамен дать копал.

— У нас у обоих язва желудка, — объяснил Мишель. — На шхуне нет ни капли спиртного.

— А-а, — сказал голландец и отстал.

Ночь я почти не спал из-за малярии, задремал только к утру, а когда проснулся, увидел, что у борта шхуны качается на волне папуасская лодка. Пока мы спускали туда акваланги и аппарат — у нас был Пате с девятимиллиметровой пленкой, —

Мишель успел рассказать мне то, что выведал у нашего бородатого друга. Выяснилось, что все окрестные папуасы находятся здесь в полном подчинении у рыжего голландца. Он появился в этом краю сразу после войны, вооруженный, остервенелый, злой, и заявил, что будет вождем всей округи. Тотчас погнал папуасов в горы за копалом и стал забирать для себя в деревнях лучших девушек. Когда трое парней попробовали протестовать, рыжий с помощью голландских властей засадил их в тюрьму в Соронге. (По мнению Мишеля, наш Петр тоже побывал за решеткой.)

— И понимаешь, — сказал Мишель, — вот что меня озадачивает. Оказывается, этого рыжего с револьвером папуасы тоже зовут «хозяином».

Тут мы посмотрели друг на друга. А что, если папуас из Япанги или Яранги, говоря о ненасытном чудовище, имел в виду как раз этого гнусного типа? Но раздавленные акулы! Но Петр, который явился со своей лодкой, чтобы ехать к «хозяину»!

Одним словом, я был несколько ошарашен этой новостью. Однако размышлять было уже некогда.

Петр стал на корме с большим однолопастным веслом — пагаём — в руках. Папуасская техника кораблестроения не предусматривает в лодках скамеек, поэтому сидеть там чертовски неудобно. Кое-как мы устроились на корточках, вцепившись в борта руками.

Мне трудно рассказать, месье, об этой первой поездке к «хозяину». Эти вещи нужно пережить, чтобы иметь о них представление.

В тех краях по всему побережью тянется полоса коралловых рифов, которые порой отстоят от берега на три — пять километров, а порой прижимаются к нему вплотную. В рифах есть проходы, иногда широкие, иногда узкие. Через эти проходы во время прилива (да и во время отлива) вода несется со скоростью электрички. Кроме того, у берега постоянное морское течение с юга на север, да еще реки, скатывающиеся с гор, да еще ветер, который тоже дует куда ему вздумается.

Пока мы были возле шхуны, стоявшей в затиши, мы всего этого не чувствовали. Но Петр вел лодку все левее и левее от деревни, ближе к рифу, который грохотал, как десяток товарных поездов. И вот тут-то оно началось. Лодка была легкая, как яичная скорлупа, и волны делали с ней что хотели. То горизонт взлетает над твоей головой, как будто весь мир взбесился (а ты уже насквозь мокрый), то солнце вдруг очертя голову, стремглав кидается вниз, а где-то возле сердца сосет и подташнивает, потому что твое чувство равновесия не поспевает за всеми этими скачками. Впереди то черная кипящая пропасть, то мощная зеленоватая стена, окаймленная белой пеной, — бесчисленные сотни тонн тяжелой соленой воды, которыми море играет шутя, как ребенок игрушкой...

Но ко всему привыкаешь, месье, привыкли и мы к этой каше. А Петр только скалил зубы на корме, глядя на наши скорчившиеся фигуры.

Так мы и плыли около часа, подошли совсем близко к ревущему рифу, обогнули песчаный мыс. И неожиданно вышли в тихую воду.

Прямо на нас медленно двигался большой скалистый остров — остров Апусеу. Теперь риф был уже позади него. Справа, примерно в километре, остался берег, где зеленые занавеси джунглей перемежались с известковыми скалами.

Вдруг сделалось тихо. Грохот рифа доносился издалека, как проходящая стороной гроза. Петр греб осторожно и внимательно вглядывался в воду. У нас с собой было двухствольное нарезное ружье «голланд» тринадцатимиллиметрового калибра. Папуас кивнул, чтобы мы его приготовили.

Сердце у меня сжалось от волнения. «Хозяин» был где-то здесь. Кто такой, наконец, этот зверь? На что он похож?

Мы переглянулись с Мишелем, и он облизнул пересохшие губы.

Остров Апусеу был перед нами, потом оказался слева. Это было удивительное место в том смысле, что тут совсем не было волнения. Позади, в каких-нибудь трехстах метрах, бесновались кипящие валы, у берега — мы видели это отсюда — волны пенились барашками, а тут поверхность воды была как зеркало, как кристалл. Тихое, спокойное озеро среди моря. И ничем не отделенное от моря. Какой-то каприз течений, прибоя и ветров.

Петр последний раз опустил весло, и лодка остановилась.

— Здесь, — сказал он. — Хозяин здесь.

— Как — здесь?

— Пусть туаны посмотрят на берег.

Петр показал рукой на узкую песчаную

кромку у подножия скал на острове. Мы туда взглянули и охнули. Десятки раздавленных и высосанных акул валялись на белом песке, и еще несколько вода качала у самого берега.

Какой там аппарат! Мы и думать забыли про съемки. Я сжимал ложе ружья с такой силой, что у меня пальцы побелели.

— А где должен быть сам хозяин? — спросил Мишель. Он перешел на шепот. — Там, на берегу?

— Здесь, — папуас ткнул пальцем вниз, на воду. — Он здесь, под лодкой.

Мы стали вглядываться в воду, но там ничего не было. Отчетливо мы видели мелкие камешки, водоросли, всевозможных ракообразных (так отчетливо, как бывает только в очень прозрачной воде в солнечную погоду). А дальше дно уходило вниз.

Петр сделал еще несколько осторожных гребков. Теперь дна уже не было видно, под нами мерцала зеленоватая глубина.

Небольшая, сантиметров в десять, полосатая рыбешка вильнула возле самой лодки, замерла на миг, а потом как-то косо, трепеща, стала опускаться и исчезла внизу во мраке. И одновременно в воздухе раздался какой-то слабый треск. Даже не треск, а щелчок.

Мы сидели очень тихо и ждали. Ружье было приготовлено. Нам казалось, что вот сейчас со дна начнет подниматься нечто страшное.

Мишель вдруг положил руку на маску акваланга:

— Я нырну.

— Нет, — сказал Петр.

— Да, — сказал Мишель.

— Нет, — повторил Петр. — Это опасно.

— Ну и пусть. — Мишель кивнул мне. — Страхуй.

Он натянул на лицо маску, сунул в рот резиновый мундштук и перекинул ногу через борт. Через мгновение он был уже в воде, и мы видели, как он стремительно погружается, сильно работая руками.

Мы переглянулись с папуасом. Петр был испуган, но не очень. Только сильно возбужден.

Прошла минута. Мишель исчез, гроздья пузырьков поднимались из зеленоватой тьмы... Еще минута... Еще одна...

Нервы мои были напряжены до предела, месье. Надеюсь, вы меня поймете. Что-то жуткое было разлито кругом. Эта тишина, такая странная в бушующем море, мертвые скалы острова, остатки акул на песке...

Не знаю, что это со мной случилось, но после трех минут ожидания я вдруг неожиданно для себя поднял ружье и наискосок выпалил в воду из обоих стволов.

Выстрелы грохнули, и в ту же минуту мы с Петром увидели, как Мишель поднимается из глубины. Он стремился наверх отчаянными рывками, как человек, за которым кто-то гонится. Он вынырнул метрах в пяти от лодки и тотчас поплыл к нам. Я помог ему перелезть через борт, а Петр навалился на противоположный, чтобы лодка не перевернулась.

Мишель сдернул маску, и, скажу вам, он был серый, как штукатурка. Несколько мгновений он молчал, стараясь наладить дыхание, потом сказал:

— Я здорово испугался.

— Чего?

Он пожал плечами:

— Сам не знаю чего.

— Но ты спустился до дна?

— Да, до самого дна.

Петр тем временем осторожными движениями стал выгребать к бурливой воде.

Мишель глубоко вздохнул несколько раз.

— Там что-то было, — сказал он, — только я не знаю что. Понимаешь, в какой-то момент стало ясно, что я не один там, в глубине. Что-то следило за мной. Что-то знало, что я здесь. Я это ощутил всей кожей. Здорово испугался.

— А что это такое было?

— Не знаю. Я опустился на дно, и сначала ничего не было. Дно как дно. Такой же песок, как везде. И отличная видимость — прекрасные условия для съемки... А потом я это почувствовал. Очень ясно. Что-то там есть.

Рыбка, похожая на окуня, мелькнула у весла. Вода возле нее вдруг помутнела, и опять раздался щелчок, который мы уже слышали. Рыбка косо пошла ко дну.

Петр кивнул:

— Хозяин позвал ее к себе.

Как — позвал? Что же такое этот «хозяин»? Где он прячется?

Мы накинулись на папуаса с вопросами, но он ничего толком не мог нам ответить. Вы понимаете, месье, по-малайски мы знали всего несколько десятков самых простых фраз, и этого оказалось недостаточно.

По словам Петра выходило, что «хозяин» иногда бывает огромным, как море, а иногда маленьким, как муравей. Но что это такое, было непонятно...

На этом, собственно говоря, и закончилась наша первая поездка к «хозяину» в район острова Апусеу. Довольно долго — теперь уже часа три — Петр выгребал против течения, и мы вернулись на шхуну совсем замученные. Петр сказал, что снова поедем к «хозяину» через день.

Вечером к нам на судно вдруг неожиданно пришел голландец. Удивительный визит, месье! Было абсолютно непонятно, зачем он пришел, этот рыжий. Появился на берегу, посигналил, чтобы за ним выслали шлюпку, поднялся на борт и уселся на бухту каната.

Даже нельзя сказать, что мы разговаривали. Просто он сидел, смотрел в сторону и время от времени начинал бормотать что-нибудь вроде того, что все папуасы, мол, свиньи и что жить в этом краю очень тяжело.

Мы с Мишелем подчеркнуто не обращали на него внимания, а занимались своим делом, то есть сортировали и упаковывали отснятую раньше ленту. Когда ветерок дул от голландца к нам, то несло такой кислой и душной вонью, что нас обоих передергивало. Видимо, этот человек не мылся и не купался в море по крайней мере год.

Мы, не сговариваясь, решили, что ни при каких обстоятельствах не пригласим его ужинать, и действительно не пригласили.

Когда он говорил, то сначала как будто бы обращался к нам и первые слова произносил явственно, но потом тотчас сбивался и переходил на свое невнятное бормотание.

Этот вонючий полусумасшедший с револьвером в кармане казался мне живым воплощением колониализма. Серьезно, месье. Эта ненависть к «цветным» и в то же время нежелание уезжать отсюда, эта тупость и этот запах гниения...

Мы с Мишелем еще раньше подумали, что рыжий детина у себя на родине сотрудничал с гитлеровцами, наверняка был одним из «моффи», как голландцы называли фашистов, и приехал в Новую Гвинею, чтобы избежать суда. Я его спросил:

— Чем вы занимались в Голландии во время войны, при немцах?

Что-то юркнуло у него на лице, и он промолчал.

А деревня на берегу выглядела совсем вымершей. Ни костров, ни песен и плясок, на которые так охочи папуасы.

Голландец ушел так же неожиданно, как и появился. Встал и полез в шлюпку. И уже снизу сказал, что хочет поехать вместе с нами к острову Апусеу. Хочет набрать там черепашьих яиц.

Я ответил ему, что относительно поездки он должен справиться у Петра, а не у нас. Лодка принадлежит Петру, и он командует всем предприятием.

По-моему, голландец меня не понял. Наверное, у него в голове не укладывалось, что белый о чем бы то ни было может спрашивать разрешения у туземца.

Он еще раз сказал, что хочет набрать яиц. Ему нужны черепашьи яйца, а папуасы боятся выходить в море.

Ночью мне приснился рыжий детина. Он обхватил Петра руками и ногами и сосал кровь из горла.

Мишель и я ожидали, что Петр не захочет брать голландца на остров. Но папуас проявил неожиданный энтузиазм.

«Желтый туан» хочет поехать к «хозяину»? Очень хорошо. Тогда лодка пойдет не завтра, а сегодня. Пусть два туана собираются, а Петр побежит за «желтым туаном». Пусть два туана торопятся, выехать надо как можно скорее.

Петр бегом отправился за голландцем, а мы принялись стаскивать в лодку аквалангн, аппарат, ружья.

Рыжий детина появился почти тотчас же. Он тащил с собой большую корзину. Карман брюк у него оттопыривался. Очевидно, он в этом краю не расставался с револьвером ни днем, ни ночью.

По указанию папуаса мы уселись в лодку. Мишель — на носу, затем я, потом голландец и, наконец, сам Петр на корме. Все сели лицом к движению. Папуас принес еще одно весло, и я должен был помогать ему грести. Кроме того, Петр спросил, есть ли у нас динамитные патроны. Мы взяли с собой три штуки.

На этот раз Петр гнал лодку так быстро, что в район острова мы добрались минут за тридцать. Снова сильно качало, и

голландец за моей спиной всякий раз ругался при сильных ударах волн. Снова волнение прекратилось, когда мы оказались вблизи острова. Опять поворачивались перед нами белые скалы, у подножия которых валялись остатки пиршеств чудовища.

Но тихое озеро среди моря было теперь несколько другим. Вода рябила. Какие-то птицы с криком носились над нами. Повсюду слышалось характерное потрескивание. И пузыри, месье. В разных местах под нами возникали гирлянды крупных пузырей, торопились к поверхности, здесь собирались в гроздья и лопались.

Казалось, море дышит.

Во всем этом было какое-то ожидание, какая-то тревога. И мы эту тревогу почувствовали.

Мишель вынул из кармана динамитный патрон, я взялся за ружье. Петр на корме пристально вглядывался в воду, глаза у него заблестели.

Голландец отложил корзину в сторону и сунул руку в карман. На лице у него появилось выражение тупой недоуменной подозрительности...

То, что произошло дальше, заняло не больше двух минут.

Петр вдруг поднял весло и с силой ударил плашмя по воде. Мы еще не успели удивиться, как вдруг прозрачная вода начала мутнеть, в глубине обозначились какие-то ветвистые белые трубки, которые тянулись к лодке. И одновременно раздалось сильное щелканье. Как будто кто-то ударил бичом.

Вода сделалась еще темнее, побурела. Лодку сильно толкнуло. Вода загустела, на наших глазах она превратилась в какое-то желе, а через мгновение это была уже вообще не вода, а что-то твердое, живое.

Месье, в это трудно поверить, но лодка вдруг оказалась лежащей на живой плоти, на чьем-то гигантском теле, бесформенном, безглазом, безголовом, которое корчилось под нами и пыталось схватить лодку, но только выдавливало ее наверх.

Сзади раздалось ругательство рыжего, затем мои уши ожег револьверный выстрел. Я услышал чей-то слабый крик.

Но ни я, ни Мишель не могли оглянуться. Лодка так накренилась, что мы чуть не вывалились наружу, в объятия этой плоти, которая корчилась под нами.

Мишель схватился за борта, а я уперся дулом ружья во что-то упругое, пульсирующее. Это упругое вдруг подалось под моим напором и потянуло ружье. Я бросил ружье и попытался оттолкнуться руками от этой плоти и так боролся какие-то мучительные мгновения, стараясь сохранить равновесие. А скользкие мускулы ходили под моими ладонями.

В этот момент чья-то рука схватила меня за волосы и потянула наверх. Тут же надо мной мелькнуло тело Мишеля в стремительном изгибе.

Где-то неподалеку раздался грохот взрыва. Я понял, что Мишель кинул динамитный патрон.

И тотчас все быстро пошло обратным порядком. Бурая плоть превратилась в желе. Желе мгновенно растаяло. Лодка выпрямилась. Вокруг снова была вода, мелькнули и пропали белые трубки.

Прошло две или три секунды, и лодка уже качалась на спокойной, прозрачной воде.

«Хозяин» появился, и «хозяин» исчез.

Мы с Мишелем, тяжело дыша, смотрели друг на друга. Мы были так ошеломлены случившимся, что не сразу поняли, что на нашей лодке что-то изменилось. Но что? Почему нас только трое, а не четверо?

Рыжего голландца не было.

Мы повернулись к папуасу.

Он развел руками:

— Желтый туан упал. Петр хотел вытащить желтого туана, но хозяин взял его к себе.

Тут Мишель вдруг вздохнул, глаза его расширились.

Я взглянул туда же, куда уставился он, и почувствовал, что все волоски у меня на коже встают дыбом, один отдельно от другого.

Месье, я был на войне и видел много страшных вещей, но такого я не видел никогда.

Внизу под лодкой, немного в стороне, медленно опускалось что-то похожее на большой лист бумаги, вырезанный в форме человека. Там было все — и рыжая борода, и розовое лицо с рыжим пушком на макушке, и куртка, и брюки цвета хаки. Только все это было не толще газеты, и, как мокрая газета в воде, все это складывалось и сминалось, опускаясь на дно.

«Хозяин взял его к себе».

У меня к горлу подступила тошнота, и я присел, чтобы не упасть.

Следующие несколько часов как-то выпали у меня из памяти. Помню только, что в лодке открылась трещина и мы с Мишелем по очереди откачивали воду футляром киноаппарата, а Петр все взмахивал и взмахивал своим пагаём. Потом был пляж, деревня, Петр, окруженный толпой папуасов, которых вдруг оказалось очень много в деревне...

Окончательно мы пришли в себя только на борту шхуны. Пришли в себя и принялись обдумывать то, что видели. Нас не занимала смерть рыжего негодяя, нет. Этот человек заслужил свое. Мы думали о том, что такое «хозяин».

Вы понимаете, месье, гигантское животное — а оно было именно гигантским, поскольку в то время, как мы боролись в лодке, живая плоть простиралась на несколько метров кругом, — это животное не поднялось со дна. Нет. Просто вода превратилась в живое тело.

Оно не пришло к нам. Оно стало, а затем его не стало. Оно ассоциировалось как будто бы из ничего, а затем растворилось, распалось на какие-то мельчайшие, даже микроскопические частицы.

Сначала оно возникло и образовало эти белые трубки, мышцы страшной силы, способные раздавливать кости, а потом, когда Мишель бросил заряд, оно снова превратилось в прозрачную воду.

Я много размышлял об этом впоследствии, когда мы уже покидали Индонезию. Может ли существовать животное, которое состоит из отдельных частей, объединяющихся в случае необходимости? Ведь мы привыкли к тому, что животное — это всегда цельный, неделимый организм. Мы привыкли, что делить организм на части означает убивать его.

Все это так, месье, но я пришел к выводу, что у нас тем не менее есть животное, которое состоит из отдельно существующих частей. Муравей... То есть, простите, как раз не муравей, а муравейник. Муравьиная семья.

В самом деле, что такое отдельный муравей? Можем ли мы считать его самостоятельным организмом, отдельным животным? Чтобы ответить на этот вопрос, зададим себе сначала еще один: а что же такое животное?

По моему разумению, месье (я ведь не специалист), животное — это такой организм, который способен к самостоятельному существованию, хотя бы и паразитическому, и участвует в акте продолжения рода. Конечно, это не полное и не научное определение. Но так или иначе, животным мы называем то, что живет, то есть питается — так или иначе поддерживает свою жизнь, — и что воспроизводит себе подобных.

Так вот, с этой точки зрения отдельно взятый рабочий муравей не есть животное. Ведь он не участвует в продолжении рода. Не воспроизводит себе подобных. Только обслуживает матку. Он как бы мускул муравейника, его рабочий орган, точно так же как муравьиная матка является органом воспроизводства.

Ведь если б матка была обыкновенным животным, ей следовало бы рождать только самцов и таких же маток, как она сама. Так ведь получается у львов, у свиней, у кого угодно. Но матка рождает еще и бесполых, бесплодных рабочих муравьев и солдат. Другими словами, она создает еще и отдельно существующие рабочие и защитные органы своего тела. Рождает мускулы.

Таким образом, я хочу сказать, что муравейник — это организм, который состоит из отдельно существующих частей. Причем это не механическое собрание отдельных единиц. Именно организм, который всегда действует согласованно и управляется общим и очень сложным инстинктом.

Мне кажется, что именно таким же было и чудовище, с которым мы встретились у острова Апусеу.

По-видимому, «хозяин» — это животное, состоящее из невообразимо большого числа микроскопических частиц (то, что они микроскопические, доказывается прозрачностью воды возле острова). В состоянии покоя частицы пребывают взвешенными в воде. Но, когда животное приступает к охоте, по какому-то сигналу взвешенные частицы мгновенно объединяются и образуют стальные мышцы, которые схватывают и сдавливают добычу, создают трубки, которые высасывают из жертвы кровь и соки, образуют аппарат, который с фантастической быстротой распределяет пищу и наделяет ею каждого участника охоты.

Вы понимаете, по всей вероятности, животное, когда оно голодно, реагирует на появление в своей среде инородного круп-

ного тела. Например, акулы. И нашу лодку оно тоже приняло за акулу. Пожалуй, нас спасло только то, что папуасские лодки имеют очень малую осадку. «Хозяин» попытался ее схватить, но вместо этого выдавил на поверхность.

Папуас из Янаги, который первым рассказал нам о чудовище, был прав, утверждая, что его нельзя ни застрелить, ни поймать в сеть. Попробуйте попасть в него пулей или поймать, если животное просто перестает существовать в качестве целого в момент опасности...

Мы много думали с Мишелем о том, как могло возникнуть и развиваться такое чудовище. Наверное, вначале были какие-то «водяные муравьи», которые в процессе эволюции, приспосабливаясь к окружающей среде, делались все мельче и мельче и дошли наконец до микроскопических размеров. И вместе с этим шел процесс специализации. Одни из этих мельчайших существ стали служить только для того, чтобы в нужный момент составлять трубки, другие — мускулы, и так далее. И тогда они уже окончательно утеряли самостоятельность, перестали быть организмами, а сделались одним организмом.

Очень может быть, что где-то на дне в бухте у острова прячется и общая матка этого животного, которая и сейчас порождает и порождает миллионы составляющих его частиц...

Что вы сказали?.. С муравьями? Да-да, я тоже задавал себе этот вопрос. Муравьи тоже охотятся скопом. Особенно тропические муравьи. Нападают и раздирают на части даже довольно крупных животных. Но разница в том, что муравьи при этой охоте не образуют никакой структуры. А «хозяин», насколько я все это понял, образует.

Вообще говоря, всё это сложные и интересные вопросы, месье. Иногда я думаю о том, какие удивительные и принципиально новые формы жизни могут быть еще открыты наукой. Пожалуй, где-нибудь в Космосе, на других мирах, людям могут встретиться и такие организмы, которые смогут ассоциироваться и возникать из мельчайших частичек и диссоциироваться в случае необходимости. И не обязательно они окажутся низшими животными. Возможно, это будут и мыслящие существа...

Вы не согласны? Мозг... Да, возможно. Действительно, мыслящее существо должно иметь мозг. Но тогда это могут быть животные с чрезвычайно сложным и развитым инстинктом. Такой сложности, что мы даже и представить себе не можем...

Я не утомил вас этим рассказом? Нет?.. Благодарю вас. Но мне все равно осталось рассказать уже очень мало.

Мы пробыли в этой деревне еще три дня. Экспедиция должна была заканчиваться, и срок, на который мы зафрахтовали наше суденышко, тоже истекал.

Удивительно переменилась деревня после гибели голландца. В тот же вечер на берегу зажглись костры. Из хижин вышли папуасы, множество молодежи. Начались песни и танцы. И все радостно кричали о том, что «хозяин» умер.

Утром на шхуну пришел Петр. Вид у него был несколько смущенный. Он поздоровался с нами, пожал нам руки, а затем спросил, не можем ли мы написать ему бумагу. Какую бумагу? Зачем?

Выяснилось, что, если в деревне не окажется написанного белыми документа о том, что голландец погиб в результате несчастного случая, половина жителей будет арестована и посажена в тюрьму.

Месье, положа руку на сердце, я не могу сказать, был ли тут виноват несчастный случай. Я слышал за спиной выстрел. Кроме того, Петр как-то слишком заторопился, когда узнал, что рыжий поедет с нами. Как будто хотел попасть к определенному часу.

Все это с одной стороны. Но с другой... Одним словом, мы написали такой документ. И, чтобы не создавать трудностей для следствия, не стали упоминать ни о выстреле, ни о крике. В конце концов, вся история с рыжим голландцем была суверенным делом жителей деревни...

Были ли мы еще раз у «хозяина»?.. Нет, не были. Это оказалось просто невозможным. Папуасы устроили пир, который длился все время, что мы там оставались, и должен был длиться еще неделю. Петр праздновал свадьбу с той самой молодой женщиной, которая... Одним словом, вы понимаете, с какой. Да, кроме того, нам самим, честно говоря, не очень хотелось ехать тогда к острову. Слишком живы были воспоминания о том, что́ чудовище сделало с голландцем. Мы теперь собираемся отпра-

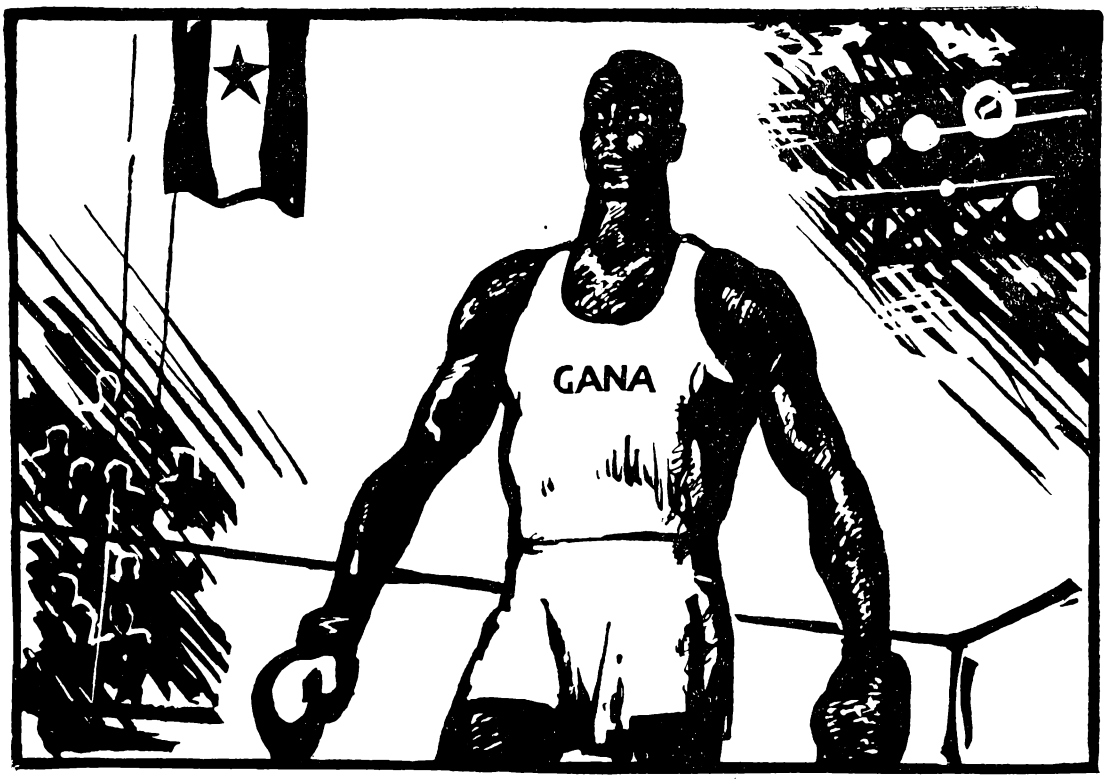
виться на остров. Вот сейчас. Мишель ждет меня в Мерауке.

Но я не сказал вам еще об одной детали. Вы понимаете, когда мы, испуганные и потрясенные, возвращались в тот второй раз, Мишель, оказывается, набрал фляжку воды из бухты.

Мы вылили эту воду в стакан и поставили на стол в каюте. Месье, в тропиках открытая вода зацветает буквально через несколько часов. Но эта вода не зацветала. Прошел день, другой, третий. А вода в стакане оставалась такой же кристально прозрачной. И стенки стакана на ощупь были даже холодными — это при сорокаградусной-то жаре. В конце концов, Мишель взял да и сунул туда палец. И представьте себе...

Месье, простите! Это ваш самолет. Да-да, осталось пять минут. Бегите! Бегите... Нет, позже. Я просто напишу вам. Бегите, а то вы не успеете... Месье, спасибо, что вы меня выслушали. Нет, бегите. Взаимно, месье, взаимно... Да, обязательно. Я записываю. Напишу сразу, как вернемся... Записываю. Москва... Так... Так... Я вам непременно напишу.

До свиданья!

АЛЕКСАНДР КУЛЕШОВ

СПЛЕТЕННЫЕ КОЛЬЦА

Официальной олимпийской эмблемой являются пять цветных сплетенных колец, символизирующих пять континентов: голубое — Европу, черное — Африку, красное — Америку, желтое — Азию и зеленое — Австралию.

ТРЕТИЙ ЗНАЧОК

Голубое кольцо

Их было четверо, и они были похожи, как братья.

У всех четверых коленки были всегда в ссадинах, руки испачканы и поцарапаны, а штаны порваны и заплатаны. Даже имена всех четверых начинались на одну букву: Луиджи, Лоренцо, Леонардо, Лючиано. Но они не были братьями.

Просто они все жили в одном доме. В одном из тех высоких облезлых, старых домов, что выходят своими слепыми от жалюзи окнами на реку.

Перед домом пролегала широкая мостовая и росли высокие древние платаны.

Но окна тех комнат, где они жили, выходили не на реку. Они выходили в узкий, всегда темный, сырой двор. Над двором, словно облака, нависли бесчисленные груды белья, развешанного на протянутых между окнами веревках. Впрочем, белье скорее

напоминало тучи — оно было не белым, а серым.

Луиджи, Лоренцо, Леонардо и Лючиано частенько дрались между собой, награждая друг друга звонкими пощечинами и тумаками. Но жить один без другого они не могли, и какая бы отчаянная «навечная» ссора ни разъединила их накануне, они мгновенно объединялись, если нужно было дать отпор «заречным» ребятам или возникал проект интересного приключения.

Одним словом, они были неразлучны, как братья.

Вместе играли и дрались, лазали по крышам и получали трепки от матерей, вместе зарабатывали деньги, что случалось делать по-разному.

Иногда в огромных мусорных кучах, что высились за городом, за древним, построенным еще рабами виадуком, удавалось разыскать целые бутылки или консервные банки. Иногда в дни сенсаций их брали на пополнение армии таких же голоштанных и горластых газетчиков. А иногда, и это было высшим счастьем, они проводили вечер в одном из маленьких спортивных залов, разнося пиво, «кока-кола», мороженое. Они торопливо сновали в душном, прокуренном помещении среди орущих людей, порой застывая как зачарованные, не в силах оторвать взгляд от ярко освещенного ринга, на котором, потные, растрепанные и окровавленные, утопая в табачном дыму и пыли, метались боксеры.

Возвращаясь домой по темным дождливым улицам, они с азартом обсуждали проведенный вечер, вновь и вновь переживая чужие бои, завидуя зрителям, которые могли смотреть эти бои каждую субботу, а больше всего завидуя боксерам. Они не знали, что зрители подчас всю неделю копили гроши, чтоб субботним вечером сходить на бокс, что боксеры — такие же бедняки, как они сами, хоть и взрослые. Только мальчишки за несколько измятых лир разносили пиво, а боксеры за те же лиры избивали друг друга.

Они этого не знали. Они видели спорт, а спорт — это было здорово, и теперь, в дни олимпийских игр, Луиджи, Лоренцо, Леонардо и Лючиано считали себя самыми счастливыми, потому что игры эти происходили в их городе, в Риме.

Разумеется, они не имели возможности побывать на стадионах, в спортзалах или бассейнах. Зато они частенько видели мчавшиеся по улицам большие автобусы, в которых спортсмены ехали на соревнования. Они толкались у входа в Олимпийскую деревню или у ворот стадиона. А в день открытия игр ценой отдавленных ног и затекших рук им удалось увидеть весь олимпийский парад!

И они навсегда запомнили и синее небо, и сверкающее солнце, и тысячи голубей, взметнувшихся над городом, словно тысячи белых приветственных платков. Они навсегда сохранили в памяти шумный, жаркий, вихревой день, наполненный красками, музыкой, криками и движением.

Они могли бы и через десять лет рассказать с мельчайшими подробностями об олимпийском шествии к стадиону. Через десять лет! А тем более в тот же день, когда, качаясь от усталости, оглушенные и помятые, они вернулись в свой сырой, темный двор и предстали перед дядей Боссо.

Дяде Боссо было безразлично, где сидеть с молотком в одной руке и каким-нибудь старым ботинком в другой — в темной конуре, выходившей на темный двор, или на ярком солнце. Дядя Боссо был слеп. Вы можете сказать, что слепых сапожников не бывает. А вот представьте, бывают! И лучшим доказательством служил дядя Боссо.

Когда-то он был моряком, побывал на всех морях и океанах, но во время войны его ранило, и он потерял зрение. Теперь с рассвета до темноты он сидел, сгорбившись, зажав между коленями колодку, и чинил ботинки. Он брал дешево, потому что работал неважно, и ему приносили на починку свою обувь окрестные бедняки. Он на ощупь резал кожу, забивал и вытаскивал гвозди, подшивал суровой ниткой отвалившиеся подошвы, укреплял поломанные каблучки давно немодных туфель. Получалось плохо, клиенты ворчали, а то и сердились, но потом опять приходили к дяде Боссо, потому что дешевле все равно никто не брал. Да и жалко было старого инвалида. Но для Луиджи, Лоренцо, Леонардо и Лючиано дядя Боссо не всегда бывал старым инвалидом.

По воскресеньям или когда не было работы, он часами рассказывал им о своей морской жизни. Перед затаившими дыхание ребятами возникали лазурные тропические бухты, волосатые тонконогие пальмы, суровые белые льды, далекие чудесные города, бури и тайфуны, кораблекрушения и морские сражения; запах стираного белья, сырости и нечистот, всегда стоявший во

дворе, исчезал, уступая место соленым ветрам и ароматам смолы, нагретой палубы и порохового дыма. И сам дядя Боссо распрямлялся и превращался в усатого красавца моряка в ослепительно белой форме, стоявшего на капитанском мостике...

Они любили дядю Боссо, и он любил их. В зимние слякотные дни они приносили ему щепу и куски угля, ходили за хлебом и сыром, бегали за гвоздями. А главное, он был поверенным их славных дел, их приключений, затей и мечтаний.

Он сам придумывал для них разные интересные игры и дела. Вот и в тот день он устроил настоящий конкурс — кто лучше сумеет описать олимпийские делегации. Лучше всех это сумел сделать Лючиано. За это дядя Боссо наградил его кожаным футляром для гребенки, который сам смастерил. Это был довольно бесполезный подарок, потому что Лючиано в жизни не держал в руках гребенки. Но все же он был очень горд призом.

Пока шли игры, дядя Боссо часто придумывал такие конкурсы, награждая кого конфетой, кого почтовой маркой, кого освободившимся из-под клея пузырьком.

В конечном итоге как-то выходило, что все получали награды поровну. А когда до конца игр осталось два дня, дядя Боссо собрал их и сказал:

— Завтра проводим последний аврал! В море выходите все четверо! Курс — Олимпийская деревня! Боевая задача — достать значок! Кто достанет лучший значок, тот лучший капитан! Награда... — И тут дядя Боссо выдержал длительную паузу. — Компас!

Сначала им показалось, что они ослышались. Но дядя Боссо повторил:

— Компас!

Компас! Заветная мечта, предмет неизменного восхищения и благоговения! Черный, немного облезлый, в потертом замшевом футляре, он лежал на дне морского сундучка дяди Боссо. Иногда дядя Боссо вынимал его и давал им подержать, полюбоваться на маленькую светящуюся зеленую стрелку, всегда указывающую правильный путь.

На следующее утро все четверо, серьезные и сосредоточенные, в полном сознании важности предстоящей задачи двинулись в дорогу. У каждого был свой продуманный за ночь план, которым он горел поделиться с тремя другими. Но план этот был великой тайной, долженствовавшей принести победу, и каждый молчал.

Главное было пройти в Олимпийскую деревню. А это было неимоверно трудно. Вдоль высокого проволочного забора прохаживались полицейские. Конные патрули карабинеров объезжали ограду.

Недалеко от входа в деревню друзья расстались. Они долгим взглядом посмотрели друг другу в глаза — так смотрят, прощаясь, моряки, уходящие в дальнее опасное плавание, — пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

Лючиано повезло больше всех. Не успел он подойти к воротам, как оттуда появилась группа необычно одетых спортсменов — они были в небесно-голубых кителях с золотыми пуговицами и золотыми галунами, над лакированными козырьками их элегантных фуражек сияли сложные золотые украшения. На груди пестрели золотые значки и эмблемы. Это была группа яхтсменов, уезжавшая в Неаполь.

Лючиано был заворожен сверканием этих великих людей. С толпой ребятишек он бросился вперед. В одно мгновение яхтсмены были окружены, их дергали за рукава, совали им в руки блокноты для автографов, требовали у них значки. Толпа разъединила спортсменов, затолкала, чуть не опрокинула. Они отбивались как могли, отчаянно пробиваясь к автобусу. Кругом стоял крик, смех. Полицейские врезались в мальчишечью толпу, щедро раздавая пинки и подзатыльники. Кто-то больно толкнул Лючиано локтем, и он кувырком полетел на землю. И в то же мгновение почти рядом с собой в пыли, под ногами, он увидел тусклое сверканье. Золотой значок! Рука Лючиано мгновенно протянулась вперед и сжала металлический кружок. Толпа покатилась дальше. Лючиано вскочил и, засунув добычу в самый глубокий, единственный не дырявый карман, помчался домой. Он несся как вихрь...

А тем временем Лоренцо приводил в осуществление свой хитроумный план. Еще раньше он заметил, что у бесчисленных тратторий в окрестностях деревни с утра останавливаются большие красные грузовики. На грузовиках аккуратными рядами высились красные ящики с бутылками «кока-кола». К одному из таких грузовиков он теперь и направился. Кругом никого не было, кроме редких утренних прохожих. Медленно, осторожно, затаив дыхание Ло-

ренцо подкрался к грузовику. Из кабины шофера доносился храп — шофер спал, ожидая, пока откроется траттория. Лоренцо дрожащими руками, беспрестанно оглядываясь, начал снимать один из красных ящиков. Вдруг за спиной он услышал шорох и странное ворчание. Сердце Лоренцо чуть не выпрыгнуло из груди. Зажмурившись, он медленно обернулся. Потом сразу открыл глаза. Перед ним стояла собака и влажными добрыми глазами смотрела на него. На собаке был красный халатик с надписью «кока-кола», а на голове, кокетливо сдвинутая набок, держалась с помощью ремешка красная каскетка. Собака внимательно наблюдала за Лоренцо.

— Здравствуй! — заискивающе улыбнулся Лоренцо. — Привет! Как дела?

Собака облизнулась и не ответила. Опасливо оглядываясь, Лоренцо вновь потянул ящик. Собака продолжала неподвижно сидеть. Наконец, обливаясь потом, Лоренцо стащил ящик, просунул руки в специальные лямки и надел его на грудь. Затем, боясь оглянуться, зашагал к деревне.

Подойдя к воротам, он водрузил на лоб красный козырек с извивающимися буквами «кока-кола», который подобрал еще давно, в день открытия игр, — такими козырьками были усеяны в тот день все подходы к стадиону.

С бьющимся сердцем, с мокрыми от волнения руками, он направился в ворота. Лоренцо старался иметь деловой, озабоченный вид: ведь он продавец «кока-кола» и, наверное, опаздывает на свой пост в деревне.

— Эй, бамбино, ты куда?

Лоренцо остановился как вкопанный. Высокий, весь в сером, контролер строго смотрел на него. У контролера был грозный вид; казалось, что и волчица, изображенная на его форменной куртке, тоже грозно скалится.

— Я? — Лоренцо начал заикаться. — Я? В-в-в д-д-деревню... Оп-п-паздываю...

— А пропуск у тебя есть?

В этот момент, когда, казалось, все было потеряно, раздался грубый голос, прозвучавший в ушах Лоренцо сладчайшей музыкой.

— Да брось ты, — произнес голос, — чего привязался к парню? Он и так небось опаздывает. Ты бы еще у этой пропуск спрашивал...

Лоренцо обернулся — другой контролер, улыбаясь, показывал на собаку. Невозмутимая, важная в своем халатике и каскетке, она преданно следовала за Лоренцо.

— Ну ладно, проходи... — сказал грозный контролер.

Лоренцо не помнил, как двинулся дальше по широкой главной улице деревни.

Он очнулся, лишь услышав странное шипенье. С трагическим лицом, приложив палец к губам, из-за угла дома выглядывал Луиджи.

— Пшт! Пшт! — Он шипел, таращил глаза и делал Лоренцо отчаянные знаки, стараясь привлечь его внимание. Лоренцо сразу повеселел: «Молодец Луиджи, тоже пробрался! Интересно, как другие?»

Лоренцо поставил ящик на тротуар и заторопился к другу.

— Страшно! Чуть не погиб! — Луиджи всегда был склонен драматизировать события. — Меня ищут по всей деревне! Я сам видел! С собаками! Твоя — это не переодетая ищейка? А?

Лоренцо старался успокоить Луиджи, но это мало помогало. Размахивая руками, Луиджи с придыханием шептал:

— Там стояла машина, я залез под брезент... сто метров проехал, оказывается, она не в деревню, а наоборот!.. Хорошо, остановилась, еле успел выпрыгнуть!.. Я — в другую, где ящики, так он мне такого дал, во, до сих пор ухо болит!

— Кто — он? — заинтересовался Лоренцо, разглядывая рубиновое ухо приятеля.

— «Кто»! Шофер, вот кто!.. Я тогда подошел еще к одной. Там бочки. Я в бочку — раз! — и въехал! К столовым подкатили, начали бочки сгружать — пустые все, а они как покатились, моя куда-то совсем в сторону, я выскочил, а они кричат, а я побежал, а они кричат, я сюда, а они... — Луиджи захлебнулся.

— Ну, вот что... — Лоренцо взял руководство операциями в свои руки.— Ты туда иди, вглубь, а я здесь останусь. Если что — предупрежу. Главное — значки. А раз ищут, времени терять нельзя.

Крадучись вдоль стен, Луиджи двинулся дальше, в глубь деревни, а Лоренцо решительно направился к первой же группе спортсменов, которых увидел. Это были такие высокие люди, что, если б они не стояли перед ним, Лоренцо никогда не поверил бы, что на свете есть подобные великаны: он едва доставал им до колена.

— У вас нет значка? — робко спросил он Но он говорил так тихо и был так далеко

внизу, что им, наверное, ничего не было слышно. Они прошли мимо, словно деревенские парни на ходулях, которых видел Лоренцо, когда ездил к тетке.

Потом он подошел к группе девушек. Девушки были хорошие, они улыбались ему, гладили по голове и дали апельсин. Но значков у них не оказалось — они ехали на тренировку, и, кроме коротеньких клетчатых штанишек и маек, на них ничего не было. Были на них еще огромные, как клумбы, соломенные шляпы. Но значки они оставили дома — они объяснили это Лоренцо, хотя говорили на непонятном языке.

Потом прошел маленький толстый человек с такими толстыми руками, словно это были не руки, а ноги. Он жевал резинку и что-то свистел. Лоренцо обратился к нему, и толстяк, не останавливаясь, вынул из кармана тренировочных штанов значок и бросил его Лоренцо. Лоренцо впился в значок глазами. Увы — это был лишь гладкий жестяной диск сине-белого цвета с красной надписью «кока-кола». Лоренцо даже сплюнул от досады и, размахнувшись, бросил диск в траву.

Так бродил он долго, пока наконец две девушки — уже не в клетчатых штанишках, а в синих, — сжалившись над ним, не подарили ему два одинаковых очень красивых значка — золотой петух над сине-бело-красными кружочками. Они тоже дали Лоренцо апельсин. Потом какой-то здоровенный парень, черный-черный, как глаза Лоренцо, дал ему маленький зеленый значок.

Когда наконец Лоренцо вернулся к своему ящику, он увидел, что все бутылки пусты, а на дне ящика валяются серебряные монеты. Собака, как часовой, неподвижно сидела рядом. Кто-то приколол к ее красному халатику большой значок в виде пяти переплетенных цветных колец.

— Зачем он тебе? — сказал Лоренцо, забирая значок. — Вот съешь лучше апельсин.

Но пес презрительно отвернулся. Может быть, значок и не очень интересовал его, но апельсин не интересовал вовсе.

Окрыленный удачей — столько значков! — Лоренцо прошествовал мимо контролеров, осторожно, обходом подобрался к траттории и, поставив ящик возле входа, сломя голову помчался наутек. Деньги, вырученные от продажи «кока-кола», он оставил в ящике. Собака, пролаяв ему вслед, осталась сторожить.

...Когда Лоренцо подходил к дому, его нагнал Леонардо. Леонардо имел скучающий вид, но за километр было видно, что он страшно горд.

— Ну? — спросил Лоренцо.

— Что — ну? — притворился непонимающим Леонардо.

— Много значков набрал?

— Да нет, пустяки. — Леонардо небрежным жестом опустил руку в карман и вынул целую пригоршню значков. Сверкая золотом, переливаясь всеми цветами, на ладони его лежал добрый десяток замечательных значков!

Лоренцо даже остановился, не в силах вымолвить слова.

— Здорово! — воскликнул он, сгорая от зависти. — Да ты, наверное, всю деревню обошел!

— Зачем? — Леонардо, чья физиономия сияла, как медный таз для варки варенья, силился казаться равнодушным. — Я и не заходил в деревню. Для чего? Постоял у входа, только надо было справа, а не слева, где мы всегда стояли, и вот получил...

— Что, все подарили! — не веря ушам, спросил Лоренцо.

Леонардо замялся:

— Ну, часть подарили, часть... наменял...

— На что наменял?

— Ни на что, так...

— Как — так?

— Ну... они мне давали в обмен, а я...

— Что ты?

— А я не давал... Потом-то, конечно, я им дам, — заторопился Леонардо.

— И спортсмены тебе верили?

— А при чем тут спортсмены? Я у ребят менял.

— А ребята тебе верили? — настаивал Лоренцо.

Леонардо помолчал.

— Некоторые верили...

— А остальные? Да скажешь ты толком, у кого менял?.. — закричал Лоренцо, хватая друга за ворот рубашки.

— Ну чего пристал! — вырывался Леонардо. — У ребят менял, какие помладше. Но я им потом отдам. Вот честное слово, отдам...

Лоренцо понял. Он молча отвернулся от Леонардо и зашагал быстрей. Леонардо трусил сзади, иногда пытаясь забежать вперед и заглянуть Лоренцо в лицо.

— Я же отдам им. Потом, когда на-

беру... — бормотал он. — Я им всем говорил, они согласны, они совсем не все плакали. Честное слово, не веришь?..

Но Лоренцо не удостаивал его ответом.

Когда они вошли в свой темный, сырой двор и постучались в окошко к дяде Боссо, Лючиано уже сидел там. Он был мрачен.

Дядя Боссо утешал его.

— Ничего! Отличная пуговица! Когда я был в Пирее, нас инспектировал адмирал. Так у него все пуговицы были такие — тоже вот с якорем и гербом. Ты говоришь, она золотая? Вот видишь, а у адмирала были серебряные. Очень хорошая пуговица.

Но Лючиано был безутешен. С грустью поглядывал он на красивую золотую пуговицу, которую держал в руке. Так ошибиться!

Лоренцо вытащил свои значки и разложил на столе. Дядя Боссо не спеша тщательно ощупывал их, а Лоренцо, помогая, рассказывал, что на них изображено, описывал цвета.

Потом наступила очередь Леонардо. Он путался и сбивался, рассказывая про свои значки и умоляюще поглядывая на Лоренцо. Но тот лишь презрительно молчал.

Осмотр был в самом разгаре, когда в комнатку вошел Луиджи.

Он, видимо, был доволен, но, когда глазам его предстали сокровища, разложенные Лоренцо и Леонардо на столе, он сразу приуныл.

— Ну, каковы трофеи? — Дядя Боссо устремил на Луиджи свои невидящие глаза.

— Да вот... — Луиджи вынул из кармана три тщательно завернутых в бумажку значка и протянул их дяде Боссо. Он торопливо начал оправдываться: — За мной гнались, меня искали. Я спрятался в одном из подъездов, а там, оказывается, наши спортсмены живут, итальянцы. Вот они мне этот дали — красивый, правда? — Он показал на белый эмалированный значок с золотистой звездочкой, переплетенными кольцами и золотыми буквами — ФИАП (было очевидно, что на этот значок он возлагал свои главные надежды). — А потом, — продолжал тараторить Луиджи, — пришел какой-то главный и прогнал меня. Я зашел еще к одним, не знаю кто — они мне этот дали. — Он взглянул на значок в виде зеленого щита с кольцами и звездами. — А потом я совсем в конец деревни прошел, там в синих костюмах были русские. Они мне помогли из деревни выбраться, посадили в машину, когда уезжали на стадион, и вывезли. Хорошие...

Дядя Боссо тщательно ощупывал третий из принесенных Луиджи значков. Но этот, видимо, был неудачный. Во всяком случае, он был единственный без позолоты. Он был сделан в виде кружка из темного металла. В кружке был рельефно изображен профиль человека. Нет, значок был не очень красивый и совсем не яркий. Луиджи понимал это.

— Это они мне дали значок, русские. Значок некрасивый, но они молодцы. — Луиджи старался оправдать своих новых друзей. — Они мне еще вот что дали... — Он вытащил из кармана открытки. — И шоколадом угостили, а главное, из деревни вывезли. А значок что ж, может быть, у них нет дорогих...

Луиджи говорил, а дядя Боссо молчал, сосредоточенно ощупывая маленький металлический кружок.

— Ты говоришь, значок недорогой, — прервал он наконец Луиджи. — А что за лицо тут изображено? Я чувствую, что лицо, но какое оно?

Все четверо склонились над значком.

— Лицо,— медленно говорил Луиджи,— с бородой, маленькой такой бородкой...

— А лоб очень большой, — добавил Лоренцо.

— А буквы? Там нет букв? — спросил дядя Боссо.

— Есть, есть! — хором закричали мальчики. — Только странные какие-то. Вот первая, как наше V, только перевернутая, а вторая...

— Достаточно! — Дядя Боссо встал. Протянув руки, он нашел Луиджи (дядя Боссо умел определять их всех на ощупь). — Ты сказал, что это недорогой значок? — Он помолчал. — Нет, Луиджи, твой значок самый дорогой...

Он повернулся, достал из-под койки сундучок и вытащил оттуда завернутый в потертую замшу компас.

— Твой значок лучший, на́, получай компас. — Дядя Боссо опять помолчал. — А значок этот, образ человека, который на нем, носи не над сердцем, не так, как другие значки. Носи его в сердце. И он будет для тебя самым верным компасом.

Четверо молчали, они внимательно смо-

трели на скромный значок и на старый, немного облезлый компас, на маленькую, светящуюся стрелку, ту, что всегда указывает правильный путь...

ПОБЕДА

Черное кольцо

Говорят, что в трагическую минуту, перед гибелью, например, вся жизнь человека проходит перед ним за одно мгновение. А в счастливую минуту? Не бывает ли так, чтобы в минуту наивысшего счастья, великого торжества, осуществления желаний перед мысленным взором человека пронеслись все горести, все испытания и удары, которые выпали на его долю за долгие годы, предшествовавшие этой счастливой минуте? Наверное, бывает.

...Атта Тей стоял в своем углу ринга. Его широкая грудь вздымалась и опускалась, разбитое лицо горело. Ноги еле заметно дрожали.

Словно толстое стекло отделяло его от окружающего реального мира — от рукоплесканий и криков трибун, от рефери, подходившего к нему, чтоб поднять его руку — руку победителя, — от белых канатов ринга, от серого его покрытия и от человека, неподвижно лежавшего, раскинув руки, на этом сером полу.

И насколько далекими, приглушенными были для него в эту минуту крики и шумы, насколько расплывчатыми и неясными очертания вещей и огней, настолько же ослепительно четкой пролегла перед его мысленным взором его жизнь — торный извилистый путь от лачуги на окраине Кейптауна до высшей ступени олимпийского пьедестала почета, на который он взойдет через несколько минут.

Всю жизнь его били.

Вот он, босоногий негритенок, начал свой трудовой путь — он чистит ботинки белых джентльменов, получая от них не меньше подзатыльников, чем монеток.

Став постарше, он моет посуду в жарком, душном подвале фешенебельного ресторана. И здесь редким был день, прошедший без оплеухи. Но это были еще пустяки.

Главное началось в тот день, когда он, возвращаясь с работы, в маленькой темной улочке повстречал этих белых, пьяных, шумных, распевающих песни, размахивающих руками, одного из которых он нечаянно толкнул.

О, он прекрасно помнит эту крошечную улочку, такую узкую, что, даже совсем прижавшись к дому, трудно было разойтись, не коснувшись друг друга.

Полдюжины карманных фонарей вспыхнули одновременно, ослепили, выхватили беспощадными белыми лучами из темноты. Лучи были словно железные руки, схватившие, обнажившие его, выставившие беззащитного и обреченного посреди улочки перед этими кричащими, хохочущими, кривляющимися белыми.

Первый удар был нанесен сзади ногой, потом кто-то со страшной силой ударил его в подбородок. Тею показалось, что вся улица, все серые дома обрушились на него, а тусклый фонарь вдруг вспыхнул, как яркое многоцветное солнце, замигал, заискрился...

Но Тей не упал, он только зашатался. Тогда несколько твердых тростей одновременно вонзились в его тело. Режущая боль пронзила его. Ему показалось, что все ребра у него разлетелись, ломаясь, как соломинки. Град ударов посыпался на лицо. И все же он не упал. Он шатался из стороны в сторону, пытаясь закрыться руками, вобрать голову в плечи, хоть как-то защититься от урагана ударов.

Ему казалось, что это длилось вечность. Он мечтал лишь об одном — скорей потерять сознание, умереть, перестать чувствовать... Он не сразу понял, что произошло, когда град ударов прекратился. Он слышал лишь дикий гул и звон в ушах, ощущал лишь чудовищную боль во всем теле.

Наконец Тей открыл глаза (он даже не сознавал, что все это время отчаянно жмурился).

— Эй, черномазый, эй! Да приди ты в себя наконец! — Голос доносился откуда-то издалека и лишь постепенно становился громче и ясней. — Очнись! Ну же!

С трудом глядя сквозь опухшие веки, Тей увидел перед собой широкоплечего детину, который тряс его за плечи.

— Ну же! Не бойся! Больше бить не будем! Ходить-то можешь?

Детина взял Тея под руку своей железной лапой и потащил за собой. Остальные что-то недовольно кричали вслед.

— Идите к черту! — огрызался вели-

кан. — Я такого два года ищу! Это же не человек, а камень! К черту!

Словно в тумане Тей прошел две-три улицы, потом незнакомец усадил его в такси, а через полчаса быстрой езды они приехали на загородную виллу.

Дверь открыл слуга.

— Умойте, накормите, а потом приведите в зал, — сказал незнакомец.

Теперь Тей смог разглядеть его как следует. Он был высокого роста, с широченными плечами и длинными, могучими руками. Нос был искривлен давними и, наверное, неоднократными переломами, глаза-щелки скрывались под опухшими бровями, а на бровях красовались шрамы. Сомнений быть не могло — белый был боксером. Тей, как и все мальчишки, любил бокс и достаточно насмотрелся в дешевых окраинных залах на матчи третьеразрядных профессиональных боксеров, чтобы сразу понять это.

Он даже узнал белого — это был Джемс Рассел, чемпион страны среди любителей. Зачем он привез сюда Тея?

Но додумать эту мысль он не успел. Слуга подтолкнул его к двери.

Тей долго плескался и мылся в ванной. И хотя это была ванна для слуг, он даже не представлял себе, что такие бывают. Потом, ни слова не говоря, слуга привел его в кухню и показал на стол, где стояли салат, бифштекс и картофель. Тей никогда в жизни не ел таких вкусных вещей и никогда не видел таких кухонь — огромная, больше, чем вся хижина его семьи, белая, сверкающая, прохладная.

Когда, кончив есть, он встал, слуга критически осмотрел его и спросил:

— Хозяин разукрасил? — Потом, помолчав, задал новый вопрос: — Будешь «мешком»? Да, не завидую тебе, парень, у хозяина рука, как паровой молот!

Тей молчал. Кто его знает, может, тоже будет бить, если не так ответишь.

— Пошли, — сказал слуга.

Его провели через холл, через две-три огромные, как показалось Тею, роскошные комнаты и ввели в большое помещение, залитое светом могучих ламп.

Помещение было голое, только с потолка свисали на тросах большие кожаные мешки, какие-то мячи были прикреплены к стенам или насажены на стальные тугие пружины, торчащие из пола.

Одна из стен была сплошь покрыта зеркалами, а возле другой стоял настоящий боксерский ринг, с канатами, с серым покрытием, даже с табуреточками для участников.

На одной из табуреток сидел Джемс Рассел.

— Раздевайся! — коротко приказал он, когда Тей вошел в комнату.

Тей задрожал. Сейчас будут бить! Уж здесь-то наверняка будут бить. Он затравленно огляделся, ища пути к спасению. Но Рассел, видимо, понял:

— Не бойся, бить не буду. Раздевайся, говорят тебе, хочу посмотреть на тебя. Да не бойся, болван! Не трону.

Нерешительно, медленно, все еще с опаской поглядывая на огромного белого, сидевшего на табуретке, Тей стал раздеваться. Он остался в одних трусиках.

Выпрямившись, он ждал. Рассел подошел и молча долгим, внимательным, придирчивым взглядом осматривал его.

В зеркалах были видны их отражения. Белый и черный. Оба высокие, широкоплечие, с могучей грудью и сильными руками. Свет ярких ламп выделял великолепные мощные мышцы плеч, спины, живота, тонкие, словно свитые из стального каната ноги, крепкие шеи, тяжелые подбородки. Белый смотрел на черного, черный не поднимал глаз. Некоторое время Рассел молчал. Потом покачал головой, потом присвистнул.

— Да,— медленно сказал он,— ничего не скажешь, хорош! Эдакие бицепсы! А удар как держишь! Ведь ребята измолотили тебя! Другой бы давно не то что лапки кверху — на тот свет бы отправился, а этот стоит себе и стоит, только знай качается. Да! Не будь ты черной образиной, быть бы тебе чемпионом, это точно! И мне б еще надавал. Впрочем, мне б, наверное, не надавал. А вообще это хорошо, что у нас черномазых к спорту не допускают, а то не успеешь обернуться, и вы бы нас отовсюду вышибли. Не меня, конечно, но многих.

Он опять помолчал.

— Ну-ка, ударь по этому мешку. Да погоди — перчатки надень.

Рассел надел Тею перчатки, зашнуровал и показал на мешок. Что было силы Тей ударил и чуть не вскрикнул от боли. Набитый песком мешок был тяжел и тверд, как чугун. И все же от его удара мешок сильно качнулся.

— Хорошо! — сказал Рассел.— А теперь по этой груше, да побыстрей.

Тей ударил правой рукой по привешенной к кронштейну кожаной груше, потом левой, снова правой. Он старался бить быстрей, как это делали в бою виденные им боксеры.

— Быстрей, быстрей же, болван! — командовал Рассел, и груша с дробным барабанным треском мелькала в воздухе.

— Хорошо! — снова похвалил Рассел.

Потом он заставил Тея прыгать через скакалку, поднимать гири, изображать бой перед зеркалами...

Тренировка кончилась под утро. Рассел велел наконец еле державшемуся на ногах Тею одеваться и сказал:

— Будешь работать у меня спарринг-партнером, понял? Будешь помогать мне в тренировках, боксировать со мной. Платить тебе буду...

И он назвал сумму в десять раз больше той, что Тей получал в своем ресторане.

Началась новая жизнь. Сначала сказочная. Тей жил вместе со слугами, научился пользоваться ванной, ел до отвала, купил костюм, ботинки, пальто, да еще старикам дал денег. Каждый день Рассел или его тренер по четыре часа обучали его боксу. В основном защитам и контратакам. Тей был на редкость способным учеником — «как и все черномазые», по словам Рассела. Он мгновенно усваивал приемы. К тому же Тей отличался огромной силой и быстротой реакции.

Разумеется, он не мог и мечтать тягаться с таким мастером, как Рассел, но через несколько месяцев уже выходил с ним на тренировки и кое-как выдерживал три-четыре тренировочных раунда.

Вот тогда-то и началась для Тея та страшная жизнь, о которой он не мог вспоминать позже без содрогания.

В течение полутора лет его систематически, почти ежедневно, избивали. Он был «мешком», то есть беспомощным перед лицом чемпиона партнером, вся роль которого сводилась к тому, чтобы чемпион изучал и тренировал на нем свои удары.

За это время лицо Тея совершенно изменилось — трижды ему ломали нос, губы его расплющились, скулы опухли и как-то выдвинулись, брови нависли над глазами, спрятавшимися в щелки. Да и сами брови были изуродованы шрамами. У Тея были сломаны два ребра. Однажды после удара в печень он месяц провалялся в постели.

Правда, росло и его мастерство. Он научился, контратакуя, бить сильно и точно, но тренер не разрешал ему вкладывать в удар полную силу — это могло повредить Расселу. К тому же Рассел проводил тренировочные бои в маске.

Тей научился искусно защищаться, но тренер требовал, чтобы он пропускал удары — Расселу нужно было освоить их. Много раз Тей хотел все бросить и уйти. Но не мог. Почему? Причин было немало. Во-первых, он боялся Рассела (тот как-то пригрозил, что, если Тей попытается уйти, он «дальше кладбища не доберется»), во-вторых, деньги он все же получал немалые, помог сестре выйти замуж, помогал старикам. А потом, куда уйти? Где, да и кем работать? Стать боксером-профессионалом? Рассел живо убрал бы его.

И вот однажды после особенно страшной тренировки, когда нестерпимая боль не давала уснуть, Тей решился. Надо бежать из страны. Бежать туда, где можно жить, где не будут бить. В Гану, например. Она теперь стала свободной, как он слышал. И даже, как ни невероятно это казалось, правят там негры! Такие же, как он. Негры!

В тот день, когда Тей исчез, Рассел разбил в своем зале два зеркала и избил заменившего Тея спарринг-партнера, но Тея нигде не нашли.

И не мудрено. По образцу классических приключенческих романов, он плыл в трюме корабля. Тей никогда не читал приключенческих романов, но он знал, что должен бежать, иначе его забьют до смерти. Он бросил все — новый костюм, пальто, велосипед. Он попрощался со стариками и сестрой, но даже им не сказал, куда уезжает. А потом пришел в порт. Тут всегда толклось столько безработных негров, ожидавших кораблей, что никто не обратил на Тея внимания. Полдня он грузил мешки, а затем спустился в трюм и заснул там, спрятавшись где-то в углу за ящиками. Корабль был старой, трещавшей по всем швам посудиной, совершавшей черепашьими темпами свои рейсы по Гвинейскому заливу, порой заходя и в Кейптаун, но всегда добираясь до Аккры. Никто не подвергал судно таможен-

ным досмотрам, а капитан, обнаружив на борту незаконного пассажира и для порядка избив его (что для Тея было сущими пустяками по сравнению с ежедневными «тренировками»), включил его в состав команды за питание, но без оплаты.

Путь продолжался бесконечно долго. Посудина заходила во все порты, подолгу ремонтировалась, чинилась, грузилась, разгружалась и снова чинилась.

Настал день, когда Тей сошел на берег свободной Ганы, которой суждено было стать его новой родиной.

Первые дни он работал грузчиком в порту. Но однажды пошел в спортклуб, долго наблюдал за тренировкой боксеров, а потом, отведя тренера в сторону, рассказал ему все.

Тренер думал, цокал языком, уходил советоваться. В последующие дни Тею пришлось подписывать какие-то бумаги, повторять свой рассказ в полиции, еще где-то. В конце концов ему сказали, что он может жить в Гане. Он поступил на работу в ресторан при спортклубе, а днем тренировался.

Прошел год. Тей был теперь первоклассным боксером. Он и сам это знал — «тренировки» с Расселом немалому научили его, а этот год и того больше. Тренер хвалил его. Какие-то белые из Америки и Англии, видевшие его на тренировках, предложили перейти в профессионалы. Но он отказался.

Тей не удивился, когда узнал, что поедет на олимпийские игры. Он теперь знал свою силу, знал, что такое олимпиада, знал, что такое спорт. А главное — он знал, что значит быть свободным.

Рим, конечно, поразил его. И Олимпийская деревня, и гигантский палаццо делло спорт. Все было ново. Но, узнав, что в списках команды Южно-Африканского Союза стоит имя Джемса Рассела, он не удивился. Он ждал этого.

Начались соревнования с их заботами, с их напряжением, волнениями боев и радостями побед. К финалу, уверенно побеждая других, шли Тей и Рассел.

И наконец наступил день, когда они вышли на ринг. Рефери подозвал их, сделал им очередные наставления. Согласно правилам, они пожали друг другу руки (это был первый случай, когда Рассел пожал руку негру) и, отойдя на несколько шагов, приготовились к бою.

Так стояли они — белый и черный. Оба высокие, широкоплечие, с могучей грудью и сильными руками. Яркий свет рефлекторов играл на мощных мышцах плеч и рук.

Белый смотрел на черного, черный, высоко подняв голову, смотрел на белого.

Потом прозвучал гонг, и противники двинулись навстречу друг другу.

Это был необычный бой. То есть для тысяч зрителей, заполнивших элегантные трибуны палаццо, это был хотя и очень интересный, но все же просто финальный бой. И только два человека, те два, что кружились в ослепительном свете рефлекторов на маленьком ринге, знали, что бой этот состоял не только из ударов, нырков, защит и контратак. Только они знали, сколько ненависти, мстительности, злобной ярости с одной стороны и гнева, возмущения и торжествующей радости — с другой смешалось в этом бою.

О, конечно, на ринге были мастера высшего класса! Они «работали» искусно, умно, изобретательно. Их удары были молниеносны и тщательно подготовлены и наталкивались на такие же молниеносные, великолепные защиты.

А что таилось за внимательными, зоркими, настороженными взглядами противников?.. Но во время боя боксеру не заглянешь в глаза.

Первый раунд почти весь прошел в разведке.

Противники быстро передвигались по рингу, обменивались легкими, казалось бы, нерешительными ударами.

Во втором раунде они приступили к действиям.

На стороне Рассела был огромный опыт, на стороне Тея — знание Рассела как боксера: недаром ведь свои грозные удары, свои коронные комбинации он отрабатывал, разучивал на его теле.

День за днем, месяц за месяцем могучие кулаки Рассела обрушивались на черное лицо, молотили его, разбивали, превращали в распухшую маску. День за днем, месяц за месяцем... Но сегодня было по-другому.

Все чаще и чаще, пробивая защиту, страшные по своей стремительности удары настигали Рассела. Все чаще он входил в ближний бой, чтобы ценой клинча, повиснув на противнике, дать себе секундный перерыв.

А Тей все наступал. Он все наращивал и наращивал темп, и с каждым ударом ему казалось, что силы его не уменьшаются, а растут, словно какой-то пьянящий вихрь несет его вперед, могучего, уверенного в победе, торжествующего.

В начале третьего раунда зрителям стало ясно, что судьба поединка решена. Рассел еще пытался обороняться, переходил в контратаки, все чаще повисал на плечах Тея в клинче. Но он выдохся. Его удары потеряли силу, уходы сделались недостаточно быстры, не хватало дыхания, не слушались ноги.

Развязка наступила за полторы минуты до окончания боя. В тот момент, когда, закрывая живот, Рассел на долю секунды опустил руки, молниеносный, почти незаметный для глаза удар коснулся самого кончика его подбородка.

Рассел опустился на пол сразу, обмякший, как мешок.

Он лежал закрыв глаза, раскинув руки на сером полу ринга.

Трибуны неистовствовали, в тысячи голосов приветствуя победителя. Итальянские военные моряки в парадной форме засуетились, готовя у центрального флагштока государственный флаг молодой африканской республики, музыканты перелистывали ноты, ища нужный гимн.

А Атта Тей все стоял в своем углу. Его широкая грудь вздымалась и опускалась, разбитое лицо горело. Он стоял, широко расправив плечи, высоко подняв голову. Он не слышал рева и шума трибун, не видел огней.

В одно мгновение пронеслась перед ним ярче всех рефлекторов и блицев его торная, горькая жизнь.

Всю жизнь его били, а теперь наконец ударил он...

НА ВЕРШИНЕ

Красное кольцо

За толстым стеклом ресторанного окна открывался удивительный вид. Далеко-далеко, насколько хватал глаз, уходили к горизонту снежные горы.

Они вставали сплошными зазубренными рядами, возвышавшимися один за другим, словно стены гигантской крепости. Их обращенные к солнцу склоны сверкали нестерпимым, исторгавшим слезы блеском. А с другой стороны залегала глубокая, густая, лаковая синева моря. Местами она настолько сгущалась, что становилась почти черной, местами приобретала лиловый или фиолетовый оттенок, местами переходила в нежную голубизну. И все эти цветовые гаммы здесь, в редком, прозрачном воздухе высокогорья, были особенно ярки и четки.

Вся горная цепь сверкала подобно одному фантастическому, необъятному бриллианту с миллионами граней.

Над горами, такое же яркое и ясное, простиралось светло-синее небо — чистое-чистое, без единого пятнышка, а внизу, где-то там, на тысячу метров ниже ресторанного стекла, клубились и переворачивались, будто пенные волны, серо-белые облака.

Этот величественный, сказочный пейзаж навевал странное двойственное ощущение покоя и какой-то щемящей тревоги. Казалось, только всемогущие боги могут жить здесь, среди этих гигантских холодных вершин. И возникало неистовое желание, чтобы кругом были люди, простые земные люди, с их теплой повседневной суетой, будничной работой, с их радостями и мечтами.

Да, удивительный вид открывался за толстым ресторанным стеклом! Дух захватывало от его красоты, и трудно было отвести глаза.

Но полный, краснолицый человек в очень дорогом темно-сером костюме, одиноко сидевший за крайним столиком, не смотрел за окно. Его не интересовали величественные вершины далеких гор. Он сам был на вершине, куда более величественный и недосягаемый, чем все эти снежные холмики. Он достиг вершины богатства — а значит, и счастья.

Элегантный, холеный, он сидит в одиночестве за своим столиком, тяжело сопя, завтракает. На рукавах его белоснежной рубашки поблескивают громадные бриллиантовые запонки; затаив дыхание, чтобы не обеспокоить божества, бесшумно двигаются официанты, быстро, беззвучно и ловко меняя блюда, убирая посуду.

За соседним столиком, важный и торжественный, завтракает секретарь. Он больше похож на министра, чем на секретаря. Но и он не смеет сидеть за одним столиком с самим. Господин Сайрус Грант неторопливо завтракает, а где-то далеко-далеко

плывут его пароходы с нефтью, мчатся по его железным дорогам поезда, тысячи людей копошатся на многометровой глубине, добывая уголь в его шахтах, варят сталь на его заводах, считают деньги в его банках. Его деньги. И, если все эти деньги собрать и обратить в золото, можно, наверное, насыпать гору не меньше, чем любая из этих бесполезных снежных вершин за окном.

Ресторан почти пуст в этот будний день. Туристов мало, да и добираются они сюда обычно лишь к обеду, а постояльцев отеля и совсем немного. Но и на этих немногих Сайрус Грант не обращает никакого внимания. Тяжело сопя, он допивает кофе, смотрит на часы и откидывается на спинку стула.

В то же мгновение секретарь с торопливостью, совсем неподходящей для министра, вскакивает из-за стола и подбегает. Сайрус Грант долго и натужно кашляет, вытирает рот белоснежным огромным платком и наконец устремляет на секретаря вопросительный взгляд слезящихся от кашля глаз.

— Ну? — спрашивает он хрипло.

— На час назначено интервью корреспонденту журнала «Спортивная жизнь». Он давно добивается, в связи с олимпийскими играми. Ведь завтра открытие; вы назначили на сегодня. Он специально прибыл вчера из Берна. Ожидает в холле.

Сайрус Грант смотрит на свои платиновые массивные часы — десять минут второго — и тяжело встает: он не любит опаздывать.

Сопровождаемый секретарем, тяжело дыша, он медленно, вразвалку проходит ресторан, провожаемый почтительными поклонами официантов, и направляется в холл.

Холл примыкает к ресторанному залу, и его окна из толстого стекла тоже выходят на горы.

На минуту Сайрус Грант останавливается посреди комнаты.

— Где репортер?

— Я здесь, господин Грант! Разрешите пожелать вам доброго утра! — Молодой человек в клетчатом пиджаке и лыжных брюках вскакивает с дивана.

— Сейчас не утро, а день, — бурчит Сайрус Грант. — У меня двадцать минут. Достаточно?

Он неторопливо опускается в кресло, расстегивает пиджак на жирной груди и устремляет на репортера вопросительный взгляд.

Торопясь, тот выхватывает из кармана блокнот, щелкает шариковой ручкой и присаживается рядом на один из низких столов.

— Господин Грант, — начинает репортер несколько торжественно, — ваше интервью чрезвычайно важно для «Спортивной жизни». Сейчас, в дни олимпиады, наши читатели хотят знать о чудесной, завидной судьбе одного из наших знаменитейших спортсменов. Ваше нынешнее исключительное положение в финансовом и деловом мире Америки, хотя вы и живете сейчас вдали от нее, ваше выдающееся спортивное прошлое олимпийского чемпиона...

— Короче, — обрывает Сайрус Грант. — Задавайте вопросы.

Репортер мгновенно меняет тон:

— Господин Грант, разрешите задать вам три вопроса. Вопрос первый: какое было ваше самое яркое воспоминание из тех времен, когда вы занимались спортом?

Наступает молчание. Корреспондент застывает в ожидании, но Сайрус Грант не торопится с ответом.

Те времена! Далекие времена! Он был тогда крепким, здоровым парнем, на пари сгибал толстый железный прут. Сайрус Грант смотрит на свои опухшие, чуть дрожащие руки. А в те времена этими руками он метал молот с такой чудовищной силой, что его достижения казались недосягаемыми. Тогда он был молод, силен и весел. И беден. Не было у него секретарей и этих проклятых отчетов, и акций, и совещаний, и банков, и заводов, и железных дорог, и всего того, что давит сейчас тяжким грузом на усталые плечи.

Зеленое поле, металлический шар, восторженный рев стадиона, легкие, вдыхавшие свежий воздух спортивных полей, — вот они, чудесные воспоминания тех времен!

— Простите, я не расслышал! — С великим напряжением на лице репортер старался разобрать бормотание Сайруса Гранта.

Тот и не заметил, что думает вслух.

— Очень прошу простить меня, мистер Грант, — репортер в смущении. — Вы бы не могли повторить?

— Повторить? Пожалуйста. Самым яр-

ким воспоминанием был тот день, когда я бросил легкую атлетику и подписал свой первый контракт как профессиональный футболист. Я стал тогда богатым, а это, как вы знаете, в спорте не частая вещь.

Он закашлялся. Лицо его покраснело. Глаза расширились, в них вспыхнул безумный страх. Сайрус Грант задыхался. Воздух со свистом выходил через широко раскрытый рот, пальцы судорожно царапали кожу дивана.

Словно выйдя из стены, рядом очутился секретарь со стаканом воды и пилюлей на маленьком подносе. Сайрус Грант схватил пилюлю, проглотил, жадно запил водой. Кашель прекратился, лицо стало серо-белым.

— Я думаю, господин журналист, — шепотом сказал секретарь, — лучше отложить интервью...

— Продолжайте! — Голос Сайруса Гранта был тихим и хриплым, он сделал в сторону секретаря нетерпеливый жест.

— В четырнадцать часов приедут юрисконсульт и оба адвоката, — почтительно прошептал тот. — Вы назначили...

— Знаю, знаю, — пробормотал Сайрус Грант и, повернувшись к репортеру, повторил: — Продолжайте.

— Господин Грант, мой второй вопрос таков: почему вы оставили вашу блестящую спортивную карьеру?

Почему? Вот именно: почему? Если б знать все наперед! Может быть, тогда он не бросил бы веселых зеленых полей и шумных товарищей ради зеленого сукна директорских столов и шелеста чековых книжек.

Сайрус Грант усмехнулся. Репортер ждал, удивляясь непонятной усмешке и молчанию этого чудака миллионера. Зачем он постоянно живет здесь, в этом отеле, врытом в скалу на высоте в три с половиной тысячи метров? О чем он думает, устремив мечтательный взгляд своих расширенных глаз куда-то далеко-далеко, куда ему, маленькому репортеру, нет пути...

Но не только репортеру — и самому Сайрусу Гранту уже не было пути в тот далекий мир прошлого, куда унесли его воспоминания...

Вот он подписал свой первый контракт, и год, два его имя гремело, а деньги текли ему в карман. Но, наверное, закончил бы он свои дни, как почти все профессиональные чемпионы, где-нибудь в ночлежке или швейцаром в кабаке, если б вдруг не сказочный случай: одинокий, холостой и полусумасшедший миллионер, страстный поклонник спорта, перейдя в лучший мир, все свое огромное состояние оставил тому, как он писал в завещании, «кто доставил ему столько радостей своим великолепным, неповторимым броском молота — олимпийскому чемпиону Гранту».

Сначала Сайрус Грант был как во сне. Он, конечно, знал цену деньгам, особенно хорошо знал он цену того, что можно получить за эти деньги. Он ведь немало зарабатывал как футболист (не то что тогда, когда был легкоатлетом-любителем!) — он имел и машину, и хороший дом, и удовольствия. Он крепко работал, чтоб иметь все это, но умел и здорово отдохнуть и развлечься. Ради этого стоило заработать! Но чем больше он имел, тем больше хотел. И вдруг это наследство. Это был уже не автомобиль, а десятки машин, не дом, а дворцы и виллы на лучших курортах, на берегах озер и океанов, не просто удовольствия, а все, что могла пожелать его душа.

Но с деньгами пришли и обязанности. Сайрус Грант был деловой парень, он сам возглавил свои предприятия и скоро с головой ушел в дела. И вдруг он увидел, что, как ни огромен капитал, его можно еще увеличить. И он стал работать над этим, работать неустанно, не щадя ни себя, ни других. Изо дня в день, из года в год. Какой уж тут спорт...

Репортер ждал.

— Да, — Сайрус Грант словно очнулся, — да, так вот. Я оставил спортивную карьеру за ненадобностью. Спорт кормил меня. Это был мой бизнес. Когда я стал миллионером, у меня появилось много других бизнесов — банки, железные дороги, нефть, уголь. Я сменил один бизнес на другой. Профессию спортсмена — на профессию миллионера.

Он усмехнулся. Репортер счел долгом умеренно засмеяться.

— Ну, давайте ваш третий вопрос, — Сайрус Грант посмотрел на свои платиновые часы.

Корреспондент давно уже понял, что третий вопрос задавать бессмысленно, но он был слишком неопытен, чтобы перестроиться на ходу. Неуверенно он спросил:

— Не занимаетесь ли вы каким-нибудь спортом теперь? Конечно, дела... и тут условий нет... и потом...

Он пытался как-то спасти вопрос, но запутался совсем и смущенно замолчал.

Сайрус Грант хрипло рассмеялся. Занимается ли он спортом? Он вспомнил свои виллы под пальмами с травяными и земляными кортами, закрытые бассейны в своих городских дворцах, коллекции клюшек, мячей и перчаток. Коллекции спиннингов и ракеток. Когда-то он любил их, перебирал, сам чистил и убирал. А теперь... Теперь они в таком же, наверное, идеальном порядке: их чистит и убирает армия слуг. Но сам он их не видит. И не увидит теперь уже никогда.

Впрочем, и тогда, когда он еще не был здесь, ему не хватало времени на спорт. Ведь он буквально сутками работал. Работал и работал. Пустыми стояли горные имения и городские дворцы, прибрежные виллы и драгоценные яхты. Он забыл, когда последний раз у него была свободная минута, даже на свои любимые легкоатлетические состязания не успевал пойти. У него оставалась одна радость: когда директора и управляющие докладывали, что умножились проценты, дивиденды возросли, заключены выгодные договоры, получены новые выгодные заказы. Он работал и работал, и даже врачи, все настойчивей наседавшие на него, не могли оторвать его от работы. Не было времени ни на что, кроме одного — бизнеса.

Зато теперь свободного времени стало более чем достаточно.

Сайрус Грант снова усмехнулся. Над его ухом раздалось деликатное покашливание секретаря.

— Ну? — буркнул Сайрус Грант.

— Сейчас тринадцать пятьдесят. Через десять минут юристы будут здесь.

Сайрус Грант поднялся, тяжело опираясь о стенку дивана.

— У вас все? Мы и так задержались. — Он посмотрел на репортера.

— Все, господин Грант. Разрешите поблагодарить вас от имени журнала за ваше любезное интервью. И последняя просьба. Вот ваше фото, спортивное, не будете ли вы так любезны поставить на нем автограф? Мы даем его в олимпийский номер.

Сайрус Грант молча разглядывал маленький цветной снимок. Широкоплечий, сверкающий белозубой улыбкой загорелый парень смотрел на него с фотографии. Жокейская шапочка была сдвинута на затылок. Сильные руки приготовились к броску. Белая майка плотно облегала могучую грудь.

Зеленело поле, голубело небо, на заднем плане за сеткой виден был заполненный яркой толпой стадион.

Сайрус Грант вынул ручку из массивного золота, снял колпак. Но в то же мгновение лицо его исказил страх, он схватился за горло. Глаза расширились. Вены на шее превратились в синие веревки. Он задыхался. Заливисто, со свистом кашляя, он раскачивался посреди комнаты. Секретарь выхватил из кармана коробку с пилюлями, официант подскочил, держа стакан с водой. С трудом, между двумя приступами кашля, Сайрус Грант проглотил пилюлю, запил водой, вытер пот с пепельно-бледного лба.

Потом еще раз посмотрел на маленький красочный снимок и вдруг, скомкав в руке, швырнул на ковер. Не оборачиваясь, он тяжелой походкой направился к выходу. Словно министр, медленно, торжественно и важно за ним шествовал секретарь.

Минуту репортер и официант смотрели им вслед. Когда дверь закрылась, они переглянулись.

— Чудак! — заметил репортер. — Чего это он? — Наклонившись, он подобрал помятую фотографию. — Были б у меня его деньги, я б только и делал, что смеялся, а он...

— Да, — задумчиво произнес официант, — деньги большие, а что толку? Живет здесь уже пятый год, и еще будет жить, пока на тот свет не отправится, может, еще пять, а может, и все двадцать пять.

— Почему? — удивился репортер. Положив фотографию на стол, он пытался разгладить ее.

— Так ведь астма у него... Особая какая-то — ему ниже трех тысяч метров жить нельзя ни дня, а то сразу крышка. Вот и живет здесь...

— Да ну? — равнодушно протянул репортер. Убедившись, что разгладить фотографию нельзя, он со вздохом бросил ее в пепельницу. — Когда следующий поезд в долину?

ГЛАВНЫЙ ВЫИГРЫШ

Желтое кольцо

Подсвеченные искусно замаскированными оранжевыми прожекторами, на фоне черного, густого, как тушь, звездного римского неба термы Каракаллы казались сказочными декорациями из очередного боевика, посвященного гладиаторам. Вот сейчас раздастся голос режиссера: «Свет!», усталые статисты рассядутся отдохнуть тут же, на траве, лампы осветят все уголки, и таинственные черные руины предстанут картонными, размалеванными под кирпич макетами.

Но Рим не нуждается в искусственных декорациях. Он сам гигантская декорация, восхищающая и поражающая людей, заставляющая их гордиться тем, что они люди. По всему городу рассеяны величественные останки древнего мира, вечно живые свидетели человеческого гения.

Таковы и термы Каракаллы. Когда-то, почти двадцать веков назад, в этих гигантских банях купались и нежились римляне. Правда, не все. Только знатные, только богатые.

А теперь здесь шли олимпийские состязания по гимнастике, и над колоссальными стенами под черным теплым небом звучал советский гимн.

Для толпы безбилетников, сгрудившейся у входа в ожидании новостей, было ясно: очередной победитель стоит на пьедестале почета, и этот очередной победитель — опять русский.

— А второй-то кто? Кто второй? Тоже русский? — Невысокий возбужденный болельщик, прыгавший за спинами других, стоявших ближе ко входу, старался компенсировать невыгодность своей позиции громкостью крика. — А третий? — орал он.

— Первый Шахлин, второй Омо, третий Столбов... Первый Шахлин, второй Омо, третий... — Высокий широкоплечий человек в клетчатом пиджаке, с трубкой в зубах, проталкивался сквозь толпу, скороговоркой сообщая результаты.

Значок с надписью «Стампа» на лацкане его пиджака свидетельствовал, что он журналист, а белый картонный прямоугольник, где стояло «Нью-Йорк таймс», говорил о том, какую газету он представляет на играх.

За ним, мрачный и нахмуренный, шел другой журналист, итальянец, в сером костюме и серой шляпе.

Пробравшись сквозь толпу, они сели в маленький синий «Фиат» и покатили к центру города.

Итальянец был молчалив и расстроен. Он не замечал вечернего Рима, проносившегося за окном. А зря. Он был чудесен, вечерний Рим.

Мелькали южные сосны, зеленые густые аллеи, порой то слева, то справа, подсвеченные голубым или оранжевым светом, возникали целомудренно чистые мраморные изваяния, могучие колонны, высокие своды. Через открытое окно машины волнами доносился запах хвои, цветов, остывающего асфальта.

Чем ближе был центр, тем ярче светились разноцветные огни реклам, витрин, ресторанов.

Но итальянец не обращал внимания на вечерний римский пейзаж. Впрочем, его широкоплечий коллега был тоже занят другим. Блаженно улыбаясь, он рассуждал:

— Я думаю, нам надо поехать на виа Венето. А? Там ведь самые шикарные рестораны, самая шикарная публика! А? А как там кормят, черт возьми! У меня прямо-таки волчий аппетит сегодня! Придется тебе раскошелиться. А что ж делать? — вопрошал он итальянца, хотя тот молчал. — Не надо было спорить. Ведь известно: из двух спорящих один всегда хитрец, а другой простофиля. На этот раз хитрецом был я. А раз проиграл ужин, так уж и вези... Или знаешь что? — перебил он неожиданно. — Поедем-ка к «Альфредо». Да, да, к «Альфредо»! Это ведь, кажется, самый роскошный ресторан! Давай к «Альфредо»!

Итальянец помрачнел еще больше и свернул в одну из боковых улиц. А повеселевший корреспондент «Нью-Йорк таймс» продолжал болтать:

— Спорить не надо было! Я, если не уверен на сто процентов, что выиграю, никогда пари не держу! Я знал, что выиграю, а ты, чего ты спорил?

Итальянец наконец раскрыл рот:

— Как ты мог быть уверен? Русский на голову сильней японца. Я за ними весь год следил, два года, каждую их оценку на всех соревнованиях помню! Первым должен был быть Шахлин, вторым Столбов, а уж третьим Омо. Это точно.

— Ха-ха! — залился американец. —

«Точно, точно»! Это если по отчетам смотреть, дорогой синьор Лонго, по отчетам, по таблицам. А кроме таблиц, есть, оказывается, жизнь. Понимаешь — жизнь! Ты вот тут сидел, отчеты читал, а я в Токио съездил. И посмотрел товарищеский матч между японцами и русскими. Помнишь, перед самыми играми?

— Ерунда! — Итальянец был явно не в духе. — Ерунда! И там Столбов опередил Омо, я читал...

— Читал, дорогой синьор Лонго,— американец широко улыбнулся, — читал, а я видел. Понимаешь — видел. Это разные вещи. Вот потому я и спорил спокойно. Дело в том...

— Приехали! — буркнул итальянец, так резко затормозив машину, что его коллега чуть не стукнулся лбом о ветровое стекло.

Журналисты вылезли из «Фиата» и, перейдя тротуар, вошли в широкие стеклянные двери ресторана.

Внешне ресторанный зал не представлял ничего особенного, он был даже скучен. И все же это был самый шикарный, самый дорогой и самый знаменитый ресторан города. Чтобы убедиться в этом, следовало посмотреть на его стены. Выкрашенные в некрасивый, скучный цвет, они были сплошь увешаны фотографиями. На всех фотографиях фигурировал этот неуютный зал с его неуютными столами, но главное было не в этом. Главное было в том, кто сидел за столами. Здесь сидели президенты и премьер-министры, короли и принцы десятков государств, знаменитейшие кинозвезды, писатели, актеры, спортивные чемпионы и миллиардеры, прославленные гангстеры и модные львицы. Казалось, все, о ком писали когда-либо газеты, сговорились побывать хоть разок у «Альфредо». И действительно, зайти сюда считали своим долгом почти все мало-мальски именитые гости итальянской столицы. Не потому, конечно, что здесь лучше, чем в другом ресторане, и не потому, что феттучино, знаменитые макароны, здесь вкусней, чем в любом другом месте в мире (как гласит реклама «Альфредо»). Нет, любой римский ресторан уютней, а макароны в траттории за углом такие же, хотя стоят в пять раз дешевле. Нет. Просто так велит мода. А раз мода гласит, что у «Альфредо» надо поесть феттучино, значит, приходится туда идти, иначе можно оказаться за бортом моды, а это было бы ужасно.

И вот журналисты входят в зал, проходят в угол и садятся за столик. Метрдотель даже не подходит за заказом — общеизвестно: все, кто приходят к «Альфредо», заказывают феттучино. А о деталях — вине, ликерах к кофе, десерте — позаботится официант.

Синьор Лонго с тревогой посматривает вокруг — черт его знает, каковы цены в этом проклятом ресторане! Он сорок лет прожил в Риме, но сюда пришел впервые. Что вы думаете? Если вы думаете, что газетные репортеры миллионеры, так вы ошибаетесь.

Зато американец чувствует себя отлично. Он тоже репортер, а не миллионер, но, в конце концов, он выиграл пари, и пусть проигравший расплачивается. Он настроен весело, ему хочется болтать.

— Да, так вот, дорогой синьор Лонго, пока ты тут читал отчеты, я бродил по Хибия-парку. Есть такой парк в Токио. Ах, как там красиво! Аллеи, скамеечки под вишнями... А японки! Нет женщин красивей японок. Щебечут, как птички. Просто не знаешь, соловей щебечет или девушка...

— Соловьи не щебечут, — проворчал итальянец, — соловьи поют.

— Ну и пусть поют, — охотно согласился американец, — пусть поют. Японки тоже поют. И как поют! Есть такое местечко, около Токио, на берегу океана, — Камакура. Там в густых садах чайные домики и гейши. Слышал бы ты, как они поют, как играют на гитарах!

— В Японии нет гитар...

— Ну, не на гитарах, еще на каких-то чертовщинах, но здорово!

— А при чем тут Омо и Столбов? — не выдержал наконец синьор Лонго.

— А вот при чем...

Но все, видно, сговорились в этот вечер, чтобы испытывать терпение итальянского репортера, — на стол подавали феттучино. Это было совсем не просто. Это была величественная церемония, составлявшая одну из широко разрекламированных особенностей «Альфредо».

Впереди шествовал сам Альфредо, хозяин ресторана. Седые усы его эффектно контрастировали с румяными щеками, под усами расплывалась ослепительная улыбка. За ним скользили скрипачи и гитаристы.

Далее три официанта несли огромную фарфоровую миску, из-под крышки которой выбивался пар.

Миска была поставлена на небольшой столик, крышка снята, и Альфредо начал священнодействовать. Из бокового кармана он вынул массивные золотые ложку и вилку, подаренные ему шведским королем, и с особой ловкостью, даже виртуозностью, словно жонглер, стал перемешивать дымящиеся в миске макароны. Это была не кулинарная операция, а балет рук. Музыканты аккомпанировали с величайшим напряжением, официанты застыли, как солдаты на параде.

Наконец макароны были разложены по тарелкам и, пожелав приятного аппетита, Альфредо удалился.

— Какие макароны! — стонал американец. — Ах, какие макароны! Если бы я был Рокфеллером, я бы только и ел такие макароны.

Итальянец ел молча, печально поглядывая на миску и прикидывая в уме сумму счета.

— А кьянти, какое вино! — Американец уже налил себе третий стакан. — Дивное вино!

— Ну, так что там было, в Токио? — Синьор Лонго незаметно отодвинул бутылку на край стола.

— Ах да, в Токио. Так вот, дорогой мой Лонго, там была товарищеская встреча. Понимаешь ли, «товарищеская»! Ха! Ха! Как будто это встречаются товарищи! Понимаешь? Каждый в душе молится, чтоб другой сломал ногу, а называется «товарищеская»! — Американец захохотал. Потом сразу стал серьезным. — А черт его знает, может быть, не каждый... Как ты думаешь — не каждый?

— Но ведь и там Столбов был впереди, а Омо за ним. — Итальянец попытался вернуть разговор к интересовавшей его теме.

— Да, да, но не в этом дело. Видишь ли, — американец продолжал оставаться задумчивым, — Столбов закончил выступать раньше Омо. Да, раньше. Он только вернулся к снаряду — к перекладине за своей накладкой, которую оставил возле мата, — а Омо как раз в этот момент и начал выступать. Понял?

Итальянец положил вилку и ложку и устремил на собеседника вопрошающий взгляд своих черных печальных глаз.

— Ничего не понял. Какая накладка? Зачем вернулся? Ну, вернулся, и что из того?

— Эх! — Американец досадливо махнул рукой, протянул руку за кьянти и, налив себе стакан, залпом выпил его; за этим стаканом последовал еще один. Щеки его порозовели. — Эх, отличное вино!.. Накладка. Ты что, не знаешь, что такое накладка? Ну, такая кожаная штуковина, похожая на ременный кастет, надевается на руку, когда гимнаст работает на перекладине, чтоб потная рука не скользила. Не знаешь? Эх...

Он снова выпил стакан. Под мрачным взглядом итальянца официант поставил на стол вторую бутылку.

— Да, так вот... — Американец говорил теперь еще громче, размахивая рукой. Он закурил трубку и пепел стряхнул в макароны. Если б это увидел Альфредо, с ним, вероятно, случился бы удар. — Так вот, Омо крутил «солнце»! Что такое «солнце» — ты хоть знаешь?

— Знаю, знаю! — проворчал Лонго.

— А может, не знаешь? — допытывался американец с настойчивостью пьяного; он осушил еще один стакан. — Значит, знаешь? Он крутил «солнце». Р-раз! Р-раз! Поворот за поворотом! Здорово! И, между прочим, здорово крутил! Хотя русского он бы все равно уже не догнал, даже если б получил десять баллов. Но не в том дело....

Он потянулся за вином. Официант, неслышно возникший из-за его спины, поставил на стол третью бутылку.

— Ну, а в чем дело, в конце концов, мадонна миа! — Итальянец был в ярости. — В состоянии ты объяснить, в чем дело?

Но американец, казалось, не слышал. Он не спеша налил себе стакан, выпил, попыхтел трубкой и только после этого продолжал:

— Значит, ты не знаешь, что такое накладка? Жаль, жаль, — его мутные глаза выражали глубокое сочувствие, — очень жаль. Вот он крутит «солнце»... Ах, какое вино! Но макароны тоже ничего... Крутит. Рука в этих накладках крутится вокруг перекладины все быстрей и быстрей. Все о'кей, да?

Еле сдерживаясь, итальянец молчал. Американец неверной рукой снова налил стакан и выпил.

— Значит, все о'кей.... И вдруг, — он

СОТОЕ ПИСЬМО

Зеленое кольцо

«Здравствуй, любимая!

Это мое письмо особенное, не такое, как другие. Во-первых, оно юбилейное — сотое за эти полтора года. Во-вторых, оно последнее. Да, да! Билет на 18-е, на «Аделаиду» уже у меня в кармане. Завтра утром я выхожу из больницы, а вечером всхожу на борт. Насчет больницы, пожалуйста, не пугайся — это пустяки: легкое сотрясение мозга, и, если б не дикая головная боль, я бы вообще не обращал на это внимания. Но эскулапы (ты их знаешь) важно качают головами, чмокают губами и велят лежать. К чертям их всех! Им бы побольше выкачать у меня денег. Но этот номер не пройдет! Если они не выпустят меня завтра сами, я все равно смоюсь. Да и деньги нечего швырять. (Сотрясение мозга! Мало, что ли, у меня их было, когда я играл в Руане!) Деньги эти теперь не мои, они наши, и их хватит нам на первые годы.

Если б ты знала, как я счастлив! Наконец-то мы будем вместе! Скажи своим старикам, что теперь они могут не волноваться — их дочь выходит замуж не за нищего. Я, конечно, не миллионер, но ты можешь быть спокойна — на первое время хватит.

Ты знаешь, всю эту ночь (я пролежал ее с открытыми глазами — ужасная головная боль не давала спать) я представлял себе твое свадебное платье. Мы закажем его у Отеро, там делают чудесно и недорого, а черный костюм я уже купил здесь — ведь в Австралии все дешевле, чем у нас в Париже. Я многое здесь купил. Но что, не скажу. Это будет сюрпризом для тебя! Надеюсь, ты останешься довольна и не будешь сердиться на меня за обман. Да, я должен покаяться, я обманывал тебя все это время. О нет! Пожалуйста, не ревнуй, как всегда. Я о другом.

Дело в том, что я все-таки весь этот год играл в регби. Ну, не сердись, умоляю тебя! Право же, не было другого выхода. Вот послушай.

Когда Рене сказал, что Австралия собирается принять участие в олимпийском футбольном турнире, что футбол у них в загоне и такой тренер, как я, там был бы на вес золота, я, ты помнишь, отнесся к этому с недоверием. Но ведь надо же было зарабатывать. Ну что мне давал мой футбол? Ничего. Любительский спорт в нашей стране только требует, а не дает. А моя шоферская работа... Эх, не хочется и говорить. Конечно, если б я продолжал играть в регби профессионалом, как раньше, в Руане, я бы деньги имел, но ведь ты сама запретила мне, после того перелома. Ты кричала: «Или я, или твое противное регби! Пока не бросишь, не приходи в дом!» Ну, я и бросил. Я бы все бросил ради тебя. Только родители-то ведь твои смотрели по-другому. Ты хочешь, чтобы я был цел, пусть бедный, но невредимый, ну, а им нужно, чтобы их дочь не была нищей. И они правы... Одним словом, мы все же правильно поступили, решившись на эту разлуку, — в конце концов, что такое полтора года один без другого, если они обеспечат нам возможность всю жизнь потом быть вместе? Ведь вот же они прошли, эти полтора года, и через двадцать дней я буду обнимать тебя в Марселе. Скорей бы! Я умоляю, приезжай меня встретить — с парохода я переведу тебе телеграфом деньги на билет.

Но я отвлекся. Ты должна понять и простить меня, моя любимая. Ты знаешь, когда я приехал сюда, в Мельбурн, где многое еще напоминало прошедшую олимпиаду, я был уверен, что найду хорошее место. А потом... Потом я убедился, что футбол здесь никому не нужен. Ты понимаешь, даже во время олимпийского турнира футбольный стадион был почти всегда пуст — он приносил убытки. Футбол никого не интересует в Австралии. Так какому же идиоту взбрела бы в голову мысль готовить футболистов к Риму? Ну, приготовили бы, ну, послали, представь себе невероятное — они бы заняли даже приличное место. А дальше что? Ведь в самой-то Австралии на них никто бы не ходил смотреть, а значит, никто бы не платил за билеты. Другое дело регби. Тут пахнет миллионами!

Ты пойми, ведь у нас каким любителям хорошо? Тем, кто сам в деньгах не нуждается, или тем, кто действительно мирового класса. Таким или в университетах стипендии специальные устанавливают, или они работают, сами не зная где, а деньги получают, или, наконец, служат в армии, словом, ты сама это знаешь. Мы ведь не в России живем. Это там ходи на стадион, бери тренера, занимай спортзал, и все бесплатно,

Им хорошо. А у нас, если такой, как я, — не Копа, а Дистель, — так выбирай одно из двух: или плюнь на спорт и работай, или становись профессионалом (впрочем, ведь и Копа профессионал) и только тогда заработаешь. Ну, а уж о здоровье и целой голове забудь. Кстати, до чего она болит, эта проклятая голова!

Одним словом, никто здесь не собирался готовить футболистов. Австралийцы решили, что им это ни к чему. Ну, я поболтался, поболтался, что было делать? Ведь у меня не было денег, даже на обратный билет.

И я пошел в регби. Я знаю, родная, ты не осудишь меня. Ты поймешь. Ну, а что мне было делать, черт возьми! У меня нет отца-лавочника, и в университете я не учусь, где бы мне за мои ноги деньги подкидывали! И наследства у меня нет, и не предвидится! И в армию я не пойду — хорошо, если пошлют в футбольную команду, а если воевать? Нет уж! Ах, как было бы здорово, если б можно было заниматься спортом сколько хочешь и как хочешь, чтобы не платить за это, чтобы время было! Чтоб все занимались, понимаешь, не для того, чтобы жрать, а вот жрали побольше для того, чтобы были силы для спорта! (Прости меня, любимая, я стал такой грубый!) Ведь вот русские, у них все это устроено. Неужели у нас нельзя? Денег не хватает! Как бы не так! Я твердо уверен, что на деньги, что стоила эта дурацкая бомба, которую мы взрывали в Сахаре, можно обмундировать все футбольные команды мира. А какие стадионы построить!..

Ну, в общем, это все ерунда. Мечты осуществляются только у миллионеров. Одним словом, я нанялся в одну из второклассных команд «Мельбурн-Вест». Играют здесь резко, резче, чем у нас (мне однажды правую руку вывихнули — помнишь, когда я тебе две недели не писал, ты очень сердилась тогда и написала, что все кончено; но не мог же я объяснить тебе причину своего молчания!). Играли мы много, часто, ушибов и синяков я за год заработал здесь больше, чем за все годы, что играл в Руане. Но и деньги платили! Честное слово, австралийцы так же помешаны на регби, как ты на кино!

Так вот, весь год я играл за профессиональную команду регбистов, а вовсе не тренировал любителей-футболистов. Ты ведь не в обиде на меня за это? Правда? Честное слово, в этой стране даже кенгуру не хотят играть в футбол! Но я не писал тебе об этом, потому что ты бы ругала меня и всегда бы беспокоилась, не поломают ли мне что-нибудь, не убьют ли, не выбьют ли мозги... Ох, как они болят, мои мозги! Ты понимаешь, позавчера (это был мой последний матч по контракту, надо же было, чтоб так не повезло!) мы стукнулись с другим нападающим головами так, что искры посыпались. Я минут двадцать лежал без сознания (да и он тоже). Очнулся в этой проклятой больнице. Но теперь все в порядке, кроме мигрени. А главное, теперь навсегда покончено с этим — деньги накопил! Еще двадцать дней, и мы будем вместе.

Если бы ты знала, как я скучал все это время! Ты знаешь, в первые дни здесь, в Мельбурне, я не находил себе места. Каждый день я шел на берег Ярры и сидел там на скамейке. Мне казалось, что я в Булонском лесу.

Помнишь тот день, когда я сказал тебе, что решил ехать? Это была осень, конец октября. Я не могу забыть тот день. Мы провели его в Булонском лесу. Цвет твоих волос был как цвет медных листьев на аллеях. А твои глаза!

Мы обедали с тобой в том маленьком ресторанчике, помнишь, нашем любимом, напротив грота с водопадом. В первый же день, как я вернусь, мы снова пойдем туда и закажем лучший обед и шампанское. Я напою тебя! Помнишь, я всегда мечтал напоить тебя! А ты смеялась, что я не пью, соблюдаю режим. Я и теперь не пью. Но тебя я напою. Мы возьмем такси и поедем куда-нибудь за город, в Версаль или в лес, настоящий! Скорей бы уж!

Надо кончать письмо — сестра велит гасить свет. Да и голова просто разламывается. Я опущу его завтра в порту в последний момент перед посадкой на пароход. Я буду плыть двадцать дней, а письмо полетит (я отправлю его авиапочтой), оно полетит к тебе, как моя любовь. Только ему повезет больше, чем мне, оно окажется в твоих руках раньше.

Я кончаю писать. Я хочу только еще раз поблагодарить тебя за то, что ты сумела ждать, что ты ждала меня эти полтора года, ждала «своего счастья», как ты писала. Скоро мы навсегда будем вместе, и клянусь тебе, я сделаю все, чтобы возна-

градить тебя за эти потерянные месяцы! Я дам тебе все счастье, какое смогу, всю любовь. Ведь только из любви к тебе я уезжал и жил здесь, на чужбине, и играл в эту проклятую игру, только ради тебя, ради того, чтобы заработать на наше счастье. А регби я зря обругал. Ведь только благодаря ему мы обретем это счастье, только благодаря ему я смогу наконец по-настоящему жить.

Крепко целую тебя, любимая, обязательно встречай меня в Марселе. Теперь уже скоро.

Навсегда твой Клод».

Это письмо, найденное в кармане Клода Дистеля, скоропостижно скончавшегося от внутреннего кровоизлияния в мозг в пассажирском зале Мельбурнского порта, не было вручено адресату.

Ю. ДАВЫДОВ

ЗАБЫТЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ВАСИЛИЯ БАРАНЩИКОВА

(Правдивая история странника поневоле)

1. Пришла беда — отворяй ворота

Его приковали цепью к переборке трюма. Он хрипло закричал, а человек в толстой шерстяной фуфайке молча ткнул его кулаком в зубы. Василий забился на цепи, как подстреленный, а человек в фуфайке сплюнул и ушел, громко стуча тяжелыми башмаками.

В трюме пахло сыростью, паклей, крысиным пометом. Парусник легонько переваливался с борта на борт. Василий прислушался к глухим всплескам волн, отер лицо ладонью и вздохнул. «Эх, — подумал он с горечью, — пропала моя головушка! Пришла беда — отворяй ворота». Он огляделся, различил в сумраке еще нескольких несчастных, скованных цепью, хотел было заговорить с ними, но они не разумели по-российски. Василий вздохнул еще горше, прижался спиной к трюмной переборке, и мрачные мысли овладели им.

Ходишь, ходишь под богом, думалось ему, а черт не дремлет, и вот начинается с тобой такое, что ни в страшной сказке сказать, ни пером описать. А ведь как все ладно начиналось!..

И вспомнился Василию погожий зимний денек, когда поцеловал он ребятишек, жене наказал за домом приглядывать и, благословясь, поехал в Ростов с кожевенным товаром. Путь был легок, наезжен. Скоро

пропал из виду Нижний Новгород, шибче закрутился снег над трактом и полями, весело повизгивали полозья.

Без греха добрался он до Ростова. А в Ростове ходуном ходила ярмарка. Тепло было, снег подтаивал. На ярмарке бойко пошла у купца Василия Баранщикова распродажа. На третьей неделе поста сбыл он все с рук, набил мошну. Тут бы ему, вислоухому, и вертаться домой, в Нижний, да нечистый попутал малость на ярмарке погулять. Ну, и погулял. Ой, и погулял! Обобрали его до последнего грошика.

Что было делать? Как быть? Добро еще, лошадей не свели плуты ростовские. Продал Баранщиков коней, упрятал на груди, под крестом, сорок рублев. Ну ладно, а дальше что? Думал, гадал, прикидывал и решил махнуть в столицу, а там-де, в Санкт-Петербурге, как-нибудь все образуется.

На дворе март звенел капелью, март 1780 года, когда незадачливый купец-нижегородец миновал петербургскую заставу. Дул сырой западный ветер, и Нева готовилась взломать лед. В Петропавловской крепости уже и пушки зарядили, чтобы возвестить об этом событии. А на валу Адмиралтейства все нетерпеливее хлопал большой белый флаг с гербом города: золотой скипетр и перекрещенные разлапистые якоря. Город Петра был морской, и о морской службе подумал волжский гость, потому что поправить свое состояние «как-нибудь» возможности не представилось.

Стал Василий ходить по корабельщикам и предлагать свои услуги. Долго рядился, наконец ударил по рукам с двумя купцами, которые посылали во Францию строевой лес. Василий нанялся матросом: десять рублей помесячно и хозяйские харчи.

Корабль завершали постройкой в предместье Петербурга, на охтенских верфях. Мастера-охтяне управились к сроку; едва отгремели трижды крепостные пушки, объявляя начало навигации, а корабль был уже готов. Правда, оснастить и загрузить его надо было не на Охте, а в Кронштадте.

Гребные баркасы вывели корабль в Финский залив, поставили в Купеческой гавани Кронштадта, и восемьдесят матросов под командой шкипера-иноземца, волосатого детины, богохульника и табакура, принялись оснащать судно, грузить тяжелые духмяные смолистые сосновые бревна.

Все лето взяла эта работа. Лишь в середине сентября корабль оставил Кронштадт. И последним приветом родины был Василию Баранщикову светлый огонь Толбухина маяка.

Балтика уже штормила по-осеннему. Она обрушила на моряков крепкие ветры, дожди, туманы, и Василий мог теперь повторить следом за старыми матросами: «Кто в море не бывал, тот богу не маливался». Впрочем, настоящая беда, похлеще ростовской, стерегла Василия не на море.

Ненастным ноябрьским днем русское судно стало на рейде столицы Датского королевства. Сквозь дождь и сумрак виднелся Копенгаген: угрюмые формы и цитадель, башни, черепичные крыши. Вместе с другими служителями отпущен был на берег и наш нижегородец. А перед тем шкипер-табачник, бранясь, выдал каждому толику денег.

И вот они бродили по городу, где было жителей около ста тысяч, куда больше, чем в Петербурге; по городу, где на мощеных ровных улицах катились кареты, где в трактирах спускали скитальцы морей золотые и серебряные монеты чеканки всех казначейств Европы, а в окнах опрятных домов можно было видеть пригожих девиц, скромно склонившихся над вязаньем.

Поздним вечером Василий, растеряв товарищей, завернул в портовую харчевню. Он взял пива и разговорился с двумя толстощекими датчанами, которые, смеясь и попыхивая сигарками, кое-как калякали на чудовищном жаргоне из немецких и русских слов. Разговорчивый Василий и не приметил, как датчане, перемигнувшись, подлили ему в пиво водки. И тут подсел к столу юркий молодец в бархатном кафтане. Молодец так и сыпал по-русски: он, оказывается, живал в Риге. Захмелевший Василий совсем уж распахнул душу, называл всех трех собеседников «милок» и рассказывал о ростовской ярмарке, о детишках, оставшихся в Нижнем. Толстощекие цыкали языком, а бархатный кафтан приговаривал:

— Ничефо, брат, мы это попрафим, ничефо...

И «поправил».

Было уже за полночь, на рейде моргали судовые огни, когда юркий молодец, убеждая Василия, что везет его на русский корабль, преспокойно доставил гуляку на какой-то парусник, где Баранщикова, раба

божьего, взяли весьма нецеремонно за ворот, сволокли в трюм да и заковали в железы.

Вот и все. Пришла беда — отворяй ворота.

2. Святая Мария с розой и тюльпаном

В трюме жили крысы. Им, наверное, не так уж худо жилось посреди бочек с солониной и сухарями, но они были очень жадны, эти корабельные крысы, и всё норовили урвать кус из оловянных мисок, что ставил перед пленниками датский матрос в фуфайке, закатанной по локти.

Далеко уже был Копенгаген. Миновав Англию, датский корабль вышел в Атлантику. Он держал курс на запад, к лазоревому морю, к зеленому острову, который принадлежал королю Дании Христиану Седьмому. Там, в океане, пленников расковали. Куда они могли деться? Разве в пучину сигануть...

Увидев океан, ахнул нижегородец. Батюшки святы, царица небесная, мыслимо ль этакое! Ну точь-в-точь всемирный потоп. И океанский вал что твои Жигули, и ветер такой, что приведись на Волге, так, кажется, из берегов бы вышла или вспять обратилась, и небо-то, небо такое огромное, что и заволжское, степное, не больше одеяла будет, ей-богу.

Много недель шел датчанин Атлантикой, и не было ни конца ни краю этой водяной бугристой долине, то зеленой, как весенние луга, то бурой, как поле под паром, то густо-синей, как июльский полдень.

Сколько угодно мог глазеть Василий на океан, и сколько угодно мог он слоняться от форштевня до ахтерштевня, от правого борта к левому, и харч был сносный, и табачком матросы иной раз баловали, но все на душе у Василия лежал камень. Эх, хоть один бы россиянин был тут! Не было тут ни одного россиянина, кроме него самого, Василия Баранщикова. Были тут чужеземные мужики — кто с серьгой в ухе, кто с трубкой в зубах, кто в вязаном колпаке, а кто в широкополой шляпе, кто в сапогах с раструбами, а кто в башмачищах с каблуками и пряжками.

День ото дня жарче палило солнце. Огромные звезды страшно пылали в ночах. Налетали дожди, оглушительные и хлесткие. А после дождей натянувшиеся снасти басовито гудели.

Не иначе, думал Василий, везут в такую сторону, где плавают прелестницы в рыбьей чешуе, где чудо-юдо рыба кит пускает ввысь серебряные струи, такие, наверное, как петергофские водометы; а люди там живут черные, как головешки, и поклоняются, должно быть, огню подобно рыжебородым персиянам, что наведывались порой на торги в Нижний.

В исходе пятого месяца плавания, летом 1781 года, датский парусник достиг Антильских островов, и нижегородец-пленник увидел скалы, рифы, пальмы Вест-Индии.

Корабль медленно обогнул остров Сент-Томас и положил якорь близ города того же названия, который был одним из самых бойких портов на пути из Старого света в Новый свет...

Уже не атлантический вал колыхал датский корабль, который занес Василия Баранщикова в такую даль от Волги, что и в разуме не умещалось, — теперь уже плескало в борта Карибское море. И оно было в таком радостном блеске, такой неизреченной чистоты и прозрачности и так весело кричали над ним олуши и крачки, что Василий не сдержал улыбки.

Оно казалось безмятежным, это Карибское, или Антильское, море! А между тем в водах его растворилось немало людской крови. В блеске его волн было не только отражение солнца, но и пламень стародавних артиллерийских дуэлей. Антильские олуши и крачки носились, бывало, не только над коралловыми рифами и отмелями, где грелись сонные черепахи, но и над палубами вертких судов, свалившихся в абордажной схватке. И это море знавало не только акул с треугольными плавниками и свиными глазками, но и двуногих акул, столь же свирепых и столь же неутомимых.

Знаменитые пираты шныряли некогда по веселым волнам Вест-Индии. Авантюристы и головорезы изо всех уголков Европы презирали королей, вельмож и собственную шкуру.

За два века до того, как Василий Баранщиков увидел Антильское море, некий Джон Хаукинс поднял под этим небом пиратский флаг, и вскоре в здешних широтах развелось морских разбойников что птиц на птичьих базарах Вест-Индии. До поры до времени пиратам весьма сочувствовали в Лондоне, в Париже, в Антверпене: они

ведь перехватывали испанские торговые корабли, а стало быть, подрывали могущество надменных испанских государей.

Но, когда солнце Испании померкло, когда английские, голландские и французские толстосумы сами начали утверждаться в Новом Свете и в Вест-Индии, тогда они ухватили за горло пиратскую вольницу.

Долго и с переменным успехом длилась эта война. Кровавая, жестокая, не знающая пощады, она не стихала годами, не стихала ни в апреле и мае, когда ровно в полдень падают на Вест-Индию короткие серебряные дожди, ни в безоблачные дни июня и июля, ни при обложных дождях, в которых тонут август, сентябрь, октябрь...

Вот какому морю невольно улыбнулся Василий Баранщиков с палубы датского судна. Правда, теперь пираты почти повывелись, их старые лагеря на острове Черепахи, на Алмазной скале, на островке Сан-Кристобаль давно были покинуты, а такие рыцари морского разбоя, как Хаукинс с Дрейком, как некий Александр, прозванный «Железной Рукой», или Манбар, прозванный «Истребителем», перекочевали на страницы приключенческих романов. Теперь пиратствовали в Вест-Индии плантаторы, монахи и генералы — начальники гарнизонов и фортеций, разбросанных по всему архипелагу.

В солдата одного из таких гарнизонов и предстояло обратиться злосчастному нижегородцу.

На острове Сент-Томас Василия и его сотоварищей по плену повели в кирху для присяги на верность королю Дании. Поп, который и на батюшку-то не был похож, потому как ни гривы, ни бороды у него не было, поп этот что-то долго, тихо и внушительно говорил рекрутам, и они, датчане и шведы, его поняли. Василий же только моргал. Это, однако, не смутило бритолицего румяненького пастора, и Василия тоже заставили целовать крест. Засим обрядили его в парусиновую форму и загнали в казарму.

На другой день офицер, держа в одной руке трость с инкрустацией, а в другой парик, которым он часто обмахивался, оставляя в душном, парком воздухе облачко пудры, принялся обучать новобранцев ружейным артикулам. Новобранцы, как полагается, путались и потели, офицер, как полагается, кричал и тоже потел. Белесые глаза его выкатывались, так, что казались голубиными яйцами... Начинали все сызнова. Новобранцы опять сбивались. Офицер, косо нахлобучив завитой парик, лупил их тростью, как мулов.

Вскоре, впрочем, начальство сообразило, что боем от «болвана московита» ничего не добьешься. Потом оно сообразило, что и без боя из этого «болвана» не выделаешь солдата: ведь он не понимал ни полсловечка. «Болван» только даром жрал бананы и пил кофе, отпущенные от щедрот его величества Христиана Седьмого на содержание каждого рядового.

В конце концов гарнизонный генерал придумал, как избавиться, и притом с выгодой, от никудышного воина, позорившего доблестный гарнизон Сент-Томаса.

Василия посадили на небольшой парусник, и прощай Сент-Томас, прощай навсегда. Двое суток посудинка резво бежала к острову Пуэрто-Рика, принадлежавшему в ту пору Испании. А там другой генерал, с глазами как черные жуки, внимательно оглядел Василия, пощупал у него мускулы, подумал и согласился отдать в обмен за него «парочку негров».

Так гарнизонный начальник из Сент-Томаса избавился от никудышного солдата и приобрел двух негров-рабов. Так испанский генерал обзавелся для домашнего услужения кухонным мужиком. Так Василий Баранщиков сменил хрен на редьку и очутился на острове, где были обширные сахарные плантации, где шелестели, точно жестяные, рослые пальмы и приторный запах патоки примешивался к пище и табаку.

Порядок требовал инвентаризации имущества — дескать, то-то и то-то принадлежит такому-то, — а посему на кухонного мужика следовало поскорее наложить тавро. Четвероногое имущество клеймили в загонах, двуногое — в казенном присутственном месте. В присутствии Василий увидел детин с равнодушными усатыми лицами, большое, грубой работы распятие и стол, на котором чинно выстроились клейма. Клейма были с шипами, натертыми порохом. Шипы были расположены так, чтобы оттискивать определенный рисунок.

Василию заголили левую руку. Двое детин держали его, третий клеймил. Слезы брызнули из глаз пленника, лицо его судорожно подергивалось, он закусил губу и смотрел на скорбного деревянного Христа.

Восемь раз приложили клейма к руке Василия, а потом генеральский денщик по-

вел его в усадьбу. Дорогою они завернули в таверну, и денщик, вздохнув участливо, поднес Василию стаканчик вина.

Несколько дней рука адски болела. Она распухла и покрылась струпьями. Когда струпья осыпались, Василий разглядел свои «особые приметы». Самым крупным было изображение святой Марии с розой и тюльпаном. Ниже девы Марии встал на якорь кораблик, окруженный солнцем, полумесяцем, звездами, а на кисти, посреди восьмиугольника, значились голубоватые цифры: единица, семерка, восьмерка, тройка. Последнее означало, что генерал обзавелся новым рабом в 1783 году.

Клейма были наложены, порядок соблюден, и кухонный мужик приступил к делу. Вместе с негром-сенегальцем таскал Василий воду и сухие стебли тростника для печи. Он мыл пол, скоблил столы, чистил медную посуду, выгребал золу, выносил помои, и дева Мария на руке его всегда была чумазая. На дворе духота и жара, а в кухне и вовсе пекло, и Василия мутило от запахов чеснока, пряных соусов, бычьего мяса.

Поднимались усадебные рабы на заре, ложились около полуночи. Звезды горели в черном небе, как факелы, море рокотало, как банджо. Снился неграм Золотой Берег, снились Василию волжские отмели.

Короток был сон. Жестокое чужое солнце вставало над жирной чужой землей, с чужим жестяным шелестом раскачивались пальмы под утренним бризом, и начинался новый день в кухонном пекле.

3. Раб Ислям и капитан Христофор

Не верилось, просто не верилось в это нежданно-негаданное счастье. И, даже когда парусник выбрал якорь, и матросы, что-то звонко прокричав, замахали шапками, а береговые пальмы склонились в полупоклоне, даже тогда Василию все чудилось, что генерал опомнится и велит вернуть его.

А парусник уже набирал ход. Пеньковые просмоленные ванты подхватили напев атлантического ветра, медленно погружаясь в волны берега Вест-Индии.

Вест-Индия! Василий оставил на твоих берегах едкую тоску по родине, муторные запахи генеральской кухни, злую лихорадку. Он уносил с твоих берегов амулет из акульих зубов, подаренный на счастье друзьями-неграми, и умение изъясняться на смеси гишпанского с нижегородским. И еще уносил он благодарное воспоминание о черноокой донне с плечами и шеей белей вестиндского сахара. Ей, супруге генерала, обязан он своим спасением. Правда, она могла бы и раньше расспросить Василия про жену и детей, покинутых на берегах реки, название которой донна не запомнила. Правда, могла бы она и раньше проникнуться состраданием к Василию Баранщикову. Впрочем, что же теперь сетовать на это? Благослови ее господь и за то, что два года спустя уговорила она генерала отпустить кухонного мужика...

Вторично пересекает Василий океан. Предстоит ему тысячемильная дорога. Но теперь уж это дорога домой, в отечество. Нет, не сидит он сложа руки на маленьком итальянском паруснике, что идет в Геную с грузом кокосовых орехов. Он, Василий, матрос, — равноправный член экипажа, и он работает на реях, управляется с парусами, окатывает палубу забортной водой. Он не жалеет сил. Кажется, нет на свете милее этого итальянского кораблика с двумя мачтами и залатанным кливером. А какие славные, какие веселые парни, эти звонкоголосые генуэзцы!..

Три месяца идет парусник Атлантикой. Вон уже и Азорские острова. Парят над ними ястребы, плывет гул бессчетных монастырских колоколов, и вперевалочку, утиной стайкой уходят от тех островов в Европу купеческие суда, а в трюмах у них бочки, а в бочках — отменная, ускоряющая ток крови фаяльская мадера.

Генуэзцам теперь недалече. Пройдут они мимо башен Гибралтара, а там и Средиземное, такое им знакомое море. Да и Василию Баранщикову сухой путь Европой куда короче океанской дороги.

Но, говорит старая пословица, человек предполагает, а бог располагает. Располагал же мореходами на сей раз не христианский, а мусульманский боженька. Черной молнией налетел пиратский бриг, и не поспели они сотворить молитву деве Марии, как уже дула пистолетов пристально глядели им в лоб.

Можно побиться об заклад: пираты с африканских берегов не уступали в отваге и дерзости антильским «джентльменам удачи». Конечно, не было большим подвигом для капитана Магомета-паши пленение скорлупки, на которой и двух дюжин «неверных» не нашлось. Но если сравнивать

пиратов-африканцев с пиратами-европейцами, то первые, пожалуй, дали бы фору последним и в мореходном искусстве, и в храбрости, и — да позволят нам так выразиться — в разбойном стаже.

Мрачная слава пиратов с африканских берегов гремела еще в античные времена. В их лапах побывал некогда молодой Юлий Цезарь. Они выходили на бой со стаями галер, украшенных римской волчицей, и сам Помпей, «повелитель мира», собирал против них целые флоты. А в средние века и позже исправно платили им дань европейские торгаши.

Василий Баранщиков, понятное дело, не предавался размышлениям о пиратах вообще и об африканских в частности. У Василия Баранщикова было темно в глазах, и лицо его было белое, как белый тюрбан капитана Магомета-паши. В эти минуты Василий желал смерти. Доколе, о господи! За что же такая участь? Ну грешил, как все купцы: не обманешь — не продашь. Ну имел некую склонность к зелену вину... Вот и все прегрешения. Так за что же, о господи, караешь? Но бог молчал. Аллах, должно быть, был сильнее его, и не было аллаху никакой заботы о бедном нижегородце.

Турки не теряли времени: они делили добычу. Василий приглянулся самому Магомету-паше. Капитан хлопнул его по плечу, глянул на зубы, засмеялся и залопотал что-то своим приспешникам.

Минуло несколько недель, и пиратский бриг, пройдя от Гибралтара до Малой Азии, ошвартовался в Каталъском заливе. Неподалеку от залива, в древнем иудейском городе Вифлееме, было у капитана Магомета-паши уютное гнездо: дом с четырьмя женами, дворик с фонтанчиком, розами и старым кипарисом. И Василия, нареченного «Ислямом», опять определили в кухонное услужение.

Правда, зажил тут Василий вольготнее, чем у испанского генерала, — только кофий варил. Однако в Малой Азии, когда родина была уже в сравнении с Вест-Индией не так далека, Василий тосковал ежечасно. И не были ему в отраду ни рахат-лукум, ни душистый кофий, ни милая снисходительность капитановых жен. Думал Василий о побеге, думал упорно, каждый день, и учился говорить по-турецки, чтобы, будучи в бегах, объясняться с прохожими...

Полгода обретался Василий в древнем Вифлееме, а тоска не утихала, неизбывная тоска по отчизне. И вот как-то ночью выскользнул он со двора, постоял минуту, прислушиваясь к арабской мелодии фонтанчика, к шороху ветра, что знал столько историй о странствиях, да и пустился в побег.

Изловили Исляма на третьи сутки, привели к Магомету-паше. Капитан ярился пуще барса. Он приказал бить раба палками по пяткам, а сам уселся на ковре, подогнув ноги, и закурил кальян. Василия били, а Магомет-паша пускал дым, прикрывал в истоме глаза, покачивал тюрбаном:

— Это, Ислям, не тебя бьют. Это, Ислям, твои ноги бьют: зачем бежали?

Долго Василий не мог подняться: ноги у него обратились в култышки. Он лежал почерневший, с безумным блеском в провалившихся глазах. Ночами он, случалось, плакал, но то были слезы ненависти, и они придавали ему решимости. Теперь он думал о побеге, как приговоренный к пожизненной каторге. Нет, сильнее: как обреченный на казнь. С мыслью убежать или сложить кости в опаленной солнцем земле Палестины он вновь принялся варить кофий своему господину.

Истек год вифлеемской тоскливой и однообразной жизни Василия Баранщикова. Магомет-паша отправился в новый разбойный поход. А неделю спустя после его отъезда повстречал Василий другого капитана.

Он был грек, его шхуна стояла в Каталъском заливе, готовясь к плаванию в Венецию. После двух-трех встреч Василий открыл капитану Христофору свой замысел. Капитан задумался.

Христофор хорошо помнил русских моряков и солдат, которые совсем недавно пытались вызволить Грецию из-под султанского ига и столь знатно поколотили турецкий флот в Чесменской бухте. Как и большинство его соотечественников, капитан питал к русским единоверцам искреннюю симпатию. Ну как не помочь, думал капитан, несчастному россиянину? О, он отлично понимал, чем рискует при неудаче. Головой рискуешь, капитан Христофор. Но ведь ты архипелагский моряк, тебе ведомы такие уголки, куда турки не суются. И потом: как же ты упустишь случай насолить бусурману-пирату?

— Слушай, брат, — сказал капитан Христофор, — я снимусь с якоря завтра после полуночи. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Василий. Сердце у него забилось радостно и часто. — Понимаю! Но чем я отплачу тебе, добрый человек?

Капитан махнул рукой:

— Пустое. Будешь помогать моим ребятам, и все тут.

И он ушел, высокий, костлявый, выдубленный солнцем и солью морей, хитроглазый капитан Христофор. Ветер раздувал его длинные усы.

В назначенный час греки выбрали якорь. Василий не видел, как начали медленно повертываться в светлой ночи мысы и скалы, как нос шхуны тронул и развалил лунную дорожку на воде: Василий был упрятан в тайничке рядом с капитанской каютой. Но он слышал голос капитана Христофора, отдававшего команды, слышал, как шлепают по палубе босые матросы, и его бросало то в жар, то в холод, и лицо его было в поту, а руки дрожали.

Лишь через несколько дней осмелился Василий показаться на палубе. Шхуна была уже неподалеку от Кипра.

Средиземное море блистало синей красой. Над монастырем реяли ласточки. Среди маслин белели домики. Рыбачьи лодки стояли на приколе... Василий перекрестился и шмыгнул носом. Капитан Христофор улыбнулся в усы, позвал его в каюту, и они распили бутылку сладкого хиосского вина.

Нижегородец знал Балтику, Атлантический океан, Карибское море. И вот — Средиземное. Его воды, пожалуй, сродни вестиндским. Но дышится тут легче, острова тут уютнее, бухты приманчивее.

А потом — Адриатика, и ее королева — Венеция. И в Нижнем слыхал Василий про «веницейских» купцов, безмерно богатых, изворотливых и деятельных. Слыхать слыхал про Венецию, но увидеть не мыслил. Теперь же гляди, гляди во все глаза.

Гляди на царственный мрамор, на собор Святого Марка, на котором возносятся в могучем порыве четыре конные статуи, на острова и мосты, на золотоволосых женщин и ловких гондольеров, на колоннады и арсенал, на каменных львов и зеленоватую воду, что выплескивает оранжевые корки апельсинов, на оливковых матросов и седых шкиперов, на новенькие суда, которые отдают смолою, и на старые парусники, от которых пахнет дегтем и прелыми фруктами, на толстых торговок и тощих живописцев, на бродяг, башмачников, портных, пекарей...

Так и подмывало Василия проститься с Христофором и отсюда, из этой распрекрасной Венеции, отправиться восвояси через австрийские и польские земли. Но капитан Христофор сказал:

— Это же очень далеко. Разве плохо на шхуне? Потерпи, брат. Придем в Царьград, там тебе российский посланник паспорт выправит, и поедешь себе домой с паспортом.

Василий не стал перечить.

4. Янычар

Курносый и круглорожий дворецкий стоял на каменном крыльце и сердито смотрел сверху вниз на незнакомца. «Вроде бы и русский, — думал дворецкий, — да уж так зажарен, что хоть десять лет три — не оттрешь».

— Ну, что тебе еще? — сердито повторил дворецкий. — Сказано: нету его превосходительства. Нету! — выкрикнул он фальцетом. — Пшел!

Василий переминался с ноги на ногу. «Как же это так? Как же?» — горестно недоумевал он. И впрямь можно было взвыть от сознания своей несчастливости, оттого, что и теперь судьба-злодейка обходилась с ним уж очень круто.

Василий только что поведал курносому о своих мытарствах. Он смиренно называл домоправителя «ваше благородие», хотя знал, что тот никаким «благородием» не был. Василий не просил ни денег, ни пропитания, он просил лишь доложить о себе господину посланнику. А дворецкий прогонял его с порога, говоря, что по случаю заразы — «моровой язвы» — господин Булгаков, как и все посланники при турецком дворе, уехал из Стамбула за несколько десятков верст и принимать-де никого не велено. А Василий опять твердил: как же, дескать, так, приходит подданный государыни императрицы и просит отправить его в пределы любезного отечества, ему же, верному подданному, от ворот, значит, поворот...

Дворецкому надоело торчать на солнцепеке.

— Э, что с тобой лясы точить! — пробурчал он с раздражением. — Много вас, бродяжек, сум переметных, все вы талдычите, что нуждою отурчали. — И крикнул: — Эй, стража!

При слове «стража» внутри у Василия все оборвалось. Дворецкий приметил его испуг, добавил внушительно:

— Чтоб сей секунд духу твоего не было! Слышишь? А не то сдам стражникам. Пшел!

У беглого раба капитана Магомета-паши не было никакой охоты попадать в лапы турецких стражников. И, понурившись, побрел Василий со двора российского посланника.

Время близилось к полудню. Солнце палило. В улочках воняло нечистотами. Дома с деревянными решетками на окнах дремали. Никому в этом большом, пестром и грязном городе, ни единой душе не было дела до Василия Баранщикова.

Он добрел до Галаты. Это было предместье Стамбула, спускавшееся к бухте Золотой Рог. В бухте недвижно стояло множество судов. Они казались приклеенными к синему стеклу. Но среди этих судов уже не было шхуны капитана Христофора.

Василий остановился на пристани. Он смотрел, как большие, осевшие под грузом лодки отваливали от кораблей. И от пристани тоже шли лодки — к кораблям. В лодках были табак и сафьян, буковое дерево и ковры, благовонные масла и золотошвейные изделия турчанок-затворниц.

Галата жила бойкой, темной, плутоватой, для большинства ее обитателей трудной, для иных привольной жизнью. Кого только тут не было! Немцы и французы, англичане и голландцы, армяне и евреи, сербы и болгары, греки и португальцы. Тут были ремесленники и негоцианты, рабочие с верфей и трактирщики, воры и содержатели притонов, перекупщики рабов и ростовщики.

Портовая суета, движение и деятельность несколько ободрили Василия. «Ничего, — подумал он. — Ничего... Осмотрюсь, придумаю, как выбраться».

Вскоре пристроился Василий на верфи, встал вместе с несколькими сербами и болгарами, вооруженный плотницким топором и отвесом. Может быть, вот так, в славянской артели, и дожил бы он до того дня, да повстречал гонца из Петербурга. Но, видно, на роду ему, Василию Баранщикову, было написано изведать всяческие приключения. Вот и на берегу Золотого Рога попался ему некий соотечественник, давно «отурчавший», и принялся искушать Василия выгодами янычарского житья. Василий соблазнился и пошел на воинскую службу.

Еще в XIV веке турецкие султаны учредили новые войска — своего рода гвардию — «они чери», янычаров. Новшество заключалось в том, что в янычары забирали турецкие власти детей покоренных ими христианских народов. Это была одна из податей, и это была, конечно, самая страшная подать. Обездоленные, лишенные отчего крова дети вырастали под присмотром турецких наставников и обращались в янычаров, известных своей бесшабашной удалью и необузданной храбростью. А когда в последний год XVII столетия янычарам дозволили обзаводиться семьями, «новые войска» стали пополняться детьми самих янычаров, и тут уж образовалась такая влиятельная каста, что ее опасались сами султаны.

Итак, бывший нижегородский торговец сделался янычаром. Его обрядили в чалму, широченные шаровары, сапоги красного сафьяна, подпоясали шелковым кушаком и снабдили двумя пистолетами европейской выделки, а сверх того и вострой кривой саблей, на эфесе которой кроваво пламенел рубиновый камень.

Много и многих видывал Василий Баранщиков за годы своих скитаний, а теперь, летом 1785 года, удостоился лицезреть султана Абдулла-Гамида Первого.

С неподвижным лицом, осыпанный драгоценностями, окруженный свитой, шествовал мимо караульного янычара Василия Баранщикова султан Абдулла-Гамид. И Василий низко склонялся перед повелителем правоверных. Но, если бы янычар мог заглянуть в глаза повелителю, он увидел бы в них озабоченность, а может, и откровенный страх.

Вот уже десять лет царствовал Абдулла, и не было в его царствование ни одного спокойного года: феодалы так и норовили отделиться, бунтовали, зажигали восстания, а у бедного Абдуллы вечно не хватало денег и преданных войск.

Да хоть бы и этот янычар, что низко склонился перед ним, разве он был ему предан? Нет, этот янычар вовсе не думал о благополучии султана и его империи, а

думал денно и нощно, как бы поскорее унести ноги из дворца, и не только из дворца, но и из Стамбула, и не только из Стамбула, но и из Турции...

Был у Василия знакомый лавочник в Галате — грек Спиридоний. Подобно капитану Христофору, он сочувствовал Баранщикову. Но ведь Спиридоний был лавочником, а не моряком, и ничем, пожалуй, пособить не мог.

И все-таки Спиридоний пособил. У него за чашкой кофия сошелся однажды Василий с правительственным курьером, прибывшим из Петербурга. Тут уж Василий выложил свои думы, как на духу.

Курьер набил трубку, неторопливо извлек из кожаной сумки с медным двуглавым орлом лист плотной бумаги, спросил у Спиридония перо и чернила.

— Вот-с, сударь, — вежливо сказал курьер, вынимая мундштук изо рта, — когда, стало быть, выйдете вы из сего города, то возьмете дирекционную линию... э-э, направление, стало быть, на...

И он стал выписывать в столбец названия деревень, местечек, городов. Все их предстояло миновать Василию до того, как увидит он русскую пограничную заставу.

Курьер морщил лоб, попыхивал трубкой. И писал, писал, цепляя пером за бумагу и брызгая чернилами.

5. Дым отечества

Чуть не полгода пробирался Василий Туретчиной, румынскими и польскими землями. Шел он через горы и пущи, твердыми каменистыми дорогами и пыльными трактами. Шел мимо бедных деревенек и роскошных усадеб, мимо колодцев с распятиями и шинков, засиженных мухами...

Лежала уже зима, по счастью, сиротская, когда гусар-пограничник доставил в Киев Василия Баранщикова. Слушая его рассказы, киевские баре разинули рты, а губернатор так растрогался, что отвалил Василию пять рублей на обновы и дальнейший путь. Василий, не мешкая, продал изодранное греческое платье, оделся и обулся по-зимнему, да и был таков.

А в феврале 1786 года он увидел заснеженные берега Оки и Волги, увидел кремль, лабазы и строения родного Нижнего Новгорода и, задыхаясь от волнения, перешагнул порог своего дома.

Жена и двое ребятишек недоуменно и испуганно взглянули на худого, обожженного нездешним солнцем человека, который столбом стоял посреди горницы, не произнося ни слова трясущимися, обметанными, как в жару, губами. Наконец он назвал себя, и, хотя голос у него был сиплый, измененный волнением, жена признала Василия, заплакала в голос и бросилась к нему на шею.

А вечером пожаловали гости. Бородатые и сумрачные, они расселись, заворотив длиннополые кафтаны, расправили бороды и загудели по-шмелиному. И Василий померк, слушая неторопливые их речи, глядя на непроницаемые, волчьи их лица. Что и толковать, не с добром пришли давние знакомцы Баранщикова — купчишки нижегородские. Нет, не с добром. Пришли долги требовать. Долг-то, он платежом красен. А Василий был должен им за кожевенный товарец, за тот самый, что возил в Ростов, на ярмарку.

На другой день еще хлеще. На другой день вытребовали Баранщикова в городской магистрат. Отцы города слушали Василия, елозили, звеня медалями, на дубовых стульях. Ах, ах, жалели они земляка, какие муки-то, бедняга, принял, шутка ль сказать! И, повздыхав, покачав головой, объявили: если бы, мол, не казна, спросу бы-де с тебя, Василий, не было, ан казна-то, сам знаешь, крепко царство казною, вот, стало быть, за шесть годов подать надобно матушке государыне платить.

Ни купцам-кредиторам, ни матушке царице платить Василию было, конечно, нечем. Значит, что же? Значит, садись, россиянин, в кутузку. И сел Баранщиков в кутузку на радость острожным вшам.

Сидел он сиднем, а жена его тем временем продала дом, перебралась с ребятишками к чужим людям. Деньгами, вырученными за дом, уплатила она часть долгов. И все-таки оставалось за мужем еще около двухсот рублей, а раздобыться ими было что ключ со дна моря достать. И отцы города, повздыхав, приговорили должника к казенным каторжным работам в соляных варницах славного города Балахны. Надвинулось на Василия нечто такое, что было, пожалуй, пострашнее прежних бед.

Тут-то и надумал Баранщиков попытать счастья в Санкт-Петербурге. Магистрат смилостивился, отложил исполнение приговора, дозволил ему ехать в столицу.

Как и шесть лет назад после злополучной ярмарки, приехал Василий в Питер вешней порой. Ничего как будто бы и не изменилось в Северной Пальмире. Разве только вот вознесся на скале чудный памятник ее основателю да несколько подвинулась стройка Исаакиевского собора.

У подъездов дворцов умасливал Василий лакеев и швейцаров, проникал в хоромы к большим барам, и скоро слух о необыкновенных и горестных странствиях нижегородского торговца пошел гулять по гостиным петербургских вельмож. А вельможи тщились казаться просвещенными европейцами, просвещенному же европейцу надлежало быть человеколюбивым, и вот в дырявые карманы Василия Баранщикова закапали золотые монетки. Его сиятельство жертвовало столько-то, его превосходительство — столько-то. И старались, пыжились друг перед другом, а на Василия-то Баранщикова уже гостей приглашали, как на диковину какую...

Красным летним днем прикатил Василий из Санкт-Петербурга в Нижний Новгород. И эта правдивая история, история, в которой нет ни капли вымысла, заканчивается, как сказка: расплатился Василий с долгами, с податями, да и зажил себе своим домом, своей семьей.

КОЛЬЦО МОРЕЙ, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧЕТЫРЕХ ЯПОНЦЕВ И ОДНОЙ РУКОПИСИ

Капитан Хэйбей набрал шестнадцать соленых душ. На «Вакамия-мару» погрузили рис, и судно вышло из Сендая в Эдо.

Прошли все сроки, а в Эдо оно не пришло. И не только в Эдо. «Вакамия-мару» не видели ни в одной из бесчисленных гаваней Страны Восходящего Солнца. Оно исчезло.

Минуло много лет. И вдруг — это случилось в 1804 году — несколько моряков с «Вакамия-мару» появились в прекрасной бухте Нагасаки. Их привез большой, о трех мачтах, чужеземный корабль, над которым реял неведомый флаг — белое полотнище, перекрещенное синими, как море в полдень, полосами.

Удивительный рассказ бывших подчиненных капитана Хэйбея записали японские чиновники. И получилась рукопись в семь томов, в тысячу пятьдесят четыре страницы. Ее назвали «Канкай ибун». И эту рукопись, в свою очередь, постигла удивительная судьба.

Итак, летом 1793 года «Вакамия-мару» шло в Эдо. Поначалу все складывалось хорошо, и капитан Хэйбей, навигатор опытный и старый, поглядывая на океан, мурлыкал себе под нос старинную песню о волнах и ветрах.

А потом волны и ветры сыграли с кораблем худую шутку. Надвинулся тайфун, заревела буря, и «Вакамия-мару», маленькое судно, груженное белоснежным рисом, потеряло руль и мачты. Японские моряки были неробкие парни. По меткому их слову, они выставили против урагана собственные лбы. Но, как ни были крепки эти лбы, парусов они не заменили, и судно оказалось в полной власти Великого океана.

Пять месяцев океан испытывал экипаж капитана Хэйбея. Пять месяцев экипаж капитана Хэйбея уничтожал запасы риса и утолял жажду дождевой водою. Океану наконец до смерти надоело упрямое суденышко, и он вышвырнул «Вакамия-мару» на угрюмый островок в Беринговом проливе.

На острове обитали алеуты и русские. Они приняли японцев радушно, и моряки зажили под одной крышей с людьми, о которых прежде слышали мало лестного.

Между Россией и Японией тогда не было дипломатических отношений, и моряки с «Вакамия-мару» не надеялись увидеть вновь свою родину. Впрочем, возвращение в отечество не сулило им ничего доброго: подданным военно-феодальных диктаторов страны Ямато под страхом смертной казни запрещалось покидать пределы Японии. И, может быть, не одни пережитые злоключения, но и горестные думы о будущем свели в каменистую и жесткую могилу капитана Хэйбея, старого служителя моря.

А вскоре после кончины капитана за японскими моряками пришел русский парусник. Он доставил их в Охотск. Но и там, в маленьком городке, где жили рыбаки, ссыльные и каторжники с солеварен,

японцы пробыли недолго: их затребовали в Иркутск. Зачем? Почему? Кто знает...

А уж в Иркутске обосновались они напрочно. Сибиряки отнеслись к японцам похорошему, помогли им обжиться, обзавестись лодкой, снастями, одеждой. И потекли годы: летом рыбачили японцы на славном Байкале, зимы коротали в Иркутске.

И вдруг в марте 1803 года судьба их круто переменилась. В Иркутск прискакал царский фельдъегерь: японцев желал видеть сам государь император.

И вот уж мчатся они тысячеверстным Сибирским трактом. На почтовых станциях петербургскому гонцу без задержки меняют лошадей. Вперед, вперед! Заливаются колокольцы, всхрапывают, запрокидывая головы, кони, гремят мосты. Вперед, скорей...

В Петербурге, в богатом доме у Невы, ждал японцев министр коммерции граф Румянцев. Дело-то было в том, что русские снаряжали первую кругосветную морскую экспедицию. За моря, за океаны отправлялись два корабля. Помимо торговых и научных задач, экспедиции предстояло решить и политическую — установить дипломатические связи с Японией. Вот тут-то и вспомнили о японцах с корабля «Вакамия-мару». И вправду, доставкой моряков на родину можно было бы сделать очень выразительный и неподдельно дружественный жест.

Но Румянцев, должно быть, знал, что́ ждет японцев, волей или неволей покинувших пределы островного государства. И Румянцев, человек не только просвещенный, но и мягкий, не хотел принуждать моряков к возвращению. Он хотел, чтобы они отправились домой доброхотно. И Румянцев сказал им об этом.

Он увидел, как дрогнули их лица, лица людей, пред которыми в тот миг предстал облик родины. Глаза жен, улыбки ребятишек, вишни в цвету, скалы, кипень водопадов, низвергающихся в море... Они молчали. Румянцев не торопил их с ответом.

Наконец, низко кланяясь, они почтительно ответили вельможе, что не хотят уезжать из России, ибо дома их ждет смерть... Румянцев прошелся по комнате, остановился у окна, глядя на широкую веселую, всю в весеннем солнце Неву. Ну, что же делать, думает Румянцев, следя глазами за одинокой льдиной, плывущей медленно и важно, что же делать?.. И тут он слышит: четверо японцев согласны. Они согласны принять смерть, но только бы увидеть еще раз родную землю. Пусть их везут на родину!..

В карете графа Румянцева четверых японских моряков доставили в Зимний дворец. Оробелые и неловкие, они потерялись посреди огромной залы с навощенным паркетным полом и картинами в золотых рамах. Сейчас они встретятся с повелителем страны, над которой никогда не заходит солнце.

Аудиенция продолжалась несколько минут. На губах императора была любезная улыбка.

— Итак, вы хотите вернуться домой? Похвально! — Александр сделал знак, ему подали расшитый жемчугом кошелек.

Император подошел к японцам и одарил каждого золотыми монетами. Потом он подал им красивые карманные часы немецкой работы. Изрек:

— Будьте покойны, я постараюсь, чтобы через год вы увидели родину.

И он отпустил японцев, полагая, что вполне осчастливил их и что в далекой загадочной Японии узнают про его щедрость.

— Будьте покойны, я постараюсь, — повторил царь, уходя из залы.

Но стараться пришлось не императору Александру Павловичу, а русским матросам с корабля «Надежда», которым командовал Иван Федорович Крузенштерн.

«Надежда» и другой корабль экспедиции, «Нева», покинули Кронштадт летом 1803 года. Цудаю и Гихэй, Сахэй и Тадзю были на борту корабля Крузенштерна. Отныне каждый день, каждая миля приближали их к родине и... к смерти.

А мир, такой беспредельный и такой пестрый, разворачивался перед их взором. И они взирали на него затаив дыхание. С палубы русского трехмачтового парусника увидели Цудаю и Гихэй, Сахэй и Тадзю то, что не видел до них ни один японец: шпили Копенгагена и меловые утесы Англии, скалы мыса Горн и пальмы Маркизских островов. И там, в Тихом океане, сомкнулась незримая линия диковинной «кругосветки» четырех матросов с судна «Вакамия-мару».

В Нагасаки экспедицию Крузенштерна встретили недружелюбно. Несмотря на все старания, дипломатическая миссия не удалась. А за доставку четверых подданных русскому капитану принесли вежливую

благодарность. Самих же подданных засадили в тюрьму.

Полгода просидели они за решеткой. Полгода допрашивали их правительственные чиновники, и каждый раз старательные писцы покрывали иероглифами лист за листом. Так возникла семитомная рукопись, озаглавленная «Канкай ибун», что означает: «Необыкновенные рассказы о кольце морей».

Поэтическое название! Однако не совсем точное: бóльшая часть рукописи посвящена не морям, а той стране, что раскинулась от берегов Тихого океана до светло-зеленых волн Балтики.

Что же до четырех матросов, то их, к счастью, не казнили, и после десятилетней... нет, более чем десятилетней разлуки они увидели свои семьи...

Без малого столетие спустя некий японец, приехавший учиться в Германию, опубликовал на немецком языке «Необыкновенные рассказы о кольце морей».

Не знаю, тогда ли прослышал о «Канкай ибун» востоковед профессор Спальвин или иным путем получил он сведения об этой рукописи, но как бы там ни было, профессор возгорелся желанием прочитать рукопись в подлиннике.

Не знаю, долгие ли, короткие ли были поиски профессора Спальвина, но вот в начале уже нашего столетия посетил он японский город Киото. В тамошнем университете показали ему копию «Необыкновенных рассказов». Спальвин спросил подлинник, японцы пожали плечами. Спальвин продолжал свои розыски. И ему посчастливилось: в лавке какого-то букиниста среди ворохов старых книг он нашел манускрипт, глянул и обомлел: то был подлинник «Необыкновенных рассказов». Как дрожали, наверное, руки у почтенного профессора, когда он нес «Канкай ибун» к себе в гостиницу!..

А теперь «Необыкновенные рассказы о кольце морей» может поглядеть каждый, кто посетит небольшую комнату с высокими окнами, старинной мебелью и железной дверью — отдел рукописей московской Библиотеки имени Ленина.

ОБ ИНДЕЙЦЕ ПЕДРО И КРЕСТЬЯНИНЕ МИХЕЛЕ

(Разговор с адмиралом, записанный в гостинице „Тооме“)

Я не заметил, как он вошел в комнату и уселся напротив меня. Когда же я оторвался от старинных, пожухлых, будто листья в октябре, рукописей, он пожевал губами и медленно сказал:

— Честь имею...

Я оторопел. Потом глуповато повторил: «Честь имею...» И запнулся: я не знал, как мне его называть. «Ваше высокопревосходительство»? Нет уж, пронеслось в моей голове, дудки. «Господин адмирал»? Но я еще ни разу в жизни никого не величал господином, и мне было трудно выговорить это слово. По имени-отчеству? А не дерзко ли?.. И вот я молча сидел за столом, заваленным бумагами, и таращил глаза на его золотые эполеты с тремя черными орлами полного адмирала, на его мундир с золотыми пуговицами, на его стариковское, иссеченное морщинами лицо с седыми усами и бакенбардами.

Он опять пожевал губами и с тихим вздохом произнес:

— Зовите меня просто Фердинанд Петрович.

Я кивнул с облегчением и благодарностью. Ну, черт побери, сказал я себе, не теряй времени. Однако... однако с чего же начать беседу с адмиралом Врангелем? Как заговорить с прославленным полярным путешественником, великолепным мореходом, который дважды обогнул земной шар на парусниках? К тому же он ведь барон. А из баронов я короток лишь с одним — Мюнхаузеном... Я поднял глаза. Старичок адмирал сидел передо мною дряхлый, иссохший, и я струсил: гляди рассыплется в прах, и пиши пропало!

Правда, я уже был удовлетворен поездкой в эстонский городок Тарту, бывший Дерпт и бывший Юрьев. Ведь тут, в Тарту, в этом кирпичном здании на улице Лийви, вот только вчера в такой же, как нынешний, пепельный и молчаливый день я отыскал рукописные журналы, считавшиеся утраченными. В этих журналах Врангель

подробно рассказывал о кругосветном плавании на военном транспорте «Кроткий» в 1825—1827 годах. И теперь эти дневники большого формата, исписанные крупным, отчетливым почерком, лежали передо мною вместе с кипами старинных писем, дипломами разных научных обществ и другими документами архива Врангеля и еще вместе с коробкой, похожей на маленькую гитару без грифа, в атласном нутре которой хранились золотые адмиральские эполеты... Повторяю, я был доволен поездкой в Тарту, но поговорить с самим адмиралом Врангелем — это уж был такой сюрприз, что у меня дух захватило.

А старичок тем временем разглядел на столе моем корабельные журналы парусника «Кроткий» и мечтательно осклабился.

— Дела давно минувших дней, — сказал он. — Очень давних дней, молодой человек.

Тут я наконец сообразил, о чем расспросить его.

— Скажите, пожалуйста, — начал я, тщательно подбирая слова, точно говорил с иностранцем, — вы помните происшествие у берегов острова Нукагивы?

В его выцветших, как васильки в гербарии, глазах отобразилось неудовольствие. Э, решил я, ему не по сердцу это воспоминание. Но оказалось, Врангеля задело другое.

— «Помните»? — переспросил он с досадой. — На память, слава богу, не жалуюсь. Не так ведь я еще стар, а?

— Конечно, конечно, — поспешно сказал я, стараясь не смотреть на его дрожащую, как у графини из «Пиковой дамы», голову. — Я хотел о другом...

— Видите ли, молодой человек, — прервал меня адмирал, и его вялый рот сделался жестким, — и тогда, и теперь я полагаю, что поступил совершенно справедливо. Я привел мой добрый парусник к Маркизским островам, чтобы налиться пресной водой и продолжить плавание в Камчатку. И что же? — Его брови, когда-то рыжие, а теперь блекло-табачные, сердито приподнялись. — И что же? Дикари убили моего мичмана и моих матросов, посланных на берег в шлюпке. Ну-с, «Кроткий» в отместку и открыл орудийный огонь по туземцам...

Я ершисто заметил, что островитяне, очевидно, приняли моряков «Кроткого» за тех европейских или американских разбойников, которые неоднократно грабили Нукагиву, самый большой и изобильный остров среди Маркизских островов.

Старик сердито засопел.

— Может быть, и грабили... Но, скажите на милость, при чем тут мои славные матросы?

Я возразил в том смысле, что островитяне посчитали моряков «Кроткого» игроками из той же футбольной команды, что и пираты-колонизаторы.

Врангель посмотрел на меня с недоумением:

— Как вы изволили выразиться? Из какой команды?

Я спохватился: мы говорили с ним на разных языках.

— Фердинанд Петрович, — начал я с подкупающей мягкостью, точно ко мне вернулась былая репортерская сноровка, ведь зачастую приходилось брать интервью у очень занятых и раздраженных людей, — Фердинанд Петрович, — сказал я, — ваш покорный слуга носится с мыслью написать роман о моряках-парусниках.

О романе я приврал. О романе я и думать не смел. Я хотел написать два-три очерка. Но он был польщен. Он кивнул и проговорил с улыбкой:

— Да-с, жизнь наша, я разумею моряков, — роман, и притом естественнейший, потому что правда нашей жизни богаче вымыслов господ сочинителей.

— Так вот, Фердинанд Петрович, — продолжал я, дотрагиваясь до корабельного журнала, — вы тут сообщаете о некоем индейце Педро и английских матросах, подобранных вами на острове Нукагива.

— Да, я велел принять их на борт. — Он провел рукой по длинным усам; у него это получилось очень щеголевато и ловко, как, должно быть, было свойственно лишь морякам-парусникам.

— Но, к моему сожалению, я ничего не смог узнать из вашего журнала о дальнейшей участи этих людей. А между тем персонажи эти, особенно индеец, так выгодны для романического повествования!

Он задумчиво побарабанил короткими веснушчатыми пальцами по столу и недоверчиво спросил:

— В журнале ничего нет?

— Нет.

— Тогда потрудитесь-ка, сударь, сыскать другой журнал.

— Какой же?

— «Журнал распоряжений». Все, что

касалось корабельных дел, вплоть до самых мельчайших, — произнес он наставительно, и я угадал в нем закоренелого «аккуратиста», — все это заносилось под мою диктовку в сей журнал. — Он строго поджал губы.

Я начал рыться в бумагах.

— А кстати, — сказал адмирал, — что вы думаете, господин сочинитель, как эти люди оказались на острове?

— По-видимому, — осторожно предположил я, продолжая рыться в старинных рукописях, — их высадили с какого-либо судна; может быть, в наказание, как это нередко случалось, а может быть, по их собственному желанию, что тоже случалось иногда.

Адмирал не помнил в точности обстоятельств дела, но спорить не стал.

— Ага, вот он!

Морщинистое лицо Врангеля сморщилось от удовольствия еще больше, когда я извлек журнал синей бумаги с надписью на обложке: «Распоряжения капитан-лейтенанта Врангеля по военному транспорту «Кроткий».

— Вообразите, сударь: где только не вносились в сей журнал мои распоряжения!

Это было сказано несколько горделиво, но я не мог не согласиться, что гордость его законна. Да, подумалось мне, ему тогда было тридцать, он уже был знаменит своей экспедицией по северо-восточным берегам Ледовитого океана, а на борту «Кроткого» ему довелось изведать ревущие штормы близ Огненной Земли, ураганы Великого океана, штили Зондского пролива, бурю на меридиане Мадагаскара... Я думал об этом и листал тетрадь синей бумаги. Парусник был у Маркизских островов в апреле 1826 года, и я искал записи, относящиеся к этому времени... Ну, вот и они.

— Читайте, читайте, — удовлетворенно сказал Врангель, — я же говорил...

В журнале значилось:

Оставшихся на вверенном мне транспорте англичан Джона Дре, Джемса Редона и лаплатского индейца Педро Мартыноса приказываю включить в командный список и производить им морскую порцию наравне со всеми.

А следующее распоряжение гласило:

Вновь принятых мною в состав вверенной мне команды англичан Джона Дре, Джемса Редона и лаплатского индейца Педро Мартыноса назначаю во вторую вахту на баке и шканцах.

— Так вот оно что! — протянул я и поглядел на адмирала. — Вы, стало быть, не дали им скучать в океане?

— На военном корабле, сударь, — уже знакомым мне тоном наставника заметил старик, — не должно бездельничать. От безделия все пороки. Да-с.

Я пропустил это мимо ушей. Я думал, что уроженец Ла-Платы индеец Педро был, очевидно, первым индейцем, служившим на русском корабле. Я спросил у адмирала, верна ли моя догадка.

— Несомненно, — твердо отвечал старик. — И я должен засвидетельствовать, что он был отменным служителем, ловким и сильным. И вот еще что примечательно... — Он ухмыльнулся. — Этот Педро, хотя и не знал по-русски ни полслова, отлично сошелся с моими молодцами. Его полюбили у нас, чего я не могу, к сожалению, сказать об этих... как их бишь?..

Я заглянул в синюю тетрадку.

— Дре и Редон?

— Вот-вот, — кивнул адмирал. — Эти прослыли ленивцами первой статьи, и я был весьма рад, когда избавился от них.

— Каким же образом, Фердинанд Петрович?

Я предвкушал какое-нибудь эффектное событие. Но Врангель обманул мои ожидания.

— Вы слышали, — сказал он, — о капитане Бичи? Фредерик Бичи. Слыхали?

Мне страсть не хотелось оплошать.

— Это тот... который... Позвольте, позвольте... Бичи, говорите? Ах да, капитан Бичи! Уж не тот ли, что искал Северо-западный проход одновременно с Джоном Франклином?

Его сморщенное лицо не выразило, как я надеялся, удивления перед моей осведомленностью.

— Да, — сказал он спокойно. — Так вот, когда я пришел на «Кротком» в Петропавловскую гавань, там как раз стоял «Блоссом» капитана флота его величества Фредерика Бичи. Он уже собирался вступить под паруса, когда я спровадил его милых соотечественников к нему на фрегат. Полагаю, это не было большим приобретением для капитана Бичи, к которому я питаю высокое уважение. — И старичок потер

руки с таким видом, будто все это произошло не столетие с четвертью назад, а вот только что.

Я торопливо чиркал карандашом в записной книжке.

— Понятно, понятно, Фердинанд Петрович. Ну, а что же любимец команды? Вы привезли Педро в Кронштадт?

Адмирал снисходительно улыбнулся беззубым ртом.

— О нет, господин сочинитель. Тут уж увольте, я вам не подсказчик. Нет, я не привез индейца в Кронштадт. Он плавал с нами в Тихом океане, а потом, у северо-западных берегов Северной Америки, на острове Ситхе, покинул корабль. Что с ним сталось, я не знаю. Впрочем, — он снова раздвинул рот в беззубой улыбке, — вам, сочинителю, это на руку: вы вольны распорядиться судьбой индейца Педро. Когда он покинул «Кроткий»? Думается... А зачем гадать? Соблаговолите еще раз заглянуть в журнал.

Я перемахнул несколько страниц и действительно увидел запись, гласившую, что индеец Педро Мартынос «отлучился от команды» в октябре 1826 года и что он оставил на корабле все казенные вещи, полагающиеся рядовому матросу: шинель серого сукна, мундир с брюками, три пары шерстяных чулок, холстинную рубаху и фуфайку зеленого сукна. И эта запись лучше всяких похвал характеризовала первого на русском паруснике матроса-индейца: он был не только ловким, сильным и смелым моряком, но человеком гордым и честным...

Размышляя об индейце, я чуть было не упустил старика адмирала. Он уже оперся рукой о стол, собираясь подняться. Молящим «репортерским» голосом я попросил его уделить мне еще несколько минут. Он вздохнул и уселся поудобнее, а я принялся спешно ворошить бумаги. Мне надо было расспросить об одном эстонце, судьба которого увлекла меня не меньше, чем судьба индейца Педро...

— А, вот!

Старик вздрогнул.

— Что это вы, батенька, рыкнули, как, бывало, мой денщик Федька спросонок? — сказал он недовольно.

— Да вот, Фердинанд Петрович, послушайте, пожалуйста. — И я прочел скороговоркой: — «Приметы: рост посредственный, волосы и брови темно-русые, глаза карие, нос острый, рот умеренной, подбородок плоский, лицо продолговатое и рябоватое, от роду 32 года».

— Что это такое? — не понял Врангель.

Я объяснил: это, дескать, паспорт дворового человека из имения Руиль, отпущенного в январе 1830 года в услужение капитану первого ранга Врангелю сроком на семь лет.

— Ну, так что же?

— Как — что? Да ведь этот Михель Якобсон... Да вы-то, Фердинанд Петрович, вы сами где были в те годы? Вы проехали всю Россию от Петербурга до Охотска. Так?

— Разумеется. И должен вам заметить, не один, а с молодой женою.

— А потом вы пробились сквозь непогоды и штормы к острову Ситхе. Так?

— Пробились. И должен заметить, Лизанька моя очень страдала морской болезнью.

— А потом вы пять лет жили на Ситхе. Верно?

— Ну конечно, как и все правители Русской Америки. Где же еще мне было жить как не в Ново-Архангельске? Мы там с Лизанькой схоронили первенца...

Меня не тронула печаль его старческого голоса. Я думал об ином и продолжал свой «скорострельный» допрос.

— А потом, когда вас сменил другой правитель, присланный в колонии Российско-Американской компанией, вернулись в Россию?

— Вы не ошибаетесь, молодой человек, — сказал адмирал. — Но вернулся я с Лизанькой не прежним путем, а через Мексику, Нью-Йорк и Атлантический океан, а стало быть, — в голосе его опять были горделивые нотки, — а стало быть, в третий раз обогнул земной шар. И должно заметить, моя Лизанька...

Я непочтительно перебил его:

— И все эти годы Михель Якобсон был с вами?

— Какой Михель? — Его блекло-табачные брови сдвинулись.

— Крестьянин. Дворовый человек.

— А, этот! — буркнул адмирал. — Разумеется.

— Ну, вот видите! — проговорил я.

Но он ничего не «видел».

Он будто сквозь сон бормотал что-то о «своей Лизаньке», пустился, кажется,

в воспоминания о знакомстве с нею в ревельской конторе дилижансов, о своем сватовстве к дочери барона Россильона... Но все это я уже не слушал.

Я думал о дворовом человеке Михеле Якобсоне, который был, должно быть, первым эстонцем, совершившим кругосветное путешествие. Я думал, что он, наверное, был рад унести ноги с барского двора, из именья, или, как говорили в Эстонии, мызы. Ведь не зря же пели в те времена эстонские мужики: «Если я из мызы вырвусь, значит, вырвусь я из ада». Но, радуясь избавлению, Михель в то же время и печалился о своей жилой риге, где в зимнюю пору обитала его семья, где в углу была печь, топившаяся по-черному, где на колосниках сушилась солома, а в светце с железным наконечником трепетала лучинка. И еще я думал о том, как Михель, одетый в грубые домотканые одежды из льна и шерсти, подпоясанный плетеным шнурком, отправился на другой конец света и увидел огромный мир, населенный разными племенами и народами, у которых были разные одежды и разные обычаи, но одно было так же, как в его, Михеля, родной Эстонии: бедные жили бедно, богатые — богато...

— Простите, пожалуйста, но мы уже закрываем.

Голос мягкий, извиняющийся, с приятным акцентом, голос архивной сотрудницы-эстонки испугал меня. Она, должно быть, что-то заметила в моем лице, потому что поспешно сказала, что если мне очень нужно, то она с удовольствием задержится. Я поблагодарил и начал собирать рукописи. В архивной зале уже никого не было.

— Завтра придете? — спросила любезная архивистка.

— Конечно, — ответил я и подумал, что архив — поистине страна чудес, где можно запросто потолковать с адмиралом, знаменитым путешественником и мореходом, умершим в прошлом веке.

На дворе стоял густой туман, и огни Тарту казались расплывчатыми и тусклыми. Снег подтаивал и шуршал. На старинной ратуше ударили часы.

Гостиница «Тооме» была неподалеку от архива. Я пришел в гостиницу и записал «разговор с адмиралом», который вам пришлось теперь прочесть.

НИКОЛАЙ КОРОТЕЕВ

ПО ТУ СТОРОНУ КОСТРА

Из тайги доносились стоны и кряхтение деревьев. Они мужественно, как солдаты под огнем, выстаивали пургу.

Человек и тигр лежали у костра в берлоге под выворотнем.

Когда-то поваленный ветром, старый, в три обхвата, тополь не упал, а оперся о мощные сучья своих соседей, и они поддержали его. Меж землей и корневищем выворотня образовалась берлога. С потолка ее свисали, подобно змеям, узловатые корни. В неверном пляшущем свете казалось, что они шевелятся.

Охотник лежал на боку, подперев ладонью щеку. Он был молод, и лицо его, еще юношески мягкое, обросло пушистой светлой бородкой. Взгляд его голубых глаз, ясных и спокойных, временами становился задумчивым, веки вздрагивали, прищуривались в такт мыслям, и улыбка трогала уголки губ. Одет он был в куртку, вернее шинель с обрезанными выше колен полами, штаны из шинельного сукна, а на ногах поверх ловко закрученных онуч были надеты олочи — калоши из сыромятной кожи.

Тигр находился по ту сторону костра. Из-под елового лапника, которым он был покрыт, как одеялом, виднелась лишь его голова в намордник. Он занимал в берлоге больше места, чем человек, а когда вытягивал затекшие лапы, то видно было, что зверь длиннее и мощнее охотника, хотя был он всего-навсего двухгодовалым тигренком. Но в таком возрасте тигренка-юношу уже не отличить от взрослого тигра, особенно от гибкой, изящной самки. И два года — крайний срок заботы тигрицы о

потомстве. Весной на второй год она прогоняет детей. Для нее снова наступает пора любви.

Вздохнув, Андрей протянул руку за поленом и бросил его в огонь. Обуглившиеся ветви обвалились. Искры взвились вверх.

Дремавший тигр поднял голову и широко раскрыл глаза. Усы его вздрогнули, пушистые подвижные губы поползли вверх, обнажив свечи клыков. Тигр зашипел, как кошка при встрече с псом.

— Лежи, дура! — хмуро проговорил Андрей.

Тигр мотнул головой. Ему мешал намордник, крепко завязанный на затылке.

Сбитое поленом пламя померкло. Под выворотнем стало сумрачно. Слабый свет пасмурного дня едва пробивался сквозь лапы елей, которыми был заставлен вход. Время от времени в щели залетали тонкие струйки мелкого снега.

Неожиданно стволы заскрипели особенно натужно. Послышался глухой треск и стонущий, хриплый удар.

Тигр втянул голову под еловый лапник. Глаза его вспыхнули сторожким огнем, и он запрядал ушами.

Приподнявшись на локте, Андрей, волоча ногу, подтянулся к лазу и посмотрел в щель.

Вершины вековых тополей, елей и кедров раскачивались, будто в мольбе о покое.

Запутавшийся в снежных сетях ветер словно становился видимым. Меж стволами метались клубы снега. Они, крутясь, взмывали ввысь, бессильно осыпались; вдруг у самых сугробов подхватывались вновь налетевшим порывом, дыбились витой колонной и уносились в чащу.

Посредине небольшой поляны лежала сбитая ветром пихта.

— Дерево повалило, — проговорил охотник, подбираясь к костру.

Он хотел лечь поудобнее, но неловко повернул ногу и застонал от боли.

Тигр приоткрыл один глаз, дернул усом.

Андрей погрозил ему кулаком:

— Надо дуре так тяпнуть!..

Приоткрыв второй глаз, тигр посмотрел на человека, тяжело вздохнул и зажмурился.

— Что, амба, подвело брюхо? Пурге конца не видать.

Тигр зевнул.

— Убить тебя надо! И придется... Вот подожду три дня... Может, утихнет пурга, найдут нас.

Пока человек ворчал, тигр, прищурившись, следил за ним. Потом они оба задремали.

В тайге завывал ветер, старательно выводя угрюмую мелодию своего древнего гимна, звучавшего над землей, еще когда не было ни зверей, ни лесов, ни самих гор и вихри свободно гуляли на диких просторах, и песнь их еще будет слышна бесконечно долго.

В берлоге под выворотнем потрескивали смолистые поленья сухостоя. Огонь крошил их в красные кубики углей, которые меркли и рассыпались пеплом.

Каждый раз, когда из костра вылетала с легким треском звездочка искры, амба пошевеливал ухом и глаз его чуть заметно приоткрывался.

Звуки, к которым привыкаешь, словно исчезают. И охотник воспринимал их, как тишину. Мысли его были далеко, и слышал он смех Аннушки...

Дума о маленькой веселой и смелой девушке не оставляла зверолова. Ее любовь Андрей считал незаслуженным даром, который он получил от жизни. И, как всякий влюбленный, он был глубоко убежден, что еще никто и никогда не получал столько ласки и нежности, не испытывал такого глубокого и полного счастья, как он. Андрей не мог представить себе Аннушку плачущей или грустной, хотя видел ее и такой. Может быть, и полюбил-то он ее за неизбывную веселость. И если теперь, оставшись в тайге один на один с тигром, отрезанный пургой от товарищей по охоте, без продуктов, с исковерканной тигром ногой, Андрей беспокоился и тяготился своей беспомощностью, то только и прежде всего потому, что знал, как тяжело переживает безвестность Аннушка.

Бригада тигроловов должна была вернуться две недели назад. И каждый день промедления усиливал тревогу тех, кто ожидал.

Аннушка ждала двоих: отца и жениха.

* *
*

После окончания Иркутского университета Андрей получил диплом охотоведа и был направлен в Хабаровский край. Он стал заведовать базой Зооцентра, распо-

ложенной в глубине тайги по течению Хора. Ему предстояло наладить отлов зверей.

Назначение Андрей Крутов принял с радостью. Это было куда интереснее, чем работа на пушной фактории или охотоведом в заповеднике. Конечно, перспектив для научной работы в заповеднике было больше, но Андрея тянуло на живое, интересное дело.

Охотники — а в дальнем таежном селении кто не баловался этим промыслом — встретили Крутова как своего. Он не имел прямого отношения к охотинспекции. На ловлю диких животных промысловики смотрели как на своеобразный спорт или своего рода побочное занятие, которое обещало быть дополнительной статьей дохода.

У многих по дворам бродили кабаны, выросшие вместе со свиньями, медвежата, с которыми до определенного времени играли ребятишки, всякое мелкое зверье, принесенное из тайги для забавы.

Подрядившись сначала за деньги, а потом уже просто ради удовольствия потрудиться в межсезонье, построили охотники подворье для зообазы, срубили жилую избу, просторную, светлую. И как-то само собой повелось, что стала изба Андрея то ли клубом, то ли гостиницей для всех прибывавших в селение охотников. Места в доме было много, а хозяин, по общему признанию, хлебосолен, а главное, холост.

Через месяц на подворье зообазы, огороженном крепким забором, бродили молодые изюбри, косули, кабарги. Из крепких клеток вдоль стен смотрели на них, сверкая глазами, рыси, росомахи, медвежата.

Почти каждую неделю приходила моторка, на которую грузили клетки с хищниками. Изюбрей и других копытных решено было отправить к железной дороге осенью.

Как ни был Андрей занят делами, а все ж заметил, что частенько на подворье приходит вместо зверолова Прокопьева его дочь Анна. Поначалу Андрей даже сердился — какие могут быть разговоры у охотника с девчонкой, — потом то ли привык, то ли уж в то время приглянулась она ему.

Под осень получил Андрей из Хабаровска письмо: краевое начальство упрекало охотоведа за невыполнение плана по отлову змей. Не было поймано ни одного дальневосточного полоза, ближайшего родственника удавов. А спрос на них в зоопарках и зверинцах велик.

Андрей сообщил, что никто из охотников не хочет ловить змей, сколько он их ни уговаривал. Ответ из крайцентра пришел незамедлительно. Охотоведу грозили выговором. Андрей и без этого понимал, что промашка в работе получилась крупная. Надо ловить и гадов, коль в них так нуждаются.

Как-то рассказал он о своей беде Анне. Забежала она к нему, как всегда, будто случайно, а проболтали до сумерек. Заодно она клетки помогла вычистить, покормить зверей.

Услышав про полозов, Анна пожала плечами:

— И кому такая погань нужна?

— Это они тебе не в диковинку, Анна Игнатьевна, а другие посмотрят — знать больше будут.

— О чем? О змеях?

— Нет, о природе, о жизни. Человек должен знать, чем его земля богата.

— Ну, узнают, а толку? Узнать — и все.

— Не совсем. Узнав что-либо, люди не всегда еще знают, что из этого следует.

Аннушке было приятно, что Андрей разговаривает с ней о серьезных вещах и всерьез. Поселковые парни, те просто ходили за ней на шаг позади, вздыхали, либо разговор вертелся около чужих домашних сплетен. А тут... Даже со старыми, опытными охотниками Андрей Петрович не разговаривал так, как с ней. Аннушка старательно пыталась понять, какая же главная мысль руководит Андреем во всей работе. Он же не просто охотник, он видит в тайге больше, чем промысловик. Те-то шли в тайгу, как на скотный двор или в птичник, как в кладовую, где никогда не оскудевает запас.

— Все знали,— продолжал Андрей,— выдра — хищник, она поедает рыбу. Ее уничтожали без пощады. Вдруг увидели: исчезла выдра — исчезла и рыба. В чем дело? Оказалось, выдра — санитар реки. Она уничтожала слабых и больных. По-своему заботилась об улучшении потомства. Не стало выдр — рыба начала вымирать.

Неделю спустя Аннушка пришла на базу поутру и сказала:

— Андрей Петрович, нашла я вам полозов. Знаете, на Матае барак старый, на

лесосеке. Километрах в десяти вверх по течению. Видела я их там.

И они поехали. Бат, длинная лодка, выдолбленная из великана тополя, хорошо слушалась шестов, особенно Аннушкиного. Она стояла посредине этой удэгейской пироги, широким мужским махом заносила шест и, навалившись на него, легко гнала лодку. Андрей едва поспевал за ней. Хотя и доводилось ему уже раз ходить на бате, но сноровки еще было мало.

В плывшей навстречу тайге стояла грустная осенняя тишина. Лишь быстрая вода курлыкала под обрывами, звенела галькой на перекатах. На правом, освещенном солнцем берегу застыли в безветрии багряные клены, бледно-желтые липы вперемежку с хмурыми, поросшими сизым мхом кедрами, елями; без устали трясли медными монистами осины. Другой берег был темен, и от него почти до середины реки легла глубокая тень.

К заброшенному бараку добрались после полудня. Подогнав лодку к берегу, Анна, не дожидаясь, пока Андрей вытащит бат, взяла мешок и пошла к полуобвалившемуся строению. Управившись с лодкой, Андрей поспешил к ней.

* *
*

Он увидел Анну в бурьяне, за бараком. У ее ног вился клубок змей, уже собравшихся на спячку. В клубке было не меньше полусотни полозов, больших и малых. Их тела, разрисованные по-тигриному, в ярких желтых и черных полосах, упруго выгибались. Стеклянные немигающие глаза смотрели отчужденно, будто ненавидяще. В ярости змеи раскрывали рты, извивались в руках Анны, пытаясь укусить ее. Но не успевали. Быстрым движением Анна совала очередного полоза в мешок.

Не раздумывая, Андрей подскочил к клубку и схватил полоза около головы. Холодное, будто мертвое тело упруго шевельнулось под пальцами, змея взметнула хвостом. Превозмогая отвращение, Андрей сунул полоза в мешок. В освободившейся ладони еще оставалось ощущение двигающегося холодного тела. Поймал второго полоза — тоже в мешок. Третьего — туда же.

Испуганные змеи начинали расползаться.

В мешке полозы бились с такой силой, что Андрей и Анна едва удерживали его. Один полоз взвился, выскочил из мешка и скрылся в траве.

Андрей зажал горловину мешка, в котором бились змеи. Их круглые тела четко обозначались под холстиной.

— Хватит, — сказал он.

Анна подняла было руку к лицу, чтобы вытереть пот, но задержала ее на полдороге и, брезгливо поморщившись, отвела в сторону.

— И противные же они!

Затягивая бечевкой мешок, Андрей оглянулся:

— Очень. До сих пор холод в ладонях.

Анна вдруг вздрогнула всем телом. Потом она очень долго и тщательно мыла руки в прозрачной речной воде.

Присев на борт лодки, Андрей закурил.

— Бедовая ты!

Выпрямившись, Анна повернулась к нему:

— Бедовая?.. Нет.

Ресницы ее дрогнули и опустились:

— Глупая...

И вдруг рассердилась:

— Глупая! Чего меня понесло за этой пакостью!

Бросив папиросу, Андрей поднялся, подошел к ней:

— Аннушка!

Она не обернулась и все смотрела на раскаленные зарей облака над черной тайгой.

Улыбка тронула уголки ее губ. Только уголки. Они чуть приметно дрожали, сдерживая готовую хлынуть радость.

— Догадался. Ученый ты человек...

Обернулась и поцеловала Андрея по-девичьи, сжатыми губами. Прижалась виском к его щеке.

Он почувствовал, как напряженно бьется у нее под кожей жилка.

— Не осуди, — прошептала она.

* *
*

С вечера третьего дня Андрей почувствовал жар. Глаза стали сухими, точно их засыпало песком, губы пересохли. Нудно заныла раненая нога.

Тайга по-прежнему стенала под ветром, и снег валил не переставая. Костер едва тлел. Андрей берег дрова: на всякий случай.

Тигр, не евший три дня, следил за каждым движением охотника. Он уже перестал бояться огня, привык к нему и даже сам поворачивался, чтобы погреть у костра то бок, то спину. И еще он стал очень раздражительным: шипел и скалил клыки при попытке приблизиться к нему. А охотнику приходилось каждое утро подползать к зверю, чтобы ослабить плетеные бинты, стягивавшие его. Недогляди Андрей, и тигр отморозил бы лапы, а кому нужен безногий амба? Потом несколько раз за день надо было посматривать, не слишком ли свободны бинты: остаться наедине с голодным и освободившимся тигром опасно. Андрей не успел бы и выстрелить, как попал бы на обед к своему полосатому пленнику.

Так они и лежали, время от времени подолгу смотря друг на друга. Амба научился выдерживать взгляд человека и глядел на него жадно. Изредка сквозь приоткрытые губы высовывался кончик языка.

Охотнику нравилось смотреть в желтые, с прорезями зрачков глаза зверя. Человек старался прочесть в их черной глубине, как тигр принял неволю: будет ли пытаться вырваться или веревки, связавшие его лапы и челюсти, убили в нем страсть к свободе. Ведь приди амбе в голову забиться в своих путах, пройтись колесом под тесным выворотнем, плохо пришлось бы человеку.

Сделает ли тигр еще попытку вырваться? И когда? И еще Андрей ждал прихода тигрицы. Напуганная выстрелами, она ушла в тайгу, бросив детей на произвол судьбы. Страх перед человеком оказался сильнее инстинкта материнства. Охотник видел, как она широкими махами шла по крутому боку сопки. Она не останавливалась и не оглядывалась. Но потом, когда стихло и ужас, подавивший в ней все врожденные стремления, прошел, она должна была вернуться. Чувство матери толкало ее назад, к распадку, где она оставила детей.

В полусне, ожидая неизбежного ее прихода, Андрей словно видел, как растерянно и осторожно идет она обратно. Иного ей не оставалось, и она будет беспощадной, если почувствует своего детеныша близко, рядом. И трудно сейчас было предрешить исход встречи.

Наблюдая за жизнью зверей, охотовед заметил, что, чем выше организация животного, тем чаще туманные зачатки разума побеждают слепоту инстинктов. Тем легче при встрече с человеком звери признают его силу и прекращают борьбу за свою свободу. У них нет воли, чтобы направить свои инстинкты, быть целеустремленными. И если их сравнивать с людьми, то они безвольны.

Вдруг Андрей почувствовал на своей щеке теплое дыхание, влажные мохнатые губы ткнулись в его лицо.

Охотник не услышал, как тигр подполз к нему.

Андрей отпрянул. Тигр ощерился, зашипел. И охотник увидел, что когда тигр подался, то его задние связанные лапы оказались у самого огня и бинты затлели.

Тогда Андрей ударил тигра кулаком меж глаз. Дернувшись, зверь вяло опустил голову. Он был оглушен.

Охотник оттащил пленника на прежнее место, по ту сторону костра, и накрыл лапчатыми ветвями ели. Потом приложил руку к груди тигра, боясь, что удар был слишком силен для зверя.

Сердце тигра билось напряженно и редко.

— Чего балуешься?.. Я вот тоже хочу есть, а тебя не трогаю.

Тигр продолжал лежать неподвижно. Охотник достал из костра чадящую веточку и, приподняв голову зверя, дал ему понюхать дым.

— Ты должен быть здоровым, амба. А что получил — по заслугам. Сам виноват. Разве можно так — исподтишка. Не по-товарищески.

Амба шумно вздохнул и открыл мутные глаза.

— Вот, теперь оба мы с тобой нездоровы. И не балуй. Чего было лезть ко мне в намордник? Не испортил бы мне ногу, оба с мясом были бы, сытые.

Андрей гладил тигра по загривку. Зверь лежал спокойно.

Неожиданно мягкие уши амбы запрядали. Он потянулся к выходу, весь подтянулся, напрягся.

Сквозь шум верхушек и посвист ветра Андрей услышал мягкое, вкрадчивое мяуканье тигрицы.

* *
*

На сговор Андрея и Анны в дом Прокопьева собрался чуть ли не весь поселок: родни и побратимов у него уйма. И была

еще одна причина для радости: в тот день шестеро охотников, в том числе и Андрей, подписали договор на отлов двух тигров. После двадцати лет запрета из края пришла лицензия — разрешение на поимку пары двухгодовалых тигрят. Андрей не мог упустить такой случай. Правда, он терпеливо ждал, пока Игнат Савельич, его будущий тесть, хаживавший на ловлю тигров и раньше, сам вспомнит о нем. Их будущее родство в этом опасном деле в счет не шло. Нужны были очень смелые и очень сильные люди, хорошо знающие зверя и обладающие недюжинным хладнокровием.

Через неделю после того, как Игнат Савельич дал свое согласие возглавить ловлю, бригада была укомплектована почти целиком — пять человек. Оставалось найти шестого. Савельич медлил, хотя желающих хватало. Живой тигр — зверь дорогой, и охотники, хаживавшие в одиночку на медведя, встречавшиеся с «хозяином» нос к носу, не прочь были рискнуть. Но Савельич, видимо, не хотел рисковать, а на стороне бригадира все права.

Когда Андрей потерял надежду на приглашение, в дом к нему явилась вся бригада.

Впереди — Савельич, кряжистый старик с окладистой бородой, уже тронутой инеем, но еще не потерявшей своего соломенного цвета. Его маленькие, очень светлые глаза прятались среди глубоких морщин; сорок с лишком зим ходил он в тайгу на зверя, и слепило его солнце, от прищура и морщины. За ним выступал такой же бородатый, только помоложе, — свояк Порфирий Дормидонтович, косая сажень в плечах; все рядом с ним казались щуплыми. Андрей уже знал, что будет делать Порфирий при ловле: держать тигра за уши.

За спинами бородачей стояли усатые, помоложе: Семен Гордых, Евсей Ангелов и Артемий Середкин.

— К вам мы, Андрей Петрович, — начал Прокопьев, — всей бригадой. Решили вас пригласить шестым. Вы ученый человек, да и силы не занимать.

Андрей ответил степенно:

— Спасибо, — но не смог сдержать ликующую улыбку.

Прокопьев солидно поблагодарил Андрея, и они торжественно приступили к оформлению договора. Потом шумной и веселой ватагой пошли в дом будущего тестя.

На сговоре выпито было много и веселились на славу: плясали, не жалея каблуков и половиц. Многие парни были задумчивы. В ухажерах у Аннушки недостатка не было, а им в тот вечер веселиться вроде бы и ни к чему.

Подвыпивший Игнат Савельич хлопал по плечам соседей и говорил:

— Нет такого зверя, чтоб не боялся человека. Все боятся, не трусят, а силу признают. Уважают человека. Сам на тебя ни один, даже медведь и тигр, не пойдет.

Какой-то парень рассмеялся:

— Как я-то прошлым летом...

— Что ты прошлым летом? Пальнул из дробовика, «хозяин» и пошел на тебя. Спасибо скажи, что у тебя в другом стволе жакан был. Иначе быть бы тебе в райских кущах. Зверь, — он хоть, ученые говорят, ума не имеет, но привычки у него самые благородные. Тебе бы, паря, поучиться. Без нужды в тайге никто ни на кого не нападает. У каждого зверя свой закон. По ним и живут. Да что животина — змеи и те признают человека. Их не трогай, и они не тронут. Гады вроде, а признают человека. Хозяин в тайге — человек, вот кто. Мы хозяева!

Поднялся из-за стола меднолицей громадой Порфирий Дормидонтович и рявкнул басом:

— За наше хозяйство! Чтоб не скудело оно и у молодых!

Гости встретили тост дружным криком.

Гуляли до утра.

Потом прошла неделя, вторая, а известий из тайги о замеченных тиграх не поступало. Все охотничьи колхозы и бригады были предупреждены о ловле. Они должны были сообщить о местопребывании тигрицы с тигрятами.

Только три дня спустя после того, как выпал снег, была получена телеграмма из удэгейского селения Гвасюги от охотника Семена Кимонко: «Верховьях Катена след тигра и двух тигрят».

Игнат Савельич хлопнул ладонью по телеграмме:

— Теперь дело за нами! Идем покупать орудия лова, Андрей.

Они пошли в аптеку. Там Прокопьев спросил самых широких бинтов и, к удивлению аптекаря, взял их целую сотню.

— Что случилось? — участливо спросил аптекарь.

— Тигров брать идем.

— Неужели столько ранений может быть?

— Нет, мы тигров бинтами повяжем.

— Бинтами?

— Не веревками же! Веревка, она как намокнет, так разбухнет и стянет лапы тигра. А тигра-то без валенок. Чуешь?

— А выдержат бинты-то? Тигр ведь...

— Мы сплетем их, как девки косу. Выдержат!

И довольный Игнат Савельевич вместе с Андреем вышли.

Выступать решили наутро: охотничьи сборы не хитры. Винтовки всегда наготове, а положить в котомку сухари, соль да спички, пшена немного — дело недолгое.

Вечером к Андрею пришла Анна. Она сама уложила котомку, осмотрела одежду: короткую куртку из шинельного сукна, такие же брюки, калоши из сыромятной кожи — олочи, портянки с онучами. Еще к охотничьему костюму полагался ватник вместо пиджака да теплое белье.

Прощаясь, Андрей обнял Анну:

— Вот вернемся с тиграми, такую свадьбу закатим!

— Ты о ней, как о подарке, говоришь. Не надо мне подарка такого. Сама навязалась. Ни о чем не прошу. Только нет мне свету без тебя!

— Аннушка, милая... — Андрею было немного неловко и приятно слушать ее.

Уголком платка вытерев набежавшую слезу, Анна прижалась к нему:

— Ты самый смелый, сильный, умный, самый красивый.

— Не беспокойся. Все хорошо будет.

— Стыд, гордость забыла. Зачем они мне? — ласкаясь, говорила она. — И боюсь я. Отец сказал: он тебя на переднюю левую лапу поставит. Поберегись... Надежда ты моя!

* *
*

Услышав вкрадчивое, осторожное и зовущее мяуканье тигрицы, Андрей замер. Они замерли оба — тигренок, узнавший голос матери, и человек, различивший в вое ветра тигриный рык.

— Вот она и пришла, — проговорил Андрей.

Он достал из кармана куртки запасной плетеный бинт, сделал петлю, примерил ее на шее тигренка и продел в веревку толстый сучок-ограничитель, чтобы тигренок, вздумай он бесноваться, не удушился. Конец веревки Андрей надежно привязал накоротко к толстому корню выворотня с расчетом, чтобы тигр в ярости не упал в костер, не опалил шерсть и не ожегся.

Тигренок не обратил внимания на действия человека. Он трепетал, слушая материнский зов.

Потом охотник подбросил дров в огонь. Сначала костер зачадил и почти потух. Однако жар углей быстро высушил обледеневшие ветви, и они вспыхнули. Пламя поднялось высоко. На самых верхних, тонких корешках выворотня забегали красные огоньки обуглившихся веточек.

Тигрица мяукала совсем близко.

Пленник стал тихо мурлыкать, бархатисто и утробно, как мог мурлыкать котенок величиной со взрослого дога. Он жмурился, терся мордой о мерзлую землю, вытягивал в порыве умиленья связанные лапы, и конец его длинного полосатого хвоста вздрагивал от нежности.

Андрей достал из котомки запасные обоймы. Их было две. И одна вставлена в магазин карабина. Сняв шапку, охотник положил в нее патроны, чтоб не намокли, и подполз к лапнику, закрывавшему вход в берлогу.

Глаза, привыкшие к яркому свету, сначала ничего не различали во мгле метельной ночи. Разгоряченное лицо обдала снежная пыль, холодная и колючая. Острое дыхание ночи ободрило Андрея: стало легче дышать, утих звон в ушах. Выдвинув вперед карабин, охотник прикрыл глаза, чтобы они скорее привыкли к темноте. Открыв их через несколько секунд, Андрей стал различать деревья. И увидел метрах в двадцати от себя, у корня кедра, темный силуэт.

Тигрица лежала на снегу, вытянувшись во весь двухметровый рост, и казалась черной. Глаза ее, обращенные к слабым проблескам огня, пробивавшимся сквозь занавес ветвей, сверкали малиновым огнем.

Андрей внимательно приглядывался к силуэту тигрицы, и ему показалось, что тень очень медленно движется к выворотню. Тогда он приник щекой к прикладу и, подняв ствол на четверть выше головы тигрицы, выстрелил раз, другой.

Огненные вспышки ослепили его. Перед глазами поплыли радужные круги. Несколько мгновений он ничего не видел. Потом в синем неверном свете снежной

ночи он снова различил черные стволы деревьев, ветви кустарника.

Тигрицы под кедром не было.

Андрей оглянулся.

Испугавшись выстрелов, тигренок забился в угол и хрипел в петле.

Ослабив веревку, охотник уложил пленника подальше от костра и стал ждать, что предпримет тигрица дальше.

Жар от волнения усилился и стал перемежаться ознобом. Собрав снега, Андрей лизал холодный комок сухим, шершавым языком.

Маленький амба очнулся и смотрел на человека безучастными глазами побежденного. Инстинкт сопротивления был сломлен, и зверь смирился со своей участью.

Андрею была очень неприятна тишина, стоявшая под выворотнем. Слабое потрескивание горящих сучьев не нарушало ее. Из тайги доносился слабый гул верхушек. Ветер стихал.

Чтобы успокоиться и ослабить напряжение тишины, Андрей заговорил с тигренком:

— Твоей матери не надо приходить, амба. Я могу застрелить ее. А мне совсем не хочется. Вас осталось так мало! Ее убийство бессмыслица. Все равно через полгода, когда пройдет экстаз материнства, она бросит тебя и забудет.

Андрей провел по горящему лбу комком полурастаявшего снега.

— Я охотник, амба, а ты зверь. Я мог убить тебя и есть твое мясо. Тогда я, может быть, останусь здоров. Но мертвый ты ничего не стоишь. Все мертвое жестоко бессмысленно: ветер, огонь или пуля. Хоть ее и сделал человек, но она слепа. Она может убить и тебя и меня. Я имею право убить тебя, чтобы жить, и ты имеешь такое право, и тигрица тоже. А вот холод и пуля — нет. Им все равно, и наша гибель бессмыслица. Но я не хочу убивать ни тебя, ни тигрицу. Только пусть она не приходит. Мы с тобой не враги, потому что оба хотим жить. Но пусть твоя мать не приходит. Я могу ее случайно убить. Она не может приказать холоду и ветру, а у меня есть слепое дуло и пуля, и я могу их заставить убить ее.

Тигренок дремал и беспокойно вздрагивал. Ему, наверное, снились люди, схватившие его лапы, лай собак. Он просыпался и покорно смотрел на человека, сидевшего по ту сторону костра. По его воле огонь разгорался, весело трещал, раскидывая искры: он тоже был покорным.

Вдруг тигренок снова встрепенулся.

Над самой головой, где-то у верхнего края выворотня, Андрей услышал тихое призывное урчание тигрицы. Она подползла по поваленному стволу и теперь лежала на дерне выворотня. Она прыгнула бы вниз, если бы не дым, разъедавший ей ноздри. Она боялась огня.

Андрей поднял карабин и осторожно просунул дуло между корнями выворотня и лапником, закрывавшим вход.

* *
*

Река вилась черной тропой среди белой земли, меж серых осин, коричневых кленов и лип, и только дубы еще не сбросили листвы и стояли рыжими великанами.

Охотники поднимались в верховья Катена на двух батах, по трое в каждом, и засветло проходили на шестах километров двадцать. Намахавшись за день, засыпали быстро, едва успев поужинать. Последними успокаивались собаки, ехавшие пассажирами. Истомившись от дневного безделья, они поднимали возню. Их было десять, обыкновенных низкорослых лаек, злых и звонкоголосых.

Только через неделю подошли тигроловы к охотничьей избушке, от которой им следовало сворачивать в сопки. Однако, как они ни спешили, здесь пришлось задержаться: надо было запастись мясом.

Той осенью в дубняке уродилось много желудей, и первый снег истоптали кабаны. Добыв свинью и подсвинка, охотники двинулись дальше.

Но — оттепель. И снег — таежная книга, в которую всякий зверь записывал свое пребывание, — растаял. Лишь на северных склонах крутобоких сопок остались кое-где белые пряди.

Десять дней прошли в бесплодных поисках: следов тигрицы не было.

— Чего шастать, остановимся табором. Пока снег не ляжет, тигрицы нам не найти, — сказал Прокопьев.

Так и сделали. Неподалеку от ключа поставили маленький сруб и стали ждать, пробавляясь охотой на кабанов. Каждый был рад привезти домой на зиму по туше. От вечерней зари и чуть ли не до полуночи пили чай, разговаривали о жизни и о тайге, слушали словоохотливого Савель-

ича, который рассказывал об одном — о тиграх.

По-стариковски неторопливый и потаежному мудрый, он говорил тихо, чуть нараспев, как сказку. Среди звероловов только сам Савельич да Дормидонтович помнили тигриную ловлю, а остальные знали о тигриных повадках понаслышке: редким зверем стал амба в предгорьях Сихотэ-Алиня, побили его еще лет сорок назад без пощады и смысла. И с тех пор, когда вышел запрет на убой тигров, мало кто из охотников встречал их след. Тигры ушли выше, в горы, где промышляют удэгейцы и нанайцы, потому что те угодья закреплены за их колхозами. Однако вот уже лет пять, как тигриные следы стали попадаться и в более доступных районах. Но никому из промысловиков не доводилось сталкиваться с амбой нос к носу. Как и всякий зверь, тигр избегал встречи с человеком.

Савельич говорил о тигре, как о животном полезном, миролюбивом, и в словах его чувствовалась нежность. Причем он употреблял слово «тигр» в женском роде — «тигра», вероятно потому, что по профессии тигролова ему больше приходилось сталкиваться с самками и их двухгодовалыми питомцами. Больше всего Савельича восхищал порядок, который «тигра» наводила в местах своего обиталища. Там, где поселилась она, нет волков и много зверей. Амба не распугивала животных, а волков давила без пощады. Впрочем, серый разбойник и сам старается убраться подобру-поздорову подальше от кошки-великана. О тех, кто обвинял «тигру» в кровожадности, Савельич говорил с презрением. По его мнению, нет зверя более рачительного к живому богатству тайги.

Подняв указательный палец, Савельич любил повторять:

— Она задавит кабана или изюбря и ходит к туше обедать, пока все не съест. И уж других не трогает.

Однажды ночью в избушку пришел старый нанаец Евлампий Бельды. Он был очень взволнован и попросил газеты на самокрутку.

— Где же твоя трубка? — спросил своего давнишнего знакомого Савельич.

— Амба подарил, — ответил Евлампий. — След его встретил, полдня ходу отсюда. Она и двое котят.

Охотники наперебой стали угощать Евлампия табаком, а он, печально мотая головой, продолжал сокрушаться. Он говорил, что десять лет не встречал здесь тигра. Последний раз видел священный след в год смерти отца. Тогда он набил табаком трубку, положил на след и ушел, не оглядываясь. Вскоре отца призвали к себе главные тигры, и он ушел к ним в подземное царство — буни. Его похоронили, по древнему обычаю, на дереве. Только долгое время спустя Евлампий понял, почему умер отец. Трубка, которую он положил в след, была отцова. А теперь он положил в след тигра свою трубку и должен скоро умереть.

Охотники серьезно выслушали жалобы Евлампия. Только Евсей Ангелов улыбнулся:

— Я видел много молодых охотников из рода Кялундзюга и Кимонко, которые клали свои трубки в след амбы, и все они остались живы.

Старик задумался, долго смотрел в угол избушки.

Потом сказал:

— Молодые поклоняются наукам. Они читают про них толстые книги, учат их законы в школах. Они рисуют мелом на черной доске, а в книгах нарисованы внутренности зверей и птиц. И молодые становятся хорошими охотниками и даже умеют заводить мотор и ездить на машине. Старые боги отказались от них и не властны над ними. А я остался верен богам моих предков, хотя давно-давно меня загоняли в реку и заставляли касаться пальцами лба, живота и плеч. Но тот бог был строг, все время грозил и требовал очень больших жертв. Я сказал, что не буду поклоняться ему. И не стал. Теперь я положил свою трубку в след амбы. Скоро я уйду в царство буни.

Старик не спал всю ночь. Утром, узнав, что охотники идут ловить тигрят, Евлампий загрустил еще больше. Прощаясь с ними, он попросил быть как можно вежливее с тигрицей.

— Амбе будет не до тебя, — сказал ему Ангелов.

* *
*

Звероловы шли до полудня. У Теплого ключа они увидели старые следы тигрицы с тигрятами.

Однако к вечеру пошел снег и прикрыл все следы, и еще неделю звероловам при-

шлось ходить по тайге кругами, прежде чем они пересекли свежий след.

Они разбили табор и решили отдохнуть перед завтрашним трудным днем.

Собак посадили на сворки и не кормили.

Перед сном Савельич напомнил каждому его обязанности при ловле. Дормидонтыч должен был держать тигра за уши, Савельич брал на себя правую переднюю лапу, Андрею предстояло вязать левую и помогать Савельичу надевать намордник. Ангелов и Середкин должны были спутать задние лапы тигра. Семену Гордых поручили бежать за тигрицей и отгонять ее от места лова стрельбой.

— Только скопом, все вместе, — подняв указательный палец, строго говорил Савельич. — Растеряется кто, всем плохо будет. Держитесь около меня и разом, по команде, — на тигру. Без приказа — ни-ни. Двухгодовалого котенка от тигрицы трудно отличить. Теперь смотрите, как с вязкой управляться.

Прокопьев взял сплетенный втрое широкий бинт, ловким движением прижал коленом руку Дормидонтовича, захлестнул ее петлей, переплел концы и скрепил узлом. Свояк и охнуть не успел.

— Смотрите, братцы, низко лапу не захватывайте, — продолжал Савельич под смех охотников и смущенного Дормидонтовича. — Захватите лапу низко, тигра когтями поранить может, — и добавил: — Смех смехом, а с тигрой так быстро не сладишь, однако.

Каждый зверолов попробовал сам управиться с вязкой на руке соседа. Поднялась возня. Теперь настала очередь Савельича смеяться над непроворными: их связывали.

Спать легли рано и встали затемно.

Савельич повесил над костром большой котел для чая и набросал туда ягод лимонника. Когда вода закипела, то даже сквозь дым костра почувствовался тонкий горьковатый аромат лимона.

Обернувшись к Андрею, Савельич сказал:

— Не пробовал ты, однако, такого чайку. Великой мощи растение: выпьешь кружку такой заварки — хоть весь день бегай. Этот лимонник, говорят, даже в медицине употребляют. Для укрепления сил.

Отвар напоминал Андрею зеленый чай, которым его угощал однокурсник-казах. Потом плотно поели, снова попили чаю.

Рассвело. Отгорела неяркая заря. Родилось румяное солнце. Его свет сквозил меж безлистых крон и падал на свежий снег. По нему протянулись янтарные полосы. Они отливали самоцветами. А тени были нежно-голубыми.

Пахло осенней пустынной чистотой.

— Пошли! — выдохнул Савельич.

Держа собак на сворках, охотники двинулись в путь и через полчаса уже напали на след.

Ускорили шаги.

Собаки рвались, вставали на задние лапы, хрипели.

С вершины сопки заметили вдали над пихтачом ворон. Они вились кру́гом, опускались, взлетали.

— Там тигры, — сказал Савельич. — Пошли.

На поляне, над которой колесили вороны, наткнулись на тушу кабана, задавленного тигрицей.

Савельич осмотрел следы, тушу:

— Завтракать помешали. Быстрей бежать надо.

Скоро по следам стало видно — звери перешли на галоп. Мать шла широкими махами, а за ней по обе стороны — тигрята.

— Отпускай собак! — крикнул Савельич.

Лайки темными клубками покатились по снегу, подбадривая друг друга заливистым лаем.

С этого момента Андрей перестал замечать, что делается вокруг него, и в то же время нервы его обостренно воспринимали все происходящее.

Звероловы плотной кучей помчались вверх по склону, за собаками, лай которых стал слышен отчетливее.

— Посадили! Быстрее! — повернув раскрасневшееся, в крупных каплях пота лицо, прохрипел Савельич.

Звероловы ускорили бег. Андрей чувствовал, что сердце колотится у горла, мешая двигаться.

Собаки лаяли где-то рядом, за стеной густого пихтача.

Неожиданно следы тройки тигров разделились. Двое уходили вверх по сопке, а один свернул в сторону.

— Семен! Отгоняй дальше тигрицу! — приказал Савельич. — Карабины брось!

Но свой карабин Савельич не оставил.

Гордых кинулся вверх по склону, стреляя вверх.

— Куртки долой! Вязки за пояс! Держитесь кучей!

Сбросив куртки, котомки, приготовили вязки. Звероловы стали плечом к плечу около Савельича. Он не кинул куртку, а, скомкав, держал в руках. Старик оглянулся через плечо, скользнул прищуренным глазом по лицам:

— Скопом! Слушай команду! Идем!

Двинулись осторожно, затаив дыхание.

Сквозь визгливый лай послышался рык и шипение. Андрей почему-то удивился, услышав кошачье шипение тигра.

Еще шаг, еще...

Собаки стояли полукругом у кедра. Там, прижавшись к стволу, стоял тигр. Он был огромен — в полчеловека. Шерсть на загривке и щеках вздыбилась; зеленые глаза округлились; верхняя губа, вздрагивая, кривилась, обнажая желтые клыки.

Взглянув на людей, тигр вздрогнул, мотнул языком по носу, припал к земле. Одна собака рванулась к нему. Неуловимым взмахом лапы тигр отбросил ее. Она упала метрах в пяти с распоротым боком.

Тигр не смотрел на собак. Он глядел в глаза людям немигающим взглядом, остановившимся от бешенства и ужаса.

Савельич шел к тигру чуть боком, примериваясь, и все пошли боком.

Пять шагов до тигра...

И тогда шерсть на бедрах тигра дрогнула. Он будто проверял опору для прыжка.

Савельич кинул в него свою куртку:

— Давай!

Тигр вцепился в куртку зубами и лапами на лету. Ткнул пахнущую пóтом одежду в снег, словно что-то живое.

Дормидонтович, одним прыжком очутившись на звере, схватил тигра за уши. И в тот же миг Андрей придавил коленом лапу амбы. Она была такая толстая, как его нога, и дрожала от напряжения, и мышцы судорожно двигались под шерстью. Выхватив из-за пояса вязку, Андрей продел петлю под лапу, просунул в петлю концы, рывком затянул. Прихватил еще раз. Покосил глазом в сторону Савельича. И увидел около своей щеки черные влажные губы амбы, желтый клык, торчащий из розовой десны, дрожащий язык, услышал хрип и клекот в горле тигра, а дальше лицо Прокопьева, его глаза, прищуренные, стальные.

* * *

Просунув дуло карабина в щель меж лапником, прикрывавшим вход, Андрей присмотрелся, не маячит ли над ним тень тигрицы. Он все-таки не хотел убивать ее. Но небо было темное, и слепил свет костра.

Обернувшись к взволнованному тигренку, охотник сказал:

— Ну, амба, молись, чтоб твоя мать была в полуметре от карабина, — и нажал крючок.

Одновременно с выстрелом что-то проворное и тяжелое рухнуло перед выворотнем, дико зарычав. Не раздумывая, Андрей проткнул дулом хилую занавеску лапника и еще дважды выстрелил наугад.

Взревев, тигрица бросилась прочь. Ее голос постепенно удалялся и затих.

— Везучая! Жива. Даже не ранена.

Выстрелы под сводом выворотня оглушили Андрея. Он сунул палец в ухо и потряс им. Стало легче.

Тигренок снова забился в глубь норы, не шипел, только таращил глаза.

— Вот, амба, с твоей мамой я договорился. Она больше не придет. Одни мы с тобой. А против нас ветер, холод, голод. Если бы не они! Тогда бы мы с тобой были уже дома. В настоящем тепле. И с едой. Тебя бы Аннушка кормила кониной. Очень вкусное мясо, красное, аппетитное. Ты бы остался доволен, амба. И я поел бы даже сырого мяса. Хоть бы пробежал кто мимо! Да видишь, ветер, снег — все живое попряталось. О матери ты не грусти.

Андрей отложил карабин и протянул руки к костру. Огонь усердно трудился над сучьями. Они раскалялись докрасна и, отдав тепло, меркли под серым пеплом.

— Она потоскует неделю — и конец. Только человек помнит все, даже то, чего он никогда не видел.

Тигр не мигая смотрел на огонь. В его блестящих глазах отражались языки пламени. Изредка веки его смежались. Но даже легкий треск искры будил зверя. И тогда Андрей видел, как темная глубина его зрачков сужалась в черные поперечные щели.

Андрей прислонился головой к торчащим корням выворотня и даже не почувствовал, как впились они в кожу. Нервное напряжение, поднятое приходом тигрицы,

теперь спало, и внутренний жар, огонь болезни, расслабил Андрея. Ему не хотелось двигаться, хотя раненая нога ныла нестерпимо. И, желая пересилить истому болезни, он продолжал говорить, говорить и не отрываясь глядел на огонь сухими, воспаленными глазами.

— Ты плохой собеседник, амба. Ты ничего не помнишь. А то какую бы интересную историю ты рассказал мне! Что ты почувствовал, когда Дормидонтович схватил тебя за уши? Ты очень хотел жить, амба, и отчаянно сопротивлялся. Я видел, как в пальцах Дормидонтовича стали скользить твои уши. Я бы не понял происходящего, коли б не увидел через твою разинутую пасть глаза Савельича. Он даже крикнуть боялся. Только мы оказались проворнее: быстро связали твои лапы, накинули намордник, стянули твои челюсти. Успели. Иначе плохо бы нам всем пришлось. В тебе же нет ни добра, ни зла, только жажда жизни. И ты бы не оставил нас в живых. Но мы с Савельичем успели завязать концы намордника у тебя на затылке и отскочили. А ты продолжал бороться: пошел колесом по снегу. Ты пытался освободить связанные лапы, пока у тебя хватало сил. Но веревки неживые, а у тебя недостало мощи их порвать. Как у нас сейчас недостает силы утихомирить ветер и снег. Как человек не может остановить вылетевшую из дула пулю. Ты лежал, обессиленный борьбой, на снегу, и я видел, как на груди у тебя вздрагивают от ударов сердца ребра и кожа. Ты был потный, мог простудиться, и тебя положили на лапник. Ты лежал смирно. Только хвост метался.

А потом все побежали за твоим братом или сестрой. Мы остались одни. Я ушел в тайгу за дровами для костра, а когда вернулся, тебя не было. Тебе, амба, плохо связали задние лапы, и к тебе возвратились силы. Ты прыгал по снегу, словно кенгуру. Когда я вернулся, ты был далеко. Я побежал за тобой. Бежал три часа. Настиг. Но я был один, а у тебя оказались развязанными задние лапы. Ты почувствовал погоню и забился под этот выворотень. Ты так спешил убежать, что даже не пытался сбросить намордник и разорвать путы на передних лапах. Это и спасло меня. Я сделал петлю и поймал твои задние лапы и снова скрутил их. А ты разорвал мне ногу. И потом я совершил ошибку: остался здесь с тобой до утра. Я очень устал, и у меня не было сил. Ночью поднялся ветер. Мы оказались в западне. Завтра будет пять суток, и все пуржит. Что мы будем делать, амба?

* *
*

Дормидонтович проснулся первым. В избе было темно. За стенами глухо шумел ветер. Сунув ноги в олочи, почесывая лохматую грудь, он пошел к двери, приоткрыл ее.

Прозрачная струя снега ударила по ногам.

Дормидонтович, прищурившись, посмотрел на небо, захлопнул дверь и высморкался с трубным звуком.

На лавке вздохнул Савельич:

— Пуржит?

— Еще дня два будет. Наши ребята уж свезли тигру на станцию и, верно, хлопнули за наше здоровье. А могли бы и двух отправить.

Савельич, кряхтя, сел на лавке:

— Ангелов спирт с шампанским пьет. Забористо, говорит. — Потянувшись с хрустом, Дормидонтович крякнул.

— Приспичило? — спросил Савельич и добавил: — Возьми в котомке.

— Потерплю до дому. В тайге какое питье? С похмелья и полкилометра не пробежишь, дух перехватит.

— И я про то.

— Черт побери Ангелова! Его надо было заставить здесь сидеть. Как он опростоволосился? Уж лучше бы перетянул вязку на лапе, чем так.

Савельич прошелся пятерней по бороде.

— Кто же знал? Всякий думает, как лучше.

Гремя сухими поленьями у печурки, Дормидонтович ворчал:

— Лишь бы ничего с Андреем не случилось.

— Однако, не новичок. Сызмальства в тайге. Оттого и в охотоведы пошел. Отец-то его на все Забайкалье гремел: и охотился и золотишко мыл.

Чиркнув спичку, Дормидонтович поджег растопку и усмехнулся:

— Аттестовал! Не такие пропадали. Молод — горяч, стало быть.

— Не задрала же его тигра? Карабин, чай, с ним.

— И то верно. Сидит, однако, Андрей где-нибудь под выворотнем и ест тигрятину. Не помирать же ему с голоду, когда мясо рядом.

Старики помолчали.

Трещал кедрач в печи. Тоскливо скулил закипавший чайник. Возились за стеной собаки — требовали еды.

В маленькой, с низким потолком подслеповатой избушке двое бородачей казались великанами. Это впечатление усиливали блуждающие оранжевые блики огня, освещавшие то лицо, то руки, то всю фигуру охотника сразу, и тогда черная тень захватывала пол-избы.

— Да, неудачная ловля. Одна шкура останется. Ноги об нее вытирать.

— Грех жаловаться, Савельич. Одну поймали, — почитай, за месяц по тысяче заработали.

— Так ведь в руках тигра была! С Ангеловым шабаш, не возьму в бригаду.

— Только бы Андрей не пропал. Хороший парень. Жалко.

Савельич с сердцем хлопнул себя ладонью по колену:

— Да что с ним будет? Тигрятиной питается, погоду пережидает. Нешто либо ты, либо я по-другому сделали? Не подфартило. Пошел ловить — пришлось убить. И всего. На наш век тайги хватит.

Строгая в чайник веточку лимонника, Дормидонтович пожал плечами:

— А коль он сам на обед тигру попал? Мать могла вернуться.

— И ее пристрелил. Не браконьерство. Никакой законник не подкопается: защищался человек. Зверь-то ведь без понятия: нюхом живет. Пахнет дитём — отдай. А там от дитя одно мясо осталось. — И, помолчав, добавил: — Встретит нас с тобой Андрей жареной тигрятиной. Морду бы Ангелову набить надо. Не догадался.

— Человек, брат, тоже промашки дает. А не будь Ангелова, разодрал бы тебе второй тигренок грудь. Как бы шаркнул лапой, так бы ребра и полетели.

Дормидонтович хмуро посмотрел на Савельича, почесал бороду и вздохнул. Потом снял с печки чайник.

Савельич поднялся:

— Пусть настоится покрепче. Собак пойду покормлю, — и у двери остановился. — Да, сидит Андрей верстах в десяти и тигрятиной питается. Ты пробовал тигрятину, Дормидонтович?

— Нет.

* *
*

Пурга стихала нехотя, будто запыхавшись от усталости. Все реже и реже натужно ныли верхушки деревьев, лениво клубились рваные облака, сквозь которые просвечивали белесые звезды.

Крепчал мороз.

Чем тише становилось в тайге, тем больше беспокойство охватывало Андрея: как быть дальше? Ослабевший от болезни и голода человек старался найти единственно правильный выход, который не только позволил бы ему освободиться от таежного плена, но и был бы его победой.

Тигренок тоже ослаб, лежал неподвижно в дальнем углу норы и дремал. Его уже не раздражали прикосновения человека, который, как обычно, подполз к нему утром, ощупал лапы, ослабил плетеные веревки.

— Целы лапы, не отморозил.

Амба лениво потянулся, открыл равнодушные глаза.

— Сдаешь? Маленький ты. Потерпи, сегодня день и одну ночь потерпи. Потом твои мучения кончатся. И мне ведь не сладко.

Андрей машинально почесывал тигренка за ухом, словно большую кошку, и говорил сам с собой, обращаясь к зверю.

— Утихла пурга. Солнце по тайге гуляет. И нога будто успокоилась. Ходить попробую. Только вот сил нет. Не смогу тебя тащить. Пожалуй, и на волокуше не дотяну. Изголодались мы с тобой! Оставить тебя и поохотиться? Это день, а то и два с моими ногами да силами. Замерзнешь ты. Ослаб очень. И с огнем оставить тебя никак нельзя. Сидеть-то спокойно ты не станешь, опалишься, обгоришь, а то и уйдешь.

Амба лежал с закрытыми глазами.

Андрей вздохнул, потом пополз к выходу, захватив карабин. Он вылез из-под выворотня и зажмурился.

Рыжее восходящее солнце слепило. Иней, опушивший кедры, подлесок и дальние, раздетые ветром дубы, сверкал и переливался радугой. Все было белым, мертвым, все застыло.

Стужа жгла кожу, перехватывала дыхание.

Метрах в двадцати, в чаще ерника — тонких березок, — Андрей увидел красные ягоды лимонника. Пошел к ним. Ему показалось, что нога болит совсем не так сильно, как он думал, и это его обрадовало. Нарвав ягод и наломав веток, охотник вернулся под выворотень, приготовил крепкий напиток. Он получился очень горький, и, выпив его, Андрей почувствовал прилив сил.

— Теперь, амба, не пугайся. Я буду стрелять. У нас осталось двенадцать патронов. Восемь я потрачу. По выстрелу в час. Будем слушать, не ответят ли нам. Если ответят, ты остаешься в плену. Если нет, я отпущу тебя. Ведь твоя мать бродит где-нибудь поблизости. Она не могла уйти далеко. Она еще помнит о тебе и накормит тебя.

Андрей вылез из-под выворотня, поднял карабин в одной руке и нажал спусковой крючок. Выстрел прозвучал ударом бича. С ближних ветвей посыпался иней и долго висел в воздухе искрящимися прядями.

Эхо запрыгало от сопки к сопке, рассыпалось, и, убегая, удар выстрела звучал все выше, пока где-то далеко не вскрикнул тонко, отчаянно.

Тишина зазвенела в ушах Андрея. И чем дольше он вслушивался, тем гуще и отчетливее становился этот звон, который не нарушал ни один звук.

Только когда Андрей уже продрог и собирался забраться под выворотень, ухнуло с пушечным гулом дерево от мороза, словно лихо крякнул замерзший богатырь, вздрогнув всем телом.

Звон в ушах стих, но окрест по-прежнему стояла дремучая тишина.

Вернувшись к своему пленнику, охотник снова принялся пить чай, который хоть немного утолял чувство голода, но, главное, согревал. А согревшись, было приятно поговорить с немым собеседником, чтобы скоротать время до следующего выстрела.

— Ты, амба, достоин помилования. Ведь человек до сих пор только по недоразумению считает тебя соперником. Он давно сильнее тебя. Но, пока ты был соперником, тебя убивали без пощады и твоя шкура была символом победы и силы. А теперь? Теперь тот же человек должен беречь тебя. Ты украшение тайги и истребитель волков. А может быть, через сто лет человек не будет убивать и их. И на их страже станет закон, как теперь он охраняет тебя. Просто человек хочет помнить свое прошлое, и, может быть, в музее рядом с чучелом вымерших тигров он поставит твоего современника — бомбу. Но я бы хотел, чтобы твои потомки пережили ее. У живого есть огромное преимущество — в чередовании рода жить дольше, чем камни. Они рассыпаются раньше.

Время шло незаметно, как мысль. Андрей выходил в тайгу, ждал ответа, возвращался, пил чай и разговаривал с тигром. Близился вечер.

В сумерках высоко над тайгой пролетел самолет.

Андрей вышел из-под выворотня.

Заря уже погасла, но там, в вышине, видимо, еще светило солнце. На лиловом небе меж мерцающих звезд двигалась яркая розовая точка. Потом на синем востоке она стала серебристой и растаяла. И тогда где-то меж сопок послышался рев тигрицы.

Андрей заглянул под выворотень. Тигренок поднял голову, словно ожил.

— Ты слышишь, тебя зовет мать, — сказал Андрей, залезая под выворотень.

Тигр встретил его шипением.

— А я, амба, только что хотел спросить, сможешь ли ты идти. Теперь вижу: сможешь. Не шипи, я отпущу тебя.

И Андрей откинул от входа лапник. Потом он взял тигренка за задние лапы и выволок на снег. Андрей чувствовал под руками, как дрожат мускулы зверя, ощутившего запахи тайги.

Оставив тигренка, он снова заложил вход под выворотень лапником, срезал длинную палку и привязал к ней нож.

Неожиданно тигренок дернулся раз, другой.

— Не спеши, амба. Ты будешь жить. Охотник дает тебе свободу. Ты имеешь право быть помилованным. Человек считает, что ты должен жить, значит, так и будет. И за тобой пришла мать. А я пойду навстречу людям. Они живут дальше, чем она, и даже не знают, жив ли я.

Взяв в правую руку карабин, а в левую палку с привязанным ножом, Андрей осторожно, чтобы не раздражать зверя, подрезал веревку, стягивавшую задние лапы амбы, потом подрезал веревку, что связы-

вала передние. Лапы тигра теперь сдерживали только тонкие лоскутки, но, привыкнув к неволе, он даже не пытался проверить крепость пут.

Андрей выстрелил.

Тигренок неуклюже дернул лапами. Подрезанные веревки лопнули. Амба неуверенно пошевелил ими, резко вскочил, кувыркнулся через голову в снег. Высоко, что было силы, подпрыгнул, лег, поджав лапы, готовые к прыжку, и уставился на человека злыми, невероятно широко открытыми глазами.

* *
*

Презрительно шмыгнув носом, Дормидонтович выпалил:

— Сопляк!

Отвернувшись, он стал рассматривать однообразный пейзаж. Путаница стволов, укутанных в иней и запорошенных снегом, сливалась в серую стену.

Савельич ничего не ответил на реплику свояка. Все происшедшее было для него, как и для Дормидонтовича, неожиданностью и, кроме всего, настолько выходящим из ряда обычных представлений, что он никак не мог определить своего отношения к Андрею. Он не мог, подобно свояку, так сразу и резко осудить охотоведа, не уяснив мотивов его поступка, не разобравшись в этом сложном деле, хотя спервоначалу и согласился с Дормидонтовичем.

Однако в глубине души он не только оправдывал Андрея, но и восхищался им. И именно это оправдание и восхищение Савельич и не мог объяснить для себя, понять, почему оно существует, если, по всей видимости, резкость свояка закономерна для охотника.

Когда стихла пурга, они с Дормидонтовичем отправились на поиски Андрея. Они шли два дня, стреляя через час дуплетом в надежде, что пропавший охотовед услышит их. Двигались они по направлению следов, которые приметили еще тогда, вернувшись к месту поимки первого тигренка. Пойти по следам беглеца амбы и Андрея им помешала неожиданно разыгравшаяся непогода. Звероловам пришлось вернуться на табор, чтобы спасти жизнь второго тигренка, которого они поймали, да и отправляться на поиски Андрея во время пурги было бессмыслицей, ничем не оправданным риском. Тем более, они знали, что охотовед не новичок в тайге, сумеет укрыться и раз он преследовал тигренка, взяв с собой карабин, то в любом случае погоня закончится благополучно: Андрей либо убьет тигра, если не сладит с ним, либо сладит и, оставшись один на один, пристрелит пленника, чтобы не оставаться голодным. Иного исхода никто из охотников не представлял себе. Не могло же случиться так, что, начав преследование полусвязанного, обезумевшего от страха зверя, который дальше чем на десяток километров и убежать не был способен, охотник не догонит его или что охотник, отлично владеющий карабином, вдруг настолько опростоволосится, что попадет в лапы зверя. Конечно, всех вариантов несчастья, которое может произойти в тайге, никто предвидеть не способен, однако случившееся настолько выходило из ряда вон, что, выслушав Андрея, Дормидонтович долго и непристойно ругался и не успокоился ни через день, ни через неделю, а при воспоминании неизменно произносил одно полюбившееся ему определение:

— Сопляк!

Савельич молчал. Он молча выслушал Андрея еще в тайге. Тогда после двух суток поисков они услышали выстрел и бросились на звук. Пробежав километра три, они кубарем, не отставая от лаек, спустились в распадок. Они спешили потому, что, услышав выстрел, ответили несколькими дуплетами, потом палили на бегу, но Андрей молчал. Они увидели его сидящим на снегу около убитой косули. Она была еще теплая. От бедра, из которого Андрей вырезал кусок мяса, шел пар. Сам он, захлебываясь кровью, ел сырое мясо. Когда они подошли, Андрей вытер тыльной стороной руки обросшее лицо, на котором замерзли капельки крови, и спокойно сказал:

— Я слышал, как вы стреляли, да у меня патронов не осталось. Последний на косулю истратил.

— А тигра? — спросил Дормидонтович.

— Позавчера отпустил. На племя оставил.

Дормидонтович плюнул:

— Струсил!

— Ногу он мне разодрал, когда связывал. Сильно. Нести его не мог. Просидели голодными неделю. Убивать зачем же?

— Сопляк! — выпалил Дормидонтович. — Шкуру продать, а за мясо, что не

сожрал, большие деньги ученые в Хабаровске дали бы. А то жалость обуяла. Всех бы жалел! Чего ж косулю пристрелил?

— Одного зверя человек еще может убить, а другого уже не имеет права. Перед всей землей он за них в ответе, за каждую белку, за каждого птенца.

Савельич усмехнулся и, вынув из-за пояса топор, пошел рубить дрова для костра. Очевидно, в его отсутствие миролюбиво настроенный Андрей окончательно поссорился с ершистым Дормидонтовичем. Андрей сидел насупившись, а хмурый Дормидонтович свежевал косулю и ворчал:

— Беззащитную да безобидную животную можно убивать, выходит, а лютую тигру — нет?

Андрей сидел, облокотившись о колени, и молчал.

Савельич разжег костер. В ярком свете солнечного дня пламя было почти невидимо, только курился высоко над сучьями сизый дым, поднимался столбом и распластывался над вершинами.

— Покажи-ка ногу, — сказал Савельич.

Андрей размотал рубашку, которой была обернута раненая нога.

— Однако, как же ты шел?

— Вот так.

Дормидонтович глянул на ногу Андрея через плечо Савельича, потом полез в котомку, достал бинт:

— Этак на одной можно остаться.

Андрей благодарно кивнул ему:

— Подживет.

— Спирт достань, свояк. Первое дело — спирт. Видишь, куда огонь пошел.

Промыв спиртом рану, Савельич передал бутылку свояку. Тот, прикинув глазом, что там осталось добрая половина, залпом осушил бутылку, понюхал обшлаг суконной куртки:

— Коль тигров на волю отпускают, то это совсем не грех. Ты, Андрюха, подумал, что зверь-то всем нам принадлежал, не один ты хозяин? А? Подумал? Свадьбу-то играть на что станешь? Али втихую его дочку к себе перетянешь? У нас такого обычая нет. У нас с этим делом строго.

Андрей и Савельич молчали.

— Во второй тигре твоей доли нету, — отрезал Дормидонтович.

— Коли хочет за меня, подождет, — не стерпел Андрей.

Разрывая бинт, чтобы закрепить повязку, Савельич с сердцем сказал:

— Круто берешь, парень.

— Каков есть, Игнат Савельич.

Поднявшись, Прокопьев сказал, обращаясь к свояку:

— Нарты связать надо. Не сможет он идти.

— Дойду.

— Ты, парень, не ершись. Постарше тебя, знаем, — проговорил Савельич. — Сказано — на нартах. Нарежем ремней из шкуры косули и свяжем нарты.

Так и сделали.

Доставив Андрея в райцентр в больницу, охотники договорились с ним об отлове восьми кабаньих подсвинков и ко времени, когда он выздоровел, были уже дома. Ловля прошла удачно.

Пасмурным утром, когда Андрей вернулся в поселок, Савельич ненароком видел в окно, как Аннушка разговаривала с Андреем, и догадался, о чем шла речь. И, хотя он не обмолвился с дочерью ни единым словом о своем отношении к поступку Андрея, он знал, что среди охотников в поселке ходят про охотоведа нелестные слухи. Но Савельич отмахивался. И теперь, глядя на ссутулившуюся спину ковылявшего к своему дому Андрея, Прокопьев понял, что настал его срок сказать свое слово.

И, когда Анна пришла в дом, Савельич хлопнул ладонью по столу:

— Не твое дело путаться в мужские дела.

И, сказав это, подумал, что начал совсем не с того, с чего надо. Анна покосилась на отца заплаканными глазами и, резко скинув с плеч полушубок, ответила:

— А ты не лезь в бабьи! — И вдруг, опустившись на лавку, заплакала снова. — Сами затравили меня. Как мне жить-то с ним после таких насмешек? Разве можно мне с ним... Эх, люди!

— Кому ты такая нужна? — сказал Савельич и опять подумал, что не то говорит, не о том.

Анна вскинула на отца заплаканное лицо, по-детски вытерла пальцами слезы:

— Ему тигра дороже меня. Он любовь мою по ветру пустил. А ты все молчишь, молчишь. Смеются над ним, а ты молчишь. И ты с ними!

И вдруг, поднявшись с лавки, Анна подошла к отцу и сказала шепотом:

— А я не могу без него. Все равно уйду.

— Иди, я не против. Только ведь стыдно, когда курицу яйца учить начинают. Не к чему, однако, тигру-то было убивать. Отпустить-то — это вернее. Потому как гибнет краса тайги. Зол еще больно, жесток человек, надо не надо, тянет из тайги. А он по-хозяйски. И смеялись-то над ним потому, что самим горько было. Обидела-то ты его крепко.

Аннушка кивнула.

— Ну и поди, скажи: мол, сдуру, понапрасну.

Анна выпрямилась:

— Еще чего? Сам пусть опять придет. Коль любит, придет. А не придет — сама пойду. Через неделю.

— Крýто гнешь, Анна.

— Мне с ним жить, не тебе.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Казанцев. Внуки Марса. *Рисунки Г. Макарова* . . . 3
Г. Голубев. По следам ветра. *Рисунки Е. Мешкова* . . . 81
Е. Рысс. Остров Колдун. *Рисунки М. Хабленко* 131
О. Бердник. Пути титанов. *Рисунок О. Коровина* 205
С. Гансовский. Хозяин бухты. *Рисунок И. Прагера* . . . 253
А. Кулешов. Сплетенные кольца. *Рисунок Л. Дурасова* . . 264
Ю. Давыдов. Забытые путешественники. *Рисунок Ю. Ракутина* 285
Н. Коротеев. По ту сторону костра. *Рисунок Л. Дурасова* 301

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43,
Дом детской книги.

Для среднего и старшего возраста

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

АЛЬМАНАХ

Ответственный редактор *А. Н. Стругацкий.*
Художественный редактор *Л. Бирюков*
Технический редактор *Т. В. Перцева*
Корректоры *В. П. Кучерова* и *А. Б. Стрельник*

* * *

Сдано в набор 31/VII 1961 г. Подписано к печати 16/I 1962 г. Формат 84×108$^{1}/_{16}$ — 20 печ. л. = 33,6 усл. печ. л. (32,33 уч.-изд. л.). Тираж 215 000 экз. А-04019. Цена 1 р. 22 к.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

* * *

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.